

**СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**РОССИЯ В НОВОМ ВЕКЕ:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ**

Сборник материалов
заседаний Экспертного совета
Комитета Совета Федерации
по международным делам

2002 год

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

Под редакцией
А.А. Коробейникова

Составители:
С.В. Картунов, В.М. Соловьев

От составителей

"Говорят, Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредоточивается" — это высказывание А.М. Горчакова, министра иностранных дел России XIX века, приобрело в последние годы новое звучание. Без осознания собственной национальной сущности не представляется возможным с успехом проводить не только внешнеполитический курс, ориентированный на интересы страны, но и, что особенно важно, реформировать общество.

Такая постановка вопроса уместна именно в стенах верхней палаты российского парламента, призванной трансформировать в законы коллективную политическую волю субъектов федеративного государства.

Сложность процессов и ответственность за будущее страны, которые должны учитывать парламентарии в их подходах к законотворчеству, в значительной степени объясняются нестандартностью событий, происходящих в России и мире. Это ставит в трудное положение выбора того либо иного курса руководство и нашей страны, и других ведущих мировых держав.

Сегодня частично размыты или полностью утеряны привычные ориентиры, совсем недавно помогавшие формированию позиций государств по самым актуальным вопросам современности. Формально действующие нормы международного права, жестко фиксировавшие в период холодной войны каркас ялтинско-потсдамской системы международных отношений, перестают работать. Универсальная архитектура безопасности, представляемая ООН,

переживает глубочайший кризис. Открытым остается вопрос о новом мировом порядке.

Претензии наиболее мощного в настоящее время государства на единоличное лидерство в глобализирующемся мире не встречают всеобщего одобрения и понимания, и вряд ли нынешнее, говоря шахматным языком, патовое положение изменится в обозримом будущем.

В современную эпоху информационных технологий идет невидимый на первый взгляд процесс формирования трансграничного сообщества, который, в частности, проявляет себя в создании региональных союзов и объединений. Европейский союз — наиболее яркий реализованный пример таких перемен.

Вместе с тем наблюдаемые повсеместно события дают повод для высказывания аналитиками разного рода предположений, прогнозов, сценариев развития мира, формирования новых концепций цивилизационного характера. Одни рассуждения носят приземленно-прагматический характер, другие как бы позаимствованы из фантастических романов, третьи подпитываются историческим прошлым — порой достаточно отдаленным. Само наличие разных точек зрения и позиций относительно будущего мироустройства свидетельствует об интеллектуальном вызове эпохи, ответ на который должно дать общественное мнение формирующегося трансграничного сообщества суверенных государств.

Публикуемый сборник материалов Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам, как мы надеемся, явится определенным вкладом в поиск ответа на вопрос, какой должна быть Россия, какой должна быть ее политика в глобализирующемся мире.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.А. Коробейников.</i> "Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение"	6
Решение Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам	10
Положение об Экспертном совете Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам	11
Состав Экспертного совета	15
Заседания Экспертного совета	
1. О задачах Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам	21
2. О механизме координации принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации	42
3. Российско-американские отношения и сокращение стратегических ядерных вооружений	106
4. Российская модель экономического и экологического глобализма	196
5. Киотский протокол	218
6. Национальная идентичность и правопреемство	234
7. Ислам в контексте диалога цивилизаций	370
8. Становление нового мирового порядка	592
9. Калининградская область России и расширение ЕС. Проблемы общеевропейской интеграции	722
* * *	
Об итогах работы Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам в 2002 году	781

*А.А. Коробейников,
председатель Экспертного совета
Комитета Совета Федерации
по международным делам,
доктор философских наук*

РОССИЯ В НОВОМ ВЕКЕ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Отличительными особенностями первого сборника материалов заседаний Экспертного совета Комитета по международным делам верхней палаты российского парламента за 2002 год являются его многопрофильность, широта и глубина затронутых тем — от проблем правопреемства России до вопросов, связанных с формированием нового миропорядка, отношений Российской Федерации с ведущими зарубежными партнерами.

Следует подчеркнуть, что свою позицию в дискуссиях представляют не только известные в стране эксперты, но и, что особенно важно, не равнодушные к судьбам России люди.

Публикуемые материалы дают достаточно ясное представление о взглядах российского экспертного сообщества на положение в мире. Следует отметить, что целый ряд идей и соображений, высказанных членами Экспертного совета по приоритетным вопросам внешней политики России, лег в основу позиции, занятой российским руководством. Это, в частности, касается таких проблем, как борьба против международного терроризма, развитие равноправного российско-американского сотрудничества, последствия для России войны в Ираке, и других.

Примечателен выход сборника в свет в 2003 году — знаменательном для истории российской государственности. 300-летие Санкт-Петербурга, колыбели отечественного парламентаризма, и десятилетие Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации стали своеобразным экскурсом в историю для осмысления ее уроков.

Юбилей северной столицы, так же как и десятилетие верхней палаты российского парламента символизируют преемственность исторических судеб, на первый взгляд, казалось бы, несхожих — России начала XX века и России XXI-го. Любой юбилей поучителен своей предысторией. Как и сотню лет назад, нынешняя Россия находится в поиске собственного пути в обустройстве жизни российских граждан, социально-экономическом развитии общества, в создании в подлинном смысле государства нового типа.

Конец прошлого, XX века застал страну на историческом перепутье, напомнившем о пройденном ею ранее пути. По сложности, глубине и скорости, с которой одни события сменяли другие, ушедший век превзошел все ранее пережитые цивилизацией эпохи.

Кардинальные перемены, затронувшие евро-азиатское пространство бывшего СССР, вызвали к жизни такие явления, к последствиям которых оказались не подготовленными политические элиты не только в новых независимых государствах, но в мире в целом.

События, развернувшиеся на международной арене в начале XXI столетия, "застали врасплох" и страны Запада, и государства, некогда составлявшие "третий мир". В реальности ни одна из сторон не оказалась готовой к новому качеству угрозам и вызовам национальной и международной безопасности, возникшим вслед за крахом двублокового мира.

Развал авторитарной системы, произошедший в первую очередь по причине внутривнутриполитических перемен в странах бывшего советского блока, дестабилизировал мировой порядок, в основе которого находились послевоенные, ялтинско-потсдамские, договоренности.

Запад поспешил объявить о победе в длившейся десятилетия "холодной войне". Однако остальной мир оказался не готовым к молчаливому перенятию всех западных ценностей. В ход была пущена военная сила, точно применявшаяся против "показательных целей" в

различных регионах мира. Европа также не составила исключения.

Совсем еще "свежий опыт", накопленный международным сообществом после окончания "холодной войны", заставляет сделать недвусмысленный вывод: концепция внутривосточного развития государств, предложенная Западом по завершении "холодного" противостояния, не отвечает национальным особенностям постконфронтационного мира и не может быть признана единственно верной и более универсальной, нежели весь богатый опыт, которым располагает мировое сообщество.

Следует констатировать естественное возрастание в результате такого одностороннего подхода неопределенности перспектив мирового развития в целом, усиление влияния региональных и внутренних конфликтов на всеобщую стабильность и безопасность.

Некоторые государства все чаще нарушают выверенные временем нормы международного права, в том числе основные положения Устава ООН.

Такая политика ряда государств — лидеров современного мира вызвала к жизни дискуссии о неизбежности концепции государственного суверенитета, о праве на гуманитарное, вплоть до военного, вмешательство в дела независимых государств, что перечеркивает главное, на чем сегодня все еще зиждется мировой порядок.

Перемены, произошедшие и наблюдаемые сегодня в мире, самым непосредственным образом оказывают влияние на положение внутри России, на ее внешнеполитический курс.

Руководство страны пытается проводить работу по созданию благоприятных условий для возрождения авторитета и политической роли Российской Федерации на международной арене, повышения ее экономического веса и благосостояния населения. В стране впервые за многие десятилетия действуют и развиваются демократические институты, идет сложный внутренний процесс формирования гражданского общества.

В начале наступившего столетия Россия вступила в своеобразную "битву со временем" с целью вновь завоевать исторически принадлежащее ей по праву место среди наиболее влиятельных членов международного сообщества. Выиграть битву мы сможем только в условиях политической стабильности и правильного выбора приоритетов в политике в интересах большинства россиян.

РЕШЕНИЕ
Комитета Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации по международным делам

Об Экспертном совете Комитета Совета Федерации
по международным делам

Заслушав и обсудив на своем заседании вопрос об Экспертном совете, Комитет Совета Федерации по международным делам **решил:**

утвердить Положение об Экспертном совете Комитета Совета Федерации по международным делам, персональный состав Экспертного совета и примерную программу работы Экспертного совета на 2002 год.

Председатель Комитета
Совета Федерации
по международным делам

М.В. Маргелов

ПОЛОЖЕНИЕ
об Экспертном совете Комитета Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
по международным делам

1. Общие положения

1.1. Настоящее Положение определяет правовые основы, цели, задачи и функции Экспертного совета Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам (далее — Совет).

1.2. Совет является постоянно действующей на общественных началах аналитической структурой Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам (далее — Комитет) и создан в соответствии со статьей 93 Регламента Совета Федерации.

1.3. Совет в своей деятельности руководствуется законодательством Российской Федерации, а также настоящим Положением.

1.4. Положение о Совете, а также изменения и дополнения к нему утверждаются на заседании Комитета.

2. Цель и задачи деятельности Совета

2.1. Целью деятельности Совета является оказание содействия, в пределах своей компетенции, Комитету по реализации полномочий, законодательно отнесенных к вопросам его ведения.

2.2. Основными задачами деятельности Совета являются:

2.2.1. разработка рекомендаций и предложений по основным вопросам международных отношений, анализ наиболее важных мировых тенденций, их последствий в

контексте обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации;

2.2.2. подготовка рекомендаций и предложений по ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации, ее участию в международных многосторонних механизмах, выполнению Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств;

2.2.3. подготовка предложений и рекомендаций по совершенствованию форм межпарламентского сотрудничества как в рамках многосторонних межпарламентских форумов, так и на уровне двусторонних контактов между российскими и зарубежными парламентариями;

2.2.4. подготовка предложений и рекомендаций по совершенствованию законотворческой деятельности Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в части, касающейся вопросов ведения Комитета;

2.2.5. подготовка предложений и рекомендаций по совершенствованию связей с соотечественниками за рубежом и защите их интересов;

2.2.6. решение других задач в соответствии с поручениями руководства Комитета.

3. Основные функции Совета

Для достижения поставленных целей и решения задач Совет в пределах своей компетенции:

3.1. Принимает участие в разработке материалов к проектам законодательных и нормативно-правовых актов по вопросам, находящимся в ведении Комитета.

3.2. Осуществляет (выборочно) предварительную экспертизу принятых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральных законов по вопросам обеспечения внешнеполитического курса Российской Федерации, в том числе на предмет их соответствия ратифицированным Российской Федерацией международным актам и договорам.

3.3. Участвует в подготовке предложений о проектах запросов в Конституционный Суд Российской Федерации о соответствии Конституции Российской Федерации не

вступивших в силу международных договоров, в которых участвует Российская Федерация.

3.4. Осуществляет изучение зарубежного опыта законотворческой деятельности и правоприменительной практики.

3.5. Принимает участие в информационно-аналитическом обеспечении и проведении парламентских слушаний, "круглых столов" и других мероприятий по вопросам законодательного обеспечения внешнеполитического курса Российской Федерации.

3.6. Участвует в проведении мероприятий, ориентированных на содействие развитию связей с российскими диаспорами за рубежом.

3.7. Готовит аналитические доклады и другие информационно-аналитические материалы, осуществляет консультативно-методическую помощь членам Комитета.

3.8. Выполняет иные виды работ по отдельным поручениям Комитета.

4. Права и обязанности Совета

Совет:

4.1. Вносит на рассмотрение Комитета предложения по приоритетным направлениям деятельности, вытекающим из содержания решаемых Советом задач и выполняемых функций.

4.2. Получает из Комитета информационно-справочные материалы, необходимые для решения поставленных задач.

4.3. Создает рабочие группы, тематические секции, назначает специальных докладчиков по конкретной тематике из числа членов Совета.

4.4. Члены Совета могут быть приглашены, по мере необходимости, для участия в совещаниях, проводимых в аппарате Комитета, и в заседаниях Комитета.

4.5. Члены Совета имеют право выступать с докладами, выходить с инициативами в пределах компетенции Совета.

5. Состав, организационная структура и порядок работы Совета

5.1. Совет состоит из специалистов в области международных отношений, мировой экономики, международ-

ного права, политологии, а также представителей общественных организаций, которые выполняют свои функции безвозмездно — на общественных началах.

5.2. Персональный состав Совета утверждается на заседании Комитета.

5.3. Совет возглавляет один из членов Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам.

5.4. Председатель Совета:

руководит деятельностью Совета;

назначает заместителя председателя Совета из числа членов Комитета;

назначает ответственного секретаря — из числа сотрудников аппарата Комитета;

утверждает планы деятельности Совета;

организует своевременное оповещение членов Совета и приглашенных лиц о месте и времени проведения заседаний и иных мероприятий Совета;

утверждает списки приглашенных на заседания Совета лиц;

подписывает и визирует документы, относящиеся к деятельности Совета, в пределах своей компетенции;

распределяет функциональные обязанности между членами Совета и дает им разовые поручения.

5.5. В отсутствие председателя Совета его полномочия выполняет заместитель председателя Совета.

5.6. Ответственный секретарь Совета ведет и контролирует документооборот Совета.

5.7. Заседания Совета проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц. Внеочередные заседания созываются по инициативе председателя Совета или заместителя председателя Совета.

5.8. Заседания и иные мероприятия, проводимые рабочими группами, тематическими секциями, проводятся по мере необходимости.

5.9. По итогам года Совет готовит и предоставляет Комитету отчет о проделанной работе.

СОСТАВ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

КОРОБЕЙНИКОВ Анатолий Антонович	председатель Экспертного совета, член Комитета Совета Федерации по международным делам, доктор философских наук
СОЛОВЬЕВ Владимир Михайлович	заместитель председателя Экспертного совета, советник Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, кандидат исторических наук
ЖИЛЬЦОВА Анна Сергеевна	ответственный секретарь Экспертного совета, консультант аппарата Комитета Совета Федерации по международным делам
АБДУЛАЕВ Магомед Имранович	Дагестанский государственный университет, заведующий кафедрой международного права, профессор, доктор юридических наук
АКОПОВ Погос Семенович	председатель совета Ассоциации дипломатов, вице-президент Внешнеполитической ассоциации Российской Федерации
АШИН Геннадий Константинович	МГИМО, кафедра философии, профессор, доктор философских наук
БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич	заместитель директора ИМЭМО Российской академии наук, доктор экономических наук

БЕЗБАХ Виталий Васильевич	Университет Дружбы Народов, заведующий кафедрой гражданского права, профессор, доктор юридических наук
БЛИНОВ Андрей Олегович	академик РАЕН, МГУ, социологический факультет, профессор, доктор экономических наук
БОБЫЛЕВ Геннадий Васильевич	МГИМО, кафедра международного права, доцент, кандидат юридических наук
ВОРОБЬЕВ Сергей Александрович	директор Российско-Арабского университета, профессор
ДВОРКИН Владимир Зиновьевич	директор Центра СЯС Академии военных наук, генерал-майор в отставке, доктор технических наук
ДЯКИН Борис Георгиевич	Дипломатическая академия МИД России, профессор, доктор экономических наук
ЗОЛОТАРЕВ Павел Семенович	президент Межрегионального общественного фонда поддержки военной реформы, генерал-майор в отставке
ИСАЕВ Владимир Александрович	заместитель директора Института востоковедения Российской академии наук, кандидат исторических наук
КИСРИЕВ Энвер Фридович	Центр цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, старший научный сотрудник, доктор философских наук
КОЖОКИН Евгений Михайлович	директор Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук

КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович	директор программы "Корпоративное управление, финансы и инвестиции" (ИМЭМО РАН)
КОНОВАЛОВ Александр Александрович	президент Института стратегических оценок, профессор, кандидат исторических наук
КОРТУНОВ Сергей Вадимович	председатель Комитета внешнеполитического планирования, профессор Академии военных наук, кандидат исторических наук
КРУГОВЫХ Игорь Эрикович	Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент; МГИМО, факультет политологии, профессор, кандидат исторических наук
КУЗНЕЦОВ Михаил Николаевич	Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, кафедра государственного строительства и права, профессор, доктор юридических наук
ЛАДЫГИН Федор Иванович	член правления Института энергодиалога Восток—Запад, генерал-полковник в отставке
ЛИСОВОЙ Михаил Иванович	кандидат юридических наук
НИКИФОРОВ Константин Владимирович	Институт славяноведения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	Московская юридическая академия, профессор, доктор юридических наук

ОЗНОБИЩЕВ Сергей Константинович	директор Института стратегических оценок, кандидат исторических наук
РОГИНКО Сергей Анатольевич	Институт Европы Российской академии наук, руководитель группы экологии и развития, кандидат экономических наук
САИДБАЕВ Талиб Сарымсакович	председатель Ассоциации ученых-исламоведов при Совете муфтиев России, профессор
ФИЛОНИК Александр Оскарович	главный эксперт Института изучения Израиля и Ближнего Востока
ЧКУАСЕЛИ Вахтанг Отарович	директор Института прокризисных исследований
ШУБИН Владимир Геннадьевич	заместитель директора Института Африки Российской академии наук, доктор исторических наук
ЯЦЕНКО Иван Семенович	Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор

**ЗАСЕДАНИЯ
ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА**

1. О ЗАДАЧАХ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

(Из стенограмм от 29 марта и 31 мая 2002 года)

А.А. Коробейников. Наш Комитет по международным делам первым среди комитетов Совета Федерации родил такое детище, как Экспертный совет. Жить без экспертного сообщества, без коллективного разума просто невозможно.

Предлагаю обсудить тематику заседаний Экспертного совета в 2002 году. Предложено восемь проблем. Первая из них — закон о механизме принятия внешнеполитических решений. Этот закон у нас красной нитью будет проходить через все обсуждения в течение ближайшего времени. Другая тема, которая напрашивается по логике вещей, — проблема самоидентификации России в контексте внешнеполитического курса страны.

Когда комитет создавал Экспертный совет, у него была надежда на то, что совет обеспечит его законодательную деятельность. Закон о механизме — это только одна из законодательных инициатив. Планируется провести парламентские слушания на тему "Развитие правового обеспечения международной внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации". И тут потребуется очень много уточнений в существующем законодательстве. Это еще одна законодательная инициатива, в которую мы могли бы внести свой вклад.

Еще одна тема плана — "Соответствие национальным интересам договоров о добрососедстве". К сожалению, мы

подключаемся на этапе ратификации, когда уже ни строчки нельзя изменить. То же можно сказать и о Договоре с Китаем. Мы также уже ничего не можем изменить в нем. Но, изучив его на предмет содержания, нужно посмотреть, все ли учтено и с нашей стороны, и с китайской. На перспективу... Это также могло бы стать законодательной инициативой.

О концессиях. О чем речь идет? Шесть лет, простите за непарламентское выражение, Госдума "мусолила" этот законопроект. Вместе с тем, посчитав стоимостное выражение всего национального богатства страны официально, через Госкомстат, и объявив об итогах работы, мы самым эффективным образом могли бы запустить концессионную деятельность. Эту тему в ходе встречи с Владимиром Владимировичем Путиным мы обсуждали. И он поддержал мою идею: закон о концессиях нужен! Сегодня проект закона о концессиях находится в ведомстве Германа Грефа. С одной стороны, это удивительно, что наконец Минэкономразвития занялось таким законопроектом. Но, с другой стороны, я знаю настроения в этом министерстве. Может выйти документ обтекаемый, ни к чему не обязывающий, а может вообще не выйти. У них есть настроение вообще покончить с этим законом. Почему? Потому, что не с руки ратовать за закон о концессиях от имени государства. А если концессии не от имени государства, то тогда они вообще не нужны. Поэтому за этот законопроект еще придется побороться. И наше участие тут могло бы быть полезным.

И конечно же, нужны новые идеи в контексте глобальных тенденций мирового развития, выходящие за рамки законодательной деятельности Совета Федерации. Должен заработать коллективный разум, коллективная мысль. Мы могли бы помочь и руководству Совета Федерации. У нас есть право выхода и на высшее руководство страны для уточнения каких-то важных моментов в анализе глобальных тенденций международного развития. Эта работа также только приветствовалась бы.

Мы планируем в конце каждого месяца проводить одно заседание Экспертного совета. Если получим от вас дополнительные соображения по неотложному внеочередному вопросу, будем это также учитывать. На одном из ближайших заседаний Комитета по международным делам мне поручено разобраться с проблемами между Римской католической и Русской православной церквями. И на одном из заседаний Комитета по международным делам — рассмотреть эту проблему с участием руководства Русской православной церкви. Эта проблема тоже не одного дня.

Ф.И. Ладыгин. Мне думается, правильно на первое или второе место вынести после сегодняшнего заседания вопрос, который обозначен здесь третьим: "Российско-американские отношения. Международный режим контроля над вооружением и разоружение", имея в виду, что в мае состоится встреча в верхах, на которой центральным будет именно этот вопрос. По крайней мере так сейчас преподносится. Мне представляется, что этот вопрос можно было бы вынести на апрель. Причем провести это обсуждение не в конце апреля, а, может быть, где-то в первой декаде или по крайней мере в первой половине, с тем чтобы Совет Федерации с учетом мнения Экспертного совета смог внести свою собственную, если это потребуется, лепту в решение данной проблемы, потому что проблема эта принципиально важная сейчас. Мне кажется, с точки зрения очередности и оперативности можно было бы внести такое изменение в план работы.

С.К. Озобичев. Я хотел бы предложить вот какую тему: "Россия в современном мире: проблемы и перспективы" или "Россия в глобализующемся мире".

У нас в отличие от других стран отсутствует национальный консенсус по внешней политике. Вот сейчас ругают Эдуарда Шеварднадзе. А когда он был Министром иностранных дел, он смог, вы помните, "подтащить" и научные кадры, и общественные институты к решению вопросов. Это делалось на гораздо более демократичной основе, чем сейчас. В этом же плане нельзя не упомянуть

и Юрия Михайловича Батурина, и то, как это делалось тогда. Первое Послание Президента, которое называлось "Политика национальной безопасности", широко обсуждалось. Сергей Вадимович Кортунов был инициатором такого процесса.

В последнее время процесс выработки программных документов, имеющих ключевое значение для страны, превратился в абсолютно келейный. Мы в результате имеем две военные доктрины, две концепции национальной безопасности и другие подобного рода документы, которые абсолютно бездействуют, в частности, внешнеполитическая концепция. Это — тексты, это — голые тексты. Ничто так не развращает, как невозможность выполнения такого рода расплывчатых документов. Это заставляет людей скептически относиться к тому, что производится на высшем уровне государственной власти вообще.

С.В. Кортунов. Абсолютно согласен с Федором Ивановичем, что в свете приближающейся встречи в верхах на второе место имело бы смысл поставить третий пункт, а именно — российско-американские отношения.

Вместе с тем мне кажется, что методологически руководство Экспертного совета поступило абсолютно правильно, поставив во главу угла в качестве одной из первоочередных тем проблему самоопределения России и ее национальных внешнеполитических интересов. Я убежден, что при рассмотрении более частных проблем, в том числе и российско-американских отношений, мы будем неизбежно наткнуться на эту тему, обозначенную во втором пункте. Методологически крайне важно иметь в виду, что это действительно первоочередная тема. Поскольку даже когда мы будем рассматривать некий документ по российско-американским отношениям, мы неизбежно столкнемся с вопросом: до какой степени нам "сливаться" с Соединенными Штатами? До полного слияния? Или все-таки у нас есть некий "запас прочности" в плане представления о самих себе, о своих национальных интересах и так далее? Поэтому, наверное, политически было бы правильно третий

пункт поставить на место второго, но все же незамедлительно рассмотреть и второй пункт.

В.З. Дворкин. Кажется, мы сейчас вам насоветуем такие темпы проведения заседаний Экспертного совета, что вам придется не раз в месяц, а раз в декаду их проводить. Предложение Федора Ивановича Ладыгина полностью совпадает с моим. Я тоже считаю, что совету нужно сформировать свою позицию по этим переговорам. Это действительно надо делать как можно быстрее, потому что позиция вырабатывается уже сейчас и без участия Совета Федерации. Это уже совершенно точно.

"Многоподъездная" дипломатия то затухает, то обостряется и наносит колоссальный ущерб интересам страны. Мы все это наблюдаем чуть ли не каждый день. И я думаю, что, может быть, для того чтобы достаточно оперативно попытаться положить ей конец, нужно все-таки решить вопрос с законом о механизме принятия внешнеполитических решений.

За одни вопросы может, например, отвечать человек типа Э. Приходько, а за другие — военные вопросы, — может быть, должен отвечать помощник Президента Российской Федерации по стратегической стабильности. Мне кажется, что необходимо сосредоточиться на создании органов с самыми общими концептуальными обязанностями, потому что функциональные обязанности, в конце концов, ведомства должны себе разработать и утвердить. Это должен быть первый шаг. А дальше можно подумать, как продолжить.

А.А. Коновалов. Я хотел бы немного сказать в развитие второй темы "Проблема самоидентификации России и ее внешнеполитический курс". Это очень важно. И это важно, на мой взгляд, еще и в связи с тем, что мы затронули базовые документы, в которых должны определяться национальные интересы. Это основа, на которой строится внешняя политика. Они не могут быть незыблемыми, поскольку ситуация в мире регулярно меняется.

Если говорить о концепции национальной безопасности, у нас есть концепция 1997 года, которая никакого отношения к реальности не имеет, и есть концепция 2000 года, которая имеет очень слабое отношение к нынешней реальности. А на этой концепции построены и военная доктрина 2000 года, и доктрина информационной безопасности, и концепция внешней политики. Это так и должно быть, но эти документы не должны быть догмами, написанными раз и навсегда: сочинили в 2000 году — и можно спать до 3000 года. Ничего подобного, мир очень быстро меняется, и здесь должна быть какая-то регулярность, которая задавала бы базовую точку отсчета. Внешняя политика должна учитывать на высшем политическом уровне страны то, какие изменения произошли в окружающей нас внешнеполитической среде, как это должно отразиться на наших интересах и, соответственно, на нашей внешней политике. Если мы сейчас будем строить нашу внешнюю политику исходя только из концепции национальной безопасности 2000 года, то мы почти ни на один актуальный современный внешнеполитический вопрос ответа не найдем.

А.С. Воронин. По-моему, в Вашем выступлении была поставлена одна самая принципиальная задача: не только внешняя политика России должна носить прагматический характер, но и деятельность Совета Федерации и, соответственно, Комитета по международным делам, должна носить прежде всего прагматический характер. Мне представляется, что если немного строже посмотреть программу Экспертного совета на этот год, то, конечно, каждая из тем, которые здесь обозначены, имеет право на существование. Сами по себе они очень интересны. Но мы должны после каждого обсуждения, насколько я представляю, дать комитету какие-то заключения для практической работы, прежде всего связанной с законотворчеством. Я нисколько не умаляю важность такой проблемы, как самоидентификация России, но есть темы, которые "кричат", требуют оценки со стороны Комитета по международным

делам, со стороны Совета Федерации и, соответственно, какой-то подсказки, каких-то рекомендаций со стороны наших уважаемых ученых. Поэтому мне представляется, что эту тему можно немного отложить и "покрупнее" подготовить ее позднее.

С учетом того, что чаще мы, видимо, просто не сможем встретаться, хотел бы предложить две темы. Во-первых, российская политика на Кавказе. Я думаю, никто не будет отрицать, что эта тема стала для нас критически важной. Конечно, можно обсуждать проблему самоидентификации, но в это время "проспать" Кавказ.

И второе — разрешение внешнеполитических и военных кризисов и организация реакции на них со стороны российского руководства и тех учреждений, которые должны на них реагировать. Мне представляется, что зачастую мы "спим". А кто "спит", тот "не успевает к пирогу". А в ряде случаев у нас просто вообще нет никакой реакции. Нет предвидения развития ситуации.

В.Г. Барановский. Мне очень нравится ориентация на очень конкретное и практическое ведение дел в рамках нашего Экспертного совета. Мы находимся в критически важной фазе нашего развития. Мы закладываем повестку работы. И от того, что мы сделаем сейчас, как мы определимся на будущее, будет зависеть успех дела в целом. Уже сейчас могут возникать опасения, что наши заседания превратятся просто в еще одну площадку, на которой знающие люди, имеющие весьма продвинутые представления о международных делах, будут высказывать интересные мысли, будут обогащать друг друга, рассуждать на темы, которые в общем плане представляются важными. Каков будет результат этих обсуждений? Это, по-моему, ключевой вопрос. И, мне кажется, очень важно постараться сделать так, чтобы деятельность Экспертного совета не сводилась к выполнению только этой функции, приятной для всех участников, но, по сути дела, повторяющей очень многие вещи, которые имеют место и на других площадках, на других форумах, где такого рода вещи обсуждаются.

Мне кажется, очень важно, что мы начали с обсуждения тематики нашей работы. Если нет понимания общих проблем, то очень трудно заниматься конкретными проблемами. Но при всей моей любви к этим сюжетам у меня возникает очень серьезный вопрос. Мы начнем обсуждать на Экспертном совете проблему самоидентификации России. Это огромная тема. Это тема, по поводу которой можно говорить не на одном заседании. Можно устраивать десятки заседаний. Можно ее разделить на какие-то сюжеты. И совершенно очевидно, что на этих заседаниях мы не сможем прийти к каким-то конкретным решениям, потому что могут быть разные точки зрения даже по тем вопросам, которые сегодня поднял Сергей Владимович Кортунов, когда поставил вопрос: "сливаться" или "не сливаться" с Соединенными Штатами, и если "сливаться", то до какой степени?

Я обращаю внимание на то, что нам на Экспертном совете нужно сфокусировать внимание на таких сюжетах, которые, во-первых, являются "горящими" и, во-вторых, по поводу которых мы можем высказать какие-то конкретные советы, можем выработать какие-то конкретные рекомендации. Я не представляю себе, чтобы мы, проведя, допустим, даже очень интенсивное, интересное заседание, смогли выработать конкретные рекомендации по поводу содержания национальных интересов России.

В связи с этим, когда я думаю о том, каким образом сформировать нашу повестку дня, мне кажется, очень важно, чтобы было взаимодействие между Экспертным советом и комитетом. По Положению об Экспертном совете мы должны заниматься теми вещами, которые составляют повестку дня Комитета по международным делам. Это не значит, что мы должны заниматься только этими вещами. Обсуждение общих проблем — это также чрезвычайно интересная и нужная вещь. Более фундаментальные, более перспективные проблемы, может быть, имеет смысл готовить в виде письменных докладов, чтобы комитет или Экспертный совет имел возможность заказывать такие доклады по крупным темам и обсуждать напи-

санный материал (100—150 страниц), в подготовке которого участвовали бы крупные специалисты, которые отшлифовывали бы формулировки и предлагали их вниманию Комитета по международным делам.

Обсуждать проблемы Кавказа — очень правильно, проблемы Центральной Азии — очень хорошо. А Украина? Украина — не важный вопрос?

Г.К. Ашин. Я полагаю, правильно было сказано, что у нас нет консенсуса по внешнеполитическим проблемам. Поэтому вопрос о федеральном законе о механизме принятия решений чрезвычайно важен. Прямо скажу, что наша внешняя политика, на мой взгляд, рыхлая, опаздывающая, расслаиваемая по ведомствам. МИД не успевает за более динамичной президентской внешней политикой. На свою роль во внешней политике претендуют и законодательные органы, и Совет Федерации, и Государственная Дума, и Администрация Президента, и Министерство обороны, которое также имеет свою внешнюю политику (кстати, рассогласованную). Так вот, закон должен создать механизм выработки консенсуса, чтобы отдельные ведомства не ставили друг другу подножки в области международных отношений.

Теперь чувствуется отсутствие продуманной внешней политики, долгосрочной стратегии. Каковы внешнеполитические интересы России? Какова система международных отношений, которую мы хотели бы видеть в мире? Каково наше место в этой системе? И в этом плане я хочу сказать, что проблема, которая поставлена на обсуждение, очень продуманна: проблема самоидентификации России. А в чисто прагматическом плане я считаю, что прав Сергей Вадимович Картунов, который предложил на следующем заседании обсудить проблему советско-американских отношений в канун встречи президентов.

И.Э. Круговых. Благодарен за приглашение принять участие в работе Экспертного совета. И хотел бы отметить: я действительно считаю блестящей организацию нашего совета, поскольку, с одной стороны, сразу же прозвучал

проблемный доклад, а с другой стороны, мы услышали второй доклад, в котором во многом уже дается видение ответов на те вопросы, которые были поставлены в первом выступлении.

Для нас остается весьма важным вопрос: каковы наша роль, наше место и место Экспертного совета в общей деятельности в международной сфере Совета Федерации? Согласен с теми выступлениями, которые сводятся к тому, что нам надо как-то конкретизировать работу, в том числе по предложенному законопроекту. Согласен с тем, что разработка законопроекта — ключевое звено для нашей внешнеполитической действительности. Работа над законопроектом, как мне представляется, должна быть выделена в отдельную категорию работы Экспертного совета с тем, чтобы у нас не было "перебивок" на текущие проблемы, которые, безусловно, будут возникать. Нам нужен план детальной работы именно над законопроектом. Мы должны сформулировать стратегическую задачу работы нашего Экспертного совета — это разработка упомянутого законопроекта.

Компетенция наших представительных органов власти во внешнеполитической деятельности вполне определена. И мы должны ясно понимать, что мы должны заниматься не просто обсуждением вопросов внешнеполитической деятельности, а только той их частью, которая подлежит законодательному закреплению. Это та сфера деятельности, которой мы, находясь в законодательном органе, должны уделить принципиальное внимание. В этой связи хочу сказать, что и целый ряд уже действующих законов включает положения по реализации тех или иных направлений в области внешней политики.

В связи с этим предложение первое: подготовить к очередному заседанию Экспертного совета перечень законодательных актов, которые уже включают в себя формулирование внешнеполитической деятельности по самым различным аспектам. Здесь я подхожу к вопросу о необходимости информационного, аналитического обеспечения

деятельности нашего совета, с тем чтобы мы к очередному заседанию все-таки приходили с каким-то набором законодательных актов. Согласно закрепленной концепции национальной безопасности у нас есть интересы личности, общества и государства. Но за последние десять лет (и мы это должны признать) в стране сложилась и другая система интересов. Причем система интересов, которая получила в том числе и законодательное закрепление. У нас законодательно закреплены местные интересы. У нас законодательно закреплены интересы субъектов Федерации, региональные интересы, интересы народов, интересы этносов. Наша Конституция — одна из самых "этничных" конституций в мире, где категории "национальный интерес" и "государственный интерес" имеют во многом различное толкование.

В этой связи предложение второе: провести инвентаризацию именно законодательного закрепления понятия "интерес" и представить предложения по его законодательному закреплению. При этом, очевидно, мы должны иметь дело с той категорией интереса, которая определяется как государственный интерес. А государственный интерес от прочих интересов, как мне представляется, отличается тем, что он получает именно законодательное закрепление, и не все интересы, о которых мы говорим, являются государственными.

Важная тема, которую поднимали, — это ресурсное обеспечение внешней политики. Мы можем (и десять прошедших лет это показали) писать блестящие законы, которые, не имея никакого ресурсного обеспечения и политической воли для их реализации, остаются прекрасными, красивыми документами. Нам надо избежать этого в нашей работе.

С.А. Рогинко. Действительно, есть разница между конференцией, семинаром, ученым советом и Экспертным советом. Поэтому нужно определиться не только по составу тем, которые мы выбираем, но также и по технологии работы. Технология работы должна быть несколько иной.

Не просто пришли, поговорили, что-то подписали, что-то приняли. Видимо, нужно как-то более конкретно к этому подходить, возможно, прорабатывать какие-то темы в более узком кругу, предлагать проекты решений.

Хочу предложить одну достаточно злободневную тему, которая все равно на Совет Федерации "свалится", причем в ближайшее время. Это Киотский протокол. Его придется ратифицировать. Или не ратифицировать, но в любом случае на ратификации Запад настаивает. Шредер на каждой встрече напоминает Путину о том, что протокол надо ратифицировать. Он даже специальное письмо по этому поводу направил — относительно того, что нужно до сентября ратифицировать Киотский протокол. В то же время далеко не все знают, какими потерями это нам грозит, а точнее говоря, какие преимущества мы можем потерять, ратифицировав протокол, что называется, бесплатно. По моим оценкам, мы могли бы выиграть миллиардов сто долларов. Но это более детально нужно обсудить хотя бы до июля включительно, потому что Запад настаивает на том, чтобы мы ратифицировали протокол до саммита "РИО плюс десять" в Йоханнесбурге, который, как известно, пройдет в сентябре.

А.В. Мирошкин. Наверное, очень много существует различных внешнеполитических поводов, и регламент работы совета вряд ли позволит на все эти поводы отреагировать. Поэтому представляется, что взаимодействие с экспертным сообществом может иметь такую цель: способствовать вовлечению необходимой информации в процесс принятия решений комитетом Совета Федерации. Важно, чтобы различные экспертные обсуждения в течение года отвечали этому требованию, то есть вовлекали необходимую информацию, влияющую на выработку внешнеполитических решений в стенах Совета Федерации.

С.А. Воробьев. В повестке дня нет проблем исламского мира и Ближнего Востока. Я сам по специальности арабист, 31 год посвятил изучению Ближнего Востока. Может быть, так поступить: пусть каждый из наших коллег, членов

Экспертного совета, определится, чем он хотел бы заниматься в Экспертном совете, и направит свои предложения. Во-первых, это будет инвентаризация ресурсов. И, во-вторых, может быть, на этой основе можно будет сформировать какие-то подгруппы, которые были бы работоспособны по отдельным направлениям?

В.З. Дворкин. Согласен с необходимостью селективного подхода к темам: они должны, конечно, отбираться по актуальности. Но один вопрос, мне кажется, сегодня чрезвычайно актуален, и он у нас совсем выпал. Это вопрос, касающийся ближнего зарубежья, СНГ.

Я знаю, в военной области там происходит очень сильная неразбериха. Есть военная организация СНГ, есть Договор о коллективной безопасности. В одном месте — "девятка", в другом — "шестерка". Они противоречат друг другу, во многом действуют друг на друга даже разрушающе. Поэтому они фактически не работают. Эта проблема очень актуальна. Тут может начаться развал отношений в военной области в рамках СНГ.

В.М. Соловьев. Есть предложение включить в повестку дня будущего заседания Экспертного совета обсуждение проблемы, связанной с Договором об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ). Есть мнение, что он изживает, если уже не изжил, себя и существование всей этой работы скорее выгодно конкретным физическим лицам, принимающим участие в этом процессе, нежели дает какие-то выгоды в контексте обеспечения национальной безопасности страны. Естественно, мы пригласим экспертов по этому вопросу, обратим на проблему внимание Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности.

А.А. Коробейников. Необходимо подготовить и распространить план работы Комитета по международным делам для всех членов Экспертного совета. Каждый увидит, в чем нуждается комитет и как можно ему помочь. Обращаюсь к Игорю Эриковичу Круговых с просьбой подготовить перечень законов по внешнеполитической тематике.

Следующий вопрос. Если мы будем заседать общим составом, что часто происходит в экспертном сообществе, то едва ли многое успеем сделать. Необходимо разбиться на секции или рабочие группы. Будем работать по творческим интересам. Просил бы вас дать собственные предложения. Мы сгруппировали бы вас по темам. Может быть, в Экспертном совете могли бы получиться три-четыре секции, и можно было бы работать независимо. Это позволило бы больше проделать конкретной работы.

Мы просим вас также направлять нам аналитическую информацию по актуальным проблемам для ее использования в работе Комитета по международным делам.

31 мая 2002 года на очередном заседании Экспертного совета было продолжено обсуждение вопроса о его задачах и планах. И.Э. Круговых доложил об анализе плана деятельности Комитета Совета Федерации по международным делам и о том, в чем Экспертный совет может быть полезен с учетом мероприятий комитета.

И.Э. Круговых. Я проанализировал деятельность Комитета по международным делам. Около 90 процентов всех законодательных актов, которые проходят через комитет, — это ратификация договоров и соглашений. Следующая категория — это то, что относится к актуальным вопросам международных отношений, внешней политике, включая разработку заявлений и позиции Совета Федерации по тем или иным вопросам. В частности, были заявления по Югославии и Афганистану.

Второе — консультации по назначению и отзыву дипломатических представителей. Наконец, еще одна сторона деятельности, которая имеет к нам отношение, — это информационно-аналитические материалы для делегаций комитета. Это и ПАСЕ, и Конгресс местных региональных властей Европы, и проведение "круглых столов" по вопросам "Санкт-Петербург — окно в Европу" и "Проблема введения евро в оборот в России".

И, наконец, постоянно действующая рубрика, на которую мы должны обратить самое пристальное внимание. Это федеральный бюджет — раздел, связанный с международной деятельностью, его структуры и расходы.

Как строится план работы комитета в этом году?

Первое: блок законов, которые были отклонены Президентом или самим Советом Федерации. Таких законов четыре.

Второе: блок федеральных законов о ратификации. Их на сегодняшний день 26 на рассмотрении комитета.

Третье: проекты федеральных законов, которые приняты Государственной Думой в первом и втором чтении. То есть это законопроекты, которые еще не поступили в Совет Федерации, но находятся на рассмотрении в Государственной Думе. На сегодняшний день таких законопроектов 10.

И, наконец, блок законопроектов, которые еще даже не внесены официально в саму Государственную Думу, но находятся в стадии подготовки в комитетах и подразделениях Госдумы. Их общее число на сегодняшний день 23.

Таким образом, в поле деятельности комитета находится разработка законодательных актов в сфере внешней политики, начиная с первого этапа — появления законодательной инициативы — и до того, как она официально вносится в Государственную Думу, а также та часть, которая уже находится на рассмотрении Госдумы. Вот то поле деятельности, в которую вовлечен комитет, при котором действует наш Экспертный совет. И как следствие — это то, что должно находиться также в поле нашего зрения.

Следующий момент: законодательные инициативы. На сегодняшний день в Комитете по международным делам официально находится одна законодательная инициатива. Это законодательная инициатива сенатора Плешакова о внесении изменений и дополнений в федеральный закон о координации международных и внешнеэкономических

связей субъектов Российской Федерации по результатам парламентских слушаний.

Какие парламентские слушания будут в этом году? Парламентские слушания, по результатам которых должен быть принят законопроект, состоятся в июне в рамках Петербургского экономического форума. Мы должны предусмотреть, с какой позиции и как нам в этом деле участвовать.

Далее. На этот год запланированы три "круглых стола". Два из них — о проблемных вопросах законодательств США и России и о проблемах соотечественников — уже прошли. Третий "круглый стол" — об актуальных вопросах российско-германских отношений — был запланирован на март, но перенесен.

Запланирована международная конференция "Парламентское измерение в ближневосточном урегулировании".

Запланированы выездные заседания комитета. Одно из них — на тему "Калининградская область и Европа" — в Калининграде. Другое — "Вопросы межрегионального и приграничного сотрудничества" — в Пскове.

Аналитическая деятельность комитета сводится к следующему. Создание Экспертного совета. Рассмотрение и утверждение концепции и программы деятельности комитета в сфере развития контактов и защиты интересов соотечественников в странах СНГ и Балтии. Может быть, имеет смысл разработать концепцию программы деятельности комитета в сфере экологии, связанной, скажем, с Киотским протоколом. Или по тематике российско-американских отношений. Но это как постановочная цель, поскольку как вид деятельности это уже закреплено в рамках комитета. В плане аналитической деятельности комитета предусмотрена разработка концепции проекта федерального закона о механизмах принятия внешнеполитических решений.

Что хотелось бы отметить?

Первое. Как форма деятельности для нас важна тематика, связанная с методикой, методологией, касающаяся

соответствия национальным интересам тех или иных законодательных актов, решений и постановлений. На сегодняшний день под эту категорию подпадает практически вся сфера ратификации. Ибо в конце концов мы, комитет, должны сказать, соответствует тот или иной договор интересам России или не соответствует. Так же, как и оценка других законопроектов, связанных с актуальными вопросами внешнеполитической и международной деятельности.

Второе. Механизм внешнеполитической деятельности просматривается в целом ряде законопроектов, которые находятся в поле зрения комитета. В том числе и двух законопроектов, связанных с соотечественниками в Латвии. Вот здесь мы еще раз на те же самые грабли наступаем. Вы знаете, что два взаимосвязанных законопроекта — о поддержке наших соотечественников в Латвии и о мерах, которые мы должны принять в отношении Латвии, — "вынесли". Уже пять лет это обсуждаем — в Госдуме они находятся на рассмотрении. Что с этим делать, мы не знаем. Как реагировать на положение соотечественников? Если мы знаем это, то отработываем и соответствующим образом принимаем решение. Если мы не знаем, давайте вообще не вносить тогда на рассмотрение подобного рода законопроекты, которые включают элементы санкций. В этом отношении возможно реагирование. Это та сфера деятельности, которая действительно падает и на Экспертный совет.

Третий вопрос, последний, — это комплекс взаимосвязанных проблем. На сегодняшний день в законодательной деятельности появился феномен, связанный с тем, что огромный блок проблем, по сути дела, является единым целым. Но с точки зрения законодательства к нему подходят с разных точек зрения и принимают совершенно разные законодательные акты. Это национальная политика, взаимосвязь ее с демографической ситуацией, миграция. С ними связаны вопросы вынужденного переселения и гражданства, статуса иностранцев, приграничного сотрудниче-

ства, соотечественников, порядка въезда и выезда, внешней политики — в общем, доктрина национальной безопасности. В плане законотворческой работы комитета на эту проблематику падает ратификация двух договоров, проекты федеральных законов, принятых Государственной Думой в первом и втором чтении (шесть из 10 законопроектов), и те, которые сейчас готовятся, но еще не рассмотрены (восемь из 23). То есть где-то до половины в разных категориях. Это то, с чем придется сталкиваться, именно с этим блоком проблем.

На что нам надо будет обратить внимание отдельно.

Первое. Это внесение изменений и дополнений в закон о международных договорах — как бы узкопрофессиональная сфера деятельности, которая укладывается в рамки именно нашего Экспертного совета. Надо рассмотреть все эти вопросы.

Второе. Это расходы на международную деятельность при формировании закона о бюджете на 2003 год. Весь этот процесс фактически уже с июня начнется в прикладном плане. И тут наша позиция также должна быть.

И самое последнее. Вам предложено (вы помните, в приложении к положению об Экспертном совете) восемь тем. Их еще Коробейников предложил, конечно же, с учетом мнений уважаемых членов комитета и Экспертного совета. И когда я начал говорить о рабочих группах, то как раз об этом хотел сказать. Вот общий срез того законодательства, которое нам предстоит рассматривать в этом году. Вот наша тематика. Надо сейчас закончить процесс формирования рабочих групп, с тем чтобы каждая из них взяла свой объем работы. Группы должны дать свой план деятельности. Чтобы на его основе мы в конце концов сформировали план деятельности Экспертного совета и по времени, и по тематике. Закрыли оргвопросы и уже с чистой совестью перешли к сугубо содержательным вопросам, которые перед нами стоят.

В.М. Соловьев. Что касается плана работы комитета, то речь здесь не шла и не идет о его коррекции — это

не в нашей компетенции. Думаю, мы все понимаем важность этого плана. Мы должны его просто принять к сведению. Он был обсужден комитетом и принят. А мы должны не критиковать его, не редактировать, а спросить у членов комитета, руководства комитета, чем мы можем быть полезны. И, думаю, стоит придерживаться адресного обращения по тому или иному положению плана в соответствии с просьбой комитета к Экспертному совету.

Что касается тематических групп. Могу зачитать определенный перечень тем для их формирования. Думаю, каждому надо подумать и определиться с выбором. Но это не значит, что необходимо строго руководствоваться только рамками тематических групп. У нас в Экспертном совете люди достаточно широко подготовлены, могут участвовать профессионально в обсуждении вопросов, вынесенных на Экспертный совет, что, я думаю, и есть главное. Задача — сформировать авторитетное экспертное мнение с участием всех присутствующих здесь коллег.

В повестке дня записано: замечания членов Экспертного совета по положениям доклада А.А. Коробейникова. Вы помните, в прошлый раз он был распространен. Доклад содержательный. Конкретные письменные замечания по его положениям дали только Воробьев и Никифоров. Они высказали мнения относительно тематических групп, которые, как они считают, нам было бы полезно создать дополнительно. Хотелось бы получить побольше замечаний по выступлению Коробейникова, просьба передавать их в наш секретариат.

Что касается определенной тематики рабочих групп, то у нас вытекают такие направления.

Российско-американские отношения и их военно-политические аспекты. В состав этой рабочей группы входят восемь человек. Прошу Сергея Константиновича Ознобичева и Александра Александровича Коновалова подготовить материал по российско-американским отношениям аналитического и информационного плана с дальнейшим под-

ключением Федора Ивановича Ладыгина и оформлением документа для руководства Совета Федерации.

Второе направление работы — конфликтные ситуации. Очень актуальна это "вещь" — конфликтные ситуации на пространстве СНГ, куда войдут и Кавказ, и положение вокруг Калининграда. Мы не можем также забывать и Балканы, поскольку многое, что происходит по периметру границ России, в значительной степени уже было пережито и еще переживается народами бывшей "большой" Югославии. Здесь же и Центральная Азия присутствует.

Третье направление работы — экономические и экологические аспекты внешней политики России.

Следующее — исламский мир.

Далее. Законотворческая деятельность Совета Федерации. Должна быть образована рабочая группа, которой нужно плотно работать с теми, кто в рамках Комитета по международным делам выходит с законотворческими инициативами. Здесь у нас "отметился" товарищ И. Круговых.

О механизме принятия внешнеполитических решений (о чем мы говорили на нашем первом заседании). Создана специальная рабочая группа. Она уже функционирует. Это у нас получается уже шестое направление работы.

Европейские аспекты внешней политики. Здесь и НАТО, и европейские межгосударственные институты типа Совета Европы, Европейского союза и так далее. Это уже седьмая тема.

Необходимо сказать и о международной системе безопасности. Мы не можем оставить без внимания ООН. Что нам делать с ООН? Это единственный орган, где Россия имеет еще значительное влияние. Но, судя по тому, что происходит в мире, вклад ООН, ОБСЕ в дело стабилизации положения, к сожалению, на сегодняшний момент недостаточно эффективен. Речь идет о реформировании работы этих важных международных организаций в соответствии с новыми требованиями. Мы не можем оставлять без внимания это направление, поскольку оно "завязано" на действенности международного права как такового. Что

делать дальше — будем жить по каким-то иным законам или все же придерживаться наработанной поколениями практики в международных отношениях?

В целом получается уже восемь тем для работы. Просьба подумать и определиться, кто и над чем будет работать. Но это не значит, что будут только эти группы. Мы, естественно, будем продолжать собираться коллективно, обсуждать актуальные новые темы и, может быть, даже изобретать новые формы работы.

2. О МЕХАНИЗМЕ КООРДИНАЦИИ ПРИНЯТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**(Из стенограмм от 29 марта, 31 мая,
14 ноября и 28 июня 2002 года)**

А.А. Коробейников. Представляю вам свой доклад "О федеральном законе "О механизме разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений в Российской Федерации".

Участие в международных делах по принципу "куда кривая вывезет" не только не эффективно, но и ошибочно. А спрос за уровень эффективности внешней политики у нас ослаблен. Предлагаемый мной закон мог бы определить степень такой ответственности. Действующие факторы внешнего воздействия на нашу страну требуют через закон внедрить более строгую, стройную и отвечающую современным требованиям организацию российской внешней политики. Трудности внутреннего становления новой российской государственности, сложности экономического реформирования страны также ослабляют влияние России на процессы, развивающиеся в ближнем и дальнем зарубежье. Субъекты, участвующие в разработке внешней политики нашей страны, в такого рода обстоятельствах должны в известной мере компенсировать временную слабость государства. К сожалению, мы иногда продолжаем отстаивать завышенные цели великодержавия, не подкрепляемые

необходимыми ресурсами, что делает достижение цели заведомо утопичным.

Однако еще более опасной выступает ситуация, когда Кремль, Правительство, Федеральное Собрание, российская дипломатия не оказывают должного противодействия попыткам связать нас обязательствами, ставящими жесткие рамки для внутреннего развития России и роста ее авторитета в мире. Руководству нашей страны в этих условиях следует положить конец всякой российской "отсебятине" в международных делах, от кого бы она ни исходила.

Недавно один из ведущих специалистов по России, господин Шнайдер из ФРГ, задал мне вопрос: "Что хочет Путин в ответ за свое заискивание перед США и Западом?" К сожалению, наше руководство иногда дает повод так формулировать вопросы. "Объективно, — ответил я Шнайдеру, — ничего, кроме удовлетворения российских интересов". Потому что (и здесь я согласен с авторами доклада Комитета внешнеполитического планирования "Мировой порядок после терактов в США") на самом деле глобализация терроризма, обгоняющая глобализацию мирового хозяйства, заставила после 11 сентября США присоединиться к России, а не наоборот.

Но мне пришлось подчеркнуть для немецкого собеседника и опасность задохнуться в американских объятиях. Именно такая опасность требует от нашей внешней политики трезвости, прагматичного подхода и здоровой доли скептицизма. Пытаться реализовать подходы к Америке и другим странам на чисто субъективном уровне, на встречах "без галстука", а тем более принимать решения, в том числе и на уровне Президента страны, можно. Но лучше, если глава государства и все другие руководители страны будут действовать согласованно, в рамках закона.

Законодательное обеспечение механизма внешнеполитической деятельности поможет преодолеть наносящие урон престижу России на международной арене рассогласованность и непоследовательность деятельности ряда ее руководителей. События, происходящие в мире, требуют

чрезвычайно ответственного принятия решений, как правило, согласуемых между основными ветвями власти.

Уважаемые коллеги! Хотелось бы, чтобы критика предложенного на ваш суд доклада не стала самоцелью и мы сумели "вырулить" на конструктивный путь подготовки оригинального федерального закона. Необходимость такого закона назрела, и он будет создан нами или без нас. Только не надо затягивать эту работу. Россия и так опаздывает с самоопределением в своем внешнеполитическом курсе. Происходит это и в силу того, что у нас никак не идет процесс национальной самоидентификации, идеологического самоопределения нынешней России. И как следствие — у нас до сих пор не выкристаллизовались ценности и понятия общенационального значения, которые для большинства народа явились бы незыблемыми патристическими нормами и идеалами.

Но чему здесь удивляться? Российское общество все еще не способно сформулировать сколь-нибудь превалирующее общероссийское понимание национально-государственных интересов, в том числе и реализуемых на международной арене. Поэтому основная трудность определения содержания закона, который я предлагаю, — политический раскол российской элиты. Однако в мировой истории известен факт, когда на заложенных Конрадом Аденауэром основах внешней политики ФРГ впоследствии выросла база и для внутривнутриполитического консенсуса в стране. Роль не только внутренней, но и самостоятельной внешней стратегии в переходный период, каковой переживает сегодня Россия, очень велика.

Какие сферы, кроме политической, должны найти отражение в законе? Понятно, что закон посвящен внешнеполитическим решениям, но в нем должен найти отражение хотя бы в самой сжатой форме механизм выработки и реализации внешнеэкономических решений. И не только потому, что в условиях форсированного вступления России в ВТО нам придется столкнуться со множеством нестыковок норм этой организации с российскими интересами, но и

потому, что потенциал нынешних торгово-экономических отношений России с зарубежными странами в значительной мере исчерпал себя.

Стремление России использовать внешнюю политику как локомотив для внутренних экономических реформ может иметь смысл, если мы перестанем надеяться на зарубежную финансовую помощь и предложим иностранным партнерам более масштабные, чем до сих пор, формы взаимоотношений в сфере хозяйственных связей. Конечно, и совместные предприятия, и соглашения о разделе продукции, и свободные экономические зоны, и другие формы участия иностранного капитала в российской экономике возможны. Но путь к более масштабному возрождению отечественного производства на базе передовых зарубежных технологий все-таки наиболее оптимален через предоставление концессий.

В предлагаемом законе должен найти место и механизм обеспечения военно-политической составляющей нашей внешней политики. Но решение проблемы ограничения вооружений и разоружения должно быть сформулировано совсем в ином контексте, чем это делалось до сих пор. Поскольку разоружение — магистральный путь укрепления доверия и безопасности в международных отношениях, то в механизмах по разработке и принятию военно-политических решений должны обязательно участвовать не только внешнеполитические и военные ведомства, но и общественные деятели с широким гуманитарным взглядом на коренные проблемы выживания человечества. Нынешняя практика участия только дипломатов и военных в переговорах по разоружению не прозрачна и зачастую бесплодна.

Как реально выглядит сегодняшняя военно-политическая картина мира? Сначала мы с американцами и другими крупными производителями оружия вооружаем многие страны, стремясь продать им максимально возможное количество оружия и вооружений, а затем ломаем голову над проблемами вооруженности террористов в зонах военных конфликтов. Нельзя избавить международную

жизнь от терроризма и от локальных войн, не "обесточив" носителей вооруженного насилия. Россия должна войти в ООН с нестандартным предложением об усилении международного контроля за торговлей всеми видами оружия и военной техники.

Несмотря на то что указами Президента России утверждены концепции национальной безопасности и внешней политики страны, нам нужны более конкретные механизмы реализации политики в сфере международных отношений, более активно защищающие стратегические национально-государственные интересы. Решение всего комплекса проблем, порождаемых сложным стечением обстоятельств международной жизни, не может быть отдано на откуп никому в отдельности, в том числе и нашему внешнеполитическому ведомству. Ключевые решения должны приниматься более широким верховным кругом, и круг этот должен быть очерчен законом.

Предлагаемый механизм разработки и реализации внешней политики государства предполагает включение в его создание и приведение в действие, конечно, при руководящей и координирующей роли главы государства, представителей Федерального Собрания, органов исполнительной власти, администрации регионов Российской Федерации. В выступлении В. Соловьева будет очерчено видение президентской вертикали по принятию и реализации решений в сфере внешней политики через так называемую Коллегию по внешней политике.

Уважаемые коллеги! Попытка узаконить проведение внешнеполитической деятельности уже предпринималась несколько лет назад. Еще в 1994 году группа депутатов Госдумы разработала законопроект о формировании внешней политики России. И сразу же у людей, причастных к этой сфере, возникли вопросы. Можно и нужно ли законодательно регламентировать внешнюю политику? Не повлечет ли это мелочную опеку внешнеполитического ведомства и торможение процесса принятия и реализации решений?

Поскольку я начал с экскурса в недавнюю историю, то приведу свидетельства и аргументы того времени, прежде всего в пользу принятия закона. МИД России в лице тогдашнего первого заместителя министра Игоря Сергеевича Иванова считало правовое регулирование вопросов внешней политики важным для четкого определения функций государства в этой области. Институт международного права (Блищенко), Институт мировой экономики и международных отношений (Мартынов) полагали, что потребность в законодательном оформлении механизма внешнеполитической деятельности есть.

Кто и почему возражал тогда против закона? Специалисты Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России полагали, что сферы внешней политики и национальных интересов России не могут быть предметами, которые регламентируются законодательными актами. Нежелание принимать закон, касающийся механизма формирования и реализации внешней политики, основывается и на том опасении, что он может расширить круг субъектов, осуществляющих внешнюю политику, и при этом вольно или невольно умалить роль МИДа, лишить его свободы маневра, оперативности, заставить разрываться между требованиями Президента, исполнительной и законодательной власти, между их нередко не совпадающими подходами к решению международных задач.

По моему мнению, закон может сделать процесс принятия и подготовки решений по международным вопросам более прозрачным. В связи с этим концепция закона должна предусмотреть механизм демократического формирования и реализации внешнеполитического курса, четкую регламентацию участия России в международных организациях. Хотелось бы, чтобы закон способствовал более прагматическому подходу к выстраиванию внешнеполитических отношений, ибо прагматизм в этой сфере является одним из главных ресурсов укрепления позиций

России в современном мире. Уж Соединенные Штаты сейчас нам это демонстрируют сверхъярко.

Активное вмешательство законодательного корпуса страны в сферу формирования внешней политики способно значительно расширить арсенал средств ее реализации. Например, все более широкий размах приобретают прямые связи регионов, субъектов Федерации с иностранными государствами. Закон может предусмотреть учет международных потребностей субъектов России, исключить возможность игнорирования центром специфики региональных интересов. И в то же время предотвратить дезинтеграционные замашки отдельных административных территорий Российской Федерации.

Итак, в содержательном плане закон мог бы охватить политико-дипломатическое направление, внешнеэкономическую составляющую, военный компонент внешнеполитического курса, региональный аспект, деятельность неправительственных организаций, народную дипломатию, побратимские связи местных органов власти и тому подобное и, наконец, обеспечение информационного направления внешней политики.

Правовой базой нового закона, конечно же, будет Конституция, документы доктринального плана, международные соглашения и договоры, включая уровень субъектов Российской Федерации. К сожалению, в Конституции Российской Федерации 1993 года в отличие от советской Конституции 1978 года нет главы о внешней политике. Материал разбросан по 22 статьям. Механизмы реализации внешнеполитической деятельности предметно не прописаны.

Каким бы совершенным ни был законодательный механизм, наиболее судьбоносные для страны решения по международным проблемам следует регулярно выносить на всенародные референдумы, ибо по нашей Конституции носителем суверенитета, единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. И это должно быть четко прописано в законе.

В заключение хочу подчеркнуть следующее. Все аргументы "за" и "против" разработки закона требуют профессиональной дискуссии парламентариев, представителей внешнеполитического ведомства, юристов-международников и других специалистов в области международных отношений. Лично я считаю, что такой закон нужен, и для его подготовки в ближайшее время можно было бы осуществить анализ эффективности существующей практики принятия решений по ключевым внешнеполитическим проблемам, а также уже имеющихся форм и методов контроля за реализацией документов, подписанных Президентом, Правительством, за выполнением международных договоров и соглашений федеральными и региональными органами власти. Уточнить задачи и проблемы международной деятельности, которая требует участия всех ветвей власти, и особенно Федерального Собрания, возможно через новые организационные механизмы. Необходимо изучить зарубежный опыт организации внешнеполитической деятельности государства и контроля за ее эффективностью, если, конечно, таковой есть.

Полагаю, что наш Экспертный совет мог бы включиться в разработку концепции закона, а затем и самого текста законопроекта. По-видимому, было бы оправданным обратиться к большим возможностям Ассоциации дипломатов и Внешнеполитической ассоциации Российской Федерации, к другим заинтересованным в решении данной законодательной проблемы ведомствам и научно-исследовательским учреждениям.

И самое последнее. Механизм нужен не ради механизма. Он может быть основательно прописан в законе, а реального влияния его на внешнеполитическую жизнь как не было, так и не будет. Правоприменительная практика в других сферах нашей жизни многократно это подтверждает. Поэтому я бы акцентировал внимание в законодательном механизме на функции ответственности властей и спроса с них, чего до сих пор толком не делалось. Государственная, парламентская и чисто дипломатическая

практика реализации внешнеполитического курса России не может дальше страдать от субъективных поворотов Кремля, от демонстрационных предвыборных игр различных партий или от других обстоятельств субъективного порядка.

В.М. Соловьев. Наступательный характер выступления председателя нашего Экспертного совета, сенатора, члена Комитета Совета Федерации по международным делам, уважаемого Анатолия Антоновича Коробейникова как бы задает тон всей нашей последующей работе. Я думаю, вы не можете не почувствовать, что такая наступательность характерна и для деятельности всего Совета Федерации в его новом составе. Хотел бы также отметить, что сегодня в качестве председательствующих нашего собрания присутствуют, с одной стороны, член Совета Федерации, а с другой — представитель Аппарата Совета Федерации. Это — свидетельство того, что в нашем сообществе складывается неплохой творческий симбиоз для постановки, решения и проработки важных для страны законодательных инициатив.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы начинаем не с самого легкого, имея в виду вопросы, затронутые А.А. Коробейниковым. Хотя врачи и психологи рекомендуют, приступая к трудоемкой работе, начинать с самого простого, а в дальнейшем переходить к более сложному. Но обстоятельства, жизнь и практика международных отношений, то, что сейчас наблюдается в мире, те радикальные сдвиги, которые уже имеют место, просто не дают возможности России вздохнуть немножко свободнее и как бы перевести дыхание для очередного шага в продвижении реформ. Представляется закономерным то, что мы сегодня "с разгона" начинаем обсуждать сложные темы.

Административный механизм по управлению международной деятельностью государства в данном случае не создается заново. Это не механизм ради самого механизма. Речь идет о структуре, которая упорядочит роль и деятельность тех субъектов, которые уже сегодня участвуют во внешнеполитической деятельности страны, в разработке

ее курса на международной арене. Основная цель работы — обеспечение более основательной проработки вопросов по защите национальных интересов России и ее безопасности в этот сложный для страны период истории.

Конституция Российской Федерации закрепила за Президентом исключительные полномочия в сфере принятия решений, связанных с внешнеполитической деятельностью. По Конституции, которая является для нас основополагающим документом, наряду с Президентом для проработки идей, связанных с механизмом выработки внешнеполитических решений, должны приниматься во внимание соображения и других субъектов — участников внешнеполитической деятельности. Это, в частности, и регионы, и ведомства — представители исполнительной и законодательной ветвей власти страны.

Если посмотреть на действующую практику, то в настоящее время в проработке различных предложений, инициатив и реакций Президента на внешнеполитические проблемы участвуют в основном только представители исполнительной власти. Вы знаете, как сейчас организуется эта работа. Обычно идет запрос из Администрации Президента. Или по инициативе МИДа, Министерства обороны, других участников — субъектов внешнеполитической деятельности вносится предложение в Администрацию Президента по той или другой проблеме. Затем происходит межведомственная переписка бюрократического плана. Иногда, хотя далеко не всегда, в этом принимают участие различные академические институты, связанные с проработкой конкретных вопросов внешнеполитической стратегии и внешнеполитической тактики государства.

Принятие же окончательного решения всегда остается за Президентом, за главой государства. И зачастую (о чем свидетельствует практика) Президент, к сожалению, остается один на один с проблемами. Принятие важных, судьбоносных для страны решений (хорошо, когда такого рода решения принимаются с учетом стратегических интересов России) становится делом "из ряда вон" мучительным.

Нельзя, однако, гарантировать, что всегда будет делаться верный и оптимальный выбор. Как это имеет место в других государствах, которые играют ведущую роль на международной арене, в России должны быть созданы определенные институты гражданского общества, специальные структуры, которые гарантировали бы принятие наиболее эффективных решений исходя из существующих в России внутривластных, а также международных условий.

Идея о создании специального механизма, о которой Анатолий Антонович говорил в докладе, появилась еще в начале 90-х годов. Ряду присутствующих здесь коллег (в том числе и мне), работавших тогда в Администрации Президента, неоднократно приходилось эту тему поднимать. Были соображения и наработки, легшие в основу заключений, с которыми я вас хотел бы ознакомить.

Представляется целесообразным образовать непосредственно под руководством Президента Коллегию по международным делам, в которую наряду с Президентом (это как бы высший орган) вошли бы и другие "первые лица" государства, такие как Председатель Правительства, Председатель Совета Федерации, Председатель Государственной Думы, Секретарь Совета Безопасности, — в качестве постоянных членов коллегии. А также ведомства: МИД, Министерство обороны и ряд других — на правах ее членов. Соответствующая схема, структура такого механизма подготовлена.

Коллегия по внешней политике (условно) — это как бы высший орган во главе с Президентом, который принимает окончательное решение в сфере международных дел. Вопросы, поступающие на рассмотрение коллегии, должны, естественно, быть заранее проработаны и подготовлены в органе рабочего характера, условно названном нами Бюро коллегии по внешней политике. Бюро коллегии встраивается в президентскую вертикаль, дабы подтвердить положение о том, что внешнеполитическая деятельность в государстве — это все же прерогатива Президента. Мы

предполагаем поставить во главе его специально назначенное Президентом лицо.

В состав Бюро коллегии входят: руководители международного департамента Правительства России, заместитель Министра иностранных дел, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, заместители директоров Службы внешней разведки, ФСБ, заместитель Секретаря Совета Безопасности, курирующий международные вопросы, председатель Комитета Совета Федерации по международным вопросам, председатель Комитета Государственной Думы по международным делам, представитель профильного ведомства (по согласованию), который участвует в работе в зависимости от повестки дня, обсуждаемой на Бюро коллегии. Профильный министр принимает участие (по согласованию) в обсуждении вопросов повестки дня на самой коллегии, решения которой окончательно утверждаются Президентом Российской Федерации. И, тем самым, становятся обязательными для исполнения ведомствами.

Далее, следуя по цепочке, идет аппарат коллегии по внешней политике, который работает в рамках Администрации Президента и во главе которого находится глава Управления по внешнеполитическим связям Администрации Президента (оно существует в настоящее время, но требует кардинальной перестройки). Аппарат управления одновременно является рабочим аппаратом Коллегии по внешней политике и Бюро коллегии по внешней политике, готовящим и прорабатывающим вопросы для главы государства.

В работе аппарата Коллегии по внешней политике наряду с профессиональными работниками аппарата принимают участие также представители общественных организаций (в зависимости от обсуждаемого и прорабатываемого вопроса), научно-исследовательских институтов и российских регионов, которые дают свои рекомендации по конкретной проблеме. Вся эта работа координируется помощником Президента по международным делам.

Таковы наши соображения, которые появились не после часового раздумья, а были выношены годами практической работы в структурах, возглавляемых главой государства. Все это, естественно, не является истиной в последней инстанции, это наш первый разговор по данной теме. Как я ранее отметил, это очень деликатная сфера. Как вы понимаете, она деликатна в плане не только административном, но и политическом.

Поэтому мне хотелось бы попросить вас, чтобы наш разговор имел на данном этапе достаточно ограниченный по своим рамкам характер. После того как мы сочтем наш рабочий материал по этому вопросу готовым, мы предложим вам на обсуждение соответствующий вариант будущего законопроекта.

Ф.И. Ладыгин. Безусловно, упорядочение вопросов, связанных с принятием решений в области внешней политики, крайне необходимо. И не только упорядочение вопросов, связанных с принятием решений, но и упорядочение проведения уже принятых решений в жизнь. Я приведу пример. В сентябре 1991 года, когда Соединенные Штаты готовились к проведению операции "Буря в пустыне", в которой, особенно на первом этапе, главное участие принимала авиация для нанесения ударов по Ираку, за два месяца до начала операции начальник главного штаба военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки был снят с должности только за то, что он однажды неаккуратно выразился где-то в средствах массовой информации по какому-то вопросу, относящемуся к согласованной ранее внешнеполитической линии Соединенных Штатов. И несмотря на то что (еще раз подчеркиваю) авиация должна была принимать участие и принимала участие на этом этапе в боевой операции, американцы в ответственный момент убрали с поста этого достаточно грамотного военного деятеля. У нас же творится невообразимое! Поэтому и должно быть упорядочение. Что это будет — закон или, может быть, что-то иное, но мне

представляется, что руководитель Экспертного совета совершенно правильно выдвинул это на первое место.

И хотел бы обратить внимание на то, что сказали и Владимир Михайлович, и Анатолий Антонович в самом начале постановки этой проблемы: были противники. Они будут и сейчас, но надо продвигаться вперед.

Сразу после заседания Экспертного совета Комитет внешнеполитического планирования провел углубленное обсуждение вопросов о "Механизме выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений".

В нем участвовали Батурин Юрий Михайлович, Дворкин Владимир Зиновьевич, Кортунов Сергей Вадимович, Коновалов Александр Александрович, Ладыгин Федор Иванович, Мануильский Дмитрий Артемович, Ознобищев Сергей Константинович, Соловьев Владимир Михайлович.

С.В. Кортунов. Мы решили сегодня собраться сразу после заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам в более узком составе, включая именно тех людей, которые участвовали в разработке концепции закона, касающегося механизма выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений. К сожалению, с нами нет председателя Экспертного совета А.А. Коробейникова, который в настоящий момент докладывает о состоявшемся заседании Председателю Совета Федерации С.М. Миронову.

Начать я хотел бы с двух замечаний к моей же собственной записке по этому вопросу. Ясно, что тот механизм, который прописан в записке, не может быть механизмом принятия, выработки и реализации всех внешнеполитических решений. Речь здесь идет о ключевых внешнеполитических решениях, которые связаны непосредственно с внешними аспектами национальной безопасности. Поэтому основная методологическая трудность состоит в том, чтобы отделить именно ключевые внешнеполитические вопросы от текущих и оперативных, которыми

занимается Министерство иностранных дел. Это первая методологическая сложность, поскольку это придется объяснять МИДу, Совету Безопасности и, возможно, Президенту Российской Федерации. Общее соображение такое: это должны быть решения, связанные с национальной безопасностью, как она прописана в соответствующих официальных документах, в том числе в концепции национальной безопасности, концепции внешней политики, военной доктрине, а также различных других подобного рода документах — концепциях экономической, информационной, продовольственной безопасности и так далее. Надо провести соответствующую инвентаризацию этих документов. Например, проблема вступления России в ВТО — это также вопрос, напрямую относящийся к национальной безопасности, хотя он и не имеет отношения к военно-политической проблематике. Это тот самый вопрос, который должен обсуждаться в предлагаемом нами формате.

Второе методологическое замечание. Необходимо разграничить компетенцию различных ведомств, в первую очередь исполнительных и законодательных. Мы здесь ведем речь о механизме выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений. Например, к реализации внешнеполитических решений Совет Федерации и Государственная Дума, вообще законодательные органы при всем нашем к ним уважении отношения иметь не могут. Они не могут участвовать в реализации внешней политики, потому что для того, чтобы выполнять решения, нужны соответствующие ресурсы, людской и материальный потенциал, чем законодательные органы не располагают. Реализация — это прерогатива исполнительной власти. Это ясно. Другой вопрос, что законодательные органы могут контролировать выполнение решений. Хотя опять же функция контроля должна быть, видимо, разграничена между президентскими структурами и законодательными органами. Текущий регулярный контроль за исполнением президентских решений в области внешней политики должен, безусловно, осуществляться из аппарата Президента. Как это

было и во времена ЦК КПСС. Что касается общего политического контроля за внешней политикой, то здесь может быть участие Совета Федерации и Государственной Думы путем различного рода запросов, слушаний тех или иных министров именно по вопросам выполнения тех решений, которые принимаются посредством данного механизма. Как это осуществляется, например, в США, когда на различного рода слушания Конгресса приглашаются руководители отдельных ведомств, заслушиваются и принимаются соответствующие резолюции.

Еще раз: речь идет о разграничении компетенции различных ведомств и ветвей власти в части как подготовки, так и выполнения внешнеполитических решений. Мне кажется, что эти вопросы надо решить, в противном случае мы будем на них все время наткаться.

А.А. Коновалов. Мы будем наткаться на многие вопросы. Я с трудом себе представляю, как можно посадить за один стол представителей исполнительной власти и парламента. В особенности на том этапе развития нашей страны, когда у нас возникнет по-настоящему многопартийная система. Тогда получится, что за одним столом сидят представители правящей партии и оппозиции.

Следующий вопрос: каков статус этой коллегии? Это совещательный орган? Конечно, законодательная ветвь власти может контролировать внешнюю политику через слушания министров. Но ведь резолюция слушаний носит рекомендательный характер. Парламент может контролировать лишь те вопросы, которые связаны с ратификацией международных договоров. Там он может заблокировать тот или иной договор, то или иное решение. А по крупным вопросам вряд ли исполнительная власть захочет советоваться с законодателями.

В.З. Дворкин. Что такое сегодня Совет Безопасности? Это орган, который под руководством Президента Российской Федерации принимает какие-то решения, которые затем реализуются в указах Президента и постановлениях Правительства. Коллегия должна быть как бы Советом

Безопасности по внешнеполитическим вопросам. То есть нынешний Совет Безопасности, который почти не работает, можно заменить более авторитетным и компетентным органом. В Совете Безопасности, например, есть постоянное совещание по ядерному сдерживанию, которое и должно, казалось бы, принимать решения относительно нашей ядерной политики. Но ведь оно не работает. А когда они собираются, то принимают совершенно пустые и никому не нужные решения. Поэтому если наша коллегия будет принимать какие-то решения, то в них должно быть записано: в такие-то сроки принять такие-то указы и такие-то постановления.

А.А. Коновалов. Сергей Вадимович прав в том, что надо собрать все документы, касающиеся национальной безопасности, и провести их инвентаризацию. Коллегия должна заниматься постоянным мониторингом выполнения этих документов и их обновлением.

Ю.М. Батурин. Главная задача любой внешней политики заключается в том, чтобы она как минимум не наносила ущерба экономике страны и как максимум усиливала и упрочняла эту экономику. В свое время президент Клинтон в докладе за 1999 год "Национальная стратегия США в XXI веке" сказал: один доллар, затраченный за рубежом, должен принести стране 10 долларов. Для России — это слишком сильная задача. Главное, чтобы каждый рубль, затраченный за рубежом, не приносил убытка. Для этого необходимо не только ставить реальные задачи, но и рационально сопрягать их с финансами, а еще правильнее — с экономическими возможностями страны. Во внешней политике выигрывает тот, кто умеет считать. Как, впрочем, и в других областях. США как раз считать умеют. У них просчитывается любой вид деятельности по реализации национальных интересов или стратегии национальной безопасности. В этих подсчетах участвуют не только государственные или представительные органы, но и специально создаваемые по случаю группы типа совещательной группы по присутствию за рубежом — overseas advisory.

Финансирование международной политики США закладывается в раздел Function 150 федерального бюджета, а точнее Function 150 Account. Поначалу этот раздел верстается в разделе ресурсов планирования политики госдепа. Затем передается в администрацию президента, где самую важную роль играет служба по управлению бюджетом. После утверждения президентом проекта бюджета документы передаются для обсуждения в Конгресс. А часть по международной политике — в подкомитеты Конгресса: внешние операции, коммерция и государство и другие. А затем проекты вновь возвращаются в администрацию президента для доводки и подписания. Причем весь процесс строго расписан по срокам.

Финансирование международной политики распределяется по программам через четыре департамента: госдеп, минфин, агентство по сотрудничеству в области оборонной безопасности, министерство обороны, министерство сельского хозяйства, а также через сеть независимых агентств типа агентств по международному развитию, международной торговле, корпорации по зарубежным частным инвестициям, корпуса мира, агентства по торговле и развитию, института мира. Или через ряд фондов типа фонда американского развития, азиатского фонда и межамериканского фонда.

Для того чтобы правильно посчитать бюджет, в США разработана система категорий и понятий. Эта система прописана в документе The Budget System and Concept. В нем объяснены все бюджетные термины. Причем надо иметь в виду, что финансирование международной политики не то же самое, что финансирование внешней политики. Понятие "цель" определяется через разные термины в зависимости от содержания. Например, "goal" — это принципиальная цель с нефиксированным временем ее достижения, а "objective" — конкретная цель с обозначением сроков ее выполнения. Скажем, "strategic goal". К этой категории относится уменьшение угрозы США и их союзникам от оружия массового уничтожения или дестаби-

лизирующего обычного оружия. "Operational goal" — это операционная цель. В качестве примера — ядерная самозащита на международной арене.

В соответствии с документами США национальные интересы состоят из семи пунктов. Стратегические цели в международных делах — из 16 пунктов и так далее. Весь бюджет "150" делится на четыре неравные части. Наибольшая сумма приходится на раздел "Внешние операции", вторая по значимости часть расходов приходится на раздел "Коммерция и государство", в рамках которого финансируется и госдепартамент. В частности, расходы на функционирование госдепартаamenta составляют приблизительно 28 процентов от всей суммы на внешнюю политику. Основная сумма расходов падает на содержание административного аппарата внутри страны и за рубежом (около 65 процентов). Это также международные организации и организация международных конференций — 24 процента. Расходы по другим частям относительно незначительны. Сельское хозяйство — там финансируется продовольственная помощь. Службу труда финансирует институт мира. Расчет расходов на внешнюю политику США учитывает даже такие детали, как выходные дни в стране пребывания для американских дипломатов. И если американский дипломат работает в выходной день в стране пребывания, ему положена дополнительная оплата и другие компенсации. Все это учитывается до дня и до доллара.

А как обстоит дело в России? Если задать вопрос руководителям российского МИДа, сколько стоит внешняя политика России, то в лучшем случае они пожмут плечами и посчитают вопрос глупым. Смотрите бюджет, скажут они. Но проблема заключается в том, что в федеральном бюджете России многие статьи, имеющие отношение к внешней политике, или слишком общи, или засекречены. Из бюджета России можно понять, например, что внешняя политика означает международное сотрудничество, участие в миротворческой деятельности, реализацию международных договоров в рамках СНГ, международные культурные,

научные, информационные связи, экономическую, гуманитарную помощь другим государствам. Если по таким данным сравнить США, Японию, Англию и Россию, то окажется, что на внешнюю политику в США тратится 300 млрд. долларов, в Японии — более 50 млрд. долларов, в Англии — около 40 млрд. долларов, а в России — около 8 млрд. долларов. Даже если принять во внимание то, что в бюджете мы не все учли из трат на внешнюю политику, соотношение сил более чем понятно. И в Англии, и в Японии расходы на внешнюю политику значительно превосходят расходы России. При этом эти страны не ставят себе задачу, по крайней мере на официальном уровне, стать великой державой. Россия же претендует на статус великой мировой державы, о чем свидетельствует концепция внешней политики Российской Федерации. В ней поставлена, например, такая цель — обеспечение надежной безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы. Подчеркиваю, как великой державы. Совершенно очевидно, что с таким финансированием Россия не добьется статуса великой державы, как бы мы ни убеждали себя и других, что мы есть великая держава. Вот почему все разговоры о наших национальных интересах, о нашей национальной безопасности и внешнеполитических целях останутся пустой болтовней, если заранее не оговорить стоимость их реализации и финансовое обеспечение этой стоимости. Поначалу надо научиться считать хотя бы теоретически. Видимо, необходимо использовать категорию, например, внешнеполитического потенциала, как суммарный ресурс, затрачиваемый государством на проведение внешней политики. Разделим, скажем, внешнеполитический потенциал на три части: "расходы на национальную оборону", "расходы на международную деятельность", "расходы на внешнюю экономическую деятельность". Эти три компонента, по-видимому, составят около 85—90 процентов

всего внешнеполитического потенциала. Будут, видимо, и другие позиции.

Необходимо составить алгоритм принятия решений в сфере внешней политики. Этот алгоритм будет, видимо, состоять из ряда блоков: постановка задач — стратегических и тактических; экономические расчеты; выработка политического курса; оценка программ, концепций; организация сбора данных; оценка данных; выбор вариантов решения; контроль промежуточных результатов; переоценка, переформулировка, уточнение решений на основании данных промежуточного контроля; оценка результатов; награждение причастных и наказание виновных, то есть ответственность. Впрочем, последний этап, по-моему, и составляет всю сущность нашей внешней политики.

На самом деле, конечно, это должен быть не один универсальный алгоритм выработки внешней политики, а целый пакет алгоритмов: алгоритм выработки концептуальных стратегических планов, алгоритм достижения тактических целей, алгоритм оперативного, срочного реагирования на изменение ситуации, алгоритм политических действий в чрезвычайных ситуациях, алгоритм финансового планирования, алгоритм контроля, алгоритм подведения итогов и возложения ответственности и так далее.

В.З. Дворкин. Есть еще один очень важный вопрос. Во внешней политике недопустимы импровизации. Должна быть жесткая дисциплина в отношении заявлений по тем или иным внешнеполитическим вопросам. Недопустима ситуация, при которой собираются пять-шесть американцев и пять-шесть наших, и американцы с удовольствием смотрят на то, как наши препираются друг с другом. Сами же они не препираются между собой никогда.

Конечно, закон по этому вопросу (я имею в виду весь механизм принятия и выполнения внешнеполитических решений) провести будет крайне тяжело. Однако принять указ Президента, возможно, будет еще сложнее с учетом тяжелой процедуры его согласования. Никогда Министр иностранных дел не завизирует такого указа.

Поэтому закон в этом плане, может быть, будет даже легче провести. Относительно проще было бы провести закон о создании органа, отвечающего за внешнюю политику, не прописывая на данном этапе его полномочия и функциональные обязанности, потому что положение об органе — это многостраничный документ, который должен разработать сам орган и представить на согласование, а затем на утверждение Президента. Если мы сейчас займемся подробным формулированием прав и обязанностей этого органа, мы утонем.

Я думаю, что в коллегии должно быть по крайней мере три сектора: военно-политический, внешнеэкономический и международный.

Ф.И. Ладыгин. Я согласен с Владимиром Зиновьевичем. Проиллюстрирую на примере. Выступает прошлой осенью Владимир Владимирович Путин и говорит: "Мы никогда не согласимся, что Договор по ПРО — это устаревший договор, что это "реликт холодной войны". Проходит какое-то время. 13 декабря президент США заявляет о принятом решении выйти из Договора по ПРО. Этому предшествовала работа у нас, в ходе которой было подготовлено два документа на предмет возможной реакции на заявление США о выходе из Договора по ПРО. И те люди, которые занимались подготовкой этих документов, ожидали соответствующего заявления со стороны Президента. А когда услышали его реакцию, то были повергнуты в шок. Президент сказал, что это ошибочное решение, но нам оно не наносит никакого урона. Другой человек, который говорил, что Договор по ПРО — это краеугольный камень стратегической стабильности (я имею в виду Министра обороны), вдруг говорит: да, американцы правы, это реликт холодной войны и его надо пересмотреть, а решение американцев юридически безупречно. Я сначала подумал, что он имеет в виду нас, что наша позиция юридически безупречна, но он имел в виду совсем другое. Далее. Наш Президент выступил через час после заявления президента США. Смотрим закон о ратификации Договора

по СНВ-2. Там записано, что в случае выхода американцев из Договора по ПРО должны быть незамедлительно проведены консультации. Никаких консультаций проведено не было. Можно отдать должное американцам, они выбрали удачное для себя время — у нас здесь были трехнедельные каникулы. Я спрашиваю у депутатов: ребята, вы собираетесь как-то реагировать? А они говорят: не мы принимали этот закон. Я показываю им закон, который принимался ими и был подписан Президентом 4 мая 2000 года...

В.З. Дворкин. Но ведь Договор по СНВ-2 не вступил в силу.

Ф.И. Ладыгин. Ничего подобного. Для нас он вступил в силу, поскольку был принят закон и подписан соответствующий указ Президента. Договор не вступил в силу, а закон вступил в силу. Лишь 16 января 2002 года Госдума собралась и написала Президенту о необходимости проведения незамедлительных консультаций. Проходит месяц, второй, и только через два месяца и четыре дня после этого Президент дает поручение двум Ивановым.

Второй момент. Американцы приходят в Грузию, любимую нами всеми. Военные американцы. Что же мы наблюдаем? Министр иностранных дел говорит, что мы возражаем против этого. Министр обороны, сидя рядом с министром обороны Грузии, говорит: я ничего не знаю. Но если это так, то это нарушение. Затем выступает Президент и говорит, что Грузия имеет право все что угодно делать как суверенное государство. Госдума, со своей стороны, начинает бузу: давайте немедленно принимать в Россию Абхазию и Южную Осетию. Есть ли у нас хоть какой-то механизм выработки решений и исполнительская дисциплина их выполнения в плане поведения государственных чиновников?

В противовес этому беспределу привожу пример из советских времен. На переговорах с американцами мы оказались в очень тяжелом положении. Мы были вынуждены принимать решения в Вашингтоне. С нами был представитель Министерства иностранных дел, представи-

тель Министерства обороны, представитель ЦК КПСС и представитель Военно-промышленной комиссии. Нам было предоставлено право принимать решение на месте. Я смотрел, как принимали решение американцы. Это было воскресенье, но механизм у них работал, как часы. Те, кто принимал решения, а их по существу было пять человек, работали. Это президент, вице-президент, министр обороны, председатель КНШ и госсекретарь. Они не собирались, но они проводили селекторные совещания. В это же время, как я узнал позднее, работал весь аппарат министерства обороны, комитета начальников штабов, совет национальной безопасности, госдепартамент. Принимал решение не Дж. Бейкер. Как только вопрос выходил за рамки предписанных ему указаний, он выходил и проводил селекторное совещание со своими коллегами.

У нас в свое время была так называемая пятерка. Я был маленьким винтиком этого механизма. И тогда внешнеполитические решения были решениями не Горбачева, не Язова, не Крючкова, даже не Шеварднадзе. Хотя Шеварднадзе и допускал импровизации, которые потом приходилось исправлять. "Пятерка" действовала до 17 июля 1991 года и принимала решения иногда мгновенно. "Пятерка" собиралась в кабинете у Зайкова, в котором затем сидел Гайдар. Там было значительно меньше народа, чем собиралось у Бурбулиса. Этот механизм в определенной мере и нам не позволял высказывать то, что выходит за рамки принятого решения. Может быть, нам подумать о возрождении такого механизма?

Ю.М. Батурин. Федор Иванович, дорогой, ну а что мешает-то сейчас Президенту дать поручение своим пятерым министрам? Они же все есть, они все работают, у всех аппараты свои. Есть Совет Безопасности. Там есть внешнеполитическая комиссия. Почему нельзя это там сделать? Она не работает. Вы говорите, она не эффективна. А что, если создать новую, то она будет эффективной? Пройдет еще год, мы скажем: эта тоже не эффективна. Давайте теперь создадим суперкомиссию.

Никто нам не гарантирует эффективность этой коллегии. Опять соберутся первые лица и скажут: да, проблему надо решать. Дадут поручение своим замам, которые по этому документу входят в бюро. Замамы соберутся, скажут: нам дали задание решать, нам его надо решить к 17.00 завтрашнего дня. Но сами они решать не будут, они дадут поручение аппарату. А аппарат у помощника в Администрации Президента Российской Федерации, он пишет проект решения. Потом этот проект передается замам, а замамы — первым лицам. Но ведь то же самое можно и сейчас сделать без всей этой "картинки".

В.М. Соловьев. Хотел бы вас проинформировать, что А.А. Коробейников доложил о нашем обсуждении вопроса С.М. Миронову, который поддержал наши подходы. Наша задача — не создать очередную бюрократическую структуру, а задействовать имеющийся потенциал. Что касается американцев, то они в первую очередь контролируют принятие и выполнение внешнеполитических решений через бюджет. Там за каждую строчку бюджета отвечает отдельный чиновник. А вы знаете, сколько томов составляет бюджет США? До такой проработки вопросов в обозримой перспективе мы вряд ли сможем дотянуться. Но нам все равно надо внешнеполитические акции как можно детальнее прописывать в годовом бюджете.

Ю.М. Батурина. Если для этого нужно перестроить аппарат Президента, в частности управление по внешней политике, так перестройте его! Зачем создавать коллегии? Вот подписан Указ Президента от 12 марта 1996 года о координации внешней политики, так действуйте в соответствии с этим указом, там уже все есть!

В.З. Дворкин. Я с удовольствием слушал выступление Ю.М. Батурина. Мне захотелось назвать его "Почему Россия не Америка?". Мы недавно попытались воспроизвести механизм "пятерки". Президент издал распоряжение. Однако оно не работает. Его заблокировали МИД и Минобороны. Я считаю возможным предложенный подход потому, что это был бы закон, за нарушение которого

виновные несли бы уголовную ответственность. Повышение статуса этого решения я считал бы целесообразным.

Ю.М. Батурин. Вы же знаете, как работают наши законы! Почему Вы считаете, что этот закон попадет в категорию работающих?

С.В. Кортунов. Я думаю, что мы не должны здесь питать иллюзий. На моей памяти было три или четыре попытки создать такого рода внешнеполитический механизм. Все попытки провалились. Не сомневаюсь, что и сейчас эта попытка провалится. Но думаю, что от разговоров по этому вопросу в Совете Федерации и других органах власти польза все равно будет. Возможно, наша инициатива будет еще одним небольшим шагом на пути строительства нашей государственности.

Ю.М. Батурин. Я же не против этого. Я против того, когда закон сводится к структуре и аппарату. А там должна быть процедура: кто что должен делать, в какие сроки, кто ответственен. Процедура же возникнет, когда мы четко представим алгоритм. Только об этом я и хотел сказать.

С.В. Кортунов. Мне кажется, что стоило инициировать этот вопрос только затем, чтобы услышать это выступление Ю.М. Батурина.

С.К. Ознобищев. Жизненная практика показала, что АТС-2 была введена после того, как стала плохо работать АТС-1, потом сделали дополнительную связь. Наверное, и здесь надо идти по этому пути, создавать новое.

Ю.М. Батурин. Но тогда давайте не забывать ликвидировать то, что плохо работает, если создается новое.

Д.А. Мануильский. Если стоит вопрос о реструктуризации, то одним из его предметов является упразднение нежизнеспособных органов. Очень важна при этом экономическая часть, о чем говорил Юрий Михайлович. Без экономического расчета любое решение, каким бы правильным оно ни было и как бы оно ни отвечало нашим интересам как интересам великой державы, работать не будет. Значит, решение неправильное, если экономически его выполнить никто не может. И в сообществе, которое

вырабатывает решения, должен быть человек, который владеет вопросами бюджета, то есть сверхкомпетентный финансист. Он и может сказать: вот это вы можете сделать, а это нет, это вы можете сделать лишь на следующий год за счет отказа от чего-то. Или режьте "социалку" Матвиенко.

В.М. Соловьев. Думаю, что сами разговоры об этом весьма полезны. Парламентарии должны задуматься обо всем этом.

Д.А. Мануильский. Да, надо специально воспитывать парламентариев в духе дисциплины выполнения внешнеполитических решений.

А.А. Коновалов. Есть, однако, серьезные вещи. Вот, например, решение Путина примкнуть к антитеррористической коалиции. Я могу для себя оценить его полезность по многим факторам. Но просчитать экономически это решение крайне сложно.

С.К. Озобищев. Должны появиться компетентные люди, которые могут это сделать.

Д.А. Мануильский. Это вопрос методологии. Спрогнозировать экономические последствия внешнеполитических шагов, убежден, можно, если опираться на соответствующие научные критерии и методики.

А.А. Коновалов. А присутствие американцев в Средней Азии? С одной стороны, это дает нам возможность самим не проливать там кровь, а заодно нейтрализовать радикальные исламские движения в Узбекистане. Кроме того, это сдерживающий фактор для возможной экспансии Китая. Это, конечно, плюсы. Но сколько это стоит во внешней политике, никто сказать не может. Вместе с тем присутствие в Средней Азии дает американцам возможность контролировать ресурсы Каспия и всего региона в целом. Возникает вопрос: могли ли мы сами заполнить этот вакуум? Что мы могли бы предложить? Мы сейчас не можем предложить ни денег, ни военной протекции. Однако 6 тысяч американцев, которые находятся сейчас в Афганистане, вряд ли смогут обеспечить надежную охрану трубопроводов. Хорошо бы туда не пускать американцев. Но когда нет ни денег,

ни военных ресурсов, ни политической воли, приходится все отдавать им.

Д.А. Мануильский. Я об этом и говорю. Пока мы бедные, нам надо экономить.

А.А. Коновалов. Бедными мы были всегда, сколько мы существовали.

Д.А. Мануильский. Там, в Советском Союзе, была другая система экономики.

С.В. Кортунов. В Советском Союзе была модель мобилизационного развития экономики, которая позволяла маневрировать ресурсами. А сейчас у нас рыночная экономика.

В.М. Соловьев. И все же это просчитываемые моменты. Появление американцев в Средней Азии ставит под сомнение эффективность того, что мы делаем на пространстве СНГ. Например, более 80 процентов деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ, не говоря уже о функционировании Договора о коллективной безопасности от 1992 года, обеспечивает в финансовом отношении Россия. Имеет ли смысл в условиях неэффективности всего этого продолжать финансировать такого рода деятельность? Это миллионы долларов. Может быть, эти деньги надо перенаправить на другие задачи? В том числе в сфере международной.

С.В. Кортунов. Да, но надо понимать, что такой подход, который был предложен Юрием Михайловичем, означает глобальную революцию в стратегии мышления и вообще переоценку всех приоритетов. В этом случае необходимо провести инвентаризацию абсолютно всех внешнеполитических программ. Кто этим будет заниматься? Это задача, вероятно, лет на 100.

Ф.И. Ладыгин. Я думаю, не следует однобоко трактовать то, что сказал Ю.М. Батулин. Ведь не все измеряется экономикой. Внешнеполитическая стратегия выливается во внешнеполитические программы, которые реализуются ведомствами на основании директивных указаний госдепартамента, если говорить о США. Через мои руки про-

ходили такие указания. Там тоже есть вещи, которые не измеряются деньгами. Например, такое указание: "Посольство должно максимально работать по вопросам, связанным с оказанием военной и экономической помощи". Есть определенная цена политической составляющей. Или, например, такое указание: "Имейте в виду, что оказание военной помощи в виде обучения военнослужащих в той или иной стране будет означать для нас такой-то экономический эффект. Это окупится сторицей". Потому что в данной стране, например в Габоне, очень уважают военных, и обученные и воспитанные на американских ценностях младшие офицеры через некоторое время займут достаточно высокие посты. И потом они будут проводить нашу, то есть американскую, политику. Это никакими долларами измерить нельзя.

А.А. Коновалов. Но для этого, во-первых, нужно быть уверенным, что получишь именно то качество, на которое рассчитываешь. А во-вторых, что, у нас есть на это средства? Например, в центре военного обучения в Гармише подобного рода программы функционируют на бюджетные деньги Пентагона, в частности сухопутных вооруженных сил США. Военнослужащие обучаются демократическому контролю за вооруженными силами. Туда приглашают военнослужащих из стран Центральной Европы, из республик бывшего Советского Союза, из России. И очень немного из натовских стран. Все, кто приезжает из Центральной Европы и советских республик, приезжают на деньги американской армии. Этот центр стоит несколько миллионов долларов в год. Нормальная армия, казалось бы, купила бы на эти деньги еще пару вертолетов или десятков танков, а американская армия на эти деньги обучает бывшего противника демократии. Я спросил одного американца: "Вам не кажется, что на эти деньги надо было приобрести новую военную технику?" Он ответил: "Александр, это намного дешевле, чем потом, возможно, с вами драться и гасить разгоревшиеся конфликты".

С.К. Ознобищев. У них, у американцев, политические цели, будь то поддержка демократии или борьба с терроризмом, верстаются в военный бюджет, а никак не наоборот. Они, конечно, богаче, чем мы. У нас другая крайность — крайняя запущенность экономических просчетов в вопросах внешней политики. Если сегодня вы спросите у Минфина, есть ли деньги на выполнение такой-то задачи, Минфин ответит: "Нет, на это денег нет". Но если речь пойдет о выживании Правительства и лично Министра финансов, то деньги найдутся всегда. Госдума каждый раз вытягивает из них деньги на решение конкретных задач.

Поэтому мы приходим к тому, о чем говорил Сергей Вадимович: надо определиться хотя бы по минимуму национальных приоритетов, вопросов как внешней, так и внутренней политики. Тогда, возможно, мы найдем ограниченные ресурсы на выполнение ограниченного круга внешних задач.

А.А. Коновалов. Мне кажется, что собрались мы здесь, чтобы подчеркнуть, что российская внешняя политика — это процесс спорадический, непредсказуемый и непонятно на какие цели направленный. Они нас спрашивают, где находится "красная черта", за которую нельзя лезть? У нас все плавает и меняется день ото дня. И при этом речь идет о том, что разные государственные чиновники в одно и то же время высказывают разные позиции. Речь здесь идет не о ресурсах, а об элементарном порядке. Они нам говорят: "Вы требуете от нас уважения ваших национальных интересов. Мы готовы. Но объясните, в чем состоят эти интересы".

В.М. Соловьев. Здесь с их стороны есть определенная игра. Мы же неоднократно говорили, что не надо бомбить Югославию, а они это сделали. То же самое относительно расширения НАТО. Наша беда состоит в том, что мы слишком заиклены на американцах. Начинаем мыслить их категориями. Вчера я встречался со швейцарским послом, который мне сказал: "У нас появились надежды, что вы стали более европейской страной и смотрите не только в

сторону американцев". Возьмите европейский нейтралитет, который пока еще является политической реальностью. Можно ли его использовать в интересах России? Думаю, что можно действовать!

Ф.И. Ладыгин. Я хочу вернуться к заявленной теме: механизм принятия внешнеполитических решений. Возьмем нашу реакцию на теракт в США. Наш Президент поступил правильно, что осудил теракт. Он правильно сделал, когда сказал, что мы на стороне жертв этого теракта. В американской конституции записано: только в случае нападения на США, выразившегося в нападении собственно на территорию США, на их вооруженные силы, на их военные объекты и на граждан США, президент имеет право сам лично принять решение об использовании вооруженных сил. Однако в течение 48 часов он обязан уведомить об этом Конгресс и получить его согласие на объявление войны. А 11 сентября разве была война? Не было войны ни против США, ни против нас. Тем не менее наш Президент совершил целый ряд определенных действий без всяких консультаций с парламентом. А затем, будучи в Сочи, он пригласил к себе представителей ведомств и уже после определенных заявлений и действий решил с ними посоветоваться, что делать дальше. Туда съехались люди, даже не представлявшие, зачем их пригласили. Они лишь предполагали, что их вызвали по поводу теракта. Но они приехали неготовыми и не смогли предложить грамотных вариантов решений. Возобладала точка зрения лишь одного человека. Но так не принимаются решения по столь важному внешнеполитическому вопросу. А что будет дальше? Мы не просчитали возможных вариантов развития событий. Никаких более-менее взвешенных суждений "за" и "против" не было. Говорят: а что мы могли противопоставить этому? Эта постановка вопроса приводит меня в шоковое состояние.

Никто же не собирается наносить ядерный удар по Америке, если мы с ними не согласны. Конечно, не надо хлопать дверью и рвать дипломатические отношения, но

можно четко и ясно заявить позицию России. Например, что мы не согласны с американской политикой. И Вам, господин Рахмонов, не советуем соглашаться с американцами. Можете с нами не соглашаться, но имейте в виду, что мы живем не одним днем. И каждый раз другие страны оглядывались бы на эту нашу позицию.

В.З. Дворкин. А до какой степени нам надо сопротивляться ударам США по Ираку?

А.А. Коновалов. До крайне незначительной. Мы должны сказать, что мы коалицию не покинем, но крайне осуждаем.

В.З. Дворкин. Но мы должны понимать, к каким потерям это для нас приведет. Это первое.

Второе. Когда Вы, Юрий Михайлович, говорите, что у нас большинство законов не работает, то тут вообще можно опустить руки и ничего не делать. Есть вопросы, которые даже не требуют никакой финансово-экономической оценки. Если имеющиеся структуры, в том числе и в Совете Безопасности, несмотря на указы и распоряжения Президента, не работают, то есть ли смысл поднимать политическую планку и уровень принятия внешнеполитических решений? Или это делать бессмысленно? Нужен ответ на этот вопрос, от которого зависит смысл нашей работы над законом.

С.В. Кортупов. Можно пойти, конечно, и по другому пути: организовать какую-то публичную акцию, возбудить общественное мнение. Это тоже один из путей достижения целей. Если Президента убедить через такой путь, что у нас плохо с государственной дисциплиной в сфере выполнения внешнеполитических решений, то, может быть, что-нибудь и изменится.

А.А. Коновалов. Но вот Президента убедили, что у нас плохо с беспризорностью. Что произошло? Организовали кампанию: день ловили беспризорников, день их сажали по тюрьмам, день — оттуда выпускали. Через неделю они вернулись на те же вокзалы в состоянии еще

большого энтузиазма. Главная проблема в том, что у нас крайняя слабость власти.

Д.А. Мануильский. Импотенция, я бы так сказал.

А.А. Коновалов. Мне не хотелось бы обидные слова говорить.

С.В. Кортунов. Это не обидное слово, это медицинский термин.

Юрий Михайлович, как Вы считаете, стоит ли здесь что-нибудь начинать?

Ю.М. Батурин. Конечно. Но не нужно заранее декларировать, что мы делаем проект закона. Нужен механизм. Надо как следует поработать нашей группой экспертов с привлечением других всевозможных специалистов. Тогда и будет ясно, нужно ли такой механизм внедрять через указ Президента или без всякого указа опробовать и в порядке эксперимента какие-то решения принять. Закон мы можем вводить, когда понимаем, что это работает. Потому что провести закон дело очень долгое. Причем он будет меняться по мере прохождения различных инстанций, и не в лучшую сторону — таким образом, что оттуда будет выхолощено все содержание. Поэтому возводить механизм в ранг закона нужно в том случае, когда мы будем уверены, что он работает, когда Президент понимает, что он работает. И есть понимание, что это все нужно Президенту. Если же этого нет, то тогда механизм нужно внедрять другим способом, даже на уровне обычая.

В.З. Дворкин. Убедили Президента в том, что нужно сделать "пятерку", выпущено его распоряжение, но оно не работает. Еще в чем-нибудь убедим, и он снова издаст распоряжение или указ.

Ю.М. Батурин. Приходько здесь почему нет?

С.В. Кортунов. Приходько считает, что у нас все нормально, что механизм есть и он прекрасно действует.

Ю.М. Батурин. Ну вот и все. По идее, Приходько должен был сказать Президенту, что у нас в ближайшие полгода будут такие-то и такие-то мероприятия, что здесь предлагают новый механизм для решения внешнеполити-

ческих вопросов. Давайте попробуем, может быть, получится. Один раз попробовали, второй, третий. После этого Президент говорит: нет, мне не нравится. Пусть механизм будет тот же, но люди будут другие. А вот теперь понарилось. Ну, и слава Богу. Пусть этот механизм работает. Если же Приходько считает, что все в порядке, то как мы через это пробьемся? Как мы будем убеждать Президента?

С.К. Ознобищев. Приходько — это все же не единственный чиновник...

Ю.М. Батурин. Ну, а если это будет делать не Приходько, а, например, Ястржембский, то Приходько скажет: "А чего ты в мою епархию лезешь-то?" Да еще и пожалуется Президенту. Дело кончится тем, что все это зарубят, чтобы никто этим не занимался.

В.З. Дворкин. С точки зрения результата я думаю, что мы приходим к тому, что написано в метро: "Выхода нет".

Ю.М. Батурин. Нет, давайте мы ту надпись заменим на другую: "Выход рядом".

А.А. Коновалов. К сожалению, я должен уйти. Я улетаю в Вашингтон сегодня вечером.

С.В. Кортунов. Он летит докладывать о том, что здесь произошло. *(Смех в зале.)*

Ф.И. Ладыгин. Хотите, я вам расскажу о реакции одного высокопоставленного кремлевского чиновника на уровне Приходько (хотя и не говорю, что это он) на выход американцев из Договора по ПРО? Он сказал: "А чего вы там суетитесь? Они же еще не вышли из Договора по ПРО. Вот когда выйдут, тогда и будем волноваться".

Д.А. Мануильский. Позавчера состоялся организованный российско-американским деловым советом семинар по вопросу о вступлении России в ВТО, в котором я участвовал. Там говорилось, что мы вступаем в ВТО, не имея никакой экономической программы, поэтому не можем понять, что нас ждет. Мнения кардинально разделились. Одни считают, что нужно поддерживать только

эффективные производства, а от нежизнеспособных избавляться: мол, дешевле заплатить за их "социалку". Другие говорят: напротив, надо думать прежде всего о людях. Получается, что у нас даже профессиональные экономисты не могут ничего сосчитать.

Ф.И. Ладыгин. А может быть, они выражают чьи-нибудь интересы? Но если послушать Президента и премьер-министра, то они убеждены, что нам надо вступать в ВТО, и незамедлительно.

Д.А. Мануильский. Сейчас объявлен конкурс на независимое исследование, которое должно быть готово к осени, о последствиях вступления в ВТО. На данном же этапе выяснилось, что этим у нас пока никто не занимался. Однако уже сегодня ясно, что если в Россию придут иностранные банки, то национальная банковская система рухнет. А то, что не все можно измерить деньгами, с этим я совершенно согласен.

Ф.И. Ладыгин. Просто есть некоторые вещи априори выгодные, но измерить эту выгоду в долларах или в рублях не представляется возможным.

В.З. Дворкин. Когда учитель Гайдара спросил у него: "А у тебя была программа, когда ты начинал реформы?" — Гайдар ответил: "Программы не было, но надо было освободить этот народ, чтобы он сам начал работать". Так что никаких расчетов у наших реформаторов не было.

Ю.М. Батурин. А у кого были? У большевиков были? У Горбачева были? Ничего не было.

С.В. Кортунов. Причем каждый хотел освободить народ.

Д.А. Мануильский. Но то, что произошло 11 сентября, ведь тоже никто не мог предположить.

С.К. Ознобищев. Здравствуйте! Семь лет назад французские спецслужбы засекли и предотвратили аналогичный теракт в отношении Эйфелевой башни. Так что это лишь вопрос хорошей агентурной работы.

Ю.М. Батурин. В 1913 году в московском сыском отделении был издан приказ о безопасности объектов при

падении на них аппаратов тяжелее воздуха. Вот когда у нас в России об этом задумались.

С.В. Кортунюв. Так мы все-таки двигаем этот вопрос?

Ф.И. Ладыгин. Чтобы его продвинуть, необходим, Владимир Михайлович, отдельный план по продвижению этого вопроса.

В.З. Дворкин. А может быть, чтобы привлечь внимание, на публичном уровне провести открытый семинар по этому вопросу?

Ф.И. Ладыгин. Зачем семинар? Не надо никакого семинара...

Ю.М. Батурин. Да, сейчас рано проводить семинары. Нужно, чтобы у нас появились наработки. Тогда и семинар можно проводить. Попробуйте написать проект закона. Пусть он будет состоять из 15 статей.

"Статья 1. Образовывается Коллегия по внешнеполитическим вопросам.

Статья 2. Образовывается Бюро по внешнеполитическим вопросам".

Как только вы напишете все эти 15 статей, то поймете, что в законопроекте нет никакого смысла, поскольку нет соответствующей процедуры. А процедура — это следующее: если возникает такая-то ситуация, такой-то вопрос, то этот вопрос поступает туда-то, обсуждается там-то в такие-то сроки. Причем процедуры должны быть разные в зависимости от вопросов. Если вопрос оперативный, то он должен рассматриваться одним образом, если он заранее известен, то другим, если у Президента полчаса времени, то опять же по-другому. Как только мы начнем рассматривать это в таком режиме, то суть и появится.

В.З. Дворкин. В законе должно быть прописано следующее: в целях того-то создается то-то, в задачи которого входит то-то. Там можно упомянуть о системе прохождения и оперативных, и стратегических вопросов. А потом должно быть поручение Президента о том, чтобы в двухмесячный срок разработать положение о новом

органе. И уже там должна быть прописана детальная схема прохождения документа.

Ю.М. Батурин. Мой сравнительно небольшой опыт показывает, что все должно делаться только сразу. Последующие поручения — разработать и согласовать положения — выхолостят все.

В.З. Дворкин. А как вы согласовывали указ о создании Совета обороны? Разве сразу?

Ю.М. Батурин. Да, именно так. Мы все проработали заранее, вплоть до схемы.

В.З. Дворкин. А другие так не делали.

Ю.М. Батурин. Поэтому другие и не смогли ничего сделать. Когда я был помощником по национальной безопасности, то интереса ради начал согласовывать положение о помощнике по национальной безопасности. И что же? Два года я его согласовывал. Работал без всякого положения. Согласовать это положение было невозможно. Все ведомства вычеркивали оттуда различные пункты, делали округлые формулировки. Указ о Совете обороны создавался по-другому — только сразу. Его подписал Президент, затем все прочитали.

С.В. Кортунов. Это к вопросу о том, почему Россия — не Америка. *(Смех в зале.)*

Я, между прочим, уверен, что выводить войска из Восточной Европы можно было, к сожалению, только так. В нашей стране.

Но я вот о чем подумал. Может быть, для того, чтобы продвигаться в данном направлении, постараться смоделировать несколько ситуаций, требующих принятия внешнеполитических решений в различные сроки? Например, долгосрочное решение. Скажем, расширение НАТО. Другая, среднесрочная, ситуация. Скажем, решение требуется принять в течение двух месяцев. Например, выход США из Договора по ПРО. Наконец, сутки для принятия решения. Например, теракт в США. И возможно, провести между собой некую ситуационную игру: кого-то назначить министром обороны, кого-то — министром иностранных дел.

Ю.М. Батурич. Наверное, мы можем все это вместе проработать, не назначая министров. Но мысль абсолютно правильная, я с ней согласен.

С.В. Кортунов. И тогда в выработке этих решений обнаружатся какие-то подводные камни и течения, о которых мы сейчас даже не подозреваем. Это позволит выстроить жизнеспособную модель механизма принятия внешнеполитических решений. И будет ясно, как продвигать этот вопрос.

В.М. Соловьев. Давайте включим это предложение в план работы над законопроектом.

Ф.И. Ладыгин. Сюда же можно было бы записать анализ практики принятия внешнеполитических решений последнего времени.

В.З. Дворкин. Надо собрать все ошибки последнего времени.

В.М. Соловьев. Хочу поставить серьезный вопрос: стоит ли нам начинать какую-то серьезную предварительную работу с МИДом?

С.В. Кортунов. Ни в коем случае. Пока рано. Равно как не стоит начинать никакой публичной деятельности.

Ю.М. Батурич. Именно поэтому я против семинара.

В.З. Дворкин. Ну, тогда статью хоть бы написали.

С.В. Кортунов. Тогда в МИДе скажут: Кортунов опять что-то придумал, причем против МИДа.

Ю.М. Батурич. "Я еще тогда говорил, — скажет Козырев, — недаром я Кортунову трудовую книжку не отдавал". Единственный случай, который я знаю во всемирной истории, когда министр иностранных дел великой державы жаловался президенту великой державы на то, что помощник президента великой державы взял на работу человека, которого не любит министр великой державы. А именно Кортунова. И меня Президент вызывал по этому поводу, просил представить объяснения.

Ф.И. Ладыгин. Я думаю, при анализе внешнеполитических "проколов" и ошибок не надо выходить за пределы

2000 года, то есть нужно взять период президентства Путина. Здесь также было достаточно ошибок.

С.В. Картунов. Я еще раз хочу вернуться к той мысли, что скорее всего никакого закона не выйдет. Но какой-то позитивный результат здесь возможен. Вот американцы провозгласили программу СОИ. "Астрокупола" они не построили, но те технологии, которые они использовали, привели к внедрению Интернета.

Ю.М. Батурин. Я думаю, что Вы абсолютно правы. Структурирование целей и приоритетов — может быть, хотя бы это произойдет. Возможно, задумаются насчет расходов на внешнюю политику.

С.В. Картунов. А возможно, задумаются, что внешняя политика — это слишком серьезное дело, чтобы поручать ее дипломатам. *(Смех в зале.)*

В.М. Соловьев. Да, наверное, парламентариям ее лучше поручить.

С.В. Картунов. Ну, тогда только парламентариям самого высокого ранга!

Обсуждение данного вопроса было продолжено на заседании Экспертного совета 28 июня 2002 года. С докладом о концепции Федерального закона "О механизме разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений" выступил В.М. Соловьев.

В.М. Соловьев. Подготовка такого рода законопроекта — это проблема не технического плана. В принципе, если бы речь шла об обычной работе по законотворчеству, все было бы намного проще: можно было бы взять и использовать действующий, существующий инструментарий, что-то добавить, что-то изъять и предложить для рассмотрения новый вариант.

Вместе с тем это было бы занятие не совсем продуктивное, а скорее очередной экзерсис чисто бюрократического плана. Чтобы избежать такого рода подходов, нужно в первую очередь иметь в виду, что это задача интеллек-

туально-политическая. Без политической воли руководства страны появление нового законопроекта невозможно.

Необходим своего рода новый интеллектуальный прорыв и новый подход к старой, как наш мир, проблеме. Интеллектуальный прорыв не может быть сам по себе достигнут и использован, если нет на то политической воли и готовности соответствующих субъектов к новому порядку работы. Хотелось бы это особенно подчеркнуть.

При подготовке законопроекта необходимо видеть и в чисто историческом плане этапы жизни и развития России за последнее десятилетие. И в этой связи стоит сказать о том, что годы 1992—2001 следует отнести к своего рода переходному этапу в истории страны, в том числе во внешнеполитическом курсе России. Тем не менее это десятилетие, которое, на мой взгляд, закончилось в 2001 году, характеризовалось тем, что все действия руководства России в плане международных отношений были как бы уже заранее предопределены обязательствами, теми действиями и той ролью, которую ранее играл Советский Союз на международной арене.

Хотелось бы в этой связи подчеркнуть, что в определенной мере и начало деятельности Владимира Владимировича Путина на международной арене было как бы задано теми обязательствами, теми международными событиями, тем местом, на котором Россия объективно оказалась в последнее десятилетие. К таким эпохального плана кардинальным вопросам в международном плане наверняка следует отнести подписание договоренностей с Белоруссией о создании Союзного государства. И мы видим, в какой ситуации теперь оказался действующий Президент России в связи с тем, что изначально не было ясности относительно целей и относительно того, что будет в конце концов с созданием "нового" государства: то ли конфедерация, то ли союз равноправных субъектов?

Далее. Вопросы, связанные с разоруженческой тематикой. Майский российско-американский саммит 2002 года как бы подвел черту под теми длительными переговорными

делами, которые были у нас еще и в период Советского Союза между СССР и Соединенными Штатами, и в первые годы после распада Советского Союза между Россией и Соединенными Штатами. С подписанием новых договоров в Москве мы видим, что эта тематика качественно становится совершенно иной в плане значения, которое ей придается в международной политике России с учетом развития общей ситуации в мире.

Хотелось бы также упомянуть остроту территориальных проблем, которые прозвучали в первые после распада Советского Союза годы. Это и курильская тема, и не только она.

Как вы знаете, сейчас обострились отношения (хотя это имеет несколько иное звучание) в диалоге между Россией и Европейским союзом, связанные с транзитом через Литву в Калининград. Не секрет, что существуют скрытые планы поэтапной трансформации и перехода этой территории в какой-то иной статус.

1992—2001 годы в новом ракурсе поставили перед нами многие старые внешнеполитические проблемы. И новое руководство России должно было, в значительной мере вынужденно, заниматься ими и использовать тот законодательный и формальный инструментарий подготовки и решения внешнеполитических проблем, который существовал во времена прежнего руководства страной.

Что мы имеем на сегодняшний день? Как известно, успешное решение проблем, которые выдвигает жизнь, связано с необходимостью каких-то структурных административных перестроек, реконструкции и реформ в государственном аппарате для построения демократического гражданского общества. Мне думается, сейчас Россия находится именно на таком этапе, когда и руководство страны, и само время позволяют говорить о необходимости перехода к качественно новому построению всей управленческой системы. Нельзя однако забывать, что административная реформа — одна из самых болезненных для общества.

Хотелось бы отметить, что именно административный ресурс, административный потенциал, на первый взгляд представляющий интерес общего характера, которым можно было бы делиться со всеми интересующимися его конструкцией сторонами, на самом деле является одним из наиболее запретных вопросов в деятельности любого государства.

В 80-е годы мне пришлось работать в Нью-Йорке и изучать вопрос о функционировании системы обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов, и не только Совета национальной безопасности. Были сделаны соответствующие формальные запросы к американской стороне для того, чтобы на деле ознакомиться с их опытом. Мы столкнулись с таким ответом: "Ребята, все, что возможно в рамках чтения в библиотеке Конгресса, мы вам расскажем и покажем, но есть такие вещи, которые представляют своего рода табу".

Недаром я начал выступление с того, что подчеркнул мысль о необходимости интеллектуального прорыва в плане административном, выстраивания по-новому системы российской государственности с учетом нового статуса России на международной арене. Думается, мы ощущаем почти физически этот новый статус. Особенно это видно на таких примерах, как Балканы, где мы неоднократно бряцали оружием, и оказались в конце концов там, где оказались. Ведь затем мы оттуда практически ушли, потеряв в результате огромные ресурсы, в том числе и материальные, потеряв авторитет среди народов балканских стран, славянских народов. Кто за это ответит? Мне довелось по долгу службы стать участником событий с "той стороны" и с разочарованием констатировать, что раздававшиеся из Москвы угрозы ("Если вы не пойдете на компромисс, нас не послушаете, мы то-то сделаем — уйдем с переговоров в Рамбуйе" и так далее, и тому подобное) воспринимались настолько с издевкой и с улыбками нашими партнерами по переговорам, что было "за державу обидно".

Настало время, когда жизнь заставила осознать реалии. А реалии таковы, что Россия с ее огромной территорией и населением в 150 миллионов человек производит всего 1,6 процента мирового ВВП, обеспечивает всего 1,4 процента мирового экспорта товаров. Если взять один из основных показателей, который в настоящее время характеризует степень развитости любой страны, — уровень жизни ее населения, то здесь ни комментариев не требуется, ни каких-то особых цифр, поскольку наше социальное положение просто катастрофически низкое. И на ближайшее время не просматривается улучшений.

Если иметь в виду все вышесказанное, то, мне думается, "пробил час", когда нужно реструктуризировать управление реальной страной, которая находится на новом историческом этапе своего развития. Полагаю, что этот этап начался в период 2001—2002 годов. К этому готово, как представляется, руководство страны. Особенно показательным поведением на международной арене Президента. Он, как никто другой, осознает меру своей ответственности перед обществом. Россия сегодня — совершенно иная страна, это не Советский Союз, и Президент понимает, что необходимо многое сделать для того, чтобы отстоять национальные позиции и место России в мире, на которые мы претендуем, — подходящие нашей национальной гордости, традициям и истории.

В этой связи при работе над темой "механизма", как ни странно, возникает много и других сопутствующих вопросов. Например, об эффективности работы действующего сейчас механизма подготовки решений в сфере международной политики. Здесь, естественно, возникает много самых разных моментов, поскольку следует констатировать, что не всегда задействуется необходимый интеллектуальный и профессиональный потенциал для подготовки тех или иных решений в международной сфере. Мне думается, эту ситуацию необходимо исправлять.

Хотел бы ознакомить вас с конкретными положениями проекта, который мы подготовили в контексте упомянутой темы.

Во вступительной части мы исходим из положений статей 80 и 86 Конституции, которые провозглашают ведущую, руководящую роль главы государства в определении международного курса страны.

Далее идет преамбула, содержащая общие положения о задачах федерального закона, где отмечается, что исторический период, в который вступила Россия, заставляет власти искать новое содержание уже действующих законодательных положений.

В статье 2 законопроекта мы предлагаем рассмотреть основные понятия для целей настоящего федерального закона.

Глава 2 посвящена процессу принятия внешнеполитических решений. Они подразделяются на виды: безотлагательные, среднесрочные, долговременные или стратегического характера. Это же требует определения упомянутых видов решений. Далее речь идет о необходимости выработки критериев отнесения внешнеполитических решений к определенному виду. Один из возможно наиболее дискуссионных пассажей — это субъекты принятия внешнеполитических решений. Наряду с Президентом Российской Федерации у нас обозначены Министерство иностранных дел, Министерство обороны, СВР, ФСБ, профильные комитеты Совета Федерации и Государственной Думы и другие.

Завершается вторая глава определением процесса подготовки решений. Рассматривается и такой момент, как повод для подготовки того или иного решения, инициатива, которая может быть выдвинута руководству страны или высказана субъектами процесса принятия решений. Далее идет согласование подготовки принятия решений, где особое место отводится коллегиальности в принятии решений, в том числе с участием экспертов. Не исключается промежуточное принятие решения Президентом, которое как

бы становится базисным для рассмотрения на заседании Совета Безопасности Российской Федерации.

Глава 3 законопроекта связана с ограничениями для должностных лиц и иных государственных служащих, а также с их ответственностью за выдвижение соответствующих инициатив, поэтапную реализацию решений до конца.

Глава 4 (как заключительная) — это переходные положения. Она могла бы быть наполнена моментами, связанными с встраиванием всей работы в вертикаль законодательства, принятием общегосударственных решений, и не только в сфере внешней политики.

П.С. Золотарев. Там, наверное, была оговорка, когда речь шла о субъектах принятия решений. Аппарат Совета Безопасности, наверное, не может быть субъектом. Он готовит решения Совета Безопасности.

В.М. Соловьев. Да, имелось в виду его участие в качестве аппарата для подготовки заседаний Совета Безопасности под руководством Президента.

А.А. Коробейников. Владимир Михайлович, я в своих первых докладах говорил о том, как бы нам не упустить два аспекта — военно-политические решения и внешнеэкономические. Уместно ли это хоть в каких-то статьях, подстатьях в этом законе или им здесь не место?

В.М. Соловьев. Мое мнение, что это возможно. Мы должны дать трактовку терминов, которые будем использовать в законе, имея в виду и военно-политические, внешние аспекты военно-политической деятельности страны, внешнеэкономические, имеющие стратегическое значение. Часто бывает так: сложность и комплексность проблем и событий таковы, что невозможно в чистом виде выделить внешнюю политику, отделить ее от экономики или от военных дел.

В напечатанном виде концепция будет к осени. "Скелет" уже существует. Естественно, мы будем его "наращивать", модернизировать. Наша рабочая группа по этой теме начала функционировать еще до создания Экспертного

совета. В нее входят юристы, профессионалы-международники. Если у вас есть пожелания, идеи, то можете их передать. Будем их использовать. Естественно, все представим на ваш "суд", когда будем считать, что это достойно вашего внимания.

А.А. Коновалов. У меня есть несколько вопросов.

Первый вопрос. Возникает проблема разделения решений на оперативные, среднесрочные и стратегические, долгосрочные. Кто будет заниматься систематизацией? Нужна ли вообще эта систематизация?

Второй вопрос связан с экспертным обеспечением. Сказано, что эксперты привлекаются в личном качестве. Как это будет происходить? Кто будет определять, кого надо привлечь, кто целесообразен для этой проблемы?

Наконец, самый главный вопрос — вопрос о политической воле. Сейчас внешняя политика России — это Президент. Так сложилось. В последнее время получалось неплохо. Потому что, по моим оценкам, за минувший год Россия не сделала никакого решающего экономического прорыва ни в одной области, а политический вес России стократно возрос. Россия сейчас стала очень важным фактором внешней политики. Все-таки есть ли какая-нибудь политическая воля к тому, чтобы менять ситуацию?

В.М. Соловьев. От формулы коллегии мы не уйдем. Президент — ее председатель. Вы помните, в своем первом выступлении я дал довольно детальную схему структуры Коллегии по внешней политике, ее бюро и так далее — стройная вертикаль получается. Мы наращиваем "мясо" на ту структуру и схему, которую я вам ранее предложил. На многие вопросы, естественно, нет ответов. Каким образом, например, определять долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные, оперативные решения и надо ли? Наверное, это будет решаться Президентом либо в документах специального характера. Думается, что все будет определять политическая воля Президента. Но под эту волю надо заложить максимальный набор инструментов. Прошло

время говорить "надо" или "не надо". "Надо!" Россия не может жить "одним днем"!

Хотел бы подчеркнуть, что перед такого же рода проблемой, которую мы взяли решить, стоит и большинство так называемых развитых стран. Что означает "восьмерка" в нынешних международных условиях? Это создание своего рода нового "совета безопасности" для мира, который начинает эффективнее и прагматичнее действовать, нежели Совет Безопасности Организации Объединенных Наций в его нынешнем виде? Ведь не случайно Кофи Аннан был приглашен присутствовать на недавней "восьмерке" только при обсуждении вопросов, связанных с помощью Африке.

Кстати, известно, что Буш-младший до сих пор не обнародовал (и это не случайно) доктрину национальной безопасности США. Президент готовится это сделать только осенью 2002 года, потому что американская администрация в очередной раз меняет свои подходы в части принятия важнейших решений на уровне президента. Но обо всем этом мы узнаем только тогда, когда выйдет конечный продукт такого рода интенсивнейшей работы. Насколько мне известно, такая работа проводится и французами, и немцами, которые осознают, что жизнь ушла вперед настолько, что необходимо модернизировать административный ресурс, необходимо принятие решений для того, чтобы упреждать развитие угроз, поскольку нынешняя система безопасности, в том числе международной, да и в любой стране мира без всякого исключения, часто только реагирует на события. Национальная система безопасности, нужно признать, не упреждает развитие опасных событий, а следует уже за свершившимся фактом.

Реалии жизни и те угрозы, катастрофы, которые мы переживаем, формулируют перед нами качественно новый интеллектуальный вызов. И не только для России, но и для других ведущих стран мира, которые способны повлиять на развитие ситуации в той или другой части земного шара.

А.А. Коробейников. Позавчера в зале коллегии МИДа под руководством Иванова заседал Межведомственный совет по борьбе с терроризмом, все центральные министерства и ведомства входят в него. Совет рассматривал проблемы борьбы с терроризмом.

Министр Иванов в 15-минутном сообщении сказал, что американцы сегодня договорились до того, что надо признавать: есть "золотой миллиард", есть бедные страны, надо помогать бедным странам, но ни в коем случае не связывать это с проблемами и истоками терроризма. Терроризм никакого отношения к социальному расслоению не имеет — это американская позиция. И нашему министру на это как бы нечего ответить.

Тогда я сказал: "Игорь Сергеевич, американцы так ведут себя еще и потому, что глубочайшего анализа истоков и корней терроризма нет. Россия в состоянии предложить мировому сообществу международный доклад, сделать его в ООН или на какой-то другой международной конференции, может быть, у себя, в России, принять международное сообщество и сделать доклад, в котором можно оставить американцев с носом. На что Иванов мне говорит: "Я не вижу сил в России, которые могли бы подготовить такой доклад". Вот это нам еще одно домашнее задание. Давайте докажем Министру иностранных дел, что можем написать доклад на тему "Борьба с терроризмом, его истоки, причины".

Дело в том, что война с терроризмом это не та война, которая кончится всеобщим миром тогда, когда уьем последнего террориста. Погонялись американцы, затратив денежки, за Бен Ладеном. Ну и что? Как жил афганский народ бедно, как выращивал мак, так и будет выращивать. А деньги, которые затрачены, отдать бы напрямую на социально-экономическое развитие Афганистана. Что, им разве в голову такое придет, американцам?! Никогда. Бен Ладен жив, наркомафия жива, и снова будут возвращаться деньги из Афганистана через мак "золотому миллиарду", и, таким образом, террористам конца и края не видно.

Давайте тогда другую проблему обсудим: какой террорист нам страшен? Только вооруженный. Невооруженного, пусть он трижды Рокки-3, Рокки-4, легко убить. За последние 10 лет в три раза увеличилось производство и торговля стрелковым оружием. Генерал Балуевский говорит, что страшно, если плутониевая бомба попадет к террористам, а пока после войны, после 1945 года, 19 миллионов человек убиты "калашниковым". Так вот, давайте американцам и себе предложим: торговлю обычным оружием запретить. Если эту идею в головах "восьмерки" и всех политиков не держать, то, значит, наши "восьмерышники" все больше будут колючей проволокой опутываться, защищаясь от антиглобалистов.

В.М. Соловьев. Хотел бы в продолжение рассказать о недавней встрече с египетским послом в Москве. Я все эти вопросы ему поставил, имея в виду положение на Ближнем Востоке, террористические акции и оценку положения со стороны Египта. На это он мне резонно ответил: "Вспомните 60-е годы прошлого века. Принятие Организацией Объединенных Наций резолюций, которые в дальнейшем были оформлены в качестве положений международного права, о том, что национальная освободительная борьба народов — это не терроризм". Это первое его замечание.

Второе: "Для того чтобы защитить себя, отстоять свои права, освободить свою страну, разрешается применение любых форм борьбы, в том числе и таких, которые вы называете террористическими!" Поэтому нужно начинать с пересмотра тех положений международного права, которые устарели сегодня. Эпоха борьбы против колониализма, 60-е — века в истории Организации Объединенных Наций. И в контексте той эпохи холодной войны нынешние террористы действуют на основании устаревших положений международного права.

В.Г. Шубин. Борьба с терроризмом — конечно, важная вещь. Но нам в России нужно определяться как с терроризмом, так и со многими другими вещами во внешней

политике, во внешнеэкономической политике. Этому как раз и посвящено обсуждение.

В широком плане у нас сегодня во внешней политике, как и в других областях, господствует бюрократический стиль принятия решений. Сделать так, "чтобы мне ничего не было". Собрать коллектив, и никто ни за что не отвечает.

Я частично согласен с докладчиком в том, что пришел В. Путин и было многое предопределено. Но многое было не предопределено. В. Путин лично сделал стратегический выбор между политикой по всем азимутам Е. Примакова и ориентировкой на Запад и стал сегодня полноправным членом "восьмерки" вместе со всеми нами. Это очень хорошо, что он сделал так. Но мы об этом узнали только после того, как это произошло, — вот что плохо. Потому что мог быть и другой выбор, и мы также о нем узнали бы только задним числом и сегодня обсуждали перспективы нашего развития.

С.К. Ознобищев. Когда я был на бюрократической работе, мне все время приходила одна и та же бумага. В двухнедельный срок представить предложения академии наук по выходу России из кризиса. Друзья дорогие, нельзя это сделать в двухнедельный срок. К тому же она приходила с опозданием от всех начальников. У меня уже оставалось два дня. Два дня силами моего отдела мы колупались.

Теперь о некоторых других чертах. Понимаете, в нашей политике отсутствует еще кредитоспособность. Не может быть политики без кредитоспособности. Мы говорили: расширение НАТО на такие-то страны — это "красная черта", за которую нельзя переступать. Вспомните, несколько лет назад. Потом вдруг куда-то делась "красная черта". Читайте книгу Строба Тэлбота о том, как эта "красная черта" исчезла. Мгновенно. Мы боремся, а потом все "сливается". То же самое по противоракетной обороне. Говорили: нельзя выходить из Договора по ПРО. И вдруг Президент выступает и говорит: "Да нет, ничего, можно". А если в Центральной Азии можно размещать войска США, то и в других местах и так далее.

Должна быть последовательность. Как этого добиться, я пока не знаю. Наверное, надо будет принимать какие-то меры. Действительно, должна быть позиция. В проекте помечено, что МИД координирует. Но МИД — это талантливейшие, умнейшие люди, но в конечном счете это же все равно бюрократия. Они думают: "Надо сделать так, чтобы угадать, что понравится Президенту". "Поперек бабки" сказать нельзя, потому что это будет за рамками бюрократического механизма. И не должно быть иначе. Потому что МИД — это часть системы выработки решений, это исполнительный орган, а не тот орган, который диктует и что-то такое предлагает. Если бы во главе МИДа стояла другая личность, например, Э. Шеварднадзе или Е. Примаков, то в силу своего политического веса они могли предлагать что-то свое.

Проект наш очень хороший, и он будет двигаться. Но может быть, нам взять в сторонники гражданское общество? А точнее, экспертное сообщество. И придать этому обсуждению большую открытость. Ведь почему политика непопулярна — хорошая внешняя политика В. Путина? Она непопулярна, поскольку она оторвалась от процесса принятия решений. Внешне выглядит так, что В. Путин ни с кем не советуется. Нет институционального согласия, нет и общественного согласия. Люди смотрят: а почему вдруг так? Что мне с этого со всего будет? Буду ли я жить лучше? Нет. Опять все на Запад продадут.

Поэтому мне кажется, что под эгидой Совета Федерации возможно начать такое обсуждение. Сейчас в связи с поворотом нашей политики весь имевшийся массив наших документов оказался морально полностью устаревшим. Его надо выбрасывать на свалку истории. Надо делать новую концепцию национальной безопасности, политику национальной безопасности, военную доктрину. Боюсь, страшно боюсь, что кто-то уже это делает.

Вдруг внезапно мы узнаем, что сегодня состоялась встреча, там Президент уже дал свои замечания и подписал уже указ, как уже было по два раза с каждым из этих

документов в 90-е годы. Поэтому давайте, может быть, запланируем такое мероприятие, как широкое общественное экспертное обсуждение основных элементов концепции национальной безопасности и внешней политики. Позовем отставных генералов. Они в отставке еще более умными становятся. Все-таки Совет Федерации очень авторитетный орган, под его эгидой можно найти эти элементы, начать двигать наверх записку Президенту. И тогда уже наши бюрократические структуры, которые по-тихому "клепают" эти документы, не смогут от этого отмахнуться.

В.Г. Барановский. Я очень рад тому обстоятельству, что дискуссия вернулась в основное русло, потому что я уже стал немного терять фокус нашего обсуждения. Мы обсуждаем терроризм, национально-освободительное движение, а важно, по-моему, сфокусировать внимание именно на том документе, о котором здесь сегодня говорится. Мне кажется, что мы слышали очень интересное сообщение о структуре того документа, который должен разрабатываться. Очень обидно, что это пока все на уровне структуры. Я понимаю, что люди, которые работают над этим, — засекреченные. Но они могли бы все-таки дать какое-то позитивное направление. Мне кажется, что обсуждение будет более предметным, если мы будем иметь более развернутую бумагу, потому что это конкретная вещь.

Я здесь вижу несколько проблем. Они уже были частично обозначены. Действительно, мы говорим о внешнеполитических решениях. Совершенно правильно здесь было сказано, что вопросы разоруженческой тематики, военной доктрины — это сфера взаимоотношений с внешним миром. К этому могут относиться военные аспекты, невоенные аспекты, терроризм в той части, в которой он касается взаимоотношений с внешним миром.

Внешнеэкономические связи — это также сфера взаимоотношений с внешним миром. Потому что национальная безопасность тоже имеет значительные компоненты, которые касаются взаимоотношений с внешним миром. Но не только. Национальная безопасность — это более

широкое понятие, если мы говорим, что главный вызов национальной безопасности — внутренний, а это уже не внешнеполитические дела. Это первое.

Второе. Мне кажется, что очень важно разграничивать, по крайней мере когда мы работаем над этим документом, два понятия. Институциональный механизм, который, видимо, должен быть прописан в документе... Институциональный механизм — это узкое понятие. Механизм — это то, что мы можем прописать: эти субъекты имеют право инициативы, эти участники процесса должны обсуждать, отсюда направляется туда, Комитет по международным делам формулирует свое мнение, его учитывает или не учитывает Совет Безопасности. Более широкое понятие, которое мы можем обозначить как процесс разработки внешней политики, включает и неинституциональные вещи, которые мы прописать не можем. Какие-то вещи можем, какие-то вопросы можем прописать, но не полностью. Например, взаимоотношения общества в широком смысле слова и государственных структур, которые институционально осуществляют процесс принятия решений. Или общественная дискуссия (или ситуация), когда общество начинает реагировать на какие-то острые внешнеполитические проблемы, которые касаются взаимоотношений с внешним миром.

Мне очень нравится предложение, которое здесь прозвучало — что Совет Федерации может взять на себя инициативу в этом плане. Но не нужно ставить слишком больших задач перед этим документом. В этот документ мы все не запишем, но в деятельности Совета Федерации, в деятельности нашего совета, Комитета по международным делам это обсуждение должно быть активизировано. А активизировать это можно в разных формах. Одна форма — подготовка докладов по каким-то сюжетам: терроризм, национально-освободительное движение, что угодно другое. А есть такая форма, которой можно было бы придать широкое общественное звучание, — слушания в комитете. Чтобы об этом говорили и это было слышно, чтобы

слышали не только участники комитета, но чтобы корреспонденты приходили, чтобы они сообщали в газетах: была такая интересная дискуссия, и там такие острые вопросы были поставлены, там политика В. Путина критиковалась. Мне кажется, если мы сюда аккуратно впишем механизм таких слушаний, это будет очень полезно. Это гарантировало бы связь с обществом в широком плане.

В.Е. Ленский. Первый комментарий. Мне кажется, нужно усилить аспект, связанный с требованиями к субъектам, которые принимают решения. Нами проведена работа по определению, что такое стратегический субъект в мировом сообществе, которое сегодня сформировалось. Готовы этим поделиться. Мы провели работу по целевой ориентации (около пяти характеристик), по регуляционным, регуляционно-коммуникационным и структурным аспектам.

Ведь в чем проблема сегодняшнего дня? Права человека как основная доминанта сегодня не устраивают регуляционный механизм. На первый план должны выходить требования к правилам совместного действия, к правилам поведения в мире. Это, к сожалению, родилось исторически. Американцы в силу своих психологических особенностей права человека выставили на первый план и через это разваливали СССР. Сегодня есть новые потребности в регуляционных механизмах. Если мы заложим в законопроект о механизме принятия решений требования к поведению его субъектов, то мы сможем в некотором смысле "пригасить" волюнтаризм, а политическую составляющую немножко поднять.

Второй аспект. Мне кажется, мы должны усилить в этом документе моменты, связанные с организацией в России интеллекта, который должен участвовать в этом процессе. Я здесь тоже готов поделиться соображениями о том, как организовать интеллектуальный потенциал и включить его в государственную систему управления. Возможно, надо ввести несколько контуров управления: контур управления интеллектуально свободный, как элемент граж-

данского общества, и контур официальный — то, что прописано достаточно ярко в этом документе. То есть нужны новые субъекты, причем эти субъекты могут и должны быть обеспечены новыми технологиями взаимодействия. Современные информационные технологии позволяют качественно и по-новому подойти к этому вопросу в России. Тем более здесь потенциал не в плане информационных технологий, а в плане интеллектуальном выше, чем у других.

Меня очень взволновал вопрос (и действительно это важно) разных интерпретаций терроризма. Почему И. Иванов идет на поводу у западников? Дело в том, что здесь имеются разные концепции. Одна концепция, с позиции которой можно смотреть на терроризм, — это концепция социальной инженерии, социального проектирования: как мир строить, чтобы эту проблему решить. А другой подход — это подход чисто медицинский: есть симптомы, синдромы, и надо их гасить. Американцы ведут двойную политику и двойную игру. Что касается "золотого миллиарда", то это социальная инженерия и проектирование. Как они себе понимают, это довольно-таки примитивная, грубая, неэтичная и нечеловечная работа. А когда они сталкиваются с терроризмом, они работают как медики: вот тут у нас очаг — надо разбомбить, уничтожить. Это совершенно неподходящий инструмент для современного мира. И вот здесь мы можем подготовить концептуальный документ, который будет показывать, как эти проблемы надо решать в контексте социальной инженерии человечества.

Н.И. Барбанов. Владимир Михайлович, спасибо большое за Ваш доклад. Очень интересно. Мне кажется, этот закон достаточно актуален. Но хотелось бы, чтобы в нем получил отражение следующий момент. Мне кажется, безотлагательные решения — они на то и безотлагательные, что их приняли, и все. А по среднесрочным и долгосрочным внешнеполитическим решениям, мне кажется, в закон должна быть непременно заложена формула обязательной экспертизы проектов этих решений перед тем, как их

принять, поскольку основная цель закона — парламентский, общественный и экспертный контроль. Чтобы окружение Президента или узкий круг в МИДе не принимали решения келейно.

Но здесь вот какой вопрос. Независимые эксперты в личном качестве как субъекты принятия решений — это хорошо: вот собрались мы здесь на совете или еще где-то и из наших общих соображений выработали предложения о том, что лучше сделать государству. Но это один путь. Другой путь, когда в МИДе, допустим, или в Совете Безопасности решили, что нужно так-то повернуть нашу политику в отношении Ирака или так-то повернуть нашу политику в отношении США. И для того чтобы провести экспертизу этого решения... Здесь уже возникает вопрос о необходимости допуска экспертов к государственной тайне, поскольку понятно, что это серьезный вопрос и утечка информации на стадии обсуждения может серьезно повредить делу. Поэтому нужно продумать вопрос о перечне институтов, которые могут быть допущены к обязательной экспертизе среднесрочных решений, или во всяком случае вопрос об ответственности экспертов за их участие в обсуждении этих вопросов.

С.В. Кортупов. Надо сделать их невыездными. (*Смех в зале.*)

О.Н. Барабанов. Нет, я не предлагаю сделать всех нас невыездными. Но эта проблема серьезная, и если прописывать механизм экспертизы, это должно быть отражено.

П.С. Золотарев. Мне кажется, что ответ на вопрос о том, как мы должны совершенствовать механизм принятия внешнеполитических решений и что тут нужно — закон или что-то другое, надо искать начиная с анализа. Все-таки нам нужен механизм принятия внешнеполитических решений (а точнее, закон) не потому, что у нас нет законов по этому вопросу. У нас просто не выполняются законы. Ведь если базироваться на тех законах, которые у нас есть, то худо-бедно механизм этот прописан.

Если посмотреть закон о безопасности, там упоминаются и концепция внешней политики, и межведомственные комиссии. Может быть, надо подкорректировать этот закон? Допустим, та же концепция внешней политики: в ней не прописано, что она должна с четкой периодичностью (допустим, ежегодно) уточняться. И в результате она у нас вроде бы недавно разработана, а уже устарела. Может быть, где-то надо подкорректировать закон о безопасности. Может быть, по каким-то вопросам действительно требуется издать новый закон. А может быть, вообще ничего не требуется делать. Вот с этого анализа и надо начать.

Возвращаясь к Совету Безопасности. Тут говорили: нужно политбюро. Но политбюро уже есть. Это как раз и есть Совет Безопасности. Механизм не реализуется не потому, что закона нет, а потому, что плохо исполняется действующий закон. Взять тот же его научный совет. По идее, наверное, и аппарат Совета Безопасности, и научный совет должны организовывать научные исследования для разработки той же концепции внешней политики и национальной безопасности. А деньги аппарату Совета Безопасности не выделяются. Иногда идут команды в академию наук: к утру выдать решение. Или срочно собирают экспертов. Но если кучу экспертов собрать, 20 или 100, и не было предварительных научных исследований в этом направлении, то они ничего хорошего все равно не предложат. Каждый будет говорить о том, что он знает.

Еще раз: надо проанализировать те законы, которые уже есть, какой они механизм предполагают, какой мы механизм хотим. Исходя из этого следует уже выходить на предложения о том, где нам нужно подкорректировать закон. И надо ли писать новый закон. А если надо, то какой.

В.И. Пух. Я представляю Институт проблем безопасности и устойчивого развития, институт стратегического планирования, институт долгосрочных программ, работающих на высший уровень власти. Мы с огромным удо-

вольствием и огромной благодарностью принимаем участие в разработке этого проекта. Низжайший поклон тем людям, которые выдвинули эту идею. Это проект — "в десятку". Это крайне необходимо. Это будет эффективный, крайне полезный инструмент, если мы его правильно разработаем.

Я бы прежде всего предложил принять решение или договориться о понятиях, что же такое механизм. К сожалению, согласованного понятия нет. Я лет 10 занимался изучением понятий в разных сферах деятельности. И специально разработал информационно-логический инструмент для того, чтобы определить это понятие. Понятие, с моей точки зрения, — это четвертый элемент развития. Если мы говорим о субъекте, если мы говорим об объекте, если мы говорим об отношениях между объектом и субъектом в связи отношений, то механизм — это четвертый элемент, который отвечает за отношения между связями. Отношения между связями и есть механизм. Никто так не определяет. Определяют формы и методы управления, формы и методы принятия решений, что не конкретно. Абсолютно четкая формула, абсолютно четкое визуальное выражение, абсолютно четкое определение — управление взаимодействиями связей. Вот что такое механизм.

Второй вопрос — все, что связано с подготовкой законопроекта. Мне кажется, что целесообразно было бы рассмотреть механизмы реализации того десятка концепций, которые уже созданы. Это концепция национальной безопасности и внешнеполитическая концепция. У нас четыре основных субъекта разработки этих концепций — Совет Безопасности, МИД, Министерство обороны, СВР. Эти концепции "висят" и не реализуются. Инструментов, механизмов принятия решений, реализации концепций Россия не выработала. Может быть, прежде всего посмотреть, как осуществить реализацию тех национальных концепций, которые уже продекларированы. Это второе предложение.

Третье. Этот закон должен создать инструмент для реализации новых стратегических концепций. Совет Без-

опасности вложил немало (не очень много, но тем не менее несколько миллионов долларов) для разработки ситуационного центра. Не работает. Сейчас целесообразно было бы создать единое информационное пространство ситуационных центров — от федерального уровня до уровня Президента и представителей Президента в федеральных округах. Это тот объект, на который будет работать этот закон. Это единое информационное пространство, принятие стратегических решений через ситуационные центры. Это новые информационные технологии, отображающие новые технологии принятия решений и реализации решений. Это обыгрывание ситуаций и их моделирование. Эксперименты на моделях, а не "на живом". Пока Россия развивается стихийно, с кровью. Все наши решения — волюнтаристические, бьют "по живому".

И.Э. Круговых. Я тоже хочу сказать, что наш законопроект просто "в десятку бьет". Вы сейчас убедитесь, что это так. 23 мая состоялся уже второй "круглый стол", который назывался "Парламентское измерение внешнеполитической стратегии России". Это второй "круглый стол", в котором приняли участие депутаты Белоруссии. Украина не прислала депутата по одной простой причине — на следующий день они выбирали своего спикера, поэтому каждый голос был на вес золота, но их участие в этом "круглом столе" постоянно.

Суть этого "круглого стола" заключалась в том, чтобы выработать конкретные предложения: "Через какие механизмы (это я цитирую Селезнева), через какие конкретные формы депутаты и парламенты в целом могут оказать более активное воздействие на складывающиеся международные отношения, как помочь нашей дипломатии еще более эффективно отстаивать наши национальные интересы и обеспечить авторитет и влияние России на международной арене?"

Надо отметить, что в основе этого "круглого стола" и вообще всей тематики, связанной с парламентским измерением внешней политики, лежит решение, которое

было принято в 2000 году (я хотел бы обратить на это внимание) 140 парламентариями, которые собрались в Организации Объединенных Наций и приняли документ под названием Декларация конференции руководителей национальных парламентов "Парламентское видение международного сотрудничества в начале третьего тысячелетия". И вот что интересно. В этой декларации было прописано четыре основных канала воздействия национальных парламентов на международные отношения. Я их просто назову.

Первое. Посредством оказания воздействия на политику соответствующих стран в вопросах, входящих в компетенцию ООН и других международных переговорных форумов. Это первый путь.

Второе. Посредством поддержания определенного уровня информированности о ходе и итогах этих переговоров.

Третье. Посредством осуществления ратификации, где это предусмотрено конституцией, текстов и договоров, подписанных правительствами. То есть контроль за этим.

И четвертое. Посредством активного участия в последующем процессе выполнения тех договоренностей, договоров и решений, которые были достигнуты.

Так вот, на основании этого документа была сформирована в том числе, если вы знаете, большая "восьмерка" руководителей парламентов. Точно так же, как собирается "восьмерка" президентов и руководителей восьми развитых стран, теперь введено в практику проводить встречи "восьмерки" лидеров национальных парламентов по той же тематике, по которой проводят встречи руководители этих стран. Следующая такая встреча состоится в сентябре в Канаде. Россию представляет Селезнев. Кстати, забегаю вперед: Мешков, заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации, прямо на этом заседании "круглого стола" сказал, что появление такого феномена, как это межпарламентское взаимодействие, те решения, которые были приняты, и, главное, "восьмерка", открывают допол-

нительные возможности. И мы должны теперь по-новому учитывать этот феномен, как "восьмерку" руководителей национальных парламентов и их влияние уже на мировую политику.

Представитель Конгресса США долго не хотел принимать участие в этом, потом в конце концов согласился, и в итоге — вот этот международный фундамент, то, что было принято на конференции в ООН, формирование этой "восьмерки" и всего этого парламентского механизма.

Ставится вопрос о том, что же делать. И здесь (чтобы подробно не расписывать, что было) были высказаны следующие основные мнения. Во-первых, в выступлениях и депутатов, и представителей различных других органов, которые принимали в этом участие, было прямо сказано о том, что, мягко говоря, надо, конечно же, лучше отладить взаимодействие Госдумы и Совета Федерации в области внешней политики. Это очень важный момент, поскольку план деятельности, как было сказано (я не буду фамилии называть), есть план международной деятельности и Государственной Думы, и Совета Федерации. Они перекликаются, парламентарии в одно и то же место ездят по несколько раз, в то же время целые регионы вообще не охвачены, и никакого активного взаимодействия в этом контексте не просматривается.

Второй момент, который здесь отмечался, связан с тем, что и на международном уровне между Госдумой, Советом Федерации и национальными парламентами стран СНГ не удастся достичь нужного взаимодействия. Речь идет о том, что в рамках Межпарламентского Совета создали депутатскую группу "Евразия". И вот деятельность этой группы "Евразия" никак не удастся запустить, потому что то украинцы в ней не участвуют, то белорусы, то представители других стран.

И последний вопрос, который прошел через весь этот "круглый стол", — о необходимости ведения аналитической работы.

Господин Мешков, заместитель Министра иностранных дел, сказал: мы за то, чтобы действительно в Госдуме создать аналитический центр, усилить эту аналитическую составляющую (он сам, как заместитель министра, курирует аналитическую работу). Все-таки к единому мнению о том, в какой форме это должно быть, не пришли, но вопрос поставлен.

Поэтому вывод, которым я хочу закончить выступление. Поручение нашему уважаемому руководителю Экспертного совета. Может быть, ему стоит связаться с Мешковым, потому что он как раз говорит о том, что мы не знаем, как дальше взаимодействовать, с кем дальше общаться, чтобы усилить аналитическую составляющую нашей парламентской внешней политики. Я же хочу, чтобы мы в итоге собрали все документы, всю аналитику, в которых содержатся предложения по механизмам реализации внешней политики. Это как раз и должно стать составляющей того законопроекта, о котором мы говорим на нашем совете.

В.М. Соловьев. Хотел бы поблагодарить всех за высказанные идеи и замечания (они будут приняты на вооружение) и за благожелательное отношение к нашей работе. Мы ее расцениваем как нашу общую работу.

Несколько слов в ответ на выступление уважаемого Павла Семеновича Золотарева. Много у нас действительно уже существует. Тем не менее мы видим, что не все документы работают и состыковываются. Практически их сложно модернизировать. Нельзя модернизировать то, что было приспособлено к другой эпохе. Я недаром попытался чисто исторически определить: в 1992—2001 годах страна жила в одних условиях (и в международном плане тоже); 2001 год — канун 2002 года — начало новой эпохи в истории страны, которая требует нового подхода и разработки, в частности, вот такого рода механизма. Конечно, необходимо принять во внимание прежний опыт. Прошу всех присутствующих дать на этот счет свои возможные

соображения. Мы их учтем в новом документе. Спасибо вам за ваше участие.

А.А. Коробейников. У меня просьба к тем, кто желает работать над законопроектом: к концу сентября представить нам свои предложения по всему спектру обсуждаемого закона. Это задание на лето.

Обсуждение вопроса о механизме принятия и реализации внешнеполитических решений было продолжено на заседании Экспертного совета 14 ноября 2002 года, с докладом выступил В.М. Соловьев.

В.М. Соловьев. Некоторое время назад я уже имел удовольствие и честь докладывать вам о работе, которую наш небольшой творческий коллектив осуществляет по подготовке, обоснованию и принятию законопроекта о механизме разработки, принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации.

Исходя из результатов проделанной нами работы, мы пришли к выводу, что прежде, чем выступить с проектом документа, было бы уместно подготовить аналитический доклад на эту тему, с которым ознакомить вас, "прокатать" его через наш Экспертный совет, показать другим заинтересованным лицам и ведомствам, посмотреть, что после всего этого получится.

Хотелось бы ознакомить вас с конкретными идеями, над которыми мы работаем и которые в конце ноября будут обобщены в аналитическом докладе. В нем мы предполагаем в первую очередь обосновать необходимость такого рода механизма теми изменениями, которые произошли в мире, в международном статусе самой России и внутри страны. Мы понимаем, что эта тема не только сложна, но архисложна. Вместе с тем жизнь продолжается и в ней необходимо верно ориентироваться, вести общество, ориентировать политику государства, правильно ориентировать ее и по насущным международным проблемам. Об

этом неоднократно говорилось в выступлениях, и в прессе это нет-нет да и проскальзывает: необходимо повышать эффективность нашей внешнеполитической работы.

В докладе мы будем рассматривать и зарубежный опыт в деле координации государственной деятельности в сфере международной политики. Не забудем рассказать о механизме деятельности государства на международной арене, который существовал в советские времена. Предполагаем поместить обзор действующих нормативных правовых актов, до сих пор регулирующих управление внешнеполитической и международной деятельностью страны на нынешнем этапе, а также представим концепцию законопроекта о механизме принятия и реализации решений в международной сфере.

А.А. Коробейников. Наш проект федерального закона может быть воспринят болезненно. Не то что неоднозначно, но даже болезненно. Хотя куда ни кинь, сегодня везде напрашивается коллегиальность решений, более широкое поле выработки, нежели одним Президентом или одним Министром иностранных дел. Мы подготовили брошюру по материалам законопроекта и обсудим ее на Экспертном совете.

3. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

(Из стенограмм от 4 апреля, 29 апреля
и 31 мая 2002 года)

По поручению председателя Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам А.А. Коробейникова Комитет внешнеполитического планирования и ассоциация "Россия—США" 4 апреля 2002 года провели "круглый стол" на тему "Структура и механизм российско-американского партнерства".

В нем участвовали Аверчев В.П., Батурин Ю.М., Герасев М.И., Дворкин В.З., Золотарев П.С., Кортунов С.В., Кривохижа В.И., Мануильский Д.А., Овчинский В.С., Ознобищев С.К., Рунов И.Б., Рыжов Ю.А., Савельев А.Н., Соловьев В.М., Салмин А.М., Чкуасели В.О.

С.К. Ознобищев. Мне выпала сегодня честь сказать первое слово. Перед вами лежит документ "Структура и механизм российско-американского партнерства", совместно подготовленный ассоциацией "Россия—США" и Комитетом внешнеполитического планирования. Обе организации вам знакомы. Документ представляет собой плод коллективного разума, в котором объединены ранее обсуждавшиеся и обсуждаемые сейчас тезисы и концепции. Некоторое время назад, а именно в мае прошлого года, ассоциация "Россия—США" выступила с идеей о новой повестке дня российско-американских отношений. Тогда

еще не было и намека не только на декларированное партнерство, но и на более или менее нормальные двусторонние отношения. Однако некоторые формулы, которые были заложены в то время, были затем использованы и востребованы. В настоящий момент представленный тогда документ значительно дополнен благодаря мощному интеллектуальному вкладу Комитета внешнеполитического планирования. И комитет, и ассоциация объединяют в основном одних и тех же людей и являются братскими организациями.

Идея предлагаемого проекта очень проста: уже дважды на наших глазах российско-американское партнерство (а сначала советско-американское партнерство) оказалось разрушенным. Прежде всего в силу бюрократии, неподготовленности элит и политических деятелей двух стран. За это время не удалось изменить политическую психологию наших стран, которая во многом осталась той же, что и была в годы холодной войны. Поэтому, на наш взгляд, сегодня очень важно отставить в сторону политические декларации и попытаться подумать, на чем конкретно можно выстроить российско-американское партнерство и каковы могут быть его приводные ремни, то есть структура и механизм.

А сейчас я передаю слово для краткого вступления Сергею Вадимовичу Кортунову.

С.В. Кортунов. Я хотел бы несколько развить тот экскурс в прошлое (не очень оптимистического плана), который начал Сергей Константинович, и сделать это на правах одного из авторов документа, который предложен для вашей критики и замечаний.

За последние 15 лет наши отношения с США в третий раз проходят серьезнейшее испытание. Конечно, и в самые суровые годы холодной войны были моменты потепления этих отношений. И. Сталин "дружил" с Ф. Рузвельтом, Н. Хрущев — с Д. Эйзенхауэром и Дж. Кеннеди, Л. Брежнев — с Р. Никсоном.

Но первым коренной разворот в сторону США осуществил, конечно, М. Горбачев. Он и его окружение искренне поверили в возможность подлинного партнерства между двумя сверхдержавами в построении новой системы международных отношений и даже безъядерного и "ненасищенного" мира. Эйфория советско-американских отношений была настолько велика, что М. Горбачев и Министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе буквально с молотка распродали все атрибуты советской сверхдержавы: пошли на асимметричные сокращения ядерных ракет средней и меньшей дальности, обычных вооружений в Европе; спешно вывели в никуда отборные войска из Восточной Европы; без серьезных условий допустили объединение Германии с последующим включением ее в НАТО и прочее, и прочее. Когда же стало ясно, что американцы на серьезное встречное движение не идут, эйфория сменилась разочарованием.

Второй раз на эти же грабли завышенных ожиданий в двусторонних отношениях наступило руководство новой демократической России. Заговорили "о стратегическом партнерстве" и даже "о стратегическом союзе" между Россией и США. Многим тогда показалось, что устранение идеологического противоборства и военной конфронтации раз и навсегда положит конец противоестественному расколу мира на две социально-экономические системы, и Россия, а также другие постсоветские государства, принявшие западные либерально-демократические ценности, будут немедленно интегрированы в мировое политическое и экономическое пространство. Именно тогда, на руинах холодной войны и СССР, и была провозглашена концепция партнерства. И хотя в ее продвижении в одинаковой степени приняли участие и Россия, и США, теперь уже видно, что с самого начала они вкладывали в эту концепцию разное содержание.

Новая Россия мыслила партнерство как незамедлительное вхождение в мировое сообщество промышленно развитых стран, которое характеризовалось бы ее равно-

правным участием во всех экономических, политических и военных институтах Запада. Возможно, такие представления были наивны. Но никто не может упрекнуть Россию в том, что в этом своем стремлении она была неискренна или же применяла некие "двойные стандарты" в отношении Запада.

Можно допустить, что и в США десять лет назад было немало ответственных политиков, искренне верящих в добрые отношения с Россией. Тем не менее там всерьез полагали, что не демократическая Россия и не российский народ, а именно США "выиграли" холодную войну, добившись распада "империи зла", а потому основным содержанием американской политики стала политика фиксирования этой "победы" в том числе путем закрепления в свою пользу геополитических перемен. Руководство США оказалось не способным вырваться за пределы примитивной схемы, основанной на биполярной теории "игры с нулевой суммой", согласно которой все события мировой политики мыслятся в категориях "выигрыша" или "проигрыша" для того или иного ее субъекта. Уже один этот факт ставил под сомнение всю философию партнерства, ибо о каком партнерстве между победителем и побежденным вообще может идти речь?

Отношение к России как к "побежденной" стране предопределило готовность взаимодействовать с ней лишь как с младшим партнером и в то же время глубокую подозрительность в отношении того, что "империя зла" фактически не изменилась. США не смогли осознать всю глубину происходящих в России перемен и того факта, что они являются лишь частью перемен глобального характера, затрагивающих, по существу, весь мир. Вероятно, поэтому они не решились начать отношения с Россией с чистого листа, как с совершенно новой страной, равно как не пошли они и на реальный новый план Маршалла. Уникальный исторический шанс, открывшийся после окончания холодной войны, тем самым был упущен раз и навсегда.

Более того, на искреннее движение России в сторону США последние ответили напористым продвижением идеи расширения НАТО, нежеланием серьезно рассматривать российский подход к строительству новой системы европейской безопасности, односторонними шагами по проведению силовой линии в Югославии, задержкой важных решений по двустороннему экономическому сотрудничеству, нежеланием отменять дискриминационные по отношению к России торговые ограничения и так далее. Все это мало соответствовало духу принятых ранее деклараций о партнерстве. При этом если демократическая администрация США все чаще не считалась с нашими интересами, то республиканский Конгресс требовал еще больше ужесточить политику США, поставить Россию на место.

Правда, проявившиеся в это время разногласия между Россией и США по важнейшим международным проблемам не переросли в конфронтацию. В ходе российско-американских встреч в верхах президенты обеих стран, как правило, предпочитали не обострять двусторонние отношения, фиксировали разногласия, идя в ряде случаев на взаимные уступки, правда, достаточно второстепенного характера. Тем не менее кризис так называемых партнерских отношений между Россией и США стал более чем очевиден. Особенно заметно он проявился в 1995—1998 годах.

Смена политического руководства России и США в 2000—2001 годах, казалось бы, открывала новый шанс для существенного улучшения двусторонних отношений. Однако администрация Дж. Буша начала с того, что сделала целый ряд заявлений, принижавших роль и место России в современном мире, ставящих под сомнение годами наработанные схемы взаимодействия. Вашингтон поставил под вопрос необходимость совместных шагов в области сокращения и ограничения вооружений, декларировал курс на создание национальной системы ПРО. Ранее заключенные договоры СНВ-2 и ДВЗЯИ остались США нереализованными. Американцы усилили поиск "русских шпионов", выслали большое количество российских дип-

ломатов, ужесточили визовый режим для России. Все это сопровождалось весьма неприятной антироссийской риторикой. Временами начинало казаться, что мы возвращаемся к временам если не холодной войны, то уж, во всяком случае, холодного мира. И хотя большинство политиков не поддалось на истерические призывы, атмосфера для начала конструктивной работы в 2001 году сложилась не самая благоприятная.

После терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года в мире начала складываться новая обстановка, что заметно изменило контекст российско-американских отношений.

Если судить по внешним признакам, эти отношения серьезно улучшились. Россия и США впервые после Второй мировой войны находятся в одной коалиции и борются против общего врага. Стало быть, их национальные интересы, во всяком случае, в противоборстве с международным терроризмом, сейчас совпадают. Между ними происходит взаимодействие, которое кажется гораздо более тесным и глубоким, чем взаимодействие России и США со своими союзниками соответственно по НАТО и Договору о коллективной безопасности.

Однако за этим внешним улучшением нельзя не видеть и того, что политика США в отношении России по сути не изменилась и ни одна из ранее омрачавших наши отношения болезненных проблем не решена.

В проведении долгосрочной кампании против международного терроризма обойтись без России американцам оказалось весьма сложно. Кризис показал, что в районе Центральной Азии ни одно государство не обладает такими политическими и военно-техническими возможностями, как Россия. Сотрудничество с ней, ее поддержка для США оказались незаменимыми. Однако пока такое сотрудничество не носит равноправного характера. Под знаменем борьбы с терроризмом США осуществили очередное крупное геополитическое наступление прежде всего в Центральной Азии и на Кавказе — регионах, которые Россия

ранее объявила зонами своих жизненно важных интересов. Причем произошло это наступление при молчаливом согласии Москвы. В результате антитеррористической операции Россия потеряла важные инструменты международного влияния, связанные как с Договором о коллективной безопасности, так и с шанхайской "шестеркой" — эти механизмы оказались невостребованными и сейчас фактически рассыпаются.

Сотрудничество с американцами вновь оказалось "улицей с односторонним движением" — движением России в направлении учета интересов США при продолжении их прежней линии, не учитывающей интересы России.

В области стратегических взаимоотношений. В самый разгар нашей "дружбы" США объявили о выходе из Договора по ПРО, поставив под удар весь международный режим контроля над вооружениями. Ужесточили свою военную доктрину, предусматривающую теперь помимо плановой модернизации стратегических наступательных вооружений создание проникающих ядерных боезарядов малой мощности, которые допускается применять в сочетании с высокоточным обычным оружием, а также использование ядерного оружия против неядерных государств. Резко, почти на 50 млрд. долларов, увеличивается бюджет Пентагона.

В области политической США подтвердили свое нежелание считаться с интересами России. По-прежнему форсируются планы расширения НАТО. России отводится в лучшем случае роль младшего партнера в решении не только глобальных, но даже региональных вопросов международной безопасности.

Наконец, в области экономической Вашингтон недвусмысленно дал понять, что никаких поблажек Москве он давать не намерен. Это показало противостояние между двумя странами не только по крупным вопросам мировой торговли — стали и нефтяных ресурсов, — но даже по таким, как куриные окорочка.

В предстоящие месяцы наши отношения с американцами ожидают очередные испытания на прочность. Это и односторонние удары США по странам "оси зла", и вероятный юридически не обязывающий договор по стратегическим наступательным вооружениям, и закрепление военного присутствия США на Кавказе, и вторая волна расширения НАТО, и вероятное возрастание давления Вашингтона на Минск, и многое другое. Каждый из этих вопросов, при решении которых американцы, как уже сейчас видно, не намерены считаться с Россией и принимать во внимание ее озабоченность и национальные интересы, будет ставить нас перед неприятными дилеммами: и дальше во всем соглашаться с США или же отстаивать свои собственные интересы, которые у России как у великой державы не могут полностью совпадать с американскими.

Немаловажно и следующее обстоятельство. Опираясь на поддержку в проведении антитеррористической операции всех основных стран мира, включая Россию, США сумели сделать из своей национальной трагедии военный и политический триумф, значительно увеличив свой международно-политический вес в мировой политике, укрепить свои позиции как единоличного мирового лидера, не считающегося уже более ни со своими союзниками, ни с ООН, ни даже с нормами международного права. В результате политическая асимметрия между Россией и США за последние полгода еще более возросла, что, несомненно, будет серьезно подрывать наши претензии на равноправное партнерство с США. И закрывать глаза на эту перспективу было бы для российских политиков по крайней мере ошибочно.

Похоже, что за пренебрежительным отношением к России со стороны США, которое было заметно даже на недавно прошедшей Олимпиаде, стоит не очередной виток противостояния в духе холодной войны, а переход к совершенно иному качеству отношений между сторонами, когда одна из них ведет себя по отношению к другой,

как к неполноценному партнеру, не способному к адекватному ответу в обозримой исторической перспективе.

К этому следует добавить и то, что фундаментальное противоречие российско-американских отношений — между декларированным в политическом плане партнерством и далеко не виртуальной ситуацией взаимного ядерного сдерживания, материализованной в по-прежнему чудовищных арсеналах ядерного оружия, — продолжает и долго еще будет продолжать оставаться неразрешенным.

А это значит, что перспективу сближения России и США следует оценить на данном этапе как достаточно ограниченную. Пока стороны руководствуются тактическими и чисто прагматическими соображениями, преследуя каждая свои цели, вряд ли из такого рода сотрудничества может вырасти стратегический союз или даже равноправное партнерство. Решение этой задачи предполагает серьезное встречное движение с обеих сторон. По мнению К. Райс, двигаться в сторону сближения с США должна именно Россия: "Направление развития российско-американского сотрудничества в целом правильное. Но России предстоит еще пройти долгий путь". То есть ни о какой взаимности в "сближении" между США и Россией речь не идет. Сомнительно, что вопрос о таком сближении вообще стоял бы в повестке дня двусторонних отношений, если бы вызов безопасности США был брошен не из Афганистана, а, скажем, из Индонезии или Южной Америки. Что же касается антитеррористической коалиции, то это рабочий орган (действующий в режиме *ad hoc*), созданный для решения конкретной задачи по противодействию общему противнику. Она не является основой для глобального союза безопасности между Россией и Западом. Для этого пока недостаточно объективных предпосылок.

Возникновение долгосрочной общей угрозы для России и США не стало предпосылкой для пересмотра отношений России и Запада в сторону формирования подлинно партнерских отношений, шансом на выработку новой повестки дня. Совместное противодействие международному терро-

ризму не явилось системообразующим фактором формирования нового мирового порядка, отодвигающего на второй план другие вопросы как двусторонних, так и международных отношений. Надежную и прочную основу для кардинального и необратимого улучшения отношений России и США создать пока не удалось.

Тем не менее шанс на начало нового диалога существует. Но предстоит серьезная и напряженная работа по решению ряда вопросов, которые были раздражителями в двусторонних отношениях последних лет. Это и Чечня, и СМИ, и борьба с коррупцией, и НАТО. В одночасье все эти вопросы не решить.

Главное же, что нам следует иметь в виду, — это объективная политическая, экономическая и военная асимметрия между Россией и США. И это, видимо, всерьез и надолго. Тем не менее политическая элита России требует к себе уважительного отношения, отношения к России как к равному партнеру. Американцы же этого нашего требования не понимают. Поэтому здесь возникает первый вопрос: соглашаться ли нам на роль младшего партнера Америки в предстоящие годы?

Если, как говорит наш Президент, наша главная цель — это интеграция России в мировое сообщество, то есть по существу в чужой исторический проект, в либеральный (а другого вроде бы и нет), то надо, видимо, принимать те условия, на которых нас готовы принять в этот проект. Тогда стоит ли пыжиться?

Наши тезисы — это попытка сформулировать ответы на эти и другие вопросы, весьма болезненные для российской политической элиты.

Структурно документ выглядит следующим образом.

Первый раздел — вступление общего характера.

Второй — это попытка определить, что такое партнерство с российской и американской точек зрения, и оценить уровень российско-американских отношений на данном этапе прежде всего как ограниченное партнерство.

Третий раздел — это попытка идентифицировать совпадающие интересы и механизмы взаимодействия двух стран.

Четвертый — попытка определить, в чем интересы не совпадают и можно ли их сблизить.

Пятый — это основные направления взаимодействия.

И шестой — возможные стратегические программы политического характера.

Каждый из этих разделов, естественно, нуждается в дополнениях и корректировках. Но иметь такого рода концептуальный материал, вокруг которого можно было бы выстроить подобие если не национального консенсуса, то по крайней мере широкого общественного согласия, нам представляется весьма важным.

С нашей точки зрения, следовало бы сделать все возможное, чтобы в третий раз не наступить на те же грабли завышенных ожиданий в двусторонних отношениях, разного понимания партнерства, а самое главное — совместно определить, как сделать двусторонние отношения ресурсом внутреннего экономического развития России.

И последнее замечание. Мы стремились не к тому, чтобы создать некий конъюнктурный документ, привязав его к предстоящей встрече в верхах, а к тому, чтобы сделать его долгосрочным, то есть определить не краткосрочные, а среднесрочные и долгосрочные национальные интересы России в отношении США в этом контексте. Удалось ли нам это сделать, судить вам.

В.П. Аверчев. Я хотел бы начать с заявления общего характера. Выступление мне понравилось гораздо больше, чем сам текст документа. Тот замысел, который был сейчас очерчен, — хорош, правилен и своевременен. Но поскольку в данном документе не столько поставлены вопросы, сколько даны ответы, то у меня лично возникают проблемы. Центральная проблема состоит в том, что везде по тексту идет требование равноправного партнерства с Америкой. Причем это предъявляется в качестве изначального условия развития всех механизмов российско-американского взаи-

модействия. Является ли это требование составной частью того общенационального контекста, о котором говорил Сергей Вадимович Кортунов? Является ли это начальным требованием? Мне кажется, что всю задачу можно повернуть в обратную сторону: начинать с той постановки, которая сейчас прозвучала, и в жесткой форме.

Во-вторых, нужно осознать, что то самое равноправное партнерство, к которому мы стремимся, то самое восстановление нашего положения в системе международных отношений, которого мы добиваемся, должно стать результатом усилий нашей внешнеполитической элиты, нашего экспертного сообщества. И то, что такое требование существует, надо формулировать как вызов, стоящий перед нашим внешнеполитическим сообществом. Это не то, что гарантировано заранее, а то, чего мы должны добиться. Причем у нас может и не получиться. Сегодня же наша внешнеполитическая элита холит и лелеет свою обиду на американцев. К сожалению, у меня складывается такое впечатление. Американцы, мол, нас не ценят, не уважают, игнорируют наши интересы. А что наша элита сделала, чтобы хотя бы частично компенсировать наши тяжелейшие стратегические потери? Должен быть поставлен вопрос об ответственности нашей элиты, о ее способности ответить на новые вызовы. Чтобы ответить на этот вызов, от элиты требуется мобилизация творческого потенциала во внешнеполитической сфере. Если мы поставим вопрос так, то и программа, и механизм российско-американского партнерства станут более ясными. Только систематическими и скоординированными усилиями эту задачу можно решить. Причем усилиями структур не только исполнительной власти, но и законодательной. Должно прозвучать предупреждение против "многоподъездной дипломатии".

Надо также поднять проблему разрыва между принятием решений и дисциплиной их исполнения.

В.И. Кривохижа. Главное в вопросе российско-американских отношений — как можно быстрее покончить со всеми иллюзиями, которые мы унаследовали от совет-

ского времени и которые прослеживаются в любой статье, устном выступлении или докладе. К числу этих иллюзий я причисляю следующие.

Первое. Россия и США относятся к категории парных государств, судьбы которых взаимозависимы. Это известно со времен Токвиля. Однако имеются существенные ограничения в российско-американском сближении. Другие страны мира не позволят осуществить это сближение, которое означало бы российско-американское доминирование на земном шаре. В этой связи возникает вопрос: должны ли мы по образцу Советского Союза выдвигать глобальные, масштабные инициативы? Я думаю, что нет. Все наши инициативы последних лет, в том числе и советского периода, были контрпродуктивны.

Второй момент. В России в силу кардинальной трансформации общества накопился колоссальный комплекс неполноценности. В значительной степени этот комплекс преувеличен и не имеет оснований. Это касается прежде всего наших ядерных дел. Хотя Россия в настоящий момент потеряла многие системы и уменьшила свой потенциал в этой области, она никогда не была способна вести некие "этюдные" войны, в том числе с использованием ядерного оружия. Единственно, на что был нацелен российский ядерный потенциал, — это тотальная ядерная война. Возникает вопрос: этот потенциал сохраняется или нет? Бесспорно, он сохраняется. Это прекрасно понимают американцы. Поэтому их ракеты направлены в первую очередь против российского ядерного потенциала. А он будет сохраняться еще очень долго.

События 11 сентября показали, что способность США противостоять подобным испытаниям гораздо ниже, чем у России. В России ежегодно погибают десятки тысяч людей от дорожных происшествий, и это приемлемый ущерб. Для американцев этот ущерб неприемлем.

Наверное, только новая политическая элита поймет, что такое Россия. Многие из присутствующих недавно были на СВОПе. Проект доклада, представленный Кара-

гановым, носил парадоксальный характер. Там сказано, что у России плохая география. На каждой странице слово "геополитика". На самом деле Россия занимает "heartland" по любым концепциям — что немецким, что американским, что английским, что французским. Это самое выгодное положение. А мы, по тезисам Караганова, оказываемся где-то в промежутке между Китаем и Западом. Это вообще абсурдно с точки зрения элементарной логики. Не нужно соотносить наши интересы с интересами США, Европы, Китая и Индии. Реальная задача состоит в накоплении Россией своего внутреннего потенциала. Не надо, чтобы этому росту, а я надеюсь, что он уже начался, соответствовала риторика в духе советских времен. Нужно быть скромнее. У нас время сейчас не разбрасывать, а собирать камни.

И последнее. Наше видение российско-американских отношений — черно-белое, а на самом деле они находятся в "серой зоне". Сейчас время сосредоточения и малых шагов. Мы же все время объявляем стратегическое партнерство. Нужно отказаться от пустых лозунгов.

А.М. Салмин. Представленный документ напоминает мне некое уравнение с избыточным числом неизвестных. Но когда ставишь себе такую задачу, то иначе не может быть. Текст интересный, но главная его проблема состоит в том, что есть тенденция рассматривать российско-американские отношения внутри себя, вне более широкого контекста, автоматически превращая их независимо от желаний авторов в теорию игры с "нулевой суммой". В итоге мы приходим к несколько парадоксальному выводу: сейчас США являются безраздельно доминирующей силой в мире, и поэтому давайте сделаем так, чтобы этого не было. Это вполне естественный логичный вывод, если рассматривать двусторонние отношения изолированно, и парадоксальный вывод, если рассматривать их в более широком контексте.

Чтобы понять, какова перспектива, а не только состояние российско-американских отношений, надо ответить на несколько вопросов.

Каковы наши интересы? В докладе говорится, что мы этого не знаем. Но мы должны это знать. Можно написать, почему мы этого не знаем, — это тоже требует самостоятельного анализа.

Второе. Каковы, с нашей точки зрения, американские национальные интересы? Это тоже вопрос, требующий ответа и специального изучения.

Третье. Какова, собственно, парадигма мирового развития? Ведь 10 лет назад сломалась парадигма холодной войны, а новой парадигмы не появилось. Если исчезает прежняя парадигма без появления новой, то, естественно, при каждом обострении отношений возникает призрак старой парадигмы. Потому мы и переходим время от времени от состояния прохладного мира к состоянию прохладной войны, и наоборот. Сейчас, после 11 сентября, логично задать вопрос: появилась ли эта новая парадигма или нет? Если нет, то по этой же схеме российско-американские отношения будут развиваться и в дальнейшем. А если так, то это действительно игра с "нулевой суммой". К этому просто надо быть готовым, в этом нет ничего ужасного, но это некий аналитический вывод, из которого надо исходить при дальнейшем внешнеполитическом планировании. Если это не так, то это надо показать и доказать, потому что на данном этапе тезис о том, что возникла некая антитеррористическая коалиция, довольно слабый (не в докладе, а в том дискурсе, который существует сегодня в России и в мире в целом). Коалиция — это очень нестабильная вещь. У нее нет массы покоя. Сегодня она есть, завтра ее нет. Зачем мы нужны в этом случае США, неясно. Конечно, я бы так сказал: "ось зла" — полюбишь и козла. США действительно на какой-то момент нужна Россия. Но возникает вопрос: что дальше из этой позиции будет? Пока ощущение такое, что все это вырождается не в создание какого-то антитеррористического интерна-

ционала, а в создание антитеррористического Интерпола, что не одно и то же. Причем этот Интерпол включит в себя большое количество стран, многие из которых по определению не являются друзьями ни Америки, ни России. И это будет некий новый институт мирового бытия, даже мировой политики. Это важно, полезно, но недостаточно, чтобы объяснить тенденцию развития.

Очень важен тезис о том, что происходит новая идеологизация наших отношений. На этом тезисе в докладе надо остановиться подробнее, потому что мы прошли очень важную развилку. Два-три года назад почти неизбежно должна была произойти реидеологизация двусторонних отношений, причем на очень опасной основе. Мифическое противостояние Востока и Запада могло смениться противостоянием по цивилизационному признаку. Мы проскочили эту развилку, но, к сожалению, не навсегда. Мы позволяем втянуть себя в эту дискуссию о столкновении цивилизаций, что совершенно не в наших интересах. Это наиболее удобный способ для США объяснить все негативные комплексы, которые существуют там в отношении России. Это идеология с очень большим дурным потенциалом.

И последнее. Я думаю, что в докладе нам следует поставить вопрос о том, почему у нас до сих пор нет не только понимания национальных интересов, но и механизма их выработки, который только и может создать платформу дискуссий в обществе относительно формулирования этих национальных интересов. Здесь можно дать конкретные предложения, но это уже за пределами нашего сегодняшнего обсуждения.

Я думаю, что следует сохранить слово "партнерство", но в каждом конкретном случае показывать, что оно реально означает.

А.Н. Савельев. Попробую предложить свое видение того, что есть национальные интересы. С одной точки зрения, это концентрированное выражение интересов большинства населения. В чем же интересы населения? По

сути дела, они сводятся к трем большим категориям: безопасность, обеспечение нормального экономического существования и обеспечение основных прав и свобод. Отвечает ли этим национальным интересам наше партнерство или сближение с США? Будет ли оно способствовать нашей безопасности, экономическому благополучию и реализации основных прав и свобод или нет? Очень часто путают понятие национальных и государственных интересов. Государственные интересы — это, на мой взгляд, интересы бюрократии, а никак не концентрированное выражение национальных интересов, то есть интересов населения.

Возникает вопрос: понимают ли американцы, что им нужны нормальные партнерские отношения с Россией? На мой взгляд, есть серьезные доказательства того, что американцы понимают, что им нужна сильная, единая Россия — Россия в качестве дружественного государства. Если Россия развалится, то США будут одной из акул, которая станет отрывать развалившиеся куски. Но при дружеских отношениях с Россией американцы могут получить все. И ни Китаю, ни Европе, ни Японии ничего не достанется. Может быть, стоит сформулировать в этом докладе, что нормальные партнерские двусторонние отношения — не только в интересах России, но и в интересах США.

М.И. Герасев. По докладу выходит, что равноправное партнерство с Америкой — это некая самоценность. Для меня этот тезис на сегодняшний день совершенно неочевиден. Из документа следует, что мы понимаем партнерство как некую позитивную систему особых отношений в противоположность негативной системе особых отношений, которая существовала в годы холодной войны. На этом пути возникает много не только внутренних, но и внешних проблем. Ведь остальной мир не будет равнодушно взирать на то, как Россия и США выстраивают особую систему отношений. Надо отдавать себе в этом отчет.

С моей точки зрения, на данном этапе идея равноправного партнерства России и США — это опасная

иллюзия. А за всеми несбывшимися иллюзиями, как мы прекрасно знаем, следуют разочарования. К счастью, наш мир не черно-белый. И между конфронтацией и равноправным эйфорическим партнерством есть "серая зона", в которой мы и должны искать сферы взаимодействия с США. В нынешней ситуации, если оставить в стороне военную область, единственная модель, которую мы можем выстроить в наших отношениях с США, — это модель младшего и старшего партнера, где старшим партнером являются, разумеется, США. Для нас это достаточно тяжелая психологическая проблема, вернее, для российской элиты, — понять, что мы являемся младшим партнером США. Может быть, в этой ситуации забыть о слове "партнерство"?

Мир не изменился после 11 сентября. За истекшие полгода Россия и США решили свои локальные тактические проблемы. США получили поддержку России. Россия существенно ослабила очаг напряженности, который имелся на наших границах. Кроме того, была существенно стабилизирована ситуация вокруг Чечни. Но это не значит, что создалась какая-то новая ситуация в двусторонних отношениях. Это не значит, что у сложившегося взаимодействия будет какое-то естественное продолжение.

После распада биполярного мира американцы взяли на себя роль глобального полицейского. Хорошо это или плохо? Мне кажется, что для России это неплохо. Сегодня США своими средствами решают очень большую задачу международной безопасности, что отвечает интересам России. Зачем нам претендовать на то, чтобы участвовать в решении этих задач на равных с американцами? Хотят это американцы делать, давайте их поддержим, будем экономить внутренние ресурсы, которые мы можем потратить на задачи внутреннего развития. У нас порой истерическая реакция на американское военное присутствие на постсоветском пространстве. А мы сами-то решили на этом пространстве хотя бы одну проблему за годы после распада СССР? Нет. Если США берутся решать там эти проблемы, пусть их решают.

И последнее. Контроль над вооружениями. Мне кажется, на эту проблему надо взглянуть по-новому. В чем ценность для России сохранения международного режима ограничения вооружений? В чем ценность для России нового договора о сокращении СНВ? В чем опасность для России одностороннего выхода США из Договора по ПРО? Почему мы все время рассматриваем проблему стратегической стабильности через призму взаимного ядерного сдерживания? От чего мы сдерживаем США и от чего США сдерживают нас? Тезис о реальном сокращении стратегических наступательных вооружений — из прошлого. В чем ценность для России того, что у США будет меньше боеголовок и у нас будет меньше боеголовок? Я не вижу однозначного ответа на этот вопрос. По крайней мере поставить все эти вопросы в нашем документе было бы интересно.

А.Н. Савельев. Моя теория это объясняет: государственным интересам это отвечает, а национальным — нет.

М.И. Герасев. А в чем здесь государственный интерес?

А.Н. Савельев. Равные партнерские отношения в этой области.

Ю.А. Рыжов. Мир стал другим не после 11 сентября. На самом деле 11 сентября — это следствие того, что мир стал другим. Кстати говоря, уход из Восточной Европы Советского Союза тоже был следствием, а не началом новой эры. Мы себя истожили до такой степени, что нам было не по силам содержать свои Вооруженные Силы, чтобы они прилично выглядели за рубежом.

Вчера в "Независимой газете" была большая статья С. Рогова. Видимо, ему не дали высказаться на СВОПе, вот он и решил ответить сразу всем. В свое время, когда был послом во Франции, я поставил те же самые вопросы в статье, опубликованной в "Общей газете". Главная мысль этой статьи: нам надо правильно самоопределиться, кто мы есть и каков наш потенциал. У нас в огромной степени завышенная самооценка. Причем и в элите, и в народе.

Именно поэтому антизападные настроения у нас раскрывать очень просто.

Здесь говорилось, что мы начинаем быстро развиваться. Я этого не вижу. Ядерные вооружения через 10 лет у нас будут совершенно неэффективными и от них надо будет полностью избавляться. Авиация у нас кончилась. Причем навсегда, включая военную. Автомобильная промышленность кончилась. Нефть и газ у нас еще есть. С этим, возможно, мы и можем выходить, но не на уровень стратегического партнерства, а претендовать на приличное место за общественным мировым столом. Все!

В.О. Чукасли. Мы совершаем ошибку, когда думаем, что американцы будут к нам относиться как к какому-то партнеру, к равному или даже младшему. Американцы будут просто использовать нас по полной программе в своих исключительно прагматических национальных интересах. К этому выводу пришли участники обсуждения, состоявшегося позавчера в программе "Постскриптум". Превосходно сказал Лившиц: "Уже который год американцы вытаскивают из кармана и показывают нам стодолларовую купюру и говорят: это мы вам дадим. Когда же мы выполняем все их требования, они кладут эту купюру обратно в карман. Потом снова ее достают и говорят: это мы вам дадим. И так до бесконечности". Пора бы уже это понять и не питать никаких иллюзий в отношении российско-американского партнерства.

В.З. Дворкин. Я несколько раз прочитал предложенный документ. И чем больше я его читал, тем больше мне нравились его отдельные аспекты и формулировки. Но тем меньше нравилась общая стратегическая линия.

Мне уже приходилось говорить, что мы не должны относиться к американской политике как к антироссийской или, например, антиевропейской. Это жесткая проамериканская политика. И вступать с нами во взаимодействие по любому вопросу они будут ровно в той мере, в какой это отвечает их интересам. Да, они пошли по пути игнорирования Совета Безопасности, но это будет продолжаться.

У американцев очень профессиональная команда, и думать, что они глупее нас, ни в коем случае нельзя. Я согласен с коллегой Аверчевым в том, что уровень и степень партнерства — это производная от нашего ресурса. Во времена Советского Союза, когда была эйфория по поводу советско-американских отношений (о чем говорил Сергей Вадимович), у нашего руководства было представление, что ресурс у нас примерно равный с США. Сейчас этого, разумеется, нет.

Основной приоритет российско-американского сотрудничества — это взаимодействие, направленное на то, чтобы поднимать нашу национальную экономику. Этому должно быть подчинено все. Это же касается и нашей внешней политики. Здесь надо считать если не прибыль, то хотя бы потери, которые мы понесем от тех или иных наших международных шагов. Например, до какой степени надо сопротивляться американским ударам по Ираку? Казалось бы, в другой ситуации надо этому сопротивляться изо всех сил. Ведь смена руководства в Ираке — это снятие эмбарго, это резкое падение цен на нефть. И обещания Хусейна, что Ирак возвратит нам военные долги, — это все миф и фикция. Но до каких пор мы можем этому сопротивляться сегодня? Это вопрос ресурса, а вернее, отсутствия этого ресурса.

Самоидентификация, определение национальных интересов — это опять-таки проблема внутреннего ресурса, поскольку и то, и другое находится в динамике. В одной ситуации национальные интересы могут носить глобальный характер, в другой (это опять-таки зависит от ресурса) — лишь региональный. Конечно, можно выстроить долгосрочные интересы в расчете на то, что экономика России будет все время подниматься. Когда меня спросили, в чем наша главная национальная идея, я ответил, что ею должен быть стыд. Стыд за то, что страна с такими колоссальными ресурсами так плохо живет.

Ю.М. Батурин. Так Вы предлагаете потерять нашу национальную идею? *(Смех в зале.)*

В.З. Дворкин. Проблемы СНГ. Существующий Договор о коллективной безопасности, который затрагивает "шестерку", и военное сотрудничество в рамках СНГ, которое затрагивает "девятку", противоречат друг другу. Одно действует разрушительно на другое. Как только мы начинаем проводить мероприятия в рамках ДКБ, это немедленно вызывает аллергию у остальной "тройки". А сейчас в связи с действиями американцев и ДКБ, и СНГ оказались вообще под вопросом. Поэтому, может быть, здесь стоит взять за основу двусторонние отношения. Союз России и Белоруссии — все-таки какое-то достижение.

Наши противоречия проявляются даже в таких вопросах, как наши консультации с американцами по проблемам стратегической стабильности. Американцы нам прямо говорят: покажите нам "красную черту", дальше которой вы не пойдете, не сможете уступать. Казалось бы, Президент уже указал на эту черту: контролируемость, необратимость, юридический характер договора и так далее. Но мы спускаемся и, естественно, спустимся и дальше. Попробуйте спрогнозировать, где мы можем остановиться.

Здесь говорилось, что нет смысла в этих переговорах. Я считаю, что смысл есть. И не столько в том, что будет сохраняться ядерное сдерживание в качестве основного фактора обеспечения национальной безопасности, но и с точки зрения статусного фактора, из-за которого с нами считаются и в Европе, и в Азии. А предполагаемый договор будет фиксировать какой-то баланс, какое-то равенство сил между Россией и США. И это важнейший внешнеполитический фактор, который России терять ни в коем случае нельзя. Если исправить стратегические ошибки, которые мы совершили в предыдущие годы в области нашего ядерного строительства, то Россия без особого напряжения сможет поддерживать этот ядерный баланс с США.

И в заключение. Вне зависимости от того, как мы будем формулировать — партнерство, сотрудничество, взаимодействие, — у нас должны быть совместные проекты

типа тех, которые изложены в этих тезисах. В большинстве этих проектов мы можем сотрудничать с американцами как равные партнеры. И США заинтересованы в этом сотрудничестве. Например, в космосе. Наша политика должна быть здесь направлена на то, чтобы максимально расширить квоты на запуски нашими носителями космических аппаратов. У нас пропадает программа "Днепр". У нас имеется запас тяжелых ракет — около 200 штук. Это наиболее дешевый способ вывода космических аппаратов в космос. Здесь у нас значительные ресурсы. Есть значительный потенциал в области российско-американского сотрудничества по вопросам ПРО. И только наши консерватизм и секретомания мешают реализации такого рода сотрудничества. Это должно быть частью программы сотрудничества в области высоких технологий. Но для того чтобы все эти проекты стали частью равноправного партнерства с американцами, надо повысить их статус, придав им государственный характер. В этих целях, возможно, следовало бы возродить подобие комиссии "Черномырдин—Гор". Уровень партнерства будет зависеть от того, как интенсивно мы будем наращивать взаимодействие по такого рода проектам.

Ю.М. Батурин. Документ мне понравился, может быть, даже очень понравился, как промежуточный документ для обсуждения. Поэтому я не буду его особенно критиковать, за исключением отдельных позиций.

И первая позиция — это заголовок. Термин "партнерство" уж по крайней мере из заголовка должен быть изъят, и я за то, чтобы, как здесь правильно говорили, его вообще не было. Надо говорить о взаимодействии или об отношениях. Я постараюсь это обосновать.

Постулат номер два. Коллега Аверчев сказал, что усилиями политической элиты можно достигнуть нового уровня партнерства. Я думаю, что никакими усилиями политической элиты этого достичь невозможно. Должного уровня партнерства можно достичь только силой, которой у нас пока нет.

В этом документе я прочитал немало формулировок буквально таких, какие я бы сам дал, если бы его писал. Такое совпадение взглядов меня очень порадовало. Назову штрих-пунктиром две или три из них. На первой странице: "Если судить по внешним признакам, наши отношения серьезно улучшились". Если судить по внешним признакам, абсолютно согласен. (*Смех в зале.*) Далее. "Американцы, как уже сейчас видно, не намерены считаться с Россией, принимать во внимание ее озабоченности и национальные интересы. Это будет ставить нас перед неприятными дилеммами". Абсолютно правильно. Дальше. "Политики в угоду сиюминутным интересам вовлекают нас в обсуждение второстепенных задач". Тоже абсолютно правильно. "Надо не скользить по верхам, а искать подходы, которые бы затрагивали основы двусторонних отношений". Правда, после этого делается вывод, который меня удивляет: "Новая повестка дня российско-американских отношений исходит из необходимости достижения нашими странами уровня взаимодействия, достойного масштаба этих двух стран". Это каким же "масштабом" мерить наши страны? Как понять, что две наши страны оказались в одном масштабе? Это что за иллюзия? И далее: "Основой для совместных действий должно стать понимание, что вместе Россия и США обладают уникальными возможностями по предотвращению всякого рода опасностей и при этом каждая из стран будет строго следовать своим национальным интересам". Как это возможно?

На второй странице говорится о фундаментальном противоречии российско-американских отношений "между декларированным политическим партнерством и далеко не виртуальной ситуацией взаимного ядерного сдерживания". Фундаментальное противоречие не в этом. Выше говорится, что у России, как у великой державы, "интересы не могут полностью совпадать с американскими". А можно сказать и сильнее: могут полностью и не совпадать. Если говорить о фундаментальных интересах. Вот в этом и есть основное фундаментальное противоречие.

Давайте посмотрим просто по документам, не теоретизируя. Есть два документа, которые приняты с разницей примерно в один месяц: концепция национальной безопасности России и стратегия национальной безопасности США в следующем столетии. Поговорим чуть-чуть о национальных интересах. На теоретическом уровне к фундаментальным интересам относят территориальную целостность, суверенитет, сохранение строя, то есть существующего политико-экономического режима, и экономическое развитие и процветание. Вот фундаментальные интересы, с точки зрения теоретиков. Но в сторону теоретиков. Посмотрим эти два документа. Где они совпадают? Они совпадают лишь в том, что и Россия, и США проявляют озабоченность международным терроризмом, наркобизнесом, экологией, распространением оружия массового уничтожения, да собственно тем, о чем написано в тезисах на странице 5. Здесь перечисляются реальные сферы взаимодействия. Это действительно реальные сферы взаимодействия, но не основные, каковыми они должны быть.

А что выясняется, если мы переходим к фундаментальным интересам? Цитирую концепцию национальной безопасности: "Национальные интересы России в международной сфере заключаются в обеспечении суверенитета" (идея суверенитета продвигается и в других разделах концепции, как вы знаете). В американском документе тема суверенитета не затрагивается вообще. Это означает, что США не придают большого значения суверенитету других государств. Более того, в нем есть пункт, который обязывает США нарушать этот суверенитет. К жизненным интересам США относятся, согласно их стратегии, "физическая безопасность нашей территории, а также наших союзников, безопасность наших граждан, экономическое благосостояние нашего общества и защита наших ключевых инфраструктур, включая энергетику, банки, финансы, коммуникации, транспорт и службы чрезвычайного положения". Обратите внимание на этот термин "наши". Это очень важно, поскольку в нашей концепции все это формули-

руется нейтрально — абстрактно и не привязывается к интересам нашей страны, то есть России.

Ключевые цели США на международной арене. То, о чем здесь говорилось, — один к одному. "Усиление безопасности Америки, стимулирование экономического процветания Америки, содействие демократии, утверждение прав человека за рубежом". Именно этот пункт дает право американцам вмешиваться во внутренние дела тех стран, у которых, по мнению Вашингтона, не все в порядке с демократией и правами человека, что, естественно, ведет к нарушению суверенитета.

Сравниваем дальше. Главные противоречия двух концепций. Россия: "Национальные интересы России в международной сфере заключаются в упрочении позиции России как великой державы — одного из влиятельных центров многополярного мира". Очень нереальная формулировка. Соединенные Штаты: "США остаются самой мощной силой в мире, отстаивающей мир, процветание и универсальные ценности демократии и свободы". Некоторые знатоки говорят, что это фраза вписана пером президента. Не знаю, утверждать не берусь.

В других официальных документах США заранее оговаривается готовность США противодействовать любым попыткам любой державы занять доминирующее место. Даже не в мире. Например, в ежегодном послании президенту и конгрессу министерства обороны США с некоторых пор появилась одна очень интересная строка: "Предотвратить появление враждебных региональных коалиций и гегемонов". Раньше этого не было.

К такого рода фундаментальным разночтениям интересов можно добавить и другие мелочи. Россия, например, настаивает на равноправных и взаимовыгодных отношениях с другими странами, а США четко оговаривают, с кем можно вести себя равноправно, а кого, выражаясь нашим современным языком, "мочить". Они прямо пишут: "Мы будем делать все, чтобы защитить наши интересы, причем, когда необходимо и уместно, с использованием нашей

военной мощи в одностороннем порядке и решительно". Все ясно и определено и совсем не так, как у нас. Мы можем видеть, что у нас совпадает, а что не совпадает.

Владимир Зиновьевич Дворкин сказал очень правильную вещь: вступать с нами во взаимодействие США будут только тогда, когда это отвечает их интересам. Посмотрим, где это взаимодействие отвечает их интересам. Где в официальных документах США прописано место России? Только в Стратегии национальной безопасности XXI века. Я насчитал четыре позиции, где Россия упоминается.

Первая. В разделе о контроле над вооружениями. Это естественно.

Вторая. Это европейское направление. Причем там речь о России идет не как об отдельной державе, а наряду с Украиной и другими странами СНГ. В разделе "Сотрудничество с НАТО и содействие конструктивному участию России в европейской системе безопасности". Вот так, через запятую, вместе.

Третья. Это раздел об СНГ, где говорится, что США заинтересованы в развитии рыночной экономики в этих странах, в том числе и в России, заинтересованы в борьбе с преступностью, коррупцией и нарушением прав человека. Но там, где права человека, немедленно появляется Чечня, причем авторы стратегии огорчаются, что средства, которые Россия использует в Чечне, подрывают ее, России, законные цели сохранения территориальной целостности и защиты граждан от терроризма и беззакония. В сочетании с некоторыми другими цитатами, о которых я говорил, вполне можно прогнозировать, что будет дальше.

Четвертая. Раздел о Косово и Боснии, где говорится, что Россия не очень хорошо относилась к расширению НАТО, к проблеме "югоурегулирования", но тем не менее сотрудничает бок о бок с НАТО. И в этой связи США "останутся приверженцами дальнейшего развития российско-натовских отношений и украинско-натовского особого партнерства". Я подчеркиваю: для России это "отношения", а для Украины это "особое партнерство". Поэтому я

возвращаюсь к началу. Они не видят с нами никакого партнерства. Ну, и нам не надо видеть здесь никакого партнерства. Лучше не видеть партнерства и видеть отношения, чем быть младшим партнером.

В других регионах (если судить по этому документу, это Восточная Азия, Тихий океан, Юго-Восточная Азия, Западное полушарие в целом, Ближний Восток, Южная Азия, Африка) Россия не упоминается вообще, ни в каком качестве. Вот как видят США Россию реально.

Вывод может быть очень простой: в стратегической политике США Россия учитывается лишь в двух случаях — в области сокращения ядерного оружия и на европейском участке, причем с позиции навязывания концепции НАТО и американской концепции безопасности в Европе. При этом совершенно откровенно оговаривается, что позитивные отношения США с Россией будут зависеть от следования тому курсу реформ, который отвечает национальным интересам США. Вот так. Во всех остальных регионах Россия для США перестала быть субъектом, с которым нужно считаться. Это реальность, и давайте из нее исходить.

Я опять возвращаюсь к документу, в частности к тому разделу, где предлагаются программы. Здесь есть интересные программы, но беда в том, что по своему весу и смыслу они абсолютно разнопорядковые. Самая основная и главная программа — это первая: "Первоочередные меры. Системный подход". "Следует прежде всего обратиться к анализу основ российско-американского взаимодействия, определить существо причин разногласий, по-новому рассмотреть сложившиеся стереотипы и их природу". Это и надо делать. Это главное. Но рядом с этой задачей задача в области Интернета выглядит декоративным украшением. Возможно, такая программа тоже нужна, но ставить ее в один ряд с первой неверно. Тем самым мы понижаем значение первой программы.

Я думаю, что должно быть три группы программ и три раздела доклада, в котором должны быть рассмотрены возможности взаимодействия.

Первый раздел — где фундаментальные интересы США и России противоречат друг другу. Эта та самая задача, которую Владимир Зиновьевич сформулировал так: "Сказать им, где надо остановиться". Это главное. С этого надо начинать.

Второй раздел — где США не видят или не хотят видеть наши интересы как исчезающе малые величины. Значит, надо им показать, что у нас есть там интересы. Вы можете считать, что их нет, но они есть. Если вы не будете их учитывать, то последствия будут такие-то и такие-то. Это вторая группа программ и второй раздел этого документа.

Наконец, третий раздел, где интересы совпадают. Здесь все это перечислено, но это третий раздел по приоритетности. Например, космос. Это один из тех немногих вопросов, в котором американцы могут рассматривать нас как равноправных партнеров, а кое-где даже как старших партнеров. Зачем же мы будем им предлагать делиться с ними нашими преимуществами? Пусть они нам это предлагают. А мы должны за это у них еще что-то взять.

Исходить надо прежде всего из структуры интересов. Они прописаны в официальных документах. Я взял только два, но их значительно больше. Их можно проанализировать системно и посмотреть, где имеются фундаментальные противоречия в интересах, а где они совпадают.

А вообще в докладе очень много верного, я специально хочу это подчеркнуть.

В.З. Дворкин. Юрий Михайлович, американцы считают, что у нас значительно больше, чем у них, нестратегического ядерного оружия. Как Вы думаете, что нам делать — ждать, пока они нам предложат провести соответствующие переговоры, или самим предложить провести?

Ю.М. Батурин. Я затрудняюсь ответить на этот вопрос с ходу. Предпочитаю сначала просчитать. Думаю, нам самим надо предложить такие переговоры. Но это тот раздел, в котором у нас с американцами значительно

больше понимания, поскольку мы занимались этим много лет. А надо браться за то, за что мы еще не брались.

В.З. Дворкин. Второй вопрос. Не считаете ли Вы, что приоритетной сферой взаимодействия двух стран могло бы стать противодействие нераспространению ОМУ и средств доставки, а также контроль над космосом? Можно ли поставить вопрос таким образом, чтобы с учетом нашего ресурса в информационных системах Россия и США могли бы стать полюсами стабильности каждая в своем полушарии?

Ю.М. Батурин. Я в этом сомневаюсь. Я хорошо знаю взаимодействие с американцами в области космоса и должен сказать, что никаких двух полюсов американцы просто не терпят. Они все тянут на себя и отдают только там, в той области, где понимают, что они этого еще не умеют. Как только они чему-то научаются, они это снова забирают себе. Никаких двух полюсов они не допустят.

В.З. Дворкин. Но они же сами говорят, что они не контролируют Юг.

Ю.М. Батурин. Значит, они будут добиваться того, чтобы контролировать. Думаю, что с нами они этого делить не будут.

И.Б. Рунов. Когда была ликвидирована комиссия "Черномырдин—Гор", встал вопрос, что придет ей на замену. Самое лучшее, что было придумано, это создание в Любляне в прошлом году так называемого российско-американского коммерческого бизнес-диалога. Туда по рекомендации администрации двух стран включили по две ассоциации. С американской стороны — это Американско-российский деловой совет в Вашингтоне, где председательствует Страус, бывший посол, и Американская торговая палата. С российской стороны — это Российско-американский деловой совет, возглавляемый Ю. Воронцовым, и Российский союз промышленников и предпринимателей. Был утвержден такого рода "четыреугольник".

Я думаю, что нам, как экспертному политическому сообществу, надо перенять этот опыт. Стоит подумать о

том, чтобы привлечь к нашей работе аналогичные организации в США. И попытаться в нашей работе в течение следующего года путем встреч и переговоров, обмена нашими разработками, телемостов сформулировать совместные предложения и представить их на уровне президентов двух стран. Только в этом случае мы можем рассчитывать, что будем услышаны и окажем влияние на развитие российско-американских отношений.

Теперь по поводу приоритетов. Не могу согласиться с Юрием Михайловичем Батуриным в том, что сначала надо определить, что нас разделяет, а затем перейти к тому, что нас объединяет. Мы столько лет говорили о разъединении, что, вероятно, следует пригласить американцев к обсуждению вопросов о том, что нас объединяет. И это не чисто тактический ход. Мы все работали с американцами в разных областях и знаем, что имеется определенная американская переговорная школа. Она очень проста: американцы загоняют противника в угол и давят его до последнего, выжимая из него все возможные уступки. А в последний момент делают полшага назад, провозглашая свою "добрую волю". И это на всех переговорах, начиная с торговли и кончая контролем над вооружениями. Поэтому говорить им "о красной черте", за которую мы не перейдем, было бы большой тактической ошибкой. Они доведут нас до этой черты и затем отгрызут еще обе руки.

Программа в области Интернета может показаться не совсем серьезной, однако американцы к ней, без сомнения, отнесутся всерьез. Это та реальная площадка, на которой мы можем вместе работать. Американцы проявляют колоссальный интерес к использованию нашего программного интеллектуального потенциала. Индия экспортирует на 45 млрд. долларов в год программного продукта. Но Индия не может дать того высшего интеллектуального программного продукта, который может дать Россия. И здесь можно с американцами работать.

Ю.М. Батурин. Лучшие наши программисты там и работают.

И.Б. Рунов. Но ведь американцы тоже считают деньги. Им гораздо выгоднее платить программисту 30 тыс. долларов в год в Новосибирске, нежели 150 тысяч в год в Сан-Франциско.

Ю.М. Батурин. Так они это и делают. Без всяких наших программ.

В.П. Аверчев. Такие офшорные центры есть во многих городах России.

И.Б. Рунов. Конечно, но это плохо или хорошо?

Ю.М. Батурин. Хорошо.

И.Б. Рунов. Так надо взять это под контроль, чтобы это развивалось не хаотично. Мы говорим об инициативе, в отношении которой мы рассчитываем на поддержку российского Правительства. Если мы выйдем с такой программой, американские экспортно-импортные банки, ассоциации международного развития, ТОА, другие ведомства будут готовы выделить на нее деньги. Это лишь пример.

В заключение — общее соображение. Мне не страшно, что Америка нависает над миром в качестве полицейского. В России речь идет о перемене цивилизационного курса. Это самое важное, что произошло с нами за последнюю тысячу лет после принятия христианства. И в этом плане роль Америки, которая олицетворяет либерально-экономическую модель, для нас очень важна. Не дай нам Бог после того, как мы испили эту чашу экономического развала и унижения, пойти по пути европейской социал-демократической модели. Единственное, что нас может вытащить быстро, — это завершение экономических и политических реформ. В этом плане само существование Америки как свободной экономической модели для нас большое подспорье.

В.С. Овчинский. Я считаю, что в докладе содержится очень серьезное противоречие. В разделе 3 написано: "В Вашингтоне осознают опасность дезинтеграции Российской Федерации и потому заинтересованы в стабилизации на территории бывшего СССР". В разделе 4 следующий текст:

"Американцы всерьез опасаются, что через некоторое время Россия может проявить активность в экономическом сплочении бывших республик СССР, что в конечном счете приведет к возрождению союзного государства в прежнем качестве. В Вашингтоне хотели бы видеть Россию в достаточно ослабленном виде". Противоречие это весьма серьезно.

Ю.М. Батурич. Никакого противоречия. Первый тезис — это тезис К. Райс, а второй тезис — это то, что содержится в официальных документах. *(Смех в зале.)*

В.С. Овчинский. Но это влияет на концепцию всего доклада. Исходя из этого, надо и говорить, что Америка неоднородна. Там много групп, которые занимают неоднородные позиции в отношении России. Исходя из этого, нужно и строить дальнейшее обсуждение.

Вторая позиция касается борьбы с терроризмом. Я считаю, что весь доклад пронизан некоторой эйфорией в отношении нашего взаимодействия с США в противодействии международному терроризму. На самом деле никакого взаимодействия не было. Это виртуальное взаимодействие. Это были слова. Это было предоставление воздушного пространства. Это был сброс старой техники на территорию Афганистана. Мы преследовали свои национальные интересы, когда американцы громили Талибан. Американцы преследовали свои национальные интересы, укрепляя свои позиции в стратегическом плане и проводя акт возмездия. Вообще весь доклад пронизан борьбой с терроризмом. Я считаю, что борьба с терроризмом — это некая политическая ловушка, в которую мы попали, как попадали другие страны. То, как понимают борьбу с терроризмом американцы, — это решение их национальных задач. А то, как понимает ее международное сообщество, — это совершенно другое дело. И ни в коем случае нам не надо влезать в ту ситуацию, которую хотят смоделировать американцы. Суть в том, что мы от этого ничего не выиграем. Все наше взаимодействие уже через полгода будет забыто. Мы будем его вспоминать как очередной голливудский

фильм. Исходя из этого предложения, создать новый международный орган по борьбе с терроризмом — это чистая утопия.

Говорю вам это как профессионал: я два года возглавлял российский Интерпол и сотрудничал с американцами с первого дня создания бюро ФБР на территории России. И могу вам сказать совершенно четко: американцы никогда не пойдут на создание международного органа по борьбе с терроризмом. Единственное направление, которое целесообразно развивать, — это развитие уже 80 лет существующего Интерпола, придание ему новых функций, нового статуса, создание сил быстрого реагирования при Интерполе, в которые вошли бы и арабские, и европейские, и азиатские страны. А та постановка вопроса, которая есть в докладе, с моей точки зрения, принципиально неверна.

П.С. Золотарев. Мое общее впечатление о докладе таково, что это путь в тупик разочарований. У нас с американцами есть некоторые стратегические задачи, которые совпадают, но тактика их решения будет разной. И, к сожалению, мы здесь на США никак повлиять не можем. У нас не тот потенциал. В этом плане я хотел бы высказать несколько неожиданную мысль: может быть, нам смотреть не на двустороннее сотрудничество, а через призму Европы? Здесь у нас открывается поле возможностей в виде механизма "двадцатки". Предлагаю поэтому поработать в этой "тройке": Россия—США—НАТО. Иначе американцы с нами считаться не будут.

И последнее замечание. Согласен, что международного терроризма в докладе слишком много. Дело в том, что американцы смотрят на международный терроризм как на еще один повод для легитимного или полулегитимного использования военной силы. Так же, как раньше они смотрели на миротворческие операции. Появление американцев в Грузии и в других местах к югу от России связано не столько с борьбой с международным терроризмом, сколько со стремлением быть поближе к Китаю и влиять на ситуацию в регионе, а также контролировать пути

энергоресурсов в этом регионе и, соответственно, обладать механизмом управления кризисами. Поэтому слишком благодушное настроение в отношении того, что американцы здесь нам помогают, тоже, вероятно, ошибочно.

В.П. Аверчев. Обратите внимание на тональность разговоров, которые идут в российской элите, и на то, что делает Путин. В элите идут разговоры относительно национальных интересов, а Путин выстраивает отношения с Бушем, Берлускони, Блэром. Не стратегическое партнерство, а просто отношения. И еще. Он выстраивает у них образ России как нормального европейского государства. И в этом контраст между тем, что делает Путин, и некоторыми положениями доклада. Все впали в истерику по поводу Грузии, а Путин пришел и сказал: "А в чем тут трагедия?" И не потому, что ему это нравится, а потому, что он понимает нашу ситуацию, понимает, что задираться даже на уровне риторики нам нельзя. В первый год у него было очень много этой державной риторики, а теперь он отказался от нее полностью. В связи с этим очень важно, кому адресуется этот документ. Адресат документа в значительной степени предопределил бы его содержание. На самом деле существуют три адресата: центр принятия решений, политическое экспертное сообщество и Америка. И надо посмотреть с этой точки зрения, какой мессидж мы отправляем этим трем адресатам.

М.И. Герасев. Как человек, занимавшийся военно-техническим сотрудничеством, могу сказать, что необходимо выжечь из доклада каленым железом положение о возможном военно-техническом сотрудничестве с США. Это утопия.

В.З. Дворкин. Вы хотите сказать, что невозможно техническое сотрудничество?

М.И. Герасев. Техническое — это одно дело, а военно-техническое — другое. Никакого военно-технического сотрудничества с США в обозримой перспективе не будет. Будут очень жесткая конкуренция и взаимное противодей-

стве. И создать какие-то механизмы регулирования этой конкуренции — задача невозможная.

С.В. Кортунов. А разве у нас с американцами не может быть военно-технического сотрудничества на уровне, например, сотрудничества между США и Германией?

М.И. Герасев. У нас осталась последняя возможность, связанная с космосом: разменять отказ от нашей позиции по ПРО на участие в их программе. Они с удовольствием будут наш потенциал использовать. Но это откатка потенциала исключительно в одну сторону. Могу сказать по своему опыту. Мы пытались получить американскую технологию в области космоса 30-летней давности, причем американский бизнес был в этом заинтересован. Но правительство США это сразу зарубило, и навсегда. Если называть сотрудничеством перекачку технологий в одну сторону, то такое сотрудничество возможно.

С.В. Кортунов. Тогда более точный вопрос: есть ли у нас перспектива интегрироваться в военно-технологическое пространство Запада?

М.И. Герасев. На ту перспективу, на которую я вижу, — нет.

С.В. Кортунов. Но тогда никакого партнерства быть не может.

М.И. Герасев. Это та сфера, в которой никакого партнерства быть не может по определению. Сейчас мы решаем нашу национальную задачу. Российский космос за последние 10 лет выжил исключительно за счет американских денег. За счет перекачки в ту сторону. Мы продавали то, что у нас было, что было создано за последние 50 лет. Ошибка это? Нет. Это было сделано правильно. Если бы мы этого не делали, то у нас бы сегодня ничего не было.

Ю.М. Батурин. Основная продажа шла на уровне каждого конкретного работника, который продавал документы килограммами в 1992—1993 годы. Кто что мог вынести, тот то и продавал. Потом это пошло не так явно. Человек едет в США, заключает там контракт и работает

на американцев. Все знания переходят в США. Потом они заключают контракт с другим человеком.

М.И. Герасев. Эту сферу мы не рассматриваем, поскольку она криминальная.

Ю.М. Батурич. Согласен.

М.И. Герасев. Космическая отрасль, повторяю, существует на американские деньги. Выгодно ли это России? Да, выгодно. Плохо ли то, что мы за это отдаем наши технологии? Да, плохо. Есть ли у нас выбор? Выбора нет.

В.З. Дворкин. У нас есть в запасе Китай.

М.И. Герасев. У Китая нет таких потребностей, как у американцев.

Ю.М. Батурич. У них другая идеология: они хотят все сделать сами. Они купили у нас корабль "Союз", разобрали его и потом сделали свой. И получилось у них неплохо. Но внешне выглядит как наш "Союз". Они не хотели купить станцию "Мир", как многие считали. Это было невозможно. Идея у них такая: стать третьей страной, которая выйдет в космос самостоятельно.

В.З. Дворкин. Насчет военно-технического сотрудничества. Я бы такой пессимизм в докладе не закладывал. Потому что элементы такого сотрудничества уже есть. Например, Центр по обмену данными. Мы получаем элементы американской технологии. Это первое. А второе — программа "РАМОС". Это уже чистое военно-техническое сотрудничество.

С.К. Ознобичев. Тогда не нужно называть это сотрудничеством. Надо ввести, возможно, другой термин и объяснить, что он означает, в данном документе. Надо сделать глоссарий.

И.Б. Рунов. Все четыре организации в рамках бизнес-диалога уже признаны правительствами обеих сторон. Правительства поручили министрам экономики раз в полгода заслушивать представителей этого бизнес-диалога и руководствоваться их рекомендациями. Это можем сделать и мы в части, касающейся политического сотрудничества. Поэтому если говорить об адресате, то наш доклад как

можно быстрее нужно отправить адресату номер один — Президенту Российской Федерации и выйти с предложением, чтобы одновременно с налаживанием американо-российского бизнес-диалога налаживался политический диалог. Мы могли бы здесь выступить в качестве головной организации, на которую опирался бы Президент Российской Федерации.

А.А. Савельев. А почему мы стремимся получить какие-то американские секретные технологии? Нам это не нужно. Нам нужны гражданские технологии и инвестиции.

С.К. Озобищев. Я призываю всех собравшихся изложить свои соображения в письменном виде и направить сами знаете куда. *(Смех в зале.)* А потом мы снова соберемся, пусть не все. Надо еще поработать над докладом. Это мы сделаем и будем передавать этот документ тому самому адресату, на который здесь намекают, по мере готовности.

Спасибо всем.

Комментарии В.М. Соловьева. Если коротко суммировать высказывания, прозвучавшие за последние месяцы как с российской, так и с американской стороны, то следовало бы констатировать наличие стремления к критическому переосмыслению всего комплекса двусторонних отношений.

1. России необходимо избавиться от комплекса неполноценности в отношениях с США. Сегодня сотрудничество с Соединенными Штатами Америки не является главным условием для экономического возрождения и модернизации страны.

2. В международных финансовых институтах в настоящее время США не контролируют большую по сравнению с европейцами часть капиталов (до 20 процентов).

3. Вместе с тем политическая роль американцев в подавляющем большинстве наиболее значимых международных организаций продолжает оставаться решающей.

4. США остаются самой мощной военной державой мира, что наряду с их политическим и экономическим весом

может быть использовано как для облегчения, так и для осложнения положения России, в том числе и внутри страны.

Россия, по признанию американских экспертов, важна для США по следующим причинам:

опасность формального либо несанкционированного применения ядерного оружия;

в контексте проблемы нераспространения ОМУ;

противодействие экологическим последствиям радиоактивного заражения окружающей среды, а также в случае крупных техногенных катастроф, угроза распространения которых выходит за пределы российской территории;

противодействие распространению коррупции и преступности;

недопущение нарушения стабильности на всем пространстве российской Евразии и вокруг нее;

возникновение серьезной угрозы миру и безопасности в Европе;

возникновение непредвиденных рисков ввиду исключения России из западной — расширяющейся (НАТО) — сферы безопасности; потеря рынков для российской экспортной продукции;

вхождение США в зону традиционных интересов России провоцирует ее на более жесткое обращение к более слабым соседям.

Настало время выведения российско-американских отношений на уровень подписания единого рамочного большого договора!

* * *

В ходе заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам 26 апреля 2002 года обсуждение проблем российско-американских отношений было продолжено.

В.М. Соловьев. Всех нас в мае ждет достаточно ответственное мероприятие — российско-американская встреча в верхах. Каждый из нас в той или иной степени

уже принял участие в создании определенных документов формального или неформального плана, которые, будем надеяться, будут учтены при подготовке встречи. По вопросу подготовки позиции Экспертного совета по российско-американскому диалогу у нас есть основной докладчик — Ладыгин Федор Иванович.

Ф.И. Ладыгин. Тезисы доклада у вас имеются, но я, с вашего позволения, озвучу их. Постараюсь уложиться в отпущенное для этого время. Вы знаете, конечно, что в повестке дня российско-американской встречи на высшем уровне в мае одно из важных мест среди прочих проблем будет занимать вопрос о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений. В частности, объявлено с обеих сторон, что на встрече должна быть подписана договоренность, предусматривающая сокращение этих вооружений до уровня 1700—2200 боезарядов.

Следует особо подчеркнуть, что принципиальная особенность нового этапа сокращения СНВ, кардинально отличающаяся от предыдущих договоров СНВ-1, СНВ-2, заключается в том, что теперь речь идет о контроле над стратегическими наступательными вооружениями в условиях отсутствия запрета на развертывание национальной системы противоракетной обороны, к созданию которой американцы, объявив 13 декабря прошлого года о выходе из Договора по ПРО 1972 года, уже приступили.

Что касается новой договоренности в области ограничения СНВ, то с нашей стороны неоднократно заявлялось, что дальнейшие сокращения СНВ должны иметь юридически обязывающий характер, предусматривать необратимые и контролируемые сокращения. Как же можно оценить нынешнюю ситуацию и перспективу заключения договоренности по СНВ?

О юридически обязывающем характере. Из высказываний американских официальных лиц можно сделать вывод о том, что Соединенные Штаты Америки предпочли бы осуществлять сокращение СНВ на основе односторонних, параллельных с Россией шагов, то есть без выработки

и заключения каких-либо обязывающих соглашений. Однако в последнее время под нашим нажимом они заявили о готовности разрабатывать такую договоренность, выдавая это за большую уступку России.

Вместе с тем, что касается юридического статуса будущей договоренности, то до сих пор сохраняется неясность. Во-первых, будет ли она в США подлежать ратификации в соответствии с их конституционными процедурами или нет? И во-вторых, будет ли обеспечен одинаковый юридический обязывающий статус договоренности и в России, и в Соединенных Штатах соответственно?

О необратимости сокращения. В соответствии с недавно принятой в США новой ядерной политикой Вашингтон не намеревается реально сокращать свой стратегический ядерный потенциал. Выдвинув концепцию так называемого деления ядерных зарядов на оперативно развернутые и резервные, американцы под уровнем 1700—2200 единиц понимают именно оперативно развернутые ядерные боезаряды. При этом так называемое сокращение общего числа боезарядов до названного уровня достигается путем снятия части боеголовок с находящихся на боевом дежурстве ракет. Это первое.

Второе. Извлечение 50 МБР"МХ" по 10 боеголовок на каждой из своих пусковых установок с сохранением и собственно пусковых установок, и ракет.

Третье. Исключение из зачета четырех пар планируемых для переоснащения КРМБ (крылатых ракет морского базирования) большой дальности и двух ПЛАРБ, находящихся в ремонте. Но они постоянно находятся в капитальном ремонте, периодически, те или иные.

Четвертое. Переориентация части тяжелых бомбардировщиков для выполнения неядерных задач, без какого-либо их переоборудования.

Пятое. Зачет оперативно развернутых боезарядов на тяжелых бомбардировщиках не по способностям бомбардировщиков нести то или иное количество боезарядов, а по числу боезарядов, оставленных на складе ядерных

боеприпасов, соответствующей авиационной базы. Ликвидация (это нужно особенно подчеркнуть) собственно стратегических носителей, пусковых установок МБР, пусковых установок БРПЛ и тяжелых бомбардировщиков в соответствии с американским подходом не предполагается.

Отсюда следуют, на наш взгляд, два принципиально важных вывода.

Во-первых, никаких реальных сокращений СНВ США не предусматривают в соответствии с их нынешним подходом. По существу, речь идет лишь о понижении боеготовности некоторой части стратегических сил и, как следствие, о дальнейшем наращивании имеющегося ныне возвратного потенциала. В целом же стратегический потенциал Соединенных Штатов при таком подходе может сохраняться практически на нынешнем уровне.

Во-вторых, Соединенные Штаты при необходимости могут в короткое время нарастить количество ядерных боезарядов на своих стратегических носителях до уровня примерно 5—6 тыс. единиц, то есть до предусмотренного договором СНВ-1 потолка. Всякие разговоры о том, что на такое наращивание потребуется длительное время, якобы годы, рассчитаны на непосвященных.

О контроле. С учетом изложенного подхода Соединенных Штатов к сокращениям СНВ те принципы и меры, которые применялись и применяются для проверки положений действующих соглашений по СНВ, в значительной мере становятся излишними, если не употребить более грубое слово. Видимо, поэтому американцы применительно к новой договоренности говорят о возможности использования лишь некоторых мер, предусмотренных в договоре СНВ-1 с упором на меры доверия и транспарентности.

И еще одно принципиальной важности положение — о взаимосвязи сокращений СНВ с ограничениями на противоракетную оборону. Мы (я имею в виду Россию) исходим из того, что при выработке договоренностей по СНВ должны быть оговорены пределы способности будущей американской системы противоракетной обороны. Амери-

канцы же отказываются. Как они говорят, они не готовы обсуждать любые вопросы, которые ограничили бы, а тем более подорвали их планы в области национальной противоракетной обороны.

В ходе состоявшихся до настоящего времени российско-американских встреч по линии внешнеполитических и военных ведомств Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, судя по всему, позиции сторон существенных изменений не претерпели. Ясно также, что в оставшееся до саммита короткое время (а это меньше месяца) сблизить принципиально расходящиеся позиции России и США вряд ли удастся. Во всяком случае рассчитывать на существенные подвижки со стороны американцев не следует.

Тем не менее на официальном уровне по-прежнему говорится о том, что на московской встрече должна быть подписана договоренность по СНВ. В этих условиях естественно возникает вопрос о возможном исходе ведущихся двухсторонних консультаций и о нашей дальнейшей линии в отношении подготовки будущих договоренностей по СНВ. В принципиальном плане возможно рассмотреть три основных варианта.

Вариант первый. Подготовка и подписание в ходе майской встречи в верхах договоренности, даже не удовлетворяющей наши требования о ее юридически обязывающем характере, необратимости и контролируемости сокращения и, кроме того, не предусматривающей никаких ограничений способности системы противоракетной обороны. То есть фактически договоренность любой ценой. Это означало бы, по существу, принятие нами американского подхода со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для безопасности России (о чем говорилось выше).

Главное — США реально не будут сокращать свои СНВ. Мы же с учетом особенностей наших стратегических наступательных вооружений, остающихся сроков их службы, распада ранее существовавшей кооперации изготовителей

и ряда других факторов будем вынуждены реально сокращать свои СНВ. При этом экономические затраты на их ликвидацию и утилизацию будут для нас достаточно значимыми.

В этих условиях Соединенные Штаты Америки, у которых может появиться в недалеком будущем и система противоракетной обороны, получат абсолютное стратегическое доминирование в мире, возможность без всяких оглядок действовать с позиции силы в решении любых международных вопросов, в том числе и по отношению к России.

Второй вариант. Это отказ от подписания в ходе встречи какой-либо договоренности по СНВ. Совершенно очевидно, что это было бы воспринято мировой и российской общественностью как провал встречи.

И третий вариант. Это подписание рамочного документа, фиксирующего основные принципы и параметры будущей договоренности по стратегическим вооружениям и намерения сторон продолжить переговоры с целью выработки полномасштабной договоренности на основе рамочного документа.

В этом случае, как представляется, мы могли бы более тщательно и всесторонне провести анализ складывающейся ситуации и долговременных последствий решения США о выходе из Договора по ПРО с точки зрения обеспечения военной безопасности России. Одновременно можно было бы, как это и предусмотрено федеральным законом о ратификации Договора СНВ-2, провести консультации Президента Российской Федерации с палатами Федерального Собрания. Я должен сказать, что в соответствии с этим законом в случае выхода Соединенных Штатов Америки из Договора по ПРО или объявления об этом эти консультации должны проводиться незамедлительно. Прошло почти полгода (с 13 декабря 2001 года), а таких консультаций так и не было.

Кроме того, нам следовало бы определиться с позицией в отношении Договоров СНВ-1 и СНВ-2, проанализировать

состояние и рассмотреть предложения по вариантам и этапам развития наших СЯС в новых условиях. На достижение именно такой, как представляется, приемлемой для России в условиях складывающейся ситуации договоренности должно быть нацелено и информационное сопровождение подготовительного этапа и самой предстоящей российско-американской встречи в верхах.

Дело в том, что в наших средствах массовой информации в заявлениях ряда высокопоставленных официальных лиц, по крайней мере до самого последнего времени, у российской общественности формируется завышенное ожидание результатов этой встречи, настойчиво проводится мысль о том, что в ходе нее будет обязательно подписана договоренность о дальнейшем сокращении СНВ. Однако должно быть ясно, что заключение договоренности на условиях Соединенных Штатов Америки может иметь серьезные негативные последствия, будет воспринято как неоправданная уступка США. Отсутствие какой-либо договоренности, как отмечалось, будет расцениваться как крупная неудача обеих сторон.

Поэтому было бы желательно по возможности скорректировать нашу линию в средствах массовой информации, лейтмотивом которой была бы мысль о том, что в ходе предстоящей встречи президентов, возможно, не будет подписано полномасштабное соглашение по СНВ, если к этому моменту не удастся выйти на договоренность, учитывающую законные интересы безопасности России.

Важнейший, как представляется, вопрос, связанный с вырабатываемой договоренностью по СНВ, — это состояние и перспективы развития российских стратегических ядерных сил. Суть вопроса в том, что действующий в настоящее время план развития наших СЯС рассчитан на вступление в силу Договора СНВ-2 и сохранение Договора по ПРО. В новой же стратегической ситуации, когда нет перспектив введения в действие Договора СНВ-2 и когда США выходят из Договора по противоракетной обороне, становится необходимым безотлагательный пересмотр

наших планов в области стратегических ядерных сил в сторону поддержания на должном уровне их наземной группировки, прежде всего за счет максимального продления сроков эксплуатации МБР ЧС РГЧ ИН, разумеется, при обеспечении необходимого боевого состава морской составляющей триады, а также авиационной части наших стратегических ядерных сил, способных решать как ядерные, так и не ядерные задачи.

Вероятно, было бы также крайне важным и не преждевременным провести ревизию всех уже имеющихся у российского военно-промышленного комплекса наработок и заделов на предмет их возможного использования хотя бы в перспективе для нейтрализации тех негативных последствий, с которыми Россия, безусловно, столкнется уже в обозримом будущем в связи с американскими планами в области противоракетной обороны.

Как представляется, Совет Федерации мог бы внести свой вклад в решение всех этих непростых и чрезвычайно важных для нашей страны вопросов. Можно было бы рекомендовать соответствующим комитетам Совета Федерации довести свою точку зрения, которую мы могли бы подготовить по этим вопросам, до Президента Российской Федерации. Благодарю за внимание. Если есть вопросы, по возможности постараюсь ответить.

С.А. Роговко. Один маленький вопрос. Вы говорили о необходимости пересмотра существующих технологий адекватного ответа на американскую систему ПРО. Неужели до сих пор этого не было сделано? И задача такая не ставилась?

Ф.И. Ладыгин. С учетом состояния нашего бюджета я думаю, что этого не делалось. По крайней мере в то время, когда я служил, знаю, что этого не делалось.

Еще раз хочу подчеркнуть: есть закон, который принят Государственной Думой, утвержден Советом Федерации и 4 мая 2000 года указом Президента введен в действие (по результатам ратификации Договора СНВ-2). В нем говорится о необходимости провести незамедлительные кон-

сультации с палатами парламента в случае выхода США из Договора по ПРО. С той поры не было никаких консультаций.

Для вашего сведения: мне пришлось беседовать в Государственной Думе с некоторыми депутатами, когда американцы объявили о выходе из Договора по ПРО. Я говорю: "Дорогие друзья, что вы предполагаете делать?" А мне в ответ: "А что делать-то?" "Как, — говорю, — Вы же приняли закон?" Мне отвечают некоторые: "Это не мы приняли закон". Я говорю: "Если даже не вы, не имеет принципиального значения, кто персонально принимал этот закон. Закон принят законодательным органом власти России. Он принят Государственной Думой вашего созыва, введен в действие указом Президента. Вы собираетесь выполнять собственный закон?" Только 16 января 2002 года было подписано соответствующее обращение к Президенту относительно проведения таких консультаций. Насколько мне известно, только 20 марта этого года было дано соответствующее поручение Президента Министру иностранных дел и Министру обороны. Поэтому говорить о том, что какие-то меры уже принимались, думаю, было бы преждевременно в условиях отсутствия всякого финансирования работ такого рода.

Но я и не предлагаю (это не только моя точка зрения), чтобы мы сейчас же, немедленно бросились создавать какую-то систему противоракетной обороны. Это нам, нашей экономике, не под силу. Но наш военно-промышленный комплекс имеет уже какие-то заделы, они были созданы в свое время. Сейчас, на мой взгляд, было бы целесообразно провести ревизию того, что было сделано, выстроить в определенную систему, проанализировать и потом сказать, можно ли (а я глубоко убежден, что не всякий раз нужно отвечать "в лоб") выработать какие-то меры, которые могли бы в значительной степени эту систему нейтрализовать.

Вот почему, думаю, нам не нужно торопиться с принятием американского подхода. Хотя, скажем, вчера я

разговаривал с одним очень уважаемым депутатом Государственной Думы, который в свое время выступал против того, чтобы торопиться с выработкой соглашения. Но он сейчас говорит: "А что мы можем противопоставить американцам?" Думаю, можно было бы противопоставить, предложить и объяснить соответствующим образом, что нам нет необходимости торопиться. Давайте заключим рамочное соглашение, а потом уже будем вести линию к достижению договоренности.

Насколько я понимаю, в нашем обществе, в том числе и в политических сферах, существуют разные точки зрения. В том числе есть такая точка зрения: "Ну и что же? Ну, будут они иметь больше, ничего страшного, они же нам не угрожают, никто на нас не собирается завтра нападать". Речь же не идет об этом! Речь идет о том, что мы потеряем способность соответствующим образом реагировать на те или иные политические, политико-экономические, политико-военные нажимы, что должно быть исключено.

Е.М. Кожокин. Как можно прореагировать на то, что американцы сейчас говорят о том, что они согласны, чтобы взамен моноблочного СС-27 Россия развивала СС-27 с РГЧ?

Ф.И. Ладыгин. Моя личная точка зрения заключается в том, что договоры СНВ-1 и СНВ-2 (СНВ-1 я знаю постранично до сих пор, потому что мне приходилось принимать непосредственное участие в выработке этого договора) действуют только в условиях наличия Договора по противоракетной обороне 1972 года. Выход из него полностью исключает действие этих договоров. Так в них записано. Поэтому как только американцы объявили о том, что они выйдут из Договора по ПРО, то, по существу, вопрос о составе наших стратегических ядерных сил был предрешен: мы сами должны этим распоряжаться. Мы свободны. Но должно быть выделено время для того, чтобы разобраться с этими договорами: что мы можем использовать, от чего не надо отказываться, а от чего можно будет отойти. Они нам говорят: это ваше право.

А.А. Коновалов. Несколько вопросов по формулировкам, которые у меня вызвали некоторые сомнения.

Формулировка первая — о юридически обязывающем характере. Здесь написано, что Соединенные Штаты Америки предпочли бы осуществлять сокращение СНВ на основе односторонних параллельных шагов, то есть без выработки каких-либо соглашений. Это была изначальная позиция Буша, потом в Кроуфорде от нее отказались, а сейчас совершенно жестко Буш настаивает на том, чтобы этот договор принимался не только исполнительной властью, а обязательно к ратификации был подключен Конгресс США.

Следующее — о необратимости сокращений. В первом предложении текста Ф.И. Ладыгина сказано: Вашингтон не намеревается сокращать свой стратегический потенциал. Но это не совсем точно. Вашингтон намеревается частично его сократить, частично складировать. Он не намеревается сокращать свой реальный потенциал до уровня 2200 и 1700, но часть все равно будет уничтожаться. Говорить, что он совсем не намерен сокращать, — это значит грешить против истины. Неверно говорить, что никаких реальных сокращений СНВ США не предусматривают. Предусматривают, просто опять-таки не того масштаба.

Наконец, в этих условиях у США в недалеком будущем может появиться и система ПРО, и они тем самым получат абсолютное стратегическое доминирование в мире и возможность без всяких оглядок действовать с позиции силы в решении любых международных вопросов, в том числе и в отношении России. Это, на мой взгляд, очень категорично сказано. Представьте себе, что 11 сентября у американцев была бы самая расчудесная система ПРО. Ну и что они смогли бы сделать с этой позиции силы? Там, где в отношениях действует ядерное сдерживание и где оно, кстати говоря, сегодня практически не нужно, действительно, ПРО — это серьезный фактор. Но есть большое количество других угроз, где наличие или отсутствие у американцев системы противоракетной обороны равным

счетом ничего не меняет. Это так же, как то, что у нас есть тактическое ядерное оружие. Чем оно нам в Чечне помогло? Только тем, что головную боль создало. Надо было вывозить его как можно скорее, как бы оно "к ним" в руки не попало.

И последнее. Я согласен с тем, что надо провести ревизию наших наработок и обязательно связать это с космосом и с системой ПРО. Но, на мой взгляд, значительно целесообразнее все-таки направить усилия не на то, чтобы посмотреть, какие у нас есть средства для преодоления системы ПРО, а на то, чтобы в будущем, более полномасштабном, договоре мы ни под каким видом не допускали милитаризации космоса, если даже система ПРО эффективна хотя бы на 75 процентов.

Ф.И. Ладыгин. Американцы не хотят вообще об этом говорить.

А.А. Коновалов. Ну что значит не хотят? Захотят.

Ф.И. Ладыгин. Что значит захотят?

А.А. Коновалов. Если будет вывод боевых систем в космос, возникнет противодействие этому. У нас будет много союзников в мире. Уже есть Китай, с которым очень активно работают.

Ф.И. Ладыгин. На переговорах они не говорят о том, что это будет действительно юридически обязывающий документ с точки зрения всех процедур, включая утилизацию.

В отношении сокращения или несокращения. Это не жестко написано, это написано реально, потому что уже сейчас уровень доведен примерно до 6 тысяч боезарядов. Тем самым Договор СНВ-1 выполнен и той, и другой стороной. Поэтому, когда речь идет о сокращении, они даже на встрече говорят: "Да, мы будем иметь не менее 5 тысяч боезарядов, которые можем в любое время развернуть". Поэтому речь с их стороны фактически не идет сейчас о сокращениях общего количества стратегических носителей и зарядов на них. Речь идет о том, что часть из них, как вы видели, не такая уж большая, просто

выводится из оперативно развернутых МБР. А фактически они остаются в составе.

Согласен, что тезисы можно дополнить немилитаризацией космоса, хотя это очень сложный вопрос и вряд ли нам удастся его провести. Когда я говорю о ревизии всего, что у нас имеется в плане наработок ВПК, я имею в виду не преодоление противоракетной обороны (хотя, возможно, это и будет), а нейтрализацию негативных последствий. "Нейтрализация" — несколько более широкое понятие. Это не обязательно лобовой ответ.

А.С. Воронин. Есть вопрос, непосредственно касающийся Совета Федерации и Федерального Собрания. По поводу консультаций Президента с палатами Федерального Собрания. Конституцией, строго говоря, не предусмотрено такой формы общения Президента с Федеральным Собранием. Поэтому хотелось бы знать, как вы представляете себе механизм этих консультаций. Второе, может быть, самое главное, — содержание. Мы все-таки орган не военный, а скорее политический. И третье — какой должен быть "сухой остаток", результат этих консультаций? Потому что, если они также ничем не закончатся, это будет, наверное, еще хуже, чем провал встречи.

Ф.И. Ладыгин. Я думаю, что Совет Федерации и Государственная Дума, принимавшие закон по СНВ, в котором говорится о необходимости незамедлительных консультаций, должны были бы предусмотреть и соответствующий механизм консультаций. Имеются соответствующие комитеты в Совете Федерации, в Государственной Думе, есть соответствующие структуры исполнительной власти. Могли бы быть выработаны рекомендации относительно структуры с участием и исполнительной, и законодательной власти, которые действовали бы как консультационные в контексте сложившейся ситуации.

В.М. Соловьев. Речь идет не о консультациях между законодательными органами и Президентом, речь идет о приглашении людей из структур исполнительной власти, которые профессионально были заняты в переговорном

процессе, в Совет Федерации, в Госдуму для обсуждения проблемных тем.

А.С. Воронин. Но механизм не прописан. Это Конституцией не предусмотрено. Как Вы себе его представляете?

В.М. Соловьев. Мы приглашаем на парламентские слушания кого угодно из органов исполнительной власти: и Министра обороны, и Министра иностранных дел.

А.С. Воронин. Предлагается пригласить Президента.

В.М. Соловьев. Здесь о Президенте речь не идет. Где написано "Президент?"

А.С. Воронин. А тогда с кем консультироваться? Переговоры ведет Президент.

В.М. Соловьев. С представителями органов исполнительной власти. А это будет определяться Президентом.

Чувствую, что сегодня мы не выйдем из этого зала, поскольку сама по себе тема чувствительная. Не забывайте, что мы находимся в Совете Федерации. Совет Федерации каким-то образом мог бы откликнуться на все эти проблемы и разобраться хотя бы для себя, что происходит в действительности. Хотя бы потому, что Договоры СНВ-1 и СНВ-2 — это, по сути, законы, ратифицированные парламентом!

Проблема эта не только субстантивного плана, она и на многое другое распространяется — в контексте не только российско-американских отношений, а вообще позиции России в мире. Естественно, что и мы уделяем внимание этой проблеме. Вопросы, связанные с противоракетной обороной, — это и авторитет России в мире, а не только ее безопасность. Это одновременно и геостратегический вопрос! Это и вопрос, связанный с появлением американских военных в Центральной Азии и Закавказье. Все это вместе связано и зависимо. Так вот, необходимо подготовить материалы, чтобы каждый член Совета Федерации, который будет формировать свое видение ситуации накануне встречи в Москве или в ходе нее, правильно ориентировался в проблеме.

Нам в этой работе, на мой взгляд, очень важно выдержать тональность. А тональность задана: российско-

американское сближение. Давайте не будем забывать об этом и настраивать себя и общественность на что-то другое. Повторяю, тональность задана — российско-американское сближение! Хотя это сложно, трудно, часто идет, как говорят, "против шерсти", нам часто что-то не нравится, но это не является серьезным основанием для отступления. Как сказал Владимир Владимирович Путин: "Это не значит, что нам надо отступать. Надо добиваться своих целей!" Кто работал с американцами, знает, насколько это жесткие люди, и с ними надо так же профессионально, убедительно и жестко работать.

Мы посвятим еще несколько дней тому, чтобы обработать итоги нашей сегодняшней встречи, дать в письменном виде наше видение проблемы руководству Совета Федерации, Комитету по международным делам.

В.Г. Барановский. Как Вы считаете, насколько Договор СНВ-1 нужен России в настоящих условиях? Важно нам его сохранение или нет, в каких масштабах, до каких пределов? Можно ли его использовать как разменную карту в разговорах с американцами?

Ф.И. Ладыгин. Договор СНВ-1 с точки зрения количественных и качественных параметров уже, по существу, выполнен. Фактически сейчас речь идет лишь о том, что Договор СНВ-1 мог бы быть использован в рамках вырабатываемой договоренности с точки зрения использования части тех мер, которые предусматривались для контроля за соблюдением сторонами достигнутых договоренностей. В этом смысле его можно было бы использовать.

С другой стороны, нужно было бы отказаться от развертывания новых типов МБР и БРПЛ. От этого нужно отойти, поскольку новая стратегическая реальность, с которой мы сталкиваемся — отсутствие Договора по ПРО, — исключает возможность соблюдения тех соглашений.

Е.М. Кожокин. Представляет особый интерес точка зрения, которая часто присутствует и в прессе, и, к сожалению, даже в экспертном сообществе: что мы идем на сотрудничество с американцами по предложенной ими

повестке. Сколь бы тяжелой эта повестка ни была для нас, мы ее принимаем, так как есть определенный график встреч, определенные условия, в том числе экономические. Или мы скатываемся к конфронтации, что недопустимо, о чем говорит и наш Президент. С этой точки зрения доклад вызывает особый интерес. Повторяю, он не впадает в эту ложную, по моему мнению, дилемму. И я так понял Федора Ивановича Ладыгина, что он выступает за третий вариант, который здесь прописан. И этот вариант мне кажется достаточно рациональным.

Если же говорить о практических предложениях доклада с учетом того, что мы обсуждаем тему в стенах Совета Федерации, то, мне кажется, там содержатся по меньшей мере две очень ясные, конструктивные идеи.

Первая. С учетом того, что в нынешних условиях, если грубо сказать, угрозы в сфере военной безопасности имеют у нас виртуальный характер, военной конфронтации с Соединенными Штатами Америки не будет. Но происходит постепенное ослабление позиций России в этой сфере и, соответственно, наших стратегических возможностей. Это накладывает отпечаток и на наши политические, и на наши экономические возможности.

Нужно не забывать, что мы, начиная с Михаила Сергеевича Горбачева, фактически в одностороннем порядке приступили к отказу от самой концепции сдерживания. А взаимного сдерживания в новых условиях не сложилось. То есть у нас получалась такая ситуация — "ни мира, ни войны". В то же время, если мы посмотрим доктринальные документы Соединенных Штатов Америки, то никакого пересмотра, никакого отказа от сдерживания не произошло, и сдерживание в сфере оборонной политики, в сфере политики безопасности, внешней политики США по-прежнему имеет исключительно большое значение. Кстати говоря, последние утечки документов Пентагона доказывают, что мы по-прежнему остаемся в качестве объекта сдерживания наряду с теми странами, которые называются "государствами-изгоями".

С этой точки зрения новые вызовы, которые появляются у нас в этой сфере, — достаточно существенные, так как речь идет о сохранении суверенитета Российской Федерации. Суверенитет сейчас не является таким абсолютным, каким он был во времена Советского Союза. Он сейчас уже является в определенной степени частичным. В условиях такого качественно нового для нас вызова действительно требуются, возможно, специфические консультации между высшими органами законодательной и исполнительной власти России с целью найти ответы, адекватные нашим возможностям и готовности населения.

Мне кажется, что тут можно подумать и о каких-то новых процедурах, тем более что нет никакого противоречия с Конституцией в том, что будут выработаны новые процедуры консультаций между исполнительной и законодательной властью.

Второй, очень существенный момент, содержащийся в докладе, связан с возможностями развития наших РВСН. Необходимо посмотреть, что у нас имеется в промышленности, что — науке, так как совершенно очевидно: бюджетные возможности России очень ограниченные, и требуется оптимальный выбор. Подобная ревизия совершенно необходима в новых условиях.

С одной стороны, мы говорим о том, что мы — страна, имеющая гораздо меньший экономический потенциал, чем Советский Союз, страна в значительной степени другая с военной точки зрения. В то же время мы претендуем на диалог с Вашингтоном фактически в таком же формате, как это было во времена Советского Союза. Я считаю, что это неправильно. Это относится даже к частоте встреч на высшем уровне. Они для нас на самом деле обременительны, потому что мы попадаем в график, неудобный для нас. Мы не можем ему следовать из-за собственного ограниченного потенциала. График же вырабатывает наш партнер. Есть политические императивы. Мы живем в демократической стране. Каждая такая встреча должна завершаться определенным документом или каким-то су-

ществленным результатом. А результат достаточно часто мы можем получить фактически негативный в контексте наших национальных интересов. Нужно думать (и это вопрос к нашему МИДу) об изменении формата наших контактов с Соединенными Штатами Америки. Они в гораздо большей степени и с большей интенсивностью должны проходить на не столь высоком уровне. Необходимо подключить уровень гражданского общества. Такого рода изменения подходов необходимы, вне всякого сомнения, мы не должны попадать в изготовленную для нас ловушку.

И последнее. Некоторые предложения нашего американского партнера, республиканской администрации, мотивируются тем, что у нас сейчас очень высокий уровень отношений и не нужно, мол, подписывать документы обязывающего характера. Может быть, повнимательнее посмотреть на это предложение? В какой степени мы, имея столь ограниченные технологические и финансовые возможности, заинтересованы во всеобъемлющих проверках, которые осуществлял бы американский партнер на нашей территории? В какой степени это отвечает нашим интересам? Может быть, действительно двигаться в соответствии с нашими возможностями в сфере обеспечения наших стратегических интересов? Американцы же двигаются в своем русле — как им удобнее. Некоторая доля неизвестности не будет вредить нам. Предлагаю рассмотреть и такой вариант. Хотя понимаю, что в настоящее время в экспертном сообществе, не говорю уже о МИДе, такая точка зрения будет более чем миноритарной.

Кстати говоря, в сугубо правовом контексте. В декабре фактически выполнен Договор СНВ-1. Контрольные же механизмы продолжают работать. Возникает вопрос: а почему они, собственно, работают и сейчас? С точки зрения юридической — да, они должны работать. Фактически же что проверять, если договор выполнен?

У нас есть некоторые дополнительные возможности для постановки вопросов перед американцами, которые, возможно, мы не в полной мере задействуем.

Согласен с Федором Ивановичем, что некоторые вещи, которые подаются в виде уступок нам, на самом деле таковыми не являются.

В.Г. Барановский. Думаю, нам надо очень четко определить, что мы, собственно говоря, обсуждаем. До саммита осталось несколько недель! Что мы могли бы произвести в результате этого обсуждения? Мы что, хотим предложить слушания в Совете Федерации по поводу того, что еще не произошло? Это нереально. Опускаю все промежуточные рассуждения. Мне кажется, единственное, что мы можем произвести, — это какой-то документ, какую-то аналитическую записку на основе доклада Федора Ивановича Ладыгина. В ней могли бы быть сформулированы какие-то мнения по поводу того, что должно произойти в конце мая, и изложена соответствующая позиция. Куда может быть направлен этот документ? Может быть, он должен быть направлен членам Совета Федерации, в Комитет по международным делам и одновременно Президенту? Я не вижу других возможностей, если мы говорим о каком-то практическом результате нашей дискуссии. Это первое.

Второе. Если это так, тогда нам в этой записке не нужно рассуждать о том, что такое "сдерживание". Нам не нужно рассуждать об очень многих смежных проблемах, которые, несомненно, важны. Документ должен быть очень конкретным — наше мнение по поводу того, какой должна быть позиция в преддверии этого саммита и на самом саммите. Это должны быть очень конкретные вещи.

Третье. Мне очень импонирует подход, который предложен в докладе. Но мне кажется, что можно было бы высказать и какие-то дополнительные замечания. У нас получается, что мы в значительной степени должны действовать с позиции слабости. Американцы могут пойти на это соглашение с нами, а могут и не пойти. Есть такая точка зрения: то, что они идут на это соглашение, на подписание какого-то документа, — это своего рода благотворительность в отношении Российской Федерации.

Могли бы и без этого обойтись, но все-таки соглашаются что-то подписать. Сделаем какой-то документ, немножко юридически обязывающий, может быть, не в такой мере, как нам того хотелось бы... Вопрос: как мы можем эту ситуацию изменить? Чем мы можем "зацепить" американцев? Чем мы можем им пригрозить или чем мы можем их соблазнить? В этом все дело.

Абсолютно согласен, что документ подписывать нужно. Мне кажется, об этом четко сказано в докладе.

Далее. Для нас политически очень важно избежать такого впечатления, что, как некоторые выражаются не очень высоким научным стилем, мы просто "ложимся под американцев", принимаем безоговорочно их позицию, и все. Вот этого важно избежать. Важно подписать двусторонний документ, но важно в то же время обозначить какие-то вещи, которые давали бы всем ясно понять — и внутри страны, и внешним партнерам, — что мы не просто соглашаемся с американским вариантом. Вопрос: каким образом это сделать? Очень важно не просто сказать: давайте не будем питать излишних ожиданий в отношении предстоящего саммита. Очень важно сделать такие вещи, которые и позволят подписать этот документ, и одновременно обозначат какую-то повестку дня для последующих российско-американских переговоров, контактов, взаимодействия на будущее. Потому что у американцев такой подход к этому делу: давайте подпишем что-нибудь такое с русскими и вообще закроем эту тему. И каждый потом будет делать что угодно: есть у вас деньги — развивайте свои новые ракеты или систему противоракетной обороны, мы же будем свои дела делать без каких бы то ни было ограничений. Именно этого важно избежать.

Мой ключевой тезис: важно добиться от американцев такой новой повестки дня, которая открыла бы перспективы дальнейшего взаимодействия в этой области. Каким образом это сделать? У меня есть два конкретных соображения, которые, как мне кажется, на основе этого доклада могли бы быть включены в наш документ.

Я не случайно задал вопрос докладчику относительно Договора СНВ-1. По-моему, один из сюжетов, который может быть очень четко и конкретно обозначен в нашей позиции, — это вопрос о Договоре СНВ-1. Есть такие вещи, которые американцам в Договоре СНВ-1 важны. Прежде всего вопросы, которые связаны с транспарентностью. Мы можем поставить проблему таким образом, что мы предлагаем начать переговоры о заключении протокола к Договору СНВ-1, который модифицировал бы его каким-то образом, потому что есть в договоре такие вещи, которые нам не очень нравятся (о некоторых из них докладчик упомянул). Вопрос о протоколе к Договору СНВ-1, переговоры по которому могли бы начаться в будущем, мы могли бы поставить условием нашей ратификации документа, который будет подписан в мае.

Это попытка "зацепить американцев на крючок". Им Договор СНВ-1 в чем-то нужен. Мы можем сказать, что у нас есть основания поставить вопрос о модификации Договора СНВ-1. Мы предлагаем переговоры по этому поводу. И от успеха этих переговоров будет зависеть наша ратификация того "замечательного документа", который мы подпишем с американцами в мае. Это первое соображение.

И второй сюжет, который был бы привлекательным для Соединенных Штатов Америки или для их союзников. Это вопрос о контроле над ядерными боезарядами. И это могло бы быть привлекательным, особенно для американских союзников, поскольку позволило бы перейти к вопросу о тактических ядерных зарядах. Tактическое ядерное оружие — это наш последний ресурс, который можно бросить на стол переговоров. Это, конечно, очень противоречивая тема, трудная для нас. Она потребует и от нас каких-то коррективов наших подходов. Но это то, на чем можно было бы добиться политического результата и, главное, втянуть американцев в переговоры, добиться от них понимания того, что нам и дальше надо будет в этой области осуществлять какое-то кооперативное взаимодействие, а

не просто подписать какой-то документ в мае и забыть об этом навсегда.

Г.К. Ашин. Канун саммита — время проанализировать российско-американские отношения в более широком контексте, хотя бы за последние полтора десятилетия. Увы, эти полтора десятилетия — время нашего непрерывного отступления и неиспользования тех возможностей, которые мы имели и еще имеем. Они же — годы демонстрации низкого качества советской, а затем и российской дипломатии. Ведь дипломатия — это искусство возможного, искусство компромиссов, определенного торга. А тут нет ни компромиссов, ни торга. Только отступление.

Вспомним ситуацию конца 80-х — начала 90-х годов. Понимая, что мы не можем удержать Восточную Германию, мы могли бы получить значительную компенсацию за вывод наших войск оттуда. Буш-старший и Коль сами говорили, что НАТО не будет расширяться на Восток. Почему же тогдашний министр Э. Шеварднадзе даже не сделал попытки зафиксировать это в виде договора? Что это, непрофессионализм или нечто похуже?

Или неиспользованные возможности выставить солидный счет за эвакуацию наших войск, за оставшееся огромное количество недвижимого имущества, скажем, в счет списания большей части советских долгов Западу. Таков "профессионализм" Э. Шеварднадзе и его тогдашней команды. А теперь, когда мы видим, что Э. Шеварднадзе занимает откровенно антироссийскую позицию, можно подозревать, что сделано это было и вовсе не случайно.

Или возьмем начало постсоветского периода, когда министр иностранных дел проводил явно проамериканскую линию. И что же мы получили взамен? Ничего. Я отнюдь не выступаю против сближения с Западом и США. Знаю, что Президент выбрал эту линию. Неплохо, но при одном условии: это сближение должно быть взаимным, а не односторонним. Когда мы сделали крупные шаги в сторону США после событий 11 сентября 2001 года, естественно было бы ожидать ответных шагов. Что же мы получили?

Нечто прямо противоположное — выход США из Договора по ПРО, фактически запрет на экспорт нашей стали, американские базы и американских инструкторов в ряде стран СНГ, радиопередачи на чеченском языке. И мы сами приучаем американцев к тому, что отступить и сдать позиции — это и есть наша внешняя политика (или отсутствие таковой).

Почему, например, МИД так вяло прореагировал на информацию о том, что американские ракеты с ядерными боеголовками нацелены на Россию? А ведь нам пока есть что противопоставить этой угрозе. Симметричный ответ. Именно сейчас! А через 5—7 лет нам, возможно, уже нечего будет противопоставить подобной угрозе. Вчера я задал такой вопрос Игорю Сергеевичу Иванову. Он прочитал мою записку, положил в карман и не ответил. Это было в ходе Горчаковских чтений в МГИМО.

На фоне этих пощечин мы не нашли ничего лучшего, как преподнести Бушу несколько новых подарков: закрытие наших баз на Кубе и во Вьетнаме. Вообще говоря, это правильно, но, я бы сказал, не вовремя. Американцы полностью уверовали в нашу слабость. А ведь американский менталитет таков, что слабых они презирают, уважают сильных, уверенных в себе партнеров.

Известно, что внешняя политика может опираться не только на силу, но и на гибкость вместе с твердостью в отстаивании своих интересов, готовность на взаимные уступки и компромиссы, но не готовность к односторонним уступкам. Если американский внешнеполитический курс будет антироссийским, мы вынуждены будем искать других партнеров, других союзников, что явно не выгодно американцам.

Итак, гибкость и твердость, отказ от дальнейших односторонних, некомпенсированных уступок — вот что должно быть основой российско-американских отношений.

Несколько месяцев назад в составе нашей делегации на форуме "USA — Russia" в Нью-Йорке и в Вашингтоне мы были приняты в Сенате Соединенных Штатов Америки.

Причем пятью республиканскими сенаторами. Выяснилось, что позиция их вовсе не однозначная. Один из них, самодовольный нахал, говорил о том, что в однополярном мире они, США, — хозяева и ясно, что все международные инициативы должны исходить от них. Второй сенатор, тоже республиканец, оппонировал ему, он сказал: "А зачем, собственно, нам быть "затычками в каждой бочке" в международных конфликтах, зачем нам быть международными полицейскими? Это не добавит нам популярности". Он выступил за здоровый изоляционализм и сослался на известного сенатора 30-х годов Вандерберга. Короче говоря, разные сенаторы демонстрировали разную готовность вступать с нами в диалог. В нашей делегации был бывший первый заместитель Министра иностранных дел СССР Адамишин, который очень квалифицированно оппонировал американцам.

В.М. Соловьев. Думаю, наше обсуждение демонстрирует, что сенаторы-американцы нам не пример. У нас тоже часто полярные взгляды высказываются за этим столом.

П.С. Акопов. Тема исключительно сложная. Она конкретная. И как бы тут ни рассуждали, без конкретизации, без конкретных данных нам трудно что-то рекомендовать по существу.

Что касается основного доклада, могу высказать свое мнение. Я в целом согласен с оценками и предложениями, которые высказал здесь Федор Иванович Ладыгин.

Особо хочу остановиться на одном вопросе, который действительно является сегодня предметом, может быть, особого внимания Совета Федерации. Федор Иванович высказал идею о том, что мы ожидаем каких-то больших результатов от этой встречи. Это связано с политическими вопросами. Народ также ориентирован на это. И если будет отсутствие каких-либо договоренностей, то, как отметил докладчик, это будет расценено как огромная, крупная неудача обеих сторон. Нужно ли это с учетом того, какое значение придает достижению реальных результатов наш Президент?

Полагаю, в развитие этого тезиса полезно еще до начала саммита высказать американцам отношение российской общественности к тем вопросам, которые предстоит на нем обсуждать. Представляется, что председатель Комитета Совета Федерации по международным делам в оставшееся до саммита время должен почаще выступать в средствах массовой информации и как бы давать знать американцам о наших национальных интересах. Пусть это будет в какой-то степени давление на американцев и вместе с тем содействие Президенту, российской стороне, которая будет вести официальные переговоры. Мне кажется, что не только председатель Комитета по международным делам, но и другие члены Совета Федерации, руководство Совета Федерации как представители народа накануне встречи должны почаще доводить до сведения и американцев, и нашей общественности, что мы ждем от диалога с США, какова наша позиция по основным его проблемам.

С.К. Ознобищев. Совершенно согласен с уважаемым коллегой Барановским, что в рамках имеющихся у нас широких полномочий и оставшегося времени мы можем сделать, наверное, две полезные вещи: написать очень хорошую и продуманную записку (вернее, посоветовать написать такую записку от имени Совета Федерации) руководству страны и дать ориентацию (в хорошем смысле этого слова) членам Совета Федерации, которые будут вовлечены в процесс оценки решений в связи с итогами саммита.

Полностью поддерживаю и одобряю доклад Федора Ивановича Ладыгина, тем более что многие из нашей группы американистов принимали участие в обсуждении этой темы и раньше. Но есть несколько замечаний. Мне кажется, что очень важно сегодня Совету Федерации, представительному органу, постараться задать более широкий контекст предстоящей встрече в верхах. Необходимо держать курс на партнерство с Соединенными Штатами Америки — взвешенное партнерство, равноправное партнерство. Партнерство — это заданность. И надо стараться,

не теряя достоинства, к этому партнерству стремиться. Создавать это партнерство, отстаивая в обязательном порядке собственные интересы. Необходимо предложить новый, более широкий контекст взаимоотношений с США в рамках этого партнерства, новую структуру и механизм взаимодействия в рамках реализации этого партнерства. И как элемент — стабилизировать двусторонний процесс. Во-первых, сказать о том, что мы находимся в переходном периоде наших отношений. Очень важно сейчас дать понять Вашингтону, что мы не можем одним прыжком, как нам это предлагает президент Буш, выскочить из модели ядерного сдерживания, из идеологии холодной войны и оказаться в новом времени. Необходим переходный период и необходимо всячески стабилизировать этот переходный период к партнерству. Нужна целая система мероприятий.

Было бы очень полезно составить и принять документ, который можно назвать соглашением о принципах взаимодействия между Россией и США после холодной войны. Или на пути к партнерству — как угодно. И в нем прописать несколько вещей, которые вызывают неподдельную озабоченность как лиц, принимающих решения, так и отдельных наших граждан и общественности. О том, что мы — и Россия, и США — согласились относительно необходимости отхода от модели ядерного сдерживания. И дальше можно развивать это, насколько возможно. В практическом плане прописать этапы выхода на новые отношения. И ряд других вещей. В частности, что мы будем руководствоваться при этом принципами международного права, Устава ООН и так далее. Как бы ни смешно звучали некоторые из этих положений, поскольку они повторялись неоднократно, тем не менее затвердить это еще раз на новом уровне наших отношений, новым поколением политиков, на мой взгляд, абсолютно необходимо.

И в этом плане то, что говорил Федор Иванович Ладыгин, очень правильно. Третья модель нашего поведения та, по которой и надо идти: не соглашение ради соглашения, а именно обеспечение целей и интересов России в первую

очередь. Нам надо стремиться к тому, чтобы договориться, как же мы будем встраиваться в планы и программы друг друга, в том числе в военно-технической сфере. Возможно ли наше широкое взаимодействие в программах создания и развития ПРО — как театра военных действий, так и глобальной ПРО? Сделано это может быть только после того, как мы совместно оценим существующую угрозу, пути ее преодоления, как уже заявляли наши президенты в Любляне. И об этом необходимо еще раз напомнить в ходе встречи.

Согласен с коллегой Кожокиным, в этом же контексте необходимо сказать о том, что нам нужны новые организационные формы. Об этом в прошлый раз говорилось и в совершенно блестящем докладе коллеги Коробейникова. Нам необходимы абсолютно новые организационные формы выработки и принятия решений в области внешней политики, и, может быть, даже военной политики. И эти формы должны находиться в контексте достаточно широкого и институционального, и общественного обсуждения. Только тогда они будут предметом согласия. Только тогда курс Президента Путина будет в полной мере поддержан обществом и не будет вызывать тот глухой ропот, который мы подчас слышим.

В.Г. Шубин. Меня насторожила фраза уважаемого председательствующего о тональности сближения с США. Мы не должны это абсолютизировать. Где-то сближение, но прежде всего защита наших интересов, что подразумевает, может быть, и дистанцирование. Скажем, когда американцы поддержали переворот (неудачный, к счастью) в Венесуэле. Во всяком случае, на уровне экспертов зашоренности у нас не должно быть. Если подходить сугубо формально, то у нас есть один руководящий документ: Концепция внешней политики, утвержденная Президентом Путиным в июле 2000 года. Там содержится достаточно глубокая постановка вопроса.

А.А. Коновалов. Прежде всего хотел бы поддержать коллегу Барановского в том плане, что нам надо четко

представлять, чего мы хотим от нашего документа, какого результата? Если мы хотим помочь составить некий рекомендательный документ от имени Совета Федерации относительно нашей позиции на переговорах с американцами, то я бы здесь выступил со следующими предложениями.

Это должен быть максимально конкретный, краткий и не слишком теоретизированный документ. Я бы даже не рассматривал три варианта, а просто написал, что подписание соглашения неизбежно, мы к этому стремимся, но не должно быть сверхожиданий. Мы говорим о промежуточном, рамочном соглашении. В этом рамочном соглашении целесообразно зафиксировать общее количество боезарядов стратегических арсеналов, которые мы хотели бы иметь к 2012 году, и, пожалуй, несколько очень кратких дополнительных положений по верификации, в основном взятых из Договора СНВ-1 или ссылки на Договор СНВ-1. Больше до мая ничего сделать не удастся. И это следует довести до сведения общественности.

Второе. Хотим мы этого или не хотим, но ядерными зарядами вообще-то мы никогда не занимались. Никто не знает, сколько в соответствии с предыдущими договорами хранилось боезарядов, потому что мы говорили только о ликвидации средств доставки. А теперь мы впервые заговорили о складываемых боеголовках оперативного развертывания.

Требование безоговорочной ликвидации этих боезарядов к 2012 году, а стало быть, и их средств доставки означало бы для американцев уничтожение всех наземных ракет, почти половины подводных лодок и всех тяжелых бомбардировщиков, чего они явно делать не будут. Значит, надо прописать, что некоторая стадия складского хранения какого-то количество боезарядов — это процесс неизбежный, мы с ним согласны, и нам следует пересмотреть свои планы строительства ядерных сил. У нас тоже будет какое-то количество ядерных боезарядов на стадии складского хранения.

Вопросы верификации этой части договора мы оставим на следующие переговоры, потому что сейчас выработать верификационные процедуры не удастся. Мы никогда ранее не контролировали боезаряды, мы всегда контролировали только средства доставки. Это очень чувствительная область, мы к этому не готовы: вот так — взять да открыться. К этому не готовы и американцы. Поэтому это надо оставить для обсуждения в будущем.

Главное, что должно присутствовать, — мысль, что это соглашение промежуточное и мы сохраняем процесс контроля или ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений, что мы не ломаем то, на создание чего потрачено больше 40 лет невероятных усилий. А это очень легко было бы сделать — вот мы делаем два односторонних заявления и разбегаемся. И тогда система контроля над ядерным стратегическим вооружением перестает существовать.

Наконец, в этом документе мы должны сказать, что принимаем к сведению решение Соединенных Штатов Америки о выходе из Договора по ПРО. Но это не значит, что вопрос по ПРО совершенно закрыт. Мы хотели бы договориться с США о некоторых принципах, в частности, чтобы любые будущие системы ПРО, которые будут разворачиваться как нами, так и ими, если мы придем к выводу о необходимости такого разворачивания, не были направлены друг против друга. Сейчас можно не конкретизировать это положение. Но что это значит? Если американцы говорят: Северная Корея может в ближайшие 15 лет сделать три баллистические ракеты, а в ответ мы развернем систему, способную перехватить тысячу боезарядов, то мы заявляем им, что это дисбаланс. А таких дисбалансов в действиях быть не должно. Действие в какой-то мере должно коррелироваться с противодействием и наоборот.

Еще раз необходимо подчеркнуть, что курс на партнерство и сближение — это не тактическое решение, это выбор стратегический, и Россия будет на нем настаивать

и по нему продвигаться. Согласен, что надо избежать слишком высоких ожиданий как от самого договора, так и от встречи. Президенты встречаются регулярно, не каждый же раз делать какой-то прорыв.

Как мне представляется, это очень российский подход: вот мы дали вам развединформацию по Афганистану, вот мы вооружили Северный альянс (вместе с Ираном, кстати говоря), вот мы позволили вам базу организовать в Средней Азии, а вы нам что — выход из Договора по ПРО, санкции по стали и массу других вещей?! Мы же это делали не для того, чтобы понравиться Америке, не для того, чтобы получить дивиденды, мы действовали исходя из собственных национальных интересов. А что нам в ответ? А нам — ликвидация баз "Аль-Каиды", которые, как ни говори, нам пришлось бы ликвидировать самим в ближайшее время, кровью наших солдат. А теперь это делалось американскими бомбардировщиками на деньги американских налогоплательщиков, и нам это ни во что ни стало. И это очень серьезный, выгодный для нас результат. Думаю, что таких результатов можно насчитать не один, не два и не три. Мы действовали исходя из национальных интересов и не в расчете на какую-то благодарность со стороны Соединенных Штатов Америки. Будет благодарность — неплохо, но не это было главным.

Что же касается упомянутого появления России в списке целей американских стратегических ядерных систем, это вопрос вообще не для муссирования среди специалистов и даже среди широкой публики. Здесь интересен только момент появления этой информации прямо под визит министра И. Иванова. Значит, есть в Америке кто-то, кто не очень хочет нашего сближения.

Оперативные планы для применения ядерных средств существовали всегда и существуют во всех генеральных штабах. Существуют они, уверен, и в нашем Генеральном штабе. Раньше на территории России было до 10 тысяч целей, теперь 2 тысячи. Страна, у которой в распоряжении 6 тысяч ядерных боеголовок, и вы хотите, чтобы на нее

ничего не нацеливалось? А куда тогда нацеливаться? Тогда вообще весь смысл существования ядерного потенциала теряется. На мой взгляд, значительно более интересно то, что Китаю присвоен более высокий ранг и статус опасности для Соединенных Штатов Америки, чем России. Вот это действительно новинка. А то, что мы целимся в них и они в нас, — ничего нового в этом нет. Пока существует ядерное оружие в таких количествах, мы вынуждены будем с этим считаться. И это не значит, что это препятствие или помеха тому, чтобы вести дело к партнерству и диалогу.

Ф.И. Ладыгин. Признателен всем за столь заинтересованное участие в обсуждении предложенных тезисов доклада. Благодарю всех и за заданные вопросы, и за высказанные оценки.

Моя точка зрения заключалась в том, что нужно было бы написать короткую записку от имени Председателя Совета Федерации, которая была бы направлена Президенту. И в ней изложить следующие три момента.

Первый момент. Совет Федерации поддерживает ту линию, которую ведет Президент в отношении Соединенных Штатов Америки, в том числе на достижение договоренности уже на предстоящем саммите по ограничению стратегических наступательных вооружений. Это может быть одно предложение.

Второй момент. Нужно высказать мнение, что желательно было бы пойти по третьему варианту.

И третий момент. Не давать завышенных оценок предстоящей встрече.

Можно было бы рекомендовать членам Комитета Совета Федерации по международным делам выступить с некоторыми комментариями к предстоящей встрече, в которых с критических позиций оценить подходы американцев к проблеме. Сказать: не жмите на нашего Президента, давайте будем договариваться не в ущерб общей безопасности и интересам.

Полностью согласен с тем, что для нас политически очень важно, что такое соглашение будет подписано по итогам встречи.

В.М. Соловьев. Спасибо большое, Федор Иванович. Из Вашего выступления вытекают для нас две задачи, два возможных продукта нашей работы по обсуждаемой тематике.

Первое. Попытаться написать что-то вроде проекта записки Председателя Совета Федерации Президенту с высказыванием того, о чем Вы говорили, — поддержки курса и той позиции, которая была бы предпочтительна для России на встрече в Москве.

И второе. Вне зависимости от исполнения первого, нам необходимо подготовить короткую "бумагу" информационного плана по этой проблеме, которую следует адресовать членам Совета Федерации для их ориентировки.

Сегодня было интересное обсуждение проблемы. Полезно было бы попросить руководство Аппарата Совета Федерации направить наш материал всем членам Совета Федерации для ознакомления.

В.А. Исаев. Есть уже наработанный, в том числе в академических кругах, опыт подготовки такого рода материалов. На мой взгляд, это должно выглядеть так. Полностью согласен с тем, что это должна быть короткая записка в адрес Президента, которую может подписать, скажем, Председатель Совета Федерации. В ней следует отразить три основных момента доклада Федора Ивановича Ладыгина. Первое — что реально США не снижают свой ядерный потенциал. Второе — что мы тем не менее вынуждены его снижать, потому что там со временем что-то постоянно выходит из строя. И третье — относительно альтернативного варианта. Это действительно будут полторы страницы. И предложить третий альтернативный вариант, о чем сказал Федор Иванович. Наше дело — дать экспертную оценку. Сокращенную, как было сказано, на полутора страницах — письмо для Президента. И более

развернутую, основу которой составляет доклад Федора Ивановича Ладыгина.

В ходе заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам 31 мая 2002 года были обсуждены итоги российско-американской встречи в верхах. С докладом выступил А.А. Коновалов.

А.А. Коновалов. Честно говоря, я не очень представляю, что еще я мог бы вам сказать, кроме того, что вы уже знаете, потому что тема настолько обговоренная, обсуждавшаяся и комментировавшаяся, что сказать что-нибудь новое, на мой взгляд, уже практически невозможно. У каждого есть своя точка зрения насчет того, хорошо это или плохо, или средне, или никак. И вряд ли я эту точку зрения сумею поколебать. Но я все-таки попробую несколько важных черт выделить.

Вначале мне хотелось бы сказать, что эту московскую встречу надо включить в некоторый контекст динамики российско-американских отношений. Я просто хотел бы вам очень кратко напомнить, с чего мы начинали с нынешней администрацией Буша. Это исторически никакой период, это были практически одномоментные события.

Так вот, администрация Буша пришла к власти с твердым намерением: никаких юридически обязывающих договоров не заключать, тем более в области контроля над вооружениями, потому что США как бы исходят из того, что они настолько сильны, настолько могучи, настолько далеко оторвались от всех остальных стран мира, что любая договоренность, даже союзная договоренность, для них не помощь, а обуза, якорь. Это очень хорошо показала, кстати говоря, ситуация в Афганистане, когда НАТО оказалась очень обиженной. Организация впервые за всю историю в соответствии со статьей 5 о коллективной обороне предложила помощь. Америка от нее отказалась, потому что Америке натовская помощь в Афганистане совершенно не нужна. У Америки в Афганистане было два настоящих

союзника, точнее, два с половиной: Россия, Пакистан и чуть-чуть Британия. И не потому, что Британия — член НАТО, а потому, что у Британии есть опыт колониальных походов в эту страну и некоторые специально подготовленные силы, оставшиеся еще с традиционно колониальных времен, которые умеют действовать в этой обстановке.

Если вы помните, первые наши попытки робкого зондажа начинались с того, что мы задавали вопрос еще задолго до Генуэзской встречи "восьмерки": "Скажите, господа, что могли бы обсудить в Генуе на двусторонней встрече наши президенты? Не за общим круглым столом, а специально в качестве российско-американской повестки дня". И ответ был такой: "А нам вообще нечего в двустороннем плане обсуждать. Масштабы настолько различны, проблемы, которые у нас есть, настолько не совпадают, что достаточно того, что вы посидите за одним столом с американским президентом. Практически у Америки нет двусторонних тем, может быть, кроме остатков вопроса о контроле над вооружениями".

Потом последовал неожиданный, достаточно резкий сдвиг, начавшийся с саммита в Любляне, через серию саммитов к встрече "восьмерки". И наконец — 11 сентября. Это уже третий период в отношениях между Россией и США за время администрации Буша.

Если в этом контексте рассматривать то, чего нам удалось добиться и чего не удалось, московская встреча — это все-таки успех. На мой взгляд, если говорить по большому счету, если взвешивать все плюсы и минусы, то, объективно оценивая реальную ситуацию, плюсов для нас больше. Однако если подходить с точки зрения традиционных специалистов и экспертов в области контроля над вооружениями, они этот договор "разносят" мгновенно, не оставляя от него камня на камне. Почему?

Во-первых, впервые договор — трехстраничный. В нем содержится всего одна цифра, точнее, две через тире: 1700—2200 боезарядов в стратегических ядерных силах. Нет никакой системы зачета, нет никакой описанной системы

верификации и этапности сокращения, нет ничего, к чему привыкли специалисты-эксперты: что все должно быть как при Договоре СНВ-1 (а это семь страниц с приложениями). Здесь есть ссылка на Договор СНВ-1, который мы будем использовать для верификации разработанных процедур, но он действует до 2009 года, а договор, который мы подписали только что, надо исполнить к 2012 году. Значит, остаются три года как бы не покрытые никакими договоренностями в сфере верификации, в сфере контроля.

Кроме того, американцы, постоянно говоря о боезарядах, вводят термин "оперейшн", или "диплойд", что означает "оперативно-развернутые боезаряды". В договоре этого термина нет, но все мои попытки выяснить, что это такое, не увенчались успехом. Американцы будут сокращать оперативно-развернутые боезаряды. То есть боезаряды, находящиеся либо в головных частях ракет, либо в непосредственной близости или на базах тяжелых бомбардировщиков, приспособленных для несения такого рода оружия. В какой момент боезаряд перестает быть оперативно-развернутым и становится складированным, а стало быть, не учитывается, договор ничего не говорит. Что, конечно, сердцу и уму традиционного специалиста по контролю над вооружением — нож острый. Все неопределенности — это для него непонятно что: непонятно, как проверять, непонятно, о чем договорились.

Что еще можно к такого рода критическим замечаниям отнести? Естественно, мы поначалу вызвали, я бы сказал, слишком высокие ожидания у собственной публики. Были заявления наших дипломатов и политиков, что мы обязательно будем вести дело к заключению юридически обязывающего, проверяемого и необратимого договора.

Я вам могу сразу сказать, что выполнить удалось только первое пожелание. Это уже неплохо, учитывая, что нынешняя администрация США не хотела ничего делать юридически обязывающего в наших отношениях, тем более в области контроля над вооружениями. Но они пошли на это.

Если говорить о проверяемости и необратимости, то, конечно, этот договор, строго говоря, не во всем проверяем, потому что непонятно, что проверять. Если брать разработанный детальный механизм СНВ-1, который можно использовать в этом случае, то СНВ-1 все-таки разрабатывался в свете традиционных представлений, что уменьшение ядерных боезарядов, которыми обладают стратегические силы, означает уменьшение количества носителей, способных их доставлять. То есть в соответствие заданному числу боезарядов приводилось количество носителей, возвращенных у той и другой стороны.

В этом случае, строго говоря, никто не обязуется сокращать ни носители, ни боезаряды, так сказать, физически их ликвидировать. Что-то будет складироваться. Например, можно сказать, американцы категорически отказались... То есть они выводят из расчета ядерное оружие, снимаемое со стратегических подводных лодок, которые стоят на ремонте, проходят докование. Практически постоянно пара из их стратегических лодок проходит капитальный ремонт. Оружие, которое снято с этих подводных лодок, в данный момент не будет засчитываться как оперативно-развернутое, а будет засчитываться как несуществующее.

Повторяю, такого рода критических замечаний в адрес этого договора можно привести много. Каковы плюсы договора?

Мы все-таки добились того, что цель — сокращение стратегических боезарядов — положена на бумагу и ей придана юридически обязывающая форма: документ подписали высшие руководители. И что, на мой взгляд, не менее важно: этот договор подлежит ратификации обоими парламентами — Сенатом США и нашей Государственной Думой. Ну и, видимо, утверждению в Совете Федерации этого решения Государственной Думы. Это немало.

Если говорить о том, что все-таки количество оперативно-развернутых боеголовок не будет соответствовать реальному количеству боеголовок, то, на мой взгляд,

хорошо, что оперативно-развернутых боеголовок будет меньше, потому что степень возвратности, возможность быстрого наращивания будет очень разной.

Например, американцы планируют переоборудовать четыре стратегические лодки в носители крылатых ракет большой дальности. Это переоборудование почти необратимо. Во всяком случае, вернуть их в строй в качестве носителей стратегических баллистических ракет — это многолетняя процедура. Проще построить новые.

Переоборудование, допустим, тяжелых бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие, под носители современного высокоточного обычного оружия — это тоже процедура достаточно долгая. Это не значит, что просто сняли ядерную бомбу или крылатую ракету с ядерной боеголовкой и подвесили обычную. Нет, там ставится достаточно сложный револьверный механизм с достаточно сложной системой криогеники, охлаждения, которое требуется для ядерных боезарядов. В общем, это не такая сложная, не такая долгая работа, как переоборудование подводной лодки, это все-таки более обратимый процесс, но все-таки и он требует очень долгого времени.

И, наконец, последнее. Когда дело идет о разгрузке боезарядов с баллистических ракет. Это самый короткий путь вернуть их назад. Скажем, у вас ракета приспособлена нести 10 боезарядов, вы с нее 8 боезарядов снимаете и говорите, что у вас развернуто два боезаряда. В принципе возврат — это не процедура часов и даже, может быть, не процедура дней, но его можно сделать достаточно быстро. На самом деле для того, чтобы снять боезаряд, надо на его место поставить электронный имитатор, чтобы замкнуть электрические цепи ракеты и чтобы она была функциональна. Это все тоже непростое дело и достаточно видимое, может быть, даже проверяемое из космоса (хотя я в этом не абсолютно уверен), но это потенциал быстрого возврата. Возможно, это вопрос недель.

В целом, по общему мнению экспертов, если говорить о стратегическом потенциале, то у американцев реально

останется примерно 4—4,5 тысячи боезарядов с учетом тех, которые будут складированы. Не тех, которые будут оперативно развернуты, а оперативно-развернутые плюс складированные.

У нас, если мы радикально не пересмотрим планы строительства ядерных сил, принятые в 2000 году, останется в лучшем случае полторы тысячи боезарядов на стратегических носителях.

Этот договор ничего не говорит о тактическом ядерном оружии. И тут у нас есть только односторонние заявления, сделанные в свое время, в 1991 году, президентом Бушем-старшим и президентом Горбачевым. И потом было еще более развернутое заявление президента Ельцина. На основании этих заявлений мы тогда решили сделать очень многое. Кстати, они нам очень помогли быстро вывезти тактическое ядерное оружие из всех тогдашних союзных республик, потому что было решено все ядерное оружие вывезти из боевых частей и перевезти его на склады центрального хранения, снять его с кораблей и подводных лодок и перевезти в базы на берегу. Многие классы тактического ядерного оружия решено было просто уничтожить.

У американцев, по оценкам, сейчас примерно 1,5—2 тысячи тактических ядерных боезарядов. У нас в разы больше. Сколько — точно не знает никто, потому что эта практика односторонних заявлений. Президенты ушли, и заявления ушли вместе с ними. Президенты приходят и уходят даже у нас, а договоры, юридические обязательства все-таки остаются. Поэтому сейчас это все экспертные оценки. И, по экспертным оценкам, в общем и целом, если говорить суммарно, тактический и стратегический потенциал боезарядов реально у нас все-таки будет больше, чем у американцев.

Американцы, кстати, относятся к этому с пониманием. Они говорят: "У вас другие границы, мы понимаем. У нас Мексика и Канада, нам об этом вообще можно не думать, а у вас Китай, Иран поблизости, вам надо очень крепко

думать". Но это уже вопрос о ядерном сдерживании и о применимости ядерного оружия.

Что еще, кстати говоря, произошло в ядерной области. Это уже совсем договором не оговаривается. Американцы выделили деньги на исследования... Вот это на самом деле очень тревожный, для меня значительно более тревожный момент, чем желание складировать часть боеголовок, снимаемых со стратегических носителей. Они проводят НИОКР по созданию так называемых ядерных зарядов малой мощности глубокого проникновения.

Что имеется в виду? Имеется в виду тандемный заряд, который сначала как бы ввинчивается в землю некоторым обычным зарядом, пробивает скальную породу. Его задача пройти как можно глубже. А там уже, на глубине, происходит взрыв принципиально новой по классу тактической ядерной боеголовки, значительно меньший по мощности, чем в Хиросиме. Их так и называют "ядерные боезаряды уменьшенной взрывной мощности". Технологически сейчас такое оружие можно создавать. Американцы пришли к выводу, что даже 8-тонная бомба — самая тяжелая обычная бомба, которая у них есть, — не берет пещеры. "Аль-Каиду" выковыривать из гор оказалось невозможным. Если такое оружие будет создано, то в сознании военных это очень сильно сдвинет порог применения ядерного оружия. Сейчас это все-таки политическое оружие, средство сдерживания. Если это будет средством для того, чтобы поражать глубоко укрытые, защищенные цели, то, естественно, военный начнет его рассматривать как усиленную огневую мощь, не как политическое средство сдерживания, а как оружие поля боя, которым можно и нужно пользоваться в тех случаях, когда другие виды вооружений неэффективны.

Что еще дает нам этот договор? Он дает нам то, что мы давно хотели: чтобы нам никто не диктовал структуру наших стратегических сил. Он принципиально снимает все ограничения, все вериги Договора СНВ-2, все споры, связанные с Договором СНВ-2, поскольку он не вступает в силу. В новом договоре просто подчеркивается, что

каждая сторона вольна определять, в какой форме, на каких носителях и где ей иметь эти самые 1700—2200 боезарядов. Это значит, что нам не надо уничтожать оставшееся. А мы половину ракет СС-18, тяжелых десятиголовых ракет "Сатана" уничтожали по договору СНВ-1. Вот оставшимся мы можем продлевать жизнь на столько, на сколько это можно. Правда, я не представляю себе, до каких пор мы сможем это делать, потому что это ракета разработки ОКБ "Южное" в Днепропетровске, а это ОКБ уже переведено на производство мирной продукции. Это ракета, запчасти для которой должны были производиться на Украине. Насколько это удобно — свой стратегический потенциал базировать на импорте каких-то деталей из-за границы? Тем более я сомневаюсь в том, что Украина станет их производить. Но во всяком случае ничто не мешает нам поставить боезаряды на "Тополь", у которого забрасываемый вес, то есть способность вынести вес боезаряда, составляет примерно тонну.

При современных технологиях по крайней мере три боезаряда в такую ракету вполне можно втиснуть, это без проблем. Ничто не мешает нам сделать "Тополь" многозарядным. То есть у нас остается достаточно широкое пространство для маневра. Как мы хотим — в наземные, в стратегические, в РВСН, в морскую компоненту, в авиационную. Это наше дело, никто нам не мешает это сделать.

Подводя итог, я, наверное, соглашусь с мнением тех, кто говорил, что договор, подписанный в Москве, — это последний договор такого типа, это последний договор в цепи договоров по контролю над вооружениями времен холодной войны, в котором еще сохранились элементы проверки, в котором еще есть элементы небольшого недоверия друг к другу. На самом деле американцы говорят примерно следующее: "У нас с Великобританией нет никаких договоров в области контроля над вооружениями, хотя у той и другой страны есть ядерный потенциал. И мы хотим, чтобы наши отношения с вами эволюциони-

ровали до уровня британо-американских. Поэтому то, что мы подписываем сейчас, — это ваше желание и это некоторая переходная стадия. Это не тот договор, который подписывался в период холодной войны, но еще тот, которого не будет, когда у нас будут отношения такого партнерства, как с Великобританией".

И, наконец, несколько слов относительно того, что все-таки и другие документы очень важны. На мой взгляд, очень важна политическая декларация, которая была подписана в ходе этой встречи. Понимаете, в общем-то очень многое зависит от политической воли обеих сторон. Это зафиксированная на бумаге политическая воля. Документ может оказаться пустой декларацией, а может быть наполнен очень конкретным реальным содержанием. Мы выходим на новый уровень стратегических отношений. Эпоха, когда Россия и США рассматривали друг друга, как врага или стратегическую угрозу, закончилась. На мой взгляд, очень важно, что Россия и США после 11 сентября являются фактическими союзниками в глобальной борьбе против международного терроризма.

Например, то, что в политической декларации говорится о Кавказе, о Южном Кавказе: Россия и США отвергают показавшую свою несостоятельность модель соперничества великих держав, которая может только усилить конфликтный потенциал в этих регионах. То есть "эти слова да Богу в уши".

Кстати, я забыл сказать еще об одном плюсе этого договора. Он все-таки в какой-то форме продлевает возможность диалога по контролю над вооружениями и оставляет открытой возможность для диалога по противоракетным системам. Хотя американцы вышли из этого договора, но это не конец света и не конец истории. В декларации говорится о том, что будет создан центр обмена данными систем раннего предупреждения. Это, вообще говоря, первый шаг в создании совместной информационной системы для ПРО.

И что еще очень важно для нас — это положение о том, что ПРО, которое есть и которое будет развернуто американцами (если будет развернуто — я все-таки в этом пока далеко не уверен), должно быть не угрожающим для России.

Что это значит? Допустим, американцы представляют нам убедительные доказательства, что через 10 лет Северная Корея может обзавестись двумя баллистическими ракетами и двумя ядерными боеголовками, которые на них поставили, и эти ракеты могут достичь территории США. Американцы говорят: "Мы хотим защититься от этой угрозы". В общем-то логичное желание, тем более что американцы считали себя очень защищенным островом, отделенным от всех европейских и азиатских бурь двумя океанами. Так вот, если при этом будет развертываться противоракетная система, то она должна быть способна перехватить, скажем, 10 боезарядов, установленных на двух корейских боеголовках (хотя проблема Кореи значительно проще решается политически — и дешевле, и быстрее). Но если при этом будет развертываться система перехвата, способная перехватить тысячу боезарядов, это уже будет не против Кореи. Это уже будет повод для того, чтобы очень серьезно говорить о том, для кого, для чего такая система.

Кстати говоря, это еще одна возможность для диалога относительно средней части ПРО. Что я имею в виду под средней частью? Понимаете, на самом деле эффективная система противоракетной обороны может быть только трехслойной. О каком-то серьезном проценте перехвата можно говорить начиная с 75 и выше. Что это значит? Это значит, что должны быть системы в космосе, поражающие ракеты на стартовом участке траектории. Должны быть системы в космосе, поражающие боеголовки, летящие к цели. Должны быть наземные перехватчики, которые стартуют и поражают подлетающую боеголовку, если первые два слоя не сработали. Так вот, первые два слоя требуют вывода оружия в космос. Я думаю, очень важно сейчас заставить Америку начать диалог о немилитаризации кос-

моса. Если в космосе не будет оружия, если космос будет служить только для сбора и передачи информации, для информационных систем и не будет открыта новая сфера военного соперничества в принципиально новой области, то это уже означает, что система ПРО, какая бы она ни была, никогда не будет угрожающе эффективной для российских стратегических сил. Однослойная система ПРО — для России это не угроза.

И, наконец, самое последнее, что я хотел бы сказать. Это очень важные, на мой взгляд, фразы в декларации по энергетическому диалогу.

Первое (вернее, не первое, но для меня самое важное). "Содействовать инвестициям для дальнейшего развития и модернизации топливно-энергетического сектора России, в том числе расширения добычи нефти и газа в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в прибрежных районах. И далее: расширять доступ российских энергоресурсов на мировые рынки, в том числе путем коммерческого развития и модернизации российской портовой, транспортной инфраструктуры, электроэнергетического и газового сектора, нефтедобывающих мощностей". То есть подписанное на высшем уровне желание вести такой энергодиалог для нас исключительно важно.

Так что, говоря в целом, в договоре очень много недостатков. Повторяю, традиционные специалисты по контролю над вооружениями будут просто в гневе, что это вообще называется договором. Для них это почти филькина грамота. Но если брать весь политический контекст и анализировать все в целом, то, на мой взгляд, плюсов для нас в нынешней ситуации, учитывая то, что альтернативой могло быть неподписание договора, сохранение договора СНВ-1, полный дисбаланс между нами и американцами и отсутствие диалога в этой области... Это, конечно, куда лучший результат, чем то, что могло бы случиться в противном случае. Кстати говоря, предстоит еще очень много работы, очень много вопросов осталось открытыми, но создана рабочая группа, которая будет вести постоянные

консультации. И потребуются даже некоторая модернизация протокола дополнительно к договору СНВ-1, но это отдельный вопрос.

Важно, что все-таки система контроля над вооружениями не умерла. Она, конечно, будет менять формы. Но то, какие формы она примет, будет очень сильно зависеть от того, насколько эти заявления из политической декларации, декларации по энергодиалогу станут реальностью. Это целиком и полностью определяется политической волей сторон. Вспомните Парижскую декларацию. Там тоже было записано много хороших положений. Такого рода документы становятся реальностью, только если лидеры, политические элиты подписавших их сторон действительно хотят реализации этих планов и содействуют ей.

И самое последнее. Очень много говорилось об окончательных похоронах холодной войны. Мне очень нравится термин "окончательные похороны". Мы 15 лет хороним холодную войну. И это мне напоминает фильм "Покаяние". Помните, там все время покойника выкапывали и ставили его вертикально. Как вчера сказал Михаил Леонтьев, похоже, холодную войну мы закапываем живьем, а это негуманно, она может откопаться. Как говорил Булгаков: "Разруха не в туалетах, а в головах". Холодная война на самом деле там же. Если мы сумеем преодолеть стереотипы с обеих сторон, и если будет добровольное преодоление этих стереотипов, то эта встреча может оказаться действительно историческим саммитом и поворотным моментом. Если мы по-прежнему будем рассматривать друг друга как противников, как врагов и мыслить в геостратегических концепциях ("Мы не удержали окопы, а они захватили их. Мы отступили, они отступили"), тогда эта встреча, этот договор могут оказаться не таким важным и не таким большим событием.

С.В. Кортунов. Вопрос к докладчику. В нашей политической элите существует такая оценка, что успех прошедшего саммита во многом связан с тем, что Россия впервые за последние 50 лет отказалась от требования

равноправного партнерства с американцами и согласилась с положением младшего партнера. И, в частности, отказалась от концепции многополярного мира. Вы согласны с этой оценкой?

А.А. Коновалов. Нет, не согласен. Дело в том, что, на мой взгляд, от концепции многополярного мира мы практически отказались уже довольно давно, потому что на самом деле эта концепция не такая уж безопасная для нас и не такая очевидная. Мы всегда выступали против монополярности Соединенных Штатов Америки, против мира по-американски. И поначалу довольно активно говорили, что будет много полюсов. А теперь давайте подумаем о том, так ли нам это выгодно — многополярный мир.

Где наиболее вероятные точки формирования новых полюсов, то есть центров геостратегического притяжения? Это бурно растущий Дальний Восток, в частности Китай. Это, безусловно, возможный полюс. Это бурлящий, кипящий мусульманский, исламский мир, Юг. Что-то в нем происходит такое, что притягивает. В целом, если взять формирующиеся полюса, то окажется, что все они формируются вдоль границ России. Если Россия сама не станет очень мощным полюсом и будет представлять собой аморфную массу, то ее порвет между полюсами. Что-то "оттащится" к Китаю, что-то — к исламскому миру, что-то отойдет к Европе. Нет оснований оптимистично заявлять, что в ближайшее время Россия станет полюсом притяжения. Она им становится, но как бы не имея ресурса, а пользуясь своим уникальным геостратегическим положением, историей и активностью лидера. Если это не будет подкреплено экономически, то рассыплется. Так что концепция многополярного мира, на мой взгляд, столь же неприемлема, сколь и опасна, а может быть, даже более опасна, чем монополярного.

С.В. Кортунов. Есть, однако, официальная концепция внешней политики, в которой многополюсный мир артикулируется. Вы с ней не согласны?

А.А. Коновалов. Не согласен.

Теперь все-таки о сути — о том, что мы отказались от равноправия в партнерстве. Я бы сказал, что мы, возможно, отказались от паритета в его количественном выражении. Но как раз этот договор, по крайней мере внешне, позволяет сохранить видимость равноправия. Количество, которое сформировано, для нас и для американцев одно и то же. Подписи президентов стоят одни и те же.

То есть Америка вполне могла бы ничего с нами не подписывать и сказать: "Нам не о чем разговаривать с вами". И держать 6 тысяч (а на самом деле больше) боезарядов, а вы, мол, держите, сколько хотите. Или могла бы сказать, что будет сокращать до 2020, а вы держите хоть 10 тысяч.

Обратите внимание на такую важную деталь. Что было еще два года назад? Главной головной болью американцев были наши тяжелые многозарядные ракеты. Ракета СС-18 была основной болевой точкой для американской проблемы безопасности.

Мы все обратили внимание на утечку информации в "Лос-Анджелес Таймс" накануне визита Сергея Иванова в Соединенные Штаты относительно нацеливания на Россию. Это новый вариант плана, у них регулярно принимается единый операционный план, то есть план ядерного нацеливания для стратегических сил. Там было упомянуто, что на территории России все-таки находятся 2 тысячи потенциальных целей. И мы страшно возмутились. На самом деле, я уверен, что в нашем Генеральном штабе есть примерно такая же бумага и там обозначено, что на территории Соединенных Штатов находится не меньшее количество целей. Просто раз у кого-то есть по 6 тысяч стратегических боезарядов, то куда нацеливать свои 6 тысяч ядерных боезарядов? Конечно, прежде всего туда, где они есть.

Но я бы обратил внимание на то, что впервые в этом плане Россия — не первый приоритет как угроза безопасности и даже не второй и не третий. Она стоит после

Китай, хотя у Китая всего 20 развернутых ракет. У Китая более высокая приоритетность с точки зрения угрозы для Соединенных Штатов, чем у России. То есть их сейчас совершенно не беспокоит, сколько у нас осталось тяжелых ракет. Для них проблема распространения — проблема Ирана и Ирака. Вот это проблема безопасности. А сколько ракет у России и сколько на них боезарядов, их совершенно перестало волновать.

В.З. Дворкин. С точки зрения политической, военной, экономической и технической. Мы выиграли только в политическом смысле, поскольку зафиксировали в договоре то, что американцы не хотели делать. Ни технических, ни экономических, ни военных выигрышей нет, поскольку президенты подписались под теми планами строительства своих ядерных сил, которые они приняли заранее, задолго до этого договора.

Никакой особой свободы выбора у нас тут нет. Мы не можем ставить разделяющиеся головные части не только на "Тополь", но и на "Тополь-М", поскольку до 2009 года действует Договор СНВ-1. И в соответствии с согласованным заявлением, для того чтобы ставить на наземную ракету типа "Тополь-М" РГЧ, ее нужно переводить в новый тип, а "Тополь-М" является вариантом типа существующего. Ничего нельзя ставить. В этом проигрыш нашей дипломатии, потому что от Договора СНВ-1 нужно было оставить только систему контроля и меры доверия. Все остальное нам вредит и в техническом, и в экономическом, и в военном плане, поскольку мы не можем унифицировать морские и наземные ракеты — это прямо запрещено договором. И то, о чем я сказал, нельзя делать. До 2009 года действует договор. Диалог в любом случае продолжался бы.

Для того чтобы не скатиться назад, нужно замкнуться на совместных программах. Декларация есть предложение по поводу изучения только вопросов совместной разработки ПРО. Здесь нужно включаться и предлагать конкретные программы. И другие программы такого типа. Тут есть что

делать, есть конкретные предложения и конкретные люди, которые могут работать в этой области. Но здесь нужно преодолеть психологический барьер, потому что в вопросах взаимодействия у нас всегда были барьеры.

И, наконец, Центр обмена данными. Он создан в 1998 году по решению двух президентов. Есть место, но барьеры на пути функционирования Центра обмена данными сейчас ставим мы, поскольку требуем от американцев налоги за средства, которые они должны дополнительно вложить в Медведково. У нас таможенные барьеры. Американцы отказываются платить налоги, потому что они поставляют нам аппаратуру для совместной работы. Эти вопросы нужно решать.

А.А. Коробейников. На английском языке Би-Би-Си после окончания саммита назвала эти решения, резолюции, результаты и так далее "vin-vin", то есть тотальная победа Америки. В связи с сохранением зарядов и в связи с тем, что ничего не было принято по ПРО. Судя по Вашему докладу, это не так. Почему же тогда англичане такое говорят?

А.А. Коновалов. Об этом надо спросить того, кто это сказал. Я тем не менее от своей оценки не отказываюсь.

Что касается боезарядов, то мы пытались обсудить проблему с американскими экспертами. Они говорят: "Вообще-то мы не возражали против контроля за складированными боезарядами. Но мы совсем не уверены в том, что вы готовы открыть склады и мощности по переработке".

Они говорят, что у них была совершенно иная, чем у нас, философия создания ядерных боезарядов: они создавали очень долго живущие ядерные боезаряды, чтобы они как можно дольше могли стоять в головках ракет и делать свою работу, мы же создавали производственные мощности и на этих очень больших производственных мощностях делали довольно значительное количество коротко живущих боезарядов, которые требовали регулярного обновления, регулярного обслуживания, регулярной переработки в смысле демонтажа и монтажа. Они говорят, что

сейчас у них в стране, в Соединенных Штатах, действуют мощности, которые могут перерабатывать 300 боезарядов в год, это все, и все они заняты разборкой того, что надо демонтировать. То есть они не производят никаких новых боеголовок, мы же производим их. Так что здесь, для того чтобы контролировать эту область... А она никогда не была областью контроля, ни в одном договоре ничего не говорилось о судьбе боезарядов, говорилось только о носителях. И сейчас не говорится. Мы не готовы к тому, чтобы войти в эту область, определить какие-то ограничительные процедуры, открыть свои предприятия американцам и прийти на американские. У меня пока не сложилось такого ощущения, что мы хотели бы видеть там американских инспекторов.

Ф.И. Ладыгин. Анатолий Антонович, у меня не вопрос и не дискуссия, а очень короткий комментарий оппонента для понимания, чтобы все при анализе это учитывали.

Первый вопрос заключается в том, что мы не ведем речь о договоре. Там есть заряды, но в средствах массовой информации неправильно преподносится, что речь идет о сокращении и ликвидации зарядов. Никогда речь об этом не шла и сейчас не идет. Речь все-таки идет о носителях, о способности носителей нести заряды. В данном случае о способности американских развернутых носителей нести заряды.

Второй вопрос. Александр Александрович, Вы совершенно неправильно трактуете переоборудование бомбардировщиков. Они всегда оборудованы для несения. Все они, сколько имеется, способны нести и обычные заряды, и ядерные заряды, и крылатые ракеты, и бомбы — до 22 штук. Не только, кстати говоря, в бомбоотсеках, но и под крылом. 22 таких ракеты. Для этого ничего не требуется. И времени много не требуется для того, чтобы увеличить возвратный потенциал.

У них будет там фактически 4,5 тысячи боезарядов, теперь добавьте еще те четыре подводные лодки с крылатыми ракетами. Сколько это будет? Это уже будет больше

5 тысяч. А у нас? Вы сказали — 1,5 тысячи. Поделите это все одно на другое! Получится, что у них зарядов в три с лишним раза больше!

Следующее. Александр Александрович, Вы говорите, что количество тактических зарядов у нас в разы больше. Я не знаю, во сколько раз их больше, но тактический заряд и стратегический нельзя сравнивать.

Еще одно обстоятельство, которое нужно, на мой взгляд, учитывать при анализе того, к чему призывает Анатолий Антонович, это следующее. Американцы говорят: мы не контролируем англичан. Они их не контролируют, они просто дают или не дают им и носители, и ядерные заряды. Вот и вся недолга. То есть они просто-напросто владеют, это их ядерное оружие, а не английское.

Об опасности проникающих ядерных зарядов. Тут ничего нет нового. Они давным-давно работают. Будем так говорить, уже 10 лет над этим работают, и, по существу, вопрос этот предрешен. Поэтому, повторяю, тут особенно нового ничего нет.

И маленькая ремарка в отношении восхищения, которое Александр Александрович, мною уважаемый, высказал по поводу положения в декларации относительно взаимодействия, экономического сотрудничества в области топливно-энергетического комплекса. Здесь необходимо при анализе очень четко и ясно учитывать и возможные негативные последствия, особенно касающиеся инвестиций в нашу транспортную систему. Представьте себе, что будет, если эта транспортная система — те же нефтепроводы и газопроводы — будет не российской, а чьей-то? Что будет потом?

А вообще-то, Анатолий Антонович, если бы Вы спросили мое мнение относительно того, что бы я предложил Совету Федерации, если бы договор вынесли на ратификацию, то я сказал бы: его нужно ратифицировать. Но при этом мы должны четко и ясно понимать, на что мы идем, какие есть плюсы и какие минусы.

А.А. Коновалов. Очень коротко. Спасибо большое за комментарий. Насчет бомбардировщика Б-52. Например, по Договору СНВ-1 он переводится в носители обычных вооружений, и это все-таки, насколько мне известно, переоборудование достаточно серьезное. Просто взять один и тот же самолет и подвесить на него ту или иную систему, ядерную или не ядерную, нельзя.

В.И. Ладыгин. Я этим занимался, я — авиационный инженер.

А.А. Коновалов. Я тоже — по одной из специальностей.

По поводу энергетического диалога и транспортной системы. Насколько я знаю, до революции у нас значительная часть железных дорог принадлежала шведам.

П.С. Акопов. Я хотел бы несколько слов сказать. Цель того, что мы заслушали, — высказать свое отношение. Я присоединяюсь, также, как и мои коллеги, к тому, что этот договор с политической точки зрения нужный, полезный и его нужно ратифицировать. Мало сказать, что его нужно ратифицировать. Мы должны разработать перечень вопросов и аргументацию, которая нужна для внутренней работы в России. Есть очень много вопросов, которые надо отдельно обсуждать.

Если позволите, буквально одну фразу относительно ратификации. Что, на мой взгляд, еще надо учитывать? Все-таки президент Буш имеет высочайший рейтинг, у него рейтинг выше, чем был у Рузвельта на пике его президентства. Это совершенно противоестественно, его политика не заслуживает такого рейтинга, тем не менее это так. Он просил Конгресс к его приезду в Москву отменить совершенно идиотскую, ничего не отражающую поправку Джексона—Вэника. Сенат "провез его физиономией по столу". Поэтому думать, что ратификация в американском Сенате будет таким безоблачным и гладким процессом, у меня оснований нет. Это будет достаточно жесткая борьба. Это тоже надо учитывать, за этим надо наблюдать.

А.А. Коробейников. Хорошо. Будем завершать.

Первое, для информации. По этому вопросу были подготовлены две записки — одна ушла В.В. Путину, а вторая роздана всем членам Совета Федерации. Проблематика записок: о выводе взаимоотношений Россия — США на уровень партнерских. Вопрос о том, как они использованы, конечно, вопрос открытый. Но имейте в виду, что наработки нашего Экспертного совета начали использовать "снизу доверху". Правильно говорили о том, что мы подойдем к ратификации, и не исключено, что соображения нашего Экспертного совета, какие-то детали будут чрезвычайно важны, особенно для внутреннего потребления. Я не думаю, что это тот договор, который годами будет ждать своей ратификации. Ратификация состоится гораздо быстрее. Сегодняшняя атмосфера, общее состояние международных настроений этому соответствуют.

4. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ГЛОБАЛИЗМА

(Из стенограмм от 31 мая и 29 июня 2002 года)

А.А. Коробейников. 18—22 июня 2002 года состоится очередной, уже шестой по счету Петербургский экономический форум, который постепенно набирает обороты. В нем все больше и больше участвуют зарубежные гости. Иностранные делегации дали согласие приехать на этот форум. Проходил он по-разному. Много было протокольного, приветственного. Хотелось бы придать этому форуму больше прагматизма. Я хочу представить вам свой доклад. Хотел бы сказать на форуме примерно вот о чем.

Зададимся простым вопросом: почему за 11 лет российских реформ население страны не только не стало жить лучше, но и больше половины его осталось за чертой бедности? Почему наши "младореформаторы" не решили успешно ни одной ключевой проблемы? Почему призыв В.В. Путина к М.М. Касьянову о выдвижении более амбициозных социально-экономических задач повис в воздухе? Ответом может служить утверждение: власти не способны понять, какие резервы и супервозможности есть у России, в какой колоссальной стране мы живем. Поэтому их планы, программы, цели и задачи мелки, работают лишь на частностях.

В связи с этим я хочу повести разговор о верхней планке российских возможностей, ибо нижняя, у которой мы стоим уже более 10 лет, нас никогда не мобилизует. Это философия не идеалистического максимализма, а

философия того неотложного прагматизма, который России по плечу.

Отчизне нашей по своим исполинским масштабам сам Бог велел быть державой амбициозной, задавать и себе, и окружающему миру самую высокую планку для преодоления проблем и трудностей, а не страной, выключивающей у международного сообщества кредитную и валютную милостыню и рыночный статус экономики.

У Российской Федерации огромный запас прочности, но его нельзя бесконечно подвергать бездумному испытанию. Сила нашей позиции по отношению к внешнему миру в том, что Россия во всех отношениях самодостаточна. Нас нельзя обанкротить. Нам глупо угрожать дефолтом. И 1998 год — это не объективно обусловленная трагедия России, это большая, но субъективная, не столько экономико-материальная, сколько спекулятивно-финансовая беда, к которой привели профессиональная несостоятельность, незрелая политическая воля, а то и корысть горе-реформаторов.

Самая главная задача в экономической сфере — как можно скорее тотально инвентаризировать все, оценить стоимость национального богатства России и начать использовать его с максимальной эффективностью в интересах всего общества.

В одном из первых президентских выступлений В.В. Путин как государственный заявил о необходимости инвентаризации страны. Наш Президент как-то даже обронил: "Стыдно признаться, но мы до сих пор не знаем, чем располагает Россия". К сожалению, дальше слов дело так и не идет. А сегодня знать стоимость того, чем располагает Россия, — самая актуальная государственная задача, решение которой требует не только политической воли, но, я бы сказал, административного воплощения ее Президентом.

Речь идет о комплексной статистической оценке стоимости природного, произведенного и человеческого капитала как общенациональной глобальной собственности.

Надо наконец преодолеть сложившееся недомыслие государственного масштаба, заключающееся в том, что если нет хозяйственно-экономической деятельности, нет дохода, то нет и смысла определять стоимость природных ресурсов в их естественном положении. И поэтому сегодня разброс в оценках стоимости российского национального богатства слишком велик: от 30 до 300 трлн. долларов.

В России с ее ресурсными и географическими масштабами государство должно выступить в роли титульного владельца природных ресурсов. Отказ от государственной воли приводит к тому, что извлекаемое из недр сырье (по статусу общенациональная собственность) тут же модифицируется в частную собственность. У нас творится небывалое в мировой истории: природная рента достается владельцам и менеджерам добывающих компаний, ими присваивается до 80 процентов сверхприбыли. А ведь в основных нефтедобывающих странах доля государства в доходах от добычи нефти составляет от 60 до 90 процентов. В России произошла подмена понятий: вместо приватизации основных фондов приватизированы общенациональные недр. Безбрежный либерализм опасен для государственной власти в период экономического разброда и особенно в распоряжении тем, что принадлежит всему обществу.

Недовостребованность России как потенциально самого знакового экономического субъекта в мировом хозяйстве — ошибка. К сожалению, пока главные зарубежные инвестиционные потоки "обтекают" нашу страну. Оцениваемая как одна пятая часть мировой минерально-сырьевая база России в истекшее десятилетие привлекла к себе не более 0,3 процента мирового инвестиционного интереса. Кому не ясно, что значительному числу стран без российских кладовых просто не выжить. Деться мировому хозяйству от российских ресурсов в перспективе некуда, но нет времени ждать милости из-за рубежа. Россия в цейтноте, и поэтому надо не только через Давос, а прежде всего через российскую публичную систему, через амбициозные,

но хорошо просчитанные планы Правительства, буквально мобилизовывать в страну иностранных инвесторов.

В связи с этим и Петербургскому экономическому форуму следует придать больший внешнеэкономический прагматизм и четко выраженное прикладное значение принимаемых им рекомендаций. Зарубежные участники форума не должны оставаться в роли только почетных гостей.

Итак, для чего необходимо все имеющееся в России стоимостно оценить? Для того, чтобы предъявить миру официальную статистику реальной стоимости нашего национального богатства и покончить с разговорами о дефолте России. Пустить часть российских богатств и даже часть российских территорий в более масштабные, чем до сих пор, оборот и освоение на законодательной основе государственных концессий и залогового права. Доказать миру взаимовыгодные перспективы широкомасштабного сотрудничества с нашей страной.

Мировая экономическая практика концессионных форм хозяйствования насчитывает уже более 150 лет. Концессия как форма управления госсобственностью является одним из важных направлений экономики более чем 100 государств. Считаю, что концессии в России должны сегодня стать одним из самых амбициозных и перспективных направлений укрепления государственного сектора экономики, основой российской модели глобального экономического прорыва и наступления.

Только на основе концессий мы можем выдвинуть идею супермасштабного инвестиционного рывка, то есть в течение 10—12 лет привлечь в промышленность, сельскохозяйственный сектор и инфраструктуру технологии стоимостью 7—8 трлн. долларов.

Чтобы лучше представить себе, что это за сумма, напомним: валовой мировой продукт в 1995 году составил 24 трлн. долларов. Порядок же цифр, которым сегодня пользуется Правительство России, — "мертвому припарка".

При нынешнем плачевном состоянии основных фондов нашей промышленности и технической разоруженности агропромышленного комплекса нам на старте (я подчеркиваю, на старте) экономического прорыва нужна массовая закупка двух-трех тысяч заводов и сельхозтехники для десятков тысяч предприятий в индустриально-аграрном секторе. Затем мы сумеем выйти на собственные прорывные наукоемкие технологии.

По масштабам своих инвестиционных запросов России следует иметь концессионные соглашения не только с отдельными странами, но и с транснациональными корпорациями, так как они контролируют от 33 до 50 процентов мирового промышленного производства и около 80 процентов мирового банка патентов, лицензий на новую технику и "ноу-хау".

Оппоненты говорят: "Запад не пойдет на такие предложения России, ему это не нужно". А кто предлагал Западу такой российский подход? Пока никто. Дальновидные зарубежные партнеры все чаще задумываются о том, что иметь дело с Россией рентабельно. Ведь страны "золотого миллиарда" со своей виртуальной финансовой экономикой материально не так богаты, как Россия. Разве не известно, что все оборудование многих зарубежных компаний — это компьютеры, телефоны и модемы? По темпам прироста объем займов на международном рынке капитала за последние 10—15 лет превысил валовой продукт на 130 процентов. Обширный приток спекулятивного капитала может дестабилизировать положение в любой стране.

И когда я предлагаю перевести 7—8 трлн. долларов международного транснационального капитала в реальный сектор российской экономики, то, считаю, тем самым мы спасаем не только Россию, но и ТНК и все развитые страны, в которых финансовая глобализация угрожающе опередила сферы глобализирующей реальной экономики.

Есть еще одна причина считать концессию нашим национальным спасением. Проблема концессионной деятельности имеет не только экономический, но и весьма

тревожный геополитический аспект. Вопрос стоит так: или Сибирь и Дальний Восток станут для нас заботой номер один, или прирастать России будет нечем. Зауральская часть страны должна стать форпостом российского "экономического чуда", а не раздражительной приманкой для соседних государств. Китаизация этого региона уже началась: численность населения в зоне БАМа — 600 тысяч человек, а в соседних провинциях Китая — более 100 миллионов человек.

У меня была возможность высказать Президенту страны эти идеи. Он разделил озабоченность отсутствием в стране закона о концессиях. Надо отдать должное и первым заместителям Грефа Дмитриеву и Матерову, которые также разделяют мои идеи. И хотелось бы в ближайшее время увидеть, как позиция Президента и руководителей Минэкономразвития воплощается в ускоренную разработку проекта федерального закона о договорах концессий с российскими и иностранными инвесторами, принятие которого в Государственной Думе слишком затянулось.

Колоссальные возможности и столь же колоссальная нужда России требуют экстраординарных шагов. Нам надо научиться жить по формуле: "соединить природные и человеческие супервозможности России с самой передовой зарубежной технологической и организационной культурой". В этом случае Россия будет способна предъявить миру собственные модели экономического и экологического глобализма, отличающиеся от зарубежных большим гуманизмом экономики и максимальной экологичностью образа жизни.

Российский экономический глобализм — это включение мира в мобилизационное геоэкономическое освоение тех российских ресурсов, которые своей технологией мы сегодня "взять" не в состоянии. Его базой является не финансовая, а физическая, материальная сущность наших национальных богатств. Глобальное экономическое наступление России заключается в том, что наша страна в обмен на новейшую технологию, а не на долларовые кредиты,

доверит зарубежным концессионерам эксплуатацию минерально-сырьевых ресурсов на основе долгосрочных концессионных договоров и международных правовых механизмов управления природопользованием. Концессионерами могут стать крупнейшие ТНК, мировые банки и ведущие компании индустриально развитых стран. ТНК нуждается в глобальном пространстве, и Россия как нельзя лучше для этого подходит.

Наш экономический глобализм означает, что мы на основе своих общенациональных конкурентоспособных преимуществ имеем возможности для создания и развития во многих отраслях собственных глобальных производственно-экономических структур по типу "Газпрома", способных успешно конкурировать со многими ТНК.

Россия способна предъявить миру и свою схему экологического глобализма. Для этого опять же нужна стоимостная оценка всех экологических ресурсов страны и учет их реального вклада в жизнеобеспечение.

Мы обязаны добиваться функционирования такого экономического механизма, который внедрил бы в качестве обязательной в российскую рыночную модель экологическую составляющую. Есть смысл рассмотреть возможность осуществления в нашей стране так называемой "зеленой" реформы налоговой системы, подразумевающей перенос фискального бремени с труда и капитала на экологический сектор общественных отношений.

Экологическую компоненту следует наконец учитывать при расчете валового внутреннего продукта, а также и во внешнеэкономическом балансе России. За сохранение крупнейших естественных экосистем, не затронутых хозяйственной деятельностью, Россия уже сегодня должна получать из глобального экономического фонда примерно 18 млрд. долларов ежегодно, но пока ничего не получает. Если ратифицируем Киотский протокол, что называется, за так, бесплатно, то ничего и не получим. А ведь можно, например, ставить задачу списания наших внешних долгов по схеме экологического зачета.

Увязка взаимных интересов стран в сохранении планетарного экологического баланса — задача, решение которой станет проверкой способности мирового сообщества к эффективному сотрудничеству.

Российский экологический глобализм — это амбициозное предложение супермасштабных международных и культурно-рекреационных проектов. На основе их реализации Сибирь, как одно из легких планеты, рано или поздно станет новой туристской Меккой.

Итак, главный вывод заключается в следующем. На основе масштабного включения российских и иностранных концессионеров в работу по реализации на территории нашей страны глобальных экономических и экологических проектов можно добиться возрождения отечественного производства, осуществить межрегиональный и отраслевой перелив капитала. И на этой основе мы сможем наконец многократно увеличить государственную казну, создать супербюджет России.

Более подробная аргументация, как я вам уже сказал, имеется у меня в брошюре.

А.А. Коновалов. Комментарий можно? Вы знаете, мне кажется, тут есть некое противоречие. Если мы говорим об особом пути, о необходимости инвентаризации запасов, о необходимости национального контроля, тогда не нужно говорить об иностранных инвестициях. Если мы устраняем то ненормальное положение, при котором 80 млрд. долларов доходов уводится из страны как бы нынешними собственниками ресурсов, то зачем нам инвестиции. Достаточно те же самые 80 миллиардов переключить на нас, и действительно не нужно будет ни у кого ни о чем просить.

А.А. Коробейников. Это правильно. Но я вам скажу, 80 миллиардов — это тоже медленное, но умирание России. Мы никак не поймем, что десятки миллиардов доходов — это "размазывание" по карманам олигархов и ничего для государства в целом. А чтобы понять реальный масштаб нашей экономики, нам нужны (и это подсчеты даже не мои, а Ясина, которого нельзя заподозрить в государст-

веннических подходах) для промышленности "под ключ" 2,5 трлн. долларов. Он обронил эту цифру на одном из семинаров, но в государственной политике, как министр, он этого никогда не говорил.

Для чего нам нужны все-таки иностранные инвестиции? Вот соглашениями о разделе продукции все увлеклись. Ничего для государства в целом они не дают. А на основе концессий мы можем заполучить то, что хотели бы от всего мира. Простой пример — лес. Как государственный концессионер, я сдам большой кусок тайги, но скажу: стройте мне здесь деревообрабатывающие заводы, и их продукция (от доски до пиломатериалов, до мебели, целлюлозы, бумаги) будет реализовываться на емком российском рынке, на рынках стран СНГ и не будет конкурировать на Западе с их продукцией.

А.А. Коновалов. Еще одно замечание. Подо что мы будем "натягивать" эти инвестиции? Все самые сладкие куски уже разобраны. Нефть поделена, газ поделен. На всем собственники "сидят". Нужно тогда национализировать какую-то часть.

А.А. Коробейников. "ЛУКОЙЛ" "сидит" на государственной земле. Нефть, которую он берет, становится его, как только он ее выкачал.

А.А. Коновалов. Да, но есть лицензия на эксплуатацию месторождений. Все это поделено уже.

А.А. Коробейников. Деталей, конечно, будет много. И на них у меня есть ответы в другом материале.

А.А. Коновалов. Можно Вам возразить?

А.А. Коробейников. Пожалуйста, но я просил бы не открывать дискуссий. Если интерес к моему докладу действительно большой, то у меня есть материал в три раза большего объема, и вся аргументация в нем есть, и ответы на многие ваши вопросы.

А.А. Коновалов. Вы знаете, по-моему, это очень даже интересный подход, который стоит того, чтобы его по крайней мере высказать и обсудить, и не только здесь, а именно на Петербургском форуме. У меня только два или

три замечания. Там есть такая фраза: Сибирь — легкие планеты. Все-таки легкие планеты — это леса Амазонии, они дают больше кислорода.

А.А. Коробейников. Это правильно. Сибирь — одно из легких планеты.

А.А. Коновалов. Теперь насчет политической обусловленности концессий. Мы разговаривали с американцами: "Насколько для вас интересно получить надежный альтернативный источник — не Ближний Восток, где все падает, встает, падает, встает, и завтра могут перекрыть кран, Иран может что-то сделать, а стабильный, надежный источник получения энергоресурсов? Вам бы инвестировать и инвестировать". Они говорят: "Пока вы не решите проблему Ирана, пока вы будете сотрудничать со страной, которой вы передаете военные технологии — и ракетные, и ядерные, мы к вам не придем". Мы говорим: "Не передаем".

Самое главное по существу: деньги придут туда, где инвесторы уверены, что сделают прибыль и прибылью владелец сможет распорядиться так, как ему угодно. В российском законодательстве надо очень многое сделать.

А.А. Коробейников. Скажем, Вы канадский концессионер. Я сдаю Вам тайгу на 49 лет, и Вы в ней хозяин, но по нашим законам. Вот и вся Ваша уверенность.

А.О. Блинов. У меня два вопроса, которые, я думаю, может быть целесообразно затронуть в Вашем докладе. Безусловно, нам, как экспертам, было интересно его послушать. Два вопроса, которые целесообразно было бы осветить.

Первый вопрос связан с тем, что в свое время говорил Путин, но он как-то отошел от этого вопроса. Я думаю, если бы Вы осветили это, было бы лучше. Это проблемы, связанные с конкурентоспособностью Российского государства в лице инвесторов. Я думаю, что это было бы достаточно интересно. Тем более что от этого политика никак не зависит. Я думаю, что это проблема конкурентоспособности Российского государства и проблема конкурентоспособности регионов, которую, полагаю, можно

поставить на обсуждение нашего Экспертного совета с приглашением зарубежных экспертов. Это очень важный вопрос.

И второй вопрос. Инвестиции не идут не потому, что у нас политическая ситуация плохая, они не идут, потому что у нас нет механизма гарантий, нет законодательства в этой области. Это как раз непосредственно относится к тому, о чем Вы совершенно справедливо говорите, — к проблеме концессий. Нужен механизм гарантий под инвестиции и под концессии. Этот вопрос тоже крайне важен.

А.А. Коробейников. Но дело в том, что шесть лет закон о концессионной деятельности "мусолится" в Госдуме, потому что концессии я все-таки вижу от имени государства. А для нынешних либералов это не интересно.

С.К. Ознобичев. Прежде всего, я считаю, нужно выступить с таким докладом на форуме. У Вас в докладе два или три вопроса. Первый вопрос — весьма интересный, самый важный, на мой взгляд, — о том, чтобы провести глобальную инвентаризацию. Может быть, Вы найдете, кто это должен сделать? У нас раньше был Госплан, сегодня фактически эти функции переданы Минэкономразвитию.

А.А. Коробейников. В большом варианте доклада это есть. Там есть рассуждения о необходимости создания единого государственного кадастра, географической информационной системы. Как раз через эти системы мы сумеем посчитать национальное богатство России.

Дело в том, что проблемами концессий я занимаюсь лет пять. Минэкономразвития сейчас взяло у Государственной Думы закон о концессиях в свои руки. И я даже порадовался, что Греф взялся этот закон сделать. Но потом проходит время, и я узнаю, что они хотят его завалить или сделать настолько общим, рамочным, что он не будет годиться. Еще скажу. Свои идеи я высказывал уже перед десятком иностранных делегаций, и в ответ всегда был только один вопрос мне: когда об этом скажет руководство страны? Вот и все.

В.З. Дворкин. Как неэкономисту, мне представляется, что доклад весьма амбициозный и такой доклад надо делать. Но при этом я опасаясь, что госчиновники могут последовать той последовательности (извините за тавтологию), которая есть у Вас в докладе. Они будут 5—10 лет заниматься инвентаризацией и забудут про концессии. А для концессий не важно — 30 триллионов или 330 триллионов. Поэтому я бы повернул все это наоборот и начинал с концессий, а потом бы сказал: вот для этого нужно проводить такую-то инвентаризацию.

А.А. Коробейников. Абсолютно точно. Хотя уже имеются наработки в Госкомстате по поводу инвентаризации и подсчета национального богатства, есть методики. Все есть. Тут буквально нужно только распоряжение Правительства. Нужно посадить рабочую группу на два-три месяца и сказать ей: не дадим ни пить, ни есть, пока не сделаете.

Закон о концессиях может быть немедленно принят. Все подзаконные акты разработать, и вперед!

В.З. Дворкин. И еще одно, Анатолий Антонович. Все-таки Вам нельзя опускать совсем вопрос о том, что такое малый и средний бизнес, который в нормальных странах 78 процентов ВВП дает.

А.А. Коробейников. Абсолютно точно. Тут есть схема, я ее назвал "Древо супербюджета России". Место малому бизнесу в ней есть. Концессии в городском хозяйстве европейской части — это обновление перерабатывающей промышленности и развитие инфраструктуры мелкого и среднего бизнеса. Суперконцессии в минерально-сырьевом, лесном, дорожном и других комплексах — это в Сибири и на Дальнем Востоке. Там будут расположены заводы, перерабатывающие сырье у мест добычи.

С.А. Роговко. Ясно, что надо делать доклад. Но можно задать один технический вопрос? В основном тексте Вашего доклада все-таки рассматривается опыт функционирования закона о СРП? Ведь это закон принятый, на основе этого закона действуют уже разработки на Сахалине — "Сахалин-1", "Сахалин-2". Это действующие проекты, и дискуссии

о СРП как бы не закончены, хотя голоса, которые указывают на некие отрицательные моменты с точки зрения и российского бюджета, и стратегических перспектив, есть. Мне кажется, что это — наш собственный опыт, и притом не теоретический, а абсолютно эмпирический. В этом докладе имеет смысл его проанализировать, в том числе чтобы понять, в какие проекты иностранный инвестор пойдет, а в какие не пойдет. Потому что мы можем, исходя из своих национальных интересов, выстроить очень красивую схему, которая просто не будет интересовать иностранного инвестора, с учетом того, что нельзя сказать, что мы на сегодняшний день не являемся коррумпированным государством.

А.А. Коробейников. Мы от коррумпированности уйдем, потому что когда вы будете хозяином на своей территории как концессионер, вы подберете честные кадры. Если я у вас попрошу взятку, вы быстро со мной расстанетесь. А что касается СРП, то в большом докладе есть общая позиция по этим соглашениям и их общая оценка.

М.И. Лисовой. Почему за 11 лет реформ у нас нет сдвигов в социально-экономической сфере? На мой взгляд, потому, что ни один президент не пришел со своей моделью, со своей концепцией социально-экономического развития. Та программа приватизации, которая была придумана Чубайсом и Гайдаром, всем известна. Она привела к мошеническому разграблению страны. Я был свидетелем искусственного торможения промышленно-производственного маховика в Бразилии. Это было потрясюще. В 1964 году на смену левым пришли генералы. Первым делом, что они сделали? Они создали команду технократов, закрыли их на 90 дней в определенном месте, где никаких помех не было, и они разработали модель социально-экономического развития, которая через девять лет привела, как всем известно, к бразильскому экономическому чуду. И таких темпов развития достигли — 14 процентов роста ВВП в год, — которых Япония не знала. И нам так надо было, особенно в условиях таких национальных богатств.

Таких физических ресурсов, таких людских ресурсов, как у России, в Бразилии не было. А они начиная с 1976 года стали искусственно тормозить производство автомобилей, холодильников, телевизоров, продуктов питания, потому что просто завал был, и это в условиях того, что в Бразилии постоянная нехватка энергоресурсов — до 40 процентов. Они все импортируют из Саудовской Аравии и других нефтяных стран.

О.Н. Барabanов. Спасибо за очень интересный доклад. Просто один уточняющий вопрос, может быть, в подробном тексте это у Вас есть. Основные концессии все-таки нацелены на Сибирь. И концессии подразумеваются от имени государства, от имени федеральных властей. А как будут регулироваться механизмы отношений региональных и местных властей и концессионеров? Получил он свою тайгу, а там есть местные природоохранные структуры, и пошло и поехало!

А.А. Коробейников. Да, все это мы должны оговорить в законодательстве. Вы абсолютно правы, потому что тут деталей будет много. Региональный аспект должен быть оговорен в законодательстве.

А.С. Воронин. В шуточную форму переведу. Помните, как в том известном анекдоте про дворника и про слона: "Съест-то он съест, да кто же ему даст?" Вам не представляется, что мы в данной концепции отрываем политику от экономики? Все-таки мы живем в условиях конкурентного мира, и взращивать этого российского слона, который все кругом потом вытопчет, серьезные люди, и прежде всего наши американские коллеги, вряд ли станут.

А.А. Коробейников. Самый большой американский казначей как-то сказал, что только Россия сбалансирует экономически весь мир в будущем и станет полигоном, способным урегулировать все крупнейшие транснациональные компании. И я с ним согласен.

С.В. Кортунюв. Кто Ваши основные оппоненты? Какие силы в России против Вашей концепции?

А.А. Коробейников. Олигархи. Для чего я с вами советуюсь? Мне нужно давить на общество, на общественное мнение и на Председателя Правительства тоже. Потому что я понимаю, что тут дело не в сомнениях теоретического и практического плана. Если Михаил Михайлович будет выступать с докладом, вы примерно уже знаете, о чем он скажет. И вдруг через 20—30 минут прозвучит этот доклад в том же зале, и не от бомжа какого-нибудь, а от члена Совета Федерации. Может, это кому-то все-таки нужно?

С.А. Рогинко. Анатолий Антонович, еще маленький вопрос. Ведь насколько я понимаю, все это выступление имеет какого-то конкретного адресата. Кто он? Это прежде всего иностранные инвесторы, или руководство страны, либо какие-то третьи лица? Закон о концессиях, безусловно, вещь нужная. Сами концессии — это новое слово, новое клише, новый стереотип, под который можно "натянуть" капвложения. Но не нужно себя самого и всех остальных соблазнять иллюзиями о том, что это будут сотни миллиардов и триллионы. Ведь мы уже второй десяток лет слышим этот "плач Ярославны": вот Россия имеет такие возможности, а к нам инвесторы не идут. Кому-то не нравится Россия, потому что она евреев не выпускала 30 лет назад, кому-то Россия не нравится, потому что она Японии острова не отдает, и так далее.

Давайте посмотрим, кто является реальным объектом инвестиций. Это либо страны, Западу стопроцентно подконтрольные, уже полностью "лежащие", типа Мексики, либо страны очень сильные, такие как Китай, который инвестиции внедряет в массовом порядке — в расчете на то, что рано или поздно они создадут либеральную инфраструктуру.

Мой вопрос будет политически двойственным. Будь мы сейчас Советским Союзом образца 1983 года и открой мы двери для иностранных инвесторов, Вы не представляете, как бы к нам все полетели! С флагами в гости к нам. Мы, к сожалению, пока не являемся ни тем, ни другим.

Мы не какая-нибудь Эстония. И мы не Китай. Поэтому нам нужно решать — либо туда, либо сюда.

А.А. Коробейников. Я опять говорю: ответы есть в большом докладе. Но самое главное, давайте попробуем предложить миру более масштабное дело.

А.А. Коновалов. Я согласен с самой первой постановкой вопроса — о необходимости переинвентаризации всего, что у нас есть. Здесь 100 процентов "за". Но предложение о концессиях, честно говоря, выступает диссонансом по отношению к той позиции, которая высказана в первой части. Вы помните, вопрос о концессиях ставил Владимир Ильич Ленин. Концессии всегда рассматривались как сугубо политическое оружие, как средство решения политических проблем. В то время это касалось Дальнего Востока, нашей Дальневосточной Республики. Не помню точно наших классиков, но суть сводилась к тому, что мы сдадим земли в концессии одним странам с тем, чтобы тем самым защитить наши дальневосточные и иные рубежи от посягательств других стран.

Если бы мы вопрос о концессиях ставили сейчас, скажем, таким образом: наши дальневосточные богатства, которые сейчас грабятся, сдали бы испанцам — не американцам, не китайцам, а испанцам сдали бы какие-то огромные территории лесных богатств с тем, чтобы они выгнали всех китайцев оттуда, установили свой порядок, используя это как механизм решения наших и внутренних, и внешнеэкономических вопросов, — то это было бы понятно. Это если бы мы ставили вопрос именно в политическом плане. Но на сегодняшний день... Вы вспомните решения съезда партии о программе развития районов БАМа, Дальнего Востока, Сибири. Там детально было прописано, где что у нас есть и что нам надо делать. Бросили всю эту программу в 80-е годы. Теперь вновь возвращаемся к этим вопросам.

По оценкам, с учетом нашего богатства, о котором Вы говорите, у нас должно быть 70—80, до 100 мощных транснациональных корпораций на уровне "Газпрома".

Наши ТНК должны осваивать наши богатства и "к стенке ставить" другие транснациональные корпорации. Но у нас же ничего этого не делается.

А.А. Коробейников. Я еще и еще раз говорю: на следующей неделе вы можете получить большой текст. Если у вас есть желание не просто из любопытства его прочесть, но потом и конструктивно меня покритиковать, и что-то предложить, время еще есть до 18 июня. Я с удовольствием учту ваши замечания и пожелания. Россия заслуживает лучшей доли, и у нее для этого все есть. Об этом я хочу ясно сказать.

Обсуждение темы было продолжено на заседании Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам 28 июня 2002 года, после состоявшегося в Санкт-Петербурге экономического форума.

А.А. Коробейников. Об итогах шестого Петербургского экономического форума. В работе форума приняло участие более 2 тысяч человек из 43 стран. На пленарных заседаниях и заседаниях 17 "круглых столов" выступили 350 человек. Мне было предоставлено слово в первый день пленарного заседания — единственному из членов Совета Федерации, не считая С.М. Миронова, который открыл форум вступительным словом.

У меня создалось впечатление, что в то, о чем я говорил и пишу в брошюре, никак по-серьезному не "врубятся" (простите за непарламентское выражение) ни мои единомышленники, ни тем более мои оппоненты. Слишком озабочены люди днем сегодняшним, тем, как его прожить, и о большой перспективе страны думает очень мало людей.

Прямая поддержка концессий как формы хозяйствования прозвучала только на заседаниях двух "круглых столов": по проблемам минерально-сырьевого комплекса и, как ни удивительно, местного самоуправления. И все же особого разочарования у меня пока не наступило,

наоборот, я еще раз убедился в том, что нужно объединять единомышленников и от слов переходить к документам, законам, а затем и к действиям.

Осенью этого года мы постараемся провести мероприятие по проблемам эффективности государственного использования национального богатства России. Вчера третий заместитель Грефа мне ответил письменно, что если бы в Госкомстате была методика подсчета национального богатства (а она есть, представляете: заместитель министра экономики не знает об этом), то мы бы к 2006 году посчитали стоимость национального богатства не по отдельным отраслям, а общую его стоимость.

Есть у меня надежда и на очередной Байкальский экономический форум, который состоится 17—20 сентября 2002 года в Иркутске. Я планирую туда поехать, содружество России с Юго-Восточной Азией на основе концессий можно предложить.

Обобщенно можно сказать, что в речах было еще много протокольного, особенно в выступлениях иностранцев. Если даже исполнительный директор ОПЕК заявил: "Нет лучшего места для форума — белые ночи вдохновляют на разговоры с Россией", хотя сам только в последней фразе пообещал представить когда-нибудь некоторые идеи, которые для России могут представить интерес. А так, больше рассказ о работе представляемых ими международных организаций, то есть такой лекционный ликбез для России, просвещение россиян.

Большинство иностранных выступающих пело нам дифирамбы не с чужого голоса, думаю, а с голоса наших реформаторов. Так, председатель Совета Европы расхваливал социально-экономическую ситуацию в России: "Как у вас хорошо". Все у нас хорошо, вот поправить бы еще небольшие беды с низкой зарплатой, с укреплением социального согласия в обществе, с присоединением России к глобальной экономике, и тогда в России вообще наступит рай.

Многие выступления, конечно, по-своему были интересны. Но конкретные идеи сотрудничества с Россией в них почти не звучали. А о поиске места России в мире больше говорили российские участники форума.

Более прагматично, чем в прошлые годы, звучала тема о необходимости интеграции стран СНГ, заполнения в этом пространстве правового вакуума, о подготовке стран к вступлению в ВТО. По этим проблемам форум, можно сказать, сформулировал некий социальный заказ законодателям для разработки наиболее приоритетных законов, модельных в том числе.

Иностранцы просили принять в Российской Федерации законодательство о защите зарубежных инвесторов от рисков не только на федеральном, но и на региональном уровне. Очень удачным было выступление Гужвина, губернатора Астраханской области. В Астрахани такой закон действует. И есть даже пример, когда из бюджета области было выплачено 2 млн. долларов за вред, нанесенный астраханскими предпринимателями иностранным инвесторам. Знаете, как это сыграло?! Благодаря этим двум возвращенным миллионам в область посыпались инвестиции, поверили в Гужвина, в астраханскую справедливость. И они сейчас приращивают ВВП по 10—15 процентов в год. Благодаря честному отношению к иностранным инвестициям они выиграли.

Мои идеи об амбициозности темпов экономического развития поддержал на форуме лишь один человек — академик Аганбегян. Он даже привел цитату из Сталина, который говорил: "Потеря темпа — это потеря курса". Академик, по сути дела, благополучно "разложил" либеральные выступления Касьянова, Чубайса, Лемьера. Он аргументировал недостаточность экономического роста в России. Причем подчеркнул, что рост идет не за счет качества, не за счет внутреннего спроса населения. У нас не эффективна собственность. Регионы не заинтересованы в экономическом росте, так как он им ничего не дает.

Мур, главный иностранный докладчик по ВТО, ссылаясь на Марка Аврелия, который якобы в свое время сказал: "У того, кто делает реформы, всегда есть враги", призвал Россию не бояться вступления в ВТО. На этом, собственно, и кончился его запал. Хотя выступавший сразу же после него заместитель Министра экономического развития и торговли Сухоруков заявил, что ВТО выдвигает трудные требования к России, и если быть честными, мы еще не знаем, как нам поступать. И это сказал главный переговорщик от Правительства страны по этим вопросам!

А.Я. Лившиц заявил, что признание рыночного статуса за Россией со стороны США — это не жест доброй воли, это сулит нам немалые деньги. Правда он не рассказал, откуда они пойдут. Но эти деньги придут тем скорее, чем быстрее мы станем членами ВТО.

Присутствовал я на заседании "круглого стола" на тему "Интеллектуальный потенциал и здоровье нации — основа устойчивого развития России". На нем была подчеркнута необходимость разработки кодекса образования, а также увеличения бюджета образования и науки в полтора раза. Вообще говоря, — "кошкины слезы". Мы все-таки сделаем закон, в котором профессор, преподавать вуза, учитель, воспитатель детского сада станут государственными служащими. А все остальное — пустые разговоры о приоритете образования.

На заседании "круглого стола" отмечалась сверхсмертность населения России. По этому поводу заместитель Министра здравоохранения Детков отделался шуткой не к месту: "Жизнь — это смертельная болезнь, передающаяся половым путем". И сформулировал задачу так: сохранить здоровье здоровых. Не до больных, мол. Все свелось к шуткам. А на самом деле не до шуток. Здоровье детей стало хуже здоровья родителей. Идет истощение человеческой природы, истощение нации.

По мнению президента Российской академии образования Никандрова, мы уступили сами себе в качестве образования. Нет распределения на работу выпускников

вузов, всего 5—7 процентов выпускников ПТУ и средних учебных заведений работают по специальности.

На третий день форума прозвучали следующие, на мой взгляд, заслуживающие внимания идеи: о разработке программы экспортного потенциала аграрно-промышленного комплекса России; о создании единой системы государственного финансового контроля, покрывающего собой не только государственные, но и корпоративные структуры; о проведении всех реформ только в законодательном поле России; о создании экологической доктрины России.

Особняком звучала на форуме тема СМИ. Был отдельный "круглый стол", и, как заявила его ведущая, их рекомендации направлены никому, их рекомендации направлены самим себе. А что, говорят, вы от нас хотите, если СМИ из идеологической сферы, как сказал Президент, переходят в индустриальную, на свои корма? Будем выживать за счет рекламы.

На форуме работал "круглый стол" по проблеме "Гуманитарно-правовая стратегия". Его руководитель Бурбулис заявил о необходимости освежить Петербургский экономический форум гуманитарной проблематикой. Почему? Да потому, что слова о востребованности человеческого капитала, как он сказал, всегда высокие, а на деле нет опоры на этот капитал. Бурбулис предложил проанализировать все материалы форума под углом зрения гуманитарного среза. Может быть, и под его влиянием С.М. Миронов в заключение также сказал о необходимости расширить профиль Петербургского экономического форума до социальных и гуманитарных проблем. И высказал соображение приглашать на форум более выдающиеся силы со всего мира.

Только на одном "круглом столе" — по вопросам военно-технического сотрудничества — было сказано, что рекомендации прошлого года форума реализованы. Больше никто о прошлых рекомендациях и не вспомнил.

Поэтому я предложил С.М. Миронову проанализировать рекомендации всех 17 "круглых столов" и пленарных заседаний нынешнего форума и на основе анализа разработать план мероприятий для Президента, Правительства, Федерального Собрания, других федеральных структур, может быть, региональных ведомств по реализации содержащихся в рекомендациях форума предложений. И одним из докладов на будущем Петербургском экономическом форуме мог бы стать доклад именно о реализации рекомендаций предыдущего форума.

На форуме прозвучало одно очень важное замечание: законодательство России не должно быть догоняющим, оно должно идти вровень с вызовами времени, а еще лучше — опережать проблемы.

А вообще, конечно, надо уходить от таких протокольных встреч, обсуждать более откровенно серьезные проблемы. Затем делать запросы в Правительство, потому что так оставлять нельзя. На все наши российские форумы надо звать "третий мир", демонстрируя наше заинтересованное отношение к этим странам.

5. КИОТСКИЙ ПРОТОКОЛ

(Из стенограмм от 26 апреля и 31 мая 2002 года)

В.М. Соловьев. Предоставляю слово Рогинко Сергею Анатольевичу по вопросу о Киотском протоколе и тех "подводных камнях", которые скрываются за этим документом в контексте интересов России. Как известно, вопрос уже обсуждался в Правительстве и скоро поступит на рассмотрение в Федеральное Собрание.

С.А. Рогинко. Во-первых, скажу, что день у нас для обсуждения экологического вопроса достаточно подходящий: сегодня 26 апреля — день Чернобыля. Экологические вопросы в нашей внешней политике не обсуждались уже давненько. Я бы так сказал, с горбачевских времен, потому что за весь период ельцинского правления ни один экологический вопрос на уровне Президента не выносился и в качестве направления нашей внешней политики просто не фигурировал.

Но в отличие от Чернобыля Киотский протокол — это проблема скорее виртуальная. Даже по имеющимся прогнозам, имеющимся моделям последствия такого явления, как глобальное потепление, скажутся лет через 100, не раньше. Тем не менее предусмотрительность мировое сообщество проявляет просто редкостную, я бы даже сказал, удивительную. Явление еще как бы не сказалось, а миллиарды долларов уже идут, рыночные механизмы включаются и очень жесткие международные документы составляются, подписываются и даже ратифицируются.

В нескольких словах, что такое Киотский протокол. Это документ, который обязывает ряд стран, прежде всего развитые страны и страны с переходной экономикой, снижать выбросы парниковых газов, к которым относятся прежде всего СО₂, метан, закись азота и заменители фреона. Эти газы, как считается, ответственны за глобальное потепление. Развивающиеся страны обязательства на себя не принимали. Китай также не принимал. Соединенные Штаты приняли, но в прошлом году отказались от их выполнения, вышли из состава Киотского протокола.

Киотский протокол интересен не только и не столько тем, что он снижает выбросы, а прежде всего тем, какими способами собирается мировое сообщество снижать эти выбросы. Все предыдущие экологические конвенции и протоколы сводились к чисто административным обязательствам, которые контролируются и верифицируются классическими способами.

Киотский протокол в этом смысле — новинка. Он вводит три новых рыночных механизма, к которым относятся прежде всего торговля квотами. То есть та страна, которая не выполнила обязательства, может купить квоты сокращения у той страны, которая это обязательство перевыполнила. Это проекты совместного осуществления, то есть инвестиционные проекты. Та страна, которая не выполнила обязательства, может вложить деньги в проект снижения выбросов парниковых газов в другой стране и получить взамен квоты сокращения для себя.

Эти проекты подразделяются на две категории: проекты совместного осуществления, которые происходят в странах, принявших Киотский протокол, и проекты чистого развития, которые ориентированы на третий мир и Китай.

11 апреля наше Правительство обсудило Киотский протокол и приняло очень аккуратную формулировку, а именно: приступить к подготовке к ратификации протокола. При всей аккуратности эта формулировка скорее положительная, чем отрицательная.

Каковы наши потенциальные плюсы, которыми нас очень эффективно заманивают в этот документ? Прежде всего то, что Россия фактически приняла обязательства не снижать выбросы относительно 1990 года, а просто-напросто вывести к 2012 году свои выбросы на уровень 1990 года.

Реально эти выбросы сейчас намного меньше, примерно на 40 процентов. Просто в силу известных обстоятельств, в силу краха промышленности, у нас о выбросах на промышленных предприятиях практически ничего не говорится, хотя Россия на этом рынке — самый крупный продавец.

Наконец, можно говорить о том, что пора бы подумать о новых кредитных линиях (связанных или не связанных) на экологические проекты опять-таки под залог квот. Все это возможно сделать только при очень хорошей политической подготовке, потому что надо понимать, что Европа к такому повороту дел со стороны России совершенно не готова.

ЕС в работе с Россией по вопросам Киотского протокола проявляет просто фантастическую пассивность, я бы даже сказал, просто какую-то нереальную самонадеянность на то, что мы так или иначе бесплатно ратифицируем этот документ. Грубо говоря, о России ЕС вспоминает только в моменты, самые для него критические. Когда год назад Буш вышел из протокола, они все, "как ошпаренные", принесли в Москву, требовали встречи на самом высоком уровне. Точно так же Шредер, на следующий день после выхода Буша из протокола, повстречался с ним и после этого помчался в Петербург, где наше руководство его заверило в том, что, вообще-то говоря, протокол мы поддерживаем. С тех пор никаких реальных шагов со стороны ЕС не было.

Большую активность в контексте ратификации проявляют Шредер, Блэр, Ширак, и, конечно, объектом таких переговоров станут не страны Евросоюза. Единственный целесообразный, с моей точки зрения, для России формат

обсуждения с ними этих вопросов — это серьезные двусторонние консультации.

Теперь по раскладу предстоящей игры. Инициатором протокола является Евросоюз. Ставки, сделанные Евросоюзом на этот протокол, очень высоки. Фактически после 11 сентября 2001 года Киотский протокол — это единственная серьезная международная "бумага" глобального уровня, которая хоть как-то подкрепляет претензии ЕС на роль мирового лидирующего игрока.

Если эти претензии фактически превратятся в ничто после наших маневров, направленных на отказ от ратификации, то Европа очень сильно пострадает. Под удар будут поставлены и Блэр, и Ширак, и прежде всего Шредер, потому что они лично связали свою политическую линию, а частично даже и политическую судьбу, с этим протоколом. Это нам в известной мере развязывает руки и дает очень хорошую свободу маневра.

Что мы можем потребовать за согласие ратифицировать протокол? Кстати, очень немало!

Мы можем потребовать от наших главных кредиторов — западноевропейских стран — зачета наших ранних сокращений, которые пока легитимно не признаются никем.

Мы можем также выйти на вопрос о серьезной реструктуризации нашего внешнего долга в зачет наших квот.

Мы можем выйти на переговоры об открытии европейского рынка торговли квотами с нами, потому что Европа собирается вводить подобный рынок торговли квотами в 2005 году, к этому идет активная подготовка, а об участии России в этом рынке не говорится.

Грубо говоря, те "резервы", которые у нас созданы гайдаровской реформой, выражаются в огромном количестве квот, которые теоретически можно продать. По имеющимся оценкам, этих квот мы накопим до 2012 года около 4 млн. тонн и при рыночной цене в 25 долларов за тонну мы можем теоретически выручить за них около 100 млрд.

долларов. Если цена будет выше, то соответственно выручка — больше.

Второй "сыр", имеющийся в этой "мышеловке", — это проекты совместного осуществления. Конечно, при наших устаревших мощностях и очень большой энергоемкости снижать выбросы CO₂ на наших предприятиях легче, чем, допустим, в Японии, которая уже 30 лет развивает программу энергоэффективности.

Стоимость снижения одной тонны выбросов в таких проектах будет дешевле не просто в разы, а в десятки раз. И идет как бы сильная реклама того, что, если мы ратифицируем Киотский протокол, к нам польются рекой инвестиции.

Вопрос: насколько это реально? Не хочу здесь обсуждать ценность Киотского протокола для мировой экологии. С моей точки зрения, она будет нулевой, потому что снижение выбросов в развитых странах будет перекрываться увеличением выбросов в развивающихся странах и Китае.

Не надо забывать и США, которые тоже вышли из протокола и собираются сильно увеличить свои выбросы. Уже новая энергетическая стратегия, которую озвучил Буш, предусматривает строительство 1500 тепловых электростанций. Это чудовищный рост, по сравнению с которым весь Киотский протокол окажется просто бесполезной бумагой.

У нас усиленно "пиарят" на предмет ратификации протокола и заманивают в эту "мышеловку с сыром". Насчет сыра. Прежде всего наши ранние сокращения с 1990 по 2008 год, до начала первого отчетного периода по Киотскому протоколу, до сих пор легитимными не признаны. И все попытки навязать эту тему в качестве обсуждения в контексте рамочной конвенции ООН по изменению климата ни к чему хорошему пока не приводили. То есть минимум о трех четвертях из тех 100 млрд. долларов, о которых теоретически говорят, можно просто забыть.

Далее. Следующая четверть — это наши квоты за первый отчетный период с 2008 по 2012 год. Они организационно связаны на 90 процентов, то есть те нормы,

которые существуют и которые уже приняты. Они запрещают стране, перевыполняющей обязательства, продавать 90 процентов из своего перевыполнения до окончания отчетного периода. То есть, грубо говоря, до 2012 года из этих 25 теоретических миллиардов мы можем получить только 2,5 миллиарда.

Теперь вопрос: а кому мы эти квоты будем продавать? Самый крупный потенциальный потребитель — Соединенные Штаты Америки — вышел из протокола. ЕС усиленно закрывает рынок торговли квотами. Уже два года назад они озвучили свое намерение — добиться минимум 50 процентов сокращения за счет внутренних мер, а никак не за счет покупки квот за рубежом.

Следующие 50 процентов европейцы намерены покупать прежде всего в "акцишн кантрис", в странах — кандидатах на вступление, потому что это вопрос политический: кого "кормить". Россию они намерены "кормить" в последнюю очередь.

Та же политизация касается проектов совместного осуществления. Всего в мире их насчитывается около 200, из них около 10 мелких проектов уже действует в России. Это вроде бы считается достижением. Если не знать о том, что в прибалтийских странах действует уже 60 проектов и туда прежде всего будут направляться эти средства, потому что это вопрос не столько финансовый, не столько экономический, сколько политический!

Если мы ратифицируем протокол, то в лучшем случае можем получить копейки или скорее всего мы не получим ничего. В худшем случае мы просто попадем на серьезные затраты, потому что сам протокол и верификационные меры требуют затрат уже сейчас.

Далее. Если по окончании первого отчетного периода, после 2012 года, у нас произойдет серьезный рост экономики, то у нас пойдет и увеличение выбросов. И их нужно будет уже снижать, что обойдется нам очень дорого. Мы тем самым фактически выходим на серьезные затраты. А если учесть, что наша энергоемкость очень высокая, то

этого снижения затрат от нас могут потребовать. А это императивные требования! И мы под этим собираемся подписаться?

То есть картина, мягко говоря, не очень веселая. Ее можно изменить, только если учесть следующий момент. Пока сам протокол находится в подвешенном состоянии. Если его не ратифицирует Россия, то весь протокол не сможет вступить в силу. Так сложилось по его процедуре. В соответствии с нею он должен быть ратифицирован странами, ответственными не менее чем за 55 процентов общих выбросов, приходящихся на все страны.

Из них на Европу выпадает около 24 процентов выбросов и на нашу страну — 17 процентов. То есть, проще говоря, после выхода США никакая другая комбинация без России не дает действующего протокола. И этот момент, если его не использовать... Честно говоря, будет непонятно, зачем мы вообще тогда ввязались в эту игру.

А.А. Коновалов. А просчитывалась ли цена вопроса? Если выполнить все озвученные "задумки", то сколько это — 500 миллионов, 5 миллиардов, 50 млрд. долларов? Что мы будем иметь с этого, чтобы ввязываться в такую серьезную игру?

С.А. Рогинко. Мы будем иметь то, до чего сумеем договориться с партнерами. Понятно, что требовать кассировать наш долг на 100 миллиардов — это нереально. Но по крайней мере речь о десятке миллиардов вести можно.

А.А. Коновалов. Еще два вопроса. Вы назвали цифру, касающуюся строительства электростанций в США, — 1500 электростанций. Какого типа электростанции они собираются строить: гидро-, атомные или на мазуте?

С.А. Рогинко. В основном тепловые.

А.А. Коновалов. И второй вопрос. Представим себе, что нам кассировали все 100 миллиардов, мы договорились с ЕС и все, что мы оцениваем как недовыброс сегодня, переведено по крайней мере в возможность торговать этим как товаром на европейском рынке. Но ведь это сразу

поставит нам пределы для всякого развития промышленности. Как только "поднимается" любой наш завод... Он же не будет сразу сделан по японской технологии, как я понимаю. То есть любой подъем нашей промышленности резко увеличит выбросы газа в атмосферу.

С.А. Рогинко. Естественно. Я об этом и говорил. В перспективе мы "попадаем" на деньги. Именно на это. Что касается 100 миллиардов, то, конечно, понятно, что не о них надо вести речь. Речь вести нужно о том, чтобы частично это использовать на погашение или на реструктуризацию нашего долга. А право на остальные выбросы перенести на будущие периоды. Вот такая постановка вопроса может быть.

В.М. Соловьев. А нельзя ли эти будущие "выбросы" как-то в совместные проекты сразу трансформировать?

С.А. Рогинко. Теоретически можно. Но дело в том, что сам формат переговорного процесса по всем выбросам как таковым на редкость неудачен. Киотский протокол предусматривает обязательства только по развитым странам и странам с переходной экономикой. Но в обсуждении всех норм, касающихся выполнения Киотского протокола, процедур и всего остального, участвуют все без исключения страны — члены ООН на равных правах: и те, кто принял обязательства, например Россия, и те, кто не принял, например Китай. И поэтому, конечно, здесь у нас очень много сложностей.

Развивающиеся страны хотят просто получать деньги на проекты чистого развития, не беря на себя никаких обязательств. И они всячески перекрывают возможности для России получить хотя бы доллар. С точки зрения, скажем, африканца, доллар, который получил русский, просто вынут у него изо рта.

С.К. Ознобищев. Киотский протокол — это шаг в "светлое завтра", просто мы не доросли до этого. Скажите, пожалуйста, что такое опять сделала или не сделала Россия и кто конкретно ответственен — министерство, ведомство — за то, что легитимность наших сокращений не

признана? Наверняка мы в какую-то форму не вписались, что-то не сделали. Я не верю, что это в очередной раз заговор против "молодой Российской республики". Это первое.

И второе, что я хотел бы спросить. Вы говорите, необходимо вести переговоры с Евросоюзом. В чисто практическом плане что можно рекомендовать? Форму переговоров с тем же Шредером, еще с кем-то? Есть накатанные формы таких договоров: приезжают в Петербург, садятся и что-то решают, чтобы нашу позицию поддержали. Наверное, возможно и такое, такие переговоры с глазу на глаз на высоком уровне: заручиться поддержкой двух-трех лидеров, ну а дальше перед всем Евросоюзом что-то доказывать?

С.А. Рогинко. На первый вопрос — о заговоре против "молодой российской демократии". Речь идет о том, что опять-таки по той процедуре, которая существует, нам противостоит очень сильный блок развивающихся стран, который на равных участвует в обсуждении вопросов, хотя на себя обязательств не принимает никаких. Эти страны рассматривают Киотский протокол как "дойную корову". И поэтому блокируют любые попытки России каким-то образом отстоять свои интересы.

В блоке с этими странами пока находится Евросоюз, потому что он тем самым создает в рамках Киотского протокола достаточно широкий сегмент влияния на "третий мир". А поскольку по ооновской процедуре такие вещи принимаются всегда методом консенсуса, выбить России право как-то легитимизировать свои ранние сокращения просто процедурно не удалось. Хотя бы потому, что в "ельцинский период", когда начиналось все это, проблеме не уделялось никакого внимания. Делегации не финансировались (кстати, не финансируются и до сих пор). Никакого заказного пиара не было. То есть всего, что принято называть активными мероприятиями, просто не велось.

На что мы тогда вообще могли рассчитывать? Я посмотрел, что сделала наша делегация. Она, вообще

говоря, сделала очень немало. Просто в детали процедурные не хочу вдаваться. Я участвовал в этих переговорах и видел, что дрались буквально "на смерть". Но вопрос в том, что консенсус — вещь достаточно сложная. В чем-то приходилось отступать.

В.Г. Барановский. Это и вопрос, и как бы небольшой комментарий человека, который профессионально экологией не занимается. Но ощущение у меня такое, что мы окажемся в немного странной позиции. У меня несколько скептическое отношение. Мы окажемся в одной компании с американцами, которых обвиняют в том, что они действуют сугубо односторонне, ориентируясь только на свои собственные интересы. Впечатление у меня также такое, что все-таки протокол — это как раз такой документ, который обозначает какие-то новые вещи в международных делах в целом. Может быть, это пропаганда, может быть, нам, выражаясь "высоким научным стилем", просто "лапшу на уши вешают" наши партнеры из Европейского союза, но впечатление у меня такое.

Когда мы стремимся какие-то чисто прагматические результаты получить, это, конечно, очень важно, но еще важнее, чтобы это не перекрывало перспективу нашего участия в каких-то новых вещах. Такое постмодернистское рассуждение по поводу будущего международных отношений. Мне кажется, в этом смысле нам более важно быть в одной компании с европейцами, нежели с Соединенными Штатами.

Мой вопрос касается именно Европейского союза. Вы считаете, ЕС исходит из чисто политических мотивов — расширить свое влияние, обозначить свою способность действовать как глобальный игрок? Только этим мотивом объясняется его политика? Если это так, такие мотивы нами тоже должны приниматься во внимание. Мне кажется, это тоже актуально. Тем более, это ситуация, когда мы опять же, участвуя в "игре" вместе с ЕС и руководствуясь такими же, как он, мотивами, одновременно можем рассчитывать еще и на то, чтобы получить для себя какие-то

чисто финансовые результаты. Пусть это и вилами на воде писано — то ли получим, то ли не получим, — но все-таки возможность такая есть. Одновременно это для нас и выход на более достойный политический международный уровень.

С.А. Рогинко. Во-первых, что касается ценности Киотского протокола. Простейший расчет доказывает, что те выбросы, которые будут вестись странами вне Киотского протокола, гарантированно перекроют то мизерное снижение, которое этот протокол обеспечит.

Во-вторых, надо понимать, что этот протокол не просто бесполезен с точки зрения борьбы с гипотетическим глобальным потеплением, а скорее вреден, потому что занимает место того инструмента, который мог бы быть создан и мог бы быть по-настоящему эффективен, если речь идет о борьбе с выбросами. Другой вопрос: стоит ли выступать против протокола? Насколько это выгодно нам? Не хочу вдаваться в детали, потому что те модели, которые описывают глобальное потепление, демонстрируют очень большой разброс. Нет возможности обсуждать методологию моделирования. Это темный лес. Если и идет повышение температуры, оно вполне вписывается в цикл повышения, который действует на протяжении 150 тысяч последних лет.

Теперь по поводу политических интересов ЕС. Они, конечно, не только политические. Прежде всего они экономические. Начнем с вопроса о сплошной экологизации экономики ЕС. Экологизация, которая была развита в 70-е годы, реально привела к созданию очень серьезной отрасли экономики, которая условно называется экопромом. Экопром — это комплекс отраслей и производств, обеспечивающих сохранность окружающей среды, работу с отходами и прочее, и прочее. То есть промышленность и продукция в Европе сейчас очень экологизированы, что, безусловно, сказывается на ее конечной себестоимости.

Чтобы развивать экопром, нужно серьезно лоббировать его интересы на международном уровне и обеспечивать сбыт его продукции. И это можно осуществить в рамках

такого механизма, как, например, Киотский протокол, который однозначно определяет лучшие стандарты в технологии. Если без Киотского протокола можно только предаваться риторике относительно того, что надо планету спасать, то Киотский протокол может задать легитимные, жесткие, обязывающие нормы, да еще и с санкциями. И фактически избыток работы экопрому гарантирован.

Кроме того, это возможность регулировать все производственные процессы во всех странах мира, которые входят в Киотский протокол, потому что, как только он будет ратифицирован, чисто гипотетически можно будет запретить импорт российской стали просто на основании того, что энергоемкость слишком высокая, выбросы CO₂ превышают лучшие мировые стандарты, а значит, есть основания считать, что это вредит планете. А раз это вредит планете, значит, на основании тех же самых норм для начала можно поставить вопрос о прекращении импорта.

А если еще немножко прижать по процедуре, можно выйти на закрытие целых отраслей производства в любых странах. Развалила же в конце концов Россия всю свою криогенную промышленность в полном соответствии с Монреальским протоколом. Значит, в соответствии с Киотским протоколом можно разваливать и другие отрасли.

Фактически Киотский протокол выводит ЕС на контроль мировой экономики по совершенно новой линии. Это своего рода их "ноу-хау", создание новой системы контроля. Эта система будет альтернативна ВТО, причем она является открытой альтернативной ВТО системой.

А.А. Коновалов. Я так и не понял следующее. В начале Вашего ответа прозвучало, что Киотский протокол скорее вреден, чем полезен, причем вреден и в экономическом плане, и с точки зрения реализации тех целей, которые он ставит, борьбы с глобальным потеплением, потому что замещает собой некоторый механизм, который мог бы реально с этим бороться.

А из второй части я понял так, что это некий прообраз будущего, что этот документ будет служить ускорителем

экопрома, а значит, и колоссальному изменению технологий производства, даст даже возможность закрывать "грязные" отрасли и сохранить тем самым планету. Так все-таки протокол — это хорошо или плохо?

С.А. Рогинко. Весь вопрос в том, в чьих руках будет эта "большая дубинка". Пока формат в переговорном процессе находится в руках ЕС, который очень хорошо отстроил все механизмы, в том числе очень удачно придумал систему подкормки развивающихся стран, и фактически все это дело регулирует. Если это будет независимый инструмент, то, возможно, от него даже будет какая-то польза в плане развития технологий. Если брать тот баланс сил, который сложился сейчас, то это будет просто "большая дубинка" в руках ЕС, и прежде всего против нас.

В.М. Соловьев. Мне думается, вопрос заслуживает того, чтобы им углубленно заняться. Представленный Сергеем Анатольевичем Рогинко проект решения Экспертного совета по этому вопросу, по-моему, очень практичный. Требуется, однако, проработка нюансов не только технического, экологического плана, но и политического. По сути, мы видим здесь, что Евросоюз начинает большую игру с американцами за экономическое лидерство в XXI веке с использованием инструмента Киотского протокола. Позиция России, конечно, весьма важна не только с точки зрения чисто финансовых и экологических последствий, но и сугубо в политическом плане. Вопрос и проблема заслуживают того, чтобы, как и предлагается, быть серьезно рассмотренными. У всех есть проект решения. Если нет возражений, у меня есть предложение принять его от имени Экспертного совета.

Э.Ф. Кисриев. Мне кажется, что этот вопрос достаточно ясно изложен. Меня, например, убедили все аргументы, которые были высказаны Сергеем Анатольевичем. По-моему, в наши полномочия не входят такие сложные вещи, как детальная проработка сценариев возможного поведения, анализ альтернатив. Это все делается в соответствующих органах МИДа и других ведомствах. Мне

кажется, что в данном случае Сергею Анатольевичу нужно подготовить не такой слегка журналистский по форме текст, а небольшую аналитическую справку со всеми аргументами. И с рекомендацией всего Экспертного совета передать ее в соответствующие органы для сведения. В материале убедительно показаны все подводные течения, которые ожидают Россию в случае "легкого" подхода к подписанию Киотского соглашения, точнее, его ратификации.

В.М. Соловьев. Из обсуждения вытекает следующее заключение.

Сама по себе проблема заслуживает того, чтобы обратиться на нее внимание Совета Федерации. В Совете Федерации есть соответствующие комитеты, которые профессионально призваны заниматься такого рода вопросами.

Думаю, после подготовки хорошего сжатого материала Сергеем Анатольевичем в контакте с теми людьми, которые у нас профессионально занимаются этими вопросами, мы могли бы обсудить возможности дальнейшего рассмотрения этой проблемы.

Руководство исполнительной власти в курсе этого вопроса, а законодателей надо "подтягивать", они должны включаться в эту работу, поскольку все равно это к ним придет, когда встанет вопрос о ратификации.

Есть просьба к Сергею Анатольевичу Рогинко: дать по теме сжатую аналитического плана "бумагу" с учетом специфики деятельности Совета Федерации. Думаю, ничего другого, более практического, придумать нельзя.

Обсуждение вопроса о Киотском протоколе было продолжено на заседании Экспертного совета 31 мая 2002 года.

С.А. Рогинко. На прошлом заседании у нас был достаточно долгий разговор о Киотском протоколе. Был роздан доклад. Была достаточно долгая дискуссия. И в качестве "сухого остатка" было решено, что нужно подго-

товить записку на имя Миронова. Такая записка подготовлена.

Из того, что нужно было бы сделать — естественно, помимо того, что это дежурный пункт наших повесток дня, вплоть до ратификации, — хотелось бы дать этой записке ход и действительно довести ее на Миронова.

Там предлагается масштабная внешнеполитическая игра, смысл которой сводится к тому, чтобы использовать те преимущества, которые у нас пока есть. А сводятся они к тому, что до тех пор, пока протокол не ратифицирован, он никогда не вступит в действие. И если он не будет ратифицирован нами, то не вступит в действие вообще.

Второй момент — это то, что от этого протокола в значительной мере зависит внешнеполитический имидж Евросоюза. После того как 11 сентября 2001 года произошли известные события, приведшие к серьезному изменению внешнеполитического статуса Европы, Киотский протокол остался единственным документом, который хоть как-то подтверждает, легитимизирует права Европы на глобальное внешнеполитическое лидерство. Если Европа лишится этого протокола, то это в общем-то будет для нее небывалым унижением, которого она любыми силами попытается избежать.

Поэтому, безусловно, под это нужно с нее требовать различных уступок — и реструктуризации долга, и просто его прямого погашения, и масштабных инвестиций под экологические проекты, и размещения ценных бумаг под залог квоты углеродов, которые мы могли бы выпустить, и многое другое. То есть это нужно начинать. Должны быть начаты масштабные внешнеполитические консультации с Европой на самом высшем уровне. Возможно, это уже нужно включить в повестку дня петербургского диалога.

Но прежде чем это делать, нужно заручиться согласием руководства страны. Возможно, по каким-то другим соображениям, обстоятельствам оно предпочтет "сдать" Киотский протокол бесплатно в обмен на какие-то другие

политические уступки, о которых мы пока не знаем. Это нужно точно прояснить и, прояснив, начать действовать.

В.М. Соловьев. Думается, в принципе Россия сейчас вступила в период, когда впереди определенного развития прошли большие политические бульдозеры. Я имею в виду политическую расчистку поля — подписание российско-американских соглашений, контакты и диалог с Европейским союзом на высшем уровне. Все это создало хорошую политическую атмосферу для того, чтобы она была использована в интересах России.

Наступил второй этап, когда эта расчищенная "поляна" должна наполняться конкретным содержанием. Иначе без этого конкретного содержания все, что было сделано политическими лидерами, опять уйдет в небытие, все покроется исторической пылью, и после того как эти лидеры рано или поздно уйдут с политической сцены, в "сухом остатке" ничего полезного для нас с вами, я имею в виду жителей России, не останется.

В этой связи, с учетом тяжелейшего диалога, который разворачивается между Россией и Европейским союзом, тематика Киотского протокола, на мой взгляд, может быть задействована Россией для отстаивания своих интересов, в частности, по такой болезненной теме, как Калининград.

Думается, сейчас достаточно и оснований, и материалов для того, чтобы, как мы это сделали по американской тематике, подготовить руководству Совета Федерации записку, имея в виду именно проведение "политической игры" с использованием потенциала Киотского протокола в интересах России.

6. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВОПРЕЕМСТВО

**(Из стенограмм от 12 апреля, 14 ноября
и 20 декабря 2002 года)**

По поручению председателя Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам А.А. Коробейникова 12 апреля 2002 года Комитет внешнеполитического планирования провел заседание "круглого стола" на тему "Национальная идентичность и правопреемство". В нем приняли участие Карлов Ю.Е., Коновалов А.А., Кортунцов С.В., Краснов М.А., Мануильский Д.А., Микаэлян К.З., Пыхтин С.П., Салмин А.М., Чкуасели В.О.

К обсуждению С.В. Кортунцовым был подготовлен "Национальный манифест", с которым участники "круглого стола" ознакомились заранее.

С.В. Кортунцов. Практически все из вас ознакомились с документом под весьма условным названием "Национальный манифест". Было бы, наверное, слишком амбициозно заявить, что мы собрали здесь круг единомышленников, но по крайней мере здесь собрались люди, которые, как мне кажется, равнодушны к тем идеям, которые в нем изложены. Поэтому мы рассматриваем сегодняшнее заседание лишь как первое из целой серии встреч, в ходе которых документ будет дополняться, совершенствоваться, корректироваться.

Я бы не хотел, чтобы все собравшиеся воспринимали меня как основного автора данного текста, потому что я

считаю его продуктом коллективного разума. Вместе с тем это не означает, что я снимаю с себя ответственность за текст. Я бы сказал так: я готов отвечать за все его недочеты, промахи и заблуждения, а что касается достоинств, то их я бы хотел отнести на счет коллектива авторов, часть из которых сегодня принимает участие в нашем обсуждении.

Для меня совершенно очевидно, что если мы будем на основе изложенных в документе идей предпринимать какие-то публичные акции (об этом мы должны договориться), то ясны те "минные поля", на которые мы вместе вступаем. Самыми главными из них являются два.

Первое. Это практически неизбежное обвинение авторов документа в имперских амбициях. Нам, конечно, скажут, что этот документ провокационный, который ничего хорошего не сулит новой России, кроме серьезных ссор с новыми независимыми государствами, то есть с нашими ближними соседями.

И второе "минное поле" очень деликатного свойства — это отношение к советскому периоду русской истории. Конечно, не все в этот период было плохо, много было и хорошего. Поэтому нужно найти очень деликатные, взвешенные формулировки, с тем чтобы не оскорбить чувства, по существу, нескольких поколений людей. Я имею в виду не "коммунистический электорат", а просто несколько поколений наших предков. Очернять этот период было бы неправильно и неуважительно по отношению прежде всего к этим людям.

Поэтому с юридической точки зрения, если мы говорим о правопреемстве Российской Федерации по отношению к дооктябрьской России, то в отношении Советского Союза, вероятно, должна быть применена *доктрина континуитета*, предполагающая, что новая Россия является, с одной стороны, правопреемницей дооктябрьской России, а с другой стороны, продолжательницей того международного субъекта, каковым был Советский Союз. Это, конечно, пока не отшлифованная формулировка, но мыслить следует, как мне представляется, в этом направлении.

И последнее замечание общего характера. Убежден, что, несмотря на все недостатки и недочеты этого текста, о которых, естественно, вы скажете, без ответа на те вопросы, которые в нем сформулированы, всякого рода разговоры о национальных интересах, о национальной безопасности, о стратегии развития останутся пустой болтовней, потому что если мы не договоримся о каких-то главных идеях безопасности и развития, вокруг которых можно построить общенациональный консенсус, то мы так и будем топтаться на месте.

А.Н. Савельев. Главное, что я нашел в этом документе, — это самую близкую мне мысль. Я считаю, что единственная достойная цель, которая может в современной России вдохновлять политиков и неполитиков, — это воссоединение страны. Есть доктрина советская — восстановление СССР, а есть доктрина имперская, традиционалистская. Здесь я вижу эту имперскую, традиционалистскую доктрину. Помимо решения задачи воссоединения здесь есть и определенная идеологическая нагрузка — продолжение той исторической линии, которая была прервана в России в 1917 году. Я совершенно согласен, что альтернатива большевистской диктатуре была. И могло не произойти этого разрыва преемственности. Просто историческая ситуация так сложилась. Она была совершенно непредсказуемой, за год-два произошли события, которые потрясли весь мир. Никто их не ожидал. В истории есть определенная доля случайных событий. Но те силы, которые могли бы повернуть в этот момент Россию в другую сторону, не стали этого делать.

Второй момент, который мне кажется весьма позитивным и который я горячо поддерживаю, — это провозглашаемая в документе задача: отнять знамя патриотизма у национал-большевиков и знамя демократии у либералов. Я бы не называл их "правыми либералами", потому что это, собственно говоря, консерваторы. Речь скорее всего идет об ультра-либералах. Правые — это консерваторы. А те, кто противостоит коммунистам и либералам, — это

тоже консерваторы. Поэтому, по большому счету, перед нами консервативный манифест.

Ключевой момент, который я считаю ошибочным и который влечет за собой другие ошибки, — это представление о том, что распад СССР был исторически предопределен. Получается, что распад Российской империи не был предопределен, а распад СССР был. Я думаю, что в случае с СССР также были и политические силы, и общественные настроения, которые могли бы повернуть ситуацию в другом направлении. Собственно говоря, выделение Российской Федерации из состава СССР было моментом национального самосознания. Другой вопрос, что это настроение было повернуто не в ту сторону. Мне кажется, что эта оценка сочетается с оценкой Февральской революции, потому что правопреемство у нас не с дооктябрьской Россией, а с дофевральской. Февральский режим вовсе не был преемственен по отношению к предыдущему. В феврале 1917 года произошел переворот, который сломал историческую ситуацию и поставил ее под вопрос.

Что касается территориального вопроса, то, мне кажется, совершенно неразумно предлагать какие-либо переговоры с Чечней, непонятно с кем и с Японией по поводу островов. Я сегодня прочел письмо известного советского диссидента Глеба Рара, который сотрудничал с журналом "Посев" и который поднимает эту проблему. И даже он пишет, что никаких оснований претендовать на эти острова у японцев нет. И у чеченцев тоже нет никаких оснований считать эту землю только своей. Хотя, вероятно, у каждого народа, который живет в России, должна быть своя священная земля. Но она не должна захватывать всю территорию какой-либо республики. Москва — священная земля для русских. Возможно, что и для других народов должна быть такая же сакральная территория. У чеченцев не было такой территории, они не были мусульманами, а были кочевниками. Передать им в управление часть горного района было бы неразумно. Это немедленно стало бы плацдармом для бандитизма. Тем более прецедент был: в

1996 году им отдали всю Чечню. То есть фактически ей была предоставлена полная независимость. К чему привела эта независимость, всем известно.

Это мои основные замечания, а в целом у меня позитивная оценка документа.

С.В. Кортупов. Я хотел бы обратить внимание на то, что в электронной версии документа уже учтены некоторые замечания Андрея Николаевича, в частности по поводу предопределенности распада СССР.

К.З. Микаэлян. Я хотел бы сказать несколько слов по поводу СССР и Чечни. Ни у кого не было программы преобразования СССР в Россию. Была другая программа: преобразовать Советский Союз как социалистическую империю в империю с более человеческим лицом. Эта программа потерпела крушение. Другой программы не было. Потому что в Политбюро не было русских людей, которые думали о России. Ни Горбачев, ни Ельцин, ни другие тем более не думали о России. Русская национальная элита ни в Политбюро, ни в ЦК КПСС никакой силы не представляла. Национал-большевиков как таковых не было. СССР с самого начала был обречен — как пролетарское государство, а не русское национальное государство, как государство коммунистическое, безбожное, какое-то экспериментальное государство, основанное на ложных, псевдоинтернациональных идеологических основах. Но перспектива перерастания СССР в русское национальное государство — это вопрос интересный.

Что касается Февральской революции, то это была великая бескровная революция. Она могла бы превратить Россию в Америку в XX веке, если бы не контрреволюционный октябрьский переворот. Она могла бы преодолеть вековую отсталость России. К сожалению, в Февральской революции превалировали социалисты марксистского толка, потому она и проиграла.

А.Н. Савельев. Кстати, вы знаете, что Учредительное собрание началось с пения "Интернационала"?

К.З. Микаэлян. Да. Это была катастрофа. А нам надо понять, что период с февраля по октябрь 1917 года — неизученный период истории России. Февральская революция могла победить. А считать контрреволюционный октябрьский переворот predetermined мне кажется преступным. СССР был обречен именно потому, что в нем не было русской национальной идеи — о том, как превратить СССР в Россию.

А.Н. Савельев. Я согласен с тем, что режим был обречен. Но государственная территория под названием Советский Союз не была обречена на распад. Во власти не было людей, ориентированных на русскую национальную идею, но в обществе такая идея была, и были общественные организации, которые ее продвигали. Патриотизм советский мог перерасти в патриотизм российский, но этого не допустили.

К.З. Микаэлян. В КПСС и в Политбюро не было такой силы, которая могла бы превратить СССР во что-то русское, с русскими территориями. Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Азербайджан и другие республики за советское время доросли до независимых государств. Коммунистический режим, советский строй вырастили многонациональное государство. Это было главное преступление большевиков. Они расчленили Россию на республики вместо губерний. Назарбаев и Алиев — это не Лигачев и не Горбачев, а националистические силы, выросшие в лоне советской деспотии. При распаде СССР некоторые его регионы должны были неизбежно быть потерянными. Однако Украину, Белоруссию и Закавказье можно было бы удержать в составе новой России. Прибалтика и Узбекистан ушли навсегда. Я не знаю такой русской силы, которая могла бы их удержать.

Уравнять Россию и РСФСР было преступлением со стороны русских национальных сил, которые были очень слабы, и сейчас они слишком слабы. Русские были первыми поработаны в Советском Союзе. И русские, несомненно, должны были выделить свое государство из СССР, но

только в другом составе. В этом — бездарность русской национальной элиты, которая не смогла за собой увести Украину, Белоруссию, Закавказье и часть Казахстана. Эта бездарность — предмет спокойного обсуждения.

А.Н. Савельев. С этим я полностью согласен.

С.П. Пыхтин. Как я понимаю, присутствующие делятся на авторов представленного документа и на его читателей. Ошибочно представление, что не было работ, рассматривавших ситуацию, которая будет после краха коммунистического режима в России. Такие работы были у Ильина, у Солоневича. Они предвидели, что режим обязательно падет, что он исторически обречен.

Количество вопросов и плюсов, поставленных мною в данном документе, примерно совпадает. Я согласен с тем, что режим был антинационален. Он был принципиально антирусским, он был русофобским. Я думаю, что это было связано с той господствующей доктриной, которую разделяли лидеры победившей партии. Если мы посмотрим работы Ленина до 1917 года, то они просто напичканы какой-то зоологической ненавистью к русским. Например, утверждение о том, что Россия — это тюрьма народов, которым Ленин активно пользовался. Он говорил, что примерно 60 процентов территории Российской империи — это колонии, а русские, точнее, великороссы, угнетают местное население. Требование расчленения страны было частью политической программы РСДРП. Но когда эта партия с таким настроением, с таким отношением к собственной стране пришла к власти, логика событий заставила ее менять подходы если не в доктринальном смысле, то в политической практике. 1920 год завершился двумя событиями: походом Красной армии на Варшаву и штурмом и последующим захватом Красной армией Бухары, то есть Бухарского эмирата. А ведь Бухара никогда не была частью Российского государства. Большевики, когда они из оппозиции превратились во власть, все-таки восстановили территориальную целостность России в другой оболочке.

Я полагаю, что в феврале все-таки был заговор, а не революция. Заговор против существующей власти, против государя императора, заговор, в который были вовлечены высшие чины армии.

Россия была в состоянии войны, и правящий класс сделал все, чтобы эта война закончилась победоносно. Потом на протяжении лет двадцати все делалось на тех ресурсах, которые были накоплены до февраля 1917 года. Оценивать февральские события положительно довольно трудно. Потому что эти события привели не к победоносному завершению войны для России во главе уже с либералами и Временным правительством, а ко всеобщему хаосу, которым и воспользовались большевики. Поэтому большевики сыграли тогда достаточно позитивную роль. Я по крайней мере не вижу другой силы, которая в тот момент была способна "железом и кровью" восстановить целостность Российского государства.

Мне кажется, историю нельзя начинать с февраля 1917 года. Февраль 1917 года, так же как революция 1905 года, был предопределен. Но русскую историю, я согласен с авторами, нужно рассматривать целостно, как непрерывный тысячелетний процесс, не вырывая из него ни одного элемента, не забрасывая ни один момент грязью, но при этом достаточно объективно и критично рассматривая все его периоды.

А.А. Коновалов. У меня, наверное, здесь самое тяжелое положение. Я здесь самый чужеродный элемент. Тема мне чрезвычайно интересна, но со многими положениями документа я категорически не согласен, о чем вчера и сказал Сергею Вадимовичу по телефону. Но он мне сказал: "Все равно приходи".

Вначале я хотел бы понять, что мы обсуждаем с точки зрения жанра. Что это — историко-литературная эссеистика, программа политических действий или рекомендации Комитета внешнеполитического планирования политическому руководству по практической политике? Если это

историко-литературный жанр и упражнение интеллектов собравшихся людей...

К.З. Микаэлян. Отнюдь нет!

А.А. Коновалов. ...то я с удовольствием приму участие и выскажу ряд соображений. Впрочем, я в любом случае выскажу ряд соображений. Хотя мне трудно это сделать. Я считаю себя либералом и не понимаю, зачем надо у кого-то вырывать какие-то знамена. Драка за знамена никакой пользы стране не принесет.

Второе, что я не очень понимаю и приветствую, — это дискуссия о том, был ли обречен Советский Союз или нет. Вы говорите, что как политическая система он был обречен, а как территория — нет. Как территория могла сохраниться при обреченной политической системе? На мой взгляд, Советский Союз был обречен с самого начала. И его распад — это плата за 80 лет безбожного, антирусского, антинационального и, самое главное, экономически абсолютно не эффективного режима. Этот режим должен был умереть тем или иным способом, не обязательно путем Беловежских соглашений. Но то, что эта страна была обречена на распад и это было платой за тот выбор, который она позволила сделать за 80 лет до этого, на мой взгляд, факт, вокруг которого особо спорить и не приходится.

В документе есть очень много положений и тезисов, которые мне понравились. А тезис, который мне больше всего понравился, — о несостоявшемся покаянии, что не дает нам возможности двигаться вперед. С этим я согласен на 101 процент.

Несколько слов относительно практических рекомендаций. Заявление о правопреемстве Российской Федерации по отношению к исторической России, о невозможности признания административных границ СССР. Это взорвет СНГ (хотя СНГ мне совсем не жалко). Это прямое объявление войны фактически всем соседям России. Я предвижу их реакцию. Мы к этому готовы?

Я также критически отношусь к праву наций на самоопределение. Наверное, больше стоило бы говорить о принципе нерушимости границ, как это записано и в Уставе ООН, и в Хельсинкских документах. Но жизнь меня все время корректирует. Хельсинкский Заключительный акт был подписан в 1975 году 35 государствами. Это была вся Европа плюс США и Канада. А сейчас только в Европе 55 официально признанных государств. И никто не скажет мне, что это конечный вариант европейской политической карты. Есть оценка американского разведывательного сообщества, что век, в который мы вступили, вовсе не будет веком спокойствия и благоденствия, а станет веком нового государственного строительства, основанного на реализации права наций на самоопределение. И говорят, что в XXI веке число государств — членов ООН может увеличиться на 100—200 единиц. Насколько я помню, Бисмарк говаривал, что "государства строятся железом и кровью". И если мы выбираем этот путь, то по крайней мере должны представлять, сколько нам потребуется железа и сколько крови. И есть ли у нас сегодня эта пассионарность? Почему, собственно говоря, когда Советский Союз развалился, никто не пошел "воевать Севастополь"? И никто не потребовал: "Отдайте наш Крым, он передан Украине незаконно"?

К.З. Микаэлян. Не было национального духа. И только потому!

А.А. Коновалов. У нас пустая Сибирь напротив переполненного, вот-вот прорвущегося Китая, у нас масса проблем внутри.

Следующая рекомендация. Начало переговоров с Чечней о предоставлении ей независимости в разумных границах в горной части этого края. Какие чеченцы согласятся, что чеченские земли располагаются лишь в горной части этого края? И почему именно там? А до Терека — это не исконно чеченские земли? Это всего лишь наша точка зрения.

Здесь написано, что столицей четырех казачьих округов был город Верный, который затем был переименован в Алма-Ату. Но когда столицу эту основывали, там что, было пусто, никого не было? Наверное, там ходили какие-то кочевые или оседлые казахи. Я понимаю, что их было немного, иначе Ермак Сибирь бы не завоевал.

Следуя этой логике, крымские татары могут объявить своими исконными землями территорию Крымского ханства. Почему Казанское и Астраханское ханства должны быть в составе России? Путь раскапывания исторических карт и определения чьих-то исконных земель — это возможное решение, но он обязательно ведет к большой крови. А почему Арарат не в Армении?

К.З. Микаэлян. Будет!

А.А. Коновалов. А почему креста над Софией нет?

К.З. Микаэлян. Будет!

А.А. Коновалов. Почему проливы не наши?

К.З. Микаэлян. А почему Вы хотите поставить точку в развитии мировой истории?

А.Н. Савельев. Конечно, история продолжается. Какие-то территории будут объединяться, какие-то дробиться.

К.З. Микаэлян. Вот сербы создали Сербское государство. Югославии нет. И в этом нет ничего страшного. А могли бы создать и великую Сербию! Если бы не ошибка Милошевича и югославских коммунистов. Причем все это было бы сделано без крови. Словакия и Чехия разделились без крови. Зачем пугать?

А.А. Коновалов. Про Югославию Вы мне не рассказывайте! Там стоит 40 тысяч иностранных войск!

К.З. Микаэлян. И в России стоят войска. А кроме того, стоят атомные боеголовки. Какая может быть война против России? Зачем пугать Россию войной?

А.А. Коновалов. Мы воюем без атомных боеголовок с Чечней и ничего завоевать не можем.

К.З. Микаэлян. И не надо там воевать!

А.А. Коновалов. А кроме того, ядерное сдерживание обладает парадоксальным свойством. В тех случаях, когда оно работает как сдерживание, допустим, в отношениях России и США, оно совершенно не нужно, поскольку на нас никто не собирается нападать. А там, где надо бы сдержать, оно оказывается совершенно неэффективным. Оно не сдержало ни англо-аргентинский конфликт, ни конфликт в Югославии, ни конфликты внутри России. Что нам дало ядерное оружие? Только головную боль. Нам надо было увозить тактические ядерные устройства с юга России, чтобы их чеченцы не захватили. Больше никакой военной роли это оружие не сыграло.

Теперь о переговорах с Японией по урегулированию территориального вопроса. Из всех политических партий и организаций, какие я знаю в России, никто не согласится пойти на такие переговоры с Японией. Даже самые либеральные говорят, что в лучшем случае к этому вопросу можно вернуться через 50 лет. Конечно, принадлежность Курил к России — не бесспорный вопрос.

Начало цивилизованных переговоров с Украиной, Казахстаном и другими государствами об урегулировании территориальных вопросов. Можете ли вы представить себе украинское правительство, которое пойдет на такие переговоры с Россией? Послать Кантемировскую дивизию в Киев — это я еще понимаю. Это сумасшедшая, но все же рекомендация.

К.З. Микаэлян. Но западные немцы 50 лет ждали объединения с ГДР! А русским Вы отказываете в праве воссоединения!

А.А. Коновалов. Если у русских есть настроение, силы, желание и ресурсы воевать — флаг им в руки!

К.З. Микаэлян. В первую очередь должна быть политическая воля, как у немцев.

А.А. Коновалов. У немцев ровно за два года до воссоединения началось обсуждение конституции. И все немцы в один голос говорят, что, если бы не подарок, который мы им сделали, они приняли бы через год

изменение в конституции и согласились бы с существованием двух германских государств.

С.В. Кортюнов. Тем не менее все же этого не произошло.

Позиции мы зафиксировали, поэтому давайте двигаться дальше.

А.А. Коновалов. Признание независимости Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха и Приднестровья с последующим включением их в состав России. Как Карабах в состав России включать? Я уже не говорю о Приднестровье. Это ведь эксклавы!

К.З. Микаэлян. Ну и что? Таких примеров сколько угодно! Например, Калининград.

Д.А. Мануильский. У нас огромные проблемы с Калининградом. Мы не знаем, что с ним делать.

К.З. Микаэлян. Не знаете — не делайте!

А.А. Коновалов. На мой взгляд, это рекомендация по началу боевых действий и выходу из мирового сообщества. Нам будет устроена страшная обструкция. УНА УНСО уже заявила, что в ответ на любые попытки России включить в свой состав Крым они пойдут на русских с автоматами.

К.З. Микаэлян. Это все несерьезно.

А.А. Коновалов. Украина выковывает украинскую нацию из материала, который никогда нацией не был. Для того чтобы выковать нацию, Украине нужен внешний враг. Бессмысленно говорить о том, что Севастополь — город русской славы. Это город имперский. Нахимов командовал обороной Севастополя, а матросом на четвертом бастионе был Кошка, взятый из ближайшего хутора. И никто тогда не делил русских на великороссов, малороссов и белорусов.

К.З. Микаэлян. Кошка и не знал, что был украинец. Он считал себя русским.

А.А. Коновалов. Скажите белорусам, что они не народ, а лишь часть русского народа, и получите огромную демонстрацию. Они считают сегодня, что они седловидное государство между православной Россией и Княжеством Литовским.

А.Н. Савельев. Это неправильная информация. Такого нет. В лучшем случае — это лишь неофициальная позиция определенных маргинальных сил в Белоруссии. Официально они лишь говорят, что мы единый народ.

А.А. Коновалов. На мой взгляд (с точки зрения политической рекомендации), это рекомендация поджечь забор у соседа и посмотреть, что получится. Авось на нас пожар и не перекинется.

А как историческая эссеистика — этот документ чрезвычайно интересен. Хотя сами термины "исконно русская земля", "исконно армянская земля" вызывают сомнение.

К.З. Микаэлян. По-Вашему выходит, что исконно немецкая земля и исконно французская земля могут быть, а исконно русской нет?!

А.А. Коновалов. Австрия и Бавария всегда воевали против пруссаков. А теперь Австрия — суверенное государство, а Бавария находится в составе Германии. И все говорят на одном языке.

К.З. Микаэлян. Вот и пусть будет Украина, но без Крыма. Пожалуйста, кто возражает?

А.А. Коновалов. Я тоже не могу понять, почему Крым — это не Россия, а аул Самашки — это Россия.

К.З. Микаэлян. Вы пугаете войной!

А.А. Коновалов. Я никого не пугаю. Мне уже бояться нечего. Моя позиция — это позиция аналитика. Хотим воевать — давайте воевать.

Д.А. Мануильский. Мне многое в этом документе близко и дорого. И в то же время многое продолжает иногда вызывать опасения, а иногда — оторопь. Я не понимаю, например, таких вещей, как рекомендация начать переговоры с чеченцами. Я считаю, что переговоры с чеченцами можно вести только в одном случае и на одну единственную тему, а именно — на тему безоговорочной капитуляции. Больше ни о чем. С этими негодьями переговоры вести нельзя.

Далее. Что касается Японии. Этот вопрос можно рассматривать с нескольких сторон — политической, юри-

дической, экономической. Я, честно говоря, не специалист в этом вопросе. Но я хорошо помню, что в этом вопросе специалист Олег Николаевич Хлыстов, бывший заведующий договорно-правовым отделом МИД СССР и, в частности, профессор МГИМО. Насколько мне помнится, он недавно выступал по телевидению на эту тему. Он там сцепился с Жириновским. Вот Хлыстов знает этот вопрос очень хорошо. И он подтверждает, что наши юридические позиции в этом вопросе достаточно прочные.

И вообще, честно говоря, я понял пакет рекомендаций по началу всевозможных переговоров как попытку смешать на доске все фигуры, то есть начать переговоры с чеченцами, начать переговоры с японцами и таким образом сделать возможными переговоры с украинцами по Крыму, переговоры по Казахстану, Абхазии, Карабаху и так далее.

К.З. Микаэлян. Угадали!

Д.А. Мануильский. Я абсолютно согласен с коллегой Коноваловым. Мы можем, конечно, говорить, что никогда никакой войны с Украиной не будет. Что УНА УНСО — это жалкая горстка последышей "лесных братьев", недобитых нами в 1945—1947 годах. Но действительность может быть другой.

Тут еще есть попытка заигрывания с украинским национализмом, так я это расцениваю. Насколько мне известно, добрых чувств по отношению к России на Украине не проповедует никто. По крайней мере из тех людей, кто имеет возможность влиять на принятие решений. Подвергаются гонениям русский язык, русские школы, русские общины и организации, и всем этим руководит "львовская компания". В отличие от этого русские над украинцами максимум могут пошутить по поводу сала в шоколаде, то есть по-доброму, а не по-злему. На Украине совсем по-другому. Там проводится именно антирусская линия.

Правопреемство. Здесь, честно говоря, надо разбираться. Можно поставить вопрос об историческом правопреемстве. И о правопреемстве в правовом смысле. Пра-

вопреемство влечет за собой массу неожиданных юридических моментов. В том числе если мы говорим, что мы правопреемники Российской империи, то берем на себя определенные обязательства. Обязательства именно Российской империи. Что это за обязательства, надо разбираться.

И последнее. По поводу границ. У нас в МИДе со многими странами созданы двусторонние комиссии по границам, которые занимаются вопросами демаркации, редемаркации границ, созданием институтов пограничных комиссаров, разработкой пограничных договоров и прочим. Это целый институт. С Литвой такая комиссия есть. Я не знаю, что было сделано этими комиссиями, что ими было наработано. Были ли внесены в Государственную Думу проекты законов и так далее. Если мы заявляем о том, что мы ставим вопрос о границах, то надо заявить и о том, что эти комиссии ликвидируются с нашей стороны, и вообще прекратить всю эту работу и начать ее на какой-то новой основе. Это довольно опасная штука. Здесь я согласен с Коноваловым. Мы можем на этом "погореть", не имея достаточно сил и ресурсов в настоящее время.

К.З. Микаэлян. И в особенности духа.

Д.А. Мануильский. Ну, дух-то все-таки есть, поэтому мы здесь все и собрались. Еще один юридический, достаточно мерзкий вопрос. В международном праве есть такой неприятный принцип, который называется "*эстоппель*". Уверен, что многие из вас, если не все, его знают. Напомню все-таки, что суть его заключается в том, что государство утрачивает право ссылаться на основание недействительности того или иного международного договора в том случае, если его предыдущее поведение указывает на то, что до того в течение достаточно долгих лет, условно говоря, 10—15 лет, его эта ситуация устраивала и оно давало понять, что оно с этим согласно. В частности, мы с Украиной заключали договоры, ратифицировали их? Привет! Ельцин делал заявление о наличии территориальных претензий к Украине, например, о том, что Крым или

Севастополь — это часть России? Нет, не делал. Путин делал такие заявления? Нет, не делал.

А.А. Коновалов. Лужков делал.

Д.А. Мануильский. Лужков, к сожалению, всего лишь мэр Москвы. Если нас потащат в международный суд (а мы сами же ратуем за международное право и упрекаем американцев, что они подвергли ревизии ялтинско-потсдамскую систему), то мы с учетом принципа "эстонель" можем там проиграть.

К.З. Микаэлян. А можем и выиграть!

Д.А. Мануильский. Короче говоря, со многим здесь я согласен, но с некоторыми положениями не согласен. Кроме того, надо здесь еще поработать над стилем. Мне понравилась следующая фраза: "Мы должны сформулировать свои интересы и твердо и спокойно их отстаивать". Таким же твердым и спокойным должен быть язык этого документа. Он должен быть менее эмоциональным и более отточенным. Меньше должно быть "крика и визга", а больше национального достоинства.

Ю.Е. Карлов. Я человек, который разделяет идеи, тональность и цели этого документа как дипломат и юрист-международник. Но поскольку, к сожалению, я не смог ознакомиться с последней версией документа, мои замечания будут иметь несколько рваный характер.

Начну с февраля 1917 года. Год назад в связи с подготовкой одной международной конференции мне пришлось поработать с подлинными документами Временного правительства. Для меня было открытием, насколько жестко и цепко Временное правительство защищало интересы единой России. И у меня создалось такое впечатление, что у них могло бы получиться, хотя что-то они, наверное, потеряли бы. Они предлагали весьма неординарные решения: например, союз с Польшей. Поэтому к Временному правительству нам следует отнестись осторожнее, без эмоций.

Как профессионал-юрист и профессионал-международник могу сказать, что этот документ, конечно, вызовет

массу эмоций. И объективно реализация данного документа означает изменение большого количества внешнеполитических обязательств России, а также норм международного права, которых никто не отменял. Поэтому, может быть, не придавать этому документу характер рекомендаций, а перевести его в категорию доктринальную и ввести еще один элемент. Вне всякого сомнения, мы застряем на проблеме правопреемства. В частности, исторического и правового правопреемства. А если ввести категорию цивилизационного правопреемства? Мы же говорим об атлантической цивилизации, мы говорим о европейской цивилизации.

М.А. Краснов. Я хотел бы представить нашу команду, члены которой входят в комитет "Преемственность и возрождение России": Андрей Зубов, Алексей Салмин и я, Михаил Краснов.

Я считаю, что надо очень четко разделить идею правопреемства и идею территориальной целостности. Если начать со второго, то есть границ, то с каким духом будут выдвигаться территориальные претензии на Крым, Белоруссию и так далее? С тем, который существует? Но тогда, даже если Россия расширится без "железа и крови", она останется такой же, как есть, то есть не самоидентифицированной. Ведь главный вопрос — это вопрос национальной идентичности, что показывает пример древнего Израиля. Там тоже разные были границы, но идентичность существовала всегда. Национальная идентичность — вот чего нет в современной России.

Тут прозвучало слово "покаяние". Это совершенно правильная вещь. Вчера я был в Институте МВД на конференции "Профилактика преступности". Там выступали прокурорские и милицейские работники. Я был поражен, поскольку решил, что нахожусь на какой-то конференции КПРФ. И в обеденный перерыв один бывший генеральный прокурор СССР сказал: "Я очень рад, что наконец-то произошло покаяние". То есть он воспринял, что все участники конференции покаются за 10-летнюю "демо-

кратическую ересь". Когда я выступил, то сказал, что нахожусь в идеологическом меньшинстве, но если суммировать все, что до меня было сказано, то это "светлое советское прошлое", "темное ельцинское прошлое" и "восходящая заря настоящего". Именно так все и происходило. Эти идеи, уверяю вас, присущи не только узкому кругу милицейских работников, они достаточно широко разлиты в нашем обществе. В умах — жуткая сумятица. И наша первейшая задача — навести какой-то порядок в умах наших сограждан.

И если после этого изменения границ будут происходить естественным путем, то я буду это приветствовать. Но это — не главный вопрос. Главный вопрос — это дух и пассионарность. Вчера Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию. Я со всем там согласен. Но когда провозглашаются такие цели, как создание конкурентной экономики, процветание России, то я говорю, что это не может быть той идеей, которая могла бы вдохновить общество. Это все некие побочные вещи.

Когда Сергей Владимирович прислал мне первый еще вариант манифеста по электронной почте, я понял, что, оказывается, есть единомышленники. И мы должны объединяться. На мой взгляд, это главное. Согласен, что идея правопреемства требует скрупулезного изучения, и прежде всего с точки зрения юридических последствий и юридического механизма реализации. Но давайте не уподобляться кружкам российских интеллектуалов, которые в конечном счете и заварили всю эту Октябрьскую революцию. Они занимались тем, что их разъединяет, а не объединяет. Давайте же сначала найдем, что нас объединяет, а затем на пирушке по поводу объединения решим, что нас разъединяет и что нам делать дальше.

Здесь сидят единомышленники. Чисто психологически прекрасно находиться в аудитории, не будучи в идеологическом меньшинстве, и чувствовать себя "своим среди своих". Я хотел бы, чтобы мы обсуждали этот прекрасный документ (хотя у нас есть и свой манифест) с точки зрения

именно объединительной идеи. Потому что национальное сознание нашего народа полностью затуманено мифами, и начать надо с того, чтобы развеять эти мифы, для чего следует создать какие-то организации. Наши маленькие посиделки вряд ли могут изменить что-то в стране.

Трагедия нашей национальной политической элиты, говоря более конкретно, Кремля, состоит в том, что она не видит причинно-следственной связи между практически нулевым или очень маленьким движением экономического развития и полным отсутствием идентичности России. Для них это лирика. Они прагматики, но прагматизм должен на чем-то основываться. Они считают, что путем налоговых реформ и введения новой ставки рефинансирования решат все проблемы, и начнется расцвет страны. Не начнется! Даже военнотружущим надо знать, за что отдавать свои жизни. Неудачи в Чечне во многом объясняются именно этим.

А.М. Салмин. И деньги тоже надо знать, за что отдавать.

М.А. Краснов. Я говорю о самом дорогом — о жизни.

В.О. Чукасли. Ценность обсуждаемого документа состоит в том, что в нем мы делаем попытку как раз определить национальную идентичность России. Если об этом мы договоримся и с нашим обществом, то появятся и стратегия развития, и концепция национальной безопасности, и доктрина внешней политики, и военная реформа. В противном случае будет сохраняться нынешнее положение, когда каждое ведомство проводит свою политику.

С.В. Кортунов. Причем не только внутреннюю, но и внешнюю. *(Смех в зале.)*

С.П. Пыхтин. Я хочу обратить ваше внимание на Конституцию Российской Федерации, принятую в 1993 году. Мало кто обращает внимание на ее преамбулу. Во-первых, в ней заявляется, что мы объединены общей судьбой на этой земле. Констатируется, что мы — многонациональный народ Российской Федерации. На мой взгляд, это безграмотная чушь. Кроме того, здесь декла-

рируется, что то, что за пределами Российской Федерации, — это не наша земля. Это я реагирую на то, что якобы об этом не было заявлено. К сожалению, заявлено. Причем на самом высшем правовом уровне. И наконец, заявляется, что 12 декабря 1993 года, оказывается, мы возродили суверенную государственность России. Я считаю, что наличие этой Конституции перечеркивает все, что было позитивно написано в обсуждаемом документе. Или этот документ, или эта Конституция. Мы можем констатировать, что это не Конституция государства, которое может развиваться. Это Конституция государства, которое может только погибнуть.

К.З. Микаэлян. Это пораженческая Конституция!

С.П. Пыхтин. В период с 1990 по 1993 год Российская республика в составе СССР превратилась в Российскую Федерацию вне состава СССР. Этому учат в школах. Это вбивается в головы людей. Считается, что надо быть политкорректными по отношению к этому документу. А на самом деле это протокол о ликвидации страны. Это ликвидационный документ.

А.А. Коновалов. А известно ли Вам хоть одна конституция, которая определяла бы страну значительно шире национальных границ?

М.А. Краснов. Во временном смысле да. Это, например, хорватская конституция, сербская конституция.

К.З. Микаэлян. Немецкая конституция. И заметьте, никакой войны они не объявляли. Западные немцы не признавали ГДР 50 лет. А китайцы не признавали Гонконг и Тайвань более 100 лет. И никого они не пугают.

С.П. Пыхтин. В конституции ФРГ 1949 года есть статья о воссоединении Германии.

А.А. Коновалов. За два года до воссоединения они начали процесс постепенного признания ГДР.

К.З. Микаэлян. Но этого же не произошло. И не могло произойти. Если бы сейчас с нами были немцы, они бы Вас растерзали!

В.О. Чукаели. Да они снова разделятся! Мы начали делиться, и они разделятся. И Турция разделится, и Америка!

С.В. Кортунов. Мы уже пошли по третьему кругу, поэтому предлагаю дать слово Алексею Салмину.

А.М. Салмин. У меня одно маленькое предварительное замечание несколько шутиwego свойства. Надо все воспринимать в контексте, и преамбула Конституции 1993 года выгодно отличается от преамбулы Конституции 1978 года (в последней редакции 1992 года), в которой было сказано, что Российское государство было создано исторически объединившимися в нем народами. Так что если сравнить нынешнюю формулу с прежней, то налицо явный прогресс.

А теперь по поводу манифеста. Я буду высказывать критические замечания, но эта критика имеет конструктивный статус, она идет изнутри, а не извне. В манифесте очень много привлекательных вещей, с которыми я полностью согласен. Есть вещи, с которыми я согласен отчасти и по которым мог бы поспорить в редакционном, так сказать, смысле. И есть вещи, которые вызывают у меня вопросы. На них я, с вашего позволения, и сосредоточусь.

Манифест очень четко делится на две части. Это собственно сам манифест, то есть декларация принципов, и практические рекомендации.

По поводу первой части. Мне кажется, что в манифесте есть некоторое внутреннее противоречие. Я имею в виду повторяющуюся, то есть не случайную, негативную оценку Российского государства. В этих случаях как бы доводится до логического конца один из славянофильских тезисов. Существует русский народ, и существует русское государство, которое создавалось русским народом в течение тысячелетия. При этом народ наш хороший, а государство у нас плохое. Тут что-то не так. Или народу, создавшему такое государство, надо непрестанно каяться, трепеща, или государство было не такое уж плохое (насколько вообще неплохим может быть любое государство, в принципе

данное грешному человечеству по слабости его), или же и то, и другое.

Славянофилы, звавшие в общем-то к покаянию, начало пагубы склонны были усматривать в петровских реформах, некоторые из них иногда — в деяниях Иоанна Грозного и так далее. В результате возникла целая школа, скорее публицистическая, чем историческая, поднявшаяся "за Софью на Петра". В манифесте же и досоветский, и советский периоды государственной истории оцениваются в качестве "антирусских". Я бы назвал такой подход "гиперславянофильством". Получается, что последние десять лет, дающие авторам некую надежду, сравниваются с тысячелетием нашего государственного бытия не в пользу последнего.

Как историк по образованию, я могу сказать, что методологически такой подход далеко не бесспорен. А как практикующий политолог добавлю, что это обычная и почти неизбежная аберрация сознания нашего брата политолога, которому что тысяча лет, что 70, что 10. Лишь бы эры, эпохи, периоды сводились к сопоставимым парадигмам, к моделям, структурам, наборам функций, образов и так далее. Но в нашем-то случае речь идет об оценке, в том числе нравственной и эстетической, а не просто о структурном сопоставлении. А с этой точки зрения 10, 70 и тысяча лет — периоды, к которым не применимы одинаковые критерии.

Что такое тысяча лет? Это период, который человек логически, эстетически или нравственно просто не в состоянии осмыслить. Это органика, почва, из которой мы выросли. Почва, в которой очень многое можно найти, все зависит от того, как копать и как атрибутировать выкопанное. Это тысячелетие включало и столетние, и десятилетние периоды, у каждого из которых свое лицо. Например, мы можем определенным образом оценивать период смуты и самозванства, но это не значит, что мы переносим эту оценку на весь XVII век. Нам могут нравиться или, наоборот, не нравиться реформы Александра II, и

тогда нам должны по принципу зеркального отражения соответственно не нравиться или нравиться контрреформы Александра III и тому подобное. Я, конечно, немного утрирую, но в принципе отвергнуть всю нашу государственную историю, приняв лишь "наше время", — примерно то же, что "хорошему человеку" отказаться от "позорной истории" своей "хорошей семьи".

Мне кажется, в данном случае уважаемые и любимые лично мной славянофилы пошли по методологически неверному пути, что привело их и к некоторым ошибочным практическим выводам, и вряд ли стоит им подражать в этом отношении.

Второй вывод из этого обстоятельства. Если мы так оцениваем тысячелетний опыт, тысячелетнее бытие государства, то о каком преемстве (или тем более правопреемстве) может идти речь? Ведь правопреемство связано с государством, с правом! Давайте тогда создадим государство заново на основах разума. Правда, с этим могут не согласиться некоторые составные части этого государства, которым захочется жить своим разумом.

Придется тогда в лучшем случае говорить о культурной преемственности. Об этом уже начинают говорить, причем в настораживающем контексте противопоставления этой преемственности — государственной. У известнейшего нашего писателя промелькнула как-то фраза о том, что русским, возможно, суждено будет прекратить свое государственное существование, продолжив культурное. Это, конечно, к счастью, все же предостережение, пророчество, если угодно, а не призыв, каковым фактически стало бы отвержение нашей государственной традиции в пользу культурной. Однако о какой культурной преемственности может идти речь практически — вообще о преемственности культуры нашего хорошего народа, почему-то создавшего себе плохое государство, или о возвращении к началам православия, которое наш народ в массе своей горячо принял, да плохо усвоил, и затем с легкостью и горячностью же отверг? Это два разных подхода, и второй не может

не предполагать принятия православных составляющих нашей трагической государственной истории, если угодно — нашей политической культуры. Здесь важно остановиться и задуматься.

Я к этой теме еще вернусь в несколько ином плане. Но прежде о второй, практической части манифеста. У нас есть какая-то национальная склонность к демонстрации силы, когда силы-то и нет. Эта склонность не вчера появилась, и, видимо, не завтра исчезнет. Вспоминаю фразу летописца по поводу разгрома Тохтамышем Москвы в 1382 году. Цитирую по памяти, не обессудьте: "Начаша пианицы наша московския ругатися, кажуше татарам срамы своя, мняхуть бо только силы есть..." Что произошло потом, мы все, думаю, прекрасно знаем. Когда вернулся с войском великий князь Дмитрий Донской, ему оставалось только плакать на углях Москвы.

Следующее соображение в этой связи — уже не историческое, а юридическое. Существует универсальный принцип международного права. Двусторонний, как монета или медаль, и обоюдоострый, как меч. Это принцип *pacta servanda sunt* (договоры должны соблюдаться) с оговоркой *rebus dictantibus* (то есть при существующем положении вещей). То есть пока сохраняются те обстоятельства, которые привели к заключению такого договора. Я думаю, что сейчас, чтобы нам не оказаться в положении пьяниц московских на стенах Кремля, надо ясно декларировать, и прежде всего в своем кругу, что мы намерены исходить и будем исходить из общепринятых принципов международного права в наших отношениях со всеми, в том числе и с теми государствами, которые возникли на развалинах исторической России, из фундаментального принципа *pacta servanda sunt, rebus dictantibus*.

Такой подход и дает нам основания не закрывать в принципе, как это и сделано в манифесте, глаза на вопрос о различии между страной (которая имеет свою организацию, в частности церковную, экономическую, культурную, в том числе образовательную) и политической орга-

низацией ее территории. Сейчас на территории страны существует несколько суверенных государственных образований (кстати, в Германии так было в течение многих сотен лет, да и в нашей стране "плюрализм" существовал *grosso modo* вплоть до включения в состав государства земель бывшего Великого княжества Литовского при Екатерине II). Это тот ключ, который, как мне кажется, позволяет остаться на грани того, что мы не можем не делать, и того, что мы можем сделать.

Возвращаюсь к вопросу о преемственности. Проблема преемственности, безусловно, существует, причем в самом широком смысле. Культурной преемственности, эмоциональной и в конце концов — антропологической, в смысле, например, образа жизни. Русский суперэтнос — это сложное явление, которое можно долго обсуждать, конечно, не здесь и не сейчас. Без понимания всех этих вещей мы ничему не научим своих детей и не решим для себя проблему идентичности нации. Но есть все же совершенно особая составляющая этой проблемы, поскольку мы говорим здесь о государственном, а не только о культурном бытии России. Мы же хотим сохранения государственного существования России, более того — укрепления Российского государства, поэтому и надо делать акцент на проблеме правопреемства, а не просто исторической преемственности. Ведь государство и право — это сплав, который простым способом нельзя разделить. И по этому поводу, мне кажется, следовало бы кое-что сказать в манифесте.

Сразу оговорюсь, чтобы быть правильно понятым: я вовсе не имею в виду призыв к восстановлению монархии, хотя в манифесте меня и царапнула чуть-чуть присутствующая там антимонархическая нотка. Я сдержанно отношусь к монархизму сегодня, но не потому, что в принципе его не приемлю. В России вообще трудно отвергать идею монархии в принципе. С чем ее, собственно, сравнивать и что ей противопоставлять? Все-таки более тысячи лет нашей страной правили законные самодержцы, несколько десятилетий (в XVII и XX вв.) — незаконные, и только

одиннадцать лет из тысячи ста сорока мы сами избираем себе глав государства, которых сами же потом и обвиняем в проявлении самодержавных наклонностей. Уже целых три раза избирали. Вообще самодержцев — легитимных, самозванных и всенародно избранных — в России не ругает только ленивый. Монархия в стране, если верить социологам, не популярна, но я отчего-то не сталкивался у нас в Отечестве с таким видом творчества, как сколько-нибудь последовательное республиканское философствование.

Отсутствие царя на троне — и в голове между тем — еще не республика. Так что дело совсем не в принципе, который мало кто последовательно отстаивает и совсем никто последовательно не отвергает. Дело в другом. Не менее трудно быть "практическим монархистом" при отсутствии государя или признанного хотя бы всем царствовавшим домом наследника престола. Это почти то же самое, что кавалеристу скакать без коня. Лучше не делать этого, по крайней мере — публично, хотя пока кавалерист остается кавалеристом...

А.А. Коновалов. То есть ноги у него кривые?

А.М. Салмин. И шаркающая походка. Незавидна, однако, участь персонажа, который "повернул коня налево, а сам направо поскакал"...

Сегодня я выношу проблему монархии за скобки. Это особая проблема, требующая особого обсуждения, и за этим столом мы ее даже сформулировать толком едва ли успеем. Наша задача более общая (и ее постановка меньше разделяет людей, что очень важно): возродить государство, подтвердить его право на тысячелетнее наследие, сделать его, если использовать современную терминологию, реальным агентом международного процесса.

Если мы исходим из того, что право — это что-то значимое, то должны понять, что таким может быть не всякое право, а только право законное. Бывает и незаконное право, как бывают преступными приказы. Сегодня, к сожалению, мы все еще находимся в такой ситуации, когда законное право, уничтоженное незаконным путем в марте

1917 года, не восстановлено. Именно в марте того года были нарушены действовавшие, не ставившиеся, кстати, in cogroge под сомнение ни одной серьезной политической силой, законы Российской империи. Разумеется, отдельные законы критиковали, и, наверное, правильно. Но само право, весь его корпус не критиковал никто, даже большевики. Найдите у большевиков хоть одну инвективу против корпуса права как такового! Этого не было, такое просто в голову никому прийти не могло. Однако в марте незаконным путем была изменена система правления, и уже очень скоро большевики одним декретом отменили все законы Российского государства.

Нам необходимо выйти из этой ситуации. Как это сделать? Вообще-то право не уничтожается произвольным актом, его действие лишь фактически приостанавливается незаконной властью на контролируемой ею территории. Собственно, та власть и является незаконной, которая отказывает законным образом не отмененным законам в их праве применяться. Это и есть критерии незаконности власти, а не всегда относительные "неправильность социальных идей" или "жестокость". Законная же власть в принципе даже не обязана декларировать восстановление права, разве что для сведения тех, кто и имени главы государства не знает. Кстати, белые правительства его действие немедленно восстанавливали всюду, где поднимался трехцветный флаг. Конечно, в силу фактически сложившихся обстоятельств, в реально возможном объеме и с необходимыми новациями. Дело ведь не в буквализме — в одну реку не войти дважды, а в демонстрации того, что вся система прав и обязательств, складывавшаяся столетиями, не исчезает оттого, что кто-то вдруг "чохом" отменил ее ради своей корысти, по невежеству или из хулиганских побуждений.

Мы никуда от этого не денемся, придется рано или поздно признать существование проблемы и решить ее. Мы должны понять, кому мы наследуем в правовом и государственном смысле — тысячелетней России, разбою

1917 года или вообще никому. Тогда надо создавать государство с нуля, потому что в противном случае это будет новая декорация, прикрывающая все то же наследие того же разбоя. А если создавать все с нуля, это будет отъятие дубинки у явного вора "незаконным владельцем", не таким свирепым и, возможно, благонамеренным. Пока, что бы у нас ни говорилось по этому поводу, мы колеблемся между вторым вариантом и третьим. Как решить проблему практически — это вопрос отдельной дискуссии. Юристы здесь могут сказать много интересного.

Преимущество такого подхода состоит и в том, что он снимает и вопрос о "выбрасывании" каких-то этапов из нашей тысячелетней истории, и вопрос о выборе между абстрактными моделями монархии и республики. Мы просто возвращаемся в правовое пространство: не потому, что кому-то империя нравится больше, чем СССР или Российская Федерация, а потому, что нельзя не вернуться к законному состоянию. Легитимизм и монархизм в наших сегодняшних условиях — не вполне одно и то же. Отдельные элементы права, очень многие элементы, требуют рационального объяснения и коррекции, но сам принцип легитимности государства не требует. Легитимность едина и неделима.

Почтение к праву восстанавливает и уважение к законам. В частности (это последнее по списку, но не по важности), восстанавливается уважение к собственности. Невозможно внушить уважение к собственности сегодня, не признав, что право собственности было нарушено в 1917 году. Не только с самой собственностью, но и с правом собственности поступили тогда совершенно незаконным образом. Государство, которое принимает ответственность на себя за содеянное и намерено восстановить *status quo ante*, не может поступить иначе. В противном случае мы не сможем ни возродить ничего, достойного возрождения, ни тем более создать ничего нового, достойного лучшего в нашей истории.

К.З. Микаэлян. То, что Вы сказали, мы полностью воспринимаем как дополнение к тому, что мы написали.

А.Б. Zubov. Господа! Я благодарен за то, что со мной сочли возможным поделиться текстом, который потряс меня даже своим названием. Мы с Алексеем Салминым занимались проблемами правопреемства России с 1993 года. И даже раньше начали работу в этой сфере. А с декабря 2000 года существует комитет "Правопреемственность и возрождение России", в котором именно эти понятия поставлены во главу угла.

Прочтя этот документ весьма внимательно, я, по правде сказать, не столько огорчился, сколько удивился, что столь ясные для меня вещи воспринимаются авторами несколько иначе. Я увидел, что во главу угла в документе поставлена проблема пространства, проблема территории. На самом деле эта проблема, сколь бы она ни была важной, вторична, потому что пространство есть территория расселения народа, но главное — это не где живут, а кто живет. И пример еврейского народа, живущего тысячами в рассеянии, но сохранившего самоидентичность, или армянского народа, который также живет в рассеянии тысячи лет, но сохраняет свою самоидентичность, или пример нашей, русской эмиграции, которая после 1917 года создавала величайшие и прекраснейшие культурные и духовные ценности за рубежом, говорят о том, что "не место красит человека, но человек красит место". И наша задача, на мой взгляд, в первую очередь помочь, по Диогену, "найти человека", а потом уже человеку найти границы обитаемого им пространства. Если будет пространство, но не будет человека, то придут другие люди и возьмут это пространство. Что уже почти с нами и происходит.

Когда я прочел этот текст, то вспомнил главу 26 книги Левит, в которой говорится очень четко и ясно, что будет с израильским народом, если он будет слушать Закон, и что будет с ним, если он не будет слушать Закон. Если он будет слушать Закон, то все будет, естественно,

хорошо. А если не будет, то будет все плохо: болезни, моры. Если и после этого он не будет слушать, начнутся нашествия. Если и после этого не будет слушать, придут завоеватели, завоюют земли. Если и после этого не будет слушать, то другие нации выгонят этот народ и будут жить на этой земле. То есть идет целый ряд нарастающих казней.

Но основная мысль этой главы книги Левит — покаяться за свои грехи и за грехи отцов — повторяется в нескольких местах, особенно в стихах 38—41: "И погибнете между народами, и пожрет вас земля врагов ваших; а оставшиеся из вас исчахнут за свои беззакония в землях врагов ваших и за беззакония отцов своих исчахнут; тогда признаются они в беззаконии своем и в беззаконии отцов своих, как они совершали преступления против Меня и шли против Меня... Тогда покорится необрезанное сердце их... И Я вспомню завет Свой и... землю вспомню". Это, конечно, все нравственные вещи, но, как сказал Иван Киреевский, "под громким вращением общественных колес таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все". И именно в этом смысле нам надо подумать, что такое преемственность и что такое возрождение.

Возрождение — это рождение заново. Что же мы хотим, чтобы снова родилось? Для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос, мы должны понять, что умерло. Возрождение, восстановление, анатасис — это же термины Воскресения, Пасхи Господней. Как здесь уже говорилось, в 1917 году умерло Российское государство. Оно умерло в феврале, будучи преданным всеми — от царя до последнего раба. И многие, кто не хотел его предавать, оказались в идиотском положении. В замечательных воспоминаниях Олега Васильевича Волкова "Погружение во тьму" говорится, что он, будучи молодым монархистом, оказался в идиотском положении после того, как отрекся от престола царь. Монархистом чего он был? Можно ли быть монархистом, когда сам царь не монархист, когда брат царя, в пользу которого противозаконно отрекся

император Николай, сам отказывается от престола вплоть до решения вопроса о монархии Учредительным собранием? В воспоминаниях видного чиновника земледельческого ведомства Алексея Татищева говорится, что один его друг, который работал товарищем прокурора Таврической губернии, узнав об отречении государя, вышел в другую комнату и застрелился. Он посчитал, что после отречения России больше не будет и жить бессмысленно.

Мы можем считать, что это было несколько слишком. Но, по сути говоря, Российское государство после отречения 2 марта 1917 года закончилось. Затем последовал короткий период судорог, а 22 ноября большевики издают декрет, в соответствии с которым ликвидируется обязательность законов Российской империи. В ответ Сенат объявляет незаконной власть большевиков, и на этом клинче заканчивается российская государственность. После этого в течение довольно большого времени та Россия, которая воевала с большевиками, не признавала декретов Совета народных комиссаров, считая их незаконными, а Совет народных комиссаров не признавал того указа Сената и всего, что было до 1917 года. Как цитировал сейчас Алексей Михайлович, в Конституции 1978 года всегда говорилось о создании государства с нуля, то есть для большевиков государства до них в России не было.

И вот сейчас, дорогие друзья, мы стоим перед той проблемой, перед которой не стояла ни одна посткоммунистическая страна. В любой другой стране Восточной Европы, от Эстонии до Болгарии, всем, кроме матерых коммунистов, было ясно, что их страну захватила внешняя сила, а именно — советская коммунистическая Россия. Захватила кого в 1940, кого в 1945 году. И единственная стоявшая перед ними задача состояла в том, чтобы эту силу изгнать и восстановить ту государственность, которая была до захвата. Что, собственно, и было сделано более или менее последовательно всеми.

Наша ситуация неизмеримо сложнее. Мы сами себя захватили. Поэтому нам намного тяжелее совершить тот

же акт, который совершили они. Вопрос заключается в том, что все равно совершить-то его надо. Мы можем быть наследниками Совета народных комиссаров и его декретов. И тогда не надо никакой реституции собственности, и не надо никакой тысячелетней России, а надо строить и дальше советское государство. И коммунисты, собственно говоря, стоят на этой платформе. Или мы можем быть сторонниками той России, которая утрачена. При этом советский период надо понимать не как черную дыру (мы не выбрасываем ничего, в том числе и эти 70 лет), а как период трагической ошибки (а кое для кого и как преступление). Причем как одну из самых трагических ошибок русской истории, даже в чисто "нумерическом" измерении, то есть в перспективе утраты самого ценного, что есть в государстве, — человеческой жизни. Государство ведь создается не для чего иного, как чтобы в нем счастливо жили люди. Когда эти люди уничтожаются, государство становится бессмысленным.

Сейчас для нас это тяжелый вопрос, потому что большинство наших отцов и дедов связывали себя в той или иной степени с советским государством. И поэтому мы в некотором роде преданы и лояльны ему. Но если мы преданы и лояльны России, то должны сделать этот выбор. Не случайно Израилю так тяжело было покаяться за себя и за отцов своих. Каяться в грехах предков — это тяжкая вещь. Помните слова Солженицына, который не раз здесь вспоминался? "Если коммунизм укрепился в России, то, значит, нашлось достаточно охотников из народа этой страны проводить его палаческие жестокости, а остальной народ не сумел сопротивляться. И виноваты все. Все, кроме тех, кто погиб, сопротивляясь". Может быть, надо добавить: и тех, кто, сопротивляясь, ушел в изгнание. Достойны уважения люди, сражавшиеся с оружием в руках против большевистского зла. Те, кто не сражался, те, кто перешел на сторону большевиков, те, кто предпочел отсидеться по, казалось бы, тихим углам, те, кто так или иначе принял эту власть, в этом смысле,

разумеется, виновны, независимо от того, убивали они сами или нет. Для нас это огромная, в первую очередь нравственная проблема. Мы должны поставить эту проблему перед нашим народом. А ее не хотят слышать, даже в церкви. Я работал над социальной доктриной РПЦ и знаю, как тяжело эти проблемы проходят даже там, даже в кулуарах митрополита Кирилла, потому что на самом деле виноваты не только мы, люди в пиджаках, но и люди в рясах.

И мы должны наконец сделать этот выбор и сказать: да, это была трагическая ошибка, это наша история, но у нас есть силы или по крайней мере желание ее исправить, поскольку эта ошибка привела к уничтожению людей, искоренению веры, всего того, что свято. Кто же может надеяться на возрождение России без возрождения святыни? Причем святыни не только формальной, например, постройки храма Христа Спасителя. Самая главная святыня должна быть в сердце человека. "Разве не знаете, что вы Храм Духа Святого и Дух Божий живет в вас?" Это первое.

Второе, что следует за этим, — это, конечно, формальное правопреемство. Это сделали все страны, в которых так же формально было уничтожено все право. В Польше или в Болгарии все право уничтожено не было. Что-то сохранялось. Поэтому нет и акта о тотальном правопреемстве. Скажем, в Прибалтике все право было уничтожено целиком. И там принят акт о тотальном восстановлении права. Нам точно так же надо вернуться к тем законам, которые большевики объявили недействующими, но которые действовали на территории белой России как антибольшевистская альтернатива. При этом следует иметь в виду, что есть переходный период, в ходе которого старые законы, которые признаны законными теоретически, корректируются с учетом современных реалий. Что-то в них меняется, что-то модифицируется. Здесь есть опыт Восточной Европы и Прибалтики. Здесь нужно два акта. Первый акт — о намерении правопреемства. И второй

акт — о реализации правопреемства. Они могут быть разнесены по времени на достаточно большой срок.

Да, при этом мы принимаем определенную ответственность. Она может быть финансовой, юридической, политической. Мы сейчас не рассматриваем проблему пространства. Мы рассматриваем проблему, если угодно, государственной души. Сейчас мы являемся преемниками большевистского закона, потому что у нас действуют все законы, которые были приняты после 1917 года и которые не отменены новыми законами, принятыми Госдумой. Они все продолжают действовать. При этом не действует ни единый закон, который действовал до 22 ноября 1917 года. И когда покойный Эрнест Михайлович Аметистов в Конституционном Суде спросил: "Как быть со вторым переходным положением Конституции 1993 года? Оно не распространяется на законы до 1917 года?" (а оно говорит, что все законы, действующие на территории Российской Федерации, не противоречащие современному законодательству, сохраняют свое действие), ему ответили юристы: "Вы еще царя Гороха вспомните". Дали такой вот "юридический" ответ и более не пожелали продолжать дискуссию.

Третий момент, дорогие друзья, — это, конечно же, реституция собственности. Без этого мы никуда не денемся. И ни к чему не придем. Болгария, Эстония, Польша, ГДР — все прошли через это. Если мы не реститулируем собственность, то есть собственнические права, поправные в 1917 году, да еще таким жутким способом, когда собственника, как правило, уничтожали, мы не обеспечим никаких прав собственности в нашей стране никогда и ни за кем. Любая собственность здесь будет восприниматься самим ее держателем как кража. А уж тем более обществом, которое за ним смотрит.

Поэтому восстановление прав собственности подкрепит нынешние собственнические права. Наверное, это кого-то несколько и ущемит. Но стояние на советском праве в корне уничтожает любую частную собственность в России. Как идею.

А.А. Коновалов. Не в этом ли причина бегства капитала из России?

А.Б. Зубов. Конечно, в этом. Приведу пример. Недавно я беседовал с одним нашим новым русским миллиардером, который владеет, в частности, Ленскими золотыми приисками. Он решал для себя вопрос: убежать ли ему вместе с капиталом за границу или нет. Он любил Россию и думал, может быть, детям передать эту собственность. Я его спросил: "Откуда вы получили эту собственность?" Он отвечает: "Как все получил". Я его спрашиваю: "Откуда те получили, кто вам дал?" Он отвечает: "Понятно, отняли у бельгийской золотопромышленной компании в 1920 году, когда прогнали Колчака". "Ну, и как Вам кажется, — спрашиваю, — хорошо они сделали тогда?" Он отвечает: "Наверное, плохо". Тогда спрашиваю: "А какая часть Вашего капитала может корениться в той бельгийской компании?" Он говорит: "Ну, процентов 15—18". Я говорю: "Эту часть акций вы должны ей и вернуть. А какая часть Вашей собственности была результатом труда зеков в сталинское время? Вы должны компенсировать их потомкам их труд. Ни одна йота вложенного труда не должна пропасть. И тогда все остальное — ваша собственность".

А.А. Коновалов. А Вы представляете, какая в этом случае будет инфляция?

А.Б. Зубов. Поскольку это будут реальные ценности, то инфляция будет не такая, как мы думаем. Кроме того, иногда некоторая инфляция денег для нас менее болезненна, чем инфляция ценностей.

С.П. Пыхтин. То, что хорошо для Чехии, когда все друг друга знают в пределах автомобильной доступности, не пройдет в России. Кроме того, мы прошли через гражданскую войну. Кроме того, мы имели стабильное общество на протяжении длительного времени. Поэтому мне не нравится, что мы пытаемся взять за пример Чехию или Болгарию. И вообще мне не понравилось, что мы перешли от высокой материи к меркантильной части, низменной. Мы говорим: "Красть нельзя, а то, что украдено,

надо бы вернуть". Я убежден, что, во-первых, того, что было украдено, уже не существует. Во-вторых, у кого украли, те давным-давно уже умерли. И они не имеют наследников.

А.Б. Зубов. Но ведь на собственности строится все. Правопреемство — это для большинства абстрактная идея. А реституция собственности вполне конкретна для каждого человека. В России ведь не было несобственников. Каждый что-то имел. В той же Прибалтике начался процесс поиска своих корней. Они 10 лет искали и многие корни нашли. И опыт реституции собственности в той же Прибалтике или Болгарии для нас исключительно важен. И завершился он в целом весьма успешно.

И наконец, последний момент — то, что сделано во всей Восточной Европе и не сделано у нас. Это соотнесение с историческим прошлым. У нас сейчас существует безвкусное соединение всего в одном: и советского гимна, и царского герба, и трехцветного флага. И кажется, что все это нормально. Говорят о достижениях НЭПа и достижениях Столыпина. Или реклама фабрики "Большевик" 1857 года. У нас с большим скрипом вспоминают Колчака и в то же время стоят статуи Ленина, улицы называются именем Дзержинского в каждом городе, сотрудники ФСБ именуют себя чекистами.

К.З. Микаэлян. Чекистские традиции!

А.Б. Зубов. Или А, или Б. Или мы с теми, кто уничтожал Россию, и давайте тогда оставлять улицы имени Дзержинского. Или мы с теми, кто ее сохранял, — со Столыпиным, с адмиралом Колчаком. Давайте их именами называть улицы. Ведь должны быть национальные герои и должны быть названы предатели. Например, для немцев Гитлер является предателем Германии, погубившим ее славу и честь и множество жизней немцев. Поэтому и нет улиц Гитлерштрассе в Германии и нет памятников Гитлеру.

Короче, в любом народе есть свои плюсовые и минусовые знаковые фигуры. Пока у нас не будут обозначены такие знаки, совесть нашего народа, его воспитание будут

на нуле. Когда мы говорим, что и Ленин ничего, да и Николай II тоже (не так давно его канонизировали, но и мавзолей при этом не закрыли), начинается театр абсурда, и людям нечему учиться и нечему подражать. Когда произошла революция в Италии, в каждом городе появилась улица Гарибальди, улица савойского короля Виктора Эммануила Объединителя.

Народ должен воспитываться на каких-то ценностях. На чем будет воссоздаваться наш народ? Единственная статуя Димитрова — у нас стоит, в Москве, в Болгарии их давно уже нет. И статуя Тельмана — тоже осталась только у нас. Везде после краха коммунизма наступила ценностная определенность. У нас же остался "компот", и пока этот "компот" будет продолжаться, у нас ничего не будет.

А вот когда, дорогие друзья, мы решим задачу правопреемства в области права, реституции в области гражданского права и частной собственности и изменим историческую парадигму, перенеся положительный знак нравственной оценки с убийц России на ее защитников, тогда те народы, которые раньше входили в Российскую империю, скажут: "Да, здесь ребята занялись делом, и здесь есть к чему присоединяться, есть о чем думать, в каких формах налаживать единство". Тогда нам естественно будет декларировать тот внешнеполитический принцип, что любая территория, входившая в состав Российской империи, сохраняет возможность снова актуализировать свое пребывание в ней. Тогда нужен новый договор с Польшей, новый договор с Финляндией. Все это нужно делать после того, как мы решим упомянутые мной задачи. Если мы будем делать это до того, то будем выглядеть примитивными империалистами, которые хотят использовать идеи правопреемства, чтобы тяпнуть кусок земли. Мы должны выглядеть реальными государственниками, которые хотят возродить Россию, и тогда нас поймут и в этом нашем действии. Должны быть этапность и последовательность шагов.

А.А. Коновалов. Изложенный подход я считаю гораздо более продуктивным, чем сведение всей проблемы к территориальному вопросу. Но давайте представим себя на месте практических политиков. Мы объявляем реституцию. А все Подмосковье забито дачными участками. Раньше это были чьи-то поместья и дворцы. В России выросло уже четыре поколения, которые не уважают законы Российской империи. Мы не "подождем" таким образом свою страну?

А.Б. Zubov. Мы ее укрепим. Ваш пример с дачными участками очень хороший. Наш друг и коллега, в том числе и нашего комитета, латышский профессор Леон Леонович Тайван, сын товарища министра просвещения довоенной Латвии, сторонник наших идей, и в частности возрождения России, получил по реституции два гектара земли. На одном из этих гектаров ничего нет, он сдает его фирме, которая собирается там построить сервисный центр, он будет с этого получать доход, а на втором гектаре стоит большой дом, построенный заводом роботов в советское время. И там живет, естественно, много народу. Понятно, что не роботы. И что же? Закон Латвии говорит очень просто: земля ваша, но дом не ваш. И прав на дом вы не имеете никаких, кроме одного: земельную ренту эти люди будут платить вам, а не муниципалитету. А налог будет получать муниципалитет. Наш закон может в чем-то отличаться от латышского, но он должен быть также основан на признании факта собственных прав, погранных незаконным большевистским режимом.

Должен вам сообщить, что наш комитет при поддержке ряда московских институтов хочет организовать в конце января — начале февраля крупную научную международную конференцию с привлечением хороших экспертов из Восточной и Западной Европы "Проблемы реституции собственности в Восточной Европе и ее значение для России". Мы понимаем, что проблема не проста, но она решаема. Здесь нет тупиков. Я думаю, что хозяева вышеупомянутых подмосковных участков будут очень рады заключить со-

ответствующий договор с законными хозяевами земли. Собственникам земли мы скажем: вы не имеете права сгонять людей с земли, но вы имеете право на платежи с земли. Соответственно, и нынешние владельцы дачных участков будут рады не получать землю за взятку у нечистоплотной местной администрации, а заключить договоры с законными владельцами и тем самым подтвердить свое право на землю, которое сейчас весьма сомнительно: пришел более толстый новый русский и отобрал у них землю.

В.О. Чукасли. А кто будет платить ренту с Хованского кладбища?

А.Б. Zubov. А земля на кладбище тоже денег стоит.

А.М. Салмин. Мы не первые и не последние проходим этот путь. Во Франции во время еще первой реставрации в 1814 году был создан специальный национальный фонд (он назывался "Национальный миллиард") по компенсации людям, потерявшим имущество во время революции.

А.Б. Zubov. Не надо забывать, что есть еще компенсация ценными бумагами, обязательствами государства и так далее. Беда нашего народа и народов других независимых государств состоит в том, что они не видят альтернативы. Если они увидят, что в нашей маленькой нынешней России, в этой "РФ", решается общероссийская и общечеловеческая задача, то все вернутся в Россию. Я уверен, что на Украине начнутся мощнейшие движения в сторону воссоединения с Россией. И в Закавказье они начнутся.

В.О. Чукасли. А почему Россия в 1991 году не объявила постсоветское пространство зоной своих жизненно важных интересов?

А.Б. Zubov. А потому, что исторической России тогда не было. Нет ее и сейчас. Поэтому я и предлагаю сосредоточиться сейчас на решении упомянутой мной внутренней задачи. Если мы ее решим и расскажем об этом нашим коллегам в Грузии, Армении, на Украине, то тогда мы решим и другую проблему, которая нас волнует и которой все мы "ушиблены", — это проблема единства империи.

В.О. Чукаели. Я могу вас заверить как грузин, что в Грузии вопрос о реституции решен будет только после восстановления монархии.

А.Б. Зубов. Что, разве никто не захочет восстановления своей собственности?

В.О. Чукаели. Главное, восстановить людей в их дворянском достоинстве. О дележе земли и говорить не смейте. Потому что у каждого осталась своя земля.

А.Б. Зубов. Как говорится, "вскрытие покажет". У кого-то будет это право, ничего страшного в этом нет. У кого-то не будет, тоже ничего страшного.

А.А. Коновалов. Мне очень понравилась Ваша мысль. Начинать надо не с провозглашения ничтожности границ, а с восстановления правопорядка. И это решит проблему границ.

А.Б. Зубов. Верно. Из этого и вытекает проблема границ. На одной большой конференции в Риге латыши и эстонцы говорили (а это было в 1996 году), что они требуют включения в состав Прибалтики Печоры, Изборска, Пыталова и так далее. Они говорили: "Ленин же ваш дал нам эти земли". Я им отвечаю: "Не надо. Ленин не наш. Ленин — бандит. Договор с Лениным, который вы подписали, — это, во-первых, предательство белого движения в России. Во-вторых, это был договор с бандитами, которые захватили власть в 1917 году. Получается, что законное правительство Латвии договаривалось с абсолютными бандитами. Может ли быть законным договор, который вы подписали с такими людьми?"

С.П. Пыхтин. А кто сказал, что правительство Латвии было законным?

К.З. Микаэлян. Возьмем пример Армении. Она была выброшена из состава России дважды — в 1918 и в 1991 годах — против воли армянского народа. До 1919 года она не провозглашала своей независимости. В 1920 году ее оккупировали большевики. Но это совсем не то, что в 1750 году, когда армяне сами с оружием в руках боролись за то, чтобы войти в состав Российской империи. В

Армении в течение 80 лет советскую власть начали отождествлять с русской властью, что было величайшим обманом. Советская власть и русская власть — это совершенно разные вещи. Армения была освобождена русскими, но поработана Советами. Эту вещь мало кто понимает. И то, что Ленин и большевики восстановили Российскую империю, неправда! Они создали государство, новую империю, не имеющую ничего общего с русской государственностью, с русской империей. В этой новой государственности армяне жили как оккупированный народ. А первыми были оккупированы русские. Первая поработанная нация — русские. Поэтому большевики не воссоздали то, что было потеряно. Они это оккупировали и держали это силой и обманом. Все нерусские и русские территории держались в составе Советского Союза насильственно, обманом и ложью.

А.Б. Зубов. И здесь характерный пример — это июль—август 1941 года. Когда это было видано, чтобы 3 миллиона 600 тысяч русских солдат сдались в плен врагу в течение трех месяцев?

К.З. Микаэлян. Совершенно верно. Думать, что в России было такое количество предателей, — это значит оскорблять чувство русского национального достоинства!

А.Б. Зубов. А какие были репрессии? Сталин ведь был не только кровавый маньяк, он уничтожал русских людей потому, что боялся сопротивления.

К.З. Микаэлян. В 1828 году было освобождение Армении русскими. Это была русская освободительная миссия. В 1920 году был захват Армении Советами как независимого государства, которое ушло не от русских, а от советской власти.

А.Б. Зубов. Как все.

К.З. Микаэлян. Это мысль, которая недоступна даже сегодняшней русской интеллигенции.

А.М. Салмин. Величайшее заблуждение полагать, что в советский период в основном были восстановлены границы Российской империи. В этом контексте стоит и

вопрос о Прибалтике. Советский Союз по своим границам совершенно не совпадал с границами Российской империи. Это было принципиально новое государство. По существу, экстерриториальное. У него и названия не было, что, кстати, правильно отмечено в манифесте. Союз Советских Социалистических Республик — это не территория. У него на гербе — земной шар, и границы его реально менялись на этом земном шаре. Варшава, Прага, Будапешт, точно так же как и советские территории, управлялись из международного отдела ЦК КПСС. Это было государство с разными зонами. А Куба и зарубежные коммунистические партии — это уже совсем экстерриториальные явления.

В.О. Чукасли. После войны Советский Союз увеличился на одну треть. А если бы не идиотизм Хрущева, то и Китай бы был советским!

К.З. Микаэлян. Большевики в отличие от русских хотели захватить весь мир!

А.А. Коновалов. Главное, начинать процесс возрождения России не с провозглашения ничтожности границ СССР, а с решения тех внутренних проблем, о которых говорил Андрей Зубов. На мой взгляд, этот путь куда более продуктивен и эффективен.

А.Н. Савельев. Но этот путь, уверяю вас, не менее опасен.

В.О. Чукасли. Дело в том, что он должен быть основан на состоявшемся самоопределении России.

С.В. Кортупов. Смею вас заверить, что в имперских амбициях нас обвинят в любом случае.

В.О. Чукасли. Да, да, да. Вот именно! Именно это я и хотел сказать!

Ю.Е. Карлов. Мы не говорим о правопреемстве империи. Мы говорим о правопреемстве русской государственности.

А.А. Коновалов. Если мы говорим о реституции, то говорим о восстановлении права собственности, существовавшего до февраля 1917 года. Это очень богатая идея, хотя она, может быть, даже более трудно выполнима, чем

объявление Крыма нашим и направление туда Черноморского флота.

С.П. Пыхтин. Хотел бы вернуться к проблеме реституции. Я, например, не согласен, что на Ленских приисках есть первоначальный капитал, который сейчас процветает. Может быть, там осталась лишь одна десятая его процента. За XX век 99 процентов активного капитала в новых экономических условиях было продано; 99 процентов того капитала, который не был национализирован. А тот, который был национализирован, — за сто лет полностью амортизирован. Есть такая категория — "амортизация капитала". Земля не амортизируется, а капитал амортизируется. Интеллектуальной собственности в конце XX века не было, а потом она появилась.

Я хочу сказать, что здесь возникает такое чудовищное количество проблем, даже в области простой реституции, что приватизация покажется просто цветочками. Неужели история приватизации не учит нас, что самые прекрасные идеи, в том числе и в морально-нравственном смысле, будут превращены в хаос, трагедию, несправедливость? При этом в стране, в которой напрочь отсутствует правосознание. Франция — классическая страна правосознания. А мы — классическая страна отсутствия правосознания.

В.О. Чукасели. Эта ситуация предусмотрена в законах Павла I. Там предусмотрена даже процедура избрания царя, которая не является наследственно переходящей процедурой. Но кто-то из царей ощущал себя хозяином земли русской, а кто-то нет. Например, Путин таковым себя не ощущает. Потому он объявил себя чиновником, наемным высокооплачиваемым менеджером. А чиновником кто-то руководит. А вот Ельцин был таковым. Он себя считал хозяином земли русской.

А закон о реституции всем был бы хорош, если бы большевики не вырезали всех, кого только можно было, которые были и здесь, и там.

А.Б. Зубов. Не волнуйтесь, осталось немало. У каждого из нас, кто бы ни были — из крестьян, из рабочих, из

интеллигенции, — всегда что-то есть. У крестьянина есть земля. У мелкого мешанина есть городская земля и дом. Когда я начал заниматься этим делом и издал свою брошюру по этому вопросу в 1997 году, в моей квартире делали ремонт. Неграмотная 50-летняя тетя красила мне кухню. Я ей об этом рассказал. Она сказала: "Как это здорово! Мой дед в Тамбовской губернии кулаком был. У нас была земля, лошади. Я бы не стала тут мазать эту кухню и пошла бы на свою землю". Вот реакция простого человека.

В.О. Чукаели. Но нельзя идти во власть с чувством мести, а они так и поступают.

А.Б. Zubov. Ни в коем случае. Мести никакой. Исправление ошибок отцов, но не месть никому. Люди, которые совершили действительно тяжкие преступления, как то: Ленин, Дзержинский, — должны быть названы. Они мертвы, но должно быть ясно, что они — тяжкие преступники.

А.М. Салмин. Кстати, у нас этого чувства мести нет. Это в Восточной Европе были коллаборационисты. А у нас мы сами у себя все это учинили. Поэтому в 1991 году никто никому не мстил.

В.О. Чукаели. Поэтому я и говорю, что нет более толерантного, чем русский народ. Этому учиться надо двести тысяч лет каждому другому народу.

А.Б. Zubov. От Вас, как от грузина, слышать это очень трогательно. Я Вас глубоко благодарю. Когда один русский человек восхваляет другого — это просто смешно, а вот когда об этом говорит человек другой национальности — это весьма убедительно.

В.О. Чукаели. А мы с вами очень похожи ментально друг на друга. Наши, конечно, больше испытали, потому что у нас более древняя страна. Таких нашествий Россия даже никогда не испытывала. У нас, с одной стороны, Турция, с другой — Иран, с третьей — арабы. Кроме того, Грузия в отличие от России — маленькая страна. Россия выигрывала войны за счет того, что заводила противника на свою территорию и он терялся в этом пространстве.

Поэтому и говорят: "Россия проиграла все битвы, но выиграла все войны". Москву сдали, но до Парижа дошли и построили им мост.

А гибель этой страны произошла в 1954 году, поскольку в принципе после Ленина Россия сохраняла свои имперские амбиции в полном объеме.

А.Б. Зубов. Какие такие имперские амбиции? Это были совершенно новые амбиции нового государственного образования со стремлением к мировому господству. Это были идеи пролетарского интернационализма.

В.О. Чукаели. Но коммунисты создали своего бога и положили в Москве в мавзолее.

А.Б. Зубов. Нет. Если бы главной идеей было возрождение и укрепление России, тогда бы не уничтожались миллионы людей, миллионы русских. Большевики же хотели завоевать мир. Они использовали русских как материал, Россию как плацдарм для мировой революции. Если, например, нацисты при всех их минусах были все-таки национально мыслящими людьми, пусть и в извращенной форме, то третий Интернационал никогда не мыслил национально.

С.П. Пыхтин. Не бандиты делают историю. Я с этим категорически не согласен. Ленин — не бандит! Ленин — сторона в гражданской войне. Он — лидер этой стороны в гражданской войне. Мы пережили гражданскую войну. А нам говорят, что это шайка бандитов захватила власть. Это неправда! И было колоссальное количество бандитов на стороне белых.

С.В. Кортунов. Возможно, следует оценить коммунистический период истории России в более широком историческом контексте. Например, у О. Тоффлера в его работе "Третья волна", написанной 20 лет назад, излагается теория трех этапов (трех волн) развития мировой цивилизации. Первая волна — доиндустриальное общество, вторая волна — индустриальная цивилизация, третья волна — постиндустриальное общество. Согласно этой теории советский период в истории России и русский коммунизм

в целом явились лишь российской формой индустриальной революции и последующей индустриализации страны. Кстати, некоторые политологи считают, что через коммунистический эксперимент прошли в той или иной форме, по существу, все православные страны мира. Так вот, по Тоффлеру получается, что в 1917 году большевики победили дворян лишь потому, что они были партией второй волны, то есть партией индустриализации. И проиграли в 1991 году потому, что не смогли стать партией третьей волны, то есть партией постиндустриального общества.

Вопрос, поставленный в этом широком историческом и цивилизационном контексте, мне кажется, во многом снимает споры о том, были ли большевики бандитами или нет.

Обсуждение темы было продолжено на заседании Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам 14 ноября 2002 года.

А.А. Коробейников. В план работы Комитета по международным делам мы записали подготовку "круглого стола" на тему "О самоидентификации Российской Федерации".

Есть первые наработки. Они, конечно, очень острые и небесспорные. И поэтому, прежде чем эту проблему "выносить на люди", ее, конечно, нужно не раз "промять" в нашем собственном коллективе. Наверное, об этих первых подходах Сергей Вадимович Кортунов и хотел бы сегодня сказать, связав самоидентификацию в целом, как теоретическую, так и практическую проблему России, с проблемой правопреемства. А "круглый стол" мы проведем в декабре. Имеет ли право такая проблема на существование? Актуальна ли она сегодня? Она, конечно, давно актуальна.

Итак, докладчик Сергей Вадимович Кортунов.

С.В. Кортунов. Тема моего доклада — о правопреемстве России — сформулирована не совсем так, как я себе представлял. Как мне представлялось, я должен был выступить с небольшим информационным сообщением

относительно темы, которая поставлена в плане работы нашего Экспертного совета, — о национальной идентичности России. Хотя, конечно, оба эти вопроса тесно взаимосвязаны.

По поручению Анатолия Антоновича Коробейникова мы начали работать над этой темой с апреля 2002 года. Вот уже полгода мы встречаемся в различных аудиториях, в различных составах, с различными специалистами. Провели многочасовые дискуссии. И выяснилось, что эта проблема обладает "повышенной сопротивляемостью". По существу, у нас готового результата до сих пор нет. И это вполне естественно с учетом сложности данной проблемы. Коротко расскажу, к каким основным заключениям мы пришли и что мы предлагаем в плане продолжения работы над этой темой.

Действительно, Россия пока еще не вполне самоопределилась. И это, естественно, мешает решению стратегических задач, определению стратегии развития. И это стало сейчас особенно актуально в связи с тем, что Президент Российской Федерации поставил задачу разработки новой Концепции национальной безопасности.

Всем ясно, что предыдущие концепции были достаточно рыхлые. И главная причина этого, с моей точки зрения, состоит в том, что не был определен субъект национальной безопасности. Что такое Россия? Каково ее будущее? Каковы ее границы? К чему мы должны стремиться? Что такое стратегия ее развития в XXI веке? В процессе многочасовых дискуссий, в том числе и с участием общественного комитета, который называется "Правдопреемственность и возрождение России" (представители этого комитета находятся здесь), мы пришли к тому, что, по существу, есть три варианта ответа на вопрос, что же такое национальная идентичность России в начале XXI века.

Первый вариант. Мы строим совершенно новое государство начиная с 1991 года. То есть "с чистого листа" так, как это делали большевики в 1917 году. Только вектор развития у нас, конечно, другой.

Второй вариант. Мы провозглашаем новую Россию продолжательницей, в том числе и в правовом отношении, Советского Союза. Возможный вариант.

И наконец, третий вариант, который нам представляется наиболее правильным и приемлемым, состоит в том, что мы должны объявить наши права как нового государства на тысячелетнее наследие России.

Ясно, что первый вариант — строительство государства "с чистого листа" с 1991 года, по крайней мере для нашей группы, не является приемлемым. Тем не менее такая попытка, по крайней мере при Борисе Николаевиче Ельцине, была сделана, как вы знаете. Сейчас у меня, например, впечатление, что мы скатываемся ко второму варианту. Все больше и больше мы показываем миру, что являемся "уменьшенной копией" Советского Союза, хотя и с другим вектором развития, в частности экономическим. Но в области государства и права, в области исторических идеалов, в области топонимики получается, что мы продолжатели Советского Союза во многих аспектах. Поэтому для нас, для нашей группы по крайней мере (многие, возможно, с этим не согласятся), наиболее правильным представляется искать истину в третьем варианте, исходя из того, что наша Россия является продолжательницей тысячелетней России. Это не перечеркивает, естественно, XX век, в том числе коммунистический эксперимент, который является важнейшей составной частью российской истории. Однако необходимо дать ему соответствующую оценку.

Мы начали двигаться по этому пути, по третьему варианту, и пришли к тому, что натолкнулись на огромное количество сложнейших вопросов.

Первый вопрос такого рода — это вопрос об историческом правопреемстве России по отношению к дореволюционной России, до 1917 года.

Второй вопрос — это юридическое правопреемство. Необходимо вернуться к тому праву, которое было отменено большевиками. При том, что, естественно, многие элементы

нынешнего права, в том числе и Конституция 1993 года, не должны сбрасываться со счетов. (Я говорю очень коротко, но за каждым из этих положений стояли многочисленные дискуссии.)

Еще одна крупная проблема, которая встает на этом пути, состоит в том, что необходимо по-новому посмотреть на отношения собственности. Об этом, я надеюсь, расскажут наши коллеги.

Проблема исторических идеалов тоже является важнейшей проблемой, которую мы обязаны решить.

И последнее. Что такое Россия в пространственном отношении? Если мы провозглашаем, что мы наследники тысячелетней России, в том числе и Российской империи, то возникает вопрос: в каком пространстве мы оперируем? Можем ли мы признать и должны ли признать те, по существу, сталинские границы, которые были сформированы искусственным путем сталинскими картографами? Ведь, строго говоря, эти границы не являются юридическими. Этот вопрос, конечно, самый большой, самый сложный.

И здесь мы вышли на то, что необходимо строго следовать международному праву. В том числе исходить из принципа *pacta servanda sunt* (договоры должны соблюдаться) с неременной оговоркой *rebus dictantibus* (при существующем положении вещей). Этот принцип позволяет нам оставаться в международно-правовом поле и вместе с тем не закрывать решение вопроса об актуализации тысячелетнего российского пространства. Совершенно ясно, что здесь возникает огромное количество вопросов.

И для того, чтобы двигаться дальше (мы об этом уже говорили с Анатолием Антоновичем и с Владимиром Михайловичем), необходимо организовать под эгидой нашего Экспертного совета, а может быть, и Совета Федерации в целом крупную конференцию с участием в том числе представителей других новых независимых государств, в ходе которой можно было бы все эти вопросы поставить и попробовать совместно найти ответ.

Должен напомнить, что через решение этих вопросов прошли практически все государства Восточной Европы, в том числе и Прибалтики. В частности через вопросы реституции, о чем, я надеюсь, расскажет Андрей Борисович Зубов. Если мы примем решение организовать такую конференцию, несомненно, представителей этих государств надо будет пригласить и послушать, как они решали эти вопросы. При том понимании, что наш случай неизмеримо более сложен, потому что страны Восточной Европы существовали в коммунистической парадигме гораздо меньше времени и она была навязана им извне.

А.Б. Зубов. Господа, я доктор исторических наук, профессор МГИМО, работаю уже многие годы в комитете "Правопреемственность и возрождение России". Это общественная организация, которая была создана в 1999 году для решения этих задач и ознакомления с ними общества. Тех задач, о которых говорил сейчас Сергей Вадимович Картунов.

Что побудило создать эту организацию? Почему эти проблемы сейчас более актуальны, чем несколько лет назад? Дело в том, что, когда Советский Союз прекратил свое существование и коммунистическая государственность исчезла, у большинства из нас (у некоторых была ностальгия по советскому, коммунистическому государству) было убеждение, что мы легко, просто за какие-то "500 дней" войдем, интегрируемся в современный рыночный мир — мир современной экономики, демократии, прав человека, и все будет в порядке.

Но, как вы знаете, прошло 12 лет, и мы весьма далеки от воплощения в жизнь всех этих радужных надежд. И с каждым годом все чаще и чаще возникает вопрос: почему? Здесь, видимо, нам имеет смысл посмотреть на некоторые формально образующие моменты нашего государства.

Основой государственной идеи всегда является такая формальная вещь, как право. То, на какое право опирается государство, на каком праве оно стоит, всегда очень хорошо свидетельствует о том, с кем себя соединяет это государство,

что оно из себя представляет. Если мы внимательно посмотрим на нашу правовую систему, то мы увидим, что она состоит, в сущности, из одного массива. Это массив советского права, который начинается первыми декретами Совета народных комиссаров в 1917 году и постепенно замещается на протяжении последних 12 лет законами уже новой России. Но там, где законы новой России еще не действуют, действует старое советское право.

Это говорит о том, что мы являемся в прямом смысле этого слова правопродолжателями, то есть сохраняем правовой континуитет с советским государством. Это вещь далеко не формальная. При этом, если мы посмотрим на законодательство Российской империи, которое существовало в России до 1917 года и было отменено декретом Совета народных комиссаров от 22 ноября 1917 года, то увидим, что ни один закон (ни один закон, я подчеркиваю), действовавший в России до 22 ноября 1917 года, не действует. К ним невозможно даже апеллировать.

На самом деле этот вопрос не столь элементарный. Если мы возьмем нашу Конституцию 1993 года, то увидим, что в ней есть так называемое второе переходное положение, в котором говорится, что все законы, не противоречащие настоящей Конституции и действовавшие на территории Российской Федерации, сохраняют свою актуальность. Возникает вопрос: почему же тогда не сохраняет актуальность ни один закон докоммунистический? Ведь многие из них не противоречат Конституции 1993 года, скажем, имущественные законы, в отличие от советских законов, дух нашей Конституции 1993 года нарушающих. Соответственно, можно сказать, что в области права мы сознательно (конечно, это не ошибка) выбрали продолжение советской государственности. В области чисто формального наименования страны, как вы знаете, в 1991 году было принято решение именовать Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику Российской Федерацией или Россией. Это закон, если мне не изменяет память, от 21 декабря 1991 года, принятый Верховным Советом РСФСР.

И опять же, как вы видите, это простое продолжение Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Отсюда и все остальное.

Если право является базисом и основой государства, то, если угодно, кровью государства являются, естественно, имущественные отношения. В государствах живут люди, вступающие в эти имущественные отношения. У нас признаются законными все действия советской власти в отношении имущества, совершенные после 1917 года, когда это имущество, как вы знаете, было конфисковано. В частности, в декабре 1917 года были конфискованы частные вклады. В 1918 году двумя актами была конфискована жилищная собственность и земельная частная собственность. Земля как частное владение была ликвидирована первым декретом советской власти от 25 октября 1917 года на втором съезде Советов.

Все это признается законным. И из этого строятся новые имущественные отношения, в частности те отношения, которые привели к образованию олигархических структур. То есть то, что было приватизировано, это как бы "ничейная собственность", которая принадлежит всем и никому. Она стала приватизироваться. При этом забыли о том, что, естественно, у этой собственности есть наследники. И практически каждый житель Российской Федерации является наследником тех или иных собственников: больших, маленьких, деревенских, городских и так далее.

Третий очень важный момент. Это момент, если угодно, идейный. До сих пор, хотя и не совсем ловко говорить об этом, все деятели советского государства сохранили свое величие и свою идеологическую значительность. Правда, памятники Сталину и Жданову ликвидировали, но сохранили памятники Ленину, Кирову, Держинскому и многим другим, особенно в провинции, где в изобилии присутствуют улицы Урицкого, Володарского и так далее. Все это осталось.

А люди, которые боролись с коммунистическим государством и пытались сохранить старую Россию, генералы,

лидеры белого движения, или те, кто ее строил до 1917 года, скажем, Столыпин, тот же Александр II, до сих пор остаются вне системы этой топонимической реконструкции, то есть их именами не названы улицы, их статуи не стоят на площадях. И тем самым мы как бы и в плане идеологическом являемся прямыми продолжателями советского государства. И наши дети видят, что мы считаем нашими идеалами Ленина и Дзержинского, памятники которым стоят на улицах, а не людей, которые боролись за противоположные ценности. Это тем более удивительно, что и Конституция 1993 года, и весь дух нового нашего государства — это дух демократии, либерализма, многопартийности, уважения и почтения к религии, которая, как вы знаете, попиралась большевиками с жестокостью необычайной.

Таким образом, есть явное расхождение между духом общества, устремлением общества к антикоммунистическому, демократическому государству и теми реалиями права, имущества и идеологии, которые у нас до сих пор сохраняются. Это и образует такое огромное "зияние", которое приводит к отсутствию идентичности, реальной идентичности, в нашем обществе. Наши дети, да и мы сами, к сожалению, часто не знаем, с чем нам себя идентифицировать. В русском языке есть хорошее слово, аналогичное слову "идентичность", это философский термин, который активно употреблялся в старой России, в эмиграции, — это слово "самотождественность". Кому мы тождественны? С чем мы то же самое? Этот вопрос остается открытым.

Надо сказать, что та же проблема, как уже сказал Сергей Владимович Картунов, встала перед всеми странами, вышедшими из коммунистического мира в 1989—1991 годах. И только 12 республик бывшего СССР, исключая Прибалтику, решили ее так, как решила Россия. Все остальные страны отказались от коммунистического наследия, хотя во всех странах Восточной Европы, кроме Прибалтики и ГДР, само коммунистическое властвование

не было столь абсолютным и многое из законов старой Польши и старой Венгрии сохранялось. Тем не менее от всего того, что было сделано в коммунистическое время и не соответствовало духу старого, докоммунистического законодательства, эти страны отказались.

Отсюда возникли идеи преемства с докоммунистическими конституциями, восстановления докоммунистического права. Вы знаете, в Латвии была восстановлена конституция 1920 года. И была реституция собственности. То есть коммунистические собственнические отношения, конфискации и так далее, были признаны незаконными. И наконец, принципиально изменилась идеологическая парадигма: защитники коммунистического режима были признаны врагами национального государства — Польши ли, Латвии ли. А борцы с этим коммунистическим режимом были признаны героями, достойными подражания, увековечения. Сейчас в Латвии или Эстонии вы не найдете ни единого памятника Ленину, ни единого памятника Дзержинскому, так же как и в Польше, кстати говоря, откуда Дзержинский родом. Все это сохраняется только у нас, как в некоем заповеднике советской жизни.

Если мы хотим и дальше сохранять эту раздвоенность между устремлениями и реальностью, жить в отсутствие самоощущенности, мы можем сохранять это советское правопреемство. В нем есть своя юридическая логика. Но мы должны помнить, что это преемство в отношении тоталитарного режима, режима, осуждаемого и значительной частью нашего общества, и практически всем миром. И что рано или поздно произойдет неизбежное "сползание" обратно, потому что в той или иной форме закон обязывает, диктует свою логику. Если мы строим себя на определенной законодательной базе, рано или поздно она воспроизводит себя в реальной жизни.

Если же мы действительно хотим вступить в наследие старой России, этого великого тысячелетнего государства (у него, конечно же, были свои недостатки, свои ошибки и свои изъяны, которые, может быть, и привели к революции

и которые нам сейчас исправлять), то мы должны совершить действия, абсолютно аналогичные тем, которые совершили все восточноевропейские государства — от близкой нам по крови Болгарии до, быть может, многим не нравящейся Эстонии. Эти действия следующие.

Во-первых, надо восстановить законодательство, отмененное большевиками. Разумеется, это дело не одного дня, и восточноевропейские страны тоже имели большой переходный период, во время которого старое законодательство адаптировалось к новым реалиям. То из нового законодательства, что соответствует духу старого законодательства, включается в него, если оно действительно нужно, новое. То, что принципиально не соответствует, естественно, не принимается. То есть за основу берется не коммунистическое законодательство, а докоммунистическое законодательство и к нему подстраивается нынешнее законодательство России.

Надо сказать, что в этом ракурсе Конституция 1993 года как раз является прекрасной переходной формой от коммунистического к докоммунистическому законодательству. И покойный Эрнст Михайлович Аметистов, член Конституционного Суда и член нашего комитета, долгие годы считал, что в этом плане очень удобно совершить такую "транзицию".

Во-вторых, это, конечно, имущественные отношения. Мы не можем их игнорировать. Это аморально и юридически невозможно. Это и привело как раз к созданию, с одной стороны, олигархического капитализма, а с другой стороны, к неуважению к частной собственности, которое царит в нашем обществе. Мы не можем построить в будущем частную собственность на конфискациях, часто связанных с кровью, с убийствами советского времени. Мы должны совершить то же, что сделали все восточноевропейские страны, — в той или иной форме, так или иначе, через ценные ли бумаги, реальную ли недвижимость, государственные обязательства (здесь опыт очень разнооб-

разен), но тем не менее признать права старых собственников, их наследников и компенсировать их.

А ведь смотрите, господа, какая странная вещь получается. В свое время еще премьер Черномырдин признал обязательства России перед французскими вкладчиками, и им компенсируются, пусть полусимволически, их потери, связанные с конфискациями имущества. Но потери миллионов наших граждан никем не признаны и никак не компенсируются.

И в-третьих, надо наконец-то совершить тот самый идеологический переход в отношении людей, которые всем известны как разрушители России, гонители церкви, убийцы миллионов людей. Они должны перестать стоять на наших площадях. Это не значит, что мы их выбрасываем из истории, так же как немцы не выбросили из истории Гитлера или Геббельса. Это значит, что мы даем их деятельности соответствующую нравственную и политическую оценку с точки зрения всего тысячелетнего Российского государства, в котором они, безусловно, не являются созидателями.

Таким образом, опять же и мы, и наши дети избавляются от той безумной раздвоенности, в которой мы живем сейчас. И все становится на свои места. Так же как после 1945 года в Германии нельзя было говорить, что Гитлер был в целом прав, хотя были отдельные издержки, — закон о денацификации тут же ставил этого человека в уязвимое положение. Но надо было и можно было говорить, что граф Клаус фон Штауфенберг — герой Германии, хотя он боролся с Гитлером, потому что мечтал о свободной Германии. Что-то подобное надо сделать и нам. И я уверен, коллеги, что если мы это совершим, если пойдем по этому пути, то Россия возродится, именно возродится, а не появится вновь, как великое и славное государство, и многие проблемы, в частности проблемы границ, воссоединения с отпавшими от нее частями, решатся у нас намного более органично, чем в нынешнем

абсолютно непонятном правовом, идеологическом и имущественном контексте.

С.В. Волков. Я хотел бы вкратце остановить Ваше внимание только на двух моментах. Почему, собственно, невозможно вести правопреемство от Советского Союза?

Потому, что по сути своей Советский Союз ни в коей мере не был продолжением российской государственности. Тысячелетие она существовала, менялись династии, менялись социально-экономические условия, но любая власть, которая приходила, не только была, но и считала себя естественным продолжателем предыдущей власти. Разрыв этот был впервые осуществлен большевиками, которые принципиально декларировали, что они ни в коей мере не являются продолжателями не только Российской империи, но и вообще традиционной российской государственности.

Советский Союз базировался на замысле мировой революции. Собственно, единственный смысл его существования — быть зародышем Мировой Республики Советов. Почему возникли все эти республики — Украинская и прочие? Потому, что планировалось создание республик Французской, Английской, Германской и так далее. Признание того, что мы являемся правопреемниками Советского Союза, навсегда закрывает путь к правопреемству с исторической Россией. Можно сколь угодно долго замалчивать это обстоятельство, но оно рано или поздно даст себя знать. Можно назваться Россией, но, так сказать, назвавшись Россией, не иметь тем не менее никаких прав на ее реальное наследие.

И аспект, которого обычно больше всего боятся, — это как раз территориальный аспект. На нем я и хотел бы остановиться. Когда вообще возникает вопрос о границах, о территориальной целостности России, это всех пугает, потому что говорят: ну как же так, как же мы будем выглядеть перед цивилизованным миром, есть международные договоры и прочее...

Я хотел бы подчеркнуть, что речь ведь не идет о принятии каких-то деклараций, которые требовали бы возвращения под власть России отпавших от нее по вине большевиков территорий. Речь идет прежде всего о внутренней убежденности в том, что это есть территория исторической России. Для этого, может быть, и вообще не надо никаких специальных деклараций, никаких открытых документов принимать. Но осуществление правопреемства, принятие основных документов о принципиальном правопреемстве нынешней Российской Федерации в отношении исторической России — единственное, что в принципе откроет когда-нибудь в будущем при благоприятных обстоятельствах возможность реинтеграции этих территорий. Никакого другого пути (я хотел бы подчеркнуть) не существует в принципе, потому что альтернативой может быть только восстановление Советского Союза. Но Советский Союз может быть восстановлен только в том случае, если принимается и торжествует идея мировой коммунистической революции. Никаких других оснований для этого нет. Я думаю, практически всем понятно, что это утопическая идея. Она потерпела крах и едва ли может быть восстановлена.

В данном случае важно хотя бы для самих себя понять и принять тот факт, что Россия — это не нынешний заповедник, очерченный границами когда-то в 20-е годы, а та территория, которую Россия исторически занимала. В противном случае, если от этого принципа отойти и не принимать его, можно сказать, что и Сибирь — не Россия, и Поволжье — не Россия. А что тогда вообще Россия?

Да, государство тогда называлось "Российская империя". Но, видите ли, боятся слова "империя"... Кстати, я бы вообще не боялся. Понимаете, советская пропаганда настолько убедила в том, что империя — это что-то плохое, что до сих пор этого пугаются, хотя на самом деле то, что называют империализмом, — это естественная политика всякой великой державы. Другой политики не существует.

Так вот, историческая Россия это и есть Российская империя.

Речь не идет о том, что все территории, которые входили в состав Российской империи, непременно должны входить в состав новой России. Если будет признано, что это не нужно, то и не должны. Но признано это должно быть российской властью, а не кем-то еще. Вот о чем идет речь.

Речь не идет о немедленных шагах по поглощению соседних территорий. Речь идет об убеждении хотя бы самого российского правящего класса в том, что это так. Подобно тому, как Германия никогда не признавала ГДР отдельным государством, несмотря на то, что всем казалось, что никакого объединения быть не может — это совершенно другое, социалистическое государство. Но история распорядилась так, что настало время, и эта, казалось бы, утопическая идея оказалась осуществимой.

Все мы хорошо знаем, что на самом деле международные договоры, которые фиксируют положение, существуют только до того времени, пока они отвечают условиям. Когда реальность перестала отвечать этим условиям, хельсинкские соглашения о нерушимости границ были моментально забыты. И совершенно естественно, что и в будущем будет только так, потому что иначе не бывает.

Мы должны стремиться к тому, чтобы не было таких позорных вещей, какие сейчас встречаются, когда нынешняя власть допускает писать в учебниках истории, что, например, в России в середине XIX века было только четыре университета: петербургский, киевский, харьковский, вильнюсский. Чтобы вот этого хотя бы не было.

Не надо понимать так, что декларация о правопреемстве и ее осуществление есть какая-то провокация международного характера, призыв к немедленному изменению границ и прочее. Речь идет прежде всего о внутренней убежденности, о принятии самой российской властью, самим российским истеблишментом этой идеи, о воспитании в соответствующем духе ее населения. Чтобы не

считалось, что то, что случайно, преступным образом было от России отделено, — так и должно быть, что это вечно, что по-другому не может быть.

А.А. Коробейников. Если мы сейчас будем разводить дискуссию, то утонем в этой дискуссии и до вечера не выберемся из нее, потому что даже не на теоретическом, а на чисто психологическом уровне это "взрывает" обсуждение. "Взрывает" некоторых, я так думаю, потому что отдаленность небольшая в историческом пространстве, мы еще живем в "советскости", в тех идеях. И когда предлагается все-таки еще и еще раз "промять" все внутри себя, это означает, что это не та тема, на обсуждение которой надо звать Лигачева и Зюганова.

Поэтому группа ученых, занимающихся идентичностью России, должна расширяться за счет людей, разделяющих по большому счету идею и отсевающих постепенно какие-то сомнения. Условно говоря, это идеологический постулат, который пока так ставить нельзя. Да, есть памятник Дзержинскому, да, стоит памятник Ленину, но у меня две внучки, одной 6, другой 10 лет. Ничего они уже не знают ни о дедушке Ленине, ни о дедушке Сталине. Таким образом, это все равно отомрет, но надо дать дожить спокойно 20 процентам электората, коммунистам, не "взрывающая" общество.

Реституция. Скажем, я — генеральный консул СССР в Германии. Приезжает ко мне дед из Бразилии и говорит: выметайся, я тут родился, в этом доме, или плати столько, сколько я сейчас заломлю. Крыть мне абсолютно нечем, потому что он мог бы и соврать, но привез с собой все документы. Все, с немецкой пунктуальностью. И я уже не обер-бургомистру платил денежки, а этому деду. Вот и вся реституция. Толково, с немецкой пунктуальностью. А в России попробуйте найти корни, документы на собственность, чтобы все было спокойно и без социальных взрывов.

Поэтому, когда сегодня наши коллеги предлагают провести большую конференцию, на которую позвать и страны СНГ, мы, конечно, можем позвать и Литву, потому

что она реституцию четко проводит (наверное, ей проще). Но если мы вспомним литовские территориальные претензии к России, то она уедет недовольной. А если позвать Назарбаева с претензией России на казахстанские земли, то кроме политической драки и шума тоже ничего не добьемся.

Поэтому обсуждаемая тема, конечно, имеет право на существование. Проблема эта реальная и невыдуманная. Но как не навредить, как к ней подойти постепенно, чтобы то, что задумывается, не вышло всем боком, не вызвало международного скандала? Еще надо думать и думать.

Я хотел бы, чтобы все желающие выступили в этом ключе буквально по две минуты, потому что позже у нас будет возможность эту тему обсуждать более подробно.

О.Н. Барабанов. Первый вопрос с точки зрения национальной безопасности. Если Россия отказывается от правопреемства с СССР, это значит, что нас выдавливают из числа постоянных членов Совета Безопасности ООН. И это значит (что более серьезно), что Россия перестает быть ядерным государством по Договору о нераспространении ядерного оружия и весь мир будет настаивать на нашем принудительном разоружении, как было с Украиной, Белоруссией и Казахстаном. Как решить эту проблему?

Второй вопрос исторический. Если Россия правопреемник Российской империи, то последний формальный юридический акт Российской империи: великий князь Михаил Павлович передал власть в руки Учредительного собрания. Это значит, что ни Государственная Дума, ни Совет Федерации, ни Президент Российской Федерации не являются легитимными органами власти. Нужно созывать новое Учредительное собрание, а это значит по логике — отпад всех национальных республик, многих из них.

И третий вопрос. Если Россия правопреемник Российской империи, мы автоматически должны отказаться

от Калининграда, Южного Сахалина и Курил, которые Российской империи в 1917 году не принадлежали.

А.Б. Зубов. Первый и третий вопросы — это на самом деле один и тот же вопрос. То есть вопрос в том, как будут соблюдаться международные договоры, если мы признаем себя преемниками старой России. Очень просто. Дело в том, что в этой ситуации действуют традиции международного права, которые предполагают, что если один из участников договора был признан мировым сообществом и был тогда вполне законным субъектом международного права, как Советский Союз, то решение, скажем, о включении Советского Союза в число постоянных членов Совета Безопасности или о признании Советского Союза ядерной державой продолжает сохранять свою силу. Поскольку в одном случае ООН, а в другом случае США совершили это по отношению к Советскому Союзу.

То же самое в отношении Калининградской области. Поскольку соглашения в Ялте и Потсдаме признали, что Калининград переходит к Советскому Союзу, а эти решения значимы, то, объявив себя правопреемниками старой России, мы тем самым принимаем на себя и все те обязательства Советского Союза, которые были приняты им в международном плане за тот период, пока Советский Союз, соответственно, являл собою изменившуюся Россию.

Но там, где нет другой стороны, признанной в тот момент международным правом, например, как в соглашении между Эстонией или Латвией и Российской Федерацией о независимости Эстонии или Латвии, этот вопрос остается открытым и требуется новое соглашение. То есть Соединенные Штаты — безусловный субъект международного права, а Латвия или Эстония в 1920 году в период Рижского договора или Тартуского договора не являлись такими субъектами. На самом деле этот вопрос в международно-правовом плане достаточно легко решаемый и имеющий прецеденты.

Второй вопрос относительно великого князя Михаила Александровича. Если уж говорить совершенно точно, то

не имеет юридической силы не только отречение от престола Михаила Александровича 3 марта 1917 года, но не имеет никакой юридической силы и, собственно говоря, его назначение государем императором Николаем II. Отречение в пользу Михаила Александровича не имеет никакой юридической силы по той простой причине, что по законам Российской империи и по законам престолонаследия, в верности которым клялся Николай II при восшествии на престол, он не мог передавать престол кому угодно. Он мог его передать только своему сыну (это всем прекрасно известно), то есть царевичу Алексею. Поэтому можно сказать, что с этого момента у нас — "юридическое зияние".

Кстати говоря, крупнейший юрист Временного правительства Набоков-старший (отец писателя Набокова) как раз и начинает свои воспоминания с разговора о том, что "хотя мы на этом отречении Михаила Александровича основывали всю деятельность Временного правительства, на самом деле оно было от начала порочным". Оно было юридически от начала порочным. Таким образом, мы возвращаемся на самом деле не к моменту отречения Михаила Александровича, а в принципе, если уж говорить совершенно точно, к моменту отречения Николая Александровича.

А.А. Коробейников. По одной минуте я дам выступить еще трем участникам обсуждения. Сегодня заявлена тема. Схема работы могла быть такой. Все, кто желает по приглашению основной группы работать по этой теме, — пожалуйста. Причем работа строится не на "устной драке", а дается "рыба" документа, который надо "дотянуть": оставить в нем то, что можно оставить, и добавить то, что считаете нужным добавить (это просто по переписке). И на определенных этапах будем встречаться, обсуждать, куда продвинулись с этим документом, чтобы двигаться с аналитическим докладом на тему правопреемства и российской идентичности. Чтобы наш документ не вызвал бурю в стакане воды и дело не кончилось "пшиком".

В.З. Дворкин. Я понимаю все, что сказал Сергей Вадимович Кортунов, но вот господин Зубов... Его пафос понятен, но мне кажется, что есть здесь погрешности. Ничего мы не выбирали с точки зрения правопреемства и Советского Союза. Мы просто объективно не смогли перепрыгнуть в совершенно другую правовую сферу. Это естественные трудности. Мне кажется, что мы "перекосили" сейчас вектор преемственности из культурной плоскости (о чем в значительной мере говорил Сергей Вадимович) в юридическую плоскость, а это, по-моему, неконструктивно.

Что мы должны взять с правовой, юридической точки зрения из тысячелетней истории России? Период Киевской Руси? Период Ивана Грозного? Татаро-монголов? Крепостное право? Что мы должны взять из советского наследия? Кстати, если отменить один пункт, касающийся КПСС, то сталинская конституция прекрасно выглядит.

Так вот, культурное наследие. Да, мы должны быть преемниками. А объявлять себя сейчас правопреемниками царской России... Не надо пугать мир, потому что ведь никто этого не поймет. Финляндия сразу в НАТО уйдет, и поляки заволнуются очень сильно. Зачем все эти фокусы делать?

Поэтому, я думаю, перекося в юридическую плоскость здесь совершенно неуместен. Это будет "каша с гвоздями", если мы будем пытаться выковыривать что-то оттуда, из старой правовой системы, и делать новую. Мы не разберемся с этим. Надо говорить о культурном наследии и на этом фоне формировать все остальное.

М.Н. Кузнецов. Первое. Современная Россия является, будет и всегда была правопреемницей России. Даже если мы все против проголосуем, то от этого ничего не изменится, кроме как дураками через 5, 10, 15 лет нас не назовут. Никакого отречения не было юридически, я, как юрист, вам говорю. И никакой передачи власти нет. По законам Российской империи это было невозможно. И нет там такой нормы: передать сыну или еще кому-то.

Второе. Михаил никогда не мог передать власть никакому Учредительному собранию, потому что он никогда не получал эту власть с точки зрения закона.

Теперь о главном. Во всех выступлениях сквозила одна методологическая ошибка. Мы все опытные, вообще-то говоря, политики. В таких заседаниях мы участвовали. Но все предшествующие выступления сводились к тому, что Россия — это территория. А Россия — это не территория, это духовное пространство. Культурное пространство является вторичным. Культура, искусство, литература, политика, князья и прочее — это все вторично, третично. Или как К. Маркс определял государство: это третичные отношения, вот что такое государство. Почитайте его четвертый том, там все это сказано.

Современная Россия является единым, неделимым государством. Подчеркиваю, нам не надо подстраиваться под очередного президента. То один был, то второй. То Ленин был, потом еще кто-то. Зачем? Задача нашего Экспертного совета в другом. Мы — ученые, самостоятельные личности, и нам надо предложить не то, чтобы Россия ушла из Совета Безопасности ООН, на который давно наплевала половина государств, в том числе и США, которые не платят в ООН почти ничего.

Кстати говоря, о законодательстве. Да, право играет огромную роль. Но, извините меня, в России до XVII века не было слова "закон", потому что все право российское было церковным, оно было слито. Это уникальный в мире момент. Оно, кстати, было в России более продвинутым, чем во всех остальных государствах мира, но оно появилось после. У нас кодификация-то произошла в XIX веке. Поэтому у нас сейчас действуют законы. Это не верно, что у нас царские законы не действуют. У нас действует примерно полтора миллиона правовых актов, в том числе некоторые из них, не отмененные советской властью. Если почитать декреты, мы увидим, что целая сфера законов не отменена, и она действует, хотим мы этого или нет.

Нашему Экспертному совету нужно абсолютно точно ориентировать наше руководство. Оно может не считаться с нами, и мы не должны на это обижаться, потому что у действующего политика другие задачи. Но мы должны (так, как это делается в США, во Франции) объективно сказать: ситуация такая-то. Мы должны декларировать правопреемство, которое никто не отменял и не отменит, потому что все отмены были незаконными. С точки зрения правовой мысли сегодняшнего века, сегодняшнего ученого мира они незаконны. Да, Россия может пожертвовать какими-то своими частями. Но мы оставляем главное, мы оставляем идею России в душе человека. А вокруг этой идеи, вокруг этой одухотворенной религии и идеи соберется все остальное. Уверяю вас, что это произойдет гораздо быстрее, чем многие из вас думают.

И последнее, на чем я хочу закончить. При всех наших уместованиях на этот счет мы должны помнить, что уже давно составлены планы (и они давно опубликованы) о том, что к 2050 году не будет США, не будет очень многих государств, а будет североатлантическая, североамериканская корпорация. Суверенитет уже сейчас растоптан. Мы с утра до ночи слышим, как суверенному государству угрожают применением силы. А пункт 4 статьи 2 Устава ООН — мы что, все его забыли? Нельзя угрожать Ираку. Нет, все угрожают и говорят, что это норма. У нас есть ценности, которые мы не имеем права сдавать, но есть некоторые ценности, которыми мы можем жертвовать.

К.Х. Ипполитов. Схема, предлагаемая в выступлении Сергея Владимовича Картунова, то есть три пути развития, имеет право на существование. Конечно, она представляет интерес. Но я не могу согласиться с той методологией, которая высказывается с точки зрения выбора пути развития. Потому что для того, чтобы определять развитие страны, прежде всего нужно определить, какой вектор общественно-политического развития берется за основу, то есть какую цель ставит Россия в своем развитии. Тогда

становится понятно, что делать в любой сфере, в том числе и правовой. Если этого нет, мы будем получать то, что получаем сегодня: когда говорится одно, делается другое, думается четвертое, а предполагается пятое. Определяя вектор общественно-политического развития страны, нам необходимо определить, что в цивилизационном развитии России представляет собой ценность, и именно эту ценность класть в основу вектора общественно-политического развития страны.

Нельзя рассматривать тысячелетний путь развития с купюрами. Надо его рассматривать как единый, непрерывный процесс с признанием всех этапов как определенных этапов развития, которые случились, потому что были объективные для этого условия. Если мы начнем выбрасывать из истории отдельные куски и говорить, что это приемлемо, а это неприемлемо, тогда пропадает единый путь тысячелетнего развития России. Надо подойти с методологической точки зрения к этой проблеме, оценивая прежде всего вектор общественно-политического развития: какие цивилизационные ценности мы берем в основу развития будущего России, на что мы опираемся? Рассматривая весь процесс развития России как единый и неделимый, мы находим какой-то общий методологический подход. Тогда становится понятно, какие правовые вопросы, какие экономические вопросы, какие политические проблемы лягут в основу.

И конечно, прежде всего духовное пространство. Вы правы, без этого нет России. Поэтому речь и идет прежде всего о выборе тех цивилизационных ценностей, которые составляют основу бытия российского народа на протяжении тысячелетия, а не на протяжении последних 10, 20 или 100 лет. Вот мой подход.

И.Э. Круговых. Первое. Я поддерживаю идею о необходимости проведения такой конференции, но с той интерпретацией и предложением, которые высказал Анатолий Антонович Коробейников. Прежде чем "замахиваться" на такую крупную конференцию, давайте проведем "круглый

стол", а может быть, не один, для того чтобы внутри достичь того единства, о котором мы сейчас говорили.

Второе. Вопрос о правопреемстве неоднократно рассматривался в Государственной Думе, в частности в связи с принятием закона о соотечественниках. Надо приобщить и весь пакет документов, касающихся того, как определялось в то время правопреемство, в том числе и с международно-правовой точки зрения. Вообще надо максимально вести дело не к общим рассуждениям, а к той документальной базе, на которой сегодня у нас реально строятся вопросы о правопреемстве.

Третье. Говорилось о правопреемстве, о конференции, в то же время вставал вопрос о самоидентификации. Я полностью согласен с тем, что нам надо поменять акценты. Конференцию следует назвать "О самоидентификации и правопреемстве", поскольку и в Госдуме до сегодняшнего дня законопроект о самоидентификации России стоит в повестке дня. В данном случае эта проблематика выходит на уровень федерального закона.

Итак, я предлагаю действительно организовать сначала первый "круглый стол", а там посмотрим, каким образом нам дальше двигать это дело.

А.А. Коробейников. Сергей Вадимович, Вы что-то в ответ еще хотите сказать, пожалуйста, и будем завершать.

С.В. Кортупов. Я удовлетворен состоявшейся дискуссией. Хотя она и была короткой, видно, что у каждого есть что сказать по этому поводу. Поэтому я бы поддержал предложение И.Э. Круговых о том, чтобы в ближайшее время, по возможности до конца этого года, если получится, организовать специальный "круглый стол" на эту тему с приглашением видных юристов-международников, специалистов в области гражданского права, государствоведов, историков. Я думаю, что такой "круглый стол" мог бы пройти и под эгидой нашего Экспертного совета.

Обсуждение темы было продолжено на заседании "круглого стола" "Об историко-правовых аспектах российской идентичности", состоявшегося в Совете Федерации 20 декабря 2002 года.

А.А. Коробейников. Я хотел бы сказать несколько слов, прежде чем предоставить слово Сергею Вадимовичу КОРТУНОВУ.

В оценке, заявленной для обсуждения темы, даже среди членов нашего Экспертного совета на стадии подготовки затеянного нами "круглого стола" есть крайние точки зрения: от бредовости до архиважности. Я тоже выскажу мысли небесспорные. Неудивительно, ведь все мы находимся в поиске дороги в будущее.

На мой взгляд, мы начинаем сегодня сложный и щепетильный разговор. Может быть, даже время не созрело для разговора о новой историко-правовой идентичности России и об адекватном ей самоощущении россиян. И все же чем быстрее будет достигнута такая определенность на общегосударственном, общенациональном уровнях, тем быстрее наша страна и каждый ее гражданин обретут уверенность, силу и гражданский авторитет.

Разговор, по-видимому, можно было бы вести и об особости государственного российского пути развития, и о быстром вписывании России в глобализационные процессы. Что важнее, первое или второе? Мне кажется, важно и то и другое.

Справедливо отдавая приоритет открытости России, мы не ведем речи о конце национальной или тем более государственной идентичности. Масштабы нашей страны по сравнению с масштабами большинства государств мира таковы, что заставляют здравомыслящих политиков все больше склоняться к укреплению российской государственности. Конечно, при этом следует иметь в виду, что излишнее вмешательство государства в экономику или отчуждение национальной экономики от мировой — это тупиковая дорога, путь к отсталости. В то же время я

считаю, что государственная политика, направленная на защиту и сохранение географической, экономической, этнической, правовой и иной идентичности, является важным направлением в программе национальной безопасности любого государства.

Еще одно трудно признаваемое всеми соображение. Чтобы быть сильным государством, России надо признать не только историческую преемственность, но и состоятельность каждого из этапов многовекового пути развития страны. Большинство развитых стран не выбросило ни единого кирпича из здания своей истории. В них число посетителей музеев приближается к численности населения, а мы то разрушаем, то вновь создаем храмы, воспитывая скептиков, а то и предателей Родины. По опросам социологов, четвертой части нашей молодежи нечем гордиться в своей стране, половина подростков хотели бы родиться вне России.

Говоря об историко-правовых аспектах российской идентичности, нельзя не сказать и о разбросанном, эклектичном состоянии современной исторической науки, о недостаточном интересе всех институтов общества к подлинной российской истории. Поскольку скороспелые партии, являющиеся, по сути дела, партийно-коммерческими предприятиями по завоеванию власти, по большому счету также не интересуются отечественной историей, мы вынуждены находить людей среди духовной и интеллектуальной элиты, которым было бы под силу научно доказать необходимость историко-правовой преемственности, а также важность признания соответствующими своему времени законов всех периодов в истории нашей страны, показать целесообразность восстановления исторической справедливости в отношении людей, служивших согласно законам своего времени.

Мы не спешим с выработкой конкретных рекомендаций по заявленной теме, слишком она сложна. Но консенсусное нахождение какого-то идеологического меморандума все-таки предполагается, может быть, в бли-

жайшей перспективе. Если бы мы сегодня хотя бы обозначили его формат, было бы уже неплохо.

В решении любых задач нужно согласие. К сожалению, мы часто плохо слышим друг друга, не в меру озлобляемся, не стремимся к ладу. Решения такой задачи, за которую мы беремся сегодня, без толерантного, взаимоуважительного диалога не удастся добиться, поэтому я и призываю всех — и докладчиков, и участников дискуссии — к принципиальному, но добропорядочному диалогу.

Итак, со вступительным словом выступает Сергей Вадимович Кортунюв.

С.В. Кортунюв. Для тех, кто готовил этот "круглый стол", он не просто и не только важное событие, но и завершение определенного этапа работы. Работы, которая продолжалась в течение почти всего этого года, а для многих — и в течение ряда последних лет. О годе я говорю лишь потому, что примерно год назад возникла идея создания нашего Экспертного совета и с самого начала его деятельности было ясно, что обсуждаемая сегодня тема — национальная идентичность России — станет одной из центральных, если не самой главной темой.

Вместе с тем с самого начала было ясно и то, что это одна из самых сложных тем, одна из самых сложных проблем, ибо национального консенсуса в ее решении как не было, так и нет. Об этом уже говорил наш уважаемый председатель Анатолий Антонович Коробейников.

Что такое Россия как государство? Каково ее реальное положение в мире? Кто ее союзники и соперники? Чем определяются ее границы? Как соотносит себя нынешняя страна с советским этапом национальной истории? Какова стратегия России в XXI веке? Ни по одному из этих важнейших вопросов, как известно, ни у власти, ни у общества ясных и единых позиций нет.

Основные дискуссии и политическая борьба в России в последние годы шли вокруг экономических и государственных вопросов: как должны быть устроены экономика и государство. И надо сказать, что по этим вопросам

сложился если не национальный консенсус, то довольно широкое общественное согласие. Речь идет о признании таких приоритетов, как рыночная экономика, необходимость различных форм собственности, включая частную, развитие демократических институтов открытого гражданского общества, правового государства, представительной демократии.

Смысл нашей работы, как мне представляется, состоит именно в том, чтобы сформировать такое же согласие и по важнейшим концептуальным вопросам национальной идентичности и стратегического развития страны. Те интенсивные многочасовые дискуссии, которые мы провели в этом году, еще раз убедили нас в том, что национальная идентичность России теснейшим образом связана с ее государственностью, а также с вопросами правопреемства. Хотя, безусловно, национальная идентичность не исчерпывается вопросами государственности и правопреемства. А это значит, что мы в первую очередь должны дать ответ на фундаментальный вопрос: какое государство мы строим? В прошлый раз я уже говорил, что есть три варианта ответа на этот вопрос, но я специально повторяю это для тех, кто сегодня с нами впервые.

Первый вариант. Мы строим новое государство с 1991 года, то есть с "чистого листа", так же, как большевики строили с "чистого листа" советское государство с 1917 года.

Второй вариант. Мы продолжатели и правопреемники Советского Союза.

Третий вариант. Мы объявляем новую Россию наследницей и правопреемницей дореволюционной России. То есть, по существу, объявляем наши права на тысячелетнее наследие России.

Это фундаментальный вопрос, от решения которого зависит решение всех остальных вопросов. И здесь, конечно, каждый вправе сделать свой личный выбор.

Мне лично, как и многим моим коллегам, неинтересно жить в уменьшенном Советском Союзе или же в новом,

никому не ведомом государстве, за плечами которого не 11 веков государственности, а всего лишь 11 лет. Гораздо достойнее, это моя личная точка зрения, считать себя наследниками тысячелетней России. Однако должно быть ясно, что этот путь формирования государственности, национальной идентичности чрезвычайно сложен и на нем нас подстерегают некоторые сложнейшие вопросы, требующие своего решения.

Первый из них — это правопреемство, юридическое правопреемство: на какой правовой основе мы строим государство? Второй вопрос — отношение к советскому периоду истории. Третий вопрос — имущественные отношения, права собственности, реституция. Четвертый вопрос — исторические идеалы, государственная символика и топонимика. И наконец, пятый вопрос — границы исторической России.

Каждый из этих вопросов чрезвычайно болезненный, я бы даже сказал, взрывоопасный. Однако мы не первые, кто предпринял бы попытку их решить. Этим путем пошли все посткоммунистические страны, включая страны Балтии. И в целом их решили — с известными издержками.

Наше положение гораздо сложнее. Любой неверный шаг грозит взорвать ту хрупкую стабильность, которая сложилась в российском обществе. Этого допустить мы не можем, не имеем права. Но на то и существуют экспертные советы и "круглые столы", чтобы разбираться в самых сложных проблемах развития России. Я уверен, что с учетом высокого уровня присутствующих здесь экспертов нам удастся это сделать. Пусть не сегодня, но по крайней мере в обозримом будущем. И в этом, как я надеюсь, составе, который будет расширяться.

В.Л. Махнач. Тема, предложенная мне, звучала несколько иначе, но я хочу заметить, что в принципе для меня нет затруднения в том, чтобы перейти к аспекту, заявленному сейчас передо мной: "Этнические и территориальные аспекты формирования российской государственности". В предложенной мне первоначально теме звучал

вопрос о самоидентичности. Я противоречия не вижу, потому что когда мы говорим о самоидентичности, то это отношение гражданина к государству, а когда мы говорим о государственности, то это отношение государства к гражданину. Но в принципе отношения эти двусторонние, поэтому проблемы здесь большой не будет.

Надо сказать, что ведущий, или государствообразующий, этнос в истории отечественной государственности менялся. Можно совершенно по-разному относиться к теории этногенеза покойного и, несомненно, великого нашего современника Льва Николаевича Гумилева, злоупотреблять термином "пассионарность", как делают не только журналисты, но, к сожалению, и политики, критиковать концепцию пассионарности. Но одно сейчас уже является аспектом начального образования — то, что не только разработано Гумилевым, но формулировалось и до него: этносы смертны. Этнос — народ, этническое единство — живет в истории некоторую продолжительность времени и потом исчезает, став этническим материалом для формирования нового этноса, или превращается в реликт.

Поэтому следует иметь в виду, что формировали российскую государственность, государственность Руси, собственно славяне и русы. Русские же — этнос, к которому принадлежит большинство сидящих в зале, — начинают свою историю в XIII веке. Поэтому здесь есть бесспорное правопреемство — довольно интересное, но важно, что оно есть.

Как считал Гумилев и все гуманитарии, этнологи, в том числе и зарубежные, культурологи, историки, естественно, славяне до XIII века нашей эры представляли собой единый народ, а не языковую группу, как сейчас. Это доказано.

Достаточно сравнить, как повествуют отечественные авторы, скажем, о нашествии в XI веке польского короля Болеслава Хороброго на Киев и как они повествуют о появлении поляков в Смутное время, в начале XVII века. Болеслав — это свой человек, славянин, — польский или

черниговский, принципиального различия автор-летописец не видит. В то время как в начале XVII века лях — это иноплеменный, иноязычный, злодей, захватчик, оккупант, то есть с ним надлежит бороться как с оккупантом, а не разрешать мелкие дрязги с ляхским соседом, как это было во времена Болеслава.

Так вот, в ранний период славяне — это еще единый народ, которому это не помешало уже в преклонные годы его этнического существования сформировать целый ряд государств и на Балканах (первое Болгарское царство), и в Средней или Центральной Европе (Моравия, Чехия, Велика Польша, Мала Польша, Мазовия), и, естественно, на нашей территории, о которой, собственно, и идет речь.

В данном случае, заметьте, не стоит вопрос о правопреемстве по отношению ко всем славянам, потому что было бы совершенно бессмысленно повторять ошибки панславистов XIX века, претендуя на роль объединителей великой славянской державы, включая в нее Чехию, Словакию, Сербию. Тем не менее Русь — одна из стран, которая сложилась в те времена стараниями славян, сложилась на протяжении первого тысячелетия христианской эры. И вместе с тем это тот плацдарм, на котором формировалась будущая русская государственность.

Здесь я хочу оговориться. Дело в том, что лет шесть-семь назад я не подозревал, до какой степени наша политическая мысль путает понятия "страна" и "государство". Я прожил довольно долгую жизнь, подозревая, что все знают, что это совершенно разные понятия. В конце концов, мне пришлось начать читать студентам специальный кусочек лекции, который разъясняет, четко разводит эти понятия. Заметьте, и в других, по крайней мере европейских, языках эти понятия разные по корню и по этимологии. В английском языке эти слова совершенно разного происхождения, звучания, значения, причем родственного нашему. "Государство" восходит в общегерманскому корню — город, штат. И у нас — государство, государь. Корень здесь — этимологический предшествен-

ник понятия "государь", то есть субъекта, пребывающего в столице. Это городское начало. В то время как "страна" находится в стороне от столицы, это "родимая сторонка". И "кантри": другое значение в английском — это "деревня". Таким образом, это разные понятия.

Заметим, что страна и государство территориально часто не совпадают. Страна может состоять из многих государств. До 1871 года германских государств было много. Государство может состоять из нескольких стран. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии: нравится это англичанам или нет, но название указывает, что государство состоит из одной страны и куса другой страны — Ирландии.

Таким образом, неудивительно, что страна Русь, а затем страна Россия далеко не обязательно, не всегда, не на протяжении всей истории совпадала территориально с государством того же наименования. В XII столетии каждое княжество — это государство, но Русь тем не менее существует не только для русского человека, она существует для византийца, для араба, для западноевропейца. В конце XV века существуют два русских государства и некоторые русские земли, оккупированные третьей стороной. Эти два русских государства — Великое княжество Владимирское и Московское и Великое княжество Литовское и Русское. Причем в них тем не менее не входят Червоная Русь (Галиция) и Подкарпатская Русь — они принадлежат другим субъектам истории и международного права. В XVIII веке страна Россия и государство территориально практически совпадают к концу правления Екатерины II. В начале правления Павла I происходит третий раздел Польши, и в XIX веке Российская империя выходит территориально за пределы страны.

И это надо обязательно помнить при любых политических построениях, что всегда помнили немцы и о чем всегда забывали мы. Но, положим, не всегда. Все-таки этнически австрийцы тоже немцы, но Германия не претендует на Австрию в настоящий момент, и австрийцы не

собираются присоединяться к Германии. Точно так же и швейцарцы, точнее, 40 с лишним процентов граждан Швейцарского Союза — немцы, самый большой этнос (и даже при Гитлере не было претензий на подобный аншлюс). Тем не менее Германская империя (а Германия сложилась в XIX веке) так всегда и мыслилась немцами.

Уместно отметить, что, к сожалению, наши последние режимы, то есть политический режим Горбачева, политический режим Ельцина и современное Правительство, не вели себя так, как вел себя в тяжелейших условиях, неизмеримо более тяжелых, нежели у нас сейчас, поистине великий немец Конрад Вильгельм Аденауэр, который, руководя оккупированной страной, не подписал ни одного договора, ни одной строчки, которая узаконила бы разделение Германии. На фоне этого (мы-то не оккупированы) поведение наших правительств выглядит по меньшей мере жалким (не хочу говорить жестче). И это опасно в смысле правопреемства.

Видите ли, и историческая Россия бывала оккупирована, и все государства на планете бывали когда-нибудь оккупированы. И историческая Россия терпела поражения. Одно из ужасающих поражений потерпела она в 50-е годы XIX века в Крымской войне, которую некоторые мои коллеги считают первой мировой войной. Определенные основания для этого есть. В тот момент у Российской империи не было союзников. Азиаты участвовали в этой войне в составе не только турецких, но и английских войск, африканцы в составе французских войск. Так вот, мы потерпели поражение, и блестящий дипломат и контрразведчик (он еще часть биографии был жандармом, шефом корпуса) граф Орлов в Париже, заключая мирный договор, говорил твердо и вальяжно, как и подобает русскому вельможе: "Да, господа, мы потерпели поражение, и мы уходим с Балкан. Но вы не беспокойтесь, мы вернемся". И прошло всего лишь 13 лет, Франция потерпела поражение, мы вернулись на Балканы, мы вернулись на Черное море, мы начали восстанавливать Черноморский флот. И никто,

даже традиционные русофобы англичане, не посмел принципиально возражать, в том числе и потому, что такова была позиция графа Орлова. Или, скажем, никто не возражал против воссоединения немцев при Горбачеве, потому что такова была позиция покойного Аденауэра.

Однако вернемся к формированию этнической государственности. Славяне и русы — это, несомненно, два разных этноса. Кто такие русы? По этому вопросу до сих пор существуют значительные разногласия. Норманнская гипотеза большой популярности и на Западе теперь не имеет, русов шведами уже в основном не считают. У нас сторонников норманнской гипотезы просто нет. Кто они, русы? Действительно, существуют разногласия. Одни считают, что это германцы, но германцы южные, застрявшие в Причерноморье. Другие, как, например, историк Аполлон Григорьевич Кузьмин и ваш покорный слуга, полагают, что, вероятно, это иллиро-фракийцы.

Иллирия — это Югославия, то есть довольно близкая славянам родня, но не славяне, что доказывает сочинение императора Константина "Об управлении империей". Названия днепровских порогов приведены императором по-славянски и по-русски. Ясно, что они из разных языков. Так вот, русы скорее всего были первыми основателями государственности. Но у нас нет письменных источников. Есть смутные сведения, в частности польского хрониста XV века Стрыйковского, о том, что Киев основан в V веке. Но, если вы помните, всеобщую улыбку вызывало, когда ЦК Компартии Украины отпраздновал полторы тысячи лет Киеву. Все посмеивались. Они основывались на Стрыйковском, но у него даты, конечно, нет. Дату придумали в киевском ЦК. В принципе это нельзя доказать и нельзя опровергнуть. Стрыйковский мог располагать 500 лет тому назад летописями, которые до нас не дошли. Видимо, эта первоначальная государственность была не славянской, а русской. В Средней Европе и в Центральной Европе русы тоже жили, их там именовали "руги". Первый варяжский князь, взявший Киев в 476 году, звался Одоакр

и был руг. Видимо, этнически руги, русы были старше славян. И в XI веке упоминания о них исчезают везде, из всех анналов. То есть они были полностью ассимилированы. У нас здесь, в русской земле, ассимилированы славянами — более многочисленным народом.

Однако, заметьте, нас интересуют правовые аспекты. И первый наш отечественный памятник права — "Русская правда" Ярослава Мудрого — в преамбуле оговаривает равноправие двух народов: "аще ты славянин или русин". Чего только не делали с этим отечественные юристы, поясняя, что славянин — это житель Новгорода, а русин почему-то житель Киева. Я не буду полемизировать с несолидными утверждениями. Итак, два этноса — славяне и русы — формируют Русь. Затем возникает общий термин "русич". Что он означает этимологически? Потомок русов — Русич, Иванович, Лукич... Русич — сын русов. И вот в этом состоянии государственность "переезжает" в раздробленные XIII, XIV века. Русичи начинают становиться русскими. А так как рождается новый этнос, меняется вопрос самоидентификации.

В отличие от славян русские с самого начала государственники и сторонники построения единого государства. Поэтому вопрос о воссоединении земель Великого княжества Владимирского и Великого княжества Литовского — это вопрос воссоединения Руси. Не было русских людей даже в далекой Подкарпатской Руси, которые полагали бы себя кем-нибудь иным. Хотя подкарпатские русины и сейчас именуют себя русинами, но делятся на две категории: те, кто считает, что они русины, что значит русские, и те, кто считает, что они русины, и это значит, что они только русины. Нет ни одного человека в Ужгородской области, который искренне считал бы себя украинцем (просто нет вообще), хотя в паспорте у него написано "украинец".

Поэтому злокозненная наша историческая наука, где история государственности доминирует над историей народа, весьма прегрешила перед нами, рассматривая русских

только в границах государства. Преступно, что в школе мы все, все до единого, изучали русскую историю (на меня мой друг малоросс смотрит с укором), историю единой Руси до 1240 года, до взятия монголами Киева. И потом западнорусские земли "исчезли" вплоть до появления гетмана Богдана (Зиновия) Хмельницкого.

В XIX веке изучали историю не так, не так до революции и даже во времена Центральной Рады и Винниченко с Петлюрой. И только в советское время вбивали в мозги малороссов, что они отдельный украинский народ. 100 лет назад об этом знали несколько сот полоумных интеллигентов в Галичине во главе с Иваном Франко, да и то они жили тогда на австрийские денежки, которые щедро капали в их карманы. Больше ни один малоросс не знал, что он не русский человек. Нигде.

То есть проблема территориальной идентификации была различной. Русский человек мог быть иногда искренним подданным литовской короны. Кстати, в Великом княжестве Литовском все равно большинство были русские люди. Там династия была литовской, а природные литовцы составляли меньшинство населения. И даже в польском государстве русский мог быть верноподданным, и в австрийской державе он мог быть верноподданным, но самоидентичность всегда была однозначной — русский человек. На протяжении всех 700 лет, начиная с XIII века, когда закончилась история русов и славян и началась история русских.

И мы должны исходить, вообще-то говоря, из этого момента. Мы должны перестать говорить о трех разделах Польши, а, скажем, четко говорить хотя бы о трех разделах польского государства. Россия не приобрела по трем разделам ни одного кусочка, квадратной сажени этнически польских земель — их расхватили тевтоны, австрийцы и пруссаки. Мы же получили русские земли только по третьему разделу, а заодно еще по инерции приобрели и природно литовские. Впрочем, тогда литовцы не возражали.

Это не значит, что литовцы не должны возражать сейчас. У Литвы есть историческая государственность. Исторической государственности нет у Латвии и Эстонии — это орденские земли. Исторических границ у Латвии и Эстонии, как на самом деле у многих государств на территории бывшего Советского Союза, нет. Потому что их никогда и не было. Правопреемство по отношению к периоду между 1920 и 1940 годами, между мировыми войнами, — это, вообще-то говоря, правопреемство по отношению к зоне германской оккупации в 1918 году. Никогда не было ни латвийского, ни эстонского государства, а были орденские земли. Немцы, насколько я понимаю, на них не претендуют. Я не хочу сказать, что они не могут существовать, но у них нет границ.

Я хочу закончить следующим тезисом: мы не должны говорить соседям, боясь, что возмутится мировая общественность (последнее меня интересует очень мало): "У вас нет земли". Нет, у вас есть земля. У вас есть земля, и вы можете на ней жить. У вас нет другого — у вас нет территории, потому что территория эта могла бы быть определена только в Москве между представителями вашей общественности и русским правительством.

Англия не заключала никаких двусторонних отношений с Барбадосом, потому что не было государства Барбадос. Англия Барбадос наделила суверенитетом. И только Россия вправе наделить суверенитетом Латвию, которая никогда не существовала как историческое государство. Это относится к целому ряду государств. Таково же положение, кстати сказать, и на Южном Кавказе. Ну, не присоединялась Грузия добровольно к России, потому что Грузии не существовало, а шесть государств, совершенно независимых друг от друга (два царства и четыре княжества, одно из которых Абхазское), независимо друг от друга присоединились к России.

У нас же есть земля, есть национальная самоидентичность и территории, связанные с этой национальной самоидентичностью. Если исторически так сложится, что

Украина будет и далее существовать как отдельное государство, это опять будет означать, что есть русское государство Российская Федерация и русское государство Украина, ибо нет такой страны — Украина и никогда ее не будет, потому что даже само ее название означает: "окраина Руси".

И.Б. Чубайс. Я первый раз на такой дискуссии в этом уважаемом учреждении. Я вижу, что эта тема очень важная, актуальная, интересная. Это тема, которой я занимаюсь много лет, но еще не почувствовал всей контраверсии: что надо доказывать, а что не надо доказывать, что очевидно, а что не очевидно. Поэтому я попробую коротко сформулировать позицию. Я думал об одной теме выступления, но чувствую, что ее надо "повернуть". Вижу здесь много знакомых лиц, людей, которые меня уже слышали, но вижу и много новых лиц, для которых эти рассуждения могут быть новыми. Мне надо как-то адаптироваться, чтобы это было понятно.

Мы говорим о российской государственности, о том, как она меняется, трансформируется, и на чем сегодня может выстраиваться наша идентичность. Я думаю, что рассуждения на эту тему, анализ этой проблемы должны предполагать формулировку некоторых констант, без которых нельзя будет разобраться в этом вопросе. Я думаю, что надо признать: фактически мы сегодня живем в третьем российском государстве, ибо первым государством была историческая тысячелетняя дооктябрьская Россия, вторым государством был Советский Союз, и сегодня у нас некое третье государство, идентичность которого как раз и не ясна.

Как же определить его идентичность? На чем она основывается? Что это за государство? Я исхожу из того, что в основе государства лежат платоновские рассуждения, которые дошли до наших дней. Платон писал, что в основе всякого объекта лежит его идея, его замысел. И в основе России, как и любого государства, лежит некая идея. Почему существовала тысячелетняя, историческая, доок-

тябрьская Россия (как угодно ее называйте)? Потому, что была русская идея, потому, что была определенная система ценностей, на которой это государство выстраивалось.

Что это за система ценностей, что такое русская идея и что происходило в начале прошлого века, когда Россия перестала существовать и возник Советский Союз? Это был идейный кризис, Россия распалась не только потому, что большевики штурмовали Зимний, и не только потому, что прошла Первая мировая война, столь драматичная и трагичная для нашей страны. Кризис начался раньше. Кризис начался тогда, когда Федор Михайлович Достоевский в своем "Дневнике писателя" впервые ввел понятие "русской идеи". И вслед за ним все крупнейшие русские мыслители заговорили о русской идее. До этого времени никто не говорил о русской идее, ее как бы не замечали. Это так же, как мы не говорим об атмосфере, о кислороде, потому что он есть. Если бы вдруг он исчез, то все бы сказали: а где кислород, что происходит?

Когда с русской идеей возникли проблемы, тогда о ней и заговорили. И проблемы, если очень коротко, заключались в следующем. Русскую идею, это понятие, можно четко и ясно дефинировать. Что это такое? Это три ключевые ценности: это собирание земель, которое переросло в имперскую политику, это православие, это общинный коллективизм. Вот на этих трех началах и выстраивалась Россия. К концу XIX — началу XX века все эти три ценности одновременно оказались в кризисном положении.

Собирание земель себя исчерпало. Россия расширялась от Москвы, от этого места. Наши предки дошли до Аляски, до Калифорнии, до Центральной Азии, до Финляндии. К середине XIX века расширение прекратилось, и западная граница не менялась уже с конца XVIII века. Экспансия себя исчерпала.

Далее. Православие, как и все христианство, к концу XIX века оказалось в кризисном состоянии. Неделю назад я вернулся из Питера, где впервые за 100 лет была

исполнена очень знаковая опера Вагнера "Гибель богов". Впервые она была исполнена в России в 1904 году и больше не исполнялась. Как раз Вагнер и Ницше заявили о том, что боги умирают, исчезают боги, и христианский Бог тоже. И с православием также возникли очень серьезные проблемы.

Значит, не работает экспансия. Не работает, или в новой фазе, в новом состоянии оказывается православие. И общинный коллективизм себя исчерпал. Он существовал просто потому, что, коллективно поддерживая друг друга, легче было выживать и заниматься земледелием в нашем относительно суровом климате (на самом деле не таком и суровом). А к началу XX века оказалось, что появились новая техника, новые агроприемы, новые удобрения и так далее. Уже не нужен был этот коллективизм, можно было перейти на хутора и семейно заниматься сельским хозяйством. Столыпин начинает осуществлять свою, столыпинскую, реформу и расселение из общин на хутора.

Повторяю, все три ключевые ценности, на которых выстраивалась Россия, зашатались. У России было два варианта поведения. Можно было реформировать свою систему ценностей. Россия нуждалась в глубокой реформации. И был другой вариант поведения: можно было подойти революционно, можно было отбросить всю старую систему ценностей. Как писали все советские энциклопедии, Ленин был не только создателем новой партии, нового учения, он был создателем нового государства, а значит, разрушителем старого. То есть можно было идти и так, если рассуждать чисто теоретически. Хотя все мы — россияне, и без эмоций к этому довольно трудно подойти. Практически мы пошли по этому пути — пути отказа от старых ценностей, формирования нового государства.

Хорошо, пошли этим путем, но в результате оказалось, что этот подход не сработал. Потому что Россия существовала тысячу лет, а Советский Союз, который строился не на русской, а на коммунистической идее, на коммунистической идеологии, просуществовал всего 70 лет. И

распался он не в условиях мировой войны, а в условиях всеобщей поддержки М. Горбачева, вручения ему Нобелевской премии и так далее. Под звуки фанфар страна распадается, потому что исчезает коммунистическая идея. Коммунистическая идея пала, она не интегрирует, она не сплачивает, ее не принимают.

Сегодня мы находимся в некоем третьем государстве — новой России, постсоветской России, продолженной тысячелетней России. Какова же может быть ее идентичность? Я полностью согласен с первым выступавшим, Сергеем Кортуновым, который говорит о преемстве, который говорит о том, что было бы крайне глупо отказаться от тысячелетнего наследия. Представьте на секунду, что, допустим, мы все миллионеры (хотя я понимаю, что здесь не миллионеры). Мне сейчас ехать в университет, а я забыл свою кредитную книжку. Я выйду на улицу и буду собирать деньги на паперти: "Подайте мне на дорогу". А чего подайте, если у меня дома лежит кредитная карта на миллион долларов? Так вот, что же мы будем выбрасывать тысячелетний опыт, тысячелетнее наследие, тысячелетние колоссальные достижения России, если они у нас есть? Так поступить может только безумец.

Огромное количество проблем в нашей истории было решено. Можно часами рассказывать, как это было. Например, проблема эмиграции, проблема русских вне России. Эта проблема звучала в беседе Президента с россиянами. Приведу только один факт. Петр I послал в Варшаву комиссара (он так и назывался — "комиссар"), который отстаивал интересы православных в этой стране. То есть, если взять нашу историю, огромное количество проблем, которые сегодня кажутся новыми, решались, и решались очень эффективно. Поэтому и нужно вернуться в тысячелетнюю Россию, но вернуться не в XIX век, это было бы нелепо, а продолжить российскую тысячелетнюю логику и вписать ее в сегодняшний день. На мой взгляд, в этом и заключается проблема.

Если говорить с точки зрения теории ценностей. Россия проводила экспансию. Экспансия себя исчерпала. А как продолжить российскую логику? Вообще, вслед за количественным ростом обычно наступает стадия качественного роста. Экспансия себя исчерпала, и сегодня совершенно не нужно орать, что мы будем "мыть сапоги в Индийском океане". Сегодня нужно перейти от экспансии к обустройству, нужно качественно расти. Не нужно захватывать новые земли. К несчастью, мы уже потеряли Советский Союз и те республики, которые из него выпали. Это не единая Германия, это другая ситуация. Если поставить цель вернуть эти республики, то можно просто надорваться. Сегодня сохранить бы то, что есть.

Могу сослаться на встречу, на которой я был неделю назад и где собралось много депутатов. Они один за другим говорили, что Россия идет к распаду. Я с ними не согласен. Сейчас ли говорить о том, что нужно вернуть Таджикистан, Узбекистан? Да нет, нужно сплотить то, что есть. Нужно обустроить, качественно развивать то, что сегодня существует. Это и есть продолжение русской идеи. То есть нужно продолжить тысячелетний российский опыт, нужно вписать русскую идею в современность и на этой основе выстраивать свою идентичность. И отстаивать, и вспоминать, и восстанавливать свою идентичность.

Может быть, очень коротко я сказал бы еще вот о чем. Сформулируем такую цель: преемство, восстановление своих ценностей, в некотором смысле возврат в прошлое, но на самом деле вписывание прошлого в сегодняшний день. А как вокруг-то все происходит? Мы же живем на Земном шаре. Идет какой-то социальный мировой процесс. Как это соотносится с тем, что происходит в мире? Я бы ответил очень коротко: на мой взгляд, процесс преемства неизбежно должен произойти в рамках мирового цивилизационного процесса.

В каком смысле и почему? На протяжении почти двух тысяч лет вся западная цивилизация, западная культура выстраивались на религиозно-христианской идее. То есть

в основе всего была идея Бога. Бог был мерой всех вещей. Все вытекало из Бога. Власть — от Бога, потому что император помазанник Божий. Почему ему нужно поклоняться? Да неважно, кто его выбирал. Никто не выбирал, никаких пиаров: он — помазанник Божий. Почему тогда мораль работала? Потому, что были 10 заповедей, была Библия. Почему право работало? Да то же самое — 10 заповедей: не убий, не укради, клятва на Библии в суде и так далее. Первые представители права — это понтифики, это религиозные лидеры. Все выстраивалось на идее Бога. Падение идеи Бога привело к развалу.

Начало XX века — уходит Бог. Что тогда? Тогда появляется новая ключевая идея — идея человека-бога, идея вождя: я бог, я начальник, я фюрер, я вождь. Вся Европа покрывается красно-коричневыми пятнами. Это явления одного и того же типа. Строго говоря, между Салазаром и Сталиным особой разницы нет, это люди одного замеса. Они знают как. На смену религиозной идее приходит тоталитарная идея. Тоталитарная идея падает довольно быстро, не работает. Мы сегодня достаточно хорошо понимаем, что это такое.

Что дальше? Если люди разочарованы в Боге, разочарованы в лидере, тогда они говорят: я сам буду решать, никто за меня не решает, я свободен, я решаю сам. Вместо религиозной, вместо тоталитарной идеи приходит либеральная идея. Однако абсолютный либерализм, абсолютная свобода (сегодня, по-моему, это почти все чувствуют) очень противоречивы, у них очень много минусов. На первый взгляд, казалось бы, так здорово — свобода! Она замечательна, когда нужно разрушать тоталитарную систему, а дальше она малоэффективна, потому что человек, который абсолютно свободен, в некотором смысле подобен дикарю. Почему? 50 тысяч лет существует человечество, оно сформировало правила, нормы, традиции, а я свободен, я все это отрицаю, я сам. Так, значит, я дикарь, потому что я отбросил все то, что нарабатывалось историей. Если я абсолютно свободен, то я в известном смысле такой же

диктатор, как тоталитарный вождь, потому что я делаю то, что я хочу. Я хочу определять пол своего будущего ребенка. Я хочу генетические копии создавать. Я влезаю в такую сферу, в которую не имею права лезть. Я не знаю, что будет дальше, но я хочу, я свободен, я влезаю. То есть абсолютный либерализм тоже несостоятелен. Абсолютный либерализм ведет к разрушению морали, ведет к разрушению закона. Мы видим, что у нас богом является доллар, деньги. У нас все можно купить. И в ситуации, когда можно купить женщину, когда можно купить диплом, когда можно купить должность, свободу и так далее, — это уже не женщина, не должность, не диплом. Это уже и не деньги.

Поэтому следует восстановить какие-то нормальные правила (а мы не можем существовать вне правил). Есть единственный способ восстановления правил — это восстановление Бога, это восстановление высшей ценности, из которой все и выстраивается. Не случайно христианская цивилизация существовала две тысячи лет, тоталитарная — 20 лет, а либеральная существует 30—40 лет и уже в очень сложном положении. Причем Бог в условиях глобализации, в условиях связи всех стран и всех народов должен быть единый, универсальный. И сейчас есть исследователи, есть такой подход: они нашли религиозные тексты, которые были написаны четыре тысячи лет назад, когда еще не было ни христианства, ни иудаизма, ни ислама, а был единый Бог. Это уже не язычество, но тогда еще не было и мировых религий. Одно из предложений: на базе этих идей и выстроить единого Бога. То есть мы вернемся к тому, что было, но на новом уровне. При такой стратегии возвращение к российской тысячелетней идентичности — это не движение против истории, это движение к подлинным ценностям, которые помогут сохранить человечество, себя и страну.

В.А. Кикоть. Я начну с того, что тоже пожалуйюсь на неисчерпаемость темы и сжатое время. Но все-таки не могу не отметить, что я не соглашусь ни с преувеличением

значения древности как чего-то определяющего нашу современную жизнь, ни с некоторыми другими вещами, которые мне кажутся сомнительными. Я думаю, что дальнейшее развитие — социально-экономическое, политическое и правовое развитие России — нуждается прежде всего в двух вещах. Текущую жизнь нужно согласовать с какой-то серьезной концепцией стратегического характера. Мы все тонем, и все наши власти, по-моему, тонут в текущих проблемах, которые надо немедленно решать. А что касается стратегического, общего направления, то оно в высшей степени туманно. И то, что делается, часто противоречиво, противоречит какой-то рациональной стратегической идее.

Становление современного общественного и государственного строя в России имеет по крайней мере три главные стороны.

Во-первых, это критическая, объективная оценка всего исторического опыта и умелый отбор оттуда всего ценного, что действительно было на протяжении многих веков, но сосуществовало с такими вещами, которые не стоит воссоставлять. Или стоит использовать идеи, но существенно переработанные, в новом виде.

Во-вторых, поскольку мы хотим построить современную систему, поскольку претензия осовременить наш общественный государственный строй является в какой-то степени новой, то нужно вписаться, как уже правильно говорилось, в современную цивилизацию, то есть нужно посмотреть и на полезные стороны опыта других стран и других народов. Полезные элементы можно найти и на Западе, и на Востоке.

И в-третьих, делая и то и другое, нужно непременно сохранить критический и объективный подход. Нам иногда это не удается. У нас иногда, довольно часто (может быть, в последнее время это стало реже) стали выдвигаться какие-то якобы бесспорные ценности, которые, Боже сохрани, нельзя очернять. И при этом нет сознания, что ничего нельзя очернять, все нужно оценивать объективно

и всесторонне. И одновременно надо осознавать, что ничего нельзя обелять. Все ценное, что мы хотим даже защитить, надо оценивать всесторонне: освобождать от пороков, которые иногда бывали (и иногда очень значительные), но зато не потерять ничего ценного.

С этой точки зрения, думаю, можно было бы не слишком широко ставить этот вопрос, а сузить его до одной проблемы. Мне кажется, что очень важно освободить Россию от некоей закономерности, некоей трехстадийной цикличности, которая неоднократно уже повторялась в истории последних нескольких веков: кризис, угроза распада, потом попытки реформ. Что-то удается улучшить, но реформы половинчатые, непоследовательные, идут не до конца, их не дают довести до конца. Потом начинаются контрреформы, борьба за сохранение каких-то реакционных, вредных черт прошлого. Это приводит к очередному кризису, и опять все сначала: кризис, попытки реформ, контрреформы.

Достаточно вспомнить историю середины XIX века с великими реформами и контрреформами. То же самое происходило в советское время, то же самое происходит и теперь. Известно, что в советское время наиболее быстрое социально-экономическое развитие происходило при НЭПе, статистика это доказывает бесспорно. Но для тех политических сил это было очень неудобно, нужно было все "огосударственнить", нужно было установить тоталитаризм, поэтому сложились неблагоприятные условия, и новый кризис стал неизбежен, что привело к распаду Советского Союза. Можно приводить различные конкретные примеры, но я не буду этого делать.

Задача состоит в том, чтобы эту преемственность прервать. Страна сейчас находится, вероятно, на этапе превращения, перехода от каких-то попыток каких-то реформ (или они уже, может быть, закончились) к периоду контрреформ. Здесь трудная задача. Нужно избежать продолжения этого цикла. Если частично распалась царская империя и Финляндия, Польша, еще некоторые государства

отделились, то потом Советской России удалось это завоевать, сохранить и назвать Советским Союзом. Советский Союз возник в результате гражданской войны и завоевания, насильственного навязывания диктатуры коммунистической партии всем остальным территориям под названием "советская власть".

Теперь раздаются голоса о том, что нынешний кризис России может привести к тем же вещам — дальнейшему распаду и дальнейшей разрухе, различным неприятностям, которые распад может повлечь за собой. В крайнем случае к возникновению нового тоталитаризма, который тоже будет лишь временным решением только некоторых задач, а потом кризис еще более обострится.

С этой точки зрения мне кажется очень важным подчеркнуть одну вещь. Вряд ли правильно полностью игнорировать разумные идеи, которые высказывались марксистами. Карл Маркс когда-то писал о том, что, когда религиозное мировоззрение стало слабеть, ему на смену пришло юридическое мировоззрение. Игнорировать это, наверное, неправильно, тем более что это имеет не только теоретическое, историческое значение. Это имеет практическое значение. Когда наши государственные деятели встречаются с деятелями Запада или наши ученые начинают дискутировать какие-то вопросы с западными коллегами, мы сталкиваемся с одной и той же проблемой: они все политические, экономические и прочие проблемы общественной жизни рассматривают с юридической точки зрения: что праву соответствует, то имеет право на существование, что не соответствует — нет.

Я не идеализирую ситуацию, я понимаю, что иногда это нарушается, но господствует этот тон. А у нас даже в парламенте, когда любые депутаты доказывают необходимость издать какой-то закон, о чем они говорят? С экономической, политической, социальной точки зрения это нечто важное, не спорю. А дальше что? Ни единого юридического аргумента. Можно под этими предлогами, объективно существующими, опровергать действующую

Конституцию, можно действовать вопреки международному праву, хотя мы признали его обязательным для себя.

Это совсем не означает отвержение идеи Бога. Нельзя сказать, что в Соединенных Штатах, в Англии или Германии идея Бога забыта и игнорируется. Напротив, я думаю, что современная католическая теория права может служить примером того, как учитывается, как сохраняется все исторически ценное и как учитываются современные обстоятельства, современные потребности, современные факторы.

С этой точки зрения мне кажется важным вот что. Конституция 1993 года (а там есть о чем поспорить, что уточнить) в основном содержит перечень тех основных требований, которые надо было бы провести в жизнь. Вместо того чтобы заняться этим (если надо, можно и поправки вносить, это тоже предусмотрено), вместо того, чтобы проводить это в жизнь, мы практически очень часто действуем в полном противоречии с Конституцией. Изданные в последние годы законы, касающиеся режима политических партий, прямо опровергают право граждан на политическое объединение. Избирательные законы ограничивают избирательные права граждан. И этот перечень можно продолжать почти по всем остальным институтам. Свобода печати притеснена очень существенно, свобода выражения мнения — то же самое. И вообще соотношение между государством и человеком представляется не в том духе, не в том тоне, который вытекает из международного права, из практики цивилизованного мира, с которыми надо считаться, которые ставят человека во главе, а государство — в качестве слуги.

Статья 2 действующей Конституции об этом и говорит: человек, его права и свободы — это единственная высшая ценность, а государство имеет только обязанность эти права соблюдать, осуществлять и так далее. У нас же господствует другая точка зрения, традиционная. Это одна из особенностей этой самой русской идеи. Скажем, если государство на Западе происходит от римского слова "ста-

тус", то есть "юридическое положение", то у нас, у славян, государство — от слова "государь". Тут в подкорке сознания сидит господство государства над человеком и над статусом, то есть юридическим положением, зафиксированным в праве для каждого субъекта.

И вот здесь, на мой взгляд, может быть, и кроется какой-то очень существенный элемент решения обсуждаемой проблемы. Что нужно сделать для того, чтобы стратегическая линия была выстроена? Речь идет о стратегическом содержании, и прежде всего правовом содержании русской идеи правопреемственности, соответствующем не только историческим достижениям, но и современному идеалу, к которому нужно стремиться.

Президент Путин прав, когда он говорит о том, что Конституцию надо соблюдать, но вряд ли он прав, когда подписывает законы, которые Конституции прямо противоречат. Как большевики в свое время отвергли идею разделения властей, без чего современное государство невозможно, так и мы теперь парламент подчиняем исполнительной власти. Суды от нее уже давно перестали быть независимыми. То есть вместо разделения властей постепенно продвигается вперед средневековое единовластие, начинается контрреформа. Можно привести очень много примеров такого рода контрреформ, но не буду об этом говорить.

Демократии реально противостоит бюрократия. Поэтому конституционным правам человека противостоит право чиновника запрещать осуществление этих прав. Причем не в тех случаях, для которых Конституция предусматривает такую возможность: только на основании федерального закона, только в той мере, которая необходима для осуществления конституционных же целей. А мы переходим к бюрократическому произволу. Может быть, причина всех этих явлений кроется в пренебрежении принципом господства права. Англосаксонский принцип господства права несколько отличается от идеи правового

государства. Не только государство должно быть правовым, но и все общество.

И по этой причине у нас просто исчезают из поля зрения некоторые вопросы. Скажем, граждане имеют право избирать депутатов, избирать Президента, выбирать между религиями или религией и атеизмом, но выбор всегда предполагает полную информированность. Иначе выбор невозможен. Но мы же затыкаем рот одной из сторон во многих спорах или по крайней мере ограничиваем возможность выбора, включаем так называемый административный ресурс и никакого противоречия действующей Конституции в этом вроде бы не видим. Некоторые институты у нас существуют в старинном, несовременном виде.

Один из таких институтов, о важности которого была речь, — это институт права собственности. Наше либеральное толкование права собственности не только разрушительно, оно несовременно. Наше либеральное толкование права собственности не ограничено социальными и общественными интересами. Собственность как право собственности, которое состоит в абсолютной власти собственника над его имуществом и не является социальной функцией. На Западе же она служит личному интересу и общественному. Это давным-давно сложившаяся теория. Ей уже по крайней мере добрых полторы сотни лет. И это практика, современная практика. Мир особенно быстро развился в этом отношении в XX веке, за то время, которое мы провели за "железным занавесом". И то, что там происходило, у нас малоизвестно, малоизучено. А в народном сознании сохранилось какие-то старинные представления о неограниченном праве собственности, и именно оно очень часто господствует в сознании наших олигархов.

Такие представления иногда используются как орудие государственной политики. Современное же право собственности ограничено социальной функцией. То есть там и налоги, и трудовое право, которое не дает возможности

произвола нанимателю над нанимающимся работником. В чем еще решение многих других социальных задач? Оно ведь выражается не только в ограничениях самого права собственности, специальных ограничениях. Оно выражается еще и в другом. На Западе о каждом виде деятельности, скажем, о журналистике, о разведении пчел или овец существуют отдельные законы, очень подробно регулирующие производственный процесс и обязанности любого собственника. Этим собственником может быть государство, им может быть частное лицо, может быть коллектив — кооператив, какое-то объединение. Существуют одинаковые правила для всех. А мы все сводим к спору "хозяйствующих субъектов". Хозяйствующие субъекты вроде суверенны — что хотят, то и делают.

Мы все время подчеркиваем значение государственных интересов, совершенно забывая (хотя об этом сегодня уже частично шла речь) о том, что государство и общество, государство и народ, государство и нация — это не синонимы. Государственный интерес — не значит общественный интерес. И поэтому возникает общая проблема: а могут ли быть у государства, имеет ли право государство иметь какие-то свои интересы, которые не являются непосредственно общественными? Государство — господин над обществом или его слуга? Конечно, бывают чрезвычайные ситуации, когда права того или иного государственного органа надо расширить. Но это временная и не принципиальная вещь. А вопрос надо решить в принципе.

В этом смысле очень интересно то, что, скажем, Октябрьская революция выкинула все прежнее право и ввела вещи, которые ну ни в какие ворота не лезут. Наркомат юстиции издает, естественно, не закон, а руководящее начало по уголовному праву. Но при этом руководство ЧК объясняет, что нам никакого правосудия не нужно, мы просто истребляем враждебный класс. Потом началось повышение роли законодательства. Ленин сказал, что нужно вообще всю нашу точку зрения на капитализм

изменить, начал настойчиво подчеркивать достоинства социализированного капитализма, западных элементов социализма. Потом восстановили тот же самый тоталитарный режим, только притворно придали ему некоторые вроде бы законные формы.

В этом смысле зарубежный опыт очень важен. Но не только опыт зарубежных стран, которые развиваются, а опыт цивилизованных правовых государств. Посмотрите на недавно возникшие новые демократические, постсоциалистические государства. Как они относятся к своей преемственности?

Вот вам пример: польская конституция. Нынешняя республика третья. Третья Речь Посполитая. Она продолжает развивать ценные традиции первой республики, которая была до конца XVIII века, и второй республики, которая была между двумя мировыми войнами. А вот промежуток — социалистическая Польша — это вообще никакая не Польская республика, потому что теперь третья. Полное отрицание всего, что было в то время. Что не вполне справедливо, кстати сказать, потому что они могли бы поставить себе в заслугу то, что в то время не поддались давлению с нашей стороны и не провели коллективизацию крестьянства, сохранили единоличное крестьянство. Они не поддались нашему давлению и не ликвидировали, не подавили католическую церковь и не истребили ее духовенство — оно в Польше было очень популярно. Сохранили мелкий и средний бизнес еще при социализме, и это облегчило переход к современному строю.

Посмотрите, что сделали болгары, наши ближайшие друзья и к тому же православные. В прошедшем году издан закон, в котором весь коммунистический режим объявлен преступным. Все, кто против него боролся, — это национальные герои, а кто его поддерживал — это слуги иностранного государства, которое объявило Болгарии войну. Хотя Болгария не воевала против Советского Союза, но иностранное государство, вы понимаете какое, объявило войну Болгарии, и в результате была уничтожена лучшая

конституция континентальной Европы — болгарская конституция 1876 года, Тырновская конституция.

Опыт некоторых других стран. Скажем, прибалты просто вернули бывшим раскулаченным крестьянам их имущество. А мы в печати встречаем иногда сообщения, что вот, мол, возвращается наследник, внук какого-нибудь раскулаченного, бывшего кулака, дом, который был построен, цел, там находится правление колхоза или сельсовет, и этому законному наследнику его не отдают, не возвращают, и все.

С этой точки зрения интересен опыт Германского конституционного суда. Когда Германия объединилась, то в Германском конституционном суде появилось огромное количество заявлений от экспроприированных при социализме собственников. Они все требовали возвращения им имущества, которое забрали незаконно. Но решение конституционного суда было довольно мудрое. Конституционный суд решил: Германия потерпела поражение, оккупирующие государства взяли на себя всю полноту власти. Если они своей властью передали кому-то право собственности, то отнимать нельзя. Но изъятие права собственности законной властью, допускаемое демократическими конституциями, в том числе германской, в общественных интересах, сопряжено неразрывно с компенсацией, и вот это право те собственники сохраняют. Оно, конечно, может быть не обязательно полным, не обязательно должно быть предварительно (теперь все это изменилось), оно может быть в рассрочку — это во множестве стран в законах и даже в конституциях пишется. Тем не менее такое решение.

Нужно было бы нам не просто отмахиваться от этой проблемы, а просто посмотреть, в каких случаях, может быть, и не надо возвращать собственность, в каких случаях и не придется — наследников нет, а в каких-то случаях будет законное право на какое-то частичное возмещение. Если на этой земле настроено много чего другого, новые средства вложены, то возможно хотя бы частичное возме-

щение. На каких условиях? С какими процентами? В какую рассрочку? И так далее. Над этим надо работать, учитывать иностранный опыт. А иначе получится, что мы пренебрегаем правом, что совершенно неправильно. Это тоже актуальная проблема.

Мне кажется поэтому, что нужно, работая в этом направлении, очень хорошо посмотреть на исторический опыт России. В ходе реформ за последние, скажем, пару сотен лет у нас и местное самоуправление создавалось, и признавались, скажем, в 1905—1906 годах права личности, и создавался независимый суд. В частности, судебная реформа 1864 года очень интересна и полезна во многих отношениях. Есть много ценного. Это нужно изучить и использовать. Такой открытый взгляд является необходимым в создании справедливого правового фундамента также и по отношению к проблемам религии. И по отношению к правам тех народов, которые имеют свои права не потому, что тысячу или две тысячи лет назад у них было свое государство. Но если сейчас существуют народы, которые желают устроиться по-своему, то к этому надо относиться с уважением, искать мирное решение проблемы.

И надо вести себя так, чтобы различные народы не разбежались подальше от России — кто к НАТО, кто к Турции, а кто к Китаю. Мы сами должны вести себя так, чтобы от нас не хотели разбежаться. Поведение других держав, других людей иногда бывает выгодно нам, но оно от нас не зависит. Главный фактор, определяющий отношение к нам, — это наше собственное поведение. В прошлом было много хорошего: сотрудничество, совместная жизнь, взаимное уважение народов. Но, признаем, бывало и иначе. И до сих пор случается иной раз иначе. Не буду приводить конкретные примеры.

Нужно творчески поработать. Я не настаиваю ни на чем. Я только говорю о стратегическом направлении и необходимых подходах к решению этих проблем. И это должно лежать в основе развития современного конститу-

ционного, государственного права и развития всех областей нашей жизни. Потому что правовые средства являются в современной жизни решающими, их значение очень велико для решения всех назревающих социальных, экономических и политических задач.

В.М. Соловьев. Спасибо, Виль Алексеевич. Было очень интересно, многосторонне, многопланово. О многом можно было бы в этой связи дополнительно говорить. Однако у нас лимит времени, и мы должны принимать это во внимание, оставить больше времени для дискуссии. Поэтому, как и договорились в начале нашей встречи, сначала мы дадим возможность выступить нашим докладчикам, а после перерыва начнем дискуссию по всему комплексу обсуждаемых проблем.

До перерыва осталось два выступающих: Андрей Борисович Зубов и Сергей Владимирович Волков. И есть предложение после их выступления начать дискуссию. Хотел бы предоставить слово Андрею Борисовичу Зубову и обратить внимание на то, что его краткое письменное выступление находится у вас в папках, и поэтому можно более эффективно использовать лимит времени, который нам отпущен.

А.Б. Зубов. Дорогие друзья! Во-первых, я очень рад тому, что Совет Федерации, Экспертный совет его Комитета по международным делам поднимает тему идентичности, самоидентичности для России. Это совершенно естественно и в то же время очень важно, потому что международные отношения государства могут быть эффективны тогда, когда те, кто их проводит, понимают, от имени кого их проводят, и ради чего проводят, и что они защищают, что за их спиной. То есть необходимо понимать суть того народа, того общества да и того государства, которые находятся за спиной деятелей международного, внешнеполитического плана.

Действительно, как здесь говорил Игорь Борисович Чубайс, русская идея очень важна. И понимание того, что такое Россия, очень важно. Но, разумеется, ни Феде-

ральному Собранию, ни каким-либо вообще государственным органам не под силу формировать эту русскую идею. Душа общества — это, конечно, нечто спонтанное, и мы видим, что она живет и сейчас. Может быть, далеко не всем нам она сейчас нравится. Мы понимаем, что она прошла через большие травмы, через большие беды в прошлом. Как душа отдельного человека, пережившего много, она сильно травмирована. Но не нам сделать ее завтра другой. Однако же вы, люди, связанные как-то с правом и государством, эксперты и члены Совета Федерации, связанные непосредственно с законодательным процессом, можете создать те рамки, в которых будет происходить исцеление, выздоровление народной души, обретение ею самой себя. И можете, к сожалению, создать рамки противоположные, в которых она заблудится, как в лабиринте, и будет съедена очередным минотавром.

Именно в связи с этим я обращаю главное внимание, буквально продолжу то, на чем закончил Виль Алексеевич Кикоть, мой давний друг, содумник и коллега. Действительно, нам необходимо обратиться к опыту Восточной Европы — опыту юридическому, опыту законодательному, опыту государственного строительства посткоммунистической Центральной и Восточной Европы. Почему же он до сих пор не востребован у нас? Почему мы не сделали ровным счетом ничего из того, что сделано там?

Когда мы создавали нашу Конституцию 1993 года, когда мы писали и пишем до сих пор наши законы, мы смотрим чаще на кодексы Франции, реже — Германии, иногда — Соединенных Штатов, на то, что было создано раньше, но не смотрим на намного более для нас близкие примеры: как выходили страны Восточной Европы из того же коммунистического вчера, из какого приходится выходить и нам? Может быть, мы не хотим из него выходить? Но это уже другой вопрос. Однако если мы хотим из него выйти, если понимаем, что советское прошлое было дурным периодом нашей жизни, тогда, конечно, надо

обратить на опыт Восточной Европы самое пристальное внимание.

Что же главное в этом опыте и что мы можем из него востребовать? Как вы уже услышали из выступления Вилия Алексеевича, восточноевропейские страны в своем большинстве формально объявили, как Польша, или Прибалтика, или Чехия, восстановление докоммунистического государства и признали незаконной коммунистическую государственность в целом или в тех ее элементах, которые были созданы именно в коммунистический период (а кое-что сохранялось и от более раннего времени). То есть коммунистический период был объявлен юридически незаконным, внеправовым. Мы этого не сделали, мы сделали прямо противоположное — мы объявили, что нынешняя Российская Федерация является правопреемницей коммунистического советского государства.

Может быть, Восточная Европа не права, а мы правы? Давайте посмотрим на очень простую вещь. Если правопреемник, то соответственно законен закон, которым ты объявляешь свою преемственность. Законны ли законы советского государства? Давайте начнем с такого маленького примера, как проблема амнистии адмирала Колчака, которая несколько раз выдвигалась и всякий раз снималась. Предлагается амнистировать, то есть объявить незаконно осужденным, и простить адмирала Колчака, главу Российского государства, верховного правителя России, убитого по личному, как сейчас это точно известно историкам, распоряжению Ленина, который себя считал правителем этой территории, правда, не называя ее Российским государством. Почему Колчак должен просить прощения у Ленина? Может быть, законен Колчак, а не Ленин? На самом деле Колчак не смог вполне показать себя как правитель — время гражданской войны не лучшее время для демонстрации способностей к государственному созиданию. Но Ленин и его последователи смогли себя показать, их дела доказали законность или беззаконие их власти. Как только что сказал Виль Алексеевич, общая точка

зрения, что государство — инструмент общества, а не общество — инструмент государства. Но когда инструмент убивает своего хозяина, как плохо сделанный штепсель убивает того, кто втыкает его в сеть, то, может быть, все же виноват штепсель, а не погибший от этого человек?

Таким образом, объявление советского периода незаконным и восстановление преемства с докоммунистическим государством снимают огромное количество проблем нравственно-правового характера. С точки зрения законов Российского государства Ленин, Сталин, Дзержинский и все остальные замечательные господа — государственные преступники согласно статье 108 Уложения об уголовных наказаниях и за противогосударственный мятеж повинны к смертной казни. В момент, когда они устроили этот мятеж, в октябре 1917 года, закон, естественно, действовал (статья 108). С точки зрения статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР все люди, которые боролись с советской властью, являются государственными преступниками и осуждаются на смерть или лагеря. Мы должны выбирать между этими двумя законами. Что мы хотим выбрать — советское законодательство (статью 58) или российское уголовное законодательство (статью 108)? Круг преступников и, соответственно, круг амнистированных принципиально меняется. Все восточноевропейские страны до единой в этой ситуации выбрали аналоги статьи 108 в своих уголовных кодексах. Мы выбрали статью 58 и поэтому до сих пор амнистируем тех, кто боролся с советской властью.

Предположим, офицер белой армии капитан Ларионов в 1926 году пробирается из Финляндии в Петербург, забрасывает бомбами один из райкомов и благополучно уезжает обратно в Финляндию. Он преступник, террорист или борец с терроризмом, который в 1917 году захватил Россию? Открытый вопрос, который мы должны обсудить.

По статье 58 Солженицын — враг советского государства, по статье 108 Уложения об уголовных наказаниях он один из тех, кто стремится утвердить правду и закон

против преступников. Здесь вы видите герб России — двуглавого орла под тремя императорскими коронами. С точки зрения правопреемства с Советским Союзом это нонсенс, здесь должен был быть другой герб — серпастый, молоткастый, который претендует на то, чтобы скосить весь земной шар. Но мы чувствуем, что этого не может быть сейчас. И даже такие нововведения, как, скажем, попытка восстановить красную звезду, вызывают невероятное возмущение в обществе и понимание того, что это невозможно. Не говоря уже о том, что тогда наш воинский флаг оказывается точной копией флага вьетнамской демократической республики.

Второй вопрос, с этим связанный, — вопрос об имуществе. Здесь не раз говорилось об имуществе, об этом говорил и Виль Алексеевич. Разумеется, все из здесь присутствующих или здесь отсутствующих, кто получил какую-то собственность в результате приватизации, стали богатыми людьми. Они хотят эту собственность сохранить и передать детям. Но какую собственность они получили? Они получили собственность или принадлежавшую когда-то другим людям и отнятую у них ценой насилия в 1917—1918 годах, или собственность (как, скажем, Норильский комбинат), созданную подневольным рабским трудом людей, которых незаконно принудили трудиться и умирать в Заполярье, чтобы создать этот никелевый комбинат.

Что мы должны сделать? Вся Восточная Европа так или иначе, в той или иной форме компенсировала права работников, которых принудили к труду. Скажем, сейчас Германия выплачивает компенсации угнанным рабочим из Восточной Европы и из России. Или же так или иначе восстановила права собственности тех, кому принадлежала собственность на момент коммунистической экспроприации. Об этом вы слышали.

Мы пошли иным путем. Опять мы открыли другой путь. Мы проигнорировали все это и тем самым заложили огромной силы бомбу под собственность ныне существующих собственников. Те, кто сейчас владеет имуществом,

прекрасно понимают, что их имущество — не их, оно им дано во временное владение, пока не опомнится народ и не скажет: "Друзья мои, мой дед владел этим домом, моя прабабка владела этой землей, мой отец умер на строительстве этого комбината, почему же ты владеешь этим?" Настанет тот момент, когда народ это вспомнит. А мы надеемся, что он не вспомнит. Мы рассчитываем на то, что народ не вспомнит, но такого не бывает. Вспоминают всегда. Вопрос только в том, когда это произойдет. Вот когда это произойдет, тогда, естественно, у нас произойдет то, что произошло в Восточной Европе, то есть реституция собственнических прав.

Соответственно, нынешние владельцы поэтому-то и переводят капиталы на Запад, поэтому-то они и увозят капиталы из России — они понимают, что их собственность здесь ненадежна. Чтобы подвести надежный фундамент под собственность нынешних владельцев, необходимо признать права бывших владельцев.

Повсюду в Восточной Европе в этой ситуации достигался компромисс. Ведь проблема национальной идентичности — это проблема не только философских эмпирей, это проблема закона. С каким законом мы себя соединяем? С чем мы себя соединяем, с тем и тождественны. Когда поляки или латыши соединяют себя с законами докоммунистическими, они объявляют свою идентичность со старой Польшей или со старой Латвией. Когда мы себя соединяем с советским законом и не включаем в наше актуальное право ни одного закона Российской империи... Хотя по второму переходному положению Конституции 1993 года все законы, действовавшие на территории Российской Федерации, продолжают действовать, если они не противоречат нынешней Конституции. Тем не менее ни один закон, действовавший до 1917 года, не актуализирован. Мы себя соединяем, безусловно, только с советской идентичностью, и мы остаемся советскими людьми. И с точки зрения этого сознания памятник Дзержинскому закономерно хотят восстановить на Лубянской площади.

То же самое и с имуществом, дорогие друзья. Имущество — это оболочка, это тело любого человека, любого рода и в конечном счете общества. Если мы не признаем законности имущественных прав, то опять же признаем законными конфискации 1918 года и, соответственно, отсечем от себя все докоммунистическое. Но для нас Пушкин и Столыпин должны быть точно такими же людьми, как для современных греков Гомер и Платон. Они будут людьми, которые с нами сотрудничают в восстановлении Российского государства, сколько бы мы ни кричали и ни били себя в грудь.

С этим связана и третья проблема, дорогие друзья. Это проблема исторической оценки прошлого. Кто герой, а кто враг России? Посмотрите, сейчас мы проходим по улицам, по площадям наших городов и видим улицы Урицкого, Володарского, улицы многочисленных царубийц, "халтуриных" и прочих. Мы видим статуи Ленина в каждом городе, статуи Дзержинского, и областные власти их с любовью восстанавливают. Значит, на них предлагается равняться молодежи, с них, как говорил Маяковский, делать себя предлагают. Тогда, дорогие друзья, у нас опять же советская идентичность, и мы будем продолжать советское государство. В Латвии вы найдете хоть один памятник Ленину? Или в Польше? Дзержинский — польский шляхтич, но вы найдете хоть один памятник Дзержинскому в Польше? Сняли. И когда снимали в Варшаве Дзержинского, он рассыпался в прах. В Варшаве в советское время ходил такой анекдот. Площадь Дзержинского раньше называлась Садовой площадью. Едет в трамвае человек из пригорода, спрашивает: "Это еще площадь Дзержинского?" "Нет, — говорят, — это пока площадь Дзержинского, но это Садовая площадь." Восточная Европа совершенно четко отбросила советское, отбросила коммунистическое, отбросила то свое, что связано с коммунистическим, хотя и не без крови. Латышам, например, очень сложно отказаться от латышских стрелков, но это особая большая история.

Мы ведь сейчас в Совете Федерации, в Государственной Думе... Кстати, откуда название "Государственная Дума"? Если у нас советская идентичность, давайте Верховным Советом ее назовем, чего же стесняться? Кстати говоря, Думу мы отменили: в Польше третья республика, а у нас первые четыре Думы забыты, и мы с 1993 года ведем отсчет заново — у нас первая Дума.

Однако ближе к теме. Если мы хотим самооткровенности для того, чтобы наши дети знали, "с кого делать им жизнь", если мы хотим, чтобы наши дети не выросли в абсолютно бесценностном обществе, мы должны предложить им национальные идеалы. Во всех странах мира, повсюду национальным идеалом является тот, кто стоит на площади. В современной Италии это статуя Мациния, это статуи Гарибальди, это статуи Виктора Эммануила — объединителя Италии. То есть это те, кому предлагают подражать. Это национальная идея современной Италии. А кому мы предлагаем подражать? Ленину, Дзержинскому? Нам нравятся эти люди? Мы хотим, чтобы такими были наши дети? Я не хочу, чтобы наши дети были такими. Поэтому третий шаг, который мы не сделали и который сделала вся Восточная Европа: мы не пересмотрели на уровне монументальной пропаганды, на уровне идеи преподавания в школе, на уровне наших собственных идей отношение к прошлому. Мы не назвали зло злом, мы не назвали добро добром, это все осталось в прошлом.

Наконец, предпоследнее, но тоже существенное. Вся Восточная Европа провела антикоммунистические законы и законы о люстрациях. Почему это было сделано? Предполагалось, что люди, которые активно сотрудничали с тоталитарным и человеконенавистническим режимом, не могут вот так просто как бы "переменить шляпу" и войти в демократическое общество. И те, кто вчера убивал или способствовал убийству, не могут спокойно стать членами общества, составленного из тех, кого убивали.

Иногда говорят, что у нас это невозможно: дайте старикам умереть спокойно. Конечно, надо, наверное, дать старикам-коммунистам умереть спокойно. Но, наверное, и тем из их жертв, кто еще не успел умереть, тоже надо дать умереть спокойно. Ведь остались сотни и тысячи людей, отцы которых были убиты теми, кто сейчас считает себя достойными государственных пенсий и наград. Мы с кем — с потомками жертв или с потомками убийц? Это тоже огромный вопрос. Огромный нравственный вопрос, без которого самоидентичности России нет. Хорошо говорить о русской соборности, о русской общинности. Но эти разговоры ни к чему не приводят. А вот говорить о том, на кого мы предложим равняться нашим детям, каких стариков мы будем защищать в первую очередь... Каких-то стариков мы, может быть, защитим, но будем понимать, что они все же виновны. Это большой вопрос. Нам жалко палачей, но нам почему-то не жалко жертв. Странное дело: у нас коммунистическая партия не объявлена незаконной, Зюганов может апеллировать к Ленину и Сталину, как к своим идеалам, Президент может поднимать тост за Сталина, и это считается нормальным в стране, где миллионы людей были убиты этими Сталиным и Лениным и их дети и внуки живут среди нас или изгнаны в зарубежье. Это невозможно в нравственном плане. Потерпит ли, скажем, германское государство аналогичные тосты за Гитлера среди жертв гитлеризма?

И наконец, пятый вопрос, который в значительной степени был затронут Владимиром Леонидовичем, — это вопрос о пространстве. Это тоже очень важно. Если мы объявляем правопреемство с докоммунистической Россией, то для нас возникают заново проблемы, которые ныне, казалось бы, решены. Когда была провозглашена независимость Эстонии в 1991 году (а сами эстонцы провозгласили себя независимыми в 1990 году), там, естественно, говорили, что провозгласили независимость в рамках межвоенной конституции и требуют восстановления границ, которые существовали между Россией и Эстонией по Тартускому

договору. То есть давайте нам Печору, давайте нам Изборск и давайте нам Усть-Лугу у Балтийского моря. И наши туда-сюда, ничего возразить не могли. Почему? Да потому, что подписанный Лениным договор мы считаем законным. Но если законным правителем России в то время был не Ленин, а Ленин был террористом, захватившим власть и еще ведшим войну с законным правительством, скажем, адмирала Колчака, который не давал независимости Эстонии и не давал, кстати, независимости Финляндии, тогда вопрос о независимости Эстонии вновь становится открытым.

Безусловно, никто не заставит эстонский народ жить вместе с народом России, если эстонский народ этого не хочет. Это и аморально, и невозможно с точки зрения международного права. Но тогда надо заключать договор, и Россия должна дать независимость Эстонии.

Соответственно, в этой ситуации встают два вопроса: вопрос о границах и вопрос о правах, скажем, того же русского меньшинства в Эстонии. Во всем мире границы — это референдум. И соответственно те территории, где в основном живут русские, предположим, район Нарвы, остается в составе России. А права русскоязычного меньшинства так или иначе оговариваются законодательно. И независимость Эстония получает в тех границах и с теми правами русскоязычного меньшинства, которые никто в мире не оспорит, потому что они естественные.

То же самое (и еще в большей степени) относится к Украине. Мы признали независимость Украины, потому что признали законность СССР и границ внутри СССР. Мы не можем запретить украинскому народу самоопределиваться. Но тогда мы должны спросить: а где кончается украинский народ и где начинается народ, который не хочет считать себя украинским, а хочет остаться в составе России? Референдумы, проведенные на Украине, если бы мы ее не признали наследницей советской Украины, оставили бы России значительную часть украинской территории и, соответственно, могли бы защитить права

русскоязычного населения на остальной территории Украины. Возможно, в этой ситуации Украина вообще бы не захотела отделения.

То есть в отличие от всей остальной Восточной Европы мы потеряли наши шансы, соединив себя с советским, а не досоветским. Возможно ли другое решение? Оно было возможно раньше, и оно тем более возможно сейчас. Меня спросят: почему же "тем более"? Вроде бы, как говорит Солженицын (я с ним не раз на этот счет говорил), шанс упущен — это надо было делать в 1991 году, сейчас все упущено. Ничего подобного.

Дело в том, что у нас говорили: "советское общество", а в эмиграции наше общество называли "подсоветским обществом", потому что считали, что советская, большевистская власть захватила русское государство. Но вот за эти 70 лет произошло то, чего не произошло ни в Польше, ни в Латвии. Наше общество из подсоветского стало советским. В какой-то момент, главным образом после Второй мировой войны, после Хрущева, общество в основном приняло советские ценности. И поэтому в 1991 году единицы (ну десятки, ну сотни людей) помышляли о правопреемстве в восстановлении российской государственности. Но, безусловно, не большинство общества. А в Латвии, в Эстонии, в Польше все латыши, эстонцы, поляки за исключением небольшого меньшинства только и ждали этого времени, ждали все коммунистические годы.

Наше общество должно было изжить иллюзии безродного либерализма. И, я думаю, оно их изжило за эти 12 лет. Должно было изжить иллюзии реконструкции советского как положительного. Это тоже изживается. Судя по социологическим опросам, большинство не хочет возвращения в коммунистическое вчера. И оно уже близко к тому, чтобы понять, что единственным путем является тот путь, на который так естественно вступила Восточная Европа в 1989—1991 годах.

Совет Федерации я вижу естественно преобразующимся не в фиктивный, а в нормальный Госсовет Российского государства, которым была верхняя палата российского парламента до 1917 года. Я вижу это будущее Совета Федерации. Ему в первую очередь как хранителю традиций Отечества восстанавливать преемство с тысячелетним Российским государством.

С.В. Волков. Я начну не с права, а с политических вопросов, с реальной ситуации, которая существует в настоящее время в нашей стране. Понятно, что есть разные взгляды на то, какой должна быть Россия, с чем себя отождествлять и как себя вести. Есть взгляд, согласно которому хорошо, что так получилось, что России достаточно быть обыкновенной цивилизованной европейской страной. Как Голландии какой-нибудь. И сидеть, никуда не лезть. И единственная проблема — это как бы темпы экономического развития увеличить. Проблема территориальной целостности, возвращения утраченных исторических территорий в этом случае просто не стоит. Такая точка зрения есть. И если стоять на ней, то, о чем я буду говорить, смысла, конечно, не имеет. Но я буду излагать свою точку зрения.

Естественно, на свете существуют разные государства и, соответственно, разные самоощущения их населения. Есть страны, которые по определению никогда не смогут играть на мировой арене роль великих держав. Есть страны, которые в принципе могут играть, а могут и не играть. Понимаете, одно дело быть инвалидом с детства, а другое дело — потерять ноги в результате катастрофы. Человек, который теряет, чаще всего с этим смириться не хочет. И те разговоры, которые в последние годы стали снова входить в моду — о величии России, о возвращении роли великой державы, — достаточно бесперспективны, если исходить из определения России в том виде, в каком она сейчас существует. Совершенно очевидным фактом является то, что в тех своих пределах, с тем своим потенциалом, с которым страна осталась после 1991 года, она никогда

не станет великой державой, как бы успешно ее экономика ни развивалась. Китай может стать, Индия может стать, Соединенные Штаты Америки являются, а Россия не сможет.

Поэтому если исходить из той точки зрения, что России все-таки желательно быть великой державой и играть роль если не сверхдержавы, то одной из нескольких великих держав, то вопрос о реинтеграции того, что принято последние годы именовать постсоветским пространством, — первостепенный. Очень характерно, что когда об этом заходит речь, говорят именно только так: постсоветское пространство или бывший СССР. Почти никто не говорит об исторической России, пространстве исторической России.

Я буду исходить из двух положений. Во-первых, что современное территориальное положение страны ненормальное, противоестественное и нетерпимое. И во-вторых, что при этом мы не собираемся совершать мировую революцию и устанавливать всемирный коммунистический строй. А если из этих двух положений исходить, то единственным путем, единственной возможностью, хотя бы теоретической, осуществить эту реинтеграцию является обращение к правопреемству с исторической российской государственностью. Дело тут не в государственном устройстве. Правопреемство по отношению к Российской империи или, если кому это угодно, Российской республике, как она с сентября 1917 года именовалась, — это неважно. Ни Российская империя, ни Российская республика никому ничего не отдавали. И от них, кстати сказать, никто не отделялся.

Если встать на эту точку зрения, надо совершенно четко сказать, что реинтеграция желательна. И только тогда Россия сможет обрести свое величие. Надо совершенно четко себе представлять, что такая реинтеграция возможна только на почве правопреемства по отношению к исторической России. И ни в коем случае невозможна, если встать на точку зрения правопреемства с Советским Союзом.

Не говоря уже о том, что дезинтеграция и произошла в результате большевистской революции. Советский Союз был принципиально иным государством. Если целью существования всякого нормального государства является продолжение его существования, то целью Советского Союза было совершение мировой коммунистической революции, идея которой не была оставлена до самого последнего времени. И юридически, и территориально Советский Союз строился исходя именно из этой своей задачи. И потому были нарезаны всевозможные союзные и прочие республики. Предполагалось, что весь мир будет представлять этакий Советский Союз. Ничего другого, никакого другого основания в территориальной целостности Советского Союза, кроме идеологической общности, кроме того, что это все были советские социалистические республики, не было принципиально и быть не могло. Это основополагающий принцип большевистской государственности. Якобы они отделяются, а потом добровольно соединяются на началах преданности общим идеям.

Неудивительно, что в 1991 году взорвалась эта бомба замедленного действия, которая была заложена в основание СССР. И не было никаких причин его сохранения. В 1991 году шли дискуссии на эту тему, мне тоже приходилось в них участвовать. Тогда говорили, что армия, мол, не допустит развала страны. Ничего подобного не было, и ставиться так вопрос не мог, потому что нечего было защищать. Не было такой родины — единой и неделимой, не было.

Коммунистическая идеология, советская законность предполагали, что все республики являются независимыми государствами и, если хотят, могут в любое время отделиться. Вот они и отделились. Тут говорить не о чем. И на этой основе, если только не взять снова на вооружение идею построения всемирного коммунистического общества, здесь просто нечего искать. Тогда как признание советского режима незаконным, большевистской революции — пре-

ступным актом открывает возможность смотреть на дело совершенно по-иному.

Тут сказали, что это невозможно, потому что это напугает мировую общественность. Что это "поход на Варшаву". Поэтому я остановлюсь на том, для чего это вообще нужно. Это нужно не для того, чтобы Президент или какие-нибудь властные органы заявляли сейчас: мы претендуем на территорию исторической России. Это нужно прежде всего для нас самих. Для того чтобы и власть, и население представляли, чем они являются — что есть их страна, что есть их государство, что есть историческая Россия, что у них было и что они утратили. Чтобы не писали в учебниках, как теперь пишут, что в России в середине XIX века было два или три университета, как будто Харьковский и Киевский университеты были в каком-то другом государстве. А именно так, если мы возьмем учебники, там и пишут: при Николае не было открыто ни одного университета в России. Чтобы этого по крайней мере не было. Обстоятельства преходящи, а государственные устремления, в общем, достаточно постоянны.

Я не буду приводить уже хорошо известный, сегодня упоминавшийся германский пример. Но кто думал еще в 1989 году, что через два года не будет Советского Союза? Всякие договоры, международные соглашения, на которые обычно ссылаются, существуют только до тех пор, пока существует объективная реальность, которая им отвечает. Когда она изменяется, эти договоры отбрасываются как ничего не стоящие документы. Договоры и призваны фиксировать положение на какой-то конкретный момент, никак иначе. Вся Европа признавала существование Югославии в ее тогдашних границах. Когда стало очевидно, что Югославии не удастся их сохранить, то тут же Германия признала и Словению, и Хорватию. Все понятно: будь ситуация внутри Югославии иной, Германия ничего такого не признала бы, и Хельсинкские соглашения продолжали бы действовать. Несвоевременность постановки какого-то

вопроса не означает невозможность и ненужность его постановки.

Мне уже не раз приходилось нечто подобное высказывать. И возражения обычно были двух видов. Во-первых: "Как же так, это будет скандал". А во-вторых: "А как же отменить советское законодательство? При советской власти тоже было много хорошего, в том числе и касательно территориальных вопросов — Калининградская область, Галиция, например". На это следует вот что ответить. Ведь постановка вопроса о правопреемстве и праве Российского государства в его исторических границах ни в коей мере не означает претензии на всю территорию Российской империи. Тем более что, как мы хорошо знаем, в отношении ряда территорий, в частности Польши и Финляндии, вопрос был решен еще до 1917 года: после мировой войны им планировалось предоставить самостоятельность. Дело в том, что при таком подходе нахождение той или иной территории в составе Российского государства определялось бы прежде всего самой российской властью, а не кем-то когда-то ей навязанными договорами, соглашениями и прочим.

Это касается не только территориального вопроса, но и вообще более широкого вопроса о правопреемстве: как быть с тем хорошим, что было при советской власти. Все мы хорошо знаем, что есть такая вещь, как реорганизация. Издается приказ ликвидировать какой-то научно-исследовательский институт с такого-то числа, упразднить, и с того же числа, как приказ подписан, институт не существует. Обычно в тот же день или позже издается другой приказ: образовать институт с другим названием. И в нем может быть все почти то же самое. И претензий тут никаких предъявить нельзя. Пять отделов создано, а, допустим, шестой отдел упразднен вместе с его начальником. Ни у кого это не вызывает никаких эмоций, это считается совершенно нормальным делом. Я не хочу сейчас говорить о том, как должен выглядеть акт или какой-то документ о таком правопреемстве, но принципиальный подход к нему должен быть, по моему представлению, именно таким.

Одно дело, когда одним актом или документом упраздняется, признается незаконным большевистский переворот и связанное с ним законодательство. И другое дело, когда, если угодно, другим актом или другим пунктом того же самого акта заявляется, что те законы, положения, договоры, соглашения, и так далее, которые российская власть считает отвечающими своим интересам, признаются уже этой властью. Отныне это не большевистские законы, а законы, которые одобрены и приняты самой российской властью. Тут могут быть разные варианты, но общий смысл может быть такой. Я хочу сказать, что признание незаконным или юридически ничтожным советского законодательства вовсе не означает, что будет дезорганизована вся жизнь, что надо срочно разрабатывать или принимать какие-то новые законы, что невозможно. Нет. Достаточно отдельным актом подтвердить существование тех положений, которые считаются нужными.

Таким образом, только правопреемство в отношении исторической России может дать нынешней российской власти свободу рук в этих вопросах. Опять же в том случае, если она того пожелает.

С.А. Рогинко. Я, пожалуй, не буду полемизировать. Я просто выскажу собственную позицию, потому что тема очень эмоциональная.

Я исхожу из того, что Россия — это традиционное общество. В отличие от западного общества оно основано на несколько других принципах. Если современная западная цивилизация основана на разделении индивидов и объединена исключительно юридическими нормами или экономическими интересами, что по большому счету равнозначно, Россия принадлежит к типу традиционных обществ с большим элементом патернализма. Именно поэтому разговор о превращении России в гражданское общество, конечно, правомерен, но не совсем адекватен в той стране, в которой мы живем.

Именно попыткой превращения в гражданское общество можно объяснить такой феномен, как Февральская

революция, а затем Октябрьская. Внедрение в патерналистскую систему западных ценностей оказалось разрушительным, привело к чудовищному неравенству и в итоге к революции Февральской, которая привела к власти достаточно импотентный, полностью несостоятельный режим, который провалил не только военную кампанию, но даже и просто сбор хлеба для голодающих городов. В чем-то этот режим, безусловно, полный аналог так называемой новой российской государственности, пришедшей к власти в 1991 году. Вся разница в том, что в отличие от той, февральской, государственности эта опирается на гигантский военно-технический потенциал и всю цивилизационную инфраструктуру, созданную в советский период.

Именно отходом от традиции и объясняется крах старого имперского строя. Советская традиция взяла в итоге те же самые принципы. Каким путем, через какие издержки, какой кровью — это отдельный вопрос. В троцкистском варианте это был современный цивилизационный подход в квадрате и в кубе. В более умеренном ленинско-сталинском это была попытка перехватить традиционные российские ценности, добавить к ним очень жесткий дисциплинирующий момент и сделать очень сильный рывок к освоению последних достижений технической цивилизации. В чем-то это был аналог того, что позже, в послевоенный период, произошло в Японии.

Поэтому все разговоры о возврате нужно внимательно рассматривать именно под этим углом и не увлекаться примером наших братушек-славян, которые принимают оскорбительные и издевательские документы, где называют Россию врагом, и вообще поменьше обращать внимание на всяких литовцев и "прочих шведов". Это сервильные режимы, отрабатывающие свои сребреники, легшие под западный мир и вообще не претендующие и не собирающиеся претендовать на какую-то самостоятельную внутреннюю или внешнюю политику. К России эти вещи неприменимы.

Ю.Т. Лисица. Я хотел бы сказать о вещах, которые в разных странах, при различных режимах являются неизблемыми. Это те положения, которые почти для всех очевидны, которые не подлежат никакой критике. На самом деле они являются самыми слабыми пунктами и государств, и обществ. Более того, иногда правители это понимают, иногда все понимают, тем не менее извращают это. И поскольку эти принципы не работают, возникают их болезненные проявления.

Нам нужна не великая Россия, нам нужна правильная Россия. При советской власти неизблемы были социализм, научный коммунизм, революционность как высшая форма существования человека, атеизм, реакционность частной собственности, преклонение перед народом, которое перешло и в наше время в отсутствие Бога. Наши времена — это демократия, это права человека, это свобода слова и всякое неприятие цензуры, это выборы. Народ не компетентен в вопросах, и должен быть ценз на выборное право. Поэтому у нас такие плохие органы власти и властители.

Я не был среди миллиона задававших вопросы Президенту. Но у меня был вопрос, на который он бы не ответил. А я знаю ответ. Есть ли у него реальная власть в России?

И не могу не выступить с репликой по поводу прозвучавшей здесь идеализации восточноевропейских стран. Если чехи такие чувствительные к собственности, к ее святости, священности, к несправедности советского режима, почему же они не отдадут немцам свои территории? Эстония, которая так ненавидит советский строй (и по праву), который нанес ей столько вреда, стала страной, которая экспортирует цветные металлы. Это же ворованные металлы, которые она перепродает. Причем обогатилась на этом.

Ю.А. Гусев. Я преподаю международное право в Открытом университете и гражданское право в Российской академии государственной службы. Здесь у нас в основном шла дискуссия относительно правопреемства. Это очень

сложная проблема. Для нас особенно. И вот почему. К сожалению, мы все забыли, что после большевистского переворота (я называю это только переворотом) в нашей науке и во всех наших пропагандистских материалах мы всегда утверждали, что РСФСР и СССР — это новые субъекты международного права. Это наносит такой ужасный удар по нашей стране, от которого мы до сих пор еще никак не можем отойти.

Почему? Потому, что если мы новый субъект, значит нас нужно признавать, значит, нужно устанавливать заново все отношения. Кстати, очень большой подарок большевики сделали всем нашим недругам, в частности, касательно имущества. Ведь без этого вообще говорить о каком-то государстве невозможно. Почему у нас возникли такие проблемы с зарубежным имуществом? Потому, что мы — новый субъект. Значит, то, что за рубежом, — попробуй докажи, наше это или нет.

Я на своем опыте с этим столкнулся. Я был в Израиле. И был там как представитель Российско-Палестинского общества. Там у нас есть очень большая собственность. Понимаете, самое забавное, что, когда я вел разговор с израильянами (я как юрист туда приезжал), они смеялись над нами. Смеялись почему? Потому, что, говорят, в вашем Гражданском кодексе (это был 1990 год) нет определения, что есть недвижимость. Мы жили 70 лет в нашей стране без определения того, что есть недвижимость. Впервые оно появилось только в 1995 году. Израильяне, с которыми я разговаривал, кстати, нам и писали эти кодексы. Потому они смеялись и говорили: какие у вас притязания могут быть? А ведь, например, здание нашего Российско-Палестинского общества прямо примыкает к основному храму в Иерусалиме. Это гигантское здание. Это я только как пример привожу.

И поэтому до тех пор, пока официально не признаем, что мы не новый субъект, а правопреемник по отношению к России до 1917 года, к нам будут относиться соответственно. А об этом молчат. Я учил международному праву

в Институте международных отношений 17 лет, и мы за это ставили двойки. Причем от нас требовали и заставляли нас учить студентов, что мы новый субъект международного права. А сейчас об этом просто замолчали.

И поэтому примеры восточноевропейских стран для нас совершенно неприемлемы. Наши властители после Второй мировой войны проанализировали этот опыт и не настаивали, по всей видимости, на том, чтобы все страны народной демократии заявили, что они новые субъекты международного права.

И вообще я полностью согласен с теми, кто говорит, что нельзя особо на них ориентироваться по той простой причине, что они очень непоследовательны. Возьмите даже теперешнюю Прибалтику. Ссылаются на Тартуский, Рижский договоры, но ведь по этим договорам независимость им даровали большевики. Это во-первых. Во-вторых, когда речь сейчас идет о возврате собственности, там почему-то забыли, что первоначальными собственниками ведь были немецкие бароны. И сейчас они возвращают, по существу, награбленную латышами и эстонцами у немцев собственность. Пока еще Германия молчит, но это очень взрывоопасное дело, потому что, когда изменится ситуация, когда что-то в мире произойдет, немцы могут вернуться к вопросу о возврате их собственности. Потому что никаким латышским и эстонским буржуям это все никогда не принадлежало. Они сами грабители, как и многие другие.

Поэтому и важно решить с точки зрения международного права вопрос о том, являемся мы новым субъектом международного права или мы продолжатели не Советского Союза, а продолжатели и правопреемники Российской империи. Это самый главный, основной вопрос. Пока он еще не решен. Пока молчат об этом. Отсюда и возникает масса проблем.

А.Н. Савельев. Возвращение к имперскому праву. В смысле конституционного, государственного права — верно. Но монархию мы восстановить одним актом не можем. Советское уголовное право 80-х годов за исклю-

чением нескольких статей куда ближе к имперскому, чем современное. Есть еще и нюансы, связанные с изменением общей ситуации. Скажем, в международном праве.

По вопросу о собственности. Наряду с частной все-таки была и казенная. К тому же надо понимать, что вопрос имеет преимущественно символическую цену. Вернуть развалины без компенсации — в большинстве случаев нелепо. Выплатить компенсации — нереально. Возвращать или выплачивать что-либо тем, кто в последующие годы, скажем, оказался в гитлеровской армии, — преступно. Можно ведь дойти до странности — вернуть полностью амортизированный в последующие годы Путиловский завод кому-то из прежних владельцев. Или музейные ценности — потомкам царской фамилии, в значительной степени утратившим связь с Россией. Или потомкам помещиков вернуть теперь землю, из-за которой случилась гражданская война.

Может быть, следует отметить необходимость поэтапного возврата собственности — сначала признания прав с определенными условиями и ограничениями (передача не должна учитываться в бюджете страны), потом ограниченных компенсаций прежним собственником (реальный возврат практически нигде не возможен — собственность исчезла или амортизирована). Наконец, надо продумать позицию по поводу изъятия собственности у приватизаторов. Как без этого можно что-то компенсировать или возвращать? А ведь это проблема куда более конкретная и политически конфронтационная.

Мне кажется, с землей — особая проблема. В традиции России земля никогда не была в полной мере частной собственностью. И требовать возвращения аграрных угодий невозможно. Земля должна быть у земледельца — он трудом на земле утверждает свое право на свой надел.

В общем, есть над чем подумать. Я бы не был столь категоричен — не стал бы утверждать, что продвижения к русскому от советского даже не начиналось. Оно началось явно и во многих направлениях. И в политике тоже — хотя бы в виде моды на демонстрацию верности традициям

и служения государственному могуществу России. И мы как раз можем использовать наметившуюся тенденцию. Важно своим обращением надавить на власть, чтобы слова превратились в дела.

М.А. Краснов. Заявив о построении правового государства в России, мы не смутились тем, что собрались его возводить на советском правовом фундаменте. Конечно же, отказ от советского права вовсе не означал, что нужно было поступить так же, как большевики, одним махом отменившие в 1917 году весь массив российских законов. Но точно так же недопустимо было оставлять одни советские юридические акты и отменять другие лишь по критерию "пригодности" или "непригодности" к новым отношениям. Отнесясь к юридическим актам лишь как к средству достижения определенных целей, государство, несмотря на все конституционные и законодательные декларации об уважении человеческого достоинства, прав личности, открыло двери и советскому духу права — духу презрения к человеку, духу всеисилия власти. И этот дух пронизывает всю постсоветскую законодательную и правоприменительную практику — будь то судебная, полицейская или чиновничья. Наоборот, твердо сказав, что нашей нынешней основой является правопорядок, уничтоженный большевизмом, и прежде всего Основные государственные законы 1906 года, мы сможем опереться на действительно национальный правовой фундамент. Опереться как на его дух, так и на некоторые нормы, содержание которых далеко не устарело.

Б.Г. Дякин. Я думаю, правы те люди, которые считают, что родителей не выбирают. Правы также те люди, которые не выбирают и историю. Анализировать, рассматривать, учиться на этих уроках — это обязательно. Все-таки выбросить из нашей истории советский период мы, очевидно, можем. Но насколько целесообразно это делать? Смотрите, что получилось. Много негативов связано с советским периодом — для народа в целом и даже для мира в целом. Это действительно так. Но, с другой стороны, была Вторая

мировая война. А давайте попытаемся спросить хотя бы мысленно у тех 40 миллионов, которые четыре длинных и тяжелых зимы просидели в окопах: за что они боролись, за что они положили жизни — 26 миллионов?

Вторая проблема. Ведь это результат Второй мировой войны — и Калининград, и часть Сахалина. Как быть с этим? Это очень болезненные проблемы. Болезненные они для нас, болезненные они для Европы. Предположим, мы согласимся вернуть Германии тот же Калининград (я принципиальный противник этой позиции, но такая позиция есть). А почему не США, например? А как быть с Крымом, как быть с половиной советского флота? Здесь целый ряд вопросов, на которые сегодня ответов нет. Поэтому то правопреемство, которое было установлено в нынешней России, в современной России от Советского Союза, имеет и положительные моменты.

Другой вопрос: как поступать сейчас и какую стратегию в этой области разрабатывать? Наверное, такую стратегию, которая, во-первых, утвердит государственность России и заставит с уважением относиться к России. Для этого нужны годы, может быть, десятилетия.

Еще одна проблема заключается в том, что все-таки, наверное, те вопросы, которые стоят сегодня перед нашим обществом, перед нашим населением, более важны, чем те рассуждения, которые иногда ведутся экспертами. Почему? Потому, что создалась тупиковая ситуация. Нужно искать позитивные выходы из этой ситуации. В том числе и с учетом исторического опыта, который был накоплен в тысячелетней России.

И последнее. Вопрос об имуществе. Я считаю, правы те, кто считает, что это изначальный вопрос, что в конце концов юрисдикция, юриспруденция — это только лишь объяснение или попытка узаконения каких-то отношений между элементами собственности. Но, с другой стороны, такое впечатление, что гражданская война как бы не кончилась и мы хотим ее продолжения. Ведь вопрос заключается вот в чем. Насколько сегодня ситуация в

России необратима с точки зрения тех элементов собственности, которые сейчас имеют место быть? Наверное, мы сейчас заинтересованы в том, чтобы поддержать ту собственность, которая есть, направить ее развитие в интересах общества. Это, наверное, задача очень серьезная. Но вместе с тем мы должны понимать и другую логику. Те обязательства, которые Россия имеет перед миром, а мир — перед Россией, в общем-то, зиждутся на том, что мы должны сохранить собственность, должны защитить собственника. И в этом случае мы можем привлечь инвесторов, в том числе в области технологий, в области инновационной деятельности, что действительно является интересом нашего государства.

В.Е. Лепский. Действительно, сегодня надо признать, что Россия оказалась перед барьером в своем развитии и мы хотим или не хотим, но должны встать на позицию социальных инженеров. В контексте сегодняшних выступлений хотел бы обратить внимание на следующее.

В основном шла речь о преемственности прошлого, и это справедливо и правильно с учетом современной ситуации в мире. Но совершенно никто не затронул аспект будущего. Ведь человечество сегодня оказалось в ситуации, когда модели, которые нам предлагают ведущие мировые державы, особенно США, модели цивилизационные, бесперспективны. И когда в некоторых выступлениях используются такие термины, как "цивилизационные способы решения, принятые на Западе", мне это не очень симпатично. Потому что методы, которыми действуют сегодня США, далеко не всегда цивилизованные.

У нас фактически два варианта пути, или две парадигмы. Первое. Мы встаем на путь построения национального государства. И сегодня в основном шла речь о национальном государстве, сегодня говорили о русской идее, о православии, но практически ни одного слова не было сказано об исламе, о мусульманах, о буддизме, об иудаизме, представители которых традиционно вместе жили на нашем пространстве.

Я считаю, что надо поставить задачу немного шире и говорить сегодня не столько о национальном государстве. Хотя и надо построить российское государство, учитывая наше прошлое, но говорить следует о новом типе государственной цивилизации, которую мы должны строить. Потому что если мы хотим заглядывать в будущее, то должны строить одновременно цивилизационную модель, которая могла бы быть прототипом будущего для человечества. Тогда у России появляется шанс стать носителем новых высоких гуманитарных технологий в мире. И у нас появляются совершенно новое, говоря уже совершенно новым, рыночным языком, влияние на мир и новые ниши на рынке высоких технологий.

Я считаю, что у России сегодня есть такой шанс, потому что мы встали перед необходимостью построения новой модели. Совершенно правильно было сказано представителями Дипломатической академии, что если мы этого не сделаем, то не исключена и гражданская война.

Предлагаю двигаться в этом направлении. Наверное, если говорить в контексте идентичности, то самым главным (никто лучшего не придумал) для того, чтобы повысить идентичность и сформировать ее, является наличие общей цели. Наличие общей цели сегодня — это, может быть, выработанный и как-то принятый обществом стратегический ориентир развития России. То есть мы должны выработать консенсус по поводу стратегических ориентиров развития, стратегии развития России. Стратегию должны строить те субъекты, которые будут ее реализовывать, потому что в противном случае они ее не примут. А вот стратегический ориентир развития России — это первый документ, который должен быть составлен.

Мое предложение конструктивное: одно из заседаний нашего Экспертного совета посвятить обсуждению в узком кругу (пригласить еще, может быть, человек пять-шесть докладчиков) стратегических ориентиров российского развития. И из них сформировать шаги, которые будут связаны с идентичностью, потому что оттуда последует смена

концепции российского образования. Оттуда же последуют ориентиры для выработки концепции национальной безопасности и ряд других законотворческих вееров. У меня предложение провести такое заседание в марте, если вы не возражаете. Я готов выступить главным докладчиком и взять с собой содокладчика.

А.А. Коробейников. Вносим в план.

Е.В. Кисарева. Просто хочу сказать несколько слов о будущем. Мы не учитываем нашего географического положения. Это нам дано свыше. Мы должны рационально использовать свои недра. 10 процентов природных богатств — на книжку населения всей страны. Плюс наше дальнейшее геополитическое развитие. Транспортные коридоры: Лондон — Токио, Север — Юг до Индии. Они на 20 процентов дешевле, чем трассы через Суэцкий канал. Находясь вдоль этих транспортных коридоров, мы станем просто-напросто рантэе для Европы и Азии. Создание этих транспортных коридоров мультипликативно потащит за собой развитие всех волжских регионов. Это и ЖКХ (наболевшая мозоль наша), и сельское хозяйство, агрогорода вдоль транспортных коридоров. И дальше модель развития будет расширяться на всю страну.

В.И. Морочкин. Первое. Россия определенно великая держава. Ее статус, ее ответственность будут только возрастать. Чтобы об этом говорить, можно просто повернуться лицом к ядерному оружию, к интеллектуальному потенциалу. И к тому, что она по-прежнему осталась членом Совета Безопасности ООН.

Второе. Здесь говорили о символах. Я прошел четыре точки. Ельцин выковыривал нас танками из Белого дома. Я знаю, что такое война, — отец был в Панфиловской дивизии. Никогда в России не было таких удачных государственных символов, как сейчас. Полюбуйтесь! Конечно, хорошо бы был малый герб (Шаймиев был бы против) — герб Ивана Грозного. Расширение России, расширение Руси. Флаг Петра подле северных вод. Наконец, гимн великого русского композитора (для тех, кто не разбира-

ется, — лучшего ученика Лядова и Глазунова), гимн победы над фашизмом. Я согласен с Вами, коллега: разгром фашизма поставил очередную высшую точку в развитии российской государственности.

Третье. Здесь не надо путать: страна — государство — государственность. Нужно просто рассуждать: государство и государственность. Я думаю, другие к этому вернуться и поймут, что государство — это всего три параметра. Государственность выше. И наше счастье в том, что мы имеем великую и непрерывную русскую, российскую государственность. Ее математическую формулу можно представить так: Российская империя, Российская республика, большая РСФСР, Союз ССР, Российская Федерация, Россия. Это один и тот же субъект международного права, один и тот же участник межгосударственных отношений, не прекращавший ни на минуту своего существования. Наверное, все мы должны признать, что в этом было великолепие коммунистов, хотя тут их и ругают. Никогда в России не было, не будет и не должно быть просто голого правопреемства. Есть непрерывность истории. С этим согласны все.

Четвертое. Мы развиваемся в сложном мире. Смотрите, какой-то там Бен Ладен запросто "колупнул" Америку. Почему было принято такое решение: был Союз ССР, а стала Российская Федерация? Держава — победительница в Великой Отечественной войне — это особая ответственность. Разве мы можем доверять так называемому украинскому государству, которое не может понять, куда его ракеты летят? Или Казахстану? Вы помните Барселонские соглашения? Кстати, ругают Козырева. Он первый выступил с Барселонским заявлением. Это фундаментальнейший документ, где были указаны территории, прописана непрерывность. Главное положение было: забрать у всех ядерное оружие, чтобы не было шантажа. Мы вообще могли потерять землю. Поэтому какой может быть разговор о правопреемстве? Ну, есть правопреемство. Например, мои или ваши родственники возвращаются во Владимир.

Конечно, Совет Федерации должен решать эти вопросы. Нам, наверное, чаще надо собираться, чаще эти темы обсуждать, и на более высоком уровне. Вот правопреемственность. Например, мой отец из Надтеречного района. Где он сейчас? Какие у меня права? А у меня там собственность!

Есть формула (это как в математике, это интеграл) — это непрерывность государственности. Правопреемственность плюс правопродолжительность. Кстати, уважаемые члены Совета Федерации, сотрудники Аппарата, именно с вами мы провели уникальный федеральный закон о государственной политике в отношении соотечественников. Там сначала была эта математическая формула, мы ее разрабатывали вместе с профессором Черниченко. Но потом с учетом того, что были противники, там все-таки написали, что федеральный закон исходит из того, что Российская Федерация является правопреемником и правопродолжателем.

Я всегда был оппонентом Чубайса. Как он считает? Россию взяли, как огрызок от яблока... Нет. Россия — это имперское пространство. Мы к этому вернемся. Шесть областей у Лукашенко, 26 у Украины, Южная Сибирь, Крым. Как же так получилось: русский человек, татарин, которые жили вместе, теряют все права?

Кстати говоря, в больших договорах — не с чухонцами, а с этими братушками в Чехословакии, с Италией, с Францией — принцип продолжительности, непрерывности государственности закреплён. Он незыблем. Он является частью правовой системы, важным источником права, основным принципом.

В.А. Кикоть. Несколько отдельных замечаний. Я говорил о том, что нужно в историческом прошлом хорошенько разобраться, справедливо все оценить, избежать каких-то крайностей в оценках. Мне, например, трудно представить себе следующее. Вот выступают у нас Президент, Министр обороны и говорят, что наша армия победила под Красным знаменем со звездами. Все правда. Ценю,

это заслуживает восхищения и вечной памяти. Но ведь под этими же самыми символами, под красными знаменами, под теми же звездами мы загнали всю Восточную Европу в социализм. А когда они там пытались что-то такое сделать по-своему и выдумали "социализм с человеческим лицом", так эта же самая армия под красными знаменами оккупировала и расправлялась и с немцами в 1953 году в ГДР, и с Венгрией в 1956 году, и с Чехословакией в 1968 году. Постоянно под этими же знаменами и звездами наша Красная армия при любом очередном кризисе в Польше, которых было много, выходила на улицы городов и на дороги, демонстрировала свою силу, чтобы они знали свое место и сидели тихо.

Понимаете, есть светлая сторона, которую нужно помнить, справедливо подчеркивать, но есть же и другая сторона. Если мы опять эти самые символы вводим полностью, что должны по этому поводу думать страны, которые с трудом освободились от той ситуации, которую они называли в разное время и оккупацией, и навязыванием им другой системы? Это делалось той же армией, с теми же символами и при той же идеологии, которую мы дружно признаем и не русской совсем.

Я просто призываю к более объективной, более все-сторонней, более трезвой оценке всего того, что мы имели, и того, какое впечатление мы производим этими лозунгами, этими символами. Чтобы Россия решилась на эти вне-очередные задачи, нам нужно иметь благоприятную окружающую среду. Надо, чтобы и в нас никто не видел потенциальную угрозу, упорного противника, который будет что-то навязывать.

Поэтому односторонние шаги всегда нехороши, всегда несправедливы, я уж не говорю о действиях всяких служб безопасности, которые мы теперь очень часто поминаем недобрым словом. Они стоят под теми же знаменами, под теми же символами, под общими символами лжесоциалистического государства, которое у нас так долго было. Поэтому я добиваюсь только одного: не нужно односто-

ронних шагов. Надо видеть объективно аргументы "за" и аргументы "против", оценивать, искать решения, которые поддерживали бы что-то хорошее, но не напоминали бы никому ни о чем злом и недобром, несправедливом и противоправном.

В.Л. Махнач. Первое. Говоря о правопреемстве, мы опускаем необходимость заявления правопреемства по отношению к основным законам Российской империи. Кстати, когда создавался Свод законов при Николае I, в него были включены судебники и Соборное уложение. Кроме того, говоря о правопреемстве, мы все равно опускаем понятие континуитета, то есть право возвращения насильственно отторгнутых территорий.

Второе. Отречься от социалистического периода нам выгоднее, чем, например, мадьярам, потому что это дает нам право сказать: да, действия в 1921 году на южном Кавказе с захватом территорий и в 1940 году в Прибалтике были, конечно, насильственными и правопреемства породить не могут. Но прежде всего правопреемства не может породить 1917 год, а эти режимы созданы 1917 годом, революцией.

Третье. Интересно, что большевики на выборах в Учредительное собрание победили только в Латвии, то есть в Курляндии и Лифляндии. Более нигде.

Четвертое. С правопреемством бывшие субъекты Советского Союза поступают довольно вольно, а мы этого не замечаем. Объявив правопреемство по отношению к довоенной Литве, Литва вообще-то лишила себя юридически Вильнюса (он же был в Польше, а столица Литвы была в Каунасе).

Пятое. Насчет советского самосознания. Я помню, как мой родич не в полемике, а просто так сказал в начале 70-х годов: нет такой страны Советский Союз, есть государство Советский Союз, а страна — Россия.

Шестое. Объявление вопроса о правопреемстве по отношению к Российской империи, точнее, как я всегда говорю, к исторической России, влечет для нас очень

серьезное право объявить претензию на золотой запас и проценты по его использованию. Часть золотого запаса — в Японии. Золотая крона между мировыми войнами была в Чехословакии, потому что они сперли наше золото, точнее, часть золота им была выдана как 30 сребреников иудиных за предательство адмирала Колчака.

Седьмое. Вопрос о Калининградской области. Я понимаю, что будет особый "круглый стол". С удовольствием приму в нем участие. Но в любом случае речь может идти не о возвращении Восточной Пруссии, а о возвращении всей Пруссии. Гораздо больший кусок Пруссии находится в Польше.

И наконец, последнее замечание, насчет исторических религий. Когда я слышу, что Россия православно-мусульманская страна, мне всегда хочется спросить: а Сирия мусульманско-православная страна? Между прочим, у нас 90 процентов этнических православных. Этнические вероисповедания всех религий теряли своих приверженцев, а в Сирии христиан — 20 процентов, вдвое больше, чем всех нехристиан в нынешней Российской Федерации. И насчет исторических религий: их ведь не так уж много. Дело в том, что, скажем, Римско-католическая церковь и иудаизм на территории исторической России — безусловно, исторические религии. А вот на территории усеченной Российской Федерации, без Украины, Белоруссии и Литвы, — это иностранные религии.

А.Б. Зубов. Первое. Не раз говорилось о том, что наши выступления и предложения о правопреемстве могут вести к гражданской войне. Так и было сказано: вы желаете развязать гражданскую войну, дорогие друзья. Ситуация совершенно иная: мы желаем ее закончить. Гражданская война, которая началась в 1917 году, привела к победе военного террористического режима, стоившего России десятков миллионов жизней. Мы стремимся закончить эту гражданскую войну победой власти законной, которая осудила бы бандитов, преступников и убийц миллионов людей и которая восстановила бы основание

российской государственности. В этом наша задача. Гражданская война не закончена до тех пор, пока эти убийцы и преступники стоят на площадях, лежат в мавзолеях и тем самым оскорбляют память миллионов и миллионов жертв.

Посмотрите, Русская православная церковь, которую все здесь присутствующие так или иначе уважают (а многие просто считают себя чадами Русской православной церкви), каждый месяц канонизирует новомучеников, от руки этой власти убиенных, а мы говорим, что у нас — непрерывность государственности, то есть законной власти. Но если это была законная власть, то какие новомученики, дорогие друзья? Значит, мы или с верой, с христианством, с православием и с Русью, или с убийцами и гонителями веры и России.

Так что надо заканчивать гражданскую войну победой русской силы. А русская сила — это сила, которая сопротивлялась большевикам, это сила, которая до последнего дня шла в бой с песней: "Смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один прольем кровь молодую". А те, кто шел им навстречу, пели: "Смело мы в бой пойдем за власть Советов и как один умрем в борьбе за это" (о Руси ни слова). Передача об этом, как вы знаете, идет на одном из каналов телевидения.

В.А. Кикоть. Но, Андрей Борисович, православная церковь призывает еще и к покаянию за все преступления того времени, о котором идет речь.

А.Б. Зубов. Безусловно.

С места. Хватит каяться!

А.Б. Зубов. Нет, не хватит! А надо жить с этим покаянным чувством всю жизнь и передать его детям! Так живут немцы, так должны жить и мы.

Второй момент, очень важный. Здесь об этом было сказано: нельзя выбрасывать эпоху, советскую эпоху, мы не можем ее забыть. Конечно, мы ее не должны забывать, мы ее не можем выбрасывать. История любого общества непрерывна. Мы ее должны оценить, она не должна быть

вне оценки. В Германии нацистский период не выброшен, но он оценен негативно как преступление немецкого народа, самим этим народом совершенное. И мы должны осудить наш режим, принесший нашему народу неизмеримо большие жертвы, чем германскому народу нацизм, как печальный и темный период в истории России. Хотя мы скажем, что в этот же период было много добрых и хороших деяний, много славного было сделано. Безусловно, писал Борис Леонидович Пастернак, танцевал русский балет, стала всеобщей грамотность. Но мы должны ясно помнить, что все эти вещи произошли не из-за коммунистического режима, а вопреки коммунистическому режиму. Пастернак писал не потому, что ему советская власть дала право писать. И русский балет танцевал не потому, что его запрещали при старом режиме, а Советы разрешили. И грамотность возникла совсем не поэтому — к 1920 году по закону, подписанному государем в 1911 году, в России должно было быть всеобщее начальное образование.

Наконец, реституция. Мы забываем, что Черномырдин вернул собственнические права и частично компенсировал затраты частным собственникам во Франции, вложившим деньги в русскую экономику до революции. Французам отдали, а нашим русским людям никто отдавать не собирается. Понимаете, это же наша гнусная советчина, когда мы говорим: а как на нас посмотрит мир, что о нас скажут на Западе? А думать о том, что собственный народ скажет, — начхать на это десять раз, потому что мы живем, власть живет не для народа, а для глаз всего мира.

И в связи с этим еще два маленьких пункта. Значительная часть России, я думаю, лучшая часть России, в силу трагических событий ушла в эмиграцию. Если мы не осуществим преемственности, эта часть России не вернется к нам. И смысл, который принесла той же Прибалтике, той же Польше, тем же Чехии, Болгарии вернувшаяся эмиграция, которая сохранила не советское сознание, но национальное сознание, нам не будет возвращен.

И наконец, последнее. Даже нынешняя дискуссия показала, насколько нам трудно вырваться из плена советских стереотипов и осознавать вновь наши национальные задачи, какая в общем-то еще неразбериха у нас у всех в головах. Но это наше общее дело, друзья. Если мы не расставим акценты, если мы нравственно в первую очередь не посмотрим на наше прошлое (не забудем слова замечательного русского философа Киреевского, что "все политические и экономические действия есть лишь внешнее проявление той скрытой нравственной пружины, которая определяет все"), если мы не сделаем этого нравственного внутреннего выбора в отношении нашего прошлого, мы не обречем России и наши дети не обретут самоидентичность.

С.В. Волков. Когда речь идет о правопреемстве, о том, что надо бы принять такой документ, то территориальный аспект, который всех так пугает, вообще не должен быть упомянут. Это совсем неважно. Речь ведь идет о том, что такой акт принципиального характера без всякого упоминания о претензии на какие бы то ни было территории сам по себе открывает путь для их реинтеграции. И только он и открывает. Об этом не надо заявлять, но это само собой разумеется.

Что касается опасений за Калининградскую область. Неужели кто-то всерьез о ней пожалеет? Если нам вернут Украину, Белоруссию и Казахстан, то знаете, по-моему, Калининградскую область в этом случае можно отдать.
(Оживление в зале.)

А.А. Коробейников. Сергей Вадимович, пожалуйста.

С.В. Кортюнов. Уважаемые коллеги! Я думаю, все мы понимаем, что это только начало разговора. По крайней мере я почувствовал, что все участвовавшие в сегодняшней дискуссии готовы к такому продолжению.

Собственно говоря, этот "круглый стол" мы задумывали как своего рода преамбулу к крупной международной конференции по вопросам национальной идентичности, государственности и правопреемства. Я думаю, что мы

такую конференцию при поддержке Совета Федерации в следующем году, несомненно, проведем. И даже если мы в ходе этой конференции не решим проблему национальной идентичности, сама дискуссия об этом (и это показал сегодняшний день) чрезвычайно плодотворна и очень полезна. Это будет, несомненно, шаг в сторону самоидентичности, как говорит Андрей Борисович Зубов.

Я думаю, все также прекрасно понимают, что никто здесь никого не призывает к "русскому бунту, бессмысленному и беспощадному". Никто не призывает отменять нынешнее право или то положительное, что было в советском праве, никто не призывает немедленно отнимать собственность у олигархов или выйти сейчас на улицы и крушить памятники Ленину, Дзержинскому и другим деятелям советского периода. Никто, безусловно, не перечеркивает (и даже в мыслях такого не было) советский этап российской национальной истории. Но, если мы действительно хотим определить национальную идентичность России, самоидентичность, мы неизбежно будем наталкиваться на все те вопросы, которые обсуждались сегодня. И беда в том, что все эти вопросы в нашем обществе пока еще толком и не поставлены. Я думаю, что сегодняшний "круглый стол" — это первый крупный шаг в этом направлении и начало действительно серьезного позитивного политического процесса.

В.М. Соловьев. Мы завершаем нашу дискуссию. Мне хотелось бы предложить одну идею, которая, по-моему, прозвучала сегодня и которая как бы обобщает все то, что мы сегодня высказали, обговорили. Думается, продуктивнее было бы рассматривать наш сюжет в контексте стратегии развития для современной России, потому что самоидентичность, поиск самоидентичности не могут быть самостоятельны сами по себе. Такая работа, ее проведение преследует определенную цель — позиционирование места России в мире, что связано и с внешнеполитическим курсом страны.

Безусловно, для того чтобы быть успешными в продвижении по этому пути, необходима прочная экономическая база. Прозвучала идея поговорить в марте о поиске стратегии развития для России. Мне думается, в таком контексте мы еще сможем вернуться и к нашей сегодняшней теме, вписать ее в разработку стратегического курса, возможно, с высказыванием рекомендаций к будущему Посланию Президента Федеральному Собранию, с которым он обычно выступает в апреле.

А.А. Коробейников. Среди нас есть те, кто хотел бы подготовить какой-то меморандум по обсуждаемой теме и опубликовать его. Думаю, спешить не стоит. Аналитический доклад был бы лучше. Может быть, аналитический доклад или аналитическую записку подготовить в марте, а затем выходить с каким-то первым официальным документом. В этом нуждаются политики и научная общественность страны.

7. ИСЛАМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

9—10 декабря 2002 года в Москве при участии ряда членов Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам и при поддержке Фонда имени Конрада Аденауэра Комитет внешнеполитического планирования провел международную конференцию "Ислам в контексте диалога цивилизаций".

В конференции приняли участие депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, представители российских министерств и ведомств, Аппарата Правительства Российской Федерации, руководители Духовного управления мусульман Сибири, Совета муфтиев России, Московского Патриархата, Исламского комитета России, представители других традиционных религий и конфессий России, авторитетные российские эксперты и политологи. Среди иностранных участников конференции — член правления Университета Геттинген (ФРГ) Бассам Тиби, заведующий кафедрой церковной истории богословского факультета Латвийского университета Л.-Г. Тайван, заведующий кафедрой русских и европейских исследований Института восточных языков (Франция) Ш.-С. Уревич, декан факультета Папского грегорианского университета (Италия) А.Р. Кроллиус.

В ходе конференции обсуждались следующие вопросы: отношение ислама к правам человека, свободе и демократии; опыт и перспективы православно-мусульманского диалога на территории России; проблемы современного радикального ислама; совместимость исламских и либеральных ценностей;

культура мира и толерантность в современном исламе; проблема экстремизма в исламской среде; проблемы глобализации и модернизация в исламском мире; исламский радикализм в Дагестане и Чечне; российская политика по отношению к исламу; исламско-католические отношения; исламская политика немусульманских государств; проблемы интеграции мусульман в российское общество и другие.

9 декабря

Сессия № 1 "Отношение ислама к правам человека, свободе и демократии"

М. Ингенлат, руководитель московского представительства Фонда имени Конрада Аденауэра.

Уважаемые дамы и господа! Я сердечно приветствую вас от имени нашего фонда на конференции "Ислам в контексте диалога цивилизаций". Я рад, что вы сегодня пришли сюда, к нам. Было не совсем просто подготовить и провести эту конференцию, так как она была задумана в совсем другое время — летом этого года, когда анти-террористическая борьба, конечно, велась, но мы еще ничего не знали о теракте на самой российской территории, в самом центре столицы. С 23 октября 2002 года здесь, в Москве, угроза со стороны исламистского терроризма стала в центр внимания. Для Запада 11 сентября 2001 года было решающей датой. Причины по сей день интерпретируют совершенно по-разному. Одни говорят, что исламизм — результат встречи с Западом в последние десятилетия. Другие говорят: нет, причина кроется в социальном и экономическом неравенстве. Третьи утверждают, что исламизм формировался уже в XIX столетии, включал в себя концепцию мирового господства и так далее.

Однако в общем царит единое мнение в отношении того, что мы имеем дело с измерением радикальной политико-религиозной идеологии, ставящей под угрозу свободу. Ее характеризуют признаком тоталитарности. И это именно тот момент, когда можно задать вопрос, почему

политический фонд, подобный Фонду имени Конрада Аденауэра, обратился к этой теме. До сих пор мы в Москве, где работаем уже более десяти лет, занимались преимущественно консультированием по правовым вопросам, по вопросам конституционного права, вплоть до вопросов земельного кадастра и земельной ипотеки. Мы занимались вопросами развития политических партий в демократическом государстве. Занимались совершенно разными вопросами — социальной рыночной экономики, например. В данном случае, когда речь идет о диалоге с исламом, мы имеем совершенно новое измерение, это для нас новый вызов, в некотором роде — целина.

Политическим фондам Германии поручено, начиная со времен окончания Второй мировой войны, заниматься политико-просветительской и образовательной деятельностью. То есть развеять немного незнание политических процессов и пытаться наладить диалог в обществе. И именно там, где имеет место тоталитаризм, где имеет место тоталитарное поведение, не хватает этого просвещения, и наша обязанность — в том, чтобы предложить возможности для диалога.

Но есть и вторая причина, почему мы обратились к данной теме. Мы — политический фонд, близкий к одной из христианских партий в Германии. Если серьезно заниматься христианско-демократической политикой, то надо обратиться к ценностям, которые скрываются за явлениями, говоря словами философа Канта, к тому, что лежит под поверхностью. И тут, по-моему, важно, чтобы мы вели честный диалог с другими цивилизациями, можно было бы сказать — с другими религиями.

Мы не можем вести теологический диалог, это выходит за пределы нашей компетенции. Но мы можем вести общественно-политический диалог. И это мне хотелось бы рассматривать в качестве цели тех двух дней, которые нам предстоят. Где разграничительные линии между религией и политикой? Где заканчивается ислам во всем его богатстве и где начинается исламизм? Это как предпосылка нашего

сотрудничества. Сотрудничества во взаимном уважении и толерантности.

Так, как нам было передано в книге знаменитого Готхольда Эфраима Лессинга "Натан Мудрый". Как вы знаете, в этой книге есть знаменитая притча о кольце. У отца в семье традиционно по наследству передавалось кольцо. Его получал всегда старший из сыновей. Когда очередь передать кольцо дошла до него, он (с учетом того, что у него было три сына, которых он одинаково любил) решил сделать еще два кольца и дать их другим сыновьям. Все кольца выглядели совершенно одинаково, и возник спор о том, у кого настоящее кольцо, кто владеет истиной. Они попытались выяснить этот вопрос у судьи. Судья тоже мог только сказать, что подлинным кольцом является то, у которого наибольшая чудодейственная сила. Но не было времени выяснить, у которого из них наибольшая чудодейственная сила. Пришлось согласиться с тем, что у всех содержится некоторая доля истины, что все три кольца, говоря в религиозном христианском измерении, были божественным даром.

Поэтому я очень рад, что сегодня в этом диалоге участвуют представители не только христианских церквей, в данном случае трех церквей — Русской православной, католической и евангелической, но и Московского раввината и Совета муфтиев. Я особенно рад, что Совет муфтиев весьма активно включился в подготовку данной конференции. Нехорошо говорить об этом, предварительно не поговорив с людьми, которые представляют эту религию. И поэтому хотелось бы поблагодарить за те консультации, которые мы во время подготовки к конференции получили от самых различных сторон: с одной стороны — от Совета муфтиев, а с другой — от нашего российского организатора — Комитета внешнеполитического планирования. Мне хотелось бы, чтобы мы в ближайшие полтора дня в духе толерантности, взаимного выслушивания и обмена аргументами сделали шаг вперед в понимании друг друга.

Я передаю слово Сергею Кортуну.

С.В. Кортунюв. Спасибо, господин председатель.

Я хотел бы от имени Комитета внешнеполитического планирования, который выступил соорганизатором данной чрезвычайно важной конференции, поблагодарить всех, кто, несмотря на сильнейшие московские морозы, счел возможным прийти сегодня в отель "Балчуг Кемпински" и принять участие в этом важнейшем событии.

Несколько слов о самой конференции. В дополнение к тому, что сказал господин Ингенлат, я хотел бы отметить, что она была задумана примерно полгода назад. В этой связи, пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить Фонд имени Конрада Аденауэра, который счел возможным принять участие, в том числе и финансовое, в организации конференции. С самого начала она была задумана отнюдь не как богословская, а в первую очередь как научная и общественно-политическая. По мере развития политических событий в России и в мире в целом общественно-политическая составляющая конференции месяц от месяца возрастала. Особенно она стала актуальной с этой точки зрения после известных трагических событий 22 октября сего года в Москве.

Мы назвали конференцию "Ислам в контексте диалога цивилизаций". Это, естественно, не означает, что она будет посвящена исключительно исламу. Нам хотелось бы, чтобы были затронуты различные проблемы мировой политики. И, естественно, роль в ней мирового ислама.

К сожалению, в последнее время мировой ислам нередко окрашивается в негативные тона. Иногда это связано с элементарным невежеством. Иногда это результат деятельности средств массовой информации, которые избрегают такие клише, как "исламский экстремизм", "исламский терроризм" и так далее. Это также связано с конкретными преступлениями конкретных лидеров и конкретных организаций, которые, к сожалению, ассоциируют себя с исламом. Негативный имидж ислама (это мое глубокое убеждение) не соответствует национальным интересам России. Более того, этот имидж не соответствует

интересам международной безопасности. И это тоже один из вопросов, который было бы полезно обсудить на нашей конференции. Вместе с тем мы, наверное, не должны закрывать глаза и на то, что существуют какие-то причины (и эти причины тоже следовало бы обсудить), по которым международный терроризм ассоциирует себя с исламом.

Несмотря на нынешнюю конфигурацию нашей конференции, когда есть президиум и зрительный зал, мы работаем в режиме "круглого стола". Поэтому приветствуются любые комментарии, любые вопросы к докладчикам. Мы организовали запись, которая будет расшифрована. Стенограмма будет доступна не только участникам, но и российской и международной общественности.

М. Ингенлат. Большое спасибо, Сергей, за вступление и приветственные слова. Мы запланировали также приветственные слова со стороны политиков. К сожалению, господин Евгений Примаков, фамилию которого вы, вероятно, видели в более ранних вариантах программы конференции, не смог прийти, так как сегодня в Кремле состоятся важные торжества, касающиеся прав человека. Он был вынужден отказаться от участия. Тем не менее присутствует Виктор Зоркальцев, который, будучи депутатом Государственной Думы, будет выступать перед нами. Мы очень рады, что господин Зоркальцев как российский политик представит нам подход с точки зрения практики.

Вкратце мне хотелось бы сказать по поводу процедуры конференции. У нас по программе довольно много докладов. Потом мы можем вступить в дискуссию. Она начнется непосредственно после первых четырех докладов. Выступления должны быть короткими.

Итак, слово господину Зоркальцеву.

В.И. Зоркальцев, председатель Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций.

Уважаемые коллеги! Чем интересна тема "Ислам в контексте диалога цивилизаций"? Думається, тому несколько причин.

Проблема ислама в рамках мировой цивилизации в последнее время обостряется, особенно в Европе. В этой части света давно уже сложился оптимальный межконфессиональный баланс. Из примерно миллиарда жителей Европы почти 300 миллионов тяготеют к католицизму, 300 миллионов — к протестантизму и 300 миллионов — к православию. Но после распада колониальной системы стремительно стал расти в Европе и мусульманский сегмент. Сейчас исламское присутствие тревожит европейцев, так как исламская диаспора в Европе быстро увеличивается за счет двух составляющих: за счет притока иммигрантов из Азии и Африки и за счет традиционной для мусульманских семей многодетности. Не грозит ли исламизация всей Европе, которая была и остается опорой христианства?

В России же исторически сложилось так, что ислам является одной из коренных религий. Его проникновение на территорию России произошло более тысячи лет назад. Отношения православных и мусульман всегда были добрососедскими. Приведу такой исторический факт. Известно, что даже в период татаро-монгольского ига (Золотой Орды) на Руси функционировали православные храмы и их не закрывали. И сейчас взаимоотношения православия с исламом в России самые толерантные. Причем если в Европе мусульманский сегмент увеличивается главным образом за счет мигрантов, то в России мусульмане — это коренные жители нашей страны, считающие Россию своей родиной. А вот такого высокого роста этого сегмента, как в Европе, в России нет. Более того, я считаю, что если в СССР к народам, исповедующим ислам, могли отнести себя свыше 30 процентов жителей, то в современной России — не более 15 процентов. Даже протестантских общин сейчас в стране больше, чем исламских. Происходит это потому, что ислам в России ограничен рамками исторически сложившихся этнических основ данного конфессионального направления.

Многовековой опыт социально-культурного симбиоза многих самобытных религиозных и национальных традиций

России является одним из краеугольных камней в фундаменте нашей российской цивилизации. Россия оказалась, на мой взгляд, в уникальной ситуации: она совмещает в себе традиции и ислама, и византизма, и буддизма, и иудаизма, и целого букета самобытных культур славянских, тюркских, финно-угорских и других народов. Сложилось такое положение потому, что встреча цивилизаций веками происходила не на границе разных государств, как это сложилось в мировой истории, а внутри единой страны. Это особенно важно в реальной ситуации в нашей стране.

По своему значению российский опыт созидательного, я бы подчеркнул, диалога можно сравнить с самыми блистательными страницами сотрудничества цивилизаций в истории человечества. Во все исторические эпохи территория России была перекрестком взаимодействия различных культур и цивилизаций: политические, экономические, торговые, научные, культурные, религиозные контакты связывали Европу и Азию через Россию в единый организм. Соперничество России с некоторыми исламскими государствами, например с Османской империей, определялось преходящими геополитическими причинами и никогда не преследовало цели уничтожения этой цивилизации. Это тоже исторический факт.

Русские заботливо сохраняли памятники и святыни, сам уклад жизни на заселенных мусульманами территориях, присоединенных к России. Менталитет русских, их фольклор, одежда, многие обычаи, в значительной части лексика, словарный запас — все это носило на себе печать мусульманского влияния. Бытует такая хорошая поговорка, я хотел бы ее сегодня привести: "Поскреби русского — обнаружишь татарина". Общались, дружили, роднились, несмотря на религиозные различия. И это придавало блеск и разнообразие всей русской культуре, близкой и понятной любому народу, населяющему Россию. Хочу сослаться на известного крымского татарского просветителя Исмаила Гаспринского. Он писал эти слова еще 120 лет назад в своей работе "Русское мусульманство". Обратите внима-

ние — русское мусульманство! Он говорил: "России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умаляет ее значение как великой христианской державы". И далее: "Русские мусульмане по законам нашего Отечества пользуются равными правами с коренными русскими, и даже в некоторых случаях на вооружении их общественно-религиозного быта имеются кое-какие преимущества и льготы. Кроме верования, все остальное сближает и скрепляет их. Мусульмане и русские могут вместе, рядом пахать, сеять, растить скот, промышлять, торговать, и их умения не слишком разнятся. Что же влечет их в Россию и к России, как не стихийное сродство?" — заключает Гаспринский.

Мирное взаимодействие двух великих мировых религий — один из главных уроков нашей российской истории, являющейся предметом внимательного изучения и анализа. Не случайно организованная два года назад в Государственной Думе конференция на тему "Ислам и политическая стабильность: 14 веков российской истории", посвященная как раз 1400-летию появления ислама на территории России, вызвала оживленный интерес в обществе. До сих пор еще эта тема бытует в некоторых политических и депутатских дискуссиях.

Но сегодня мы, как и все европейцы, чувствуем, что международные экстремистские организации, я бы сказал, нагло прикрываясь религиозными лозунгами, не только сеют семена зла, межконфессиональной и межнациональной розни, но вольно или невольно подводят к мысли о том, что мирное сосуществование и диалог религий и цивилизаций невозможны, и что теория С. Хантингтона о конфликте цивилизаций уже недалека от реальной практики, и что их столкновение неизбежно.

Хочу заметить при этом: потенциал цивилизационного диалога далеко еще не исчерпан. Более того, практически он еще не задействован. Многие политологи считают, что после того что произошло в Чечне, Буденновске, Кизляре, Москве, власть и народ в России изменяют свое отношение

к исламу и мусульманам. Мы считаем, что это заблуждение, что эта мысль ошибочна и что она искусственно навязывается обществу.

Проблему ислама в России пытаются создать и раздуть. А ее нет! На протяжении многих веков славянские и тюркские народы не только жили в мире, но и в синтезе своих культур. Сохранив свой первоначальный архетип, они рождали новую, общенациональную культуру. В результате российская цивилизация, став сплавом многих цивилизаций, получила благодаря этому небывалый запас прочности, чего, кстати говоря, нет сейчас в Европе. Так что то, что происходит сейчас в некоторых СМИ, — это попытка сначала искусственно расчлнить, а затем противопоставить части единого, неразрывного целого.

Как бы ставится провокационный вопрос: российские мусульмане относятся к российской или к исламской цивилизации? Это и есть попытка, на мой взгляд, разжигания религиозной и национальной розни. Конечно, мусульмане всех стран связаны с великой всемирной исламской цивилизацией. Но ведь российская цивилизация выросла и на ее основе, обогащаясь тесным контактом с ней. И здесь никакой проблемы не возникало. Откуда же берется это недоверие к исламу?

Действительно, исторически существовало противостояние исламской и христианской цивилизации. История тому пример. Происходило столкновение менталитетов, социальных моделей, ценностных ориентаций. Но ведь и западная цивилизация воспринимала многое с Востока, как и восточная пополнялась достижениями западной цивилизации. Шел взаимообмен. И, по-моему, надо нам всем помнить, что все великие идеи в Европу пришли с Востока.

В современном информационном постиндустриальном мире опасность такого противостояния значительно возросла, так как она может расколоть ставший единым и взаимосвязанным мир. И здесь поучителен опыт России,

где взаимодействуют без всякой конфронтации и христиане, и мусульмане, и буддисты, и иудеи.

Как связать укрепление, развитие традиционных религий в России с укреплением прав и свобод граждан? Это одна из тем нашей конференции. Через гражданское общество, на мой взгляд, так как религия является важнейшим институтом гражданского общества.

В России много конфессий, они разновеликие, но одинаково способствующие укреплению нашего общего социума. В этом мы видим основу не только межконфессионального мира и гармонии, но и потенциал нашего будущего развития, становления в стране полноценного гражданского общества как фундамента демократического развития. На Западе уже много сделано для его утверждения. Но важная конструкция еще не достроена. А на Востоке строительство гражданского общества началось именно с возведения духовного фундамента. У нас общество и государство пронизаны духовностью в значительной степени светской, но сохраняющей лучшие религиозные традиции Отечества.

В Иране, например, принят термин "восточное, или исламское, гражданское общество". О таком обществе писал еще отец мусульманской политической философии А. Раби. Он различал два основных типа государства: невежественное и добродетельное. Современная Россия тоже стремится к построению гражданского общества на последовательно гуманистических началах, при ведущей роли справедливого, добродетельного, социально ориентированного государства. Но это пока лишь попытка.

Духовность, формируемая православием и исламом как основа гражданского общества, имеет неизмеримо более важное значение, чем, скажем, материальные богатства. Как говорил Мухаммед, если бы людям давали все, на что они претендуют, то жизнь и все имущество нации были бы потеряны. Обратите внимание, что и принятая ООН концепция устойчивого развития как раз направлена на формирование у людей чувства самоограничения, заботы

о сохранении природной среды. Так, мировая традиция преломляется в современные светские дела, направленные на защиту настоящего и будущего человечества.

Сейчас много говорят о террористических группировках, прикрывающих свою античеловеческую деятельность зеленым знаменем ислама. Иногда можно услышать и упреки в адрес исламской цивилизации, что она тоталитарна, харизматична, порождает деспотизм. Однако в действительности формируемое на основе православия и ислама гражданское общество неизбежно плюралистично. Такая плюралистичность заложена в саму его духовную основу. Россия — многоконфессиональная страна, а каждая из ее традиционных конфессий многообразна. Исламская политическая и философская доктрина, которая породила много взаимодействующих школ и направлений, также отражает поликонфессиональность и плюралистичность.

Плюрализм и демократизм восточного общества сопоставим по своим масштабам и глубине с западным политическим, то есть межпартийным, плюрализмом зачастую лишь формально, юридически. Он затрагивает судьбы миллионов людей, в то время как межпартийное соперничество порой интересуется только профессиональных политиков. Ясно, что в подлинно гражданском обществе должен существовать и религиозный, и культурный, и политический плюрализм, тогда демократический характер общественного развития действительно будет и полномочным, и гарантированным.

Возьмем Россию. Она многоконфессиональна. Хотя некоторые конфессии поддерживает всего 1, 2, 3, 0,5 процента населения. Она и многонациональна, хотя русские в России составляют 85 процентов. Во Франции, скажем, французов только 60 процентов населения, но она считается мононациональной и моноконфессиональной. В этом, кстати говоря, тоже состоит и уникальность, и самобытность России. Так что демократизм, многоконфессиональность и многонациональность намного выше по своему качеству формального демократизма, политического плюрализма.

Хотелось бы отметить еще одно по-разному трактуемое восприятие гражданского общества, связанное с выявлением его духовных основ. Некоторые объясняют становление такого общества развитием рыночных отношений. Особенно укоренилось это представление в России. Но я хочу сослаться на Дж. Сороса. Он был глубоко прав, когда выделял в качестве самостоятельных элементов жизни общества общественные и рыночные отношения и их подразделения. Развитие общественных отношений складывается там, где господствуют высокая мораль, нравственность, человеколюбие, то есть существует высокая духовность. Такое общество можно назвать действительно демократическим и гражданским. А там, где все определяют чистоган, нажива, выкорчевывается духовность, выкорчевывается и гражданственность. Можно представить себе, что произойдет, если весь мир пойдет только на рыночные отношения! Скажем, не только Россия, но и Индия, Китай. Что тогда станет с Европой и США? Их просто задавят и дешевым товаром, и потоками мигрантов, готовых жить на мизерную зарплату и плодиться отнюдь не как европейцы.

В европейских странах мусульмане — пришлое население, не укорененное традициями, не связанное исторически и культурно с территорией и почвой. Отсюда рождаются проблемы. Российские же конфессии порождены общей ментальностью народов страны, которую они считают своей единственной родиной. Для нас ислам также близок и дорог, как и христианство, как и православие, как и буддизм, как и иудаизм, как и другие традиционные верования.

Хочу отметить и следующее обстоятельство: для ислама в России нет никакой угрозы в том, что в России крепнет православие. А то, что православие крепнет, — это факт. Давайте на минуту представим, что мы убрали этот стержень нашей государственности и культуры. Все просто рухнет. Единая Россия падет, став достоянием истории. Но православие — это еще и стержень нашей веры. Если не будет православия, не будет веры вообще. И в Европе есть

тому негативные примеры. Взять хотя бы Чехию. По данным некоторых социологов, проводивших там опрос, 80 процентов населения этой страны сказали, что они атеисты.

Давайте взглянем на состав российских конфессий. Из 20,5 тысячи зарегистрированных Минюстом на 1 января религиозных организаций 11 тысяч — это православные, а 3 тысячи — мусульмане. Правда, у них этих организаций меньше, чем у протестантов, но это значительная часть. Это баланс, причем образованный не за один десяток лет, и нарушать его нельзя. Ведь этим людям жить в России. Конфессиональные границы развития ислама в России этнические. Нельзя говорить лишь о религиозном факторе, не учитывая фактор этнический. Показатель религиозности может меняться, но не может быть ниже определенного соотношения уровня этносов.

Необходимость всестороннего диалога цивилизаций осознают сейчас лидеры многих стран. Так, всем известно, что по инициативе Президента Исламской Республики Иран М. Хаттами 2000 год был объявлен 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН Годом диалога цивилизаций. Эта инициатива была поддержана руководителями большинства стран мира. Надо признать, что, говоря о диалоге цивилизаций как факторе упрочения мира, в большей степени мы имеем в виду две крупнейшие вселенские цивилизации и культуры — христианскую и исламскую, оказавшиеся на острие современных политических и социально-экономических противоречий.

Сегодня, когда во всем мире продолжается поиск путей духовного возрождения, экономического процветания, устойчивого развития, нам, по-моему, следует полнее использовать и духовно-нравственный потенциал ислама. Например, такие основополагающие ценности и установки, как принцип умеренности во всем: в политике, экономике, социальной сфере, личном поведении, и многие другие. Мы уважаем ислам как великую мировую религию, учение, которое исповедуют миллионы российских граждан и де-

сятки коренных народов Российской Федерации. Нам понятно, что он не имеет никакого отношения к потрясшим весь мир трагедиям Манхэттена и "Норд-Оста". Но многие люди из разных стран, в том числе и России, задают вопрос: почему и как стало возможным, что именем ислама, религией мира и гуманизма, прикрываются чудовищные преступления? Почему преступления против человечества, против мирных людей оправдываются их исполнителями в рамках богословских и философских категорий и понятий мирового исламского учения? Какими внешними и внутренними факторами обусловлена вспышка так называемого исламского экстремизма? Истолкование каких догматов служит основой для исполнения подобных действий? Мне думается, что на нашем форуме будут даны ответы на эти и многие другие вопросы. Продиктованные самой жизнью, они волнуют наш многоконфессиональный мир, и в первую очередь, как мне представляется, самих мусульман.

Преступления новоявленных радикальных исламских деятелей, воинствующих "борцов за веру" наносят особый вред самому исламу. Помочь мусульманам в деле противодействия экстремизму и терроризму, прикрытым псевдорелигиозными лозунгами, — задача всех просвещенных людей. Я думаю, это и задача настоящей конференции. Но, как справедливо отметил в своем выступлении в Бундестаге ФРГ Президент России В.В. Путин, главное лекарство от исламского экстремизма надо искать в самом исламе. Уверен, что уже без малого полуторатысячелетний духовный опыт ислама, его высокие гуманистические идеалы, потенциал миролюбия и толерантности в очередной раз докажут свое превосходство в борьбе с невежеством и воинствующим фанатизмом. Я в этом уверен.

М. Ингенлат. Большое спасибо, Виктор Ильич, за это выступление с точки зрения политика.

Я рад в качестве следующего докладчика представить вам сопредседателя Совета муфтиев России муфтия Нафигулу Аширова. Он здесь выступает по поручению Совета муфтиев России. Я уже говорил в начале о том, что Совет

муфтиев накануне конференции оказывал нам большую помощь. Я очень рад предоставить сейчас слово Вам, господин муфтий Аширов.

Н. Аширов, сопредседатель Совета муфтиев России, председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России.

Бисмилляхир Рахманир Рахим! Во-первых, я хотел бы передать приветствие руководителя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина, который сегодня находится в Страсбурге и по этой причине не может, к сожалению, присутствовать на этой важной для нас и ответственной конференции. Естественно, этот вопрос, сама тема конференции в той или иной мере касаются мусульман. И я хотел бы кратко высказать свое мнение по этому вопросу, чтобы наша конференция пошла по тому руслу, которое привело бы нас к действительному согласию, взаимопониманию и к той конечной цели, которую, я надеюсь, все мы здесь пытаемся достичь. Эта конечная цель — понять друг друга и постараться найти пути выхода из кризисных ситуаций, которые иногда складываются в наших отношениях. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, причина конфликтных ситуаций и отсутствия взаимопонимания во многом возникает из-за того, что мы очень часто, не задумываясь и не оглядываясь на историю человечества, пытаемся связать текущие трагические события, которые происходят в мире, с одной из величайших религий земного шара. Если мы заглянем в историю, то увидим множество трагедий, которые потрясали человечество, но тем не менее не связывались с какой-либо конкретной религией. Вспомним гитлеризм. У каждого фашистского солдата на ремне было написано "С нами Бог".

Сегодня те, кто хочет превратить Россию в мелкие княжества, пытаются взорвать ее изнутри. А взорвать ее изнутри можно лишь тогда, когда единство ее народов и взаимопонимание ее конфессий уйдут в небытие и мы, схватившись за мечи, будем рубить друг друга.

Ислам как мировая религия, обращенная ко всему человечеству, многократно говорит о единстве происхождения всех людей. В исламе нет расизма. В исламе нет национализма. Ислам — это религия, которая стоит над национальными интересами, которая обращена к интересам всего человечества. Можно привести аяты Корана, в которых Аллах говорит не "О, мусульмане!", а "О, люди! Воистину мы создали вас от одного отца и от одной матери, разделили вас на разные племена и разные народы для того, чтобы вы познавали друг друга, для того, чтобы вы сотрудничали друг с другом, для того, чтобы вы не искали превосходства одних над другими: белого над черным, черного над белым..." и так далее. Пророк Мухаммед, да будет мир над ним, да будет мир над всеми пророками, также сказал: "Все вы восходите к Адаму: и черные, и белые, и красные, и мусульмане, и христиане, и буддисты. Все вы восходите к Адаму — это ваш отец. Он создан из земли, из праха, куда вы все вернетесь. Есть ли у вас богатство или нет, босы вы или одеты, все равно вы вернетесь туда, откуда пришли".

Если мы будем об этом помнить, тогда не будем выискивать на улицах Москвы азиата, чтобы проверить у него паспорт, тогда не будет одурманенная молодежь с арматурой в руке выискивать на московском рынке индуса или пакистанца, чтобы хрястнуть его по черепу. Если мы будем помнить о единстве всего человечества, то не будем выискивать человека, не похожего на себя, чтобы унижить его или оскорбить. Более того, ислам учит тому, что все религиозные конфессии, по крайней мере монотеистические, которые имеют ниспосланные свыше книги, восходят к единому источнику. Мусульмане, когда вспоминают имя Моисея, говорят: "Пусть будет мир над ним!" И когда вспоминают Иисуса Христа, говорят: "Пусть будет мир над ним!" И все те религии, которые были до ислама, являются уважаемыми, потому что это — религии, ниспосланные всевышним Господом. Если мы будем помнить об этом, то не будем смотреть друг на друга через автоматные

прицелы и искать повод, чтобы истребить друг друга. Пророк Мухаммед не говорил: "Возлюби для мусульман все, что любишь для себя", он говорил: "Возлюби для всего человечества, возлюби для всех людей (будь то чуваш, или чукча, или русский, или цыган, или еврей) то, что ты любишь для себя". Это мы тоже должны помнить. И поэтому теории и концепции о столкновении цивилизаций в условиях Российской Федерации, по крайней мере при правильной национальной политике, при правильном подходе к тем или иным запросам народов Российской Федерации, в принципе невозможны. Потому что, как здесь уже прозвучало, мы в течение многих столетий живем в рамках единого государства, и у нас никогда не было межрелигиозных конфликтов.

Те конфликты, которые сегодня имеют место, не являются религиозными конфликтами, они являются политическими конфликтами, которые должны решать политики, сидящие и в Кремле, и в Белом доме, и в Государственной Думе, и в Совете Федерации, применяя те или иные возможности Российского государства. Но не нужно втягивать в эти конфликты ислам, христианство или какие-либо другие конфессии. У религии совершенно другая цель. Это очищение души человека. Это возвращение любви между людьми. Это утверждение мира, стабильности. И это религиозные конфессии сегодня выполняют. А когда политики, журналисты пытаются спекулировать на тех или иных лозунгах тех или иных людей или сил, втягивая при этом огромные массы людей в конфликт, это направлено против интересов человечества, против интересов России, против интересов ее народов. От этого нам нужно воздержаться и в ходе нашей конференции.

М. Ингенлат. Большое спасибо, господин муфтий Аширов, за это выступление и доклад от имени Совета муфтиев России.

Сейчас позвольте пойти далее по программе и представить вам в качестве следующего докладчика господина Полосина. Он советник Совета муфтиев России и будет

говорить о правах человека, свободе и демократии в современном исламе. Это тема, которую мы выбрали для первой части конференции: как смотрит ислам на ценностный порядок, как он рассматривает самого себя внутри ценностного порядка по отношению к другим мировым цивилизациям. Это основа дальнейших дискуссий.

Пожалуйста, Али Вячеслав, Вам слово.

Али В. Полосин, советник Совета муфтиев России, доктор философских наук.

Бисмилляхир Рахманир Рахим! Уважаемое высокое собрание! С легкой руки господина С. Хантингтона сегодня пытаются усмотреть столкновение христианской и исламской цивилизаций. При этом нет единого научного определения самого понятия "цивилизация". Мне кажется, что пассаж Хантингтона родился именно вследствие отсутствия такого единого понятия.

Хотелось бы, к примеру, узнать, что такое христианская цивилизация в современном мире? То есть в каких конкретных странах Библия положена в основу конституции? На мой взгляд очевидно, что современная цивилизация Запада базируется не на христианских, а скорее на масонских ценностях и вытекающей из них идеологии либерализма, ставшей доминантой жизни Запада после цепи буржуазных революций. Эти революции отстранили от власти абсолютных монархов и ввели свободный рынок и необходимый для его существования набор демократических свобод. Эти свободы, в свою очередь, породили массовую культуру — культуру, основанную на критерии коммерческой выгоды, прибыли. Неужели современная западная "свобода от всего" — это и есть христианская цивилизация? Думаю, вряд ли сами христиане с этим согласятся. Во всяком случае, один из лидеров Русской православной церкви, председатель отдела внешних церковных связей митрополит Кирилл в своих публикациях в "Независимой газете" выступил с серьезной теоретической критикой либерализма как раз от имени христианства. И его позиция

нашла позитивный отклик среди многих мусульман и представителей других традиционных религий.

Зато исламская цивилизация действительно основана на нормах Корана и имела реальное выражение в халифате. Однако сегодня халифата нет, и говорить об исламской цивилизации, как о чем-то цельном и едином, тоже весьма затруднительно. Цивилизация Турции сильно отличается от цивилизации Саудовской Аравии, цивилизация Ирана — от них обеих. Между цивилизацией Ибн Сины, Аль Рошда, Аль Газали, Улугбека, Навои и Руми и цивилизацией аравийского пропагандиста XVIII века Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба такая же пропасть, как между исламской религией и культом индийской богини Кали.

Тем не менее ислам не сдается перед мощным натиском атеистического и оккультного вариантов либерализма. И если уж говорить о противостоянии цивилизаций, то это противостояние имеет место между исламом и современным западным либерализмом, дошедшим в своем развитии до фазы, близкой к массовому суициду, моральному разложению в стиле Римской империи периода заката, естественной убыли населения, гибели от наркотиков, СПИДа и тому подобному. "Свобода от всего" приводит к отрицанию самой себя и к полному порабощению: свобода употреблять наркотики приводит человека к уничтожению в нем и самой свободы выбора, и самосознания, и всей жизни. Европейские монархи подавляли свободу личности, а либералы боролись с ними. Сегодня либералы с такими же мерками подходят и к исламу, видя в нем угрозу свободе личности. Однако ислам, в отличие от европейских монархий средневековья, явил миру совсем иное учение — учение о равенстве и братстве всех людей и народов, учение о праве человека на свободный выбор религии, учение о договоре как о высшей форме мирного сосуществования между людьми и народами, представляющими различные верования и убеждения. И это было реальностью на протяжении нескольких веков расцвета халифата.

Поэтому сегодня ислам противостоит не христианству, не каким-либо другим религиям, а современному материалистическому, атеистическому либо оккультному либерализму. И противостоит он не с точки зрения защиты или лоббирования каких-то моделей тоталитарных монархий, диктаторских режимов, а наоборот — с позиций подлинной свободы, подлинного равенства и подлинного братства. Звучит это, может быть, несколько парадоксально для современного человека, тем не менее это так. И это заложено в самом учении ислама, это заложено в Коране, это заложено в Сунне благословенного Пророка. Свобода, равенство и братство — это коранические принципы, может быть, просто не соединенные в лозунговой формуле. Но им посвящено множество аятов божественной книги.

Недопонимание между современными либералами и представителями ислама возникает из-за того, что есть разные подходы к самой сути вопроса о том, каковы должны быть границы человеческой свободы, в какой мере общество и государство может устанавливать эти границы и требовать их соблюдения. Тем самым все сводится к разнице между религиозным и нерелигиозным мировоззрением. Нерелигиозное, материалистическое мировоззрение считает главной ценностью жизни земную жизнь человека и сопутствующие земные блага. И потому устанавливает границы прав и свобод личности, исходя из этого материального подхода. Вычерчивается некая средняя арифметическая величина, при которой права и свободы всех примерно равны, а критерием является благо для земной жизни каждого.

Напротив, религиозное мировоззрение (не только исламское) считает главной ценностью вечную жизнь человека, и потому критерием прав и свобод человека в этой жизни считает такой тип поведения, который ведет человека к вечному благу, к счастью в вечной жизни, то есть в рай. Отсюда границы прав и свобод личности устанавливаются, исходя из понятия средств достижения счастья в вечной жизни. Блага же этой земной жизни имеют поэтому

релятивный, относительный характер. И в ряде случаев сознательный отказ от них ради будущей вечной жизни считается правильным типом поведения, считается святостью, что может быть совершенно непонятно для нерелигиозного человека.

Проблема усугубляется тем, что в мире есть несколько мировых религий, и каждая устанавливает свой собственный тип поведения как единственно правильный. Поэтому проблема нахождения консенсуса между религиозным и нерелигиозным, либеральными типами мировоззрения становится сложнее. Тем не менее выход есть. И он предполагает, чтобы представители всех мировоззрений договорились сделать шаг навстречу друг другу. Каждый неверующий, либерал, должен признать наличие религиозного типа поведения человека не как какую-то экзотику или принадлежность сугубо частной жизни, а как законную реализацию такого же права человека, как и все остальные права в земной жизни. С другой стороны, каждый верующий, к какой бы религии он ни принадлежал, не должен переносить абсолютность требования своей религии на людей иной веры, иных убеждений. Вера может быть тотальной только по отношению к своему собственному "я", и требовать исполнения религиозных предписаний человек может только от себя самого и от тех, кого имеет право воспитывать, например, от своих детей. Тогда каждая личность и каждое объединение людей, каждая община смогут исповедовать свою веру в полном соответствии с религиозными предписаниями, но не вторгаясь в права других людей, не нарушая этих прав.

Хотя в последнее время в связи с борьбой с международным терроризмом об исламе говорят много негативного и клеветнического, именно ислам учит человека толерантности. Вот что говорится в священном Коране, сура 10, аят 99 (это Всевышний говорит своему Пророку): "И если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали все до одного, кто есть на Земле. Так неужели ты станешь принуждать людей к тому, чтобы они стали верующими?"

Тем самым принятие веры в Бога — это индивидуальное дело каждого. И даже своему благословленному Пророку Творец не дал права принуждать в выборе своих убеждений. Тем более никто другой не вправе это делать.

Основные права и свободы человека в исламе установлены самим Богом в священном Коране. Может быть, многим, не знакомым с исламским учением, это покажется удивительным, но свобода совести и свобода вероисповедания также конституированы в Коране, где говорится: "Скажи, о Пророк: исходит истина от Бога твоего — кто хочет, тот уверует в Него, кто хочет, тот останется неверным" (это сура 18, аят 29). Если проанализировать эти слова, то мы увидим в них и чисто религиозный путь к вечной жизни, и право на свободу вероисповедания, и право на свободу совести. Тем самым право на свободу совести и вероисповедания является необходимым условием и средством исповедания ислама вообще. Наличие подобных свобод отнюдь не означает, что человек не несет ответственности перед Всевышним Аллахом в день великого Суда. В священном Коране говорится, что многобожники и те из обладателей писания, которые отвергли веру в Бога, "гореть навечно будут в адовом огне". Однако Пророку было сказано: "Тебе дано предупреждать, а не вершить над ними суд" (это сура 88, аяты 21—22). То есть наказание верующих является исключительно прерогативой Всевышнего Аллаха и относится к будущей вечной жизни. Так что никто из людей не вправе присваивать себе в этой жизни полномочия судить других людей за их религиозные убеждения. Судить может только суд за конкретные преступления в этой жизни. Но за убеждения — недопустимо. "Нет принуждения в религии", — говорится в суре 2, аят 256. Это фундамент для практической реализации права на свободу совести и вероисповедания.

Это право — необходимое условие существования мусульман как в мусульманском государстве, так и в качестве граждан немусульманского государства. Ибо только

при гарантиях этого права мусульмане могут исполнять в полном объеме установления Аллаха.

Ислам — религия свободы выбора. "Запрещается использование любых методов принуждения для обращения кого-либо в свою веру или навязывание атеистических убеждений", — говорится в Каирской декларации прав человека в исламе 1990 года, подписанной практически всеми мусульманскими государствами. При реализации этого права мусульмане обязаны уважать религиозные убеждения других и стремиться к тому, чтобы жить в мире с ними на основе заключенного договора.

В Коране также утверждены равенство и братство. Причем не только в качестве личной добродетели, но и в качестве обязательных для верующих норм социального поведения. "Вы равны, как зубья расчески", — говорится в хадисах благословенного Пророка Мухаммеда. Нет также какого-либо исключительного богоизбранного народа. Все люди и все народы избраны Богом и могут первенствовать друг перед другом лишь в делах благочестия. То есть в правах никто не имеет привилегий, а только лишь в своей добродетельной жизни человек может первенствовать над другими.

Также благословенный Пророк Мухаммед сказал: "Не относится к нам тот, кто призывает к нетерпимости. И не относится к нам тот, кто сражается, побуждаемый нетерпимостью. И не относится к нам тот, кто умер в своей нетерпимости". Российские мусульмане, входящие в Совет муфтиев России, специально разработали и приняли в 2000 году "Основные положения социальной программы российских мусульман". Это было важно для того, чтобы раскрыть светскому обществу подлинное учение ислама и отмежеваться от экстремистов и террористов, которые лицемерно прикрывают исламскими символами свои преступные деяния. Чем быстрее будет идти возрождение ислама, расти духовный, культурный и общеобразовательный уровень широких масс мусульман, который, к сожалению, сегодня пока еще низок, ибо большинство мусуль-

ман живет в государствах, лишь недавно освободившихся от колониального господства, тем скорее будет достигаться взаимопонимание между мусульманами и представителями других религий и других убеждений.

С другой стороны, единая Европа, более внимательно изучая ценности ислама, его, скажем так, "золотой век", если взять IX—XII столетия, найдет в учении ислама, в священном Коране, истоки своей собственной демократии, своей собственной идеологии защиты прав и свобод человека. Поэтому диалог цивилизаций — вполне реальная и достижимая вещь. И зависит только от людей — как мусульман, так и представителей других религий и других убеждений. То есть это возможно, и это зависит от нас. Как говорится в Коране (сура 13, аят 11): "Воистину, Аллах не изменяет положения людей, пока они не изменятся внутри себя".

М. Ингенлат. Большое спасибо, Али Вячеслав, за обзор ценностей ислама. Были уже затронуты вопросы, которыми мы собираемся заниматься в дальнейшем на данной конференции. Вы упомянули о западной цивилизации и высказали критические замечания в ее адрес в том смысле, что у нее слишком сильная тенденция в сторону либерализма.

Я очень рад, что на этой конференции могу приветствовать и некоторых представителей стран Запада, в частности профессора Бассама Тибби из Германии, профессора Уревича из Парижа, который покажет нам французский подход. Присутствует и отец Кроллиус из Папского грегорианского университета в Риме. Он будет выступать на тему о взаимоотношениях католической церкви и ислама. Я думаю, что некоторые из данных моментов мы в течение конференции рассмотрим более подробно.

А сейчас я рад представить вам отца Всеволода Чаплина. Он не впервые на подобных конференциях. Как раз 23 октября он присутствовал на одном из наших мероприятий, где речь шла о взаимодействии государства и церкви. Я рад, отец Чаплин, что Вы и на этой конференции

готовы обратиться к нам. Мы уже слышали в других выступлениях, что для России в вопросе взаимоотношений с исламом решающей силой является Русская православная церковь. Я очень рад, что Вы сегодня внесете вклад в нашу конференцию, и думаю, что это одна из ее сильных сторон. Ждем с нетерпением Вашего выступления.

Пожалуйста, Вам слово.

В. Чаплин, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

Благодарю Вас, господин Ингенлат. Действительно, радостно сегодня присутствовать на этой конференции, которая поднимает тему, очень важную и для России, и для Европы, и для мира, — тему отношений между исламом и окружающим его обществом. К сожалению, она стала предметом повышенного интереса для многих людей только после 11 сентября 2001 года. На самом деле обратиться к этой теме нужно было гораздо раньше.

Бесспорно, правы многие люди, и в том числе выступавший только что господин Полосин, в том, что есть определенные противоречия, определенные расхождения между либеральной моделью миропонимания и общественного устройства и исламской моделью общественного устройства. То же самое можно сказать в значительной степени и о православии. Есть значительная разница между секулярно-гуманистическим миропониманием и православным миропониманием. В России не случайно тысячу лет, как минимум тысячу лет, ведется достаточно интенсивный и мирный диалог между представителями православного христианства и ислама. Не было религиозных войн между ними. Известно, что были определенные военные столкновения, но они были связаны скорее с территориальными спорами, с борьбой за власть, чем со спорами религиозными, с религиозным противостоянием.

Почему это было так? Почему диалог и сосуществование в России были чем-то нормальным? Я думаю, что основа — в очень глубоком мировоззренческом соприкосновении православного христианства и ислама. Как в

православном христианстве, так и в исламе прослеживается ясное предпочтение духовного перед мирским, идеала вечного спасения перед идеалами земной жизни, идеала предпочтения духовного содержания личности по отношению к мирскому — деньгам, власти, устройению земной жизни. И в том, и в другом мировоззрении ясно прослеживается предпочтение жизни общины перед индивидуальными целями, приветствуется самопожертвование ради общины, будь то семья, будь то Отечество, будь то община верующих. Присутствует ясное отторжение идеи "приватизации" религии. Религия и в православном христианстве, и в исламе — это вещь, которую невозможно заключить только в рамки личности или в рамки семьи. Это вещь, которая всегда должна влиять на общественное устройство, должна влиять на поведение человека везде — в экономике, в политике, в личной жизни, в семейной жизни, в отношениях с деловыми партнерами, в отношениями с партнерами по любой работе и так далее.

Православие не является религией, которую можно исповедовать только в храме. Это религия, которая задает образ жизни и задает образ социума. То же самое можно сказать об исламе. Так вот, эта общность во многом, в целом ряде исторических случаев, исторических периодов, проводила грань определенных разделений, идеологических и даже иногда военных, не по границе христианства и ислама, а по границе, с одной стороны, разделявшей христианство и ислам, а с другой стороны, западные христианские вероисповедания — католичество и протестантизм. Иногда эта граница была между христианством и исламом, иногда она была между восточной христианско-исламской цивилизацией и западной христианской цивилизацией, которую теперь справедливо называют постхристианской. Поэтому нельзя сказать, что восточные христиане всегда выступали в исторических спорах вместе с мусульманами. Иногда это было не так. Но сам факт, что очень часто это было так, о многом свидетельствует и о многом должен нам сказать.

Диалог и сотрудничество между православными христианами и мусульманами в России испытывали, конечно, разные периоды. И во многом разница в этих периодах была связана с разницей исторических формаций, которые наличествовали в государстве. Бесспорно, в период имперский этот диалог и это сотрудничество имели форму, заданную тогдашней государственной властью. Уровень взаимодействия был достаточно высоким. Но в то же время, наверное, религиозный аспект диалога и взаимодействия был не так заметен в силу того, что жизнь православной церкви, жизнь религиозных объединений российских мусульман проходили в параллельных и редко пересекающихся пространствах.

В советское время, по крайней мере начиная с конца 50-х — начала 60-х годов, диалог стал более систематическим и выразился в совместных действиях, связанных с теми или иными общественными проблемами. Подтекстом этих действий часто было стремление как православных христиан, так и мусульман обеспечить должный уровень своих религиозных объединений в обществе перед лицом власти, которая стремилась к минимизации влияния любой религии.

После конца 80-х — начала 90-х годов диалог приобрел более систематизированную, более постоянную форму. Достаточно сказать, что все последние 10—12 лет мы находились практически в каждодневном контакте с представителями разных объединений мусульман, названия которых иногда менялись в эти годы. Тем не менее со всеми основными центрами наша церковь старалась поддерживать постоянные отношения.

В 1998 году эти отношения привели к созданию Межрелигиозного совета России — организации, которая осознает пределы своей деятельности. Она не должна сегодня по крайней мере вести богословские диспуты. Может быть, это задача для будущего. Может быть, такие диспуты сегодня и не очень нужны, поскольку они могут посеять дополнительное противостояние среди верующих.

Что точно не нужно — так это попытки смешения вер, попытки объединить разные религии в вероучительном плане на основе гуманистического стандарта. Гуманистический стандарт ничего не объединяет. Если говорить о верующих, то он не может быть тем знаменателем, под который можно подверстать религии, имеющие принципиально отличное от гуманистического представление об истине, о цели жизни, о цели земного бытия, о цели общества.

Тем не менее, сознательно уходя от вероучительных материй, от того, чтобы вести богословский диалог, Межрелигиозный совет России предпринимает достаточное количество действий, касающихся общественной сферы. Это в первую очередь орган, призванный служить выработке общей позиции религиозных объединений по общественно значимым вопросам, будь то террористические акты, различные аспекты взаимоотношений с государством, разными светскими силами или разного рода экстренные ситуации в жизни религиозных объединений, связанные с расколами, с какими-то острыми потребностями той или иной религиозной общины. Все члены Межрелигиозного совета России стараются проявлять солидарность по этим вопросам.

Диалог, бесспорно, нуждается в развитии, он еще не исчерпал всего своего потенциала. Так или иначе, всегда хорошо, когда лидеры религиозных объединений находятся в добрых отношениях друг с другом, когда они консультируются по каким-то спорным, разделяющим вопросам. Хорошо, когда имеет место общая позиция по отдельным темам.

Надо сказать, что тем для близких позиций сейчас очень много в России. Если говорить не только о христианах и мусульманах, но также о буддистах и иудеях. Это и состояние общественной нравственности. Это и противостояние экстремизму и терроризму. Это и утверждение роли традиционных религий в жизни общества. Это и благотворительность, борьба с наркоманией, алкоголизмом,

беспризорностью и многими другими отрицательными явлениями в жизни общества. И то, что по этим темам ищется консенсус, ищется близость позиций, хорошо само по себе. Но этого мало. Думается, что за диалогом, за установлением добрых отношений самих по себе, за поиском общих позиций по отдельным темам должно последовать полномасштабное партнерство. Партнерство в устроении жизни общества. Были перечислены уже несколько тем, по которым православные христиане, мусульмане, другие традиционные верующие — буддисты, католики, иудеи, протестанты — могут формировать широкую коалицию для практических действий и для воздействия на общественное сознание, что сегодня особенно важно в условиях того, что в России часто главной угрозой является не отсутствие денег, а отсутствие правильно мотивированных людей, отсутствие людей, которые готовы действовать в разных областях жизни страны, основываясь на твердом нравственном чувстве и на твердом наборе нравственных правил.

Думается, в разработке, в утверждении и в поиске новой этической основы для российского общества православные христиане, мусульмане, другие традиционные верующие могут быть очень активными и очень прочными союзниками. Не только на уровне теории, но и на уровне практических действий, будь то совместное участие в деятельности средств массовой информации или совместное присутствие в системе образования, или воздействие на законотворческий процесс, процесс принятия политических решений. Всегда, когда нравственно значимые сферы в жизни общества затрагиваются теми или иными решениями, верующие разных религий, имея часто общую позицию по этим вопросам, могут и должны влиять на эти решения, влиять на общественный климат, влиять на то, в какую сторону в нравственном отношении движется страна. Есть достаточно много механизмов такого влияния. Это и публичные выступления в СМИ, это и диалог с органами государственной власти. Слава Богу, что у нас государст-

венная власть нацелена на диалог с религиозными объединениями и с объединениями верующих граждан.

Надо сказать, что религиозная деятельность — это не только деятельность священнослужителей, это деятельность верующего политика, верующего рабочего, верующего солдата, верующего спортсмена и так далее. Поэтому мотивированное религиозное служение выражается не только в деятельности религиозных организаций как таковых, но и в деятельности ассоциаций верующих граждан, которые имеют точно такое же право на участие в принятии общественных и государственных решений, как и любая другая гражданская ассоциация.

Думается, что от диалога по отдельным темам, основанного на отдельных контактах, нужно переходить к стратегическому партнерству между верующими традиционных религий, нацеленному на то, чтобы их голос в обществе был ясно слышен, чтобы он не подменялся журналистскими, упрощенными, часто карикатурными представлениями о религиозных людях: если мусульманин, то обязательно террорист, если православный, так обязательно "поп — толоконный лоб", если еврей, то обязательно какой-то человек, озабоченный только деньгами, если буддист, то он находится постоянно в нирване. Эти представления, эти клише, которые довольно серьезными СМИ распространяются без всякого стыда, без всякой оглядки на чувства верующих людей, должны быть заменены активной гражданской позицией верующих людей, ясно выраженной и пробившей себе дорогу с опорой на средства массовой информации. И естественно, для этого нам самим, как верующим людям, как религиозным людям, нужно учиться эту позицию ясно выражать, учиться искать согласие в тех или иных выражаемых в обществе словах и делах.

Я думаю, что это возможно. За последние пять-шесть лет очень изменился состав активно верующих людей в России. Некоторые люди считают, что за 12 постперестроечных лет религиозная жизнь осталась такой же, какой она была в период перестройки, что у нас есть буквально

единицы активных и грамотных людей, работающих в религиозной области. Это абсолютно не так. За последние пять-шесть лет появились десятки тысяч верующих людей, в основном молодых или среднего возраста, которые получили специальное образование в религиозных или светских вузах — в исламских, православных, католических, протестантских, еврейских. Эти люди готовы работать как в собственно религиозных организациях, так и вне их. Они работают уже сейчас и как священнослужители, и как учителя, и как журналисты, и как социальные работники на базе религиозных объединений, и как люди, проявляющие активность в других сферах общества. Я абсолютно убежден, что количество грамотных, знающих, просвещенных, активных верующих, имеющих хорошую подготовку, преданных своей вере людей будет расти, что эти люди будут все сильнее переходить от собственно диалога, от контактов к сотрудничеству между религиозными общинами и что их усилиями роль религии окажется в жизни России заметной и сильной.

Отдельно хотелось бы сказать о взаимоотношениях государственной власти с традиционными религиозными общинами. Думается, что одним из самых сильных путей противостояния терроризму и экстремизму должна быть общественная поддержка традиционных религий, тех религий, которые зарекомендовали себя более или менее давним историческим сроком как благонамеренные, как нацеленные на диалог, как приверженные миру. Совсем не нужно такого рода поддержку спускать сверху, как это у нас принято говорить в России. Нужно, чтобы государственная политика отражала настроения общества, нацеленные на поддержку той или иной традиционной религии, религиозной общины, религиозной организации и так далее. Если граждане высказывают предпочтение тому или иному религиозному течению, если видно по объективным признакам, что это течение не взрывает бомбы, а несет мир и настроено на диалог и сотрудничество с другими религиозными движениями и со светским обществом, то

для организованного выражения общественной поддержки не нужно создавать препоны. Если же такое течение агрессивно, и видно, что оно вызывает у людей реакцию отторжения, видно, что люди начинают выступать против, то такая реальность должна побуждать государственные власти на разных уровнях — от местного до общенационального — принимать во внимание такие настроения граждан и действовать соответственно.

В каких формах государство должно признавать общественные предпочтения? Это отдельный вопрос. Возможно, это тема для отдельной конференции. Но надо сказать, что формы и виды такого предпочтения, такого внимания к общественному предпочтению давно разработаны на Западе, в той же Германии, в частности. Я думаю, что рано или поздно появятся они и у нас.

Дай Бог, чтобы развитие российского общества, свободное его развитие, его структуризация, которая сейчас активно идет в России после некоторого периода хаоса и бурных перемен, привели нашу страну к добрым отношениям между верующими различных религий и неверующими людьми. Я надеюсь, что эти цели будут достигнуты страной и залогом этому — мудрость нашего многонационального народа, который за тысячу лет своей исторической жизни смог вобрать в себя наследие великих мировых религий, в первую очередь православного христианства и ислама.

М. Ингенлат. Спасибо большое за Ваше интересное выступление.

Передаю слово профессору МГИМО Зубову.

А.Б. Зубов. Господа, дорогие коллеги! Я благодарю Фонд имени Конрада Аденауэра за то, что он поддержал эту важнейшую тему, важнейшую для России конференцию. И очень знаменательно, что фонд, который ее проводит и поддерживает, — это Фонд имени Конрада Аденауэра. В образе Конрада Аденауэра для нашей конференции важны два момента.

Во-первых, это человек, который не побоялся выступить против большинства своего народа, когда народ был

не прав, когда народ был увлечен безумными и человеконенавистническими нацистскими идеями. Он был тем меньшинством, которое предпочло гонения, возможные репрессии измене своей совести. Это первый для нас урок: не общности, а отдельные люди являются мерилем смысла жизни человечества и смысла человека.

И второй важнейший урок: Конрад Аденауэр в своей деятельности — и в качестве противника нацизма, и в качестве главы германского государства — одухотворялся принципами христианства, глубокой верой в Бога и упованием на него. И поэтому все разговоры о том, что мы сейчас говорим о постхристианской западной цивилизации, о цивилизации атеистической, разложившейся, неверны, дорогие друзья. Мы сейчас говорим о цивилизации, которая во многом отходит от христианских принципов, но еще, слава Богу, далеко не отбросила их полностью. Но, во-первых, не нам, русским, об этом судить после 75 лет богоборческого атеизма и уничтожения десятков миллионов людей, по сравнению с чем даже нацистские гекатомбы кажутся сравнительно небольшими. И во-вторых, по богословскому принципу зло есть не абсолютное качество, а лишь умаление добра. Западная цивилизация в той степени существует, в какой еще есть в ней христианский, духовный, нравственный потенциал. Это легко увидеть и в нормах закона, и в апелляции к имени Божьему во многих случаях, и, наконец, в тех нравственных принципах, в частности в принципах свободы личности, либеральных принципах, которыми одухотворяется и ныне западная цивилизация.

В связи с этим я бы хотел сказать, что наша конференция, ее первая часть прошла в очень благочестивом русле взаимных уверений в том, что все очень хорошо: и христианство ужасно хорошее, и ислам совершенно замечательный. Непонятно только, зачем тогда мы собрались? Еще раз об этом сказать — это, конечно, хорошо, но ведь задача людей не заклинать правду, а исследовать ее.

И следует помнить, что как только Фрэнсис Фукуяма провозгласил в 1991 году "завершение истории", со всем миром случилась ужасная история. Одно за другим стали происходить явления, совершенно необычные, до этого не происходившие, смутившие весь мир и вызвавшие в нем совершенно неоднозначную реакцию. Речь идет о том самом предмете нашего исследования, которому посвящена конференция, а именно феномену появления радикального ислама. Конечно, радикальный ислам — явление не вчерашнего дня и не 2001 года. Но именно с 2001 года, с 11 сентября, он стал тем явлением, не говорить о котором невозможно и говорят о котором буквально все: от простых людей, которые смотрят телевизор, до высокопоставленных политиков и ученых. Что же стоит за этим явлением и в какой степени это явление мы можем назвать исламом? Это тоталитарная идеология или что-то иное?

Во-первых, скажем прямо, события последних лет в самом исламском мире вызвали далеко не однозначную реакцию. Они не вызвали реакцию всеобщего возмущения, всеобщего протеста. Весь исламский мир как один человек не высказался с глубоким возмущением ни устами лидеров, которые, естественно, должны были соблюдать политическую корректность, ни устами народа по поводу действий, которые были совершены в Торговом центре в Нью-Йорке, не высказался по поводу действий, которые были совершены на мюзикле "Норд-Ост" в Москве. Мнения мусульманского мира разделились. Одни были глубоко возмущены и считали, что это профанация религии, что это скорее действия, которые обессиливают и порочат исламскую веру в глазах всего мира и в первую очередь в глазах самих мусульман. Но другие радовались этим событиям. Их было немало, и они считали, что эти события в некотором роде наконец-то долгожданный реванш истинной веры над неверными. Что греха таить, таких людей было много повсюду — от Нигерии до Индонезии. И если бы таких людей вовсе не было, то и радикального ислама не было бы. Соответственно, мы имеем дело с некоторым явным культурным феноменом.

Говорить о том, что его нет, это значит давать шанс для того, чтобы он появлялся вновь и вновь. Сказать, что он есть, это значит открыть возможность для его исследования и понимания.

В настоящее время существует несколько объяснений феномена радикального ислама (то, что он есть, мы с этим согласимся). Первое объяснение — это то, что речь действительно идет, как говорил С. Хантингтон (и не стоит старика совсем уж загонять за Можай, он все-таки крупный мыслитель), о конфликте цивилизаций. Это конфликт цивилизации западнохристианской, как он ее называл, евангелическо-католической и цивилизации исламской. Здесь, надо сказать, есть своя правда. Мы видим, что действительно есть два цивилизационных круга. Есть западноевропейская цивилизация, в которую входят также и Соединенные Штаты, и британские "белые" доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия). Наличие этой западноевропейской цивилизации признавали и величайшие мыслители — такие как Тойнби или Доусон. И у нас нет никаких оснований считать, что это выдумка. И есть исламская цивилизация — это тоже, безусловно, факт.

Эти цивилизации сейчас находятся в сложных отношениях, часто взаимно не понимают друг друга. Но дело в том, что конфликт цивилизаций — это фикция на другом уровне. Цивилизации сами по себе в активном конфликте, в военном столкновении редко участвуют. Цивилизация не стремится никогда к прозелитизму. Противоположные случаи весьма редки. И, скажем, призыв к общечеловеческим ценностям современной западной цивилизации — это, может быть, одна из первых попыток цивилизационного прозелитизма. А в общем-то цивилизации чаще всего остаются внутри себя и действительно их очень трудно экспортировать. Скажем, Япония приняла очень многие ценности западной цивилизации, но, безусловно, она осталась японской цивилизацией, и ни Англией, ни Францией она не стала. И можно смело сказать, что никогда не станет.

Поэтому конфликт цивилизаций — в некотором роде латентное состояние общества, потому что, к сожалению, в нашем падшем мире различия, как правило, выражаются в форме конфликта. Но с другой стороны, этот конфликт редко соединяется именно с цивилизационной агрессией. Тем более называть радикальный ислам агрессией одной цивилизации против другой неверно потому, что, как мы только что сказали, очень многие в исламском мире не признают нынешний радикальный ислам своим и считают его "выродком", если угодно, "бастардом" ислама.

Второй тезис — это конфликт двух религий. Здесь, к сожалению, есть больше по крайней мере исторической правды, исторической подосновы. Только что говорилось в очень благонамеренных докладах о том, что христианство и ислам всегда, или почти всегда, жили в удивительном мире и согласии. Но для историка совершенно ясно, что это не так. Это очевидно не так. И надо сказать, что историку тяжело слушать такие благонамеренные, но далекие от исторической правды речи, потому что мы должны говорить правду и делать выводы из правды, а не пытаться скрыть правду, как это делали, скажем, большевики или те же нацисты, и думать, что этим мы принесем радость людям. Кроме горя, ничего не принесем.

Византия с халифатом находились в почти перманентном состоянии войны. И эта война, конечно, была не геополитической, а именно религиозной. Благочестивые халифы, когда вышли из Саудовской Аравии после смерти пророка Мухаммеда, разумеется, вышли оттуда, преследуя не геополитические, а сугубо религиозные цели. Именно следование этим религиозным целям привело к завоеванию огромной части мира — от Инда до Луары или по крайней мере до Пиренейского полуострова.

Наконец, и в самом российском обществе отношения были далеко не лучезарными. Надо сказать, что преследования христиан мусульманами были менее явными, они не имели такого религиозного характера, как преследования мусульман христианами после завоевания Иваном Грозным

Казани и Астрахани. Вплоть до XVIII века (в частности, при Анне Иоанновне) эти преследования носили весьма серьезный характер, в том числе имели своим следствием появление довольно большой группы татар, сначала насильственно принявших крещение, а потом, как это часто бывает, привыкших к своему новому статусу.

Были и другие ситуации — ситуации мира, сосуществования, все это было, но было и другое. Две религии, безусловно, находились в состоянии конфликта, потому что обе религии — это религии с точки зрения религиоведов прозелитические. Сейчас слово "прозелитизм" очень нелюбимо. У греков есть даже закон против прозелитизма. Но не надо забывать, что и христианство, и ислам призывают к проповеди — к активной проповеди своей религии, и при этом немножечко разными средствами. И это тоже, видимо, следует отметить.

Я, честно говоря, ожидал услышать объяснение именно тех аятов Корана, где говорится о проповеди веры с использованием силы. Этим ислам отличается от христианства. Но не услышал этого. Это в общем-то не совсем верно, потому что мы ничего не должны замалчивать. Мы должны называть вещи своими именами, и тогда только у нас проявится истина.

Еще одна ошибка анализа — это выставлять одну из сторон анализа теоретически, а другую рассматривать практически. Этим страдали славянофилы, когда они критиковали реальный Запад с точки зрения никогда не существовавшего идеального православного общества.

Так вот, по крайней мере в теории христианство предполагает отказ от насилия. Предполагает распространение веры путем жертвы и мученичества. Собственно, если использовать мусульманский термин, то сунна Христа — это сунна самопожертвования, отдания себя в жертву до смерти. И эту сунну Христа повторили миллионы мучеников, повторили все (кроме апостола Иоанна) апостолы, которые приняли мученическую смерть за свою веру. Другое дело, что в практике христианства было сколько

угодно случаев противоположных. Это отношение к морискам в Испании. Это отношения между католиками и православными в эпоху Крестовых походов. Это отношение к мусульманам в созданных в Палестине христианских государствах в эпоху Крестовых походов. И масса других случаев, вплоть до испанской инквизиции в Америке. И здесь православие отнюдь не отличается от католицизма, хотя масштаб был другой.

Теория ислама в этом смысле иная. Теория ислама предполагает борьбу с духовным противником с использованием силы. Это "противление злу силой". То самое, о чем так любил говорить православный философ И. Ильин. Противление злу силой — злу неверия, злу заблуждения. "Тем, кто подвергся нападению, дозволено сражаться, защищая себя от насилия", — объявляет Бог в Святом Коране (22,39). Я понимаю, что в глазах мусульман богословствование на мусульманские темы немусульманина выглядит наивно и глупо. Тем не менее я должен заметить, что есть всем известный, по крайней мере специалистам, 29-й аят 9-й суры Корана, где говорится следующее: "Воюйте с теми, кто не верует в Бога и в последний день; не считает запрещенным того, что запретил Бог и его Посланник; и с теми, из получивших Писание (то есть с христианами и иудеями. — *Б. З.*), которые не принимают истинного вероустава доколе, покуда они не будут давать выкуп за свою жизнь, обессиленные, униженные". Это есть, слова из песни не выкинешь. Есть другие суры, другие аяты, говорящие примерно о том же самом. И это заставило одного суданского богослова недавно даже высказать совершенно еретическую, с точки зрения мусульманина, мысль о том, что мекканские и мединские суры находятся в контрадикции друг с другом, и мы должны для нашего нынешнего образа жизни принимать суры мекканские, но отвергать суры мединские, что, конечно же, с точки зрения богооткровенности Корана абсурдно.

В этой ситуации возникают сложности: ислам действительно предполагает, что надо бороться за веру. И

вспомним сунну Мухаммеда, что первая кровь, которая пролилась в борьбе за веру, была кровь противников Мухаммеда, которую пролил Али, ударив ослиной челюстью одного из тех, кто пытался помешать Мухаммеду молиться, а отнюдь не кровь самого Мухаммеда или его ближайших сподвижников. Здесь между христианством и исламом есть принципиальная разница, которая дает потенцию конфликта, и именно этот потенциал конфликта сейчас и одухотворяет радикальных исламистов. Поскольку вы понимаете, что без глубокого одухотворения невозможно отдавать свою жизнь, а именно это мы видим на каждом шагу со стороны так называемого шахидизма.

И в то же время мы должны сказать, что такое просторечивое использование понятия "джихад", как войны, — неверно. Действительно, во многих случаях джихад так понимается, но на самом деле джихад — это усилие в направлении к Богу. "Джихад фиссадил Аллах" — это совершенно не война, это внутренний духовный подвиг человека. И уж как понимать джихад — как подвиг души, как путь к Богу, как борьбу с собой или как борьбу с иным, — это, естественно, вопрос совести человека. Но в радикальном исламе он понимается по-другому. И в этом смысле нынешний мусульманский радикализм — это религиозный конфликт.

И, наконец, третий аспект нынешнего конфликта — это борьба двух аксиологий, то есть двух ценностных систем. Уже не систем христианства и ислама, а двух различных ценностных общественных систем. И здесь справедливы те слова, которые говорились до этого, — что западная цивилизация, не потерявшая своих религиозных основ, тем не менее во многом стала цивилизацией гедонистической и эвдомонической аксиологий, то есть видящей смысл и цель исключительно в земной жизни, в наслаждении ее радостями и прелестями. Такая жизненная установка у людей и цивилизаций преимущественно религиозных вызывает отторжение. В частности, и у мусульманской цивилизации, которая видит цель человека в

преодолении греха в этой жизни ради достижения вечности, спасения и пребывания у Бога, в созидании себя как "вали Аллах", то есть друга Божьего.

Этот конфликт двух аксиологий, двух ценностных систем и привел к тому, что мы называем радикальным исламом. Западный человек не может этого понять, но это действительно так. Судя по моим очень многим разговорам с коллегами и из Израиля, и с Запада, да и с нашими российскими людьми, западный мир не может понять, как можно в массовом порядке жертвовать своей жизнью непонятно зачем. Ну да, взорвал себя, убил несколько человек, а зачем? Ведь жизнь-то дороже! Если это один случай, второй случай — ну что же, бывает. Всегда бывают такие странные случаи. Но как массовое явление? А шахидизм — это, безусловно, массовое явление в современном радикальном исламе. Это не понятно Западу. Здесь как раз сталкиваются два принципиально разных подхода. Здесь мы можем говорить о Западе как о забывшем свои духовные основания и корни. О Западе, включающем относительно ислама, безусловно, и Россию, забывшем свои духовные корни и не понимающем смысла вечной человеческой жизни, которая не прекращается с завершением нашего земного существования.

Эти предварительные замечания говорят о том, что в принципе в исламе есть некоторая предрасположенность к крайней радикализации. Скажем, бóльшая предрасположенность, чем в христианстве. Но это отнюдь не означает, что нынешний радикальный ислам — это плод, естественное детище исламской веры или исламской цивилизации. Напротив.

И здесь мы подходим к главной проблеме, отличающей тоталитарную систему сознания от религиозной системы сознания. В религиозной системе сознания высшей и абсолютной ценностью является человек, причем человек нумерический. Каждый конкретный человек. Каждый человек, который родился и вышел на свет Божий, — бесценен. Об этом говорится в Коране, об этом говорят

многократно суфийские мыслители, это не раз говорится в суннах, в хадисах. Я даже не буду приводить много примеров, а скажу следующее. У одного из суфиев мы читаем: "Адам — это зеркало обоих миров, все, что есть в двух этих царствиях, зримо в человеке". Это как бы комментарий на 53-й аят 41-й суры: "И Мы явили ему Себя и в небосклоне, и в нем самом", то есть в самом человеке читается Бог, виден Бог. "Человек — хвала Бога на земле", — говорится в мистической "хадис кудси", — "Человек сотворен для Бога, весь мир дан для человека". То есть и ислам, также как и христианство, провозглашает бесценность человеческой личности. Проповедь веры, тот же джихад, даже в самом военном смысле слова, предполагает попытку обратить в истинную веру человека, спасти человека, открыть ему полноту истины. Тем более уж джихад как паломничество, как хадж внутрь человеческого сердца.

И вот этим радикальный ислам отличается от любой религии, в том числе и от обычного ислама. Он рассматривает человека как средство для достижения некоторых целей, совершенно нерелигиозного плана. Ведь религия (от латинского *religio*) — это воссоединение человека с Богом. А тут человек рассматривается как средство для решения некоторых задач, а совсем не как воссоединяющийся с Богом субъект религиозного действия.

Для решения каких же задач потребен в радикальном исламе человек? Главная задача — это распространение ислама, но распространение ислама не как пути спасения для нумерического человека, а как идеологии, как суммы идей. Вроде бы мелочь, но в этой подмене — все. Никогда бы правоверный мусульманин, любящий Бога и видящий в каждом человеке образ Божий, не посмел погубить несколько тысяч людей в Торговом центре в Нью-Йорке. И никогда ни один мусульманин не мог бы радоваться, узнав об этом, а ужаснулся бы тому, что несколько тысяч людей, которым не проповедана истина, которые не смогли никак соотносить себя со словом Божиим, были лишены

жизни якобы от имени Бога. На самом деле, безусловно, от имени врага рода человеческого. То же самое можно сказать о любом террористическом акте и в Израиле, и в России. Именно презрение к человеку — это то, что отличает тоталитарную идеологию.

Буквально вчера мне пришлось вернуться поздно вечером из Италии, где у нас была дискуссия о том, тоталитарен или не тоталитарен итальянский фашизм. Вроде бы с точки зрения тех гекатомб, которые устроили коммунисты в России или нацисты в Германии, итальянский фашизм, который расстрелял 18 человек за политические преступления, кажется — ну просто дитя. И даже если вспомнить о нескольких тысячах евреев (но все равно не шесть же миллионов), погубленных Муссолини после 1943 года, — это несопоставимые цифры. Почему же тем не менее итальянский фашизм тоталитарен? Потому, что он рассматривает человека как средство для создания империи, для воссоздания Великой Италии. Не государство для человека, а человек для государства.

И в этом же смысле современный радикальный ислам с точки зрения исламского богословия, как мне кажется (может быть, я ошибаюсь — я не мусульманин), — это цирк, это верность чему-то другому, но не Богу. Под именем радикального ислама, ислама как идеологии, а не как религии спасения, верного национализму, как мы видим, например, в войне в Чечне, пытаются решить какие-то, может быть, очень справедливые, но вполне национальные, а не религиозные задачи.

Мне кажется, что мы здесь в очередной раз, дорогие друзья, сталкиваемся с тем, что полураспад религий творит всегда колоссальный выброс энергии. Когда распадалось христианство как национальная религия Европы, оно породило несколько страшных межрелигиозных войн. Как вы помните, XVI век — это век межрелигиозных войн в Европе. Оно породило колоссальную нетерпимость, а в итоге привело действительно к постепенной деградации религии.

От имени православия Российская империя создавала империю. Но это создание империи на базе веры привело в итоге к потере веры в народе и к страшной революции 1917 года. Примерно то же самое я сейчас замечаю, к сожалению, в исламском мире. Именно то, что вера перестает быть абсолютной ценностью спасения, а становится средством решения каких-либо других задач — социальной компенсацией третьего мира перед первым миром, национальной компенсацией, скажем, народов мусульманских стран перед более богатыми или более "отвязанными" народами Запада. Попытка компенсации за счет веры и ценой веры приводит всегда к тому, что в конечном счете угасает вера. Но сам этот продукт полураспада весьма страшен.

Мой доклад назван "Современный радикальный ислам: путь спасения или новая тоталитарная идеология?" С тем, что это не путь спасения, я думаю, мы все, здесь присутствующие, согласимся. И мне искренне жаль тех людей, которые отдают свою жизнь, не ведая, куда они попадут после смерти. Конечно, они попадут не в джанаху, не в сады райские. Это совершенно очевидно.

Что такое тоталитарная идеология нового поколения? На этом я хотел бы остановиться чуть подробнее. Дело в том, что все тоталитарные идеологи XX века так или иначе отвергли Бога. Уважаемый муфтий, говоривший передо мной, сказал, что от имени Бога нацисты совершали ужасные преступления. Но этот Бог имел очень мало общего с христианским Богом. Потому что нацизм был не такой активной, как коммунизм, но явно богоборческой идеологией. И для нациста, для эсэсовца вера в Бога была достаточно смешной, внешней вещью. Я помню, как в одном из документов, сейчас опубликованных, во внутренних беседах людей круга графа Шенка фон Штауфенберга один говорил другому: "Только не думайте говорить фюреру, что это аморально. Мораль и апелляция к христианской религии вызывают в нем ненависть". То есть и нацизм, и коммунизм, и итальянский фашизм, несмотря

на сотрудничество с церковью, были идеологиями, которые пытались освободить человека от религии и развязать в нем силы внерелигиозные, по сути говоря, сатанинские. Что, к сожалению, и удалось. Но этот тип тоталитарной идеологии был слаб тем, что он не давал человеку личностной перспективы. Человек должен был отдать свою жизнь и стать винтиком тоталитарной машины без всякой перспективы индивидуального счастья здесь, на земле, и в вечном мире, потому что вечности, естественно, ни для коммунистов, ни для нацистов не было.

Тоталитарная идеология нового поколения, первой из которых является радикальный ислам, впервые соединяет религию с тоталитарной и античеловеческой идеологией не антагонистическими, но симбиотическими связями. Адепту впервые предлагается не только деятельность во имя якобы благой цели здесь, на земле, но и вечная жизнь по ту сторону смерти как воздаяние за такую деятельность. Что, конечно, придает тоталитарным религиям нового поколения намного большую энергичную силу, чем старым и, как уже кажется, чуть ли не добропорядочным, но на самом деле, разумеется, ужасным тоталитарным идеологиям прошлого, XX века.

И я думаю, что здесь ислам не одинок. Может быть, моим мусульманским братьям покажется, что я что-то сказал обидное и не совсем хорошее в отношении ислама. Видит Бог, я очень люблю эту религию. Но я закончу совсем не исламом. Я уверен, что примерно то же самое, но только в менее явной форме (потому что ислам — это мировое пространство, а православие, особенно русское православие, — достаточно локальное явление) формируется сейчас в русском православии. В русском православии сейчас формируется та же тенденция: видеть человека средством для решения определенных целей — национальных, имперских, государственных, пусть даже полурелигиозных, но не усматривать в человеке субъект спасения и главный объект приложения религиозных сил. Отнюдь не личностное, индивидуальное обожествление является целью

такого зарождающегося тоталитарного православия. И не случайно его святыми становятся такие люди, как Распутин или Иван Грозный, о которых сейчас все чаще и чаще с восторженным придыханием говорят далеко не наивные люди, называющие себя православными. И совершенно справедливо, что эти попытки безумной, искореженной радикализации православия вызвали большое осуждение Святейшего Патриарха, вызывают осуждение многих епископов. Но характерно, что в народе это продолжается. И многие уже сейчас говорят, что если ты не считаешь Ивана Грозного, то ты не совсем православный, что-то в тебе есть не то, какая-то ересь, порча.

Тоталитарные идеологии, дорогие друзья, растут снизу. XXI век нам предлагает новый страшный для верующего человека феномен — сатанинский феномен сплава религии с человеконенавистничеством. Дай Бог нам вовремя распознать это страшное явление и таким образом, объединив силы верующих и неверующих людей, но на основе нашей старой веры, нашего старого Бога, любящего человека и видящего в нем абсолютную ценность, противостоять тоталитарной религиозности. Как противостоял либеральный мир в XX веке тоталитарным идеологиям старого поколения, первого поколения, и по милости Божьей, хотя и колоссальным усилием, огромной кровью, но победил их.

М. Ингенлат. Большое спасибо, профессор, за основополагающие определения, за различение понятий, за определение тоталитарных элементов радикального исламизма, а также за самокритичное замечание, высказанное в заключение.

Я, как ведущий, стою перед сложной задачей. Мы сегодня утром рассмотрели громадное количество проблем и информации, из которых, вероятно, вытекает целый ряд вопросов. С другой стороны, истекло также и время, отведенное на нашу дискуссию. Поэтому я предлагаю компромисс. Мы сейчас слушаем три вопроса или три выступления по дискуссии, которые не должны превышать двух минут каждое. Здесь у нас строгий подход: две

минуты — вопрос или пояснение и короткий ответ, который не может превышать одной минуты. Тогда мы, может быть, с небольшим опозданием объявим перерыв.

Первым просит слова муфтий Нафигулла Аширов. Может быть, он прокомментирует то, что отметил профессор Зубов, говоря об отсутствии публичных выступлений со стороны ислама — вопросы об аятах или пояснения в проповедях.

Пожалуйста, муфтий Аширов, Вам слово.

Н. Аширов. Во-первых, я хотел бы сказать о том, что Священный Коран, так же как и Священное Писание, имеют право цитировать и трактовать те люди, которые этому специально обучались. Ибо в глазах мусульманина слова Иисуса Христа, пусть будет мир над ним — "Не мир принес я вам, но меч", — могут интерпретироваться как объявление джихада всему человечеству. Но это не так, я знаю. Поэтому любое высказывание должно быть изучено от начала и до конца. Иначе если мы будем каждое каноническое слово, где говорится о войне или даже об убийстве, трактовать как человеконенавистническую суть ислама, тогда мы можем так же трактовать российскую Конституцию или те законы, которые предписывают человеку защищать свою родину даже путем убийства другого человека или участия в войне. Эти канонические тексты не являются текстами, которые действуют в повседневной жизни, а являются текстами, закрепленными в Коране и нужными для того, чтобы ислам в нужное время при стечении необходимых обстоятельств мог защитить себя или более того — государство, основанное на этих ценностях.

Я хотел бы повторить, что подобные теоретические изыскания как раз и ведут к тому, что люди с опаской начинают друг на друга смотреть и выискивать в тексте тех или иных религиозных книг положения, которые противопоставляют конфессии друг другу и дают повод бояться друг друга. Опыт сосуществования религиозных конфессий в Российской Федерации уникален, его нужно

изучать, им нужно пользоваться и, может быть, распространять для преодоления тех конфликтных ситуаций, которые имеются сегодня в мире. А если говорить о том, что якобы от имени христиан Гитлер уничтожал людей, то я сказал: мы не можем связывать его преступления с христианством. Так же, как не можем связывать и самое массовое в истории человечества убийство — взрывы бомб в Хиросиме и Нагасаки — с христианской идеологией. Это политические устремления и результат политических конфликтов.

М. Ингенлат. Большое спасибо, муфтий Аширов.

Вопрос имеется у Сергея Кортунова.

С.В. Кортунов. Спасибо, господин председатель. У меня два вопроса. Я не ожидаю, что сейчас на эти вопросы будут даны ответы. Но, по существу, эти два вопроса, с моей точки зрения, связаны со смыслом всей нашей конференции.

Мне кажется, что в ходе нашей утренней сессии остался, к сожалению, в стороне вопрос о том, каковы, собственно, причины того, что именно с исламом сейчас ассоциируют свою деятельность международные террористы. У профессора Зубова была своя интерпретация. Но хотелось бы также услышать и разъяснения со стороны наших мусульманских коллег и исламоведов.

Второй вопрос адресован и Али Вячеславу Полосину, и отцу Всеволоду, поскольку этот тезис прозвучал в обоих выступлениях. А именно: либеральные ценности якобы не совсем соответствуют ни подлинным исламским ценностям, ни подлинным православным ценностям. Известно, что Россия, во всяком случае в последние годы, сделала однозначный выбор в пользу либерального западного проекта. Это неоднократно прозвучало из уст Президента Российской Федерации. Да и вся политика Правительства Российской Федерации связана с этим выбором. Поэтому вопрос такой (может быть, он прозвучит провокационно): значит ли это, что как мусульманский российский мир,

так и православный мир не вполне одобряют либеральный выбор России?

Али В. Полосин. Я постарался в своем выступлении подчеркнуть, что речь идет о либерализме как об атеистической или материалистической концепции, когда понятие о вечной жизни, о религиозном типе поведения практически отсутствует. Поэтому современное либеральное сознание религию хочет вытеснить на обочину жизни как сугубо частное дело, и не более того. Но при этом теряется сам критерий для определения границ человеческой свободы. Если есть свобода, как, например, в Голландии, употреблять наркотики, то в конечном счете человек, употребляя их, приходит к той стадии, когда он уже никакой свободы не имеет. Он приобретает зависимость и просто погибает. То же самое можно сказать и об алкоголе, и о многих других проявлениях жизни. Религия же, традиционная, мировая религия, как раз дает этот критерий.

В отношении же либерального выбора России мне, например, ничего не известно. На мой взгляд, если говорить о Президенте Путине, то он как раз много говорит о возрождении традиционной религии, о содействии внедрению религиозного образования в школах и так далее. Вот этот его выбор я замечая, и, на мой взгляд, он не соответствует понятию либерализма.

Но я хотел еще раз коротко подчеркнуть, что ислам в своей основе, в своем фундаменте дает понятие прав и свобод человека, понятие свободы, равенства, братства и понятие демократии. В суннитском исламе по крайней мере основой является следующий хадис Пророка: "Ни один мужчина, верующий и в Аллаха, и в Судный День, не может возглавлять общину без согласия самой общины". Поэтому я как раз хочу подчеркнуть идею совместимости исламских ценностей и европейских ценностей, но вне рамок материалистического либерализма.

В. Чаплин. Очень важные и принципиальные подняты вопросы. Действительно, в православии и в исламе ут-

верждается ценность человеческой жизни, очень высокая ценность. Но признается, что есть ценность и выше. И в этом, может быть, разница между религиозным мировоззрением и мировоззрением последовательно гуманистическим.

Относительно курса России. Россия стала сотрудничать с некоторыми силами на Западе именно тогда, когда они отошли от крайностей либерализма. Когда "золотые правила" либерализма были теми же США отставлены на второй план перед лицом реальной опасности. Никто с "Аль-Каидой" переговоров не ведет, никто не следует канонам либерализма. И США стали сотрудничать с Россией в последнее время именно потому, что они отошли от буквы либерализма. Что привело к некоторому охлаждению отношений США с Европой, которая продолжает придерживаться буквы либеральных норм.

У нас до сих пор считалось, что либеральный принцип "человек превыше всего" восторжествовал в России в начале 90-х годов. После начала чеченских событий оказалось, что есть вещи более важные. Оказалось — несмотря на утверждение Конституции, что человек является высшей ценностью, — что государство и общество действуют так, что ценность целостности государства для них важнее ценности человеческой жизни и важнее ценности прав и свобод. Такова реальность, такова нынешняя политика и России, и Соединенных Штатов Америки, которые ради безопасности ограничивают права и свободы значительной части людей и даже лишают их жизни. В какую сторону идет разрешение споров между идеальной нормой либерализма и отходом от нее ради каких-то более высоких ценностей, я не знаю. И будет ли в Америке и в России торжествовать идеально понятый либерализм, я не знаю. Пока он не торжествует, пока от него отказались.

С.В. Кортунюв. В дополнение к блестящим выступлениям В. Полосина и В. Чаплина хотел бы отметить, что в последнее время ряд идеологов ислама, в частности Рафаэль Хакимов, продвигают идею так называемого ев-

роислама, якобы основанного на джадидизме — реформаторском течении в Татарстане конца XIX — начала XX века. При этом евроислам трактуется как субцивилизация исламской культуры, результат существования Татарстана как периферии исламской цивилизации. Претендующий на образование синтеза исламских и европейских ценностей, евроислам из числа последних добавляет такие либеральные идеи, как свобода мысли, открытость к восприятию других ценностей (пророк Мухаммед-де обосновывал обновление ислама каждые сто лет), развитие личности, индивидуализм (человеку не нужно посредника в общении с Аллахом), модернизация системы образования, толерантность.

Если открытость к восприятию других ценностей и толерантность, а также модернизация образования не вызывают сомнения с точки зрения обновления евразийского ислама, то добавление к традиционному исламу западных либеральных ценностей может взорвать его изнутри. Можно предположить, что в ближайшее время евроислам, если он будет развиваться в направлении механического сплошного заимствования из западной либеральной теории, будет объявлен очередной ересью.

Сказанное отнюдь не означает, что следует избегать всяческого обновления, модернизации ислама как такового, однако следует крайне осторожно подходить к синтезу ценностей, по существу, различных культур и цивилизаций. Во всяком случае, трудно представить себе, что развитие ислама в духе его европеизации будет способствовать возвращению исламу его подлинного облика. Вряд ли такого рода тенденция найдет глубокий отклик как в российском, так и в мировом мусульманском сообществе.

Т.Г. Черниченко, вице-председатель Гильдии деловых мусульман.

Я хотел бы ответить на вопрос многоуважаемого профессора Зубова. Он хотел услышать комментарий на

аят из Корана. Как верующий человек, я считаю своим долгом этот комментарий дать.

Во-первых, спасибо большое за Ваше объективное выступление. Вы старались быть максимально объективным. Я очень уважаю Вашу гражданскую позицию. В исламском богословии существует такая наука, как Причины ниспослания аята, о чем говорил многоуважаемый муфтий. В этой связи действительно 29-й аят 9-й суры был приурочен к конкретным историческим обстоятельствам. В то время как на все времена был дан другой аят — 125-й аят 16-й суры, который звучит так: "Призывай на путь Господа твоего мудростью и добрым примером".

Чтобы не быть голословным, я приведу только один исторический факт из области геополитики. Сегодня мусульманская община насчитывает примерно 900 миллионов человек. Самая крупная община — это Индонезия (200 миллионов человек), затем — Малайзия (20 миллионов человек). В совокупности общины Центральной и Западной Африки — это тоже немало (около 200 миллионов человек). Всего это 420 миллионов человек — около половины всех мусульман на планете. Ни в один из этих регионов никогда не приходил мусульманский завоеватель с мечом. Меча в этих регионах не было. Было только доброе слово. И тем не менее оно оказало такой эффект. Эти история и геополитика сами свидетельствуют и доказывают справедливость того аята, который я только что процитировал.

(После перерыва)

М. Ингенлат. Уважаемые дамы и господа! Начнем вторую часть нашего первого заседания. Тема: "Права человека. Свобода и демократия в исламе". Я рад представить Вам профессора Бассама Тиби. Он член правления кафедры политологии университета города Геттингена. Профессор Тиби по своему происхождению сириец, но сейчас он,

если так можно выразиться, немец. Он происходит из весьма знатной семьи теологов. Его родословную можно проследить до XIV века. В Сирии из этой семьи происходили важные политики, правоведы, вообще важные для страны люди. Сам он в течение многих-многих лет живет в ФРГ, имеет целый ряд публикаций, список которых, однако, слишком длинный, чтобы его здесь приводить. Он написал много публицистических статей по вопросам диалога с исламом. Поскольку он всегда стремится к тому, чтобы быть посредником между культурами, он получил от федерального президента орден "Крест за заслуги" I степени. Он нам изложит свою позицию о том, существует ли конфронтация исламских и западных ценностей. Он изложит немецкое видение, а завтра мы услышим и французскую позицию. Вы знаете, что в Германии проживает несколько миллионов приверженцев ислама, из которых более 2 миллионов турок. Поэтому тема диалога с исламом для Германии очень важна.

Профессор Тиби, Вам слово.

Б. Тиби. Моя тема вращается вокруг вопросов о том, есть ли конфликты ценностей между исламской и западной цивилизациями, зачем нужен диалог и какое отношение он имеет к настоящему времени. Как председательствующий только что сказал, я происхожу из исламского семейства ученых из Дамаска, где и получил воспитание до своего 18-летия. Потом я получил немецкое образование. Последние 20 лет я жил в США и получил еще американское образование. Так что я нахожусь между Европой, Америкой и исламским миром. И это проблема, а не только обогащение.

Есть известный еврейско-немецкий социолог, которого зовут Карл Мангейм. Он покинул Германию после 1933 года из-за нацизма и жил потом в Англии. Он считается основателем познающей социологии. Это означает решение проблемы того, как возникает знание. Я не хочу рассказывать о нем, но Карл Мангейм говорит, что любое знание

связано с определенным бытовым положением. То есть мое бытие определяет мое знание. Совершенно объективного знания не существует. Он полагает, что интеллектуалы и ученые могут скользить от одной позиции к другой, так что они немного могут выходить за пределы своего бытия. Но на 100 процентов нельзя выйти за пределы своего бытия.

А мое бытие — это положение человека, живущего между цивилизациями. Я получил исламское воспитание, научился писать и читать в мечети Дамаска, которая до того была христианским собором. Сейчас я ученый. Муфтий мне тогда говорил, что в исламе есть лишь оборонительные войны. Но, если завоевывать собор и превращать его в мечеть, это не оборонительная война, а джихад. И я честен, ибо диалог должен быть честным. По своему положению бытия я чувствую, что мой дом Германия и Америка, но вместе с тем я принадлежу и к исламской цивилизации. Как разрешить данную проблему?

Такова моя исходная позиция, чтобы вы знали, что когда я говорю, проявляется некоторая разорванность, которая, как говорил Гете, означает, что "несколько душ живут в груди моей". Это относится и ко мне. Проблема после событий 11 сентября прошлого года заключается в том (а я профессор международных отношений), что это нападение на западную цивилизацию. Две башни Всемирного торгового центра рассматриваются в исламской литературе как эрзац-соборы западной цивилизации в целом. Запад утратил свою религию. Западники уже не такие верующие. Их религия, как говорят, — доллар. А соборы доллара — это две башни Всемирного торгового центра, и их уничтожили. Это — поражение западной цивилизации. И эти люди на арабском языке называются джихадистами. У нас проблема джихадизма.

Джихадисты — это не трое или пятеро сумасшедших людей. Это движение, имеющее сети во всем мире. И раньше, до возникновения "Аль-Каиды", я в течение 20 лет работал над этой проблемой. Итак, до возникновения

"Аль-Каиды" фундаменталисты находились между собой во враждебных отношениях. Я как-то брал интервью у министра внутренних дел в Каире. Он сказал мне 15 лет тому назад: "У нас в Каире 40 различных джихадистских движений, которые воюют друг против друга. Поэтому я могу спокойно спать, ибо они тратят свою энергию на борьбу друг с другом".

В лице "Аль-Каиды" возникла международная организация наподобие коммунистического интернационала. Нынче существует международная "Аль-Каида", и она представлена в 60 странах. Эти люди ссылаются на ислам. Я мусульманин. Я верующий мусульманин, но ислам Бен Ладена — не мой ислам. Но я ученый и не могу сказать, что у Бен Ладена нет ничего общего с исламом. Я слышал его выступления. Он цитирует Коран, Пророка и говорит весьма убедительно. Если бы я не имел западного образования, если бы не получил образования во Франкфурте и Гарварде, может быть, он мог бы и на меня оказать влияние, когда я слушал его выступления. Именно поэтому я должен серьезно относиться к его обращению к исламу. Я не могу сказать, что у него нет ничего общего с исламом, иначе я упушу проблему.

Если говорить с исламских позиций, то в исламе есть потребность в трех вещах. Во-первых, реформа ислама с целью его приспособления к условиям XX и XXI столетия. Во-вторых, надо деполитизировать ислам, ибо Бен Ладен и джихадисты стараются его политизировать. Мы же должны ислам деполитизировать. В-третьих, мы нуждаемся в диалоге. В диалоге мы говорим о проблемах. Речь идет о разрешении конфликтов. Как профессор-международник, я узнал в Гарварде, что есть конфликт, и необходимо подумать, как его разрешить мирными средствами. В диалоге мы не говорим о том, будто Бог нас создал одинаковыми и у нас нет проблем друг с другом.

Господин Зубов говорил, что, если бы у нас не было никаких проблем друг с другом, мы могли бы сегодня здесь не присутствовать, нам бы нечего было обсуждать

друг с другом. Мы здесь, чтобы обсуждать проблемы, чтобы решать их мирно. Сегодня проблема, которая связана не только с исламом, в том, что религия политизируется. В США, в Чикаго и Кембридже, в Американской академии общественных наук, с 1989 по 1995 год в течение шести лет нас было 40 ученых — представителей всех религий мира. Среди них — трое мусульман, и я один из них, христиане, иудеи, буддисты, индуисты. Проект назывался "Проект фундаментализма". Мы опубликовали пять томов на английском языке в Чикаго и пришли к выводу, что все мировые религии сегодня политизируются. Все. А результатом политизации является религиозный фундаментализм.

Когда мы говорим о конфликте ценностей, то это мы можем делать на двух уровнях. Мы можем говорить об исламе или христианстве как о теологии. Тут есть разница. Например, между триединством в христианстве и учением о едином Боге в исламе. Но от этих проблем можно абстрагироваться и мирно сосуществовать. Если же религии политизировать, дело будет обстоять иначе. Я разбираюсь в исламской теологии — я происхожу из исламской семьи. Но я также специалист по социальной теории. Я исхожу не из теологии, а из реальности.

Был великий французский социолог, один из отцов социологии, — Дюркгейм. Его книга "Правила социологического метода" говорит о том, что если ученый изучает религию, то можно ее изучать как теологию либо как социальное явление. Я изучаю религию как социальное явление, а джихадизм — это социальное явление, социальный факт. Мы должны с ним обращаться с этих позиций.

Исходная точка — реальность, а не религиозные доктрины. И то, как данные доктрины истолковываются в реальности. Я Коран знаю почти наизусть. В Коране запрещаются нападения исподтишка, запрещаются нападения на гражданских лиц, то есть то, что произошло в Москве, по Корану запрещено. Я могу привести соответствующие места из Корана. Здесь я согласен с муфтием.

Но те люди, которые были в Москве, полагали себя джихадистами и верили в это.

Есть новое истолкование джихада, которого они придерживаются и которое позволяет нападать исподтишка. Значит, надо констатировать, что есть новое толкование ислама. Проблема заключается в том, что мы имеем ныне дело с фундаменталистским толкованием ислама, христианства, индуизма. Если Вы поедете в Индию, то увидите, что там есть фундаментализм индуистов. В Израиле есть иудейский фундаментализм. Иными словами, фундаментализм не является монополией ислама. К сожалению, когда западные СМИ говорят о фундаментализме, они говорят только об исламе. Но это неверно, так как он есть и в других регионах.

Вторая проблема — этничность. Ислам универсален, но этнические конфликты получают исламское истолкование, как, например, в Кашмире, где ислам принял этническую форму, или в Палестине, где он принял также этническую форму. В Чечне он также этничен.

Итак, что же произошло? Фундаментализация и этнизация ислама. С точки зрения теологической этого понять нельзя. Это можно понять лишь с позиции социальных наук. Есть такое истолкование, которое утверждает, что у этих людей нет ничего общего с исламом. Это было сказано сегодня утром. Или же если иудейские фундаменталисты убивают палестинцев, то это не имеет ничего общего с иудейством. Это верно. С теологией это не связано. Но я говорю не о теологии, а о практикуемой вере, то есть о религии как социальном факте. На уровне теологии есть различия между мусульманами и христианами.

Я сужаю сейчас свое видение до ислама и христианства. У христианства есть православный вариант и католическо-протестантский на Западе. С. Хантингтон написал свою книгу о столкновении цивилизаций, а я вместе с федеральным президентом Романом Герцогом написал книгу против С. Хантингтона. Книга С. Хантингтона вышла в 1996 году. Книга, написанная нами еще с одним христи-

анином и иудеем, называется "Предупреждение против столкновения цивилизаций". И хотя Роман Герцог был президентом Германии, мы книгу опубликовали на английском языке, потому что язык "Макдоналдсов" — английский и мы хотели обеспечить широкое распространение. Но, к сожалению, наше влияние оказалось меньше влияния С. Хантингтона.

Моя аргументация в книге, которую я написал вместе с Герцогом, такова, что существуют конфликты ценностей. Если мы говорим, что нет конфликтов, что есть только всеобщее согласие, а тот, кто говорит о конфликтах, лишь отравляет атмосферу, тогда диалога не будет. Диалог заключается в том, чтобы говорить о проблемах.

Наилучший диалог, проведенный за мою жизнь (а я работаю в теологии в течение 20 лет, в западно-исламском (христианско-исламском) диалоге в течение 10 лет), был в Карачи. Его название "Как обращаться с различиями". Это был диалог. А если мы сидим и говорим, что нет проблем, мы все единого мнения, тогда это не диалог, тогда это пресс-конференция. Но после 11 сентября существуют проблемы. Они были и до того, но сейчас они стали очевидными. Были Нью-Йорк и Вашингтон, были Джерба, Бали, Москва и Йемен. Последней была Кения. И это не прекратится.

Религия — это вера в Бога. Я верю в Бога, Пророка Мухаммеда. Я верю в то, что Коран является божественным откровением, и такова моя вера. Цивилизация — нечто отличное от религии. Но религии материализуются в истории цивилизаций. Есть исламская цивилизация. 11 сентября этого года (и Фонд имени Конрада Аденауэра был соорганизатором) я был в Джакарте. Сегодня утром уже было сказано, что Индонезия — самая многочисленная в мире исламская нация. Цифры, приведенные утром, были неверные. В мире существует 1,5 миллиарда мусульман из 6 миллиардов людей. То есть одна четверть человечества сегодня — мусульмане. Вероятно, через 20 лет их число будет бóльшим, чем число христиан. Мусульмане составляют

большинство в 56 государствах мира, а в качестве меньшинств живут во многих странах, в том числе и в Российской Федерации. Самое многочисленное меньшинство в одном государстве находится в Индии, там 130 миллионов мусульман. Мусульмане составляют цивилизацию.

Когда я был в Индонезии, со мной не обращались, как с чужим. Они говорили: "Ты брат". И я встал в один ряд с Абдурахманом Вахидом, бывшим президентом Индонезии, а он самый великий исламский реформатор современности. Мы там выступали вместе. И хотя я не говорю на индонезийском, то обстоятельство, что я принадлежу к религии ислама, к умме (умма — наиболее важное понятие ислама), было решающим. Я принадлежу к ним.

Итак, есть исламская цивилизация. Христиане сегодня цивилизацию не образуют. Была православная цивилизация, а раньше — христианская Европа. Но на Западе сегодня уже не говорят о христианской Европе. В Германии — да, но во Франции, Англии и США говорят о западной цивилизации. Эта западная цивилизация имеет свои ценности. Западные ценности — демократия, права человека, гражданское общество. А можем ли мы, мусульмане, жить с этими ценностями, не отказываясь от своей цивилизационной идентичности? Я думаю, да.

Сегодня существуют четыре течения в исламе. Есть ислам Салафи — это ортодоксальный ислам. Он против реформ. Самый влиятельный его вариант в настоящее время — это ваххабизм в Саудовской Аравии. Последняя очень активна даже в Германии. В Германии у Саудовской Аравии есть академия Салафи, но ФРГ нельзя открыть в Саудовской Аравии институт Гете. Однако веротерпимость должна быть обоюдной. Если Саудовская Аравия открывает ваххабитский институт в Бонне, то Германия должна иметь право создавать институт Гете в Эль-Риаде. Но это не разрешается.

Есть ислам Суфи. Это весьма толерантный ислам. Он распространен очень сильно здесь. Я не специалист по

Российской Федерации, но здесь он действительно очень распространен. Этот ислам хорошо поддается пониманию. Понятия "имам" — вера, "мхатба" — любовь, любовь к Богу. А к Богу ведут разные дороги. Поэтому суфисты, организованные в орденах, называются "талипа". Талипа — это путь. И есть много путей, ведущих к Богу. То есть плюрализм допускается. Ортодоксальный Салафи-ислам говорит, что есть один путь к Богу — шариат, мусульмане-суфисты говорят, что есть много путей к Богу.

Есть либеральный ислам. Он ныне находится в кризисе. В общем, мы констатируем, что существуют не религиозные, а мировоззренческие расхождения. Поясню на примере шариата. Есть одно-единственное место, где говорится о шариате: "Мы тебе показали путь, следуй за ним". Это означает не закон, не правовую систему и не мораль. Исламская мораль означает приказ делать добро и запретить зло. Христианин мог бы со мной согласиться, индус и иудей также, но в исламской истории мусульмане превратили шариат в правовую систему. А как правовая система он находится в конфликте с позитивным правом, которое действует в Европе. Мусульмане, живущие в Европе — Германии или Франции, — говорят: мы хотим жить согласно шариату. И в этом случае возникает мировоззренческий конфликт.

Второй пример — джихад. Джихад в Коране означает усилие. Я должен приложить усилия, и это джихад. Но Коран разрешает и насилие. Понятие насилия в Коране называется "ритал". А соответствующее место в Коране гласит: "Вам предписана борьба". Но применение ритала (насилия) возможно согласно определенным правилам. Я не могу нападать ни на женщин, ни на детей, ни на небооруженных людей. Если я на кого-то намереваюсь нападать, я должен об этом предупредить. Но в исламской истории (и тут вы видите, что необходимо изучать не только текст, но и контекст) джихад означал захватническую войну. Мусульмане завоевывали земли. В Коране джихад — самооборона или война во имя самообороны. В реальности

джихад — нападение, наступательная война. Почему, например, мусульмане оказались в Испании? Это было нападение. Или в Юго-Восточной Европе? Это также было нападение, захват. Но мусульмане при своем джихаде придерживались правил не убивать гражданских лиц, предупреждать заранее.

Однако в 1928 году, задолго до Бен Ладена, первое фундаменталистское движение было создано в Египте. Оно называлось "Движение братьев-мусульман". Основатель этой партии — духовный отец бен Ладена, и его зовут Хасан Албана. В 1930 году он написал эссе о джихаде. Он говорит в нем, что сейчас мы слабы и должны уйти в подполье. Мы должны воевать из подполья, а посему допустимы все формы насилия. И это именно то понятие джихада, которое превратилось в джихадизм. Джихадизма в Коране нет. Джихадизм — это идеология, которая существует и которая имеет религиозные черты. Поэтому неверно (а эта ошибка неоднократно в утренних обсуждениях допускалась сегодня), будто джихадисты не имеют ничего общего с исламом. Они — верующие мусульмане. Я их знаю. Сейчас я часто выступаю по германскому телевидению, и многим знакомо мое лицо. Но до того, как я начал выступать по телевидению, я в 20 исламских странах занимался практическими исследованиями и провел более 20 тысяч интервью с исламистами. И убежден, что эти люди — верующие мусульмане.

Мой ислам иной. Я либеральный мусульманин.

Итак, есть мировоззренческие ценностные конфликты. Если политизировать мировоззренческие ценностные конфликты, то возникают проблемы. К этим мировоззренческим конфликтам можно обратиться в диалоге. Но диалог должен быть честным. Надо сказать правду, надо быть готовым к компромиссам. Надо знать собеседника.

Цель диалога двойка. Во-первых, урегулировать конфликты. И для этого о них надо говорить, говорить о том, как это надо решать. Вторая цель — консенсус, который не означает совпадения. Сегодня утром было сказано, что мы совпадаем в базовых вопросах. Это неверно. Консенсус

означает, что мы говорим о конфликтах ценностей и пытаемся найти некоторое согласие. Как, например, я могу привести в соответствие права человека и ислам? Как синтезировать демократию и исламские ценности? Как привести в соответствие ислам и гражданское общество? В книге Романа Герцога моя глава называется "Наведение мостов над культурами". Результатом должна была бы стать международная моральность, выходящая за пределы отдельных культур. Она не задана, ее нет, она будет результатом. Тем не менее для международной политики существует мир ислама и существует остальной мир, к которому относится и православно-славянская цивилизация. Я не согласен с С. Хантингтоном во многих пунктах, но его разделение мира на цивилизации соответствует истории.

Есть исламская цивилизация, есть западная цивилизация, есть православно-славянская цивилизация, и она вместе с западной цивилизацией находится в сложном конфликте с исламом. И у той, и у другой есть длительный период общения с исламом. У западной цивилизации более длительное общение. Сегодня было сказано, что Россия с исламом имеет дело в течение 1000 лет, с исламом средиземноморского пространства — восемь веков. А с джихадом (захватом части островов Италии и Андалузии) Европа познакомилась уже в VIII столетии.

Первый такой контакт был между Карлом Великим и Гаруном аль Рашидом. Это мало известно. Есть бельгийский историк, Анри Перэн, и он сформулировал: "Если бы не было Мухаммеда, не было бы Карла Великого". Карл Великий придерживался двойной стратегии. Мир ислама тогда был разделен на Багдад, то есть восточный ислам, и Кордобу — западный ислам. Мусульмане были тогда врагами. Кордоба и Багдад находились в войне друг с другом. Кордоба была угрозой для Европы, хотя в ту пору она была более развитой, чем Европа. В Кордобе говорили о Платоне и Аристотеле, а Карл Великий был неграмотным. Таковы исторические факты. Восточный ислам — Багдад — не был угрозой для Европы, и поэтому

Карл Великий вел диалог с Гаруном аль Рашидом, мирный диалог, и вел войну против Кордобы.

Сегодня моя рекомендация как мусульманина и профессора-международника (а к международным отношениям относятся и исследования в области безопасности) состоит в том, что после 11 сентября джихадизм становится темой исследования в области безопасности. Представители Запада, россияне и мусульмане должны говорить о вопросах безопасности. Это также часть диалога.

Диалог — это диалог о ценностных конфликтах. Диалог о конкретных политических конфликтах — палестинском, чеченском, кашмирском, а затем о проблемах безопасности. Я отстаиваю мнение о том, что неисламские страны, включая Россию, США и Западную Европу, должны рассматривать джихад как форму терроризма.

Сейчас я это поясню. Они с этим могут справиться лишь в том случае, если у них есть исламские союзники. Я об этом говорил и в Джакарте, где выступил с памятной речью по случаю годовщины 11 сентября. Там присутствовали вице-президент Индонезии, бывший президент Вахид и американский посол. И я говорил о том, что составной частью диалога является диалог о безопасности. Войну в Афганистане американцы не выиграли бы, если бы три исламских государства не стояли на стороне Запада — Узбекистан, Турция и Пакистан. Поэтому важно сотрудничать с мусульманами. А мы, мусульмане, должны воевать на двух фронтах. Джихадизм и для нас опасность, помните об этом. Я был в Алжире, и один писатель говорил мне, что люди Запада — расисты. Я спросил почему. Он ответил, что исламская армия и другие исламисты в Алжире убили 160 тысяч алжирцев, но это никого не волнует, газеты печатают об этом мелким шрифтом, а если в Нью-Йорке убивают 4 тысячи американцев, то поднимается весь мир.

Вы видите, что джихадизм — проблема безопасности и для мусульман. Поэтому мы должны войну рассматривать как проблему безопасности. Но и духовно надо разобраться с джихадизмом. Нам надо говорить и писать о джихадизме.

И я это делаю. Я часто езжу по исламским странам и говорю: "Джихадизм часто ссылается на ислам, но это неверное истолкование". Тем самым я не утверждаю, что эти люди не имеют ничего общего с исламом. Они связаны с ним. Более того, они популярны. Если вы поедете в исламские страны, то можете увидеть людей в футболках с портретом Бен Ладена. Он считается в исламских странах выдающимся человеком.

У меня осталась одна минута, и за эту минуту в восточноамериканской манере я расскажу вам анекдот — анекдот, знаменитый в Каире. Вы знаете, в нашей культуре мужество, мужские достоинства — это наивысшие ценности. Мужчина — это мужчина, обладающий честью, силой, моралью, а если он несмел, то он никто. Бен Ладен — воплощение мужчины в настоящее время. Итак, анекдот. Женщина в Каире идет в туалет, причем осознанно в мужской. Служащий ей говорит: "Вам нельзя туда. Это для мужчин. Идите в женский туалет". Она отвечает: "Хочу сюда". Служащий: "Только для мужчин". Она спрашивает: "А что? Там Бен Ладен внутри?" Ей отвечают: "Бен Ладена там нет". Она говорит: "Раз его там нет, значит, там нет мужчин. Я пошла туда". Этот анекдот говорит о том, что Бен Ладен именно тот мужчина, который поднимается и оказывает сопротивление Западу. И мы должны духовно и религиозно разобраться с джихадизмом, но этого недостаточно. Мы нуждаемся и в политике безопасности, и здесь исламско-западное сотрудничество возможно.

М. Ингенлат. Большое спасибо, профессор Тиби, что Вы еще раз с позиции либерального ислама дали различение понятий.

Сейчас я хочу предоставить слово следующему докладчику — господину Леону-Габриэлю Тайвану, профессору религии и востоковедения богословского факультета Латвийского университета. Господин Тайван до того несколько лет пребывал в Москве, но потом вернулся и стал профессором в Риге. Сейчас он специализируется на исламе и религии в стране, о которой сегодня уже шла речь, —

в Индонезии. Он владеет и индонезийским языком, а мы слышали, что Индонезия — самая крупная исламская страна. Сейчас нам предстоит ознакомиться с одним из наиболее интересных аспектов нашей дискуссии, ибо профессор Тайван с позиций протестантской этики занимается вопросом о том, возможны ли дух капитализма и протестантская этика в рамках ислама.

Л.-Г. Тайван, заведующий кафедрой церковной истории богословского факультета Латвийского университета.

Уважаемый председатель и глава Фонда имени Конрада Аденауэра! Спасибо Вам большое за хорошую инициативу, а также за приглашение быть в этом очень интересном, интеллектуальном сообществе. Я лично это рассматриваю как большую честь и считаю, что это полезное во всех отношениях мероприятие не только для России, но и для всего современного мира.

Итак, возможна ли протестантская этика и дух капитализма в исламе? Надо полагать, что наше собрание предполагает не только констатировать статус-кво, но и в пределах возможного заглянуть в будущее ислама. Мир ислама ныне представляет в демографическом отношении бурно развивающуюся часть человечества. Ислам обращает в свою веру много тысяч людей — не только языческое население, но и тех, кого принято называть "статистическими христианами".

В отличие от исламского прозелитизма североатлантический мир, как можно называть нынешние Европу и Северную Америку, идентифицирует свой политический строй с религиозным безразличием или тем, что в религиозном обиходе именуется "практически атеизмом". При этом атеизм воспринимается в качестве желательной нормы, при которой религиозность вытесняется в личную, то есть бытовую, сферу или, как это именуется в социологии религии, "приватизируется".

"Приватизация религии" в североатлантическом мышлении — продукт определенных исторических процессов. Исключительно важный этап в этом процессе — это Ре-

формация XVI века в Германии и Швейцарии, повлекшая за собой бурное развитие капитализма, при котором развились материальное производство и демократические общественные институты, а также произошло вытеснение религии в личную, приватную сферу. Вопрос, таким образом, стоит такой: возможно ли подобное развитие в исламском мире?

Теорию, при помощи которой можно ответить на этот вопрос, как известно, создал немецкий социолог М. Вебер, который в своей работе "Протестантская этика и дух капитализма" воспроизвел духовный настрой, благоприятствующий возникновению западного "общества благосостояния". Напомним вкратце основной принцип протестантской этики, как ее сформулировал М. Вебер, с тем чтобы сравнить с таким же в исламе. Всем нам известно, что вплоть до Нового времени религия была основной, если не единственной идеологической системой, которая могла формировать основную мотивацию жизнедеятельности не только индивидов, но и целых народов. Средневековая религиозная установка не придает особого значения повседневной жизни, считая ее неизбежным злом. Пафос жизни заключался в религиозном делании: в посте, молитве, паломничестве, а лучше всего — в религиозном подвиге монашества. Установка религиозного сознания стояла на том теологическом принципе, что всякий человек угоден Богу и его благие намерения служат во спасение.

Совсем иной социологический принцип положен в основу протестантизма. С точки зрения Мартина Лютера, человек не обладает свободой воли, он — раб своих грехов и всегда изберет тот путь, который противен Богу. Эту позицию предельно ужесточили О. Цвингли и Ж. Кальвин. Швейцарские реформаторы научили своих последователей верить, что религиозное спасение человека, так же как его мирская судьба, всецело принадлежит Богу. Единственное, что способно его спасти, — это вера. Но и она не дарует свободу. Но во всей этой безысходности имеется слабая надежда: человек может увидеть в себе и в другом некие

признаки Божьего избранничества. Если его труд, Призвание благословенны успехом и приносят ощутимую материальную прибыль, значит, это может свидетельствовать о том, что Бог включил его в число своих друзей.

Понятие "Призвание" (вегит) появилось в период Реформации в ходе перевода Библии на немецкий язык. Отныне не пост, не молитва, не паломничество и ни в коем случае не монашество, а Божье Призвание к тому или иному труду становилось пробным камнем религиозности, более того, Божьего избранничества. Если твое дело не приносит прибыли, значит, Богу не угоден твой труд и ты отвержен.

Использував в качестве примера не германское лютеранство, а англо-саксонское пуританство, М. Вебер формулирует протестантскую этику следующим образом: если Бог, перст которого пуританин усматривает во всех обстоятельствах своей жизни, представляет кому-нибудь из своих избранников какой-либо шанс для извлечения прибыли, то он совершает это, руководствуясь вполне определенными намерениями. И верующий христианин должен следовать данному указанию свыше и использовать предоставленную ему возможность. Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души работать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей Призвания. Вы отказываетесь быть управителем Бога, стюардом Бога и принимать дары его, чтобы иметь возможность употребить их на благо ему, когда он того пожелает. И не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть. Богатство порицается лишь постольку, поскольку оно таит в себе искушение предаться лени, бездеятельности и грешным мирским наслаждениям. А стремление к богатству порицается лишь в том случае, если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь. В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально и не только оправданно,

но даже предписано. Об этом как будто прямо говорится в притче о рабе, который впал в немилость за то, что не приумножил доверенную ему меру серебра.

Что же касается протестантской аскезы, то от богатых людей требовалось не умерщвление плоти, а такое употребление богатства, которое служило бы необходимым и практически полезным целям. Вышеназванным принципам подчинялся целый комплекс этических предписаний, касающийся труда, общественных отношений, политического поведения и прочего.

М. Вебер пытался применить названный принцип к другим религиям, в том числе к исламу. Его вердикт оказался неутешительным. В исламе он не нашел структур, способных развить в нем социальные процессы, подобные тем, что имели место в протестантизме. Это объясняется и воинствующим характером ислама, феодальным наследием, ориентацией на социальный престиж и другими качествами, препятствующими возникновению высокорационального с хозяйственной точки зрения и в то же время духовно мотивированного стиля поведения.

Умозаключения немецкого социолога и религиоведа живо обсуждаются и поныне. Особо бурные протесты слышны со стороны исламских богословов и обществоведов, которые не согласны с такой постановкой вопроса. Сошлюсь на двух авторов крупнейшей в мире мусульманской страны (кстати, не менее многоконфессиональной, чем Россия), в известной мере могущей послужить в качестве сравнительно-исследовательской модели для российского ислама. Б. Эфенди, автор нескольких книг по исламу, убеждает своих читателей в том, что М. Вебер знал ислам всего лишь понаслышке, не сумел изучить его достаточно глубоко, был пленником научного мышления своего времени и своего круга. Его предшественник по критике М. Вебера Т. Абдулла находил в М. Вебере дух востоковедения, который Т. Абдулле представляется интеллектуальным продолжением Крестовых походов Средневековья. Б. Эфенди в подтверждение своих аргументов привлекает также из-

вестного критика М. Вебера Б. Тернера с аргументами, подтверждающими уже сказанное, — что М. Вебер не был в ладу с фактами, когда пытался применить свой метод к исламу.

Попытки спорить с М. Вебером продиктованы стремлением показать, что его вывод не имеет под собой достаточных оснований. На самом деле исламский этнос никак не отстает от потребностей современного мира, не лишен христианского динамизма. Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы проверить, с одной стороны, насколько обоснованны претензии, предъявленные М. Веберу, с другой стороны, в какой степени мы можем доверять современным исламским социологам, пытающимся доказать противное тому, что утверждал М. Вебер.

Прежде чем решить эту задачу, необходим краткий взгляд на исторический контекст рассматриваемых событий. Если мы обозреваем те регионы распространения ислама, которые по тем или иным причинам были длительное время оторваны от главных центров исламской учености, а также от мусульманской уммы в целом, то нетрудно заметить некоторые параллели с эпохой Реформации в Германии и Швейцарии в XVI веке.

Теологический пафос Реформации состоял в возвращении к Священному Писанию. Может быть, и в социальном измерении это было связано с отказом от религиозного предания, а именно: суммой обычаев, считавшихся христианской традицией, которые протестантами объявлялись отступлением от ясного евангельского учения. Возвращение к букве Писания нередко было связано с перддержками и преувеличениями, с которыми нередко выступали "горячие головы", по большей части люди не очень высокого образования. Классический пример — события в Виттенберге в 1521—1522 годах, когда в отсутствие Лютера в городе начались погромы церквей и другие беспорядки. Жадной деятельности в упрощенном понимании библейских текстов были вызваны беспорядки анабаптистов в

Страсбурге в 1532—1533 годах, в Мюнстере в 1534—1535 годах. Энтузиазм вновь обретших истинное христианство в их понимании очень часто приводил к насилию. И исторических примеров — множество.

События Реформации приходят на ум, когда наблюдаешь современные процессы в Афганистане, Нигерии, несколько лет назад в Малайзии, ныне — на Филиппинах, в Индонезии, отчасти в России. Христианство согласно проповеди жизни исторического Иисуса — интравертная религия, чего нельзя сказать об исламе. Религиозный пафос ислама направлен на справедливое и богоугодное преобразование окружающего мира, к чему классическое, евангельское христианство не призывает. "Ищите же прежде Царства Небесного — остальное приложится", — говорится в Евангелии от Луки. Поэтому политический и даже военный экстремизм талибов, изучающих Коран людей, видится вполне прогнозируемым и исторически объяснимым явлением, коль скоро даже теологически интравертное христианство не испытало подобного в процессе собственной истории.

Что же до военного аспекта, а именно джихада, то политические соображения вынуждают затушевывать его подлинное содержание. Военный путь является исторической и доктринальной частью ислама. Вопрос только в том, в каком историческом контексте он из внутренней, духовной или интеллектуальной борьбы может обратиться во внешнюю борьбу с оружием в руках. Кстати, эти контексты в Коране хорошо известны. Обратимся к некоторым теологическим рассуждениям, в частности, индонезийских богословов.

Из теории М. Вебера следует, что психологическим фоном для развития Beruf (Призвания) служит доктрина предестинации, или предопределения, которая создает практически замкнутое теологическое пространство. Второе обстоятельство, о котором М. Вебер не говорит, — это вышеупомянутое обращение, или открытие заново собственной религии через писанное слово, через постижение

его посредством нового опыта, чтения Писания, которое стало возможным после появления недорогой печатной книги.

Исследуя историческое обстоятельство протестантской и католической Реформации в Европе, нельзя не заметить, что протестантская Реформация, следуя теологически замкнутой конструкции предопределения, отказывается от расширения своего религиозного жизненного пространства. Мартин Лютер в отличие от католиков XVI века категорически отвергал идею миссионерства, ибо она не вытекала из его теологической схемы. Миссионерство в его понимании было опасным синергизмом, иными словами, недопустимым вмешательством в Божью предестинацию. Противоположную ситуацию мы наблюдаем в католических регионах Европы. Особая позиция в вопросе о предопределении позволяла носителям этого отличного теологического убеждения действовать в колониях Латинской Америки, Азии и Африки. Таким образом, духовные, интеллектуальные и волевые устремления католической части Европы оказались направленными вовне. Эта вовне обращенная духовная энергия повлекла за собой экстенсивный социально-экономический шлейф. Она стоила католической Европе отставания в материальном и общественном развитии от Европы протестантской на два, а то и три столетия.

Что до протестантской Женевы, этого архетипа протестантской этики и духа капитализма, то она была обречена на интенсивное развитие вовнутрь себя, в замкнутом территориальном пространстве, в теологическом пространстве. В дальнейшем уже сложившаяся кальвинистская протестантская этика, привнесенная ранними религиозными эмигрантами из Европы, содействовала экономическому и демократическому развитию США.

Мухаммед за многие столетия до Ж. Кальвина в предельно жестких формах провозгласил свой тезис предопределения. Обоих проповедников объединяет то, что как один, так и другой пришли к непреклонным религиозным

позициям в последние годы своей жизни. Одного и другого объединяет и то, что Мухаммед отменяет жертвоприношения идолам, а Ж. Кальвин ликвидирует литургию, культ святых, ритуалы и сакраменталии. Отсутствие посреднических жертв и молитв духовно ставит человека лицом к лицу перед Богом, предельно заостряя его внимание к себе и своим поступкам, будь то сфера духовная или повседневно-экономическая, а также публичная деятельность.

Вместе с тем идеи предопределения, известные в христианском мире с V века, а в ислама с VIII—IX веков, дали свой социально-экономический плод только после Реформации XVI века. В исламе эти плоды не взросли. И причины, видимо, две.

Первое. После смерти Мухаммеда доминирующей формой религиозности как в христианской ойкумене, так и в исламской умме стал мистицизм. В исламе он принял форму суфизма, который окрашивает данное вероисповедание в тона, весьма мало похожие на протестантизм.

И второе. В пору появления доктрины предопределения ислам находился в состоянии оживленной экспансии, которая покоряла все новые и новые народы и культуры. Освоение новых культур, различных экономических и социальных укладов поглотило энергию ислама, точно так же, как это произойдет восемью веками позже с католической частью империи Карла X и Филиппа II. К сказанному следует добавить то обстоятельство, что протестантизм, грамотность и индивидуальное чтение Писания неразделимы.

Если мы проследим, как мусульманские богословы работают с предестинационными аятами, то нетрудно будет увидеть, что в течение последних десятилетий XX века теологическое содержание понятия предопределения приобрело иное значение — соразмерность, из которого прямо вытекает существенное для демократии теологическое представление о свободе человека. Очень важная концепция для последующего развития демократических институтов

Европы. Однако в своей классической работе М. Вебер не делает видимого ударения на лютеровском тезисе о свободе христианина. Религиозная и общественная, а также экономическая свобода индивида прямо вырастает из этих установок индивидуального и общественного сознания. Однако это не предмет рассмотрения немецкого социолога. Исторически это уже более удаленный продукт Реформации. Это так называемая рационализация религии, которая в одинаковой мере захватила как христианство, так и ислам.

Попытка проследить, как изменились экзегезы и переводы предестинационных аятов, а также понятие "риск" за последние сто лет, свидетельствует о том, что в исламском Коране происходят процессы, напоминающие развитие протестантской теологии в XIX веке, когда библейская критика произвела переворот в экзегезе и теологическом мышлении. Хотя трудно себе представить текстологическую критику Корана или демифологизацию его, совершаемую мусульманскими учеными, наподобие бультмановского метода анализа Библии. Широко применяемый филологический, лингвистический и особенно контекстуальный анализ Корана культивирует модель поведения, характерную для протестантского типа. Иными словами, стремление контекстуализировать Коран приводит к внедрению протестантских ценностей в исламский идейный и доктринальный обиход.

Особый случай — исламская доктрина в России. Ислам тюркоязычного населения России несет на себе советскую идеологическую печать. Социологические исследования, проведенные группой московских ученых по веберовской схеме, разработанной применительно к России говорившим на первом заседании А.Б. Зубовым, и мои сравнительные исследования по моему вопроснику на территории Латвии высветили любопытную вещь. Советская идеологическая система, утверждая свой непоколебимый атеизм, оказалась пленницей структур протестантской этики. Иными словами, советская идеологическая и образовательно-воспитательная машина на протяжении 70 лет, видимо, неосознанно

внедряла секулярную этику, структурно совпадающую с параметрами протестантской этики. Социологические опросы выявили, что в России людей, стоящих на принципах протестантской этики, более 50 процентов. Невзирая на их подчас атеистическое, православное или исламское вероисповедание. Эти предварительные наблюдения, несомненно, требуют более обстоятельных исследований в сугубо мусульманской среде. Однако сейчас уже видно, что российская исламская община представляет собой — экономически и политически — динамичную часть российского общества. Надо полагать, что ее капиталистический дух по многим параметрам более мощный, чем во многих других странах со значительной частью исламского населения, в частности в той же Индонезии.

Пора выносить вердикт. Прав был М. Вебер или мусульманские и немусульманские ученые, которые критиковали немецкого социолога за то, что он не увидел протестантской этики в исламе? Вердикт звучит следующим образом. Ислам не развил на заре своего возникновения самостоятельных структур, сравнимых по эффективности с теми, которые нам знакомы из истории протестантизма. Однако ислам не совсем чужд ряду динамичных качеств. И желающих узнать их я могу отослать к работам, в частности, К. Гирца, который подробно исследовал этот вопрос в Индонезии и Марокко. И там речь идет об экономических и общественных эффектах, возникающих в ходе рационализации религии и только внешне напоминающих протестантскую этику и дух капитализма.

Что же до сегодняшнего дня, то веберовская парадигма действовать более не может. Этому препятствует изменившийся исторических контекст, в котором бытует современный ислам.

М. Ингенлат. Большое спасибо, профессор Тайван, за этот отличный анализ различных стилей мышления, которые пересекаются здесь, на российской территории. Собственно, в этом и заключалась наша цель. Вернее, задача, которую мы сами поставили перед собой на утреннем

заседании: более глубокий анализ различных направлений мышления, различие религии и идеологии и просто анализ мышления в различных культурах и цивилизациях.

С большим сожалением я вижу, что время вновь на исходе. Тем не менее хотелось бы дать хотя бы минимальную возможность для дискуссии. К сожалению, третий докладчик на наше заседание не явился по не совсем понятным причинам. Однако это дает нам время для дискуссии. Можно задать несколько вопросов. Хотелось бы попросить представителей ислама и представителей других религий коротко высказаться о том, что вы услышали в этих выступлениях. К сожалению, отец Чаплин вынужден был нас покинуть. Но может быть, с католической стороны есть желание выступить с краткой репликой? Приглашаю вас задавать вопросы. Напоминаю о правиле двух минут.

***М.Ю. Роцин**, Институт востоковедения Российской академии наук, профессор.*

Я хотел бы задать вопрос профессору Б. Тиби. Дело в том, что он, давая характеристику основным направлениям ислама, назвал три направления, а обещал назвать четыре. Он назвал салафитское направление, назвал суфийское, либеральное, а, видимо, до четвертого так и не добрался. Мне хотелось бы услышать полный ответ.

Б. Тиби. Я, кажется, назвал четыре направления в исламе. Во-первых, ислам Салафи. Затем суфизм. Далее — рационалистический ислам в традициях Ибн-Рушда и Ибн-Сины и Аль-Фараби. И либеральный ислам.

***Л.Р. Сюкияйнен**, Институт государства и права при Президенте Российской Федерации.*

У меня тоже вопрос к Б. Тиби. Надо ли понимать Ваше утверждение о том, что внутри ислама существуют противоречия, разные взгляды, в том числе на джихад и так далее, и Ваш призыв к необходимости вести диалог так, что необходимо вести диалог внутри самого ислама? В этом случае происходит внутриисламский диалог, а не межцивилизационный. И в этом Вы как бы видите некий оптимизм и надежду на то, что удастся разрешить какие-то

противоречия. Тогда как снять политический аспект ислама? Вы говорите, что не нужно политизировать ислам. Но если внутри самого ислама существует взгляд на политический ислам как на неотъемлемую часть исламской парадигмы, если исламская история свидетельствует о том, что представление о государстве с точки зрения мусульманской уммы неразрывно связано с доктриной ислама, то как здесь уйти от политизации? И даже не политизации, а политической составляющей исламской доктрины?

Б. Тибби. Я выделю три понимания религии. Теологическое понимание и историческое определение религии, ибо религия в тексте, то есть ислам в Коране, — это не ислам в исламской истории. Третье измерение — это политическая религия. На уровне теологической дискуссии важно вести внутриисламский диалог. И это имеет место, например, в Каире. Я знаком или почти дружу с министром религиозных дел Египта. Он мусульманин-реформатор и был ранее профессором в университете Ассар. Это главный суннитский университет в исламе. Сегодня он министр религиозных дел. Он пытается оказать влияние на имамов. Особенно на тех, кто читает проповеди по пятницам. Там просветительская задача заключается в том, чтобы имамы указали, что джихадизм есть истолкование ислама, которое является неверной интерпретацией и опасно для самих мусульман. Требуется внутриисламский диалог.

Я был недавно в Египте, Турции и Индонезии, где мы проводим внутриисламский диалог с исламистами. Когда я был в Индонезии, то люди организации "Солдаты джихада" говорили, что они мусульмане и верят в Аллаха, а я — неверующий. В таких условиях диалог был невозможен. Взаимное уважение и терпимость являются предпосылками диалога. Внутриисламский диалог необходим, но с джихадистами он невозможен, ибо они понимают только язык насилия. Поэтому внутри ислама требуется духовное разбирательство и просвещение, с одной стороны, и политика безопасности — с другой. Если исламские государства, такие как Египет или Алжир, Марокко, Паки-

стан, проводят политику безопасности в отношении джихадистов, то это лишь одна из альтернатив, которая не может заменить духовного разбирательства с джихадом.

Джихадисты сильны, так как имеют резерв. Поэтому важно оказывать влияние на молодежь, важно, чтобы представители просвещенного ислама говорили с молодежью и объясняли им, что ислам, Коран запрещают нападение исподтишка. В исламе жизнь священна, самоубийство запрещено, нападение на гражданских лиц не разрешается. То есть надо попытаться не допустить присоединения молодых людей к джихадистам. Министр религиозных дел в Каире рассказал мне, что он направляет просвещенных имамов в тюрьмы, где они общаются с джихадистами и преподают им уроки религии. Иногда это помогало, иногда люди говорили, что ислам джихадизма — не подлинный ислам. Потом их выпустили. Сейчас они выступают по телевидению и рассказывают, что раньше были джихадистами, а теперь стали либеральными или умеренными мусульманами.

Диалог между цивилизациями необходим. Два уровня, которые должны сочетаться: внутриисламский диалог и диалог между цивилизациями. Но внутриисламский диалог необходим для того, чтобы определить мусульманскую позицию по отношению к немусульманам. Некоторые вещи надо выяснить внутри самого мусульманского сообщества.

М. Ингенлат. Спасибо, профессор Тиби.

Слово архиепископу Кондрусевичу.

Т. Кондрусевич, архиепископ, апостольский администратор для католиков латинского обряда Севера Европейской части России.

Хотел бы поблагодарить профессора Тиби за такой содержательный доклад и за то, что поднятая им проблема диалога, развитая им далее в его ответе, вышла на диалог межмусульманский и диалог между цивилизациями.

Мне кажется, и в мире, и в России не вполне использован потенциал межрелигиозного диалога. Сегодня очень много говорится о многополярном политическом

мире, но надо говорить о многополярном межрелигиозном мире. Я, как католик, со своей точки зрения говорю, что документы второго Ватиканского собора и особенно декларация об отношении католической церкви к нехристианским религиям дают стартовую площадку для этого диалога.

В перерыве мы говорили с братьями-мусульманами о том, что мы должны многое сделать в этом направлении. Я благодарю Фонд имени Конрада Аденауэра за эту инициативу. Может быть, после этой конференции начнется какое-то движение. Это требование нашего времени.

Сегодня нам некуда деться. Исламский фактор становится все более заметным и сильным в мире, а также в России. Нельзя проходить мимо него, не замечая его. Мне хотелось бы, чтобы подобные встречи проходили как можно чаще и этот потенциал был как можно шире использован. И в этой связи хотелось бы надеяться на расширение межрелигиозного совета, который существует в России, чтобы туда входили также и другие конфессии и религии.

Б. Тибби. Очень коротко. Существуют три области, где различные религии могут говорить друг с другом. Это вера. Это этика. Это политические и социальные проблемы. Мой опыт (а я с 1980 года, то есть 22 года, работаю в христианско-исламском диалоге) показывает, что не надо говорить о проблемах веры, ибо это разделяет. Например об образе Иисуса в исламе, особенно об образе триединства и единства Бога. Поэтому вопросы веры лучше оставить в стороне. Но можно договориться о том, что в беседе никто не претендует на владение абсолютном. Если один говорит, что моя вера абсолютная, и другой также это утверждает, то нельзя говорить друг с другом. Плюрализм должен быть основой. У нас в исламе есть такой принцип: у вас своя религия, у меня своя.

Далее об этике. Об этических вопросах говорить можно. Можно найти консенсус.

И затем о социальных и политических проблемах. Здесь много расхождений, но и об этом надо говорить.

Мне представляется, что диалог не должен быть простой попыткой показать добрую волю — тогда жалко времени. Мы хотим решить проблемы и должны использовать диалог для того, чтобы в области этики найти консенсус, а в области политических и социальных проблем разработать схемы разрешения конфликтов.

М. Ингенлат. Спасибо за этот ответ.

Господин Полосин хотел ответить на один вопрос. И после этого дообеденную дискуссию я объявил бы закрытой.

Али В. Полосин. Я хотел бы ответить на вопрос господина Картунова, который прозвучал еще до перерыва. К сожалению, на него не ответили. Почему именно ислам используется террористами, боевиками в своих целях? Вопрос действительно серьезный, наверное, один из самых важных для нашей конференции.

На мой взгляд, причина этого находится не в религии, а скорее в социальной психологии. Ибо всегда в мире была несправедливость, были протестные настроения, были перевороты, революции, гражданские, партизанские войны. Те люди, которые шли на такое выражение революционного протеста, использовали те мифологемы, те символы, которые в тот момент были наиболее авторитетны у данного населения в данном регионе. В Египте это совершалось под символами египетской религии. Когда в мире был в моде марксизм и вдохновлял собой массы людей, революционеры использовали марксистские лозунги. Сегодня в тех регионах, где традиционно существует ислам, особенно в странах третьего мира, которые недавно освободились от колониального владычества, есть некий протест. Естественно, что ислам сейчас в мире на подъеме, поэтому террористы используют исламские лозунги. Идет такая интерпретация ислама, которая в принципе противоречит

всем сложившимся традициям и здравому смыслу, о чем и уважаемый профессор Тиби неплохо говорил.

Есть традиция, как толковать тот или иной аят Корана. Если кто-то, следуя или Мухаммеду ибн Абдаль-Ваххабу, или еще кому-то, сам придумает какое-то прямо противоположное толкование — это, наверное, уже трудно назвать исламом. Это уже какая-то инновация совершенно другого рода, которая лишь оправдывает кровавые преступления.

К сожалению, со стороны исламской уммы не прозвучало более-менее ясного массового ответа на происходящие в мире террористические акты, не прозвучало осуждения этих актов, не была дана богословская интерпретация этих актов. К сожалению, очень авторитетные ученые в исламе, знаменитые шейхи, давая фетвы или какие-то комментарии террористическим актам, очень часто уподобляются схоластам. Начинают говорить: с одной стороны — так, с другой — так, а с третьей — так. Когда нужно для общественности дать четкую оценку. В сфере общей культуры, в сфере массмедийной пропаганды есть серьезные упущения, которые позволяют использовать исламские лозунги, отдельные символы, отдельно вырванные цитаты из Корана для прикрытия преступных действий. Причем они совершенно не обязательно используются мусульманами, потому что, на мой взгляд, в этом процессе немусульманские или даже антимусульманские силы тоже участвуют.

М. Ингенлат. Спасибо большое за этот ответ. На этом, я думаю, вопросы, которые возникли на утреннем заседании, получили свой (хоть и не исчерпывающий) ответ.

Хотелось бы поблагодарить всех докладчиков, особенно профессоров Тайвана и Тиби. Спасибо всем участникам дискуссии, которые поддержали ее своими вопросами.

Сессия № 2 "Ислам как угроза национальной и международной безопасности"

С.В. Кортунов. Уважаемые дамы и господа! Вторая сессия обозначена в программе следующим образом: "Ислам как угроза национальной и международной безопасности". Как вы сами понимаете, формулировка достаточно провокационная. Для меня лично сомнений нет, что ислам, то есть подлинный ислам, никакой угрозы для национальной и международной безопасности не представляет. А угрозу представляют различного рода ложные, искаженные интерпретации ислама и те силы, которые используют исламские лозунги в своих политических целях. Об этом мы уже говорили в ходе первой сессии. Но мы неизбежно будем возвращаться к этому вопросу в ходе и второй, и третьей сессии.

Сейчас я хотел бы дать слово профессору А.А. Игнатенко. Он является членом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. Пользуясь случаем, я хотел бы еще раз выразить свою признательность за тот личный вклад, который Александр Александрович Игнатенко внес в организацию сегодняшней конференции.

А.А. Игнатенко, Институт социальных систем, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации.

Уважаемые ведущие, уважаемые коллеги! Вся мудрость организаторов сегодняшней конференции проявилась, кроме всего прочего, и в том, что такая острая тема, как проблемы национальной и международной безопасности в связи с исламом или вне связи с исламом, поставлена после обеда, когда все находятся в благодушном настроении и готовы обсуждать не только эту тему, но и любую другую в духе дружбы, взаимопонимания и с таким добрым настроением, который рисуется на всех лицах. Уверяю вас, что это так!

Хотелось бы начать с вещей, которые являются во многом самоочевидными. Мусульмане в любом современном обществе, так же как представители других религий (я бы в данном случае не стал говорить о разделении на традиционные и нетрадиционные религии), должны обладать и обладают всеми религиозными правами, то есть пользуются свободой совести. И это завоевание тех обществ, которые реализовали тот самый либеральный проект, который сегодня критиковали. И у нас в России, вне всякого сомнения, должны быть гарантированы права мусульман как вероисповедной общности. И эти права, по моему мнению, должны реализовываться в полной мере. Хотя, естественно, не обходится без проблем, которые есть и у православных, и у католиков, и у протестантов, и у неверующих. Это особая тема.

Хочу специально подчеркнуть, что все это происходит в либеральных обществах, в частности в России, которая реализует в настоящее время (согласимся с этим в порядке дискуссии) либеральный проект. Но уже во время конференции мы встречаемся с достаточно интересным феноменом. Некоторые докладчики, некоторые выступающие начинают нам рассказывать, что у ислама есть собственный проект — собственный социальный проект, общественный проект, касающийся прав человека, свобод, демократии. И здесь, пожалуй, одна замечается отличительная черта, наличие которой констатировали выступавшие здесь коллеги. Профессор Тайван говорил об экстравертности ислама, профессор Зубов употреблял несколько иные формулировки. Но важен тот момент, что есть особый исламский проект. При этом нам рассказывают, как было хорошо во времена праведных халифов, как хорошо было в периоды расцвета исламской цивилизации в IX—XII веках. Все это достаточно интересно. Хотя, пусть меня извинят многие сидящие здесь, не все хорошо знают, что происходило во времена праведных халифов и что происходило на просторах арабского или исламского халифата в IX—XII веках. Так что разговор может получиться беспредметным.

Однако что мы обнаруживаем, если, отвлекшись от того, что делал Гарун аль-Рашид, что было на Сицилии, что было на Пиренейском полуострове 1000 или 1200 лет назад, посмотрим на нашу сегодняшнюю реальность, о которой мы все-таки худо-бедно что-то знаем? Что мы видим? Мы видим вещи довольно настораживающие.

Что я имею в виду? Когда происходит реализация так называемого исламского проекта, происходит следующее: нарушаются права человека, напрочь отсутствует любой намек на демократию, устанавливаются тоталитарные режимы. Конкретные примеры.

Движение "Талибан", которое создало исламский эмират в Афганистане. Я не буду рассказывать обо всех ужасах по части нарушения прав человека, прав верующих, прав женщин, прав вероисповедных меньшинств, национальных меньшинств и прочих нарушений, которые там происходили.

Другой пример. Ввели исламский шариат в ряде штатов Нигерии. Что происходит? Пустяк. Какая-то журналистка написала что-то, упомянув имя Пророка Мухаммеда. Казалось бы, какая проблема, но двести человек убитых, угроза самой журналистке быть убитой любым мусульманином, который ее встретит. Такова обязанность мусульманина по шариату. Это факты. Я уже не говорю о нарушении прав человека, об отсутствии любой демократии, демократии в западном понимании этого слова, в таких государствах, как Иран, Саудовская Аравия.

И последний пример. Это Чечня, наша российская Чечня того периода, когда в Чечне проводилась исламизация, шариатизация, были введены шариатские законы. С чего начали? Начали с реализации прекрасного общественного проекта, который всех осчастливил? Нет. Начали с публичных расстрелов на улицах. Я не буду педальировать эту тему.

И здесь возникает одна очень серьезная проблема, которую формулируют для себя наши западноевропейские коллеги. У них не может не быть некоторых опасений,

что та демографическая исламизация, которая происходит в настоящее время в разных странах Западной Европы (разными темпами, в разных масштабах, но происходит), в конце концов приведет к тому, что то меньшинство, которое существует в настоящее время, превратится в большинство и введет исламские порядки, то есть будет претворять в жизнь исламскую программу или исламский проект защиты прав человека, исламский проект власти и другие. Такое ощущение, что подобные опасения есть. Тем более что здесь тоже нельзя не упомянуть об одной исключительно важной вещи, а именно той, что Запад в настоящее время становится своего рода плацдармом для антизападного экстремизма и терроризма.

Профессор Тибби очень интересно все рассказал, но, к сожалению, ничего не сказал о том, что происходит в Германии. А в Германии не очень благостная картина. Я знаю точно, что организаторы терактов 11 сентября 2001 года имели Германию плацдармом для организации этих терактов. И это не домыслы спецслужб, пропаганды, антиисламских СМИ — это материалы судебных дел, которые продолжаются в настоящее время. Получается, что у граждан западных государств появляется такое подозрение: те люди, которые сейчас появились на территории этих государств, планируют изнутри разрушение этих государств, разрушение этой культуры. Кто-то употребит выражение "разрушение этой цивилизации".

Буквально несколько дней тому назад лондонская пресса опубликовала результаты опроса, который был проведен среди британских мусульман (среди них и эмигранты, и британцы, принявшие ислам). 10 процентов из них поддерживают те удары, которые были нанесены и наносятся так называемыми исламскими экстремистами и террористами по целям в странах Запада. То есть в данном случае подразумевается и теракт 11 сентября 2001 года. Кто-то скажет, что 90 процентов не поддерживает. Согласен. Но для того чтобы совершить теракт 11 сентября, пона-

добилось всего 19—20 человек. 10 процентов — это много, это очень много!

Когда на всю эту проблематику смотрят (я пока говорю как бы от имени жителей западных стран) как на историю последних десятилетий, то видят, что в момент, когда количество мусульман в стране становится больше 50 процентов, в этой стране начинаются проблемы. В данном случае я имею в виду Ливан. То, что там происходит, произошло после того, как мусульмане стали составлять большинство в этой до того процветавшей, красивой стране.

Здесь возникает много проблем. Я не думаю, что все их мы сумеем сегодня решить, но какие-то проблемы можно и нужно обозначить. Скажем, то, что происходит у нас, в России — на территории Чечни и в целом на территории Северного Кавказа. Существуют разные интерпретации того, что происходит в Чечне. Здесь лежит прекрасная книга А. Малашенко и Д. Тренина "Время Юга: Россия — в Чечне, Чечня — в России". Рекомендую всем прочесть. Могут быть разные интерпретации того, что там происходит. И споры есть — научные и политические. И предлагаются разные пути выхода из этого кризиса. Имеется в виду: и из чеченского кризиса, и в целом из кризиса, который угрожает Югу России. Но мне думается, можно с уверенностью сказать, что религиозный экстремизм имеет отношение к тому, что происходит на территории Чечни и не только там. Когда обсуждаешь все эти проблемы, люди говорят: "Вы знаете, можно кого угодно в чем угодно обвинить. А состоялся ли суд? Может быть, это был не Басаев, а человек, похожий на него? Вот когда его возьмут, когда будут проведены соответствующие процессуальные действия, когда будет приговор и прочее, тогда вы сможете сказать, что такой-то человек совершил такие-то преступления". То же самое — и о религиозном экстремизме.

Я специально взял на наше совещание (и время позволяет зачитать этот отрывок) вырезку из газеты "Коммерсант" от 2 декабря 2002 года. Статья называется "Убить

неверного — это как совершить намаз". Судят некоего Заура Акавова, который прошел подготовку в лагере "Кавказ" на территории Чечни: "Из показаний подсудимого складывается такая картина. В 1990 году Заур Акавов по совету имама мечети, некоего Махача, позднее уехавшего в Саудовскую Аравию, поехал в Чечню, чтобы изучать там "чистый ислам". Он поступил в исламский университет "Кавказ", расположенный в бывшем пионерлагере в районе Серженьюрта. В течение двух месяцев он вместе со 150 другими студентами изучал Коран, арабский язык, исламское право и ведение джихада как особый предмет. По словам подсудимого, ни в одном другом университете такого предмета нет (имеется в виду — ни в одном другом университете, который он знает). Далее приводятся его слова: "На основании Корана и Сунны Пророка мне достоверно доказали, что убить неверного — это такой же париз (обязанность мусульманина), как ежедневный пятикратный намаз. Я не скажу, что меня использовали, заставляли. Я делал то, во что верил". Потом выпускник университета попал в военную учебку, где изучал стрелковое оружие, тактику, топографию, минно-взрывное дело и так далее". Возникает ряд вопросов: кто и чему учил в университете "Кавказ"? Это сугубо конкретные вопросы, на которые мы должны найти ответ.

Здесь мы подходим к исключительно сложному и интересному вопросу. Когда мы говорим о том, что имеет место исламский экстремизм и его проявления, которые мы обнаруживаем, в частности, в деятельности ряда объединений и институтов на территории Северного Кавказа, нам, как правило, мусульманские религиозные деятели говорят: "Это неправда. Вы так не имеете права говорить. — Почему? — Потому, что ислам — это религия мира, ислам — это религия терпимости". Здесь хорошо об исламе рассказывал Вячеслав Сергеевич Полосин. Можно согласиться со всем, что он говорил, когда цитировал Коран, Сунну. "Это хорошая религия, — говорят они, — ислам — отдельно, экстремизм — отдельно". Самое большее, на что

согласны эти люди, — это сказать, что какие-то бандиты прикрываются исламом.

Но проблема тем самым не снимается, не уходит. Потому что существовали и существуют подобного рода мечети на территории Северного Кавказа (и не только там, а, скажем, в Поволжье), которые направляют учиться молодых людей либо в Чечню, либо в другое место, где им преподают ислам. Им не говорят, что это неправильный ислам, им не говорят, что это терроризм, экстремизм. Они совершают в дальнейшем те действия, которые предусмотрены существующим у нас, в России, законодательством. Причем оно не очень сильно отличается от законодательства, которое существует в других странах мира.

Я, раскрыв скобки, скажу, что имею в виду. У нас принят федеральный закон о противодействии экстремистской деятельности. Согласно закону применительно к религиозным объединениям под экстремизмом понимается деятельность религиозных объединений, групп по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию, унижением национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма, разжигание идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Прошу прощения за этот длинный перечень, но в принципе понятно, что имеется в виду.

Таким образом, этот молодой человек, который в настоящее время сидит за решеткой, занимался и участием в вооруженном незаконном формировании, и реализацией призывов к уничтожению неверных, и прочее, и прочее. Возникает следующий вопрос: а кто его всему этому обучал? Какие-то бандиты. В настоящее время на территории Российской Федерации, в частности на территории Чечни, действуют эмиссары одного из направлений в исламе, которое называется ваххабизмом. Его не нужно определять в этой аудитории, о нем достаточно полное представление имеют все присутствующие. Если кто-то хочет, чтобы я рассказал, как я его себе представляю, я готов ответить. Здесь действуют ваххабитские эмиссары, действует ваххабитское духовенство, которое создает на территории России свой международно-террористический плацдарм. Являются ли они экстремистами? Вне всякого сомнения. Являются ли они религиозными экстремистами? Думаю, что да, хотя бы потому, что они апеллируют к Аллаху, к священному Корану, к Сунне Пророка. На основании Корана и Сунны Пророка мне доказали, что убить неверного — это обязанность мусульманина. Вся эта система взглядов крепко держится на Коране и Сунне. Бен Ладен — это ваххабит.

Есть один интересный момент, который во многом иллюстрирует то, о чем говорил профессор Зубов. Бен Ладен издал несколько фетв относительно того, что нужно убивать неверных, в первую очередь американцев, евреев и их союзников. Что такое фетва? Это не просто некий документ, в котором каждый человек может написать все, что ему угодно. Это документ, в котором некое положение объясняется в опоре в первую очередь на Коран, во вторую очередь — на Сунну Пророка и в третью очередь в опоре на заключения тех исламских ученых, которые являются авторитетами для данного муфтия, то есть для того, кто эту фетву издает. Для Бен Ладена таким авторитетом является ханбалитский ученый IV века Ахмад Ибн Таймийя. Есть одна очень интересная вещь: не существует ни одного опровержения этих фетв, сделанных мусульманами. Не

существует никакого другого документа, в котором мусульманские ученые в любой точке земного шара сказали бы, что Бен Ладен не прав в этом, этом и этом пункте.

Никто никогда не опровергал талибов, когда они разрушали статуи Будды или когда они заставляли индуистов надевать желтые повязки, вывешивать около домов желтые флаги. Говорили только, что Бен Ладен не имеет права издавать фетвы, потому что он не получил полного исламского образования. К слову сказать, именно так и говорил мулла Омар, глава движения "Талибан", летом 2001 года, накануне терактов 11 сентября, но опровержения нет.

Фетвы Усамы Бен Ладена относительно убийства американцев, евреев и их союзников не опровергались исламскими учеными. И давайте перенесем эту дискуссию на документальную основу, потому что тот поток информации, который идет в настоящее время, огромен. Не удастся этот поток в полной мере раскодировать. Именно в этом одна из причин того, что средства массовой информации выхватывают нередко одни вещи и игнорируют другие. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что по тем сведениям, которыми я располагаю, эти фетвы не опровергались. Да, в свое время была фетва, которую издал Совет муфтиев России и в которой говорится, что нельзя призывать к террору в опоре на Коран и Сунну.

Здесь также имеется проблема. Когда мы говорим о ваххабитском экстремизме, появляются сомнения в том, что этот экстремизм имеет отношение к исламу. И формула здесь следующая (причем я готов назвать в данном случае конкретных людей, которые так говорят): да, есть ваххабизм, но ваххабизм — это не ислам. Здесь возникает проблема, которую можно было бы назвать проблемой столкновения исламского и исламоведческого подхода к этой проблеме. Может быть, с точки зрения какого-то из направлений в исламе, например, того, которое представлено в России (мы его называем традиционным исламом), ваххабиты не являются мусульманами. Я слышал такие слова от муфтия

Т. Гаджуддина, бывшего муфтия А. Кадырова. Оказывается, что нет в исламе экстремизма. Можно было бы с этим согласиться. Действительно, традиционный ислам не имеет отношения к экстремистской террористической деятельности. Проблема в другом. Тогда нам нужно четко рассмотреть те опасности, которые угрожают России. Если мы говорим, что существует опасность ваххабитского экстремизма, тогда мы должны предпринимать защитные меры и обращать внимание не только на то, что кто-то совершил некое преступление, которое карается в соответствии с Уголовным кодексом или законом о противодействии экстремистской деятельности, а вести профилактическую работу, то есть не допустить распространения той идеологии, которая в блестящем выступлении профессора А. Зубова была названа сплавом религии и человеконенавистничества.

Вот некоторые вопросы, которые хотелось бы поставить, не давая на них сразу ответы, а стремясь привлечь внимание и экспертного сообщества, и журналистов, которые здесь присутствуют, и религиозных деятелей, как православных, так и исламских, к тому, что эта проблема есть. Эту проблему необходимо решать, не отмахиваясь от нее и не используя "фигуру умолчания" или высказывая только добрые пожелания, заявляя, что нет ни войны цивилизаций, ни экстремизма и что все хорошо. Не все хорошо.

С.В. Кортунов. Спасибо, Александр Александрович. Я уверен, что, несмотря на послеобеденное благодушие, Ваше выступление вызовет комментарии, может быть, вопросы.

Хотел бы отметить, что наше обсуждение проходит в исключительно благожелательном духе, и никто еще не сорвался в сторону политической риторики. Нами всеми движет одно желание — найти истину.

Передаю слово Иман Валерии Пороховой.

И.В. Порохова, академик РАН.

В многонациональном, и как следствие, многоконфессиональном обществе Центральной Азии, в общем-то,

как и в других регионах мира, в частности, в России, Англии, Канаде и так далее, вопрос конфессиональной безопасности становится все более актуальным и болезненно острым. Нынешний уровень религиозного сознания, или, точнее, массовая религиозная невежественность, позволяет ставить вопрос о глобальном единобожии. Хотя некоторые социологи поспешно, на мой взгляд, усматривают в зарубежных вояжах римского понтифика первые шаги в этом направлении. Поэтому в настоящее время, при существующем положении вещей любые попытки свести к общему знаменателю (и опять-таки — к какому или, скорее, к чьему?) конфессиональные предпочтения людей, безусловно, можно будет рассматривать как нарушение прав человека, причем в государственном масштабе. А это уже — потенциальная почва для насилия.

Но, как правило, к насилию прибегают, лишь исчерпав политические, социальные и нравственные резервы. Гражданская стабильность в обществе — это не только и не столько политическая стабильность власти (правлящего режима), которая достаточно успешно достигается силовыми ресурсами, сколько социальная стабильность, в самой основе которой лежит нравственно-религиозная совместимость людей, составляющих данную государственную общность. Такая совместимость строится исключительно на формировании у людей (методом широкой сети просвещенческих средств — TV, печать, радио и тому подобное) общих для всех (в смысле близких по духу для всех) нравственных ценностных ориентаций. Тех ценностей, которые не имеют ни этнических, ни географических, ни временных пределов, не зависят от национальных особенностей, а тесно связаны с вероисповедальными доктринами всех времен, низведенными в виде заповедей. Эти заповеди, носящие общий для всех религий характер, и составляют общественную мораль. Когда вера в объективную истину Господнего творения по политическим, социальным и, наконец, частно-субъективным мотивам была дерзко подменена структурой веры — религией, которую всегда можно

чуть-чуть отодвинуть в сторону, когда между человеком и Творцом встал посредник в виде священнослужителя, претендующего на возможность (за определенную мзду!) отпустить совершенный грех, когда религия позволила разделить свои нужды (а разом и свою казну) от нужд государства, личная ответственность человека перед Творцом (о которой так много и настоятельно говорит Священный Коран) гипертрофировала в ответственность перед служителями религии и стала предметом торга.

Но вера в Господа — одна для всех. Вероуставные заповеди всех писаний фундаментально одни и те же и разнятся только в частности, диктуемых природными, ментальными и, наконец, цивилизационными различиями. И потому только через выявление объединяющих нравственных норм, диктуемых всеми писаниями без исключения, и претворение их в практике жизни, введение диктата личной ответственности за содеянное, постановку во главу жизнедеятельности благочестия как приоритетных заповедей, дозволение отправления религиозных частных отдельных группами населения (естественно, не вступающих в противоречие с единой линией жизнедеятельности общества в целом) можно достичь того желанного благополучия, о котором так долго и болезненно стонет наше забытое Богом, или, скорее, забывшее Бога, общество.

Создав человека, Всевышний наградил любимейшее из Своих творений тем даром, что венчает все его желания, все стремления, все мольбы и страсти, — свободой волеизъявления, свободой принятия решений, свободой принять или отвергнуть. И никому не дал права отобрать ее у нас или монополизировать, ибо она — дар Божий, как и сама жизнь. С другой стороны, предоставление человеку свободы принятия решений однозначно предусматривает ответственность за действия, совершенные по факту принятого решения, что само по себе оказывает особое влияние на всю сознательную деятельность человека. Причем интересно то, что в Священном Коране человек при жизни на земле выступает как свободный служитель Господа (ибадул'ла),

тогда как на Господнем Суде он выступает уже как Его раб (абидул'ла). И как грустно, когда богословы крадут у нас этот дар, уверяя, что все мы — рабы Божии, монополизируя тем самым свободу выбора, завещанную нам Творцом нашим.

Любопытно, что в сознании людей на генетическом уровне живет моральный кодекс (те самые нравственные нормы, о которых шла речь выше), которым они дорожат более всего, относясь к нему религиозно, понимая мир как порядок, установленный Божественной волей. "Если править с помощью закона (учрежденного волей земного правителя. — *уточнение И.В. Пороховой*), то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность" (гениальный Конфуций). Люди подобного психологического типа повинуются своему начальнику не как лицу, а как части божественно установленной иерархической лестницы. Это — как раз та самая ностальгия по дальнему (по прошлому. — *замечание И.В. Пороховой*), о которой так тепло писал великий Фридрих Ницше: "Будущее и самое дальнее пусть станут причиной твоего сегодня... Не любовь к ближнему (к настоящему. — *замечание И.В. Пороховой*) советую я вам. Я советую вам любовь к дальнему".

Когда власть равнодушна, а главное, инертна к отсутствию нравственной организации социальной, гражданской жизни общества через следование традиционному укладу и национальному менталитету, когда власть представляет угрозу религиозному предпочтению своих граждан в любой форме (будь то социальная, психологическая, информационная, законодательная или другого рода атака), она создает конфликт, который имеет тенденцию никак не утихать, а, напротив, расти и в конечном счете перерасти в гражданское неповиновение, разрушая на своем пути все тыловые жизнеобеспечивающие структуры общества.

Сейчас мы являемся свидетелями циничной политизации нравственных и конфессиональных ориентаций. Нам навязывают мотивировку геополитической и политической преступности как желание следовать вероуставным положениям священных текстов. Но преступление не может быть причислено или увязано ни с одной конфессией. Преступник не может быть ни иудеем, ни христианином, ни мусульманином. Преступность внеконфессиональна, вненациональна, внерасова. Нам же бессовестно навязывают вновь сложившиеся (сиюминутные в масштабе исторической практики) американские и западноевропейские политические, социальные и этические нормы, чуждые многовековому знанию и опыту тысячелетней практики межличностных и межгосударственных отношений. И если новации современного законодательства устраивают прагматичного американца, как правило, достаточно инертного к этической сути закона, то умудренный тысячелетней мудростью евроазиат предъявляет к закону строгий спрос на соответствие его сути нравственности и благочестию.

Такой и только такой подход к базовой сути законодательства роднит все религии мира и делает недозволенной их конфронтацию. Если одна религия противостоит другой, она перестает быть Господним вероучением и лишается благословения Всевышнего. Выбор религии — это интимная вещь, в которую никто не имеет права вторгаться, на которую никто не вправе посягать. Но здесь необходимо учитывать один чрезвычайно важный момент, на который ставит особый акцент Священный Коран: каждое вероуставное Откровение, на котором строилась религиозная структура, имело строго означенное историческое пространство, то есть имело пространственное, временное и национальное ограничение и по истечению определенного срока исчерпывало свою надобность, оставляя в абсолютной неприкосновенности лишь фундаментальные заповеди направляющего толка. Именно эти заповеди, лишённые отправного параметра временной надобности, были введены в канву последнего Господнего Откровения — Священного

Корана — на мощном фоне (говоря современным языком) конституционного законодательства — как юридического, так и политического, социального, финансового, уголовного, семейного и так далее.

Религия, построенная на последнем Господнем Откровении, — ислам. Причем это чисто атрибутивное название, никак не увязанное с именем Пророка, принесшего Откровение, в отличие от других религий, получивших свои именованья по именам их явителей (Будда — буддизм, Иуда — иудаизм, Христос — христианство). Корень СЛМ (са-ли-ма), стоящий в основе слова "ислам", включает в себя весь понятийный комплекс значений: сохранности, спасения, здравости (ума и тела), благодати (намерений), благополучия — вплоть до понятий сердечной чистоты и хорошего вкуса! А производный от этого корня четыреххарфовый глагол "асляма" несет значение добровольного следования Господнему руководству.

Итак, ислам — это объективная истина, которая выражается в следующем: все существующее диалектично развивается по установленным законам Творца в одном направлении — к Нему, начиная и завершая назначенные сроки. Осознав и приняв это, человек исполняется Иманом (верой в Бога) и вступает в договор с Творцом ("миса'к аль Иман"), добровольно, без принуждения, радостно предлагая Ему свою покорность и беря на себя исполнение основополагающих обязательств по формуле "Ля илляха илля ла":

вера в Бога Единого ("ат таухид");

вера в Судный День ("йаум аль хисаб"), которая в общем-то и обеспечивает диктат личной ответственности за содеянное;

следование прямым путем ("ит'тиба'а сират аль мустахим"), основным параметром коего является творение добра (включая все заветы дозволенного) и запрещение зла (включая все запреты недозволенного).

Диапазон, вид и степень благодеяния не имеют предела, не зависят от времени, пространства, национальных осо-

бенностей и тесно связаны с вероисповедальными доктринами всех времен и народов, низведенными в виде заповедей.

Далее. Ислам требует уважительного отношения к выбору религии: "И если бы Господь желал того, Он сделал бы вас всех одной общиной веры". Коран (сура 11, аят 118).

"И если бы Господь не отражал одних людей (что злы в своих деяньях) другими (что в делах своих добры), то были бы снесены монастыри и церкви, синагоги и мечети, где имя Бога поминается сполна". Коран (сура 22, аят 40).

Ислам запрещает всякое (будь то силовое или идеологическое) навязывание той или иной религиозной концепции. "Не разрешил в религии Он принужденья". Коран (сура 2, аят 256).

"Зови на путь Господний мудростью и добрым наставленьем, и спор милейшим образом веди". Коран (сура 16, аят 125).

Ислам требует беспрекословного повиновения закону и порядку своей страны при условии, если власть не посягает на его религиозный выбор, обеспечивает социальное равенство и защищает его имущественные права. "Господь вам не дает запрета любовь и милость проявлять к тем, кто за вашу веру с вами не сражался, не изгонял из дома вас". Коран (сура 60, аят 8). Не это ли та самая морально-нравственная база, введение которой в законодательство любой страны обеспечит ей ту желанную стабильность, о которой так долго и бесполезно страдает наше измученное своей 80-летней безнравственностью общество?

Кстати, эти же принципы лежат в основе уникального высказывания мусульманского Пророка Мухаммеда (да будет на нем благословение Всевышнего!): "Конец света наступит, когда уйдет в небытие понятие чести. А это произойдет, когда правление (на земле) будет доверено негодным людям". То есть устами Господнего посланника благополучие общества, его безопасность тесно увязывается

с понятием чести. К нашей неопишуемой скорби, генетические носители чести на протяжении последнего столетия нашей эры уничтожались — "измами" всех мастей (капитализмом, фашизмом, коммунизмом, тоталитаризмом и тому подобными), и нам предстоит найти тех немногих, которым ценой невероятных усилий удалось выжить, чтобы воззвать к их благородному духу помочь нам спасти от гибели наших детей и внуков.

С.В. Кортунов. Спасибо, Иман Валерия, за Ваше содержательное выступление.

Сейчас я с удовольствием предоставлю слово Шамилю Загидовичу Султанову, который является не только известным в России и в международном сообществе исламоведом, но (я бы не побоялся этих слов) известным русским философом, который исследовал в том числе и европейские корни российской цивилизации. В частности, я помню, однажды он подарил мне свою блестящую книгу про Плотина, которая начиналась словами: "Мой вам совет — не читайте эту книгу". Тем не менее я ее прочитал, о чем не жалею.

Пожалуйста, Шамиль, Вам слово.

Ш.З. Султанов. Я хотел бы поблагодарить господина Игнатенко за его блестящее выступление, и вот в каком плане. Дело в том, что проблема ислама в современном мире — это в том числе проблема идеологической борьбы. И господин Игнатенко продемонстрировал определенные тезисы, которые используются в этой борьбе, в том числе те, которые публикуются в средствах массовой информации, в частности в одной из газет, выдержку из которой господин Игнатенко зачитал.

К некоторым тезисам я еще вернусь, если останется время. Но мне хотелось бы обратиться к тому (если мы говорим об истине), как формулируется основной тезис нашей конференции "Ислам в контексте диалога цивилизаций". Это вопрос поднимался, и несколько раз звучало: что означает диалог цивилизаций в нашем мире, что такое наш мир в этом плане? Те примеры, которые приводились,

скорее всего были примерами диалога культур или определенных аспектов культур. Это были определенно не самые удачные примеры межконфессионального диалога. Но что касается диалога цивилизаций, об этом странным образом никто не сказал. Может быть, я прослушал.

С точки зрения некоторых исламских филологов и некоторых специалистов по международным отношениям и международным конфликтам, де-факто на земле сейчас существует только одна цивилизация — это западная цивилизация в полном объеме, как она квалифицируется специалистами. Если же говорить о русской цивилизации, европейской цивилизации, индуистской, китайской цивилизации, то это, скорее, деградирующие остовы этих цивилизаций, некие культурные феномены. В этом смысле диалог цивилизаций сейчас в принципе невозможен, потому что западная цивилизация, прежде всего в экономическом плане, доминирует. И не побоимся сказать, что она разрушает все остальные цивилизационные модели. Поэтому диалог цивилизаций быть не может. Это первый момент.

Отсюда невозможен и второй момент — конфликт цивилизаций. Если мы говорим о конфликте, то речь идет только о тех противоречиях, которые сейчас усиливаются в рамках глобального системного кризиса внутри самого реализующегося западного проекта.

Третий момент связан со следующим. Да, С. Хантингтон был в определенной степени прав, что в настоящее время основное противодействие, или основной потенциальный конфликт, разворачивается между западной цивилизацией и определенными компонентами остающейся исламской цивилизации. Я выскажу одну нетривиальную мысль. Сейчас межцивилизационная борьба обостряется прежде всего в ареалах бывших цивилизаций. Это мы видим и в Индии, и в исламском мире. Конфликты в исламском мире между радикалами и традиционным исламом — это конфликт между той частью квазиисламского мира, который интегрируется в западный мир, и теми частями этого мира, которые этого не хотят.

Исламский экстремизм — это не феномен, характерный для ислама. Это феномен, характерный для деградирующей исламской цивилизации. Многие люди, которые выступают под знаменем ислама, об исламе фактически не знают или знают очень мало. Я не знаю, был ли господин Игнатенко в Чечне, мне пришлось там побывать. Я разговаривал со многими людьми, которые пришли к власти в 1996 году, и убедился, что их знания по поводу ислама — в лучшем случае на уровне учебников по общему религиоведению, которые издавались в Советском Союзе. Более того, в 1997 году, когда я был в Чечне, я специально пошел на рынок. Там был всего один лоток религиозной литературы. И никакого ажиотажа вокруг этой литературы я не увидел. Там были небольшие брошюры. Но эти брошюры не раскупались, не обсуждались. А когда я разговаривал с соответствующими людьми, которые претендовали на роль идеологов, то они произносили только некоторые лозунги популистского плана.

С моей точки зрения, сейчас ключевой момент того, что называется межцивилизационным диалогом или межцивилизационным конфликтом, — это проблема не религиозная и проблема не межконфессиональных противоречий. Это проблема геополитическая. Закончился большой глобальный геополитический период, который можно называть периодом расцвета западной цивилизации. Закончился очередной "кондратьевский" цикл, который был основан на одной простой вещи — на дешевой нефти. Мы вступаем в период, когда в ближайшие 20—30 лет энергетическая проблема будет ключевой для национальной безопасности, для национального выживания и для проблем глобальной безопасности. А 60—65 процентов энергоресурсов в мире находится в зоне мусульманских стран. Этим все объясняется.

Второй момент заключается в следующем. Многие мусульманские режимы являются на самом деле не мусульманскими режимами. Например, режим в Египте — это не мусульманский режим. Так же как и режим Саддама

Хусейна. Это квазирежимы, режимы лицемеров. Такая же борьба разворачивается в Иране. Там тоже существует эта проблема — проблема самоидентификации. Дело в том, что в современный период, период начала глобального системного кризиса, проблема культурной, политической, религиозной самоидентификации начинает приобретать особые аспекты. В связи с Ираном я скажу следующее. Дело в том, что "белая" революция шаха Пехлеви, которая началась в 1963 году, при всех экономических успехах привела к революции 1978 года. Это было в определенной степени закономерно, потому что модернизация, в том числе и в исламской мире, в силу специфики тотальности ислама не охватывает только экономические компоненты общества, только социальные аспекты общества, она приводит к конфликту в религиозной, духовной сфере. Это и произошло.

Если мы говорим о международной безопасности, незримо начинается борьба, соперничество за то, на чьей стороне будет мусульманский мир и каков будет этот мир в ближайшие 10—15—20 лет, в период адаптации глобальной системы к новым отношениям и к новым реалиям — к реалиям дорогой энергии, к реалиям сокращающихся энергетических ресурсов и к реалиям ревизии цивилизационных основ существования человечества.

В этой связи важным моментом является следующее. Реальная борьба происходит не на периферии. Бен Ладен — это мифическая фигура. Это фигура, которая была создана США, и американцы этого не скрывали. Она была создана для того, чтобы организовать некую консолидацию моджахедов в период советской интервенции в Афганистане. Более того, само появление Бен Ладена именно в те моменты, когда это нужно американцам, наводит на определенные размышления. Если говорить о терроризме и экстремизме, то я исхожу из того, что во многом международный терроризм — это специфическая форма игры спецслужб. Причем той игры, которую на определенном этапе эти спецслужбы перестают контролировать.

Поэтому ключевая борьба, разворачивающаяся сейчас в исламе (а от этого зависит судьба международной безопасности в ближайшие 20—30 лет), — это борьба, которая идет между так называемыми умеренными, квазиисламскими режимами в мусульманском мире и исламскими фундаменталистами. Это очень важный момент, потому что ход нашей дискуссии все время приводит к мысли о том, что главенствует только некий субъективный момент. Достаточно ликвидировать, расстрелять, убрать, посадить в тюрьму и так далее 100, 200, 300 радикалов, и все будет хорошо. На самом деле это объективный процесс. Он не контролируется, и считать, что тотальный контроль здесь вообще возможен, нельзя.

Господин Игнатенко приводил пример Нигерии. Посмотрите на эту ситуацию с другой стороны. Нигерия — это страна, которая является экспортером нефти, которая занимает одно из первых мест в мире по коррупции. Социальная дифференциация в этой стране настолько огромна, настолько чудовищна, социальные язвы в этом обществе настолько сильны, что исламизация Нигерии, кстати, происходила без прозелитизма, происходила спонтанно. Когда среднедушевой доход на нигерийскую семью, которая состоит в среднем из 7—8 человек, составляет 4 доллара в месяц, в этот момент в Нигерии словно провокационно проводится конкурс "Мисс Вселенная", бросающий вызов духовным устоям этих несчастных людей, которые в исламе находят форму своего существования. Затем появляется статья, в которой оскорбляется Пророк Мухаммед. Для мусульманина сакральные исламские ценности ислама являются главенствующими. Это тот последний элемент самоидентификации, который в условиях глобальной несправедливости из-за развития западной цивилизации испытывают страны третьего мира. Эта религиозная самоидентификация очень важна.

Отсюда парадокс. Лет 20—30 назад появилась рок-опера "Jesus Christ Super Star". По-разному к этому можно относиться. Можно сказать, что это апофеоз демократии,

но можно интерпретировать иначе: эта рок-опера является свидетельством правоты О. Шпенглера, который заявил, что религия в Европе умерла, уйдя в искусство. Можно интерпретировать иначе: эта рок-опера, а также остальные вещи, связанные с массовой культурой, — это элемент абсолютной десакрализации западного общества. В Нигерии этого не произошло. Да, там — невежественные люди, они не учились в Сорбонне, они борются за выживание за несколько центов в день. Но они уважают свою религию, потому что для них это форма жизни, последняя отчаянная надежда на эту жизнь в этом несправедливом мире.

Проблема в той геополитической игре. Я этого тоже коснусь, потому что многие вещи сейчас происходят как бы на конспирологическом уровне. Затем пойдет исламский ареал, прежде всего арабских стран, в которых находится нефть. Ключевой момент заключается в том, что существует некий негласный пакт. Но этот пакт подтверждается определенными политическими реалиями, в частности теми событиями, которые происходили в 2000 году в США. А тогда создавались определенные стратегические договоренности между умеренными квазиисламскими режимами и США. Суть заключается в том, что США должны развернуть базу против фундаментализма в исламском мире, обеспечить безопасность этих так называемых умеренных, традиционных, "хороших" исламских режимов, а в ответ на это будет обеспечено то, что необходимо этой западной цивилизации, в которую эти квазиисламские режимы интегрируются. И эта тенденция оказывается сильнее инстинкта самовывживания.

Талибан в этом смысле — это символ. Да, были разрушены определенные памятники. Но знаете, в каждой стране какие-то памятники разрушаются. В каждой стране разрушается нечто, и нам об этом грех говорить — за 70 лет в нашей стране столько было разрушено и исламского, и христианского, и других вещей. Поэтому не надо смотреть свысока на то, что происходит в Афганистане. Перед Талибаном стояла одна историческая задача (они все равно

рано или поздно ее решат, потому что Талибан не ушел с арены) — это объединение и национальная консолидация Афганистана. Это национальная задача. В религиозном смысле Талибан действительно представлял собой модель нового исламского режима, который в том числе действовал и во благо глобальной безопасности. Ключевая проблема глобальной безопасности, в том числе и для западной цивилизации, — это проблема контроля над наркотиками. Через 9—11 месяцев после того, как убрали Талибан, производство наркотиков возросло чуть ли не в 8—8,5 раза или даже в 14 раз. Поэтому то, что касается Талибана, — это, с моей точки зрения, проблема того, каким образом реализуется договоренность между западной цивилизацией и так называемыми квазиисламскими режимами по борьбе с общим врагом.

Это ведет к усилению и укреплению фундаментализма. Более того, в определенной степени фундаментализм усиливается как реакция на усиление господства западной цивилизации в рамках других цивилизационных ареалов. Наиболее наглядно это видно в Индии, но это есть и в России в специфических формах, это есть и в США. Есть прекрасный американский фильм "Дорога на Арлингтон". Там показана тенденция усиления фундаментализма, правда, в гротескной форме.

А что касается 11 сентября 2001 года и других событий, то, знаете, если следовать кодексу западной демократии, решений суда не было. Когда будет суд, когда будет это определено, тогда можно будет это говорить. Так же, что касается так называемого террористического акта М. Бараева. Все отмечают, что захват здания был осуществлен блестяще. Два месяца эта компания бродила по Москве, никто на нее не обращал внимания. Потом они захватили театр и не знали, что делать. М. Бараев, между прочим, не выставил ни одного религиозного исламского требования. С этой точки зрения он не моджахед. Все время было ощущение, что он ждет какой-то подсказки.

Теперь что касается ваххабизма. Неуважение к исламу проявляется даже в нюансах. Но это нормально в идеологической борьбе. Если я скажу, что я — ваххабит, на меня будут смотреть с подозрением. Но дело в том, что каждый мусульманин — это ваххабит. В каком смысле? Ваххаб — это одно из 99 священных имен Аллаха. В этом смысле я — ваххабит. Люди начинают рассуждать: ваххабизм, "плохой" ислам, "хороший" ислам и так далее. Причем люди, достаточно далекие от ислама как очень сложного, противоречивого, неуправляемого феномена. Бен Ладен — это продукт действия американских спецслужб, которые вели свою игру в Афганистане.

Насчет фетв. Бен Ладен не является никаким авторитетным религиозным деятелем. Если бы господин Игнатенко вдруг выступил с каким-либо православным заявлением, высказал бы свою точку зрения по поводу каких-либо религиозных событий, неужели Патриарх посчитал бы нужным опровергать господина Игнатенко? Нет, конечно. Потому что господин Игнатенко, может быть, хороший специалист, но как богослов он не является авторитетом для РПЦ.

А что касается Ливана, то это уже политологический момент. Дело в том, что проблема соотношения, проблема демографии и так далее — это проблема не только религиозная, это проблема, скорее, этническая. Есть масса свидетельств, что когда определенные этнические группы становятся близкими друг другу в той или иной стране, уровень конфликтности в отношениях между ними усиливается. Старая система, которая была создана еще в 50-е годы, рухнула, а новые правила не возникли в силу того, что лидеры не смогли к этому подготовиться. Понадобилось 14 лет военных действий в Ливане для того, чтобы эти правила были сформулированы.

Таким образом, есть идеологическая борьба. Она будет разворачиваться, потому что ясно, что ислам, радикальный ислам, определен в качестве главного врага для западной цивилизации. Это будет транслироваться на соответствующую

щие страны, в том числе на Россию. К этому надо быть готовым. Это будет происходить, потому что в этом заинтересованы определенные властные группы, которые не способны решать социальные и политические проблемы тех или иных стран.

Второй момент заключается в том, что процессы, которые происходят в исламском ареале, — это процессы объективные, связанные с глобальной несправедливостью, которая существует в мире. И даже если враги ислама арестуют Бен Ладена, эту мифическую личность, или соответствующих людей посадят в тюрьму, то дело не в этом. Дело в том, что та социальная несправедливость, та бедность, та нищета, которые существуют в третьем мире, в том числе в исламском, будут порождать это. Речь идет о том, что мир находится в периоде выработки новых правил игры. Возможно, эти правила (так же как в Ливане) будут выработаны после какого-то конфликтного периода. Возможно, разум окажется сильнее, и диалог с соответствующими позитивными результатами произойдет более быстрыми темпами.

С.В. Кортунов. Спасибо, Шамиль Загидович, за то, что Вы раздвинули рамки нашей дискуссии.

Сейчас я хотел бы дать слово не менее блестящему эксперту, доктору исторических наук Алексею Малашенко, который написал много томов по исламу. Тема его выступления звучит даже более широко, чем в выступлении Ш.З. Султанова, — "Глобализация, модернизация и исламский мир".

А.В. Малашенко, старший научный сотрудник Московского центра Карнеги, доктор исторических наук.

Боюсь, что на фоне того, что сейчас говорилось, моя тема будет немного скучноватой. Тем более что некоторые вещи, о которых я буду говорить, лежат на поверхности, их все знают, но их не всегда запускают в оборот на конференциях. Я это прекрасно понимаю, так как куда занятнее сейчас говорить об экстремизме, терроризме и так далее.

Тем не менее для мусульманского мира необходим тот феномен, который можно назвать модернизацией. Этот мир не модернизирован в той мере, в которой он мог бы быть готовым к ответу на западный вызов. Это, видимо, самая главная беда мусульманского мира. Это очень банально, но это так. И если мы это признаем, будем исходить из этих позиций, то, я думаю, мы будем спокойнее относиться и к экстремизму, и к терроризму. Не в том плане, что мы не будем против него бороться и его ругать, но будем помнить о некоей неизбежности, о некоей неуправляемости всех этих печальных феноменов.

С моей точки зрения, мусульманский мир не может быть модернизирован в принципе без реформы или без модернизации ислама. Откровенно говоря, я сам не знаю толком, что это такое. Я думаю, что этого почти никто не знает, хотя, безусловно, толкований для этого феномена существует великое множество. Можно ли сравнивать гипотетическую или потенциальную реформу в исламе с Реформацией в христианстве? Вы знаете, я бы побоялся, хотя знаю, что многие это делают. Есть такая определенная игра ума, это делается достаточно эффективно, успешно, но все-таки есть отличие.

Что все-таки я имею в виду под реформой ислама? Это приспособление (извините меня, особенно мусульмане) религии к элементарному социальному, экономическому и прочему прогрессу. Это выработка какой-то общей религиозной концепции, которая была бы ему адекватна. Почему это так важно? Потому, что без реформы ислама не пойдет никакая модернизация мусульманского мира. Ислам — это не просто религия, это идеология. И я с этим абсолютно согласен, в том числе идеология. Это идеология, которая, простите меня, была создана не Пророком Мухаммедом, а создавалась живыми людьми на протяжении многих столетий. И эта идеология пока что не реформировалась. А обращена она, ислам, как система, не к Аллаху, а к нам с вами, ко всему миру, к реальному мусульманскому бытию.

Помните, как раньше, когда мы учились и в школе, и в институте, мы все время рассуждали о базисе и надстройке — что первично, что вторично. И худо-бедно логика там была. Но если мы возьмем мусульманский мир, то, с моей точки зрения, здесь нет ни первичности, ни вторичности, эта модернизация должна происходить одновременно. Она сейчас происходит? Если угодно, да. Некий вяло текущий, очень противоречивый процесс, отстающий на века от Запада. Как он будет дальше развиваться, я просто не знаю. Но пользуясь выражением профессора Преображенского из "Собачьего сердца", пусть на меня не обижаются мусульмане, но в мусульманских умах по части осовременивания и по части соединения ислама как культуры, как традиции, как идеологии с современностью существует "полная разруха". Это не потому, что ислам — плохой, а потому, что так получилось. И как это все будет происходить, совершенно непонятно. Тем более что верхушечная модернизация, которая имеет место, достаточно опасна.

К тому же есть еще один достаточно обидный для мусульман момент — вся эта модернизация так или иначе есть своего рода имитационные попытки догнать и перегнать Запад. Если перегнать нельзя, то хотя бы каким-то образом догнать. Как бы мы ни пытались дипломатично все это выражать, как бы ни пытались никого не обидеть, тем не менее это так. Есть определенный комплекс неполноценности перед Западом, ушедшим далеко вперед, навсегда. И все, что можно сделать, — это каким-то образом ему подражать. Ничего нового на земле, в мирской жизни сделать, видимо, невозможно. И тем труднее соединять это с исламской идеологией, тем обиднее.

Опять же возвращаюсь к термину "комплекс неполноценности". Если угодно, на одной стороне — провал в отношении модернизации, это вечное отставание, а на другой — Бен Ладен с его взрывами и прочим. Конечно, огромный разрыв, масса логических поворотов, но я считаю, что корни здесь, а вершина пирамиды — Бен Ладен.

Что еще, с моей точки зрения, печально в этом отношении. Тут говорилось о квазимусульманских режимах. Я могу с чем-то согласиться, с чем-то нет, но у мусульманского мира есть определенное ядро. Это, естественно, нефть, нефтяной ареал. И он как раз проиграл, он не сумел себя реализовать в плане модернизации. Те деньги, которые они получали, дешевые деньги, были бездарно растрчены, так же как бездарно были растрчены нефтяные деньги коммунистов. Все пошло у них — на золотые унитазаы, у нас — на гэдээровские колготки. Ничего не было сделано для модернизации общества — в этом самом ядре, в этом "моторе" мусульманского мира или в том, что могло бы быть этим "мотором".

С этой точки зрения я считаю, что ситуация там катастрофическая. Думаю, что в ближайшее время в Персидском заливе, особенно в Саудовской Аравии, будет не прыжок вперед, а непонятно что. Во всяком случае, у меня в этом отношении самые тревожные ощущения. И это увязывается с идеей демодернизации, архаизации в той или иной форме. Она касается экономики, социальных отношений, культуры, чего угодно. Если мы сейчас будем называть примеры, то одним Афганистаном и Таджикистаном не отделаемся. Мы, я думаю, перечислим добрую половину, две трети стран мусульманского мира и найдем там достаточно весомое доказательство того, что публика идет не вперед, а назад.

Но, что самое интересное, движение назад какими-то активными фракциями общества — фундаменталистами, экстремистами, неофундаменталистами — воспринимается как реальное движение вперед. Они идут вперед, к "золотому веку". Если исходить из этой логики, то что изобретать и выдумывать? Все самое хорошее — в прошлом. Круг сторонников этих людей все более растет. Особенно раньше мы очень любили говорить, что исламисты, фундаменталисты рекрутируются или из города, или из деревни, или из студентов, или крепостных крестьян. Они отовсюду идут. Если посмотреть на те силы, которые действуют в

рамках радикального ислама, то кого там только нет — от компьютерщиков до таджикских крестьян. Что их объединяет? Поиск исламской альтернативы.

Это утопия? Да, конечно, это утопия. Не может быть никакого исламского государства. Очень хорошо об этом рассуждать, но не будет его никогда — ни в Иране, ни в Алжире, нигде. Но борьба за него будет вечной. И эта борьба будет еще больше "рубить" эту модернизацию, способствовать еще большей архаизации общества.

Но дело обстоит еще хуже. Есть еще одна угроза. И это я вижу по Средней Азии. Это локальный пример, но примерно то же самое было в Иране. Синкопированная, ускоренная реформа. Но удалось ли где-нибудь насильственно модернизировать мусульманское общество? Нет.

III.3. Султанов. В Малайзии.

А.В. Малашенко. Это то исключение, которое подтверждает правило. Но я могу вашу Малайзию "покрыть" Турцией. Поживем — увидим.

Чего мы ожидаем от Центральной Азии? Дай Бог, чтобы я ошибся. Пойдет реформа быстро — будет расслоение общества, будет обратный удар со стороны традиционного сектора. Не пойдет реформа, деньги разворуют — все будут жить еще хуже, опять будет удар, удар по исламской линии. Я недавно провел в Средней Азии недели три, поездил, разговаривал с самыми разными людьми — от министров до феллахов. Они все чего-то ждут. Может быть, ислам там не будет самым ударным моментом, но он потом подсоединится.

Еще одна вещь, которая, может быть, даже противоречит тому, о чем я говорил, тем не менее она лежит на поверхности, и я сам не знаю, как с этим быть. Может быть, она и не монтируется, не встраивается в логику моего выступления.

Такое ощущение, что христианский мир — Америка, Европа, мы, грешные, — создал себе какого-то виртуального мусульманина, даже двух. Один — это парень, который бегаёт с автоматом по горам и захватывает актовые залы,

экстремист, бандит. А второй — это абсолютно послушный мусульманин, который готов к диалогу, к чему угодно. И вот мы все время хотим подсознательно переделать одного мусульманина в другого. Если мы читаем нашу прессу, то эта полярность очень видна: вот вам плохой мусульманин, а вот — хороший. Но я считаю, что виртуальность их состоит в том, что нет абсолютного экстремиста, который готов вас "живьем сожрать", и также нет абсолютно умеренного мусульманина, заводного медвежонка, который будет делать то, что вы хотите.

Правильно говорил Ш. Султанов, что в каждом мусульманине сидит ваххабит. А что плохого в этом ваххабизме, если к нему подойти с академических позиций? В 1968 году вышла книжка Л. Васильева "Пуритане ислама", полностью лишенная политики. Это самый настоящий ислам, 100-процентный ислам. Что мы сейчас морочим голову друг другу и Президенту В.В. Путину заодно? Зачем это надо? Люди доходят до того, что изобрели новый термин — "ваххабетист". Это же маразм.

Я говорю это к тому, что мусульмане, будь то российская община, будь то мировая умма, очень подвижны. Это не статичная публика. У них меняется менталитет, сознание, они одновременно могут быть и либералами, и демократами, и в то же время в чем-то поддерживать Бен Ладена. Я сейчас сознательно отбрасываю какие-то крайности. Этих крайностей не так много. И между прочим, эти крайности создаются очень часто самими же христианами, а уже потом они действуют автономно, самостоятельно. Поэтому я очень боюсь этих двух виртуальных мусульманских образов. А мы, к сожалению, к этому пришли. Пока человек переходит на позиции экстремизма, становится постепенно убийцей, он проходит целый этап ментальной эволюции. И у меня такое ощущение, что наша идеология, наша практика на каждом этапе все дальше и дальше "заталкивают" его в экстремизм. Я не оправдываю Бен Ладена, тем не менее корни чеченского экстремизма и эта эволюция экстремизации Чечни — дело

наших рук. От этого мы никуда не денемся, надо говорить правду.

Еще раз: мусульманский мир — не черно-белый, он — цветной. Надо учиться видеть все цвета радуги. Тогда мы будем в этом разбираться, будем говорить о модернизации, глобализации и так далее.

И последнее — даже не вывод, а некая констатация фактов. Модернизация мусульманского мира — это наша общая проблема, это не только проблема мусульман. Если он не модернизируется, то мы будем получать то, что получаем сейчас. И с каждым разом все больше и больше. Я думаю, что в принципе (не сегодня, не завтра) каким-то образом будут найдены оптимальные формы модернизации, в том числе непосредственно касающиеся религиозной идеологии. С моей точки зрения, мы сейчас занимаемся тем, что откровенно или скрытно все время подчеркиваем, что ислам — это та религия, где уже делать нечего: она запущенна, реакционна, фундаменталистична изначально и с этой точки зрения обречена. Я думаю, что нет. В исламской идеологии есть резервы для модернизации. Мне бы очень хотелось, чтобы я не ошибался.

С.В. Кортунюв. Спасибо, Алексей Всеволодович.

У нас остается полчаса до перерыва. Мы открываем дискуссию. С комментариями уже записались пять человек. Но, может быть, мы начнем с вопросов докладчикам?

Ш.З. Султанов. У меня вопрос по поводу модернизации. Это проблема не технологии, это проблема не методологии, не идеологическая проблема. Это, с одной стороны, аксиологическая проблема, а с другой — максимально практическая. Грубо говоря, какую цену мы можем заплатить за модернизацию? Ромен Роллан однажды сказал, что настоящий интеллектual — это тот, который за свои убеждения готов пожертвовать жизнью. Либо ты модернизируешься и откажешься от своих убеждений, либо мы тебя расстреляем. Во имя каких ценностей нужно проводить модернизацию ислама?

А.В. Малащенко. В данном случае — это выживание и обретение нормального уровня жизни.

Л.Р. Сюкияйнен. У меня вопрос к А.А. Игнатенко. Во-первых, я хотел бы согласиться со многими тезисами, которые высказал А.А. Игнатенко, в том числе и с теми, которые вызвали дискуссионные реплики из зала. Единственный вопрос. Когда Вы говорили о практической реализации исламского проекта, то привели в пример Талибан. Считаете ли Вы, что никаких иных примеров исламского проекта в реализованном виде в мире больше не существует? Считаете ли Вы, что другие мусульманские страны, несколько десятков, не являются примерами реализации исламского проекта? В этом случае считаются ли они мусульманскими? Огромное большинство стран Персидского залива — не являются ли они практической реализацией исламского проекта? И в этом отношении та реакция, которую вызывает в Европе исламский проект, — может ли она связываться только с одним образцом, который Вы привели с Талибаном, или нет?

А.А. Игнатенко. Я с удовольствием готов ответить на этот вопрос. И сошлюсь на выступление господина Султанова, который сказал о квазиисламских режимах. Я скажу о том, что я имел в виду, еще более подробно. В ряде государств земного шара в силу определенных исторических, геофизических и других обстоятельств сложилась такая ситуация, что правящие группы этих государств могли производить любые социальные эксперименты. Я могу привести несколько примеров того, как эти эксперименты проводились.

Одно государство — это Ливия. Это не исламское государство. Оно руководствуется вздорной третьей мировой теорией — "зеленой" революцией. Это полная ерунда. Нет никакой теории, есть нефтедоллары. Здесь Ш.З. Султанов приводил очень хороший пример: нефтедоллары в Советском Союзе. Вот нефтедоллары в Советском Союзе тоже позволяли проводить всякого рода социальные эксперименты. То же самое я скажу и о Саудовской Аравии. То

есть то, что они делают, — это не реализация исламского проекта, это реализация нефтедолларов. А вы попробуйте реализовать любой исламский проект в какой-нибудь стране типа Афганистана. Получается Талибан.

М. Шевченко. Вопрос к Александру Александровичу Игнатенко. Вы между делом сказали, что ваххабизм — это термин, всем понятный. Вы не захотели разъяснить, что это такое. И все-таки у меня к Вам просьба: не могли бы Вы разъяснить, что такое, с Вашей точки зрения, ваххабизм. Угрожают ли безопасности Российской Федерации ханбалитский масхаб и страны Залива или это какой-то новый термин, который Вы вводите для обозначения экстремистов и террористов на территории Российской Федерации?

А.А. Игнатенко. Прежде всего я хотел бы сказать вот о чем. Профессор Тиби в своем исключительно интересном выступлении упоминал разные термины в приложении к исламу. Он говорил о салафизме, джихадизме, радикальном исламе, традиционном исламе. С чем-то можно поспорить. Но что очень важно и с чем можно согласиться в его выступлении — это с тем, что в настоящее время нам всем — ученым, политикам, журналистам — необходимо перейти от "перепихивания" слова "ислам" (ислам — хороший, ислам — плохой, ислам — туда, ислам — сюда) к более тонкому анализу, увидеть в том, что происходит (я абсолютно согласен с выступавшими здесь А.В. Малащенко, Ш.З. Султановым), многоцветие исламского мира. Ислам существует в виде каких-то конкретных проявлений, течений, направлений, движений. И когда собираются люди и начинают обсуждать проблему ислама, оперируя только этой категорией, в результате получается чепуха, споры и дурное настроение.

Уже в настоящее время не только у нас, в России, но и на Западе, по всему миру идут поиски адекватной терминологии, адекватного понятийного аппарата для того, чтобы объяснить процессы, происходящие в исламе, с исламом и вокруг ислама. Оказалось, что начиная с 70-х годов в разных странах мира происходила радикализация

ислама. И происходила не просто радикализация, а радикализация на тот момент существовавшего ислама вследствие экспорта определенного направления из определенного места в другие места земного шара. А именно: в ходе холодной войны, в ходе конкуренции между США и Советским Союзом прежде всего в арабский мир стала экспортироваться особая форма ислама, особое направление ислама.

Это направление ислама называется "ваххабизм". Это то направление ислама, которое зародилось в XVIII веке и развилось на Аравийском полуострове. Это учение ибн Абд аль-Ваххаба. То учение, которому, к слову сказать, сами саудовцы уже не следуют. Вы только вдумайтесь в это. Все саудовские принцы давным-давно ушли от этих идеалов.

Я хочу привести вот какую аналогию. В те же 70-е годы, когда была холодная война, какую идеологию экспортировал Советский Союз? Советский Союз экспортировал идеологию марксизма-ленинизма. Ту идеологию марксизма-ленинизма, которой не очень-то следовали и в Советском Союзе. То есть всем коммунистам в развивающихся странах, странах Запада объясняли, что необходимо совершить социалистическую революцию, установить диктатуру пролетариата. Экспортерам, то есть всем советским идеологам, говорили: "Побойтесь Бога! Какой пролетариат, предположим, у нас в Афганистане?" — "Да нет, — отвечали, — если вы настоящие марксисты, то должны верить в диктатуру пролетариата".

Здесь примерно та же ситуация. Саудовские ваххабиты, или просто саудовцы (саудовские центры, саудовские министерства, саудовские частные лица), занимаются экспортом ваххабизма, то есть экспортом идеологии, которую основал определенный человек. Вот то, что я подразумеваю под ваххабизмом. Другое дело, что уже в последующем (но это не моя вина и даже не вина журналистов) ваххабитами стали называть любых экстремистов.

По поводу М. Бараева. Я не знаю, как и что было с М. Бараевым. Это покажут следствие и суд. Но М. Бараев и все те люди, которые организовывали эту акцию, сделали все для того, чтобы показать, что они являются мусульманами, которые следуют определенному направлению. А то, что они на самом деле, как вы считаете, выступали за чисто чеченские цели, — это уже другой вопрос. Они вывесили черный ваххабитский флаг, на котором написано: "Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — его посланник". Они сразу, в первом своем заявлении сказали, что будут бороться против неверных и уничтожать их. Это все было на телеканале "Аль Джазира". А слово "неверный"? Если вы возьмете любой исламский текст, то там говорится о милосердии. Любой исламский текст начинается словами: "Во имя Аллаха милостивого и милосердного". А ваххабитские тексты, заявления, лозунги начинаются со слова "неверный": мы против неверных, мы всех неверных сейчас уничтожим. Я еще раз обращусь к этому примеру, он очень характерный и яркий: "Убить неверного — все равно, что совершить намаз". Это не случайно. Ваххабизм — он в этом. Он не говорит даже, что такое вера, он говорит, что есть неверие. Главное содержание ваххабизма — это отрицание неверия, а под неверием понимается все, что не есть ваххабизм, под неверными — все, кто не мусульмане.

Я не буду заниматься академическими вещами, которые, кстати, прекрасно описаны у Васильева в его книге "Пуритане ислама" и в книге "История Саудовской Аравии" — там прекрасно описано, что есть ваххабизм.

С.В. Картунов. У нас есть два человека, которые записались еще в ходе обеденного перерыва. Это архиепископ Т. Кондрусевич и генерал В. Овчинский. Справедливость требует, чтобы я дал слово прежде всего им.

Т. Кондрусевич. Поднятая на этой второй сессии тема, конечно, является актуальнейшей для всех нас здесь, в России, — проблема терроризма, проблема экстремизма и угроза национальной и международной безопасности. Несомненно, проблема существует, и все три докладчика

говорили об этом, каждый со своей точки зрения. Я хотел бы, однако, обратить внимание на нечто другое, немного шире посмотреть на этот вопрос. В прошлый четверг в газете, которая называется "Газета", появилась статья, в которой, к величайшему моему удивлению (у меня был просто шок), написано, что группа экспертов, около 30 человек, подготовила документ к совместному заседанию Совета Безопасности Российской Федерации, Государственного совета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. В этом документе перечислены религиозные организации экстремистского толка. На первом месте оказалась католическая церковь, на втором — протестантские организации и так далее. Более того, в России сегодня официально зарегистрировано около 70 различных религиозных течений, и только три из них не попали в этот список. Это православная церковь, буддизм и иудаизм.

Если мы возьмем зарегистрированные в России религиозные организации, то это 20 тысяч. 10 тысяч из них — православная церковь, чуть больше 4 тысяч — это протестанты, на третьем месте — мусульмане, католическая церковь — примерно столько же, сколько буддизм, сколько иудаизм. Получается так, что половина всех зарегистрированных религиозных организаций — экстремистского толка. А ведь совсем недавно, после трагических событий в Москве на Дубровке, событий, связанных с "Норд-Остом", абсолютно все представители религиозных организаций (я сам сделал два заявления) говорили, что нельзя допустить того, чтобы смешивать терроризм, экстремизм с национализмом, с религией. Надо отделить эти вещи. Люди боятся, чтобы не было в Москве погромов. И в то же время мы видим такой документ. Существует он или нет, я не видел, но об этом сегодня написано и в газете "The Moscow Times". Вчера журналисты мне говорили, что действительно существует 15 страниц такого текста, обещали показать его.

Мы говорим сегодня об исламе — это очень важная тема. Но хотелось бы знать, куда мы идем, каково будущее нашего общества.

***В.С. Овчинский**, вице-президент Сибирско-Уральской алюминиевой компании.*

Уважаемые коллеги! Я хотел бы развить ту идею, которую мой друг, Шамиль Султанов, поднял здесь. А именно — о конспирологическом аспекте всего того, что связано с так называемым исламским экстремизмом, исламским терроризмом. Дело в том, что этими проблемами я занимаюсь с середины 80-х годов, когда работал в МВД СССР. Существовал закрытый документ ЦК КПСС, в соответствии с которым было создано несколько групп, изучавших влияние ислама на организованную преступность в Советском Союзе. Одну из таких групп я возглавлял. В это время шло "узбекское дело". И тогда мы пришли к совершенно четким выводам и результатам: все, что называлось исламским экстремизмом, исламским фундаментализмом, было на самом деле прикрытием для действий организованной преступности, организованных преступных сообществ, которые использовали различные ритуалы, обычаи, традиции для того, чтобы исламом прикрыть свою преступную деятельность.

Этот вывод был сделан в середине 80-х годов. События затем развивались по негативной спирали. Были и карабахские события (я был их участником), и ряд других весьма негативных событий. Взять карабахский конфликт. Я прилетел туда на одном самолете с А. Вольским 15 января 1989 года и работал руководителем информационной службы группировки МВД в Нагорном Карабахе. Мы как раз изучали причину конфликта между армянской и азербайджанской общинами. Все тогда говорили о конфликте цивилизаций — о конфликте мусульман и христиан. Никакого конфликта цивилизаций в тот момент не было. Был конфликт мафиозных кланов — армянского и азербайджанского, которые не хотели делить территорию, не хотели делить деньги, не хотели делить финансовые потоки.

Из-за этого стравили два народа, устроили кровавую бойню. Дальше этот центробежный процесс получил развитие и привел в конечном счете к развалу Советского Союза.

Второй конспирологический аспект, о котором говорил Ш.З. Султанов, — это игра спецслужб. Да, действительно игра спецслужб. Если мы возьмем тот же ваххабизм, то давайте вспомним, что еще в 1870 году британский генштаб издал секретную директиву. Суть ее заключалась в том, как превратить арабскую революцию в революцию, нужную Британской империи. Были закручены механизмы разъединения, разобщения мусульман. И именно тогда была запущена идея, чтобы ваххабизм вклинить в традиционный ислам, взломать его и использовать в нужном направлении.

Несколько позже, уже во время Первой мировой войны, эту идею блестяще осуществил известный полковник сэр Лоуренс Аравийский, который, используя все свои возможности, связи, средства, в том числе свои гомосексуальные связи с шейхами, внедрял идею ваххабизма по всему Аравийскому полуострову, взламывал традиционный ислам и наносил огромный ущерб туркам, с которыми британцы вели тогда активную борьбу.

Что касается недавних трагических событий, связанных с "Норд-Остом", то, как говорил Ш. Султанов, давайте обратимся к цели. Какая главная цель стояла? Главная цель — получить новый Хасавюрт. Новый Хасавюрт означал падение нынешнего политического режима России, распад России, откол Северного Кавказа, восстание в Татарстане, других мусульманских анклавах. Вот это была цель событий, связанных с "Норд-Остом". Естественно, не М. Бараев это устраивал, естественно, это не мусульманский экстремизм, естественно, за этим стояли крупнейшие политические силы. Какие это силы, все вы прекрасно знаете: те, кто ведет открытую борьбу с нынешним политическим режимом в России. Какой это исламский экстремизм?

Теперь об исламском экстремизме с другой стороны. Существует ли исламский экстремизм сам по себе? Суще-

ствуется. Совершенно правы те, в том числе и господин Игнатенко, кто говорит, что некоторые позиции Корана должны комментировать только сами мусульмане. Существуют позиции в Коране, где понятие "джихад" трактуется как война со всеми неверными. Существуют скрытые исламские центры, которые ставят целью исламизацию всего мира, исламизацию огромных территорий. На это затрачиваются огромные силы и средства. И это самостоятельная проблема. Есть проблема игры спецслужб. Есть проблема исламских террористических радикальных центров. Есть проблема прикрытия мафиозных сделок исламскими целями. Проблема многогранна, так же, как многоцветен исламский мир, многоцветна палитра целей, сил и средств, которые стоят за так называемым исламским экстремизмом.

Последнее. В связи с событиями 11 сентября 2001 года. Почему, казалось бы, из 19 угонщиков самолетов, которые были направлены на объекты в США, 15 были гражданами Саудовской Аравии? Конгресс США провел расследование. Я был на совместных слушаниях Конгресса США и Госдумы Федерального Собрания России в сентябре 2002 года в Вашингтоне. Там делал доклад руководитель центра исследований финансовой безопасности господин Армстронг. Он проинформировал о результатах финансовых расследований по тем организациям, которые финансировали конкретный террористический акт 11 сентября. Этот акт финансировали финансовые структуры королевской саудовской семьи. Полностью. Почему американцы удар наносят не по Саудовской Аравии, а по Ираку? Почему ни один из этих фондов не закрыт, ни один счет не перекрыт? Я задал этот вопрос. Ответ такой: потому, что Дж. Буш-младший свой первый миллион заработал в компании "Carline", где основной владелец акций — Бен Ладен-старший. В этой же компании финансовый директор — Дик Чейни. В этой же компании советником работал Дж. Буш-старший. И никогда техасско-саудовский клан

своих не сдаст. В этом конспирологическая проблема того, что мы называем международным терроризмом.

С.В. Кортунов. Сейчас слово имеет наш гость — профессор Тиби.

Б. Тиби. Один из моих исламских братьев сказал, что он — ваххабит, потому что одно из 99 имен Аллаха — Ваххаб. Поэтому каждый мусульманин — ваххабит. Хорошо, у меня нет никаких комментариев. Другой выступавший сказал, что ваххабизм связан с британским гомосексуализмом и британской разведкой. Давайте начнем с фактов.

В XVIII веке Оттоманская империя начала проигрывать войны, потому что европейские армии были более модернизированы. Первые исламские дипломаты приехали на Запад, в первую очередь в Париж. Когда они вернулись в Истамбул, они сказали, что превосходство Запада связано с современными технологиями. Уже в XVIII веке Оттоманская империя начала модернизацию. Ваххабизм выступал против политики модернизации Оттоманской империи. Это было также этническое восстание против этнических турок. Абдулл Ваххаб начал свои проповеди в XVIII веке, примерно в 1730—1735 годах. Он сказал, что Пророк Мухаммед был арабом и поэтому халиф должен быть только арабом, а поскольку турки не являются арабами, то никто из них не может быть халифом. Применительно к модернизации он употребил термин "буда", что в переводе означает инновацию. Если вы осуществляете инновацию, то вы сворачиваете с пути, указанного Богом. Ваххабизм, таким образом, не имеет ничего общего с гомосексуализмом, с британской разведкой и ничего общего с именем Бога. Он имеет отношение к взаимоотношениям между арабами и Оттоманской империей. Он выступал против инновации и против этнических турок, которые заняли место арабов в качестве лидеров ислама.

В 1744 году в Саудовской Аравии существовало племя, которое носило имя Ибн Сауд. Абдулл Ваххаб взял в жены девушку из этого племени. И, таким образом, возник союз между племенем саудов и Абдулл Ваххабом. Они приняли

его идеи и начали бороться против Оттоманской империи. С 1744 до 1933 года, то есть почти два столетия, формировалась Саудовская империя. В это время ваххабизм был лишь идеологией, служившей саудовцам для укрепления их власти. Однако, когда в Саудовской Аравии была обнаружена нефть, саудовцы начали экспортировать ее и вместе с ней экспортировать эту версию ислама — суннитский, ханифитский ислам. По существу, это нефтедолларовый ислам. Ваххабиты попытались использовать ваххабизм как элемент внешней политики.

Таким образом, ваххабизм — это ортодоксальный ислам, который возник на основе протеста против модернизации и против этнических турок. Он не имел никакого отношения к фундаментализму или исламизму. Исламизм родился в Египте. И в конце XIX века появились два крупных исламских реформатора, самый известный — это Мухаммед Абдулл, а второй — Джемаль Абдель Афгани. Они начали модернизацию в исламе. С этим направлением соперничал ваххабизм.

Во второй половине XX века, в особенности после поражения арабов в 1967 году, исламизм стал набирать силу. Впервые в истории исламизм и ваххабизм стали сближаться в случаях с "Аль-Каидой" и Бен Ладеном. Когда Бен Ладен покинул Судан, чтобы поехать в Афганистан, в Афганистане не было ваххабизма, поскольку большинство афганцев были узбеками, пуштунами, были суфийскими мусульманами. Талибы же стали первыми ваххабитами в Афганистане. Мы должны учитывать все эти факторы, прежде чем ассоциировать ислам с гомосексуализмом, спецслужбами и именем Аллаха.

А.В. Малащенко. Я хотел бы сказать по поводу конспирологии. В принципе я со всем этим согласен, но обязательно нужно выстраивать иерархию причин. Потому что если мы будем делать упор на конспирологию, то получится, что революция 1917 года была совершена только потому, что Ленин был немецким шпионом.

А.Б. Zubov. Я действительно с огромным интересом слушал нынешнюю дискуссию и должен сказать, что несколько тезисов вызвали у меня глубокое огорчение. Слушая философа, исследователя Плотина, Ш. Султанова, я с удивлением узнал, что остались только остовы умерших цивилизаций — индийской, мусульманской, японской и всех прочих, а есть только одна — западная. Человек, который изучал греческую цивилизацию, эпоху эллинизма, прекрасно знает, что в эпоху эллинизма тоже казалось, что весь мир стал греческим, эллинистическим. Но прошло 200 лет, и опять возникли те же цивилизации. На самом деле цивилизации временами принимают, конечно, на себя одеяния доминирующих культур, многое из доминирующих цивилизаций другие цивилизации берут навсегда, но потом, пусть и в измененном заимствованиями виде, цивилизационная самобытность возрождается. Цивилизации очень устойчивы. Поэтому "бить в набат" по поводу того, что все погибло и радикальный ислам — это последний ответ погибающей мусульманской цивилизации, совершенно не исторично.

Второе замечание по поводу того, что закончился период расцвета западной цивилизации, который продолжался 35 лет, и что ее доминирование было вызвано дешевизной нефти. Не в нефти дело. Доминирование западной цивилизации началось если не раньше, то по крайней мере с "битвы у пирамид" экспедиционного корпуса генерала Бонапарта с мамелюками 21 июля 1798 года. После этого говорить о каком-либо доминировании другой цивилизации, кроме западной, невозможно. XIX век — это распространение западной цивилизации. О нефти тогда не было ни слова. Сила западной цивилизации совершенно не в этом.

А что касается того, что сила эта угасла, доминирование Запада закончилось, я в этом глубоко сомневаюсь. Пока что оно продолжается, и последние события в Афганистане это показали. Другое дело, мы видим элементы деградации западной цивилизации, вызванные постепенной атеизацией,

разрушением фундаментальных ценностей западной культуры. Но пока и тут "бить в набат" преждевременно. Если уж говорить об исторической аналогии, то я бы сказал, что сейчас западная цивилизация находится в ситуации эпохи Антонинов. До кризиса еще лет 100—150 будет, так что подождем.

Наконец, последнее. Я принципиальный противник болезненной для нашего постсоветского общества теории заговоров и конспирации. Это абсолютно не исторический подход. Заговоры, конечно, всегда были. Я благодарю А. Малашенко за его реплику относительно того, что революция сделана на немецкие деньги, но все время так рассуждать невозможно. Речь идет о серьезных исторических процессах, о мощных общественных движениях, и все эти идеи относительно того, что кто-то где-то с кем-то договорился и ради нефти одурачил целые народы, — это тоже проявление в нашем больном сознании неизжитых синдромов тоталитарной идеологии. Идеология эта предполагает, что человек, целые народы, все человечество — лишь объект манипулирования каких-то опытных игроков за сценой. Религиозный подход, мне несравненно более близкий, принципиально иной. Он утверждает ответственную свободу и каждого человека, и каждого народа, как коллективной личности. У каждого человека есть свободная совесть, есть собственный путь к Богу, есть основания правды и истины в нем самом. И если человек их сам не предал, никакие конспиративные заговоры ничего с ним не сделают. И задача историка, как правильно сказал великий А. Тойнби, — это изучать, как сумма индивидуальных волей производит изменения исторического процесса.

М. Шевченко, руководитель Клуба журналистов-востоковедов.

Мне хотелось бы пополемизировать с двумя докладчиками — Ш. Султановым и А. Малашенко. Начну с Ш. Султанова.

Шамиль Султанов выдвинул тезис о том, что экстремизм есть следствие невежества. Мне кажется, что реаль-

ность не совсем подтверждает этот тезис. Я не думаю, что Бен Ладен не является выпускником начальных медресе, что он плохо знает Коран, что он не знает Тавсиру, что он не учился или по крайней мере не был в кругу интеллектуальных размышлений о том, что такое ислам. Это не всегда связанные вещи. Корни экстремизма в более сложных вещах. Иногда бывают простые люди, которые не знают Корана, не читали Тавсиры и не являются экстремистами, хотя выполняют намаз и являются мусульманами. А суперинтеллектуалы, как раз наоборот, и проецируют тот дискурс, в котором происходят и зарождаются интеллектуальные движения, которые считаются экстремистскими.

А. Зубов упомянул династию Антонинов. Я хотел бы добавить следующее. Представьте себе, что мы сидим примерно в это время — такие патриции в Риме — и обсуждаем появление некой христианской секты, очень опасной, которая угрожает безопасности империи. Что делать с этими отморозками, которые не платят кесарю подати, выступают против наших традиционных иудейских первосвященников, которые прекрасно взаимодействуют с кесарем, с императорским Римом? Это просвещенная ситуация, допустим, времен Марка Аврелия, это не Нерон.

Ситуация с исламом, с ваххабитами, которая сейчас обсуждается, аналогична. Здесь есть фундаментальное противоречие между империей мира сего и теми религиозными группами, которые следуют пророческой миссии. Так это или нет, я не оцениваю сейчас. Но они бросают вызов царству мира сего. Ислам, как бы мы к этому ни подходили, бесспорно, не является продуктом деятельности спецслужб, хотя влияние, конечно, есть, есть примеры его использования. Тех же самых талибов я знаю не понаслышке. Я провел среди талибов почти 10 дней в 1997 году. Это было задолго до бомбежек, когда они были у власти. Я считаю, что как раз на суфийскую основу были наложены ваххабитские, саудовские и из стран Залива привнесенные идеи.

Что касается выступления А. Малашенко. Он сказал, что тема модернизации — очень важная тема. Вы уверены, что западный мир так уж сильно хочет вкладываться в эту модернизацию? Ситуация в Малайзии и Индонезии, в этом регионе, была диверсионным образом обрушена с помощью Дж. Сороса, когда был нанесен удар по фондовым рынкам Юго-Восточной Азии. Это был прежде всего удар по той концепции премьер-министра М. Мухаммеда, которую он выдвинул для Малайзии, как лидера финансового, интеллектуального, инновационного исламского мира в качестве альтернативы ретроградам-саудовцам, антимодернистам. И сразу же Запад отреагировал на это мощной финансовой атакой, которая буквально отбросила Малайзию и Индонезию назад. Я не думаю, что неокOLONиализм заинтересован в модернизации тех режимов, которые контролируют нефтяные ресурсы. Он готов вкладываться в элиты.

Что такое модернизация? Инноватика — тема, широко обсуждаемая сейчас и в Германии, — связана с неизбежной социализацией общества, с неизбежным привлечением новых и новых масс людей, поднятием их снизу к рычагам управления общественными процессами. Надо ли, например, корпорации "Shell" или другим западным нефтяным корпорациям, чтобы народ Саудовской Аравии или народы других нефтеносных регионов принимали участие в распределении нефтедолларов? Конечно, нет. Конечно, гораздо спокойнее иметь дело с саудовской династией. В. Овчинским здесь приводился прекрасный пример взаимодействия Дж. Буша-младшего с семьей Бен Ладена. А мы знаем, что Т. Таджуддин и семья Бен Ладена вкладывали через разные фирмы очень большие деньги в российскую недвижимость в начале 90-х годов. Поэтому, Алексей Всеволодович, тут есть очень серьезное противодействие Запада на пути реальной модернизации.

С.В. Кортюнов. После того, как мы рассмотрели проблемы экстремизма в исламской среде на глобальном уровне, позвольте в соответствии с программой конферен-

ции перейти к обсуждению возникающих в этой связи вопросов национальной безопасности, то есть безопасности России. И первый вопрос, который нас всех интересует в этом контексте, — это вопрос об исламском радикализме в современных Дагестане и Чечне.

Позвольте предоставить слово для выступления по этой важнейшей теме профессору М. Рошину, человеку, который знает ее не понаслышке, поскольку он долгое время находился непосредственно в этих регионах России.

М.Ю. Рошин. Исламский фундаментализм в Дагестане и Чечне не имеет принципиальных отличий от исламского фундаментализма в других регионах мира. Его короткая история началась во второй половине 80-х годов. Теоретической базой для него послужили классические фундаменталистские труды Хасана аль-Банна, Сейида Кутба, Абу аль-Аля Маудуди и их исторических предшественников: Ибн Теймия, Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и других. Первый очаг местного исламского фундаментализма сложился в Дагестане, откуда он начал постепенно распространяться по всему Северному Кавказу. К середине 90-х годов Дагестан стал идеологическим центром фундаментализма, а в испытательный полигон довольно быстро превратилась Чечня.

Исламских фундаменталистов Северного Кавказа часто называют ваххабитами. Им самим по не вполне понятным причинам этот термин очень не нравится, и они предпочитают называть себя сторонниками салафии (возврата к истокам) или сторонниками "чистого ислама". Фундаменталисты стремятся к обновлению ислама на основе Корана и Сунны и отрицают все исторические напластования традиционного суннизма, накопившиеся в течение его более чем 1000-летнего развития, поэтому неправильно называть их традиционалистами. Особенно негативно сторонники "чистого ислама" относятся к суфизму, пустившему глубокие корни в республиках Северного Кавказа (прежде всего в Дагестане, Чечне и Ингушетии). По их мнению, наличие шейха или устаза (наставника) в качестве посред-

ника между Богом и человеком противоречит фундаментальным основам мусульманской веры. Северокавказские фундаменталисты решительно отвергают поклонение "святым местам" (зияратам), возникшее на основе суфийской традиции. Они также выступают за сокращенный ритуал поминовения усопших и считают, что время четырех классических суннитских мазхабов прошло и в наши дни возможен общий подход к толкованию Корана и Сунны в рамках единого мазхаба. Интересно, что христианские фундаменталисты также отрицают усложненный традиционалистский подход православных и католиков к толкованию Библии, утверждая, что там все ясно и просто. На мой взгляд, для фундаменталистов обеих религий характерен редакционизм (упрощенный подход) к своему религиозному наследию.

Главные учителя и проповедники северокавказского фундаментализма родом из Дагестана. Как и в других идеологических течениях, в нем есть умеренное и радикальное направление. Лидером умеренных фундаменталистов, безусловно, являлся аварец Ахмад-кади Ахтаев (1942—1998), уроженец села Кудали (Дагестан). В 1990 году на съезде мусульман СССР, прошедшем в Астрахани, А. Ахтаев был избран председателем Исламской партии возрождения. Позднее он стал лидером умеренной фундаменталистской организации "Аль-Исламия". На 55-м году жизни он умер от инфаркта по дороге в мечеть в родном селении. А. Ахтаев был сторонником мирного распространения фундаменталистских взглядов и считал себя мусульманским просветителем. Среди его учеников немало молодых имамов по всему Северному Кавказу — от Дагестана до Карачаево-Черкесии. Как и многие его единомышленники во всем мире, А. Ахтаев полагал, что "новый мировой порядок" выбрал себе жертвой ислам как идею, как образ жизни. Вместе с тем он старался противостоять этому мирной проповедью своих воззрений и, в частности, организовал медресе в своем ауле Кудали. А. Ахтаев также развивал

концепцию о взаимной дополнителности ислама и православия в России как евразийской стране.

Лидером радикального крыла северокавказских фундаменталистов стал дагестанец Багауддин Кебедов (1945 года рождения, село Ведено). В 1990 году вместе с А. Ахтаевым он был одним из основателей Исламской партии возрождения, имевшей отчетливо выраженную фундаменталистскую направленность. В 1991 году он основал медресе в городе Кизилюрт, расположенном недалеко от Махачкалы. Б. Кебедов проявил себя талантливым проповедником: его аудио- и видеокассеты на аварском и русском языках пользовались большой популярностью не только в Дагестане, но и далеко за его пределами. В отличие от А. Ахтаева Б. Кебедов всегда явно тяготел к общественной деятельности. И он довольно рано начал строить организацию радикальных исламских фундаменталистов, которую он назвал "Джамаат" ("Община").

Во время моей поездки в Дагестан летом 1997 года мне удалось встретиться с Б. Кебедовым и послушать его проповедь в мечети Кизилюрта. Багауддин, бывший уже в то время амиром (главой) "Джамаата", объяснил мне, что посткоммунистическое правительство Дагестана находится в состоянии "ширка" (язычества или многобожия, приравняваемого к неверию). Регистрация мечетей и общин фундаменталистов, по его мнению, не имеет принципиального значения. "Мы уже зарегистрированы Аллахом, — говорил Багауддин, — мы не хотим брать власть в свои руки, мы хотим, чтобы власть была в руках Аллаха. Для нас географические и государственные границы не имеют значения, мы работаем и действуем там, где это возможно. Дагестан сегодня управляется из Москвы, мы не имеем исламского общества, аналогичного существующему в Чечне. Мы бы одобрили, например, полный запрет на продажу алкоголя, но для нас важнее вера (иман) и единобожие (таухид). В исламском государстве мы хотели бы ввести службу мухтасибов (полицию нравов). Привычку курить и наркоманию мы рассматриваем как харам (то,

что запрещено)". Я спросил Багауддина, что он думает о возможной независимости Дагестана. Он ответил, что является приверженцем исламского государства и это для него принципиально. Состояние куфра (неверия) для него неприемлемо, будь то в составе Российской Федерации или независимом Дагестане. Уже из этих высказываний Б. Кебедова достаточно заметен политический крен в радикальном фундаменталистском подходе. Не случайно это течение многие исламоведы называют "политическим исламом".

Во время нашей встречи Багауддин подчеркивал, что ислам — это целостная система человеческой жизни. Следовательно, она не могла не включать в себя попыток построения "исламского общества и государственности". Наиболее успешно подобная попытка была предпринята в селах Карамахи и Чабанмахи Буйнакского района Дагестана. Там в 1997—1999 годах последовательно реализовывалась программа "Джамаата". Идеология движения была принята жителями, и местная мусульманская община, соборная мечеть которой находилась в селении Карамахи, превратилась в маленькую "ваххабитскую республику", форпост фундаментализма в Дагестане (своего рода "независимую исламскую территорию"). Именно поэтому туда стекалась в поисках "чистого ислама" молодежь со всего Дагестана и других республик Северного Кавказа. 20 августа 1998 года Карамахи и Чабанмахи посетил Сергей Степашин, бывший тогда Министром внутренних дел. Им была достигнута устная договоренность с жителями о том, что те могут свободно жить по законам шариата, то есть мусульманского права, при условии соблюдения приличий и взаимодействия с властями Дагестана по всем остальным вопросам. После этого обстановка вокруг сел разрядилась, а карамахинцы стали регулярно приезжать на различные совещания в Махачкалу.

В общине действовала система подготовки "Талибан". Аспирант Института востоковедения Российской академии наук, в июле 1999 года учившийся в этой системе и

живший в селе Карамахи, описывает ее так: "Она состояла из двух этапов. Первый — идеологическая подготовка, изучение основ веры, называемая повышением "имана", ибо тот, кто берет оружие, и не только оружие, все должен делать ради Аллаха, и с каждого, придерживающегося каких-либо иных целей, будет суровый спрос в день Страшного Суда. Второй — военная подготовка. "Брат" должен уметь сражаться ради Аллаха... Мы жили по следующему распорядку: поднимались очень рано, в половине третьего утра по местному времени (на территории действовало мединское время — на один час назад), делали омовение, где-то в три часа — намаз. После этого мы изучали Коран, учили наизусть суры. В 6 часов утра начиналась физическая подготовка — бег по горам (около 6 километров). Как говорили "братья", "моджахеда (то есть того, кто встал на путь джихада или священной войны. — *М. Р.*) ноги кормят", "тяжело бегать в горах, зато когда спустимся и пойдем на Махачкалу, будем бегать, как джейранчики"... В конце курса нам предстояли экзамены. Каждый из "братьев" должен был к нему выучить 15 сур и ответить на пройденные в течение курса вопросы. Продолжительность обучения была три недели. Только сдавшие этот экзамен допускались ко второй части — военной подготовке, включавшей в себя рукопашный бой, стрельбу из различных видов оружия, начиная с пистолета и кончая зенитными установками, тактику боя, в том числе в условиях горной местности".

Из приведенного пространного описания видно, что учебный процесс у радикальных фундаменталистов был самым тесным образом связан с военной подготовкой. Такой подход объясняется в значительной степени концепцией джихада (священной войны). Идея джихада была сформулирована еще в Коране: "Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру, но не нападайте первыми: Бог ненавидит нападающих. Убивайте врагов ваших везде, где найдете их; изгоняйте их оттуда, откуда они изгоняли вас. Отступничество хуже убийства. Не сражайтесь с ними у

святого храма, разве только они вызовут вас. Если нападут на вас, купайтесь в крови их. Такова награда неверных. Если покинут заблуждение свое, Господь снисходителен и милостив. Сражайтесь с врагами, доколе нечего будет бояться соблазна, доколе не утвердится ислам. Да прекратится всякая вражда против покинувших идолов. Ваша ненависть да воспламеняется только против превратных. Если нападут на вас в священном месте, и в священном месте воздайте им тем же" (Сура II, аяты 186—190).

Анализируя этот отрывок, известный русский философ и религиовед Владимир Соловьев справедливо отмечает: "При всей ожесточенности тона в этом воззвании слова "сражайтесь с врагами, доколе нечего будет бояться соблазна, доколе не утвердится ислам" ясно показывают, что священная война была для Мухаммеда религиозно-политической мерой, временно необходимой, а никак не постоянным религиозным принципом". Вместе с тем определенные элементы этого коранического высказывания позволяют его трактовать в более радикальном и воинственном духе. Впоследствии, особенно у суфиев, понятие "джихад" одухотворилось. Его стали понимать как внутреннее самоусовершенствование на пути к Аллаху. Возникло представление о четырех типах джихада: джихада меча, джихада сердца, джихада языка и джихада руки. Попытка возврата к жесткой концепции джихада была чревата опасными последствиями.

Еще в период первой чеченской войны Б. Кебедов пришел к идее о необходимости "малого джихада", имея в виду участие в боевых действиях против федеральных сил. Позднее, уже в Гудермесе (Чечня), куда перебрались лидеры "Джамаата" в конце 1997 года, спасаясь от преследований в Дагестане (Багауддин назвал это "малой хиджрой" по примеру "большой хиджры" Мухаммеда), 25 января 1998 года был принят "Манифест "Джамаата" к мусульманам мира", в котором положение между "Джамаатом" и пророссийским руководством Дагестана объявлялось "военным со всеми вытекающими из этого обстоя-

тельствами". Разумеется, можно говорить о притеснениях радикальных фундаменталистов (ваххабитов) в Дагестане, но их реакция на это регулярно оказывалась неадекватной. Так, в результате столкновения между ваххабитами и мусульманами-традиционалистами 12—14 марта 1997 года в селении Карамахи радикалы убили нескольких своих оппонентов. 23 декабря 1997 года они напали на российскую военную часть в Буйнакске. Идеологи радикалов в 1997 году резко выступили против лидера умеренного фундаментализма А. Ахтаева, которого они обвинили в религиозном невежестве, а его сторонников — в запугивании инакомыслящих.

В годы первой чеченской войны (1994—1996) у радикальных фундаменталистов сложилось военное крыло, лидером которого стал уроженец Саудовской Аравии Хаттаб. Он родился в 1969 году в Араре на севере Саудовской Аравии. В 1987 году он отправился в Афганистан, где проходил подготовку в тренировочном лагере под Джелалабадом. Позднее он принял участие в боях у Джелалабада, Хоста и при штурме Кабула. В начале 90-х годов он отказался принимать участие в столкновениях между моджахедами, расценив этот конфликт как братоубийственную "фитну" (смуту). В 1990 году Хаттаб участвовал в боях в Таджикистане на стороне исламской оппозиции. Позднее он перебрался в дагестанское селение Карамахи, где женился на местной девушке. В начале 1995 года Хаттаб переехал в Чечню. С августа 1995 года его отряд стал входить в состав центрального фронта вооруженных сил Чеченской Республики — Ичкерии под командованием Шамиля Басаева. Наиболее известной операцией его отряда стала атака на бронеколонну 245-го мотострелкового полка в апреле 1996 года рядом с селением Ярыш-Марды. В результате этой акции погибло 95 военнослужащих федеральных сил.

Осенью 1996 года после вывода российских войск из Чечни Хаттаб был награжден чеченским правительством орденом за мужество и героизм. Кроме того, ему было

присвоено звание бригадного генерала. В апреле 2002 года он скончался во время чтения переданного ему тайным агентом ФСБ отравленного письма. В конце апреля 2002 года старший брат Хаттаба Мансур ас-Сувейлим сообщил представителям печати настоящее имя Хаттаба — Самир бен Салих бен Абдалла бен Салих бен Абдуррахман бен Али ас-Сувейлим (см. международную арабскую газету "Аль-Хайат", финансируемую Саудовской Аравией, 29.04.2002 и 1.05.2002).

После окончания первой чеченской войны Хаттаб организовал на территории Чечни несколько военно-тренировочных лагерей, где проходили военно-диверсионную подготовку прежде всего дагестанцы и чеченцы, но также и представители других мусульманских республик России. Опорные лагеря Хаттаба находились в районе селения Серженьюрт и озера Кезенойам.

К началу 1999 года радикальный фундаментализм превратился в значительный фактор политической дестабилизации не только в Дагестане, но и в соседней Чечне. Все предыдущие годы радикалы получали серьезную финансовую поддержку из международных мусульманских источников.

Сегодня радикальный исламский фундаментализм превратился в революционно-повстанческую идеологию, во многом заменившую марксизм. Так, Гейдар Джемаль, один из наиболее заметных российских идеологов радикального фундаментализма и один из создателей Исламской партии возрождения в России, отмечал в своем интервью "Moscow Times" 16 ноября 2001 года, что сегодня ислам выступает не как религия в традиционном секуляристском понимании этого термина, но как всеобъемлющая политическая идеология, защищающая слабых и угнетенных.

Поздней весной 1999 года Конгресс народов Дагестана и Чечни, организация, созданная летом 1997 года "Джамаатом" и рядом других экстремистских партий и групп, провозгласила Шамиля Басаева амиром Армии освобождения Северного Кавказа. Его первым заместителем стал

Хаттаб. Начиная с конца мая 1999 года и в течение июля столкновения на дагестано-чеченской границе происходили почти ежедневно. Радикалы пытались найти в ней слабое место, чтобы начать вторжение в Дагестан. В конце концов такое место было найдено — Ботлихский район, где часть аварского населения (села исторического общества Технуцал) оказала содействие моджахедам, которые в первой половине августа 1999 года заняли ряд сел Ботлихского района, провозгласив там создание Исламской Республики Дагестан. Премьер-министром исламского правительства был назначен Сиражуддин Рамазанов, родственник покойного А. Ахтаева.

Большинство населения района отнеслось к силам вторжения враждебно. Андийцы, у которых с чеченцами давние противоречия по поводу летних горных пастбищ, закрыли для прохода моджахедов четырех горных перевала, важнейшими из которых являются Харамы и Риквани. Моджахедам не удалось даже взять Ботлих — стратегический пункт, открывающий путь в долину Андийского Койсу. Большинство местных жителей джихад со стороны Чечни был воспринят как явная чеченская агрессия, а в ее отражении активно участвовали не только федеральные силы, но и местные ополченцы. Жители четырех андийских сел (Анди, Гагатль, Риквани и Ашали) на сельских сходах приняли решение о сопротивлении радикалам. Это было продиктовано как приверженностью андийцев традиционному суфийскому исламу, так и их органическим неприятием ваххабизма. Женщины в Ботлихе кормили российских солдат как собственных детей. Такого никогда не было и не могло быть во время первой войны в Чечне. Моджахеда потерпели поражение и вынуждены были отступить в Чечню. В основном это были дагестанские ваххабиты, члены "Джамаата".

Воодушевленные успехом федеральные и дагестанские власти организовали карательную операцию против "ваххабитской республики" в селах Кармахи и Чабанмахи. Операция началась в ночь с 28 на 29 августа 1999 года.

В результате двухнедельной осады сел оба они были практически полностью разрушены, значительная часть жителей погибла, но костяк оборонявшихся во главе с Джаруллой Раджабдиновым вышел из окружения в окрестные леса.

Вскоре после окончания акции села Карамахи и Чабанмахи посетила группа правозащитников из "Мемориала". Один из них, А. Соколов, в своей публикации по итогам поездки отмечал, что сторонников ваххабизма в этих давно уже зажиточных селах было около 10—20 процентов, остальные придерживались традиционного ислама. Эти люди оказались беззащитными перед настойчивостью религиозных экстремистов, объединенных в одну организацию и готовых на насилие ради буквальной реализации религиозных догм. На мой взгляд, А. Соколов прав, когда ваххабитов, имея в виду под ними "Джамаат", он называет "религиозными сектантами". Действительно, "Джамаат" имеет все характерные признаки тоталитарной секты, а выход из состава "Джамаата" влечет для осмелившегося на это весьма опасные последствия: организация жестко следит за единством и количеством своих рядов.

Анализируя деятельность "Джамаата" в Карамахи и Чабанмахи, А. Соколов писал: "В результате к лету 1999 года ваххабиты стали полностью контролировать жизнь этих двух сел. Организованный ваххабитами шариатский суд стал наказывать палками не только за употребление спиртных напитков, но и за участие в антиваххабитских мероприятиях в столице республики. И тот же шариатский суд, видимо, из религиозной целесообразности, приговорил человека, близкого к руководству ваххабитов, лишь к 10-летнему изгнанию из села за бытовое убийство".

В начале сентября 1999 года, чтобы помочь "Джамаату" сел Карамахи и Чабанмахи, Басаев и Хаттаб вторглись в Новолакский район Дагестана. Их отряды ехали на КамАЗах по шоссе в сторону Хасавюрта и были остановлены лишь в 5 километрах от города. Если бы они ворвались в Хасавюрт, ситуация в Дагестане могла бы стать критической:

в эти дни вокруг Махачкалы уже начинали рыть оборонительные окопы. В Хасавюрте моджахеды вполне могли бы рассчитывать на поддержку чеченцев-аккинцев, составляющих свыше трети населения города. Судя по ряду признаков, в составе отрядов, вторгшихся в Новолакский район, преобладали чеченцы. В результате попытка начать джихад в Дагестане была воспринята как агрессия, организованная экстремистскими кругами в Чечне.

В принципе, идея джихада (или газавата, как он обычно назывался на Северном Кавказе) не чужда дагестанскому сознанию. Особенно она жива среди аварцев, но также даргинцев, лакцев, чеченцев-аккинцев. Все предыдущие пять имамов, самым известным из которых был знаменитый имам Шамиль, были аварцами. Аварскому сознанию практически невозможно признать, что очередным имамом может быть чеченец, а именно на это в какой-то степени претендовал амир Шамиль Басаев. Для дагестанского сознания его образ, по сути дела, лишил идею имамата и "исламского государства" всякой привлекательности, дегероизировал ее.

Провал дагестанского джихада и последние события в Афганистане явственно обозначили кризис радикального исламского фундаментализма. Вместе с тем умеренный фундаментализм, дающий по-своему ясные и логичные ответы на запросы религиозного сознания, остается по-прежнему привлекательным для ищущей мусульманской молодежи.

С.В. Кортунов. Спасибо, Михаил Юрьевич, за исключительно содержательное выступление, богатое большим фактологическим материалом.

Сейчас слово имеет доктор политических наук, заведующий отделом стратегических и социологических программ развития государственно-исламских отношений Совета муфтиев России С.А. Мельков.

С.А. Мельков. Мне бы хотелось остановиться на вопросе: существует ли военное содержание исламского фактора в современной России? Полагаю, что практически

ежедневное использование в СМИ термина "исламский фактор" совсем не проясняет его сущности, характера и содержания. На мой взгляд, исламский фактор отражает деятельностную сторону различных исламских субъектов, причем такую, которая имеет социально значимый характер, то есть оказывает влияние на общество. Если есть такое влияние и общество вынуждено каким-либо образом на него реагировать, то есть и исламский фактор. А вот ислам был всегда. Таким образом, под исламским фактором я предлагаю понимать социально значимую деятельность различных исламских субъектов. При этом полагаю, что исламский фактор имеет внутреннюю и внешнюю сторону.

Когда мы говорим о военной стороне или военном содержании исламского фактора, мы в первую очередь имеем в виду проблемы безопасности. В настоящее время для большинства ученых очевидна неясная связь террористической, экстремистской и сепаратистской деятельности ряда исламских субъектов с безопасностью.

Выявим особенности военной и военно-политической деятельности военизированных структур, прикрывающихся различными положениями ислама и реализующих военно-политические цели средствами вооруженного насилия. Как показывает опыт военного противостояния с исламистскими организациями в Афганистане, Чечне, Узбекистане, Таджикистане, Косово, большинство исламистских формирований не имеет крупных вооруженных структур. В большей степени они привержены ведению боевых действий в форме "мятежевойны", или так называемой партизанской войны, и используют в основном высокопрофессионально подготовленных в военном отношении людей (которых сами и готовят), стремятся реализовать преимущества войны в горной, горно-лесистой и горно-пустынной местностях, склонны к террористическим действиям, умело используют особенности социальной и военно-политической обстановки в странах и регионах, вступают в самые разнообразные военные и военно-политические союзы и коалиции, осуществляют мощное информационно-идеологическое и пси-

хологическое воздействие на органы власти, население и войска, стремятся к обладанию современными видами вооружений и оружием массового поражения (ОМП).

По всей видимости, военизированные структуры, выходящие под исламскими знаменами, не в состоянии развязать в ближайшее время мировую войну, однако вынуждают военно-политическое руководство нашей страны привлекать в зоны боевых действий, помимо сил органов внутренних дел и внутренних войск, значительную группировку Вооруженных Сил России, применять артиллерию и авиацию при проведении специальных операций. Вместе с тем возможность перерастания партизанской войны в крупномасштабную, по мнению бывшего заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, доктора политических наук В.Л. Манилова, сохраняется.

В настоящее время не является секретом, что исламисты давно рассматривают Российскую Федерацию (а ранее СССР) как своего военного противника (если США всегда были "большим шайтаном", то Россия — "малым шайтаном"). Еще в 1979 году ряд афганских исламских организаций заявил, что "в случае прихода к власти в стране они намерены перенести борьбу "под зеленым знаменем джихада" на территорию советских среднеазиатских республик". В конце 90-х годов XX века эти обещания были как никогда близки к своей реализации в случае, если бы талибы смогли установить окончательный контроль над Афганистаном и границей с Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Большинство исламистских формирований, как правило, не имеют крупных вооруженных структур. Однако в условиях отсутствия политического и военного противодействия вооруженные формирования исламистов могут включать не только собственную военную организацию, но и достаточно большое количество самых разнообразных сил, отрядов, привлекаемых со стороны. Так, в Чечне в зоне вооруженного конфликта Объединенной группировке

войск Российской Федерации (ОГВ) до начала боевых действий противостояли:

созданные задолго до начала военных действий вооруженные силы незаконных вооруженных формирований, имевших бронетанковую технику и артиллерию;

формирования, созданные на религиозной почве (типа ваххабитских);

отряды наемников, являющиеся наиболее боеспособными;

отряды самообороны (народного ополчения) численностью от 50 до 200 человек с легким стрелковым вооружением и противотанковыми средствами;

полки народного ополчения численностью до 1 тысячи человек.

Таким образом, исламистские структуры способны консолидировать усилия самых разнообразных вооруженных сил в целях налаживания вооруженной борьбы с регулярными вооруженными силами, что значительно снижает возможность прогнозирования военно-политической обстановки, характера и тактики действий противника, маскирует причины и движущие силы военного конфликта. Это вынуждает российское военно-политическое руководство готовиться к вооруженным столкновениям с военными структурами, воюющими как на религиозной, так и на национальной криминальной почве. Полагаю важным отметить, что российское политическое и военно-политическое руководство рассматривает вооруженные исламистские структуры как своего военного противника.

Военные столкновения российских Вооруженных Сил с исламистскими структурами в Афганистане и Чечне показали, что практически всегда отсутствует четко выраженная линия фронта, поле боя становится "многомерным", маневренные формы борьбы преобладают над позиционными. Исламистские вооруженные формирования не всегда стремятся принимать открытый бой, чаще они уклоняются от прямого столкновения с превосходящими по численности войсками. Основными методами их действий являются

внезапные нападения на отдельные объекты (в особенности на плохо защищенные пункты управления, тыловые базы, автоколонны, сторожевые посты и заставы, контрольно-пропускные пункты), засады, минирование дорог, террористические акты. Бывали и открытые столкновения, которые затем перерастали в операции. Незнание или пренебрежение тактическими способами, применявшимися исламистами, приводили к большим человеческим жертвам и материальным потерям. Поэтому изучение способов их действий является непременным условием эффективной борьбы с ними.

Минирование дорог, маршрутов выдвижения наших войск боевики производили в основном там, где затруднен маневр транспорта. Установку мин и фугасов производили на поворотах, в узких местах и на крутых подъемах дорог, а также там, где видимость ограничена складками местности. Известны приемы, когда для направления колонны на засаду или заминированный участок создавались искусственные препятствия, а в городе — дорожным указательным знаком, который заводил в тупик. При минировании использовались контактные, радиоуправляемые мины и фугасы, мины с дополнительным зарядом взрывчатых веществ (ВВ), магнитные мины, мины с пластмассовым корпусом, что значительно затрудняет их обнаружение. Исламистами широко применяются взрывчатые вещества, на запах которых не реагируют минно-розыскные собаки, ВВ типа "пластит". В последнее время боевики минируют обочину на протяжении целого участка дороги либо дорогу с обеих сторон с расчетом, что при обстреле колонны личный состав и техника начинают рассредоточиваться, попадая на мины.

В населенных пунктах и горно-лесистой местности исламистами широко применяются взрывные устройства, установленные с помощью различного рода растяжек, например, "паутины" (горизонтальная, вертикальная, смешанная), изготавливаемой из провода системы управления ПТУР, лески, ветвей деревьев, кустарника и тому подобного.

При использовании взрывных устройств учитываются тактика действий войск, навыки поведения наших военнослужащих, время года. Широко практикуется установка растяжек на уровне ног, груди или пояса, между деревьями на проселочных дорогах — на высоте от 3 до 5 метров. Особенно часто авто- и бронетехника с десантом подрывалась на таких растяжках. Двигаясь в колонне, бронеобъект задевал антенной растяжку, мина взрывалась, поражая личный состав, сидящий сверху, а также идущие спереди и сзади машины.

Таким образом, особенностями минной войны, ведущейся исламистскими формированиями, являются следующие. Вместо традиционных минных полей наибольшее распространение получили управляемые и неуправляемые самодельные фугасы, отдельные мины и группы мин, а также ручные гранаты, устанавливаемые на растяжках. Основная масса взрывных устройств устанавливалась на путях движения войск, но не только на маршрутах движения, а и в предполагаемых местах их отдыха; готовились к подрыву различные сооружения, закладывались фугасы в скалах, в местах сужения горных дорог. Основным средством ведения минной войны являются не инженерные, а артиллерийские и авиационные боеприпасы, ручные гранаты, приспособленные с помощью подручных средств к применению в качестве фугасов, мин-ловушек и тому подобного. Минирование поврежденной техники, тел погибших военнослужащих, мест поврежденных водопроводов, газопроводов и других коммуникаций. Широкое применение управляемого минирования. Импульсивный характер ведения минной войны, зависимость активности действий по минированию от военно-политических условий, характера действий федеральных сил, метеоусловий и иных причин. Прикрытие минными полями и заграждениями наиболее доступных направлений к местам дислокации бандформирований.

Еще одной особенностью военно-политических действий исламистских формирований является их диверси-

онный и террористический характер. К главным задачам террористической деятельности можно отнести: физическое уничтожение руководителей различного уровня, лиц командного состава Вооруженных Сил, милиции, органов безопасности, политических и религиозных лидеров; создание в стране обстановки страха, неуверенности; подрыв доверия к государственной власти, неспособной обеспечить безопасность населения.

Среди наиболее известных террористических актов отметим покушение на генерала Романова, похищение генерала Шпигуна, убийство муфтия Дагестана Сайда Абу-бакарова, неоднократные покушения на бывшего муфтия Чечни, а ныне руководителя администрации республики Ахмада Кадырова, убийства и похищения православных священников, многочисленные случаи убийств и запугивания глав администраций районов в Чечне, Дагестане и тому подобное.

Методы, применяемые исламистами в Чечне, не являются новыми, скорее всего, они заимствованы из арсенала группировки "Хезболлах", члены которой подобным образом уничтожали израильских и американских военнослужащих в Ливане и Палестине еще в начале 80-х годов XX века. Подобным образом действовали и афганские моджахеды против советских войск в период с 1979 по 1989 год.

Таким образом, террор применялся исламистами не только против военнослужащих, но и в отношении мирного населения, глав администраций и духовенства. Подобные акции готовятся особенно тщательно. Во-первых, осуществляется сбор необходимой информации о предстоящей жертве (состав семьи, схема дома и домашних построек, наличие в доме оружия и сторожевых собак, места проживания родственников и так далее). Затем в ближайшее окружение жертвы внедрялся исполнитель террористического акта, после чего происходило его непосредственное исполнение.

Финансирование и подготовку боевиков осуществляют многие известные террористы, а также организации му-

сульманских стран. Наиболее влиятельной экстремистской организацией, действующей в нашей стране, является "Международный исламский фронт" (МИФ), вербующий боевиков для отправки в Чечню. Политическое крыло МИФа возглавляет шейх Омар Бакри Мухаммад — основатель центра по подготовке боевиков "Аль-Мухаджируи", военное крыло МИФа — Усама Бен Ладен. Финансирует деятельность МИФа саудовский бизнесмен Мохаммед Аль Массари. Также активны на территории России "Аль джихад", "Гамаа ислама", йеменская "Ислах" (которую создали "Корпус — 005", "Группа спасения"), египетская "Братья мусульмане", алжирская "Исламский фронт спасения", тунисская "Ан-Нахда", признанные во всем мире ведущими террористическими организациями.

Мобильность вооруженных структур исламистов заключается и в том, что еще до начала военных операций, как правило, создается военная инфраструктура, которая затем постоянно совершенствуется и развивается. Так, после подписанного в 1996 году Хасавюртовского соглашения исламисты создали транспортную артерию по южной части Аргунского ущелья в Грузию. По ней осуществлялась бесперебойная доставка боевикам медикаментов, боеприпасов, продовольствия. Раненые боевики отправлялись на лечение в Грузию, Азербайджан. В чеченских селениях скрытно располагались госпитали: в подвалах школ, местных больниц, где имелось медицинское оборудование вплоть до аппаратов для реанимации тяжелораненых и дорогостоящие медикаменты. Создавались система связи, сеть базовых районов, баз, перевалочные и опорные пункты, склады, зоны для размещения руководства, всестороннее обеспечение действующих групп и отрядов боевиков. Все это говорит о том, что руководство исламистских формирований уделяет большое внимание подготовке целой организационной сети для ведения войны на будущем театре военных действий.

Вторая сторона военного содержания исламского фактора проявляется в сотрудничестве в военной сфере Рос-

сийского государства с отечественными духовными управлениями мусульман (ДУМ). Мы полагаем, что такое сотрудничество может базироваться на двух принципах: это четкое следование действующему в стране законодательству и приоритет в этих отношениях командования воинских частей. Именно офицерский состав может и должен, если он заинтересован в этом, выступать инициатором таких отношений. Цель такого сотрудничества со стороны духовных управлений мусульман заключается в налаживании конструктивного сотрудничества духовных управлений мусульман с военно-силовыми структурами в интересах крепкой воинской дисциплины, усиления патриотического воспитания военнослужащих и российской молодежи в целом.

В этом контексте нам видятся следующие задачи: разработка механизмов взаимодействия ДУМов с Минобороны; научная проработка этого вопроса; оказание помощи (обучение) офицерскому составу в работе с военнослужащими-мусульманами; восстановление и использование противоречивого исторического опыта взаимодействия армии и ДУМов. Такая политика отвечала бы постоянным многочисленным обращениям государственных структур, офицеров в духовные управления мусульман, письмам от командиров воинских частей, заместителей по воспитательной работе, из военных СМИ, от родителей военнослужащих, беженцев и так далее. Она была бы актуальна и потому, что последние двадцать с лишним лет советские и российские Вооруженные Силы участвуют в вооруженных конфликтах в районах массового проживания мусульман (Афганистан, Таджикистан, Чечня, Дагестан). Количество мусульман в армии постоянно растет, и, как следствие, растут проблемы, связанные с воспитанием военнослужащих.

С другой стороны, у ДУМов есть научный потенциал участия в этой работе, а также неплохие контакты с военными СМИ. На местах эта работа идет (взаимодействие ДУМа Дагестана с Федеральной пограничной службой и т. д.).

Мы сделали несколько конкретных предложений Министерству обороны Российской Федерации, которые обсуждались 14 ноября сего года на встрече председателя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина с заместителем Министра обороны по кадрам генерал-лейтенантом Панковым Николаем Александровичем. Хочу вас проинформировать, что руководством Министерства обороны признано наличие проблем в воспитательной работе с военнослужащими-мусульманами, особенно призванными из региона Северного Кавказа. Полагаю, что все проблемы армии в первую очередь носят социальный характер. Однако сегодня можно говорить и о существовании серьезных национальных и религиозных особенностей российских военнослужащих, которые должны учитываться российскими офицерами. Именно поэтому, стараясь избежать излишней политизации данного вопроса, Совет муфтиев России и разработал несколько конкретных предложений.

Первое. Научная проработка вопросов взаимодействия ДУМов и Минобороны России (создание научной лаборатории либо центра, например, на базе Военного университета) с привлечением специалистов из Института военной истории, ГШ, ГУВРа, Института востоковедения РАН и т. д. От ДУМов могут войти доктора наук Саидбаев Т.С., Полосин В.С., Мельков С.А.

Второе. Предлагаем совместно завершить работу над учебным пособием для офицерского состава по работе с военнослужащими-мусульманами. Возможна оперативная (по времени) разработка и опубликование комплекта небольших по объему учебных пособий для офицерского состава.

Третье. Предлагаем совместно завершить работу над комплектом плакатов по патриотической работе уммы в отечественной истории.

Четвертое. Продолжить совместную работу с военными СМИ по опубликованию научно выверенной серии практических материалов для офицеров, работающих с военнослужащими-мусульманами. ГУВР в случае заинтересо-

ванности может выступить заказчиком этих материалов (в этом случае все они могли бы пройти предварительную читку и правку в ГУВРе).

Пятое. Создание компактного органа, который мог бы в оперативном порядке реагировать на запросы ДУМов и офицерского состава, удовлетворять их и решать возникающие вопросы.

Шестое. ДУМы готовы в своих СМИ и на сайтах публиковать материалы, поступающие от ГУВРа и других органов военного управления.

Седьмое. Подготовить и провести (подобное предложение уже разрабатывалось в редакционно-издательском центре ГШ) научную конференцию, например летом 2003 года, для органов военного управления, заместителей по воспитательной работе. Рекомендации станут основой для дальнейшей работы.

Восьмое. Подумать о проведении обстоятельного социологического исследования в войсках (разобраться с количеством военнослужащих-мусульман, с тем, как реализуется для них право на свободу совести, как работают механизмы, заложенные в приказах Министра обороны Российской Федерации и директивах начальника ГШ по удовлетворению этих потребностей, какова степень готовности офицерского состава к работе с военнослужащими-мусульманами).

Полагаем, что в целом пора выработать некий идеальный механизм взаимодействия командования конкретной воинской части и духовного управления мусульман либо мечети. Определение "идеальный" я понимаю не как лишенный недостатков, а как удовлетворяющий требованиям обеих сторон, которые данный механизм могут использовать. В перспективе, как мы думаем, такой механизм может быть с теми или иными коррективами использован на территории всей России — в воинских частях, военно-учебных заведениях, кадетских корпусах и т. д. Ныне мы уже отработываем такой механизм на базе отношений с 212-м военно-строительным отрядом (г. Мос-

ква), начинаем активно сотрудничать со Смоленским военным университетом войсковой ПВО.

Совет муфтиев России не ставит сегодня на повестку дня вопрос о заключении полномасштабного соглашения либо договора между Министерством обороны и духовными управлениями мусульман, как это сделано Русской православной церковью. Наоборот, мы полагаем, что реальные потребности воспитательной работы сами все расставят по своим местам. И мы заметили, что организовывать сотрудничество, особенно на местах, значительно легче. Командир части и умный заместитель по воспитательной работе всегда найдут общий язык, если есть такая потребность у российских офицеров. В целом позиция Совета муфтиев России, духовных лидеров нашей страны проста и понятна: они готовы помогать армии в воспитании достойных защитников Родины, помогают и будут помогать российским офицерам в этом.

Таким образом, императивами совместных действий государства и духовных управлений мусульман в военной сфере российского общества являются следующие: действовать в полном соответствии с отечественным и международным законодательством; отношения с ДУМами должны строиться как со сложившимися элементами российского гражданского общества, ДУМы имеют свои интересы в вопросах обеспечения национальной безопасности в нашей стране.

Я бы выделил следующие приоритеты совместной работы ДУМов с государством в вопросах обеспечения безопасности: тесное сотрудничество ДУМов с государственными структурами; меры по обеспечению единства российской уммы; снятие с себя обвинений в терроризме и экстремизме; дальнейшее уточнение функций ДУМов (усиление информационной и аналитической функций); дальнейшее определение целей, средств, способов участия российских исламских организаций в укреплении национальной безопасности Российской Федерации; просвети-

тельство относительно сущности исламского вероучения, активная информационная политика ДУМов.

В заключение хотел бы отметить, что, полагаем, в России нет государственных структур, всерьез занимающихся исламом. Следовательно, деятельность исламских организаций не рассматривается государством как угрожающая. Сейчас необходимо развести понятия "ислам" и "исламский экстремизм". Вообще целесообразно говорить не об исламском мире, а об исламском факторе в современном мире. Мусульманской субъектности ислама как таковой не существует. Есть, однако, военное содержание исламского фактора, поскольку бандиты ведут боевые действия — партизанскую войну, минную войну, проводят диверсии и т. д. Число террористических структур не превышает 200 единиц. По сравнению с количеством исламских организаций это капля в море. Отсюда вывод: нам необходимы союзники среди этих организаций.

С другой стороны, когда я попросил своих друзей из ФСБ показать мне материалы о нашей линии в отношении этих организаций, мне сказали, что эти материалы закрыты. Такой подход вызывает недоумение.

С.В. Кортунов. Спасибо, Сергей Анатольевич, за очень практичный, содержащий конкретные предложения доклад.

Сейчас мы переходим к короткой дискуссии.

К.В. Никифоров, *Институт славяноведения и балканистики Российской академии наук, доктор исторических наук.*

Ситуация начала XXI века в чем-то напоминает обстановку в начале XX века. Радикальный исламизм напоминает радикальный русский коммунизм (большевизм). Сегодня мы сталкиваемся с такой же новой "идеологией для бедных", возникшей как реакция на несовершенство мира. Мы имеем такой же, как сто лет назад, глобальный утопический проект переустройства мира. Причем этот проект вновь навязывается силой, и прежде всего с помощью террора. Изменилось лишь то, что приверженцы нового

проекта используют религиозное оружие вместо классового. Наконец, как и столетие назад, новая утопия вполне способна овладеть массами, найти миллионы сторонников по всему миру, прежде всего в неблагополучной его части.

Главный вопрос: что делать, чтобы не дать раздуть новый мировой пожар? Только силой радикальный исламизм победить нельзя. Тем более если вести борьбу избирательно, произвольно выбирая страны "оси зла". Не победить и налаживая диалог — те, кто на него идут, не проповедают радикальных взглядов.

В начале прошлого века Запад, увидев деяния коммунистов в России, ужаснулся и начал меняться, чтобы не допустить у себя подобное. Самые вопиющие социальные противоречия были резко смягчены. И тогда это не только предотвратило на Западе социальные революции, но и оказало мощный стимулирующий эффект на все его дальнейшее развитие. Либерализм создал на Западе успешно функционирующее общество. Но этот импульс уже затухает. А главное — в глобальном мире нельзя создать успешную жизнь только для себя, для "золотого миллиарда", и не думать про всех остальных. Тогда они про себя сами напомнят.

Появление глобального террористического вызова со стороны радикального исламизма — явный симптом неблагополучия современного мира. Это оборотная сторона социального отчаяния и экстремистская попытка его преодолеть. И сегодня необходимо сделать нечто подобное тому, что было сделано в ответ на русскую революцию. Меняться должен не только ислам, но и "золотой миллиард". Нужна позитивная программа развития для всего мира. К сожалению, понимание этого пока отсутствует.

***В.К. Кантор**, член редколлегии журнала "Вопросы философии", доктор философских наук.*

Именно христианство продемонстрировало способность к секуляризации, что и привело на Западе к формированию гражданского общества и демократических институтов. Ислам же к этому не способен, поэтому он и

порождает терроризм. Демократия является христианской по существу. Именно она дает возможность существованию различных религий, включая ислам, в том числе и радикальный.

Али В. Полосин. В порядке реплики на выступление А.В. Малащенко хотел бы подчеркнуть, что ислам никогда не согласится на модернизацию. Нужна не модернизация. Нужен возврат к истокам ислама на новой основе. Кстати говоря, ваххабизм — это одна из версий модернизированного ислама. Поэтому подлинные мусульмане его и не принимают, и никогда не примут.

Л.Р. Сюкияйнен. Мы иногда забываем, что основной исламский мир состоит не из радикалов и экстремистов. Это мир умеренный. Это десятки и сотни миллионов обыкновенных, вполне умеренных людей. И надо думать о том, как наладить диалог именно с этим миром. Для этого надо дать ему возможность вносить свой вклад в общемировое цивилизационное и культурное пространство.

С.В. Кортунов. Я совершенно с Вами согласен. Хотел бы, однако, обратить внимание, что многие умеренные мусульмане заинтересованы по политическим основаниям в преувеличении значения ислама в современном мировом сообществе и подчас невольно способствуют негативному восприятию ислама в мире, распространяя миф о его триумфальном шествии по планете.

В частности, утверждается, что в мире в настоящий момент имеется от 1 миллиарда до 1,5 миллиарда мусульман. На самом деле, по статистике ООН, эти цифры всего лишь соответствуют населению 50 стран мира, находящихся в ареале ислама. Далеко не все население этих стран — мусульмане. А к мусульманам причисляют именно все население, территориально или этнически соответствующее этим странам. Само понятие "мусульманин" может иметь множество определений: от чисто этнического или основанного на признании принадлежности к определенной культуре до отнесения к мусульманам лишь тех, кто ревностно соблюдает все предписания ислама — как куль-

товые, так и (что очень важно) связанные с мирским поведением. Очевидно, что к последней категории может быть отнесена лишь очень незначительная часть людей, находящихся в ареале ислама.

Столь же неверен и тезис о том, что в России до 20 миллионов верующих мусульман. На самом деле мусульмане в России представляют собой религиозное меньшинство. По официальной российской статистике, в России имеется 12 миллионов из числа российских этносов, исторически являвшихся носителями мусульманской культуры. Разумеется, не все они являются правоверными мусульманами. Согласно опросам общественного мнения, проводимым в 1998—2000 годах, мусульманами назвали себя лишь 3—4 процента от опрошенного населения. Это что касается крупных городов. В регионах традиционного проживания мусульман таковыми назвали себя 50—65 процентов опрошенных.

Кроме того, в рамках России, как уже здесь говорилось, существует много течений ислама, которые отнюдь не составляют единого мусульманского сообщества. В целом российский ислам делится на два основных крупных направления: это ханафитский масхаб, характерный для мусульман Волго-Уральского региона, и шафиитский масхаб суннитского направления, характерный для народов Северного Кавказа. Серьезного политического взаимодействия этих двух направлений до настоящего времени не наблюдалось.

С.А. Мельков. Изменить исламский мир, не меняя ислам, невозможно. Диалог с исламом, конечно, надо налаживать, но в российской культуре пока отсутствует уважительное отношение к другим конфессиям.

А.Р. Кроллиус, декан факультета Папского грегорианского университета, Италия.

Важно понять, что модернизация — это саморазвивающийся объективный процесс. И он идет независимо от воли кого бы то ни было. Процесс этот имеет глобальное

измерение и затрагивает, конечно, и исламский мир. Как бы кому того ни хотелось.

Л.Н. Вдовиченко, начальник Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, доктор социологических наук.

Хотела бы подчеркнуть, что государственно-исламские отношения находятся в поле зрения Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и лично Председателя Совета Федерации С.М. Миронова. Кроме того, Совет Федерации по поручению Президента Российской Федерации сейчас работает над новым законом о безопасности и над новой концепцией национальной безопасности. В этих документах будут затронуты и государственно-исламские отношения. Так что мы приветствуем любые конструктивные предложения в этой области. В частности, думаю, наработки Совета муфтиев России, представленные господином Мельковым, могут оказаться чрезвычайно полезными.

М. Шевченко. Феномен исламского экстремизма порожден Западом. Сейчас для США и Европы наступил "момент истины". Это проверка их готовности включить в свое цивилизационное пространство более бедные страны, с одной стороны, и распространить на исламский мир свое пространство толерантности — с другой.

С.В. Кортюнов. На этом мы завершаем вторую сессию нашей конференции. Убежден, что завтрашняя дискуссия будет не менее живой и содержательной, чем обсуждение, состоявшееся сегодня.

10 декабря

Сессия № 3 "Ислам в немусульманских сообществах"

М. Ингенлат. Доброе утро, дамы и господа! Надеюсь, что вы хорошо отдохнули и со свежими силами готовы приступить к работе. Нам предстоит утомительная программа. Вчера наша дискуссия была весьма интенсивной,

а сейчас мы с новыми силами обратимся к третьей теме нашей конференции. Речь идет о том, как надо вести диалог с исламом, каким образом удастся интеграция в неисламских государствах. Я очень рад, что в лице Максима Шевченко у нас сегодня весьма компетентный ведущий данного заседания, и мне хотелось бы сразу предоставить ему слово.

М. Шевченко. Тема третьей сессии звучит следующим образом: "Ислам в немусульманских сообществах". Тема очень интересная, особо актуальная и для наших европейских гостей, и для России, по крайней мере для отдельных ее регионов. И я предоставляю право для первого выступления по теме "Российская политика по отношению к исламу" Сергею Вадимовичу Кортуну.

С.В. Кортун. Говорить на тему российской политики в отношении ислама в последнее время очень рискованно, и в особенности рискованно в такой квалифицированной аудитории, состоящей из высококомпетентных специалистов. Тем не менее кто-то должен был взять на себя этот риск. Поэтому я прошу не судить меня строго, если я совершу какие-то ошибки, квалифицируя те или иные положения исламской политики в отношении России и российской политики в отношении ислама.

Несмотря на то что даже в данной аудитории имеются существенные разногласия относительно тех или иных аспектов мирового и российского ислама, думаю, все согласны в том, что это важнейший вопрос как внутренней, так и внешней российской политики. Только безумец может игнорировать исламский фактор в современной мировой политике. Только безумец среди российских политиков может игнорировать этот фактор с учетом крайне уязвимого геополитического положения России. Только безумец может игнорировать исламский фактор и во внутренней политике России с учетом того значения, который приобрел этот фактор в последнее время. И это значение стремительно возрастает.

Возникает естественный вопрос: есть ли у России политика по отношению к исламу? Ответ утвердительный: конечно, есть. Другой вопрос, что эта политика, с моей точки зрения, во-первых, не очень внятна, и это большая проблема, и во-вторых, эта политика не всегда последовательна.

Я вспоминаю вчерашнее выступление С.А. Мелькова. Он рассказал о том, что не так давно у него были консультации с ФСБ, с его друзьями в этой уважаемой организации, которые ему не порекомендовали заниматься исламом. И вместе с тем дали ему понять, что в России уже все прописано, есть четкая политика, но посмотреть на нее невозможно, поскольку она совершенно секретна. Мне кажется, такое положение и характеризует российскую политику в отношении ислама. Что это значит? Это значит, что у России нет открытой политики в отношении ислама. Отсюда следует вывод, что ислам находится на подозрении у российских спецслужб. Ясно, что это положение не нормально. России нужна открытая, внятная и последовательная политика в отношении ислама.

Когда я служил в Администрации Президента Российской Федерации у Ю.М. Батурина в 1995 году, как раз в разгар первой чеченской кампании, мы сделали запрос Министру иностранных дел Российской Федерации Е.М. Примакову с просьбой дать соображения министерства, согласованные с позициями других компетентных ведомств, относительно российской политики в отношении ислама. Запрос был открытый, на обычном бланке Администрации Президента Российской Федерации. В ответ мы получили записку, на которой был гриф "совершенно секретно". Но уверяю вас, дорогие коллеги, что ничего секретного там не было. С большой натяжкой к совершенно секретным положениям можно было отнести два из десяти пунктов. Это, во-первых, установление контроля за выездом за рубеж мусульманской молодежи (это то, что писалось тогда в средствах массовой информации, почти в каждой газете). И во-вторых, в качестве цели в этой записке

ставилась такая: свертывание деятельности экстремистских исламских групп на территории других стран и государств. В частности, я вспоминаю, что в этом контексте упоминались Саудовская Аравия и Турция. Остальные пункты даже намек на какую-то секретную информацию не содержали.

Кстати говоря, эти пункты, с моей точки зрения, не утратили актуальности и сейчас. Может быть, их актуальность даже возросла. И в тех материалах ФСБ, о которых упоминал С.А. Мельков, вряд ли наши специалисты сделали какой-то прорыв и серьезно продвинулись в плане уточнения нашей политики в отношении ислама. Я не видел этих материалов, но уверен, что они почти идентичны.

Позволю себе вольную импровизацию на тему основных принципов российской политики в отношении ислама. Первый важнейший принцип (он был тогда сформулирован практически во всех материалах, и я считаю, что это абсолютно правильно и справедливо) — это уважительное отношение к исламу, как внутрироссийскому, так и мировому. Кстати, С.А. Мельков вчера также говорил, что в России отсутствует культурная традиция уважительного отношения к другим конфессиям. Вместе с тем во всех официальных документах, как конфиденциальных, так и открытых, этот принцип констатируется в качестве основного и первоочередного. Что касается российского ислама, то недопустимо отношение к этой религии как к вторичной религии по отношению к православию. К сожалению, оно встречается сплошь и рядом как среди представителей властных структур, так и среди представителей оппозиции. На этой конференции упреки в адрес как представителей власти, так и оппозиции, уже звучали.

Кстати говоря, когда мы работали в аппарате помощника Президента Российской Федерации по национальной безопасности, а затем в Совете обороны, координируя нашу деятельность с другими ведомствами, мы строго следовали принципу равноправия религий и конфессий. Даже когда мы вели программу Президента Российской

Федерации, связанную со встречей третьего тысячелетия, в Комитет по третьему тысячелетию и празднованию 2000-летия христианства мы специально включили представителей всех конфессий, а не только Патриарха Московского и всея Руси. На равноправной основе рядом с патриархом сидел Р. Гайнутдин. Даже в вопросах, относящихся исключительно к компетенции христианства, мы старались проводить принцип равноправия религий и конфессий.

Что касается мирового ислама, то здесь принцип уважительного отношения к нему должен характеризоваться прежде всего недопустимостью демонизации ислама, отождествления ислама с терроризмом, с нетерпимостью, насилием, с неуступчивостью по отношению к другим религиям и народам. Отсюда вытекает важнейшая задача российской внешней и внутренней политики — это активная работа в направлении возврата исламу его подлинной сути, в отношении формирования позитивного облика ислама, спокойного к нему отношения. Это отвечало бы фундаментальным национальным интересам России, поскольку способствовало бы предотвращению разворота исламского экстремизма в сторону России, предотвращению ссоры России с исламскими государствами и не позволило бы ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе расколоть Россию по межцивилизационному или межконфессиональному признаку. Самым худшим сценарием для России было бы превращение ее в "заградительный отряд" западной цивилизации, который противостоял бы натиску радикального ислама. Это в корне противоречило бы национальным интересам России.

Следующий фундаментальный принцип — это дифференцированный подход по отношению к различным течениям в мировом исламе. Я глубоко убежден, что тезис о едином, мировом исламе столь же абсурден, сколь абсурден тезис о цивилизационном единстве христианских держав. Ясно, что ислам разнолик, плюралистичен и многообразен. Кстати говоря, эта тенденция очень чувствуется

и в российской внутренней политике. Известно, что, к сожалению, мусульманский мир в России действительно расколот.

Господин Тиби упоминал о четырех школах, которые существуют в исламе. Я понимаю, что в кругу таких специалистов, которые собрались за этим столом, трудно давать свою интерпретацию относительно основных течений мирового ислама, различных школ. Но с точки зрения внешней политики здесь, мне кажется, четко просматриваются четыре направления. И это следует иметь в виду при формировании и проведении российской внешней политики по отношению к исламу.

Первое направление — *ваххабизм*. Это официальная идеология Саудовской Аравии. Многие считают, что это ислам не духа, а буквы, а также что в каноническом смысле — это современная версия еретического ислама. Это вопрос спорный. Но ваххабизм, безусловно, не является союзником России.

Второе направление — это *иранский ислам*. Многие специалисты в мусульманском сообществе считают, что этот ислам в противовес ваххабизму является подлинным исламом, исламом духа, а не буквы, исламом живым, визионерским и мистическим, тем исламом, который противостоит исламскому экстремизму. Это, безусловно, союзник России.

Третье направление — это *исламский социализм*, носителем которого до недавнего времени были такие страны, как Ирак, Сирия, Ливан, Египет, Ливия, Южный Йемен. Это было мощное движение, когда его поддерживал Советский Союз. Сейчас это движение потеряло свое бывшее значение. Тем не менее, безусловно, этот ислам не является противником России, а скорее является союзником.

Наконец, четвертое направление — это *просвещенный исламизм*, который связан с такими странами, как Турция, Пакистан, Алжир, Тунис, Марокко. Этот ислам в большой степени ориентируется на Запад. Это тот самый квазиислам, о котором говорил Ш. Султанов, который хочет интегри-

роваться в западный либеральный проект. И поэтому он допускает отказ от строгих исламских традиций. Это своего рода сувенирный, фольклорный, в значительной степени выхолощенный ислам, но ислам достаточно толерантный. Поэтому угрозы для России этот ислам не представляет, хотя, строго говоря, и не является союзником России.

Отсюда выводы. России нужно относиться к мировому исламу не как к единому субъекту мировой политики, а прежде всего вычленив противников и друзей, партнеров и союзников. Строить альянс прежде всего со своими союзниками в мировом исламе, связанными со вторым и третьим направлениями, о которых я говорил.

Второй принцип — это решительное противодействие исламскому экстремизму, прежде всего ваххабизму. Следующий принцип — это отличие подлинного ислама от разного рода экстремистских сект, за которыми стоит не исламский фактор, а интересы либо антизападных, либо антироссийских, либо чисто космополитических сил, в том числе и транснациональных корпораций.

Практика показала, что конфликты нового поколения, которые проявились уже в 90-е годы прошлого века и все больше дают о себе знать в начале XXI века, связаны и возникают в сочетании трех факторов. Это исламский экстремизм, агрессивный национализм и сепаратизм. Именно три этих фактора дают в результате конфликты нового поколения. И чеченский конфликт — это типичный конфликт в этом отношении.

Отсюда следующий принцип российской внешней политики в отношении ислама — это предотвращение блокирования исламского экстремизма с агрессивным национализмом и сепаратизмом. Это задача, конечно, не простая, но именно как принцип внешней и внутренней политики России по отношению к исламу является одной из основных.

Наконец, чеченский фактор. Ясно, что агрессивный авангард мирового ислама, исламский экстремизм, пытается

использовать чеченский фактор против России, в частности, путем перенацеливания острия исламского экстремизма именно в направлении России. Поэтому следующий принцип — это блокирование стремления исламского экстремизма использовать чеченский фактор против России.

В отношении западной политики. Здесь уже и вчера много об этом говорили. Западная политика тоже не всегда является последовательной и подчас основана на двойных стандартах. С одной стороны, Запад, конечно, не заинтересован в провоцировании исламского экстремизма, но с другой — в ряде случаев способствует переориентации вектора его агрессивности на Север, в сторону России. Отсюда следующий принцип — это противодействие двойственной политике Запада.

Наконец, последний принцип, который также вытекает из современной мировой политики, — это недопущение отождествления исламского фактора с исламским экстремизмом и скатывания на позицию противостояния исламу "по всему фронту".

Российская политика в отношении мирового и внутрirosсийского ислама должна стать более внятной и последовательной и должна быть изложена внятно и недвусмысленно в соответствующих заявлениях высшего руководства страны. Возможно, упомянутые мной принципы нужно уточнить. Они могут быть дополнены. Но самое главное, чтобы о ней было сказано на высшем политическом уровне.

Однако и ислам тоже должен пройти свою часть пути, осознать свою ответственность за сохранение мира, международной безопасности и для начала отмежеваться от различных форм исламского экстремизма. В этой связи я согласен с профессором А.Б. Зубовым, который выражал озабоченность в связи с тем, что на политическом уровне не было единодушного протеста со стороны исламского сообщества в связи с событиями и 11 сентября 2001 года, и 22 октября 2002 года. А.А. Игнатенко даже привел цифру, что, по известным оценкам, примерно 10 процентов му-

сультман поддержали в той или иной степени теракты 11 сентября. Эта цифра может подвергаться сомнению. Но лично меня она поразила. Поэтому мне кажется, что исламу также следует самокритично на себя посмотреть. И нельзя не согласиться с теми, кто вчера, в частности, говорил, что ислам должен также меняться. Тем более что демонизация ислама в ряде случаев, с моей точки зрения, связана с деятельностью и заявлениями вполне умеренных мусульман.

Наконец, трудно не согласиться и с теми, кто вчера говорил о том, что и западная политика в отношении ислама должна меняться. В этом смысле я абсолютно согласен с мнением М. Шевченко, который сказал, что происходит "момент истины" и то, что сейчас мы наблюдаем, — это проверка Европы на готовность включить в свое цивилизационное пространство новые, в том числе и бедные, страны. Это означает, что глобализация из идеи партикулярной, обслуживающей интересы богатых стран, должна превратиться в идею подлинно глобальную, всеобщую, блага которой могли бы получить все, а не только избранные страны и народы. Если богатые страны не готовы отказаться от философии "золотого миллиарда" и сформулировать широкую позитивную программу борьбы с бедностью, голодом, болезнями, то они должны примириться с тем, что будут жить с исламским экстремизмом вечно, всегда. И терроризм будет неизбежным спутником западного глобализма, его двойником. Если же такая программа будет принята, то основная борьба международного сообщества может быть сосредоточена против тех лиц и организаций, которые препятствуют ее осуществлению, и тогда ореол исламских экстремистов как борцов за справедливость будет разрушен. А деятельность анти-террористических сил приобретет четкую правовую основу. Ибо "мочить" тех, кто протестует против социальной несправедливости, бесполезно и контрпродуктивно. А тех, кто мешает осуществлению всеобщего блага, — справедливо и правомочно.

В заключение я хотел бы еще раз подчеркнуть мой первый тезис. Российская политика в отношении ислама должна стать более внятной, должна быть изложена на высшем политическом уровне и должна быть последовательной. Запад тоже должен измениться, но и исламское сообщество тоже должно самокритично отнестись к самому себе.

М. Шевченко. Спасибо, Сергей Вадимович.

Я предлагаю сегодня такой вариант регламента. После каждого выступления — один-два коротких вопроса к докладчику, а дискуссия — после основных докладов. Короткий вопрос может заменяться короткой репликой, на которую докладчик может отвечать, если хочет, или может не отвечать.

Г. Джемаль, *председатель Исламского комитета России.*

На чем основывается Ваше деление ислама на четыре блока: Иран, Саудовская Аравия, "фольклорный ислам" и исламский социализм?

С.В. Картунов. Это моя личная интерпретация. Я не являюсь специалистом в области мирового ислама, но так мне видится как политологу и специалисту по внешней политике. Это моя личная схема.

К. Костюк, *Фонд имени Конрада Аденауэра, кандидат политических наук.*

У меня некое возражение на призыв С.В. Картунова различать в исламской политике врагов и друзей. Конечно, мы знаем, что это принадлежит политике, но не кажется ли Вам, что такое разделение будет проводить слишком жесткие линии и вести к углублению конфликта? Например, Афганистан до 80-х годов был большим другом Советского Союза. Мы знаем, чем это закончилось.

С.В. Картунов. Я не думаю, что это будет вести к нашей ссоре с исламом. Мой основной тезис состоит в том, что нельзя к исламу относиться как к единому субъекту мировой политики. Необходимо выделять там различные тенденции. Ислам плюралистичен и многообразен. И среди

этого многообразия есть силы, с которыми можно и нужно работать России. Есть силы, которые настроены пророссийски, и силы, которые настроены антироссийски.

Б. Тибби. У меня два комментария.

Первое. Мы должны четко различать исламизм, исламский фундаментализм и исламскую ортодоксию: ваххабизм, фундаментализм и исламская ортодоксия, суннитски-арабская ортодоксия.

Ваххабизм верит в Писание, он весьма ортодоксален. Исламский же фундаментализм, как правило, представлен в лице мирян, за исключением Ирана. Шиитский вариант исламского фундаментализма отстаивается исламскими учеными. Но если посмотреть, то не только в арабских странах, но и в Индонезии большинство фундаменталистов миряне. То есть я согласен с Вами: нет мирового ислама. Лучше говорить об исламском факторе. Может быть, это результат данного симпозиума. Пора закончить говорить о мировом исламе. Следует говорить об исламском факторе. Факт, что существует исламская цивилизация. Мы в 1995 году с С. Хантингтоном провели в Индонезии диалог цивилизаций, и результатом стал вывод: исламская цивилизация неоднородна. То же самое относится и к Западу. Германия — не США. Есть разнообразие внутри западных цивилизаций, но есть и единство. Есть единство, но и разнообразие внутри ислама.

Мы хотим добиться мирного решения конфликта. О чем идет речь? Один из лучших исследователей ислама Джон Кельей сформулировал это таким образом. Кто определит мировой порядок в XXI столетии — ислам или Запад? Есть исламское мировоззрение. Мир в исламе означает его распространение во всем мире, тогда как западное воззрение согласно Канту представляет собой демократический мир. Эта дискуссия ведется сейчас в США. Кант был немцем, но его обсуждают сейчас в США больше, чем в Германии. После окончания конфликта между Востоком и Западом как мы добьемся мира во всем мире? Мира во всем мире мы добьемся путем демократи-

зации. В отношении ислама можно сказать: чем более демократичен мир ислама, тем более мирным будет мир будущего. Как мы можем этого добиться? Моя последняя книга выходит на английском языке и называется "Ислам между культурой и политикой". Мы можем сохранить ислам как культуру, но его надо отдалить от политики. Если вы политизируете ислам, то у вас возникает концепция мирового устройства. Это исламская концепция устройства мира, которую отстаивают не только ваххабиты, но и исламисты. Тут у них единый взгляд. Но в России, с российской позиции, мир во внутренней политике сводится к тому, что мусульмане-реформаторы отстаивают секуляризацию, то есть разделение политики и религии, культуры и религии в исламе.

В отношении мировой политики. Запад и ислам могут вместе жить в демократизированном мире, но исламизированного мира никто не хочет. Я, как мусульманин, его тоже не хочу. Потому что тогда мира не будет. Демократическое устройство мира — не обязательно западное устройство.

С. Маркус, пресс-секретарь Совета муфтиев России.

Общеизвестно, что дипломатия — это искусство превращать даже врагов в своих друзей и партнеров. Поэтому меня поразило выступление господина Картунова. Он уже поссорил этой с точки зрения богословия и религиоведения безграмотной классификацией на четыре подгруппы в исламе нас с Саудовской Аравией, которая ведет, кстати, активные переговоры с мэрией Москвы об инвестициях. Затем — с Турцией, которая отнюдь не считает свой вариант ислама фольклорным, отжившим. Это модернизированный, европеизированный ислам. Поэтому я призываю дипломатов все-таки выполнять свою непосредственную функцию, то есть сдруживать наше государство вне зависимости от нюансов религиозных учений с любыми странами, привлекать инвестиции и добро в нашу страну. И если существует недопонимание каких-то религиозных

аспектов, все-таки обращаться к религиоведам, востоковедам и непосредственно к мусульманским деятелям.

С.В. Кортунов. Я хотел бы обратить внимание на то, что мы находимся не на дипломатических переговорах, а на международной конференции, где каждый вправе высказывать свою точку зрения, причем точку зрения личного свойства. И вправе ждать в качестве реакции обоснованную критику, но отнюдь не призыв к тому, чтобы все здесь стали дипломатами. В противном случае у нас не получится серьезной дискуссии.

М. Ингенлат. Короткий вопрос с моей стороны о двойных стандартах. Речь идет о западной политике, будто Запад направляет исламизм в сторону России, на Север. Выходит, что Россия находится в многовековой роли — быть крепостью в отношении западных врагов. Для меня это весьма старый тезис, но проблематичный.

С.В. Кортунов. Я хотел сказать, что у нас иногда создается впечатление, что политика Запада в этом отношении двойственна, что имеют место, к сожалению, двойные стандарты. С одной стороны, Запад, естественно, не заинтересован в провоцировании исламского экстремизма, однако, с другой стороны, я не говорю обо всем Западе, но там есть определенные силы, которые действительно хотели бы повернуть острие исламского экстремизма в сторону России. Я не говорю, что это официальная политика.

М. Шевченко. Спасибо еще раз, Сергей Вадимович, за бурную дискуссию, которую вызвал Ваш доклад. Именно такое открытое и откровенное обсуждение этих проблем и является главной задачей этой конференции.

А сейчас я хочу передать слово Леониду Рудольфовичу Сюкияйнену.

Л.Р. Сюкияйнен. Спасибо за предоставленную возможность выступить на этой конференции. Большое искушение в своем выступлении попытаться охватить все — не только, собственно, заявленную тему, но и отреагировать

на уже состоявшиеся выступления. К сожалению, приходится чем-то жертвовать.

Мое выступление будет состоять из двух частей. Первая — это мои размышления относительно принципов и основных направлений государственной политики России в отношении ислама, в продолжение того, о чем только что говорил предыдущий докладчик. И вторая — мне хотелось бы поговорить на тему ислама в диалоге цивилизаций. Постараюсь связать эти два сюжета.

Но сначала несколько замечаний по поводу выступления Сергея Вадимовича Кортунова. Я со многими вещами готов полемизировать, но не буду сейчас это делать. Думаю, мы должны проводить эту дискуссию конструктивно и пытаться взять у каждого из выступающих то рациональное и полезное, что у него есть. В этом — основная оценка любого доклада, любой реплики, любого высказывания этой конференции. Но мне все-таки кажется, что рассматривать ислам только как инструмент политики или как объект политики абсолютно неприемлемо. Ислам — это не инструмент политики. Если мы будем так к нему относиться, то наделаем кучу ошибок. И это не только объект политики.

Второй очень важный момент. Это не только религия. Почему когда мы говорим "ислам", то часто заменяем это понятие понятием "религия"? Ислам, повторяю, — это не только религия. Это тоже большая ошибка, которую мы допускаем и часто закрываем себе возможность рационально, разумно рассуждать по поводу российской политики в отношении ислама. Если мы понимаем под исламом только религию, тогда нужно говорить о российской политике в отношении религии. Политика ясная — конституционный принцип свободы вероисповедания. Этим практически все исчерпывается. Не о чем тут больше разговаривать. Но это касается важнейшего вопроса нашей конференции. Ислам — это цивилизация, культура, образ жизни. Кроме того, что это религия.

Самой главной сейчас проблемой для России как государства является не ислам как религия, а ислам как фактор, как часть, как элемент, как составляющая общественной и политической жизни России. Потому что в отношении религии позиция государства должна быть — невмешательство, в крайнем случае — обеспечение условий для реализации гражданами права на свободу вероисповедания. Этим практически все объясняется. Это основной курс. Остальное все подчинено этому курсу. А когда ислам начинает играть роль в политике — это уже совсем другое. К этому уже должно быть отношение государства. И государство здесь не может сказать: "Простите, это вопрос религиозный, пусть этим занимаются религиозные деятели". Когда ислам начинает касаться вопросов общественного бытия, основ организации общества, государства, политики, государство — хочет или не хочет — должно этим заниматься. Поскольку это в первую очередь вопрос власти.

Но здесь нужно прямо понимать и различать эти две вещи. Я не развожу религию и политику в исламе, я различаю эти явления. И в исламской традиции такое различение было. Я, как правовед, прекрасно знаю, как по-разному трактуется понятие воли в отношении религиозных вопросов и мирских вопросов. А политика — это мирская сфера. Запрещено-дозволено — это принцип мирской, а в религиозной сфере действует другой принцип. Это не разведение политики или мирской жизни и религии, но это различение, очень важное. Без этого государственная политика не может формулироваться.

Я не буду продолжать о том, как понимаю политику Российского государства в отношении ислама, поскольку готов передать организаторам конференции копию своей статьи, опубликованной в сборнике Российской академии наук под названием "Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом". Статья называется "О принципах и целях государственной политики в отношении ислама". Поэтому все заинтересованные моими

размышлениями по этому поводу могут с этой статьей ознакомиться.

Если мы будем отслеживать политику только с тех позиций, о которых говорил С.В. Картунов... Они справедливы, я готов со многим согласиться, но со многим полемизировать. Однако хочу сделать один упрек дружеского плана: в начале выступления Вы сказали о позиции спецслужб, которая была раньше. А не кажется ли Вам, что Ваша точка зрения в значительной степени оценивает ислам с позиции спецслужб? Враг — не враг, союзник — не союзник. Этот взгляд важен, он должен быть, и политика, конечно, оценивает многие вещи с этой точки зрения — наносит ущерб или нет. Но с исламом так невозможно. Ислам — это огромный культурный потенциал, который нужно использовать не как средство политики, а как фактор, который должен стать составляющей общественных, политических процессов в России, стать союзником преобразований в России, происходящих сейчас. А у нас ислам воспринимается, во-первых, как фактор политический и, во-вторых, как фактор, угрожающий национальным интересам России.

Спросите навскидку на улице у 10 человек, что такое ислам. Вам что, скажут: это умиротворение, смысл жизни человека, это потусторонняя жизнь, это духовные и нравственные ценности? Нет. Вам скажут: это ваххабизм (не зная, правда, о чем идет речь), это угроза, это люди с повязками, то есть это элемент политики. Вы спросите: это фактор нейтральный, содействующий общественно-политической консолидации в России или вносящий раздор в эти процессы, угрожающий России? Я убежден, что восемь из десяти вам скажут, что это угроза России. Если смотреть только с этих позиций, то я убежден, что мы не выстроим такой политики.

Еще одно замечание, прежде чем перейти к другому сюжету. Действительно, я в значительной степени согласен с предыдущим докладчиком относительно того, что у России нет, конечно, внятной, последовательной, прин-

ципиальной политики в отношении ислама. Какая была политика до 1917 года? В лучшем случае — политика терпимого отношения к исламу. Затем она сменилась политикой научного атеизма со всеми вытекающими последствиями. С начала 90-х годов эта политика сменилась политикой утверждения и реализации конституционного принципа свободы вероисповедания. Много было сделано в этом отношении. Но сейчас ислам — это в первую очередь вопрос общественно-политического развития. Власть оказалась не готова сформулировать свою позицию относительно роли ислама. Можно много упреков предъявить власти, но очень важным аспектом является следующее. Хорошо, у власти нет такой внятной политики. А у духовных управлений есть видение государственной политики в отношении ислама? Готов доказать: нет его.

Это примерно так же получается, как то, что у власти нет политики в ядерной энергетике. Можно ее упрекать за отсутствие такой политики, но если ее нет у ядерщиков, которые не знают, как вести такую политику, как мы можем упрекать власть? У духовных управлений есть невнятное мямленье, общие слова, общие рассуждения. А конкретной позиции относительно того, какое место ислам должен занять в культурной политике, в решении социальных, политических проблем, чтобы стать частью российской культуры, российского образования, российской политики, нет.

Ислам как позитивный политический фактор не вносит пока свой вклад в российскую политику — ни во внутреннюю, ни во внешнюю. Ислам не является фактором внешней политики России. Он не является таким фактором, который работал бы на национальные интересы в отношениях России с мусульманским миром. Торговля — да, экономика — да, военная составляющая — да, политика — да, информация — да и так далее. Ислам не освоен, это огромный резерв. И оценивать ситуацию только с той точки зрения, кто враг, а кто не враг, как сделать так, чтобы ограничить влияние каких-то экстремистских сил,

то есть работать только с позиции "против чего-то", невозможно. Нужно выстраивать политику "за". Нужно видеть, что ислам с его огромным потенциалом может и должен быть союзником не экстремистских, сепаратистских сил, действительно часто несущих угрозу национальным и государственным интересам России, а союзником демократической России.

Второй сюжет — относительно места ислама в цивилизационном диалоге. Конечно, мы оцениваем многие вещи исходя из того, что видим сейчас. И достаточно часто забываем многовековую историю взаимоотношений и цивилизационного диалога между исламом и христианством в различных его направлениях. Вчера нам напоминали примеры столкновений, войн. Это тоже было. Но в реальной жизни исламские ценности и ценности европейской культуры, в том числе правовой, чаще всего не сталкивались, а взаимодействовали и развивались.

Я отстаиваю идею необходимости обращения, скажем, к достижениям мусульманской правовой культуры в решении даже российских правовых проблем в отношении мусульман. Мне говорят: не может быть правовая система построена на сочетании европейской правовой традиции и исламской, такое невозможно. Как невозможно? Все мусульманские страны веками живут в условиях правовых систем, которые построены на сочетании европейской правовой системы и исламской. Нет в современном мире ни единой мусульманской страны — ни Саудовская Аравия, ни Иран, ни другие, — которая не использовала бы достижения европейской правовой культуры. В Саудовской Аравии действует торговый кодекс 1931 года, списанный с османского. Это основа правового регулирования бизнеса в Саудовской Аравии. Османский кодекс взят из европейского кодекса. Бывают конфликты. Не надо умалять их значение, но и не нужно сводить все, весь диалог между исламской и европейской культурами к конфликтам. Более того, исламская и европейская правовые культуры имеют больше шансов ужиться, чем различные варианты евро-

пейской правовой культуры. Континентальное право и англо-саксонское право никак не могут между собой ужиться. Попытались, например, во Франции ввести институт траста — не приняла его французская система, отторгает. А история мусульманского мира говорит о том, что он мог очень успешно сосуществовать с англо-саксонской системой (в Индии, Пакистане). А в Алжире было создано алжирское мусульманское право.

Сейчас, в современных условиях, кроме того, что, конечно, есть серьезное противостояние западных, европейских и исламских ценностей, существуют очень мощные конфликты внутри исламского мира. Внутри исламского мира идут мощнейшее идейное противостояние и борьба, открытая борьба между различными течениями исламской мысли, подходами к решению практических, конкретных проблем — социальных, политических, финансово-экономических, медицинских. Я сам наблюдал конфликт по поводу прав человека, участвовал в конференциях по правам человека в нескольких арабских странах. Я видел, насколько остры борьба, столкновение между сторонниками либерального подхода (их открыто называют либералами в рамках ислама) и теми, кто стоит на консервативных позициях. Например, в Кувейте до сих пор женщины не имеют избирательных прав. Основное препятствие — это позиция большинства депутатов в Национальном собрании, которые блокируют попытки предоставить избирательные права женщинам. Эмир своим указом во время роспуска парламента предоставил такие права. Но после того как парламент был вновь сформирован, этот акт эмира не был поддержан.

Есть такой конфликт и в России. Посмотрите заявления, фетвы, которые выпускает Совет муфтиев России, осуждающие терроризм, ваххабизм. Но есть силы, лидеры и организации, которые стоят именно на тех позициях, которые являются объектом критики и несогласия с ними. Мне думается, что в России очень быстро появилось все то, что есть в зарубежном исламе, после того, как начался

процесс даже не возрождения ислама (так как возрождение предполагает, что восстанавливается то, что когда-то было, а того, что сейчас мы имеем, никогда в России не было), а "пробуждения" ислама. Мы получили политические мусульманские партии, исламский радикализм — все, кроме одной очень важной составляющей. Мы не получили мощного умеренного, просвещенного идейного течения в рамках исламских традиций, цивилизованного ислама как некоего противовеса. А у нас противовесом, говорят, является традиционный ислам. Традиционный ислам не может быть на сегодняшний день идейным противовесом радикалам. Традиционный ислам в северо-кавказском варианте, например, не стал преградой ваххабитам. И не будет никогда этой преградой в том виде, в каком он сейчас существует. Он не способен отвечать ваххабитам, или радикалам, на социальные и политические вопросы, потому что никогда этим не занимался. Поэтому он никогда не может стать идейной альтернативой этому. Идейной альтернативы нет.

А когда начинаешь об этом рассуждать, то слышишь из уст мусульманских лидеров фразу, которую мы вчера услышали: "Это дело мусульман, обладающих определенными знаниями. Не лезьте в ислам, немусульмане!" Было это сказано более мягко, но смысл именно такой: как вы можете рассуждать по вопросам толкования Корана, коли это дело самих мусульман? На это я хотел бы высказать три замечания.

Первое. Существует наука, научная мысль, которая занимается этими проблемами. Преград здесь никогда не поставишь.

Второе. Братья мусульмане, вы ведь говорите, что ислам обращен ко всем людям! Вот эти люди и хотят узнать, что же к ним обращено. Могут сказать: пусть это мусульмане объясняют. Так объясните тогда нам! А мусульмане очень часто общими словами ограничиваются: "Ислам от слова "мир". Нет там аятов о войне, а если есть, то есть "асбабан нузуль". Правильно, "асбабан нузуль"

существует, но ведь хорошо известно, что "асбабан нузуль" и проблема отмененных и отменяющих стихов Корана очень неоднозначно трактуется самой исламской мыслью.

Вот у меня в руках две книжки. Одна из них — "Международные отношения в исламе". Один из типичных учебников по международному праву в исламе. Автор — профессор Кувейтского университета. По этому учебнику изучают международные отношения в исламе в Кувейтском университете на факультете шариата. Авторитетное свидетельство? Достаточно. Открываем первую страницу. Первая глава начинается со следующего: "Каков основной принцип взаимоотношений мусульман с немусульманами?". И первая же фраза автора: "На эту проблему есть две точки зрения. Первая — принципом отношений является война, и приводятся аргументы. Вторая точка зрения — таким принципом является мир, и приводятся аргументы сторонников такой точки зрения. Отнюдь не современных авторов, а классиков исламской мысли. Затем автор анализирует ту или иную точку зрения, их аргументы и сам выбирает вторую точку зрения, аргументируя, почему он это делает. Но, между прочим, среди тех, кто считает основным принципом отношений мусульман с немусульманами войну, — представители шафиитского толка, того самого, который является преобладающим у нас на Севером Кавказе. Эту деталь надо бы знать. А эта точка зрения исходит не только из шафиизма. Есть и другая, но преобладает точка зрения, что принципом является война.

Привожу второй пример. В ходе конференции высказывалось следующее: при любых военных действиях исламская мысль запрещает поднимать руку против невоюющих лиц: женщин, детей, стариков, ремесленников, земледельцев и так далее. Правильно. Откройте любой шафиитский источник того самого толка, который преобладает на Северном Кавказе, и там будет сказано, что нельзя убивать только женщин и детей, а стариков, земледельцев и ремесленников уже можно. Есть масса проблем в этом отношении.

Вторая книжка, которую я хочу показать, — "Проблема джихада в современном мире". Одна из самых авторитетных книг за последние десятилетия, принадлежит она перу Мухаммеда Саидурамадана Альбути. Его никто не упрекнет в либеральных взглядах. Это один из самых ортодоксально мыслящих современных авторитетов исламской мысли. Кстати, его в Сирии очень долго подозревали и относились к нему практически как к идеологу "Братьев мусульман". Он тоже обсуждает различные точки зрения относительно понимания джихада. Но он с такой легкостью, как мусульманские лидеры у нас, не говорит: "А это агрессивное толкование, это не от ислама". Ничего подобного, это серьезнейшая проблема. И обсуждается она досконально и трудно, с аргументацией. Если же вы выбираете другую аргументацию, вы должны быть готовы в рамках исламской традиции обосновать свой выбор, а не просто сказать: "Ну, мало ли кто так считает". Нет. Идейная традиция, оправдывающая, объясняющая агрессивные, радикальные действия или использующаяся как их объяснение, — это не незаконное дитя ислама. Это часть исламской традиции. Другое дело, что она должна оцениваться и находить свое обоснование и интерпретацию в рамках самой исламской традиции.

Поэтому, завершая свое выступление, должен сказать, что формулирование идейной альтернативы взглядам экстремистов, террористов является очень важной задачей, которая в современных условиях не может не беспокоить власть. Это не догматические споры, о которых можно сказать: пусть религиозные деятели обсуждают их. Нет. Это проблемы, которые прямо выходят на политические, государственные интересы. И поэтому формулирование такой идейной альтернативы не может быть выполнено, пока нет видения, что такое ислам в российской политике, что такое ислам и каково отношение к нему в России.

Что касается моих представлений о том, по каким направлениям могла бы идти работа по формулированию идейной исламской альтернативы терроризму, экстремизму

и так далее, могу сослаться на журнал "Центральная Азия и Кавказ" № 3 за этот год, где была опубликована моя статья "Ислам против ислама" (подзаголовок "Об исламской альтернативе экстремизму и терроризму").

М. Шевченко. Слово предоставляется Шарлю-Симону Уревичу.

Ш-С. Уревич, *заведующий кафедрой русских и европейских исследований Института восточных языков, Франция.*

Дамы и господа! Первым делом хочу поблагодарить Фонд имени Конрада Аденауэра за возможность присутствовать на этой конференции. Проблемы, которые трактуются здесь, существуют и во Франции. Но они выражаются по-другому, у нас другие традиции. И об этом я буду говорить.

В России ислам существует уже много веков. Во Франции же ислам — это колониальный фактор. Основная религия — это, конечно, христианская — католицизм, протестантство, а также иудаизм. Но факт, что во Франции более 5 миллионов мусульман. Часть из них — французские граждане. И с каждым годом растет число французских граждан среди мусульманского населения. Вчера я не раз слышал слово "демография" в том смысле, что Европе грозит исламизация. Я хочу уточнить, что во Франции мусульманин — это человек, имеющий семью, ему разрешено иметь не более двух детей. Во Франции не стоит демографическая проблема увеличения мусульманского населения. Мусульмане во Франции живут в больших городах, работают, часто работают и их жены. У нас другие проблемы.

Во-первых, это колониальное наследство. Во Франции трактовали мусульманскую проблему иначе. У нас была зарубежная империя, а не Российская империя. Российская империя строила политику в отношении национальных меньшинств иначе, чем во Франции, где просто были колониальные отношения. И пока это чувствуется. Большинство мусульман приехали во Францию из Магриба в 60-е годы, когда во Франции не хватало рабочих рук. В

Марокко, Алжир приезжали французские представители, и собирались целые деревни в основном для работы на французском производстве в различных отраслях промышленности.

Вначале рабочие приезжали без семей. Затем семьи воссоединялись. Тогда существовало много проблем, шла война в Алжире, многие эмигранты жили в ужасных условиях недалеко от Парижа. Война в Алжире — это 1 миллион убитых среди местного населения, а французская армия потеряла 22 тысячи человек. Это была жестокая война, которая чуть не привела к гражданской войне во Франции. Это наше наследство, от которого трудно избавиться.

Во Франции смотрят на мусульманина как на араба, и это тоже неверно. Потому что многие алжирцы — это не арабы, а берберы, которые пытаются сейчас в Алжире восстановить свой язык. В 70-е годы среди эмигрантов преобладали африканцы. Среди африканцев мусульман большинство. Но африканский ислам — это совсем другой ислам. В конце 70-х стали приезжать беженцы-иранцы, в основном шииты, либерального толка. Сейчас во Франции мусульман, повторяю, более 5 миллионов. Среди них 30 процентов — религиозные мусульмане.

Как этих мусульман сплотить? Это невозможно, потому что у нас мусульмане приехали из разных стран. Алжирцы представляют ортодоксально-либеральный ислам. На юге, в Марселе, есть представители марокканского ислама. Мечетей во Франции очень мало. Сейчас государство старается сплотить мусульман, найти среди них действительно верующих людей, чтобы сесть с ними за стол переговоров, как это происходит с другими конфессиями. Во Франции два раза в год собираются представители католической, протестантской церквей, а также раввината, чтобы обсудить и решить имеющиеся проблемы. С мусульманами это очень сложно.

Исламу во Франции трудно. Мало мечетей, и часто верующие собираются в подвалах. Идут постоянные дис-

куссии в разных городах, строить мечети или нет, на какие средства. Мусульмане у нас небогатые люди, это не саудовские миллионеры.

Проблема ислама во Франции — это также проблема идентичности. Это проблема молодого поколения. Родители, приехавшие во Францию 15 лет назад, были, как правило, безграмотны. Потом началась безработица. У нас безработица — это трагедия малограмотных людей, конечно, эмигрантов и их детей. Сейчас во Франции дети этих эмигрантов — французы. Только Ли Пэн это отрицает. Если ты родился во Франции, ты — француз. Но как трактовать эту проблему? Эти дети живут в неблагополучных семьях, они оторваны от многих традиций, а также от подлинной исламской традиции. Поэтому сейчас во Франции существует следующая проблема: как вернуть арабскую молодежь обществу? Как из них сделать настоящих граждан страны? У нас нет проблем с эмигрантами из Западной и Восточной Европы, которые очень быстро ассимилировались и становились французами. Большая часть мусульманского населения тоже ассимилируется, но значительная часть не будет ощущать себя настоящими гражданами Франции. Они также останутся чужими и в Марокко, и в Алжире. Это, конечно, не религиозная проблема, но это также связано с религиозными традициями. Долгие годы ислам находился в подвалах, у нас много "самозванцев", некультурных среди мусульман.

Проблема ислама во Франции не сравнима с проблемой в России, но у нас большинство политических деятелей, большинство журналистов стараются проблему ислама трактовать с уважением. Это не только политкорректность, это подход к другому человеку, который отличается от тебя, но который твой согражданин и брат. Во Франции стараются строить французский ислам, а не ислам во Франции.

С.К. Ознобищев, директор Института стратегических оценок.

И вчерашняя, и сегодняшняя дискуссии отвечают на те озабоченности, которые есть у нас. Хотя они, несомненно,

проглядывают и в докладах. Говоря языком Шекспира в переводе Пастернака: "Неладно что-что в Датском королевстве". Я не буду говорить про современный мир, про ислам в частности.

Когда-то очень давно (мы все читали об этом в книгах) христианские рыцари ходили в подходы. Теперь, насколько я понимаю, эти выходки осуждены церковью, то есть церковь по прошествии многих столетий заняла какую-то позицию по отношению к некоторым искривлениям собственной линии. Это, на мой взгляд, крайне важно. Есть две опасности, которые я, как политолог, ясно почувствовал в эти дни во время нашего обсуждения.

Во-первых, опасны настроения, которые рассматривают либеральные, демократические ценности как некоего агрегированного врага современного общества, нашего развития. Об этом говорили как представители мусульманства, так и представители православной церкви, что меня лично очень удивило. Тогда на свое место становится и поддержка акции, и драматических событий 11 сентября 2001 года. Но возникает опасность, что есть некие двойные стандарты в нашем отношении, в отношении религии к окружающего миру. Одно — это позиция "на публику", которая успокаивает: дескать, все в порядке, все нормально, мы вместе со всеми, со всем прогрессивным человечеством осуждаем терроризм, поддерживаем борьбу против терроризма. А другая правда — для себя, для узкого круга, которая позволяет злорадно потирать руки, поддерживать эту войну (можно назвать ее джихадом, можно назвать как-то иначе) против либеральных демократических ценностей, а фактически против огромной части либерального общества, что выливается в массовую гибель людей, и так далее.

Опасность вторая состоит в том, что есть мнение, будто простой человек, или просвещенный человек, или ученый не вправе судить о Коране, не может судить, насколько верно или неверно, насколько адекватно Коран применим к современной жизни. По-моему это неправильно. Это свидетельствует о том, что религия должна,

конечно, модернизироваться, не быть вещью в себе, потому что любая закрытость — это само по себе очень опасно.

Не могу не поддержать тех, кто говорил, что терроризм сегодня — это проблема не только мировая, но и сугубо национальная. И наше мусульманство, поскольку речь сегодня идет об этом и о существующей тесной привязке мирового терроризма именно к мусульманской религии, должно ясно и четко выразиться по этому поводу так, чтобы это было понятно каждому гражданину и чтобы каждый знал, что определенная позиция занята. Только так мы сохраним мир в своем обществе и поможем сохранить мир на глобальном уровне.

М. Шевченко. Я хочу напомнить о том, что четкие и ясные высказывания исламского сообщества по поводу терроризма были. Центр исламских исследований университета Аль-Асхр в ноябре прошлого года выпустил колоссальный документ по поводу отношения ислама к политическому терроризму. Это проблема так называемых российских журналистов и так называемых политологов и исследователей, что они не допускают до сведения российского общества те реальные высказывания и документы, которые существуют в исламском мире относительно позиции этого мира по отношению к остальному.

Г. Джемаль. Мне бы хотелось прежде всего отметить, что очень справедливо, очень интересно и очень нестандартно Л. Р. Сюкийянен обратил внимание на то, что жесткость и некий дискурс противоположны обычно воззваниям к миру, к благолепию и к "розовым облакам". То есть ссылка на некую жесткость является присущей исламу. Ислам — это очень жесткая традиция, жесткая доктрина. Но я хотел бы обратить внимание присутствующих также на то, что здесь как бы постоянно звучит, в некоем обвинительном уклоне говорится о какой-то исламской агрессии. Помилуйте, на протяжении веков источником мировой агрессии всегда был Запад! Это и Крестовые походы, и бесконечные войны в Европе. Если сравнить общее количество войн, ведшихся Западом или исламским

миром в халифатский период или даже в период постхалифатский (то есть период Османской империи), то это несравнимые величины. XX век — это непрерывная агрессия Запада на исламский мир, начиная с вторжения в Афганистан, с инспирированной Западом агрессии Ирака против исламской революции в Иране и так далее. Сегодня мы видим продолжающуюся агрессию под благовидными демагогическими ссылками на международный терроризм. В этих условиях совершенно понятно, что исламский мир ведет оборонительную борьбу, занимая при этом жесткие позиции.

Но есть и другой аспект. Сегодня не только исламская цивилизация является объектом такого агрессивного наступления. Сегодня существует четкий, жесткий раскол, никем не удерживаемый социальный раскол между Мировым Верхом и Мировым Низом. Ислам сегодня выступает как доктрина и цивилизация, которая носит представительские функции от имени Мирового Низа. Наступление на ислам — это одновременно наступление на Мировой Низ, не обязательно исламский. Это удар по правам и свободам простых людей и одновременно сильнейший удар по Европе, причем в двух аспектах. Во-первых, наступление на ислам предполагает в конечном счете геополитическую цивилизационную изоляцию Европы. Кроме того, это будет изоляция Европы и в энергетическом плане. Если США "сядут" на нефтяные месторождения Кувейта, Саудовской Аравии и Эмиратов, то европейская цивилизация будет отброшена в доиндустриальную эру. Во-вторых, разгром исламской цивилизации — это, конечно, удар по правам человека, что скажется прежде всего на социально-политическом состоянии самой Европы.

Агрессия существует со стороны олигархических верхов, которые сегодня определяют мировую политику. Она ведется внешним образом по отношению к исламу, а внутренним образом — по отношению к простым людям в самом широком смысле слова. И на повестке дня стоит выживание тех самых демократических свобод, прав и

ценностей, о которых говорил предыдущий оратор. Поэтому исламский экстремизм — это нормальная реакция всех людей, которые сегодня поставлены перед выбором: жизнь или смерть. Причем этот выбор стоит и в Пекине, и в Аргентине, а не только в Эр-Рияде или в Тегеране.

С. Маркус. У меня не реплика, а вопрос к уважаемому гостю из Парижа Ш.-С. Уревичу. Вы сказали, что Франция имеет колониальное наследство и смогла, с одной стороны, справиться с тем, чтобы "отпустить" Магриб, выпустить Алжир из своего имперского пространства, а с другой стороны — она сегодня озабочена возрождением мусульманских традиций среди тех людей, которые становятся гражданами Франции. В-третьих, Вас заботит, насколько я понял, проблема возрождения берберской культуры. Конечно, нельзя грубо сравнивать французскую империю с Российской, но некие общие проблемы есть. Мой вопрос: каким образом французам удалось освободиться от своего колониального, имперского наследия, от той несправедливости, которая творилась по отношению к этим народам? Ведь мы имеем собственное колониальное имперское наследство на Северном Кавказе и огромные, подобные гангрене, метастазы, которые идут по всему обществу и наносят вред и северокавказским народам, и российскому обществу.

Ш.-С. Уревич. Я думаю, что присутствующие здесь знают, как все было в Алжире. Я не хочу вмешиваться в российские дела. Считаю, что каждый народ имеет право на самоопределение, на свободу и так далее. Для французов было очень трудно отделиться от Алжира, болезненно. Но между Францией и Алжиром все-таки есть море. Это очень отличает французскую империю от Российской.

Ваш вопрос касается наших молодых мусульман. Выбор пути в жизни остается за ними. Если они не хотят быть верующими — это их личное дело. Я считаю, что человек должен знать свои традиции, свое прошлое. Когда этого нет, ты не человек. Факт, что террористами стали молодые ребята. Во Франции было несколько волн терроризма, и

террористы были слабо связаны с традиционным исламом. Они думали, что найдут в экстремизме выход для своих проблем. Но я думаю, что главное — это социальные проблемы. Если люди живут в бедном районе, если там царят наркомания, воровство и так далее, это очень опасно. Надо сначала решать социальные и культурные проблемы. Надо дать молодежи возможность выбрать свой путь.

М. Шевченко. Я хотел бы затронуть один аспект взаимодействия ислама и немусульманского общества. Чем больше я занимаюсь этими исследованиями, тем больше подвергаю сомнению так называемый цивилизационный подход к исследованию этих взаимоотношений. Мне кажется, что описание христианства или ислама только в рамках цивилизационных категорий не соответствует сегодняшнему видению того, что на самом деле существует в мире.

Обращусь к примеру Европы. Ведь ислам представлен в Европе, как и в России, не только этническими мусульманами. За сегодняшним столом присутствуют люди, не происходящие из этнических мусульманских этносов, но являющиеся мусульманами. В Европе это гораздо более заметно. Мы знаем, что в Парламенте Великобритании, в Палате Лордов и Палате Общин, есть мусульмане — этнические шотландцы и этнические англичане. Колоссальное движение французов, принявших ислам, существует во Франции. Немцы прекрасно знают о том, какая ситуация складывается в Германии, — большое количество немецких женщин, которые полюбили и вышли замуж за граждан ФРГ турецкого происхождения. Дети от этих браков являются уже коренными гражданами ФРГ, практически натурализованными европейцами. Вместе с тем они являются мусульманами. Ислам принимают также европейцы-интеллектуалы. Складывается особая ситуация, когда существует интеллектуальная прослойка, не связанная корнями с исламской цивилизацией, но являющаяся по своему мировоззрению мусульманской. Я приведу еще один пример: Роже Гароди, второй человек во французской ком-

партии, принял ислам в 1969 году и был ярким примером конфликта, который существует между интеллектуальным неэтническим исламом и исламской цивилизацией. Муфтий Саудовской Аравии сказал по поводу Гароди: "Был еретиком, остался еретиком и умрет еретиком". Но вместе с тем в Германии около 170 тысяч этнических немцев, которые являются мусульманами. Во Франции эта цифра, наверное, еще больше. В Англии она еще больше. Мы видим, какую позицию заняли европейские левые, европейские либералы, являющиеся достаточно серьезной общественной силой, во время начала бомбардировок Афганистана. В Лондоне была огромная демонстрация, которую сначала замалчивали перепуганные средства массовой информации. Даже "Би Би Си" не давала об этом открытую информацию. Около 120 тысяч человек вышли на улицы Лондона. И немусульмане совершали символический намаз в знак поддержки мусульман в их противостоянии США.

Обсуждать современный ислам в Европе только в терминах этнических, только в терминах цивилизационного диалога, а уж тем более в терминах клерикального диалога между епископами, муфтиями и раввинами, мне кажется, не имеет больше такого смысла, как это было во времена монархий и во времена империй. Я был на десятках межрелигиозных конгрессов, где обсуждалась вся эта проблематика, принимались прекрасные документы. Никто из простых верующих не принимал во внимание мнение клерикального духовенства.

Ислам становится решительной интеллектуальной силой, которая заявляет свои права на новом интеллектуальном пространстве. Рискну предсказать, что этот неэтнический интеллектуальный ислам Гароди, Генона станет одним из факторов возрождения левого движения в Европе в ближайшие 10—20 лет. Я думаю, что война в Азии, которую американцы хотят развязать, приведет к интеллектуализации европейского ислама, к расширению сфер его влияния в интеллектуальных левых кругах европейцев

и к появлению совершенно нового фактора социального революционного движения.

Ш.-С. Уревич. Когда я слышу фамилию Гароди, мне становится очень неприятно. И я вам скажу почему. Надо знать факты. Гароди был католиком, потом стал сталинистом, в конце своей жизни — мусульманином. Это его личное дело. Человек может выбирать свой путь. Но Гароди всегда был догматиком. У нас никто не простит ему того, что он отрицает факт еврейского геноцида.

Вы говорите о левых. Я тоже скорее левого толка. А вы знаете, что такое совершить намаз? Вам это и не снилось. Быть против войны в Афганистане — это одно. Но у вас неточное представление о левых, о тех, которые являются демократами. Они могут быть солидарны с афганским народом. Но не надо представлять все так, что идет повсеместная исламизация. Мы эти два дня говорили о сложности ислама и исламско-христианских отношений. Я думаю, все гораздо сложнее, чем вы представляете.

Б. Тибби. У меня три примечания. Буду краток по поводу доклада Шарля Уревича. То, что он рекомендует в отношении Франции, подходит и для России. Не ислам в России, а российский ислам. Это означает, что ислам становится местным. Я познакомился с исламом в Африке. Там не ислам в Африке, а африканский ислам, то есть ислам не чужд для Африки.

Второе примечание для данной конференции. Будучи мусульманином, я живу в Германии. У нас много проблем. Одна из наиболее крупных — конвертиты. Гароди, например, конвертит. Подобные конвертиты есть в Германии, и они нас учат, то есть пытаются выступать нашим рупором. И это можно прокомментировать лишь одним словом: "стыдно", "стыдно", "стыдно".

Один докладчик говорил, что нет конфликта в области права. Я в течение последних 20 лет работаю над этим и происхожу из семейства, в котором мои предки с XIII по XIX век были исламскими правоведами. Существуют конфликт между западной и исламской цивилизациями и

конфликт внутри исламской цивилизации. Внутри ислама, в арабском и турецком языках, право имеет два значения. И в фарси право может означать шариат или канун как позитивное право. Шариат — это посткоранское право. Я вчера в своем докладе говорил о том, что слово "шариат" один-единственный раз встречается в Коране, и то не в смысле права. Это было позже сконструировано, в VIII веке. Есть пять исламских государств, которые применяют исламское право, то есть шариат: Саудовская Аравия, Судан, Иран, Афганистан и Пакистан, и именно здесь наблюдаются сплошные нарушения прав человека.

Последнее замечание — главное обоснование исламскими фундаменталистами своей оппозиции существующим исламским режимам заключается в том, что данные страны не применяют шариат. Я это знаю на примерах Египта, Алжира, Марокко. Даже в Марокко король — исламский авторитет, но нет шариата. Исламские фундаменталисты хотят его ввести. Таким образом, существует конфликт между кануном и шариатом, и он порой бывает кровавым.

А. Лакшин, российский раввинат.

Вопрос связан с замечанием господина Картунова о том, что западные страны, если они не желают поделиться накопленными богатствами, должны примириться с тем, что исламский экстремизм будет существовать еще достаточно длительное время. Прозвучало еще подобное замечание Г. Джемалю, что ислам в каком-то смысле воспринимается как представитель бедных, угнетенных наций, и так далее. В связи с этим мой вопрос: не считаете ли Вы, что такая позиция, если ее принять и следовать ей, фактически явится экономическим вознаграждением тому самому экстремизму, с которым цивилизованное человечество призвано бороться? И если мы говорим, что единственный способ — отдать деньги, откупиться, то тем самым не поощряем ли мы фактически подобные экстремистские деяния? Мне хотелось бы знать Ваше мнение как политика.

С.В. Кортунюв. Спасибо за интересный вопрос. Мне кажется, здесь и российская политика, и политика западных стран совпадают. Безусловно, наглый вызов нового варварства не может оставаться безнаказанным. На то и создана была антитеррористическая коалиция на широкой международной, по существу консенсусной, основе, чтобы это варварство покарать, в том числе и с помощью военной силы.

Однако одна лишь военная сила не является панацеей для решения проблемы международного терроризма, который — так получилось (мы обсуждали это вчера) — оказался связанным с исламским экстремизмом. Были представлены достаточно убедительные объяснения, почему это произошло. Военная операция антитеррористической коалиции — это лишь начало пути решения этой проблемы. Должно быть понятно: какую бы военную силу мы ни применяли, сколько бы ни бомбили — это будет лишь борьба против следствия болезни. А нужно лечить корни болезни, ее причины. Причины же (здесь я абсолютно согласен с нашими выдающимися исламоведами, в частности с Г. Джемалем) состоят прежде всего в существовании социальной несправедливости в нашем мире. Поэтому наряду с решительными действиями, в том числе военно-силовыми, необходима широкая социальная позитивная программа, ориентированная на борьбу с бедностью, болезнями и так далее. Даже если такая программа будет просто заявлена и будет продемонстрирована политическая воля для ее формирования и проведения в жизнь, она станет большим вкладом в решение проблемы в широком смысле слова, то есть в лечение самой болезни и ее причин, а не симптомов этой болезни.

Г. Джемаль. После первого шока 11 сентября постепенно стало ясно, что организаторы акции на Манхэттене находятся не в исламском мире, а на Западе. И это была гигантская провокация (которую многие назвали "операцией поджога рейхстага номер два") для развязывания военных акций против "нового варварства". Почему сегодня рос-

сийская политическая мысль стыдливо не замечает "заячьи уши" американских и западных спецслужб, которые торчат за двумя исчезнувшими башнями Торгового центра? Это вопрос к С.В. Кортуну.

С.В. Кортун. Действительно, существует такая версия, что теракты 11 сентября 2001 года были организованы американскими спецслужбами. Эта версия имеет право на существование, но она не доказана. Мы можем здесь заниматься политическими спекуляциями, но, наверное, это не предмет для серьезной дискуссии, пока не будут предъявлены правовые доказательства причастности западных, в частности американских, спецслужб к этим акциям.

М. Шевченко. Хотел бы сказать, что скоро на русском языке выходит книга Т. Исана, которая поразила Европу в прошлом году, и там он достаточно интересно исследует взрывы, по крайней мере внутри Пентагона. Это стоит прочитать.

В.М. Соловьев. Весной прошлого года в Сараево по инициативе Фонда имени Конрада Аденауэра состоялась интересная встреча представителей ряда народов, населяющих Балканский полуостров, а также России, Германии, США, на которой обсуждалась ситуация на Балканах. Эта встреча была своевременной и имела большой политический резонанс. Международное сообщество обратило тогда внимание на опасность того, что разворачивалось в Македонии. В результате благодаря усилиям в первую очередь европейского сообщества, и России в том числе, конфликт, который мог разгореться в Македонии, был погашен в самом его начале.

Сегодня мы говорим о том, что случилось 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, но напрочь забыли о том, что произошло в начале 90-х годов на Балканском полуострове. В 1998—2001 годах мне довелось работать политическим директором миссии ОБСЕ в Боснии и Герцеговине и видеть многое воочию. Война на Балканах не только сопровождала развал процветавшего федеративного соци-

алистического государства, но одновременно означала кризис авторитаризма в этой части Европы.

Война там, однако, началась с разрушения религиозных святынь. Интересно отметить, что в Сараево, мусульманском центре Балканского полуострова, на площади, по периметру в 200 метров, расположены три центральных храма — католический, православный и мечеть. Десятилетиями они мирно уживались в одном районе. Тем не менее сам по себе этот факт не помешал развязать братоубийственную войну. То, что произошло на Балканах, должно стать предметом углубленного анализа аналитиков и исследователей, в первую очередь в Европе. Суд над виновниками трагедии, ныне заседающий в Гааге, на мой взгляд, не выполняет полностью своего предназначения, поскольку виновниками того, что произошло тогда на Балканах, в полном смысле этого слова является в том числе и политическая элита (и не только "Большой Югославии", но и европейская), которая позволила руководящим деятелям бывших союзных республик развязать братоубийственный конфликт на этнической основе.

Было бы уместным еще раз подумать о возможности нового, теперь уже межконфессионального диалога в Сараево, но с учетом всего того, что произошло в последнее время и в Европе, и в мире. С приглашением не только присутствующих сегодня за этим столом участников встречи, но и представителей политической элиты из региона Южной Европы. Не стоит забывать, что исторически Балканы — это источник не только европейских, но и мировых бед.

М. Ингенлат. Большое спасибо за замечание, вытекающее из опыта другой части Европы, которое примыкает к мысли о совместной жизни разных религий. Вы уже создали хороший переход к следующей заключительной теме — "Ислам в контексте цивилизаций и культур". Дорога нас приводит обратно к вопросу о том, как другие религии воспринимают ислам. И в этой связи я рад открыть последнюю сессию выступлениями представителей двух

других монотеистических мировых религий. Во-первых, это отец Арий Рект Кроллиус из Папского грегорианского университета. Он декан факультета миссионерских наук. Затем выступит Александр Лакшин из московского раввината. Я очень рад, что здесь представлен московский раввинат, или, точнее, Главный раввинат России. Следующим, как предусмотрено в программе, будет выступление господина Саубянова. Он — представитель Совета муфтиев России. И в заключение выступит Тарас Черниенко, который изложит практическое видение ситуации исламскими предпринимателями.

А.Р. Кроллиус. Сейчас нет времени для обмена комплиментами между христианством и исламом и для бесполезных разговоров. Конфликт между ними замечен многочисленными обозревателями, а также некоторыми политическими деятелями. И этот конфликт может привести к ужасной катастрофе. Я изучал ислам в различных исламских университетах. И понял, что диалог между исламом и христианством невозможен без участия евреев. В этой связи я бы употребил безобразный термин "триалог". Но именно он отражает то, о чем я хочу сказать. Мы не можем также исключить из этого триалога и остальную часть человечества, которая не верит в Бога вообще.

Я сделаю несколько комментариев. Первое. Когда встречаются мусульмане и христиане, встречаются человеческие существа. Это абсолютно ясно. Прежде того, что мы — сторонники той или иной религии, мы — сыновья и дочери наших родителей. А человеческие существа имеют в качестве общей основы не только воздух, которым они дышат и не только землю, по которой они ходят. Они также идут в направлении конечного пункта своего предназначения, о котором они знают очень мало. Некоторые при этом не имеют, а другие имеют веру в общую судьбу и в универсальное братство. Человеческие существа способны познавать Истину и Красоту. Они ищут Истину и Красоту в сотрудничестве с другими человеческими суще-

ствами. Этот поиск происходит в различных ситуациях, а также в общностях, творимых дружбой и любовью.

Гуманизм, как он понимается в иудейско-христианской и мусульманской традициях, утверждает уникальность и незаменимость каждой отдельной человеческой личности. Это утверждение может быть забыто или ложно интерпретировано. Но каждая человеческая личность должна относиться с глубоким уважением к другой человеческой личности. Мерилом этого является божественность. Каждая личность имеет также мистическое измерение — измерение божественной тайны.

Поэтому мой первый комментарий состоит в следующем. Необходимо выработать общее согласие относительно веры в подлинно персоналистический гуманизм в качестве фундаментальной основы для диалога между христианами, мусульманами и иудеями. Только это может открыть перспективу для прорыва в этом направлении. Это также позволит положить конец тому, чтобы мыслить в терминах религии или социальных систем, и наладить диалог в первую очередь между человеческими личностями.

Второе. Родившись на этой земле, мы живем в мировой истории. Когда встречаются христиане и мусульмане, они встречаются не как изолированные индивиды, а как человеческие личности, живущие в живой истории. И эта история происходит в конкретном месте. По крайней мере это ясно с тех пор, как история стала документироваться. И мы стараемся определить нашу идентичность, выявляя наши исторические корни. Это позволяет нам ответить на вопрос, кто же мы такие. Об этом писал известный поэт Рильке, который говорил, что для того, чтобы определить, кто мы такие, мы должны посмотреть назад, причем таким образом, как если бы мы хотели жить в прошлом как в настоящем. История нас ведет к определенной цели, хотим мы того или нет. Различные истории различных человеческих общностей могут сталкиваться между собой, они могут оставаться чуждыми друг другу. И поэтому встреча человеческих личностей означает также совместное про-

чтение истории своих народов. Истории разных народов взаимообогащали друг друга, но бывали и периоды, когда мы хотели уничтожить друг друга. И поэтому мы нуждаемся в очищении нашей памяти и познании истории глазами другого народа.

Западное христианство и ислам имеют огромную историю взаимодействия и противодействия. Между двумя символически важными годами — 732 годом и 1683 годом — пролегает огромная история плодотворного взаимодействия и большого количества конфликтов. В первую очередь это касается трагических столетий Крестовых походов — трагических для мусульман, для христиан, для евреев, для христиан на Западе и для христиан на Востоке.

Что касается плодотворного взаимодействия, то оно происходило в некоторых странах Средиземноморья. Некоторые периоды истории взаимодействия были счастливыми и мирными. В ходе одной из конференций, которую мы проводили с участием христиан, мусульман и евреев в Ганновере несколько лет назад, мы приняли решение переписать исторические книги в ряде стран. И мы уже продвинулись в этом направлении.

Третье. Значение культурного компонента. Человеческая личность находит свою идентичность через культуру. В Западной Европе, колыбели модернизма, исламские и христианские исследователи совместно с иудеями и гуманистами подготовили эпоху модерна. Сейчас это цивилизация, которая распространяется по всему миру. Злая ирония состоит в том, что несколько направлений этого модернизма, которые были продекларированы христианами и мусульманами, в настоящий момент находятся во взаимной конфронтации. Можно сказать, что мера секуляризма, свободы мысли, равных прав независимо от пола и вероисповедания предопределяет серьезные конфликты между различными людьми и общественными группами, принадлежащими к различным религиозным традициям. Западные христиане должны понять, что мусульманский мир принадлежит в первую очередь странам, где более

сильна роль традиций. Следует отметить, что эти конфликты различных культур проявляются также в семьях и других человеческих институтах.

Четвертое. Значение социального фактора. Форма общества является продуктом истории и культуры народа. В целях выживания среди других обществ то или иное общество должно бороться и строить должный баланс между защитой своей традиции и открытостью для других культур и цивилизаций, между сохранением старых ценностей и экспериментированием с новыми ценностями, между консерватизмом и творческим подходом. Чрезмерное усердие в сохранении традиции смертельно для существования того или иного общества. Столь же смертельна полная открытость без каких бы то ни было правил и ограничений.

Пятое. Когда встречаются люди различных обществ, взаимопроникновение правовых культур может породить новое общество или эти правовые культуры могут вступить в конфронтацию. Поэтому формирование новой правовой системы должно следовать за практикой совместного проживания этих обществ. Каждодневный эксперимент практической жизни должен предшествовать академическим дискуссиям. Для различных правительственных учреждений порой бывает трудно распознать существо вопроса. И тогда возрастает напряженность между большинством общества и меньшинством, автохтонным населением и эмигрантами. Это может привести к различным формам конфликтов. Некоторые страны Западной Европы столкнулись с этой проблемой. Внутренняя политика этих стран определяется этими вопросами, и решение весьма трудно найти. Можно сказать, что единственная наша надежда — это происходящая демократизация, которая будет адаптировать эти общества к новой ситуации и гарантировать выживание всех людей, вовлеченных в этот процесс.

Шестое. Роль религии. Мы пока мало говорили о религии, поскольку это отражает католический подход. В католической мысли есть сильная традиция опираться на

рациональное мышление. Для творчества, для природы, для определения идентичности человеческих существ — таковых, какие они есть. Когда встречаются католики и мусульмане, их религии выполняют функцию исторической, социальной, а также культурной идентичности. Разрешите мне очень коротко упомянуть четыре причины, по которым религия может позитивно влиять на этот диалог.

Религия может быть мотивом для такого рода встреч между мусульманами и католиками и напоминать в ходе этих встреч об общности человечества.

Религия также может быть источником силы, когда встречаются люди различных групп и вероисповеданий и между ними возникают разногласия, поскольку и ислам, и христианство (и не только они) учат ценности надежды.

И ислам, и христианство, а также другие религии, учат необходимости взаимной терпимости как пути подражания Богу, который относится терпимо к человеку.

Религия может стимулировать усилия христиан и мусульман в деле познания и понимания друг друга, поскольку обе религии проповедуют одни и те же ценности или же ценности, весьма близкие друг другу.

Позвольте мне перед тем, как я завершу это короткое выступление, сказать, что на втором Ватиканском совете, было высказано отношение католической церкви к мусульманам. В частности, в документах этого совета говорится, что христианство и ислам утверждают одного и того же Бога, милостивого и всемогущего, Создателя земли и небес, обращающегося к человеку и дающего ему Откровение. Хотя мусульмане не признают Христа в качестве Бога, они признают его в качестве пророка. Они также признают непорочную деву Марию. Они признают также день Страшного Суда, когда Бог каждому воздаст по заслугам. Следовательно, они разделяют все основные ценности христианства. Зная о трагических конфликтах между мусульманами и христианами, католическая церковь призывает забыть прошлое и предпринять все усилия для формирования подлинного взаимопонимания. От имени

всего человечества церковь, ведомая идеей спасения и общего блага, призывает людей стремиться к установлению социальной справедливости, моральных ценностей, мира и свободы.

Седьмое. Я хочу завершить выступление, упомянув пять небольших вопросов, которые возникают в ходе встреч между христианами и мусульманами.

После 60-х годов произошло огромное количество встреч в рамках диалога религий между христианами и мусульманами с целью выяснения отношений между ними в наиболее важных столицах мусульманского мира — в Каире, Ливии, Стамбуле, Джакарте, Касабланке, Тегеране и других. В ходе этих встреч мусульмане и христиане провели многочасовые беседы друг с другом, что способствовало взаимопониманию и примирению.

В последнее время Папа Иоанн Павел II призывал в Асизи христиан и мусульман вместе с другими, в частности в ходе Балканской войны, к совместным проповедям и молитвам в пользу мира. Это было понятно мусульманам, которые также молятся за мир.

Существует совместный Международный исламо-католический совет, созданный для обсуждения социальных и политических проблем.

Происходят встречи и взаимодействие между мусульманами и католиками на локальном уровне.

В специальном академическом исследовании, подготовленном нашим университетом совместно с другими университетами, мы разработали механизм обмена между профессурой и студентами для обучения людей межконфессиональному диалогу. В нашем университете мы имеем профессуру и студентов из Турции, Индонезии, Нигерии. Наша цель — обучить молодых мужчин и женщин искусству диалога между различными религиями, культурами и цивилизациями. К сожалению, в этом отношении многие из нас находятся еще в каменном веке. Этот диалог лишь только начинается. Мы должны учиться и учиться тому, как сделать этот диалог плодотворным для тех, кто при-

нимает в нем участие, а также для людей всей нашей планеты.

С. Маркус. Прежде всего позвольте поблагодарить за приглашение российских мусульман принять участие в диалоге в Асизи. Наш шейх Газизулин принимал в нем участие.

Вопрос мой следующий. Сопредседатель Союза мусульман, муфтий Татарстана Гусман Исхаков пригласил Папу Римского посетить Казань. Каков был ответ Папы?

А.Р. Кроллаус. Единственное желание Папы состоит в том, чтобы путешествовать во все страны мира в течение 362 дней в году. В настоящий момент он, однако, подчиняется воле семи различных врачей. Они сохраняют его здоровье в более или менее хорошем состоянии. Но он не очень крепок в эти дни. Поэтому, даже если он захочет куда-то поехать, врачи скажут: "Вы останетесь здесь". И они оставят его в Риме. Но кто знает? Папа планирует посетить еще Филиппины, Китай. Но самая его заветная мечта — это посетить Россию.

М. Шевченко. Это будет возможно лишь в том случае, если его пригласит непосредственно Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II.

А. Лакшип. Прежде всего от имени главного раввина России Бер Лазара, которого я имею честь здесь представлять, хочу поблагодарить за приглашение участвовать в этой конференции. То, что я увидел и услышал здесь, тот характер открытого и откровенного обсуждения острых проблем, заставили меня отказаться от первоначально намеченного плана ограничиться протокольным приветствием, но в духе этой конференции сосредоточиться на существующих проблемах. По образному выражению, конференция — это когда собираются поговорить о том, что нужно было сделать еще вчера. В этом плане наша конференция, наверное, не является исключением, но давайте хотя бы сегодня и завтра попробуем сделать то, что нужно было сделать вчера.

Не являясь экспертом в области ислама, я в своем сообщении сосредоточусь более на отношении иудаизма к исламу и на некоторых аспектах взаимодействия последователей этих двух мировых религий. Иудаизм не выделяет последователей ислама из числа последователей других существующих в мире религий. Нет никакого специального предпочтения или, наоборот, дискриминации этих людей. С точки зрения иудаизма любой человек способен достичь совершенства, праведности и близости к Всевышнему, исполняя семь базовых законов сыновей Ноевых. Все человечество происходит согласно вере — и иудаизму, и христианству, и исламу — от Ноя и его потомков. Эти семь заповедей включают шесть запретов и одно предписание. Запреты богохульства, идолопоклонства, убийства, пролития невинной крови, воровства, прелюбодеяния (понимая его как инцест или некие запрещенные связи), жестокого отношения к животным. И предписание — это установление системы справедливого суда. Любое нееврейское общество, которое следует этим семи законам, а также любой индивидуум из числа не евреев, следующий этим семи законам, рассматривается как праведник. Насколько мне известно, в исламской религии существуют упомянутые шесть запретов и система суда, система справедливого судопроизводства. Совпадает ли эта система с представлениями европейской цивилизации о том, каким должен быть суд, какими должны быть награда, наказание, обвинение, оправдание или нет, в данном случае несущественно. Мы, безусловно, признаем право за каждой религией, каждым народом, каждой цивилизацией вводить свои критерии, по которым осуществляется суд. Это очень важный момент, потому что зачастую суждения представителей западной цивилизации о справедливости того или иного вердикта мусульманских судов базируются не на исламском праве, а на том, насколько этот вердикт соответствует представлениям европейской морали. В иудаизме такого подхода нет.

Очевидны общие корни ислама и иудаизма. Очевидно и то, что на протяжении многих и многих веков евреи жили, действовали, творили в окружении исламского мира. В качестве несколько парадоксального утверждения рискну сказать, что у евреев нет исторической памяти. У нас есть просто память. Для нас события, происшедшие тысячу, две тысячи, три тысячи лет назад, так же актуальны, как если бы они произошли вчера. И поэтому мы, безусловно, помним и ценим, что многие евреи, жившие в исламском мире, внесли огромный вклад не только в развитие иудаизма, но и в развитие общемировой цивилизации. Достаточно привести здесь всемирно известные имена, такие как Рамбам, который большую часть своих трудов написал в Египте, Галеви и другие представители "золотого века" еврейской культуры в Испании, которые жили как раз в период исламского правления страной. Р. Гаон — выдающийся кодификатор еврейского закона, живший в Вавилоне, на территории современного Ирака. Можно сказать, что в период, когда евреи подвергались гонениям и притеснениям в христианских странах Европы (и это тоже часть истории, которую не вычеркнешь), они находили убежище в исламских странах. Тому пример — исламская часть Испании, Египет, Турция и многие другие страны.

Поскольку, как я уже говорил, для нас события, происшедшие тысячу лет назад, так же актуальны, как происшедшие 50 лет назад, то, смотря на вещи в их перспективе, мы не можем позволить событиям, происходящим на Ближнем Востоке в течение последних 100 лет, затмить собой, зачеркнуть то, что происходило на протяжении многих и многих веков. Здесь часто звучал термин "религиозный экстремизм" применительно к исламу. В определенных контекстах он используется и применительно к последователям христианства и применительно к последователям иудаизма и других религий. Я считаю, что религиозного экстремизма как такового нет. Существует политический экстремизм, использующий религию или прикрывающийся религиозными лозунгами. Я бы очень

хотел, чтобы подобный подход был рассмотрен политиками, которые очень любят говорить о религиозном экстремизме.

Россия как место, как территория, на которой столетиями жили и последователи иудаизма, и последователи ислама, дает, на мой взгляд, в современном мире весьма позитивный пример уважительного, мирного, спокойного сосуществования приверженцев этих мировых религий. В традиционно мусульманских районах России... Северный Кавказ как горячая политическая точка не должен рассматриваться в этом контексте. В других традиционно мусульманских районах России количество антисемитских эксцессов меньше, чем в иных регионах мира. И этот факт тоже должен получить должную оценку. Дербент — положительный пример сосуществования разных религий, и в этом плане руководство Дагестана заслуживает самой высокой оценки.

В выступлении Л. Сюкияйнена прозвучала верная оценка общих черт иудаизма и ислама. И иудаизм, и ислам — это не религии, это скорее образ жизни. Поэтому крайне высока роль, а вместе с ней и ответственность, религиозных лидеров. Мы хотели бы услышать из уст высокопоставленных представителей ислама, имеющих право на толкование исламского закона и исламского учения, разъяснение тех мест Корана, тех сунн из жизни пророка Мухаммеда, которые говорят о евреях. Их современное толкование, их современную оценку. Не секрет, что некоторые из этих мест сейчас интерпретируются, мягко говоря, во враждебном плане для того, чтобы получить возможность соответствующего политического использования и продолжения.

Проблема использования религии в целях политического экстремизма возникла не 11 сентября 2001 года, а раньше. То, что произошло год с небольшим назад, дало, может быть, новый импульс как идее "враждебности" цивилизаций, так и позитивному диалогу между ними. Хотелось бы, чтобы второй импульс оказался сильнее и

был в полной мере использован и политиками, и религиозными лидерами.

Говоря о взаимодействии иудаизма и ислама в современном мире, нельзя обойти ситуацию, существующую в Израиле и на Ближнем Востоке в целом. Не секрет, что практически 100 процентов евреев России поддерживают государство Израиль и видят в нем, в его существовании, основу безопасности евреев во всем мире. Они видят в существовании государства Израиль именно на той территории, на библейской территории, реализацию библейских пророчеств, реализацию того права на эту землю, которое евреи считают богоданным. Кроме того, сейчас у подавляющего большинства российских евреев есть прямые семейные связи с евреями Израиля. Поэтому для нас очень важно, чтобы на этой земле был мир, чтобы были реализованы и услышаны те призывы отцов-основателей государства Израиль, с которыми они обращались еще в 1948 году к представителям арабского населения.

Как я говорил в начале своего выступления, с нашей точки зрения, нет религиозных препятствий для мирного сосуществования на одной земле, в рамках одного государства последователей иудаизма и ислама. Безусловно, мы ждем и принципиальной оценки действий террористов, которые сейчас взрывают себя, унося с собой сотни жизней мирных людей, не только военных, но и стариков, женщин, детей, младенцев. Мы ждем принципиальной оценки со стороны деятелей исламской религии этих действий, равно как и того, что эти люди используют религиозные лозунги для оправдания своих действий.

В заключение я хотел бы сказать, что конференции, подобные этой, где идет откровенный разговор, крайне важны для понимания любых религиозно-политических процессов современности, в том числе и происходящих в исламе. В России есть немало организаций и форумов для межрелигиозного диалога. Хотелось бы, чтобы в рамках этих форумов, в том числе в рамках Межрелигиозного совета при Президенте Российской Федерации были со-

зданы либо постоянно действующие, либо периодически созываемые экспертные группы представителей различных религий, подчеркиваю, имеющих право толкования своих законов, для того чтобы дать не только оценку существующих событий, не только анализ исторических корней взаимоотношения религий, но и какие-то прогнозы и рекомендации. А со стороны политиков, со стороны государственного руководства мы, наверное, вправе ожидать поддержки и предоставления средств для того, чтобы эти решения и эти рекомендации были доведены до сведения рядовых последователей религий. И тогда, наверное, не будет того диссонанса, о котором говорил Л.Р. Сюкияйнен, когда заявления религиозных лидеров — сами по себе, а действия последователей, рядовых верующих — тоже сами по себе.

Г. Джемаль. Как мог бы господин Лакшин прокомментировать то, что ортодоксальное раввинистическое движение, в том числе и в самом Израиле, рассматривает политический сионизм как нелегитимный? И не является ли с точки зрения традиционного ортодоксального иудаизма, самих основателей политического сионизма, агностиков, не имеющих отношения к библейскому обетованию, создание государства Израиль чисто конъюнктурным?

А. Лакшин. В современном еврейском мире, точнее в современном иудаизме, существует три точки зрения на воссоздание еврейского государства Израиль, происшедшее в 1948 году. Одна точка зрения, что оно является реализацией мессианских пророчеств и первым этапом прихода мессии. Это точка зрения религиозного сионизма, представленная так называемой современной ортодоксией и целым рядом религиозно-сионистских партий в Израиле. Третья (я сознательно пропускаю вторую) точка зрения — это озвученная здесь, которой придерживается небольшая группа последователей Натурей Карта в самом Израиле и несколько хасидских течений, в частности сатморские хасиды, за пределами Израиля. Они полагают, что происходящее там преждевременно, поскольку воссоздана должна

быть еврейская государственность на территории Израиля только после прихода мессии. Третьей точки зрения придерживался, в частности, любавичский ребе. Третьей точки зрения придерживается большинство ортодоксальных евреев в современном мире. Мы рассматриваем создание государства Израиль на исторической территории, обещанной Авраамом Исааку и Якову, праотцам еврейского народа, как безусловно позитивное явление. Мы рассматриваем право евреев на возвращение на землю Израиля как безусловное право евреев, независимо от того, где бы они ни жили. И вместе с тем считаем, что Израиль должен быть построен как демократическое, в современном понимании этого слова, государство, на территории которого могут и должны мирно уживаться представители различных религий. Что касается заявлений со стороны Натурей Карта, они представляют абсолютное меньшинство и еврейского народа, и ортодоксальных евреев.

М. Шевченко. Каждая из поднимаемых тем настолько глубока и интересна, что я был бы сторонником проведения отдельного семинара по иудейско-исламскому диалогу.

У меня вопрос. Семь базовых законов сыновей Ноя, которые вы процитировали, — это хасидская точка зрения или точка зрения ортодоксального иудаизма?

А. Лакшин. Нужно разрядить такой серьезный диалог шутивным определением. Говорят, всякая селедка рыба, но не всякая рыба — селедка. Все хасиды — ортодоксы, но не все ортодоксы — хасиды. Хасидизм является частью ортодоксального иудаизма. Эта точка зрения на семь законов сыновей Ноевых является общепринятой в иудаизме.

С.В. Кортунов. Здесь поднимался вопрос о том, что такое ислам — религия или образ жизни. Этот вопрос имеет прямое отношение к расхождению между культовой и светской сторонами ислама, в частности, на территории России. Есть ислам — религия и ислам — образ жизни, ислам — религия и ислам — государство. На этот счет есть серьезные исследования наших специалистов, и в

частности, принимающего участие в нашей конференции Л.Р. Сюкияйнена. Позволю себе кратко изложить подход этих специалистов.

Низкий уровень культуры современных российских мусульман, сложившийся в том числе и в результате изоляции российского ислама, его оторванности от современной исламской цивилизации, отставания от достижений духовной культуры, привел к тому, что ислам — образ жизни оказался в России крайне неразвит. В результате нынешнее "возрождение ислама" в России ограничивается религиозно-культурной стороной, а на уровне образа жизни преобладают по-прежнему архаичные формы бытия и отсталая культура. Истинное возрождение ислама достигается иными путями и требует значительно больших усилий. В России, к сожалению, еще и в помине нет той исламской культуры, которая типична для наиболее развитых исламских стран.

Сложился своего рода парадокс. По части включения ислама в политику Россия опережает другие страны мира. Например, в России допускается образование политических ассоциаций по религиозному признаку (из арабских стран это возможно лишь в Алжире, да и то со значительными оговорками). В России, например, в составе Государственной Думы действует политическая фракция Союз мусульман России. Помимо всего прочего такое положение способствует радикализму и экстремизму, замешанному на исламе.

Подлинным мусульмане должны не только совершать обряды, но и мыслить по-исламски, подходить к решению своих проблем — политических, социальных, экономических, личных, морально-этических — в соответствии с нормами ислама, в том числе и с учетом мировых исламских стандартов и на основе взаимодействия с иными культурами. Таким образом, главная проблема российского ислама лежит не в области культа (ибадат), а в сфере мирских взаимоотношений (мамалад), в сфере светского ислама. Не случайно мусульманское право считается стоящим не только вне политики, но и над ней, что в целом соответствует

сущности российского правосознания, ставящего морально-этические нормы выше чисто юридических. Наполнение мирской политической жизни нравственными ценностями, началами умеренности, взвешенности, терпимости — вот путь истинного ислама. Но до этого в России еще далеко. Ничего этого у нас не происходит. Более того, говорить о вкладе ислама в этот мирской политической процесс не приходится, равно как нельзя рассчитывать на ислам в России как на позитивную силу, стоящую вне политики.

Таким образом, можно говорить, что в России на данном этапе сложился лишь "политический ислам", который в ряде случаев тесно связан с национальным фактором, а то и с национализмом. Это, однако, не политизация ислама, а, скорее, исламизация политики, то есть использование ислама в политических целях, весьма далеких от исламских целей и ценностей. Иногда этот процесс, связанный также с низким уровнем исламской культуры в России, приводит прямо-таки к вульгаризации самого ислама. Таким образом, политизация пока явно опережает распространение настоящей исламской культуры.

Х. Саубьянов, руководитель аппарата Совета муфтиев России.

Разрешите мне от имени Совета муфтиев России, муфтия, шейха Р. Гайнутдина приветствовать вас традиционным мусульманским приветствием с пожеланием мира и милости Всевышнего, поблагодарить организаторов этого форума, и в частности представителей Фонда имени Конрада Аденауэра за предоставленную возможность принять участие в работе этой конференции и высказать точку зрения Совета муфтиев по такой важной проблеме, как ислам в контексте диалога цивилизаций, среди столь представительной аудитории, где, безусловно, имеются и видные ученые, общественные деятели, представители средств массовой информации, представители государственных структур, а также духовенства различных конфессий.

Тему своего выступления я обозначил как "Государственно-исламские отношения в рамках немусульманского

общества". Мне хотелось бы на примере повседневной деятельности Совета муфтиев России кратко обозначить взаимоотношения Совета муфтиев, российских мусульман с государственными институтами власти и обществом в целом.

Предваряя свое сообщение, мне хотелось бы сказать несколько слов о Совете муфтиев как таковом, о его роли в мусульманском российском сообществе, его значении в современных государственно-исламских отношениях. С созданием в марте 1996 года Совета муфтиев России, одними из главных учредителей которого выступили Духовное управление мусульман Европейской части России и Республика Татарстан, произошло заметное оживление духовно-религиозной жизни российских мусульман. Одной из главных задач Совета муфтиев является привнесение в российско-мусульманское сообщество духовно-нравственных ценностей просвещенного цивилизованного ислама, не зашоренного средневековым невежественным фанатизмом, а также реализация принципа равноправия всех традиционных российских религий, соблюдение конституционных прав и защита интересов российских мусульман.

Совет муфтиев России является координирующим религиозно-консультативным органом, под эгидой которого добровольно объединились представители региональных и республиканских духовных управлений Поволжья (Татарстана, Башкортостана, Чувашии, Мордовии), республик Северного Кавказа и Юга России (Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Дагестана, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Ставропольского, Краснодарского краев, Астраханской области) и областей Центрального района России, а также Сибири и Дальнего Востока. Всего в состав Совета муфтиев России входят мусульманские религиозные объединения более 70 субъектов Российской Федерации. По данным социологического опроса и аналитических исследований независимых экспертов, Совет муфтиев России пользуется огромным авторитетом и поддержкой большинства мусульманских религиозных объединений респуб-

лик, а также большинства рядовых мусульман. Совет муфтиев России считает своим приоритетом сплочение мусульманских религиозных организаций Российской Федерации в совместном решении наиболее актуальных и важных проблем мусульманского сообщества России, разработку единой и конструктивной общественно значимой позиции мусульман по важнейшим вопросам общественно-политической жизни и мирового сообщества.

Сегодня ислам в России занимает второе место после православия по числу своих последователей. По разным источникам, численность мусульман в России достигает сегодня более 20 миллионов человек. Из них около 1 миллиона проживают в столице Российской Федерации — Москве. В годы советской власти официальные власти старались не выделять значение в обществе последователей различных религий, выдвигая идею создания "новой исторической общности людей — советского народа", которая в своих идейных убеждениях основывалась бы на принципах атеизма. Но с изменением социально-исторических условий внутри России и большинства государств — участников СНГ неизбежно встал вопрос о том, какое место в обществе занимают последователи различных религий, в частности мусульмане. Этот социально важный вопрос в нашей науке мало разработан и требует проведения более глубоких фундаментальных исследований. В связи с этим актуальность нынешней конференции представляется несомненной.

На исходе 80-х годов XX века в развитии нашей страны наметились серьезные перемены, которые в настоящее время приобрели мощное общественно-политическое и социокультурное значение. Одним из ключевых моментов в стратегии государственно-национального обустройства демократической России стала задача достижения межнационального и межконфессионального согласия в обществе. Решение этой задачи в некоторой степени облегчается фактором длительного совместного проживания представителей различных конфессий и этносов на едином гео-

политическом пространстве. Причем следует отметить, что оно, как правило, носило характер сравнительно устойчивого и мирного сосуществования. За всю бурную многовековую историю России, хвала Всевышнему, она не испытала религиозных войн и противостояний. А принятие в 1997 году федерального закона о свободе совести и религиозных объединениях, в свою очередь, свидетельствовало о решительном отказе от советской модели религиозно-государственных отношений, которая строилась на отчуждении религии от участия в различных формах общественной жизни. Началось возрождение ислама в регионах его традиционного распространения, чему сопутствовали не только возрастание численности мусульманских общин, передача старых и возведение новых культовых сооружений, но и организационный рост региональных духовных управлений. По сведениям Министерства юстиции Российской Федерации на 1 января 1999 года, в Российской Федерации официально было зарегистрировано свыше 3 тысяч мусульманских объединений, в том числе более 100 духовных учебных заведений. Это — официальная статистика.

Вместе с тем до недавнего времени попытка объективного исследования истории и культуры мусульманских народов в России рассматривалась как идеологически враждебное проявление буржуазного национализма, панисламизма, пантюркизма. Естественно, российскому обществу отнюдь не безразлично, какие именно явления культурного наследия будут востребованы, какими социальными силами и в каких целях они будут использованы.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание на те опорные моменты в истории духовного развития мусульманских народов России, которые в эпоху пересмотра духовных ориентиров способны оказать благотворное влияние на стиль жизни, состояние общественной морали, этики, в том числе и деловой. Для современной России крайне важно привнесение всего позитивного потенциала ислама в решение многих народно-хозяйственных, право-

вых, политических, культурных задач. И не случайно говорят: "Молитва — для Бога, Россия — для всех". Это означает, что наше великое государство должно быть домом и для православных, и для мусульман, и для представителей всех других религий. В Священном Коране Всевышний заповедал: "О, люди! Мы создали вас мужчинами и женщинами и сделали народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга. Ведь самый благочестивый из вас перед Аллахом тот, кто наиболее богобоязнен" (Коран, сура 49, аят 13). Поддержка общего российского дома требует не только знания и умения, но также терпения и доброжелательства, и прежде всего взаимопонимания и взаимной поддержки.

Чрезвычайно важно найти ту меру культурного взаимодействия и взаимообмена, которая могла бы обеспечить общее духовное благополучие и органичное саморазвитие каждой культуры. Ислам является одной из трех мировых религий и традиционным вероучением для коренных народов России, доказавших и жизнестойкость, и миролюбие, и патриотизм как в дни ратных сражений, так и в годы мирного созидания. Как было отмечено в поздравлении Президента Российской Федерации В.В. Путина российским мусульманам по случаю праздника Ураза Байрам 5 декабря: "Ислам исповедуют представители многих народов нашей страны. На протяжении веков мусульмане вносят свой вклад в развитие богатейших культурных и духовных традиций России, в укрепление межнационального согласия и религиозной терпимости. И эти отношения дружбы и взаимного уважения — наша гордость и общее достояние, которое мы должны всегда оберегать".

Благодаря демократическим преобразованиям последних лет мусульмане России получили возможность свободного развития в рамках национальных культур. Впервые за десятилетия ислам, как и другие религии, стал неотъемлемой частью духовной жизни России, ее самобытного евразийского характера. За последние годы значительно увеличилось количество действующих религиозных орга-

низаций и учебных заведений. Следует отметить, что с конца 80-х годов на государственном уровне начался процесс устранения преград для свободы совершения религиозных ритуалов и обрядов. При непосредственной поддержке государства при Правительстве Российской Федерации создан Совет по делам Хаджа, куда вошли представители и Совета муфтиев России, и других религиозных организаций. Благодаря этому сегодня тысячи российских мусульман имеют возможность организованно совершать паломничество — хадж к святым местам, в благословенную Мекку, лучезарную Медину. Замечу, что если в советское время, в 60-е—80-е годы, со всего Советского Союза в среднем паломничество совершали до 15 человек в год, то сегодня эта цифра возросла многократно и согласно статистике число паломников из России составляет более 12 тысяч человек.

В советский период не приветствовалась, а подавлялась всякая религиозность среди населения, особенно среди аппаратных работников, среди военнослужащих. Однако с 90-х годов, по материалам социологических исследований, организованных службой Совета муфтиев России, возглавляемой С. Мельковым, количество военнослужащих, считающих себя верующими, увеличилось в два с половиной раза. У многих эта религия отождествлялась с понятиями "национальная", "народная". В связи с этим исследователи Министерства обороны отмечали: понимание религии представителями мусульманского вероисповедания базируется преимущественно на национальной традиции, на тесном проникновении религиозных норм в быт и жизнь народов, на любви к своему Отечеству и стремлении всячески способствовать его процветанию. Пророк Мухаммед говорил: "Любовь к родине является частью веры". Если же говорить в целом о путях патриотического воспитания населения, то позиция муфтиев России по этому вопросу была изложена в основных положениях социальных программ российских мусульман. И хотя на конференции неоднократно говорилось, что у российских мусульман нет

единой и четко выраженной позиции по многим общественно-политическим вопросам, этот доктринальный документ, который разработан группой ученых департамента государственно-исламских отношений во главе с А.В. Полосиным и С.А. Мельковым, дает разъяснения по многим вопросам повседневной жизни мусульманской уммы России.

Для мусульман нашей страны Россия является родным домом, в котором они исконно проживают. И оскорбительны измышления некоторых средств массовой информации и отдельных политических деятелей о том, что ислам и мусульмане угрожают целостности России. В последнее время именно эти сентенции определенные политические силы хотят протащить через средства массовой информации. Подобные акции и тенденциозное освещение религиозной жизни тех или иных конфессий в средствах массовой информации помимо унижения религиозных чувств верующих россиян способствуют также разжиганию межнациональной розни, раскалывают национальное единство нашего общества, ведут к дестабилизации обстановки. Сегодня этот вопрос представляется нам особенно важным. И духовные лидеры мусульман прекрасно понимают свою ответственность за появление национальной и религиозной нетерпимости. И, понимая всю меру своей ответственности перед мусульманами и государством, выступают против любых форм национальных радикальных проявлений, памятуя Пророка Мухаммеда, который сказал: "Не относится к нам тот, кто призывает к нетерпимости, и не относится к нам тот, кто сражается, побуждаемый нетерпимостью, и не относится к нам тот, кто умер в своей нетерпимости".

Современный мир становится свидетелем опасного феномена, отрицательные последствия которого оказывают значительное влияние на международную жизнь, в том числе и на духовно-нравственный, общественно-политический климат России. Я имею в виду такое жуткое явление, как терроризм, который в своей истории принимал

многие формы и использовал различные методы. Позорные террористические акты против США 11 сентября 2001 года, захват заложников на Дубровке в Москве являются ужасными преступлениями по любым стандартам и не могут не быть осуждены всеми мировыми религиями, народами и нациями, верящими в права человека, приверженными цивилизованным принципам и ценностям ислама.

Тут было сказано, что не было единого осуждения терроризма исламскими религиозными деятелями. Совет муфтиев России по этому поводу сделал два заявления — и по захвату заложников на Дубровке, и по событиям 11 сентября 2001 года в США. Духовные региональные управления также выразили свое отношение ко всем этим негативным проявлениям. Такие действия часто совершаются людьми, как правило, далекими от ислама, и это отмечалось во многих выступлениях. Эти люди во имя достижения своих политических амбиций и сиюминутных выгод, прикрываясь якобы нормами ислама, на самом деле предают его, и это прозвучало в обращении председателя Совета муфтиев России муфтия Р. Гайнутдина к российским мусульманам по случаю праздника Ураза Байрам. Он сказал: "Террористы, взявшие заложников на Дубровке, как и любые другие террористы, если они используют в своих целях религиозное прикрытие, наносят колоссальный вред своей религии и своим единоверцам. Мы, мусульмане, выступаем против экстремизма и терроризма как явления чуждого нашей религии и противостояим проникновению чуждых нам течений и направлений, особенно тех движений, которые проявили себя в своих странах как экстремистские, сеющие вражду между конфессиями и народами". Более того, Совет муфтиев России был инициатором вынесения фетвы о недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Священного Корана и Сунны. И члены Совета муфтиев России, региональные и республиканские духовные управления на своем внеочередном заседании 29 марта сего года единогласно приняли ее, выразив тем самым полное свое единодушие и единство взглядов.

Основной деятельностью Совета муфтиев России, всего мусульманского сообщества и духовенства было и остается дело сохранения мира, спокойствия и стабильности в нашей многонациональной и поликонфессиональной стране. Мусульмане — российские граждане видят путь к сохранению и укреплению братских отношений между народами, исконно проживающими на территории Российской Федерации, в том, чтобы на уровне актов государственной власти, в учебных пособиях, в государственных средствах массовой информации формировался такой образ нашей страны и мусульман, который сплывал бы всех граждан, невзирая на их конфессии. Недопустимо противопоставление одного народа другому, национальное превозношение за счет унижения других. Образ единой великой Родины должен включать в себя одновременно образы так называемых малых родин, возвышать местный патриотизм до уровня общенационального патриотизма.

Мы полагаем, что все имевшие место в прошлом сражения между народами, княжествами и ханствами, находившимися в границах современной Российской Федерации, должны сегодня трактоваться как трагические междоусобицы в борьбе за верховную власть. Только подчеркнутое уважение к государству каждого народа, исконно проживающего на территории Российской Федерации, к его истории, культуре и религии, способно укрепить общественные связи единого целого и реально обеспечить национальное и духовное единство нашей общей Родины.

М. Шевченко. У меня одна реплика в качестве вопроса. Я не могу понять, почему от мусульманского духовенства требуют какого-то оправдания за действия террористов? Точно так же можно от Московской Патриархии требовать заявление по поводу преступлений, совершенных православными сербами в Сребренице, где были убиты, между прочим, 7 тысяч человек в течение последних пяти лет. Но никаких заявлений ни из Константинополя, ни из Афин, ни из Румынии, ни из Москвы, ни из других православных центров мы не слышали по поводу преступ-

лений, совершенных людьми, которые называли себя православными. Мне кажется, что это неконструктивный подход.

Х. Саубьянов. Я полностью с Вами согласен. И именно в контексте нашей конференции прозвучало вчера и сегодня, что существует понятие "исламский терроризм". Мусульманское духовенство, мусульманское сообщество вынуждены говорить, что нет, не существует исламского терроризма, не существует исламистов, не существует норм Корана и религии, которые давали бы разрешение на это. Действительно, А. Лакшин сказал, что понятия "исламский терроризм" как такового нет. Есть политический терроризм, есть ангажированный терроризм под прикрытием той или иной конфессии.

Т.Г. Черниченко. Я хочу выразить благодарность Фонду имени Конрада Аденауэра за возможность выступить перед вами. И во многом благодарность предыдущим докладчикам, потому что, готовясь к выступлению, я мелко исписал два блокнота, но конструктивные доклады, которые были заслушаны сегодня, сделали эти записи ненужными.

Выступление у меня озаглавлено "Проблемы интеграции мусульман в российское общество". Действительно, исторически во времена Российской империи мусульмане, христиане, представители других конфессий гармонично жили друг с другом. Это были условия равенства при сохранении национальной и религиозной самоидентификации. За годы советской власти был осуществлен переход от равенства к тождеству, когда все советские граждане были декларативно объявлены советскими людьми и "научными атеистами". Сейчас, после событий 1991 года, Россия вступает в новый этап национальной и конфессиональной самоидентификации, что неизбежно влечет за собой обратный переход — от тождества к равенству (математически это не одно и то же) и, соответственно, — к неизбежному цивилизованному расслоению общества. К этому я отношусь абсолютно нормально, главное, чтобы

это расслоение по разным признакам не несло в себе оттенков отчуждения.

Поиски методов построения общества по демократическому принципу "разных среди равных" при условии исключения проблемы отчуждения я называю поисками методов решения проблемы интеграции. Эта проблема должна решаться по ряду аспектов. Это вопросы идеологии, вопросы культуры, вопросы национальные, политические, экономические. О том, что между исламом, христианством, другими конфессиями не существует принципиальных идеологических противоречий, которые исключали бы взаимное сосуществование этих конфессий, мы сегодня уже говорили. Что касается культуры, то сегодня об этом также было упомянуто. Я остановлюсь на двух аспектах — политическом и экономическом.

Что касается политической интеграции мусульманской общины в современное российское общество, то прежде всего мне хотелось бы сослаться на вчерашний доклад господина Малашенко, где прозвучала прекрасная мысль, что сегодня создается два полярных образа мусульманина. Первый — это образ мусульманина, на 100 процентов следующего предписаниям Корана и Сунны, которому в то же время свойственна явная непримиримость и нетерпимость ко всякого рода инакомыслию. Второй образ — это образ так называемого ультралиберального мусульманина, человека полностью лояльного Российскому государству, но в то же время не следующего предписаниям своей религии. То есть номинально принадлежащего к мусульманской конфессии, но де-факто всем своим образом жизни повторяющего образ жизни своих немусульманских соседей, в том числе и по тем аспектам, которые противоречат положениям Корана и Сунны. Я имею в виду такие вещи, как, например, культура винопития и так далее. Альтернативы нет. Эти два образа, во-первых, бьют по сознанию немусульманского большинства, которое готово принимать один тип мусульманина и отвергать другой, а также бьют по сознанию самих мусульман, которые стоят

перед этим выбором. В условиях конфессиональной самоидентификации им предоставляется возможность выбора только одной из двух дорог. К сожалению, не освещается в средствах массовой информации третий путь, когда мусульмане, следуя на 100 процентов предписаниям Корана и Сунны, будучи на 100 процентов интегрированы в общую мусульманскую среду, и следуя предписаниям как морально-нравственным, так и законодательным, остаются лояльными российскими гражданами и представляют собой очень конструктивный элемент в обществе, привнося с собой те исламские ценности, пользователями которых могут стать все граждане Российской Федерации, независимо от конфессиональной принадлежности.

Такая система мышления и порождает проблему экстремизма. Экстремизм — это проблема прежде всего психологическая. Экстремизм — это психологическая реакция индивидуума. Реакция неправильная, реакция извращенная, но реакция в то же время ответная. Это ответная реакция индивидуума на общество, которое не принимает те ценности, носителями которых он является. Это важный аспект. Я хотел бы на нем остановиться. Если в российском обществе будут на 100 процентов обеспечены условия для принятия мусульманских духовных, культурных, нравственных и экономических ценностей, то проблема экстремизма будет снята автоматически, потому что будут уничтожены условия для появления такого рода тенденции.

Остановлюсь на добром примере, когда мусульмане идут в российское общество со своими ценностями, накопленными ими веками. Я имею в виду исламскую экономику. Исламская экономическая система является альтернативой той системе, которая стала на Западе традиционной и построена на принципе взимания ростовщического процента, то есть в условиях, когда деньги могут являться предметом отсроченной сделки и порождать избыточную денежную массу, что неизбежно ведет к обвальной инфляции и эксплуатации человека человеком, появлению олигархического капитала, о котором сегодня уже упоминал

многоуважаемый Г. Джемаль. Мусульмане не ведут подрывную экономическую деятельность против Российской Федерации. Мусульмане не враждуют с традиционной сложившейся системой ценностей в Российской Федерации. Мусульмане наряду с традиционным подходом представляют свой альтернативный подход, представляют свои экономические модели. Их пользователями могут стать все граждане России независимо от конфессиональной принадлежности.

А.Б. Zubov. Господа! Здесь много раз представители и мусульманской группы участников конференции, и иудаизма говорили о том, что ислам, иудаизм и, наверное, христианство — это не вера, а образ жизни. С точки зрения культурологии (и здесь я говорю как культуролог) это абсолютно не соответствует действительности. Разумеется, какие-то нормы шариата, нормы Типикона, мицвы Торы должны соблюдаться ортодоксальными представителями своих религий. Но давайте посмотрим, как живут, как ведут себя, например, мусульмане — какой образ жизни у татар, у таджиков, у суматранцев или черных мусульман США. Мы скажем, что это совершенно разные образы жизни. И мы придем к тому, что все же культурологические типы поведения у разных сообществ одной и той же религии различны. То, что их объединяет, — это не образ жизни, это не цивилизация и культура, как сказал Л. Сюкияйнен, а это вера. И поэтому, когда мы говорим об исламе (а нынешняя конференция посвящена исламу), конечно же, мы должны говорить о проблематике веры в волнующей всех нас проблеме исламского радикализма, о том, в какой степени в исламе присутствуют элементы, которые позволяют апеллировать к радикализму.

Вот Вы, глубокоуважаемый Максим Шевченко, спросили, почему православные Патриарх Константинопольский или Патриарх Московский не заявили о ситуации в Сребренице. Да потому, что сербы, которые там действовали, не апеллировали к Евангелию, не апеллировали к деяниям апостолов, не апеллировали к Типикону! Они

воспринимали мусульман как иное этноконфессиональное сообщество, как чужаков, как враждебное сообщество. Беда в том, что террористы, которые объявляют себя мусульманскими террористами, основывают свою деятельность на нормах ислама, апеллируют и цитируют определенные аяты Корана, Сунны Пророка. Если они шииты, они апеллируют к "скрытому имаму" и так далее. В этом-то главная проблема.

На самом деле мусульманское авторитетное духовенство действует в двух сферах различно: одни декларации и заявления — публичные для всех, в частности для иноверцев, для других стран и культур, а другие — для домашнего круга, для себя. Так часто бывает, скажем, на Ближнем Востоке, когда официально лидеры Палестинской автономии объявляли о том, что они глубоко возмущены тем, что произошло 11 сентября 2001 года, а весь мусульманский народ ликовал, прыгал на площадях, когда узнал о том, что произошло в Торговом центре Нью-Йорка. Это — известная проблема, кстати, проблема, которая довела Ливан до последней трагической войны, его, наверное, и погубившей. Виноваты здесь не только мусульмане. Так же ведут себя и христиане, так же ведут себя и иудеи. Это особенность, увы, несовершенства человека как такового. Но до тех пор, пока это будет происходить, конфликт не будет исчерпан. Мы должны наконец уравнивать свои слова для единоверцев дома с тем, что мы говорим "с крыш". Когда это произойдет, тогда, я думаю, у радикального ислама уйдет почва из-под ног. Он может остаться радикализмом, но исламом он больше оставаться не сможет. До тех пор, пока это не произойдет, радикальный ислам будет иметь право апеллировать к исламу, как бы мы этого ни не хотели. И это будет вызывать величайший конфликт между цивилизациями и подталкивать исподволь Запад к Крестовым походам, как уже оговорился в первые дни после трагедии 11 сентября президент Буш.

Есть еще одна проблема. Существует она и среди православных. Дело в том, что есть и православный

радикализм. Он, разумеется, нашим духовенством не приемлется, но духовенство знает, что если оно твердо и однозначно заявит на всех уровнях в своих посланиях, своих "фетвах", что эти радикальные воззрения неприемлемы, произойдет раскол, часть людей отойдет от Московского патриархата. И чтобы этого не произошло, такое не говорится. Это — культурная "фигура умолчания", а в результате — экстремизм не ослабевает, а возрастает, ситуация, как нынче принято говорить, "раскачивается". Та же опасность стоит и перед исламом — боязнь народа, который думает не так, как считают официальные религиозные власти. Кое о чем умалчивается в обращениях религиозных авторитетов к верующему народу, а в итоге это всегда приводит к беде.

Ф. Коджаман, фонд Харуна Яхья, Турция.

Я хотел бы выразить признательность Фонду имени Конрада Аденауэра за приглашение на эту конференцию.

Хотел бы высказать удовлетворение по поводу выступлений Р. Кроллиуса и А. Лакшина, особенно когда они высказались о толерантности. Я думаю, все согласятся с тем, что религия не должна быть источником опасности, террора, экстремизма. Как показывает история, если данные явления связываются с террором, то это неверный путь, и если это случается, — вина на тех людях, которые это делают. Есть много способов решить эту проблему. Как думает господин Кроллиус: не является ли обучение, разъяснение одним из способов решить эту проблему?

Я хочу привести пример. В выходной день, когда семья собирается вместе, отец читает газету и ребенок ему все время мешает, задавая разные вопросы. Тогда отец дает ему кусок газеты, где изображена карта мира, порвав эту карту на куски и попросив его собрать все в целое. Через минуту ребенок говорит: "Папа, я закончил карту мира". Отец очень удивился, как это было возможно сделать так быстро. Ребенок ответил: "На обороте газеты было изображено лицо человека. Я его сложил, и карта мира вышла сама собой". Я думаю, что образование имеет очень

большое значение. Я хотел бы узнать, что г-н Кролиус думает об этом.

А.Р. Кролиус. Я могу ответить очень быстро. Я думаю об этом только положительно. Образование — это начало прогресса, начало культуры, цивилизации. Тупость и необразованность — это враги не только культуры, но и мира во всем мире. Исходя из этого, я считаю, что мы должны обучать и тех, кто занимается обучением других.

Г. Джемаль. В этой связи я хотел бы напомнить, что религия есть сопротивление миру, который является самоорганизацией материи, насилия и носителем присущего ей зла. Поэтому призывать религиозных людей к умеренности, значит призывать их к лицемерию и теплохладности. Религия сама по себе — это воинствующее противостояние диктату зла.

С.А. Мельков. Я хотел бы сказать, что проблема виновности или невинности ислама в развязывании вооруженных конфликтов достаточно серьезно проанализирована нашей наукой. В частности в трудах Серебряникова (Институт социально-политических исследований Российской академии наук). Есть две книги — "Социология войны" и "Социология армии", где четко, в многочисленных таблицах доказано, что страны западной цивилизации в XX веке развязали на семь конфликтов больше, чем страны мусульманской цивилизации.

Второе. Это проблема измерения мусульманской уммы. Мусульмане, ислам, явления, которые мы называем экстремизмом, терроризмом и так далее, — они поддаются измерению или нет? Сегодня господин Картунов назвал в своем докладе цифру, о которой говорил профессор И. Игнатенко, — что 10 процентов мусульман в Сирии поддержали террористический акт 11 сентября 2001 года в США. Сама по себе эта цифра ни о чем не говорит. В ночь после террористического акта я находился в офицерском общежитии на Пироговке в Москве. Там не было ни одного мусульманина. Радостная пьянка продолжалась до 4 часов утра. И не потому, что они такие агрессивные, —

они действительно так относятся к США. Наши исследования европейской части России говорят о том, что менее 4 процентов мусульман, а если быть точнее, 3,8 процента, готовы взяться за оружие при любых обстоятельствах. Много это или мало, но такая цифра существует.

Было сказано, что ислам является политической религией. Но, позвольте, политика начинается только там и тогда, где и когда есть разговор и учет интересов той группы людей, в интересах которой ведется политика. Пока не будут учитываться, изучаться, реализовываться интересы мусульман, никакой внятной, последовательной, планомерной и эффективной политики в отношении мусульман в России, на мой взгляд, не будет.

Х. Саубьянов. Одна реплика в ответ на выступление профессора Зубова по поводу двойных стандартов мусульман и двойной морали. Уважаемый Андрей Борисович, если бы Вы хотя бы раз присутствовали в московских соборных мечетях, то услышали бы, что ни один из имамов, ни один из религиозных деятелей не сказал слова одобрения по поводу тех негативных явлений, который произошли.

Второе. Двойной морали в исламе не существует. Вы, как член экспертного Межрелигиозного совета России, неоднократно наблюдали следующее. Часто имеют место высказывания типа: "Какая Россия межконфессиональная страна? Да нет, это православная страна. Какие могут быть мусульмане, если их всего 5 процентов". Это говорил один из высоких иерархов Русской православной церкви. Это ли не двойная мораль? А на Межрелигиозном совете мы все братья. Это человеческая двойная мораль, а не мусульманская и не православная.

А.В. Полосин. В силу недостатка времени у нас за кадром осталась такая тема, как конфликт в Палестине. А надо сказать, что этот конфликт оказывает серьезное влияние на исламский фактор, в том числе на радикализацию многих исламских течений. Но надеюсь, что Фонд имени Конрада Аденауэра такое обсуждение организует в будущем. Хотел бы поздравить российское отделение Фонда

имени Конрада Аденауэра с проведением очень содержательной конференции. Во многом получилась импровизация, но очень талантливая. Как "Турецкий марш" Моцарта.

М. Ингенлат. Для заключения передаю слово С.В. Кортунову.

С.В. Кортунов. Мы подводим итоги. К сожалению, пришло время расставаться, но я надеюсь, что ненадолго.

Должен сказать, что эта конференция получилась чрезвычайно интересной и насыщенной по содержанию. Но, может быть, еще более интересно было ее готовить. Об этом прекрасно знают господин Ингенлат и весь персонал Фонда имени Конрада Аденауэра в Москве. Я бы хотел выразить глубокую благодарность фонду, лично Маркусу Ингенлату, его персоналу и переводчикам, которые сделали практически невозможное. Должен сказать, что в связи с подготовкой нашей конференции в Москве был своего рода легкий ажиотаж. Не то в Правительстве Российской Федерации, не то в Администрации Президента даже проводилось специальное совещание, где поднимался вопрос о том, стоит ли представителям власти принимать участие в этой конференции. И решили, что не стоит. Тем не менее многие представители Правительства Российской Федерации, министерств и ведомств, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, руководители его Аппарата на свой страх и риск к нам все же пришли.

На конференции мы получили весь спектр мнений и по поводу российской политики в отношении ислама, и по поводу мирового ислама. Материалы нашей конференции заслуживают того, чтобы быть расшифрованными, чтобы сделать на их основе соответствующее обобщение и направить непосредственно в те инстанции, которые решили не принимать в ней участие. Думаю, это будет очень полезно, тем более что, к сожалению, высшее руководство страны подчас не понимает разницы между шиитами и суннитами. Мы все помним соответствующее заявление на этот счет. Это будет полезно даже в плане

образования и внедрения элементарного знания в высшие круги политической власти. Это первое.

Второе. Я думаю, мы все чувствуем, что далеко не исчерпали эту тему. Уверен, что, если бы конференция продолжалась еще пять дней, она продолжалась бы в том же духе — духе взаимного уважения и толерантности. Поэтому предлагаю запланировать соответствующее продолжение. По крайней мере можно уже говорить, что мы положили начало хорошей традиции, чтобы проводить ежегодный форум такого рода. Может быть, нам удастся собирать такие аудитории и чаще. Естественно, это будет зависеть прежде всего от нашего желания, но и от поддержки Фонда имени Конрада Аденауэра.

М. Ингенлат. Некоторые из примечаний, которые я хотел сделать, уже были предвосхищены. Проводить это мероприятие каждые полгода или раз в году, я сейчас сказать не могу, но в любом случае мы намерены продолжить диалог и ставить его и впредь на столь же широкую основу, как в этот раз.

В заключение в программе написано: подведение итогов. Я думаю, это очень сложно, потому что у нас все-таки тема была очень многогранной. Но мне хотелось бы упомянуть несколько пунктов, которые мне бросились в глаза, в качестве моего заключительного слова.

Итак, первым важным фактором, как мне представляется, является то, что не существует мирового ислама. Существует скорее исламский фактор. Это очень важный пункт.

Второе. Ислам является также цивилизацией и способом жизни, это вырисовывалось во многих докладах. Государство в России и во многих других странах еще до конца не осознало данное обстоятельство. Лично мне показалось, что немецкий опыт был освещен недостаточно подробно, по соображениям времени это было просто невозможно, а там есть о чем рассказать. Но есть там и сложности в восприятии со стороны государства.

Это связано с образованием (и это мое третье примечание) — как с образованием государственных институтов, так (на что я также обратил внимание на данной конференции) и с образованием каждого отдельного гражданина, будь то мусульманин, христианин или иудей. Лично я, хотя я и католик, много узнал во время выступления отца Кроллиуса. Сам я тоже учился. Пусть никто не говорит, что он все знает о своей собственной религии.

Четвертое. Важным является различие религии и политики. Политика всегда преследует собственные интересы. Это ясно. Интересы здесь могут конфликтовать и сталкиваться друг с другом, но очень часто это не имеет никакого отношения к религии. Религия, в свою очередь (и об этом сегодня было сказано очень много), имеет много аспектов. Есть аспект, о котором говорил Натан Мудрый у Лессинга. Есть притча о кольце. Есть несколько путей, ведущих к Богу. Я бы согласился со словосочетанием "здоровый фундаментализм", которое прозвучало во время конференции, лишь в понимании собственных оснований, на которых мы стоим, но не в абсолютизации их. Ибо последняя быстро ведет к экстремизму и к тоталитарным идеологиям.

И последний момент. Я думаю, что диалог между теоретиками и практиками был удачен. Во время подготовки мы долго думали, не провести ли нам чисто экспертную конференцию. Хорошо, что здесь, в России, есть глубокие традиции, в частности великая традиция специализации. Стоит лишь посмотреть на академию наук или другие учреждения, которые интенсивно занимаются исламом. Только что мы с профессором Тиби (он, к сожалению, вынужден был улететь) говорили о том, насколько он был удивлен, что очень многие люди здесь великолепно говорят на арабском языке. Действительно, стоило соединить в рамках специализированной конференции экспертов Запада и Востока. Но мне думается, что подход, выбранный нами как политическим фондом, был нацелен на практику, и это оправдало себя. Может быть, для того или иного

эксперта рассуждения показались слишком поверхностными, но зато дискуссия не витала в воздухе, а крепко стояла на земле. То есть обсуждались проблемы, связанные с теми реальными сложностями, которые уже поднимались в период подготовки конференции. Конференция и в этом смысле была успешной.

Хотелось бы поблагодарить профессора Зубова, Али Полосина, профессора Тайвана и, конечно, не в последнюю очередь Комитет внешнеполитического планирования в лице Сергея и Маши КОРТУНОВЫХ, которые внесли большой вклад в подготовку конференции и стали нашими российскими партнерами в этой сложной области. Хотелось бы еще раз высказать благодарность в адрес Совета муфтиев России, которые всегда были готовы помочь советом и добились того, чтобы все сегодня принимали участие в конференции, в том числе и российский раввинат. И Вам большое спасибо, Александр, что Вы пришли. Остается еще поблагодарить всех участников вчерашней и сегодняшней дискуссии, всех докладчиков, ведущих, которые внесли свой вклад. Большое спасибо переводчикам, без которых мы не поняли бы друг друга так хорошо. Я был бы рад увидеться с вами на конференции по исламу в следующем году.

8. СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

По поручению председателя Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам Комитет внешнеполитического планирования в 2002 году провел ряд "круглых столов" и семинаров на тему "Мировой порядок после терактов в США: проблемы и перспективы". На основе этих обсуждений комитет подготовил и издал одноименный аналогичный доклад. Ниже следуют выдержки из выступлений участников этой работы.

С.В. Кортунов. По общему признанию большинства отечественных и зарубежных экспертов-международников, теракты 11 сентября 2001 года в США и последующая антитеррористическая операция коалиции в Афганистане явились водоразделом в мировой политике и мощнейшим катализатором крушения старого и становления нового мирового порядка.

Конечно, прямые последствия терактов 11 сентября для формирования нового мирового порядка не следует преувеличивать. Это всего лишь символический водораздел, подготовленный развитием событий в последние десятилетия. Тем не менее очевидно, что речь идет о долгосрочных изменениях, заметно влияющих на структуру международных отношений.

Сегодня, когда после сентябрьской трагедии прошло более года и первые эмоционально окрашенные оценки сменились более трезвыми и взвешенными, отчетливо видны два обстоятельства. Во-первых, серьезнейший кризис существующих — уже постконфронтационных — механиз-

мов и концепций международной безопасности, которые больше просто не работают. Во-вторых, полная непредсказуемость принципов, параметров и содержания формирующейся новой системы международных отношений. Всемирная история воистину еще раз посрамила лжепророков, не так давно предрекавших ее конец.

Давайте поговорим сначала о крахе старого миропорядка.

Конечно, никто не ожидал, что новый мировой порядок сформируется за полтора года. Однако многие в прошлом году полагали, что сегодня можно будет говорить уже о большем, чем лишь о его смутных контурах. Тем не менее в настоящий момент достаточно определенно мы можем констатировать только крушение той системы международных отношений, которая, казалось бы, начала уже складываться после окончания холодной войны (не говоря уже о крахе относительно стабильного биполярного мира).

В конкретном плане речь идет о следующих факторах, подтверждающих крушение старого миропорядка.

Однополярный мир, основанный на безраздельном господстве США в мире, по крайней мере в первой половине XXI века, не может обеспечить ни международную безопасность, ни национальную безопасность даже самих США.

Концепция многополюсного мира также не может быть прочной конструкцией нового мирового порядка: происшедшая трагедия показала не только то, что ни один полюс силы не в состоянии защитить себя в одиночку, но и то, что все они одновременно и в одинаковой степени уязвимы.

Механизмы коллективной безопасности СНГ оказались незадействованными, что может привести к их окончательной деградации.

Столь же бесполезным для противодействия важнейшему вызову XXI столетия оказался и потенциал НАТО. Теперь уже ясно даже руководству альянса: этот потенциал

создавался под совершенно другие военные задачи, нежели борьба с международным терроризмом.

События 11 сентября нанесли также мощный удар по Организации Объединенных Наций и другим организациям системы международной безопасности, например, ОБСЕ, которые оказались невостребованными в новой исторической ситуации.

Кроме того, сегодня можно также зафиксировать важнейшие факторы неопределенности обстановки.

Во-первых, это действия главного актора — США. К этому мы вернёмся.

Во-вторых, это политика КНР. Именно Китай способен как извлечь для себя из сложившейся ситуации наибольшую выгоду, если развитие событий ослабит всех участвующих в них акторов, так и подорвать собственные политические позиции, если он и впредь будет демонстрировать достаточно сдержанное отношение к силовым акциям антитеррористической коалиции, возглавляемой США.

В-третьих, это исламский мир, который пока, впрочем, представляет собой лишь виртуальный цивилизационный субъект. Сотни миллионов мусульман объединены конфессионально, но разделены по юридическим школам, отношению к природе политической власти, собственной религиозной истории, режимам и т.д. Лишь потенциально, в стратегической перспективе, исламская община представляет собой мощный ресурс сопротивления становлению нового мирового порядка, если он будет формироваться без учета ее интересов.

Что касается конфликта в Центральном-Азиатском районе и его окружении, положение дел в котором сейчас непосредственно оказывает влияние на формирование мирового порядка, то здесь имеются следующие факторы неопределенности. Поскольку Талибан практически наполовину состоит из пакистанских пуштунов, для которых вообще не существует пакистано-афганской границы, по-прежнему не исключено втягивание в затяжной конфликт Пакистана, имеющего в своем арсенале ядерное оружие,

что, в свою очередь, неизбежно повлечет за собой вмешательство Индии. Все это способно дестабилизировать весь АТР с непредсказуемыми последствиями.

Не следует сбрасывать со счетов противоречивые настроения мусульман в Таджикистане и Узбекистане. Продолжение антитеррористической операции в других странах мира, предоставление американцам военных баз способны радикализировать настроения исламской уммы, вызвать резкий всплеск антиправительственных настроений, как, например, в 1992 году. Дополнительной причиной волнений могут послужить систематические провалы этих стран в экономике, которые привели к резкому падению и без того низкого уровня жизни.

Очевидно, что для становления нового мирового порядка или хотя бы для стабилизации положения дел в регионе Центральной Азии и нейтрализации исламского экстремизма военный разгром Талибана значит не много.

Многие военные эксперты полагают, что декларированные коалицией цели в Афганистане пока не достигнуты. Талибы даже не разгромлены, они лишь отстранены от власти. Новое правительство не контролирует территорию страны. "Аль-Кайда" ослаблена, но не уничтожена и перегруппировывает силы. Бен Ладен не пойман. До полной победы даже в Афганистане еще далеко. А о ликвидации международной террористической сети и говорить не приходится.

Даже после полного уничтожения талибов в Афганистане (или выдавливания их оттуда) и в условиях успешного функционирования созданного там компромиссного коалиционного правительства с участием всех основных политических сил терроризм, конечно, не прекратит своего существования. Многие предполагают, что его центр уже переместился из Афганистана в соседний Пакистан, где центральные власти не в состоянии полностью контролировать обстановку на всей территории, особенно в горных районах и в приграничной с Афганистаном зоне.

В качестве другой возможной базы международных исламских террористов называют иракский Курдистан. Террористы имеют там надежные запасные базы, труднодоступные для вооруженных сил антитеррористической коалиции из-за горного рельефа. Используя их для перегруппировки и накопления сил, террористы способны через короткое время вновь активизировать свою подрывную деятельность и в Чечне, и в Центральной Азии, и в Афганистане, и в Индии, и в Китае, и по всему миру.

Наконец, существует неопределенность в отношении еще двух ключевых государств, прилегающих к району конфликта. Речь идет об Ираке и Иране. Первый обладает достаточно мощными вооруженными силами и по американским оценкам химическим и бактериологическим оружием. Второй способен блокировать судоходство в Ормузском проливе, что спровоцирует мировой военный и экономический кризис с непредсказуемыми последствиями.

О факторах, порождающих современный терроризм, или гипертерроризм. Он характеризуется крупномасштабностью осуществления террора с массовыми человеческими жертвами, международным характером, неопределенной субъектностью исполнителей и заказчиков, отсутствием конкретных требований, выдвинутых в отношении, например, правительства США (классический терроризм предполагает двухэтапную акцию: сначала устроить, запугать применением насилия, а затем заставить выполнить свои требования, а 11 сентября было совершено "одноходовое" насильственное действие), своего рода "шоу-террором", рассчитанным на максимальный информационный шок, а не только на нанесение максимального ущерба или вреда. В последнем случае террористы били бы по наиболее болезненным и уязвимым точкам современной базовой инфраструктуры крупных городов, не прибегая к помощи камикадзе. Однако здания, символизирующие финансовую, политическую, а также военную мощь Америки, оказались террористам важнее, чем, например, АЭС или химзавод).

Терроризм стал возможен в контексте процессов глобализации, хотя и не является ее порождением.

В чем причина возникновения международного терроризма и того, что он стал себя так проявлять? Если мы определим причину, то ответим и на вопрос: что делать? Ведь надо устранять причину, а не следствия. На мой взгляд, эта причина связана с тремя позициями. Перечисляю их не в порядке важности или хронологии, а в произвольном порядке.

Первая позиция. Она связана с процессом глобализации. На мировой арене возникает новый фактор, я имею в виду транснациональные корпорации. И мне кажется вполне естественным, что в их деятельности могут возникать ситуации, когда нужна опора на военную силу. Военной силы у этих транснациональных корпораций нет. А методы терроризма как раз могут быть использованы. Причем не обязательно это может быть связано с транснациональными корпорациями криминального толка, с наркобизнесом и так далее. Заказчиками терактов вполне могут быть "чистые" по своей сути транснациональные корпорации, которые работают либо в промышленной, либо в финансовой сферах.

Еще один момент, связанный с глобализацией, — это резкая дифференциация государств. Будучи доведенными до отчаяния, слабые и бедные государства, которые понимают, что их военная сила ничего не стоит и не может быть использована против богатых государств, тоже могут опираться на методы терроризма и использовать их.

Второе. Терроризм связан с тем фундаментом для своей деятельности, который был заложен спецслужбами еще в период глобального противостояния. Об этом сейчас много пишут и говорят, поэтому детально на этом я не буду останавливаться.

Третье. Это цивилизационные аспекты. Здесь мы столкнулись как бы с проявлениями двух крайностей. Американская цивилизация, я считаю, находится в крайней точке западной цивилизации и отнюдь не отражает лучший

вариант развития мировой цивилизации. Радикальный ислам находится на другой стороне. И я думаю, что действительно у Хантингтона есть правильные мысли. Конфликт цивилизаций здесь тоже проявляется и будет проявляться в дальнейшем.

Следующий вопрос: а что тогда делать? Устранять эти причины? Вряд ли это возможно в короткие сроки. Прежде всего, конечно, надо разрушать структуры, созданные международным терроризмом, и в этом плане, естественно, должно быть налажено сотрудничество спецслужб. Федор Иванович Ладыгин на этом очень подробно останавливался, поэтому я не считаю нужным даже продолжать.

Что касается проблем, связанных с глобализацией и с дифференциацией государств на очень богатые и очень бедные, то здесь, видимо, устранение причин, порождающих эти процессы и толкающих на путь терроризма, должно быть связано с совершенствованием соответствующих международных институтов, в том числе Организации Объединенных Наций.

Что же касается цивилизационного аспекта, то здесь я бы хотел сосредоточить ваше внимание только на одном положении, которое занимает Россия. Конечно, для нас вообще некорректен вопрос: с Западом Россия или с Востоком? И с Западом, и с Востоком. Потому что в этом плане у нас страна уникальная, она объединяет в себе практически все конфессии, которые только существуют. И объединяет не на том принципе, на котором они сейчас сосуществуют вместе в тех же, допустим, Соединенных Штатах Америки или в Европе. Туда прибыли представители других конфессий. Они вписываются в это общество, вернее, пытаются вписаться. Получается, не получается, но это скорее основа для дальнейших конфликтов. А у нас это многовековое сосуществование, совместное существование. И поэтому нам бросаться сейчас в какую-то крайность — либо на Запад, либо еще куда-то — в принципе недопустимо. У нас страна другая. Прежде всего надо быть самими собой.

Я лично прихожу к выводу, что у нас не только миропорядок не поменялся, но и прорывов никаких ожидать здесь не стоит. Просто нужно выбирать главное направление, связанное с устранением причин международного терроризма, который проявился не сейчас, и осуществлять обычную, рутинную работу.

В наших отношениях с Западом кардинально к лучшему ничего не поменяется. Даже по проблемам ПРО или расширения НАТО. Для России, по-моему, еще хуже будет, потому что на существующих настроениях быстрее "проскочит" решение о выходе из Договора по ПРО и разрывании НПРО США. Аналогично — и по расширению НАТО. Поэтому никаких прорывов, мне кажется, не будет. И по этим направлениям надо вести нормальную целенаправленную работу без лишнего ажиотажа.

Согласен, что имеется целый ряд объективных факторов, неразрывно связанных с этими процессами. В первую очередь это резкая дифференциация государств: на очень богатые и очень сильные, и на очень слабые и очень бедные, оказавшиеся в силу особенностей исторического развития в ареале мирового ислама. Как известно, в конце XIX — начале XX-го века индустриальная революция в Европе, породив общественное расслоение и огромную массу социальных изгоев, вызвала мощный протест против богатых людей в виде революций, потрясших многие европейские страны, в том числе и Россию. Подобно этому в начале XXI века опасный разрыв в уровне жизни между богатым Севером и бедным Югом создает основу для формирования международного террористического интернационала под зеленым знаменем ислама.

Горючим материалом для эскалации вооруженных конфликтов, спровоцированных террористическими актами, является региональная нестабильность.

Немаловажное значение здесь имеет информационная революция, широкое распространение электронных СМИ и возможность их превращения в инструмент манипуляции массовым сознанием. Еще в начале 60-х годов три четверти

населения мира, живя в перманентной нужде, стоически относились к этому, поскольку даже в отдаленной степени не представляли себе, как живут в благополучных странах. Ситуация стремительно изменилась в результате информационной революции, когда практически в каждый дом пришло телевидение. Тогда бедные впервые увидели, что такое богатство и каков масштаб разрыва между ними и промышленно развитыми странами.

Наконец, важную роль в возникновении международного терроризма играет обострение противоречий между различными системами ценностей: с одной стороны, системой западных ценностей, далеко не всех устраивающих в качестве универсальных; с другой стороны, системой ценностей, с которыми себя ассоциирует так называемый исламский мир, который при всей своей неоднородности вдохновляет исторический проект, альтернативный западному.

Среди субъективных факторов, влияющих на характер и облик современного терроризма, следует отметить протест бедных стран против глобализации, плодами которой они не могут воспользоваться, а также против натиска ТНК, активно ей способствующих; активизацию криминальных транснациональных структур — в их деятельности возникают ситуации, когда нужна опора на военную силу, которой у них нет, методы же терроризма им доступны; возникновение исламского радикализма, идеологически подпитывающего международный терроризм, что отчасти является реакцией на попытку вестернизации мусульманского мира, на многолетнее пренебрежение его интересами со стороны богатейших стран Запада. С другой стороны, должно быть ясно: сентябрьские теракты — это не конфликт цивилизаций и не столкновение на межконфессиональной основе. Цивилизации вообще никогда не воевали между собой. Самые страшные и кровавые драмы ушедшего столетия происходили в рамках одной и той же цивилизации. Со времен Крестовых походов не было прямых столкновений между христианством и исламом.

Хотя на сегодняшний день ни реальные исполнители терактов 11 сентября 2001 года, ни их подлинные заказчики не известны с достаточной определенностью, очевидно следующее: за терактами стоят весьма серьезные силы, которые хотели нанести мощнейший удар по американо-центристской концепции нового мирового порядка, по однополюсной глобализации, показать необоснованность заявки США на мировое лидерство в XXI веке.

И это им во многом удалось. Роль, на которую претендовали США, и, как казалось, довольно обоснованно, была поставлена под сомнение. Сокрушительный сбой произошел во всех системах национальной безопасности США: внешней разведке, внутренней безопасности, защите авиалиний. А колоссальная военная и экономическая мощь сверхдержавы (на долю США сегодня приходится 40 процентов всех мировых военных расходов и 20 процентов мирового ВВП), как оказалось, мало чего стоит, поскольку она не смогла защитить простых граждан в центре своих главных мегаполисов от небольшой группы террористов. (На борьбу с терроризмом США тратят 30 млн. долларов в день или 1 млрд. долларов в месяц. Администрация добилась увеличения военного бюджета на 48 млрд. долларов, в том числе на борьбу с терроризмом — на 29 миллиардов. Втрое возрастают расходы на укрепление внутренней безопасности — до 39 млрд. долларов.)

По психологическим последствиям данная трагедия оказалась для США не меньшей, если не большей национальной катастрофой, чем поражение в Перл-Харборе, став потрясением для самосознания всего американского народа. (11 сентября на Манхэттене погибло в два раза больше людей, чем во время удара по американскому флоту в 1941 году. Потери американской экономики в результате терактов составили примерно 150 млрд. долларов, или 1,5 процента ВВП. Впервые за всю историю этой страны ударам подверглась ее собственная территория. В течение одного часа гражданского населения погибло больше, чем за 150 войн, которые когда-либо вели США.) И

хотя в дальнейшем это потрясение превратилось в мощный фактор консолидации нации, представление об американской неуязвимости и всемогуществе рухнуло как в мире в целом, так и в самих США.

Положительным моментом для становления нового мирового порядка многие эксперты считают возникновение долгосрочной общей угрозы для США, России и других стран, что является объективной предпосылкой для пересмотра отношений России и Запада в сторону формирования подлинно партнерских отношений, шансом на выработку новой повестки дня. На этом основании эти эксперты полагают, что совместное противодействие международному терроризму — это своего рода системообразующий фактор формирования нового мирового порядка, отодвигающий на второй план другие вопросы как двусторонних, так и международных отношений.

Развитие событий показало однако, что это не так. Демонстративный выход США из Договора по ПРО, подтверждение твердых намерений в отношении развертывания стратегической ПРО и расширения НАТО, ужесточение военной доктрины США, агрессивные риторические выпады в адрес российских партнеров в некоторых официальных заявлениях американского руководства — все это говорит о том, что надежную и прочную основу для кардинального и необратимого улучшения отношений России и США создать пока не удалось. А это значит, что до нового мирового порядка еще далеко.

Давайте теперь поговорим о возможных вариантах действий США и их последствиях.

Ф. И. Ладыгин. Некоторые эксперты считают, что в Афганистане США провели блестящую военную операцию, продемонстрировав высочайшую мобилизационную готовность и то, как надо воевать в XXI веке, полностью уничтожив Талибан. Однако ясно, что США не достигли своих целей и война с международным терроризмом только начинается. Это, кстати говоря, подтвердил и президент США в своем ежегодном послании Конгрессу.

Дело в том, что в борьбе с терроризмом одни лишь военные удары, не подкрепленные другими действиями, ничего не решают и, более того, могут привести к опасным последствиям. Уничтожать следует не только и не столько конкретных террористов, сколько питательную среду для их возникновения путем активной организации совместного политического, экономического и военного противодействия терроризму со стороны ведущих стран международного сообщества.

Ничего подобного в действиях США как лидера антитеррористической коалиции пока не наблюдается. Несмотря на заявления о том, что борьба со злом будет долгой и трудной, они не стремятся к выработке долгосрочной коллективной стратегии, которая дала бы кардинальные решения и включала в себя коренные изменения глобальной экономической политики. До сих пор США решали другие задачи: во внутренней политике — ответить на призыв "американской улицы" и покарать организаторов терактов, а в политике внешней — продемонстрировать силовое решение проблемы международного терроризма, что должно подтвердить претензии на глобальное лидерство и насаждение нового мирового порядка по-американски. При решении этих задач не обязательно было выявлять действительных виновников трагедии, главное — сделать внешние решительные шаги и показать свою готовность и способность "защитить демократию", пусть и с нарушением ее основополагающих принципов и норм международного права.

Действуя таким образом, США, конечно, не уничтожат международный терроризм. Не укрепят они и безопасность в мире. А это значит, что конструируемый ими мировой порядок вновь и вновь будет испытываться на прочность.

Г.М. Сергеев. США четко просигнализировали, что ни СБ ООН, ни ОБСЕ, ни другие международные организации, способные обеспечить правовую основу для совершаемых ими, пусть справедливых, действий, им не нужны. Еще более прискорбно, что с этим, по существу,

согласились и все прочие государства — члены международного сообщества, включая Россию. В результате сегодня весь мир, включая арабский Восток, лишний раз убедился в том, что человечество вступило в новый век, в котором, как и раньше, главенствующими являются не принципы разума и гуманизма и даже не нормы международного права, а фактор силы, который делает мир еще более хрупким и беззащитным.

Мировой порядок, основанный на международном праве, по существу, был разрушен еще в 1999 году агрессивным нападением НАТО на Югославию. Поэтому действия международных террористов против самих США 11 сентября 2001 года, строго говоря, произошли уже в ситуации рухнувшего мирового порядка, когда нарушать с точки зрения права уже было нечего. Иными словами, террористы действовали на основе реального прецедента 1999 года, в целом принятого и одобренного мировым цивилизованным сообществом. В свою очередь, и военные действия антитеррористической коалиции, возглавляемой США, происходят в условиях, когда мировой порядок, основанный на международном праве, уже давно не действует.

США не провели расследование и не осуществили должные судебные процедуры даже на внутригосударственном уровне. С правовой точки зрения вина Бен Ладена не доказана. На каком основании США объявили войну именно Афганистану, тоже не ясно. А ведь они заявили, что вооруженные акции будут предприняты и против других стран. Все это представляет собой правовой абсурд. Вместо проведения сначала национального, а затем и международного судебного расследования США предпочли огульно обвинить в терактах целые страны и безосновательно объявить об "исламском следе", а по существу — обвинить в терроризме весь мировой ислам, начав против него крестовый поход (президент США, как известно, в сентябре 2001 года так и заявил). Пригрозив, что любой режим, укрывающий терроризм, заплатит за это высокую цену,

США присвоили себе право наказывать все подозреваемые страны без всяких санкций ООН. Такая постановка вопроса находится в вопиющем противоречии с нормами международного права.

А.А. Коновалов. В то же время в своей внутренней политике США начали наступление на казавшиеся ранее незыблемыми либерально-демократические институты. Права человека, многие свободы начинают ущемляться; возникают другие "свободы", полицейские: прослушивание телефонов, вскрытие почты, банковских счетов и так далее. Спецслужбы США, которые, казалось бы, надо разгонять за полный провал в работе, получают новые беспрецедентные права, финансовые вливания и почти неограниченную свободу действий.

Как далеко пойдет этот процесс, неясно. Однако граждане США впервые за всю историю этой страны готовы поступиться частью прав и свобод в обмен на личную безопасность. Если эта тенденция укрепитя, то гражданское общество Запада может превратиться в общество тотального контроля — пограничного, полицейского, таможенного, транспортного и так далее.

Э. Кочетов. В Соединенных Штатах Америки на фоне экономической рецессии сейчас идет подготовка к введению мобилизационной экономики, как это было в американском обществе сразу после Второй мировой войны, после чего последовало раскручивание гонки вооружений. Однако, на мой взгляд, США в первую очередь заботятся о своих геоэкономических интересах, а точнее — об интересах своих крупнейших корпораций, которым требуются энергетические и сырьевые ресурсы Центральной Азии и Ближнего Востока.

С.В. Кортунов. В политической сфере Вашингтон попытается улучшить свой внешний имидж, ухудшение которого в последние годы связано с агрессивными действиями на Балканах, Ближнем Востоке и в других регионах при игнорировании ООН и других международных организаций, а также норм международного права.

Конечно, абсурдно предположение, что теракты 11 сентября организовала сама администрация США. Однако ее попытка эксплуатировать эту провокацию в американских интересах налицо. Просматриваются, в частности, следующие цели:

политический разгром исламского фундаментализма как препятствия на пути установления американского мирового порядка;

установление контроля над неудобными США мусульманскими странами;

предотвращение обвала, а по возможности — укрепление доллара США;

усиление контроля за нефтеносными районами в зоне между Каспием и Персидским заливом и обеспечение безопасности маршрутов движения соответствующих энергетических потоков;

резкое понижение политической роли трех крупнейших держав — обладательниц ядерного оружия, не вполне контролируемых США: России, Китая и Индии;

понижение политического статуса союзников США по НАТО. (Похоже, что отныне НАТО в лучшем случае отводится роль одного из инструментов глобальной стратегии США, строящейся на принятии решений единолично Вашингтоном. После 11 сентября НАТО оказалась невосребованной и как политическая, и тем более как военная организация. Генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон, Шредер, Блэр, Ширак буквально обивали пороги Белого дома, добиваясь привлечения к операции. Им дозволили лишь вспомогательные действия на периферии прямых военных событий.);

возвращение Европе статуса деполитизированной экономической зоны, целиком зависящей от США, как это было сразу после 1945 года.

Эти цели, во всяком случае в полном объеме, вряд ли будут достигнуты. Но каковы же в этом контексте национальные интересы России, ее место и роль в формировании нового миропорядка?

А.А. Коновалов. Россия присоединилась к антитеррористической коалиции не из желания угодить США и не для того, чтобы получить в обмен на это какие-либо политические или материальные дивиденды, — и в этом кардинальное отличие ее позиции от поведения некоторых других государств Центральной Азии. Приняв решение о поддержке США, Россия руководствовалась прежде всего своими национальными интересами, совпавшими с интересами США.

С.В. Кортунов. Вместе с тем нельзя не видеть, что Россия упустила осенью 2001 года многие политико-дипломатические возможности, в результате чего существующие и достаточно эффективные международные механизмы после терактов оказались незадействованными. В первую очередь это, конечно, Совет Безопасности ООН. России следовало бы с самого начала инициировать чрезвычайное заседание Совета Безопасности по этому вопросу. Такое заседание не состоялось, и лишь позже Совет Безопасности, как известно, был "подключен к проблеме" в режиме осуждения терактов и признания права США на самооборону.

Не был использован и такой международный механизм, как Совет коллективной безопасности (СКБ), действующий в соответствии с Договором о коллективной безопасности 1992 года. Следовало бы провести чрезвычайную сессию СКБ. "Шанхайская шестерка" здесь также могла бы сказать свое слово, и Россия могла бы инициировать вовремя ее заседание. Во многом благодаря нашей пассивности судьба этого органа в настоящий момент вообще находится под вопросом, поскольку основную роль в стабилизации ситуации в регионе играют теперь США — страна, не входящая и никогда в этот орган не входившая.

Должная настойчивость могла бы быть проявлена и в отношении созыва неформального, но очень важного инструмента мирового политического регулирования — "G-8" ("Большая восьмерка"). На предложения России и Италии о ее созыве Вашингтоном было сказано, что это в данной

ситуации бессмысленно и неуместно. И таким образом оказалось, что НАТО является чуть ли не единственным механизмом реагирования на кризис общемирового значения. А поскольку НАТО оказалась не способной к экстренным решениям и оперативным действиям, то фактически США должны были решать проблему сами. В результате мировая правовая система расшаталась еще больше.

А.А. Коновалов. И все же в проведении долгосрочной кампании против международного терроризма обойтись без России оказалось очень сложно. Даже такой мощной стране, как США. Кризис показал, что в районе Центральной Азии ни одно государство не обладает такими политическими и военно-техническими возможностями, как Россия. Сотрудничество с ней, ее поддержка для США незаменимы. Однако пока такое сотрудничество не носит равноправного характера.

Некоторые эксперты считают, что за участие России в антитеррористической коалиции следовало запросить с США соответствующую цену. Многие даже называют эту цену — сближение в отношениях с НАТО (или даже принятие в альянс), погашение ее внешнего долга, немедленное вступление во Всемирную торговую организацию на приемлемых для России условиях. Однако вступать с Западом в торговлю за участие в коалиции было бы для России политическим и моральным проигрышем.

С.В. Кортунюв. Согласен, что в создавшейся ситуации такого рода торговля нанесла бы России моральный ущерб. Но в дипломатии, как известно, односторонние уступки никогда не возвращаются. Их просто "кладут в карман" и затем "забывают". Это знают все, кто имел дело с американцами на соответствующих двусторонних переговорах.

В.З. Дворкин. На очевидные издержки российской внешней политики в Центральной Азии в складывающейся ситуации можно закрыть глаза. Россия сегодня борьбу против одного из очагов исламского экстремизма и терроризма, подпитывавшего "чеченский котел", ведет руками

США. Именно из Афганистана шла волна дестабилизации как в Среднюю Азию, так и в Чечню и другие регионы России.

Ф.И. Ладыгин. Не разделяю эту точку зрения. Есть неопровержимые доказательства того, что основная подпитка терроризма в этих регионах идет и ранее шла не из Афганистана, а из других стран — Саудовской Аравии, Турции, США, а в качестве каналов этой подпитки фигурировали и фигурируют Азербайджан, Грузия, страны Балтии и ряд других бывших советских республик.

С.К. Ознобичев. Все это подтверждает довольно банальную истину: российская политика должна быть не прозападной и не провосточной, а многовекторной, то есть пророссийской. Для Российской Федерации опасность усугубляется тем, что граница Афганистана с его соседями практически открыта. Кроме того, исторически сложилось так, что между бывшими республиками СССР также фактически нет границы. Закрыть же южную границу не представляется возможным по сугубо финансовым причинам. Единственно возможный прагматичный курс в этой ситуации — создание на юге блока стран-партнеров, озабоченных аналогичными проблемами. И начинать надо с Афганистана, превращая его в дружественное государство — буфер между территориями исламистского экстремизма, наркобизнеса и Россией. Поддержание партнерских, доверительных отношений с Ираном, Индией, Китаем также создаст благоприятные условия для установления основ безопасности на южном стратегическом направлении.

Оптимальным вариантом для России было бы ее участие в широкой антитеррористической коалиции как западных, так и восточных стран, но только под эгидой ООН и в соответствии с решениями ее Совета Безопасности. Следовало бы от имени ООН поставить жесткие условия странам, на территории которых находятся базы и вербовочные пункты международного терроризма. В случае если эти страны не способны сами закрыть такие объекты, можно было бы помочь им это сделать объединенными

усилиями спецслужб. Если же они не захотят этого сделать, то в отношении них правомерно было бы применить экономические и военные санкции ООН.

С.В. Кортунов. Особый вопрос в связи с участием России в формировании нового мирового порядка — это ее политика в отношении ислама. Развенчание мифа о едином исламе как дикой мракобесной силе, угрожающей цивилизованному человечеству, и особенно "богатому Северу", отказ от отождествления ислама с терроризмом, нетерпимостью, насилием, неуступчивостью по отношению к другим религиям и народам, формирование позитивного облика ислама, соответствующего его подлинному духу и сути, несомненно, отвечали бы фундаментальным национальным интересам России. И прежде всего потому, что это создавало бы серьезные препятствия на пути тех антироссийских сил как на Западе, так и на Востоке, которые хотели бы повернуть острие исламского экстремизма в сторону России, посорить Россию с исламскими государствами, а в идеале расколоть ее по межкультурному и межконфессиональному признакам. Очевидно, что роль своего рода заградительного отряда западной цивилизации от натиска радикального ислама в корне противоречит национальным интересам России, и в первую очередь ее мусульманского сообщества.

Реставрация подлинного образа ислама — то, в чем кровно заинтересованы и ислам, и Россия. За понятием исламского фундаментализма стоят различные, даже противоположные тенденции. Не признав этого, невозможно разобраться в событиях на Северном Кавказе, Ближнем Востоке, Балканах. Тезис о едином мировом исламе столь же абсурден, сколь абсурден тезис о "цивилизационном единстве" христианских держав.

В исламском мире, внутри России, в рамках СНГ, в дальнем зарубежье есть силы (и они, кстати говоря, в большинстве), которые являются геополитическими союзниками России, имеют с ней общие стратегические, ци-

визационные и геополитические цели, общую евразийскую культуру.

Недопустимо поэтому заносить весь исламский мир в поле угрозы человечеству. Необходимо вычлнить врагов и друзей, научиться отличать подлинный, традиционный (ортодоксальный) ислам от экстремистских сект, за которыми сплошь и рядом стоят вообще не исламские факторы, а интересы либо антизападных, либо чисто космополитических сил. Более того, те экстремистские формы, которые берутся за эталон исламского фундаментализма, и представляют главную угрозу истинному исламу.

Для России недопустимо ссориться с евразийским исламом. Напротив, в ее интересах выстраивать российско-исламский евразийский альянс, ориентированный на так называемую цветущую сложность (термин Константина Леонтьева), противостоящую всякого рода унификации и стиранию граней между цивилизациями.

Что касается татарского, а еще шире — тюркского ислама, эволюционировавшего в начале прошлого века в джадидизм, то он стал одной из составляющих православного русского царства далеко не случайно. Он вошел в качестве органической составной части в российский имперский межконфессиональный и межнациональный "котел", который по своему замыслу и был идеологической платформой "цветущей сложности" культур народов и вероисповеданий.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующие элементы стратегической линии России в отношении ислама:

- уважительное отношение к исламу;
- активное сотрудничество с умеренным исламом "евразийской ориентации";
- решительное противодействие исламскому экстремизму;
- предотвращение блокирования исламского экстремизма с агрессивным национализмом и сепаратизмом (как

трех факторов, сочетание которых порождает конфликты нового поколения);

блокирование стремления агрессивного авангарда мирового ислама использовать "чеченский фактор" против России, перенацелив против нее исламский экстремизм;

противодействие двойственной политике Запада, который, с одной стороны, не заинтересован в провоцировании исламского экстремизма, а с другой стороны, способствует в ряде случаев переориентации вектора его агрессивности на север, в сторону России;

недопущение отождествления исламского фактора с исламским экстремизмом, скатывания на позицию противостояния исламу "по всему фронту";

недопущение положения, при котором Россия выступала бы буферной зоной, передовым отрядом НАТО, щитом Запада против исламского Востока;

свертывание деятельности, разумеется, политико-дипломатическими средствами, экстремистских исламских групп на территории других государств (Саудовская Аравия, Турция и прочие).

Будучи по своей природе неагрессивным, исламский мир представляет сегодня питательную среду для международного терроризма, а в более широком плане — антитезу и способ противодействия либеральной атлантической модели мирового развития.

В настоящее время, несмотря на, казалось бы, очевидный военный разгром талибов, международные террористы не потерпели политического, а тем более идеологического поражения. Поэтому они по-прежнему остаются носителем "исламского протеста" против США. А это чревато новыми кровопролитными конфликтами во всем мире. Диалог с исламским миром на основе взаимного уважения — ключевая предпосылка обеспечения международной безопасности в XXI веке. Надо воспитывать уважение к народам иных цивилизаций, народам, которые никогда и ни за что не согласятся воспринять чуждые им ценности, отказаться от своей самобытности с тем, чтобы

стать лишь ухудшенной копией Запада. От Запада, в первую очередь США, потребуется толерантность к цивилизационному разнообразию мира. Следует осудить введение в международные политические отношения категорий "стран-изгоев", "оси зла" и прочих и даже устранить из лексикона подобные термины.

С другой стороны очевидно, что и мировой ислам должен осознать свою ответственность за сохранение мира и международной безопасности и пройти свою часть пути, а для начала — решительно отмежеваться от различных форм исламского экстремизма, включая ваххабизм.

Теперь давайте обсудим возможность сближения России с Западом, в частности, с США и Европой в контексте становления мирового порядка.

Ф.И. Ладыгин. Прежде всего, можно уверенно констатировать: попытка установить американский мировой порядок, во всяком случае, на данном этапе, потерпела крушение. Такой порядок не имеет перспектив в качестве безальтернативной тенденции мирового развития. Дальнейшие попытки его навязывания миру встретят еще большее сопротивление со стороны других субъектов международных отношений.

Далее. Роль Европы в формировании нового мирового порядка относительно падает, в то время как роль России потенциально возрастает.

Роль КНР пока не совсем ясна. Однако концепция "многополярного мира", как стало очевидно после сентябрьских событий 2001 года, является недопустимым упрощением реальных тенденций мирового развития.

С.В. Кортунов. Распространено мнение, что Россия в лице нашего Президента уже сделала именно стратегический выбор. Его еще называют историческим, а некоторые даже — цивилизационным. Это выбор в пользу Запада, в пользу Европы, чуть ли не в пользу христианского мира в целом, христианской цивилизации. Я думаю, что эта точка зрения крайне опасна для России, поскольку она навязывает еще один ложный стереотип внешнеполити-

ческого мышления. И возникает вопрос, как этот стереотип соотносится с национальными интересами России как во внешней, так, кстати говоря, и во внутренней политике, учитывая, что Россия, как известно, — это не только Запад, но и Восток, не только Европа, но и Азия, не только христианский мир, но и мир мусульманский. Россия — одна из крупнейших мусульманских стран. И если подобного рода "цивилизационный" выбор действительно сделан, то возникает вопрос, будет ли он способствовать укреплению Российской Федерации или, наоборот, будет работать на ее размывание. Если последнее, то такого рода стратегический выбор — это не что иное, как стратегическая ошибка. И об этом надо задуматься.

Второй вопрос вытекает, собственно говоря, из первого. Он связан с тем, что Россия вступила в западную анти-террористическую коалицию при полной, безусловной и безоговорочной гегемонии США. И пока все наши наиболее крупные шаги были направлены на то, чтобы однозначно поддерживать действия США, что бы последние ни предпринимали. Россия делает даже то, о чем ее никто не просит. Взять, например, заявление Путина о том, что жертвы среди гражданского населения в результате бомбежек в Афганистане останутся на совести террористов, а не тех, кто, собственно, предпринимал эти "ковровые бомбардировки", пусть и при помощи высокоточного оружия. Я уж не говорю про несвоевременное, с моей точки зрения, объявление о том, что Россия покидает радиоэлектронный центр на Кубе и уходит из бухты Камрань во Вьетнаме. Здесь возникает естественный вопрос: где, собственно говоря, предел уступчивости России? Имеет ли стратегия следования в фарватере Соединенных Штатов какие-либо ограничения? Где находится та самая точка невозврата (the point of no return), за которой наносится необратимый ущерб национальным интересам России и которую — эту точку — преступать уже нельзя? Или ее нет? Ну, тогда следует, извините, признать правоту Андрея Владимировича Козырева, который говорил, что у России

нет своих национальных интересов, которые были бы отличны от интересов Запада и Соединенных Штатов. Или, как он говорил, "интересов цивилизованного сообщества".

Тогда надо, собственно говоря, признать наше полное историческое поражение и более не "пыжиться". Прекратить всякого рода заклинания по поводу многополярного мира, собственной стратегии национальной безопасности и самостоятельной внешней политики. Неуместными в этом контексте становятся и наши возражения по поводу расширения НАТО, развертывания национальной системы противоракетной обороны США, отстаивание наших позиций на Ближнем Востоке. Тогда нужно согласиться, что Иран, Ирак и Ливия — это "страны-парии", и занять соответствующую проамериканскую позицию. Я уж не говорю о том, что и претензии на СНГ как зону наших жизненно важных интересов в этом случае повисают в воздухе.

Во всяком случае, признание того, что Россия будет без ограничений следовать в русле глобальной стратегии США, что, с моей точки зрения, пока происходит, означает признание ошибочности всего нашего внешнеполитического курса в течение последних десяти лет, в ходе которых Россия мучительно искала свою национальную идентичность в мировой политике, свою роль и место в мировом сообществе и, я бы даже сказал, в мировой истории в целом.

Следующий вопрос. В ходе операции США впервые используют в военных целях воздушный коридор постсоветского пространства и бывшие советские базы. Это качественно новая ситуация, которой никогда не было.

США закрепляются в странах Центральной Азии и остаются там надолго, если не навсегда. В этих условиях Россия постепенно теряет свои военные, а затем и политические, и экономические позиции в регионе, соглашаясь с тем, что передовое базирование Соединенных Штатов выдвигается в Центральную Азию, то есть на территорию бывшего Советского Союза, или, как многие ее называют,

территорию Большой России. Но при этом США сохраняют свою вовлеченность в антитеррористический конфликт, который будет длиться неопределенно долгое время. Возможно, бесконечно. Американский фактор в условиях ослабленной России, вероятно, будет в этом случае играть в регионе стабилизирующую роль. Это первый сценарий.

Впрочем, это достаточно долгосрочный вопрос. Если же брать краткие сроки, то, безусловно, самый болезненный для нас вопрос — это судьба СНГ и Договора о коллективной безопасности 1992 года. Развитие событий по американскому сценарию неуклонно ведет к полной ликвидации этих международных механизмов. Многие даже считают, что они уже не существуют, поскольку вопрос о предоставлении воздушных коридоров и баз решался каждой из стран Центральной Азии и Закавказья самостоятельно. Лишь потом все это было оформлено "коллективным решением". Потому и угроза Шеварднадзе выйти из СНГ носит чисто риторический характер.

Во всей этой истории не ясна роль Китая. Возможно, многие из вас видели в "Новой газете" публикацию, в которой излагается очень оригинальная версия происходящих событий, а именно то, что американский сценарий, если он есть (имеется в виду сценарий тех людей, которые действительно за этим стоят, то есть реальных заказчиков терактов), является лишь частью более тонкого сценария, за которым стоит Китай. Сейчас Китай незаметен, неподвижен, но это неподвижность старого крокодила, который до поры до времени не дергается, с тем чтобы все думали, что он бревно. Но в известный момент он заявит о себе. Возможно, что речь здесь идет о какой-то конспирологической метафоре. Я не сторонник конспирологии, но нельзя отрицать, что именно Китай способен извлечь для себя из сложившейся ситуации наибольшую выгоду, поскольку развитие событий объективно ослабляет всех участвующих в них акторов: и США, и Россию, и исламский мир.

И последнее. Операция в Афганистане в чисто военном плане поставила немало военно-технических вопросов и

предоставила довольно большой материал для анализа нашим военным и военно-техническим специалистам.

Первый вопрос такого рода — роль высокоточного оружия в вооруженных конфликтах XXI века в борьбе с международным терроризмом. Здесь накоплен уже немалый опыт, в первую очередь Россией и США. Это и Афганистан, и Чечня, и Югославия, и Ирак.

Второй военно-технический вопрос — возможность применения ядерного оружия. Такой возможности американцы не отрицают.

И, наконец, третий вопрос. Это информационные средства, применяемые заказчиками терактов. Здесь очень важно появление совершенно новой информационной технологии — "сшивание" виртуальной реальности с реальностью подлинной. Это так называемая шоу-узнаваемость, шоу-теракты, мир телеужастиков, который сливается с реальностью. Я думаю, что это тоже было тщательно продумано заказчиками. Обществу как бы говорят: вы видели много фильмов ужасов, а теперь это все будет происходить на самом деле, в реальном мире. Причем все подряд, вплоть до ядерной антиутопии "На следующий день".

Что можно противопоставить этой новой информационной войне? Я, честно говоря, не знаю. Но у нас здесь есть великолепные специалисты, в том числе по высокоточному оружию и информационному противоборству, которые, я надеюсь, скажут свое веское слово.

Ю.Г. Кобаладзе. Хотя я теперь "крупный российский банкир", прошлое тянет меня назад, и я хотел бы поговорить о роли спецслужб и о том, что произошло, с точки зрения взаимодействия спецслужб.

На второй день после терактов Евгений Максимович Примаков сказал, что это крах и позор спецслужб всех стран, включая Россию, которые показали свою полную беспомощность. Я не совсем согласен с такой оценкой. Но Примаков говорил со знанием дела, поскольку в

1991—1993 годах он стоял как раз у истоков того сотрудничества, которое налаживалось между спецслужбами.

Вспомните те "счастливые времена", когда Бакатин принимал американского посла в кабинете на Лубянке, вызывая ужас у сотрудников КГБ. Когда делегации СВР, включая делегацию, возглавляемую Примаковым, ездили в Америку и их принимал там директор ЦРУ Д.Ж. Вулси. И была там Стелла Рименсон, возглавляющая английскую контрразведку, которая приезжала в Москву и обедала здесь с "сильными мира сего". Тогда казалось, что действительно происходит прорыв, происходит что-то необычное, новое и между спецслужбами будут налажены контакты, сотрудничество, которые по крайней мере позволят предотвратить то, что произошло.

Но, увы, все это осталось благими намерениями, поскольку, как вы помните, в 1994 году произошел скандал с Эймсом, и американцы на нас очень обиделись. Потом "произошла" Чечня, и это вызвало, конечно, цепную реакцию среди третьих стран, особенно мусульманских, арабского Востока. Ну, и главное то, что, как ни странно, мы (когда я говорю "мы", то подразумеваю не только спецслужбы или разведку, но и все внешнеполитические ведомства) оказались более готовыми к этому сотрудничеству и были более честными, что ли, и откровенными, предлагая такое сотрудничество. Взамен мы получили, если вы помните, обвинения в том, что Россия не в состоянии контролировать свои ядерные арсеналы, что Назарбаев продает СС—20 — то ли в Иран, то ли в Ирак. Потом, когда это было отмечено и были соответствующие заявления, появилась пресловутая "красная ртуть", которую мы якобы возили по всей Европе, заливали ею Германию и Францию. Как потом оказалось, такого вещества в природе не существует. Потом появились радиоактивные материалы, и опять-таки вмешательство наших спецслужб позволило выявить, что это чистая провокация немцев, которые тем самым хотели втянуть Россию и российские спецслужбы в скандал. То есть вместо конкретного сотрудничества,

вместо каких-то конкретных договоренностей, вместо принятия эффективных мер многое уходило в пар, в песок. И вот мы пришли к тому, к чему мы пришли.

Не хотелось бы быть пессимистом. Сейчас складывается впечатление, по крайней мере по сообщениям прессы, по некоторой информации, что американцы и западные страны действительно впервые поверили в нашу искренность.

Понятно, почему мы, спецслужбы вообще, были пионерами провозглашения необходимости сотрудничества в борьбе с терроризмом, наркобизнесом, распространением оружия массового поражения. Это вытекало из контекста деятельности спецслужб. Мы никогда не говорили, что сотрудничество должно подменять разведывательную деятельность, и никто не ожидал, что американцы свернут разведку в России или во всем мире. И странно было бы, если бы они стали требовать (хотя они и требовали) от нас подобного поведения.

Достаточно напомнить, что, когда перед спецслужбами ставились государственные задачи, то есть задачи выживания, они выполнялись. Вспомните хотя бы проблему ядерного оружия, которое Сталин приказал сделать, и оно было сделано. Правда, на это были брошены все государственные ресурсы (я имею в виду не только разведку, но и всю нашу промышленность), но страна, которая задыхалась после мировой войны, в течение нескольких лет создала ядерное оружие.

Если будет такая же концентрация усилий, я уверен, мы сумеем противостоять этой новой угрозе. А то, что такая угроза существует, что она совершенно реальна, что мы имеем дело не просто с какими-то дилетантами, готовыми "броситься под танк", но с разветвленной и законспирированной сетью с серьезной финансовой подпиткой, мне совершенно ясно. Ей следует противопоставить, может быть, не новые, но действительно изощренные и достаточно дорогостоящие методы противодействия.

Ф.И. Ладыгин. Складывается впечатление, что международный терроризм проявился только 11 сентября 2001 года. Если мы так будем оценивать ситуацию, то, по-моему, о каких-то совместных действиях против международного терроризма говорить бессмысленно. И мы действительно будем следовать в фарватере политики Соединенных Штатов.

Россия первая столкнулась с международным терроризмом. И не Россия должна присоединяться к Соединенным Штатам. Мое глубочайшее убеждение состоит в том, что именно Соединенные Штаты и "цивилизованный мир" должны были раньше присоединиться к России, которая еще в середине или в конце первой половины 90-х годов уже приступила к вооруженной борьбе с международным терроризмом.

Если говорить военным языком, то Россия уже в течение нескольких лет ведет оборонительные военные действия против международного терроризма на своей собственной территории. И только сейчас Соединенные Штаты вместе с Англией при поддержке других стран, моральной и материальной, приступили к активным наступательным действиям против международного терроризма. Мне кажется, это принципиально важный момент. Не будь поддержки со стороны международного терроризма, бандитский режим в Чечне не смог бы существовать. Именно бандитский режим был создан и вскормлен международными террористами — с территории стран и Ближнего Востока, и Среднего Востока, и Юго-Восточной Азии, с территории тех же Соединенных Штатов Америки. Я ни в коей мере не хочу говорить о том, что это правительства действовали, но моральная поддержка была даже со стороны правительств. В Соединенных Штатах Америки, например, законодатели и представители исполнительной власти принимали представителей бандитского режима (подчеркиваю, бандитского).

Я никогда не соглашался с правильностью формулировки, которая была в указе Президента Российской Фе-

дерации: "наведение конституционного порядка в Чечне". Это была борьба против бандитского режима, который существовал на нашей территории. Сейчас она называется антитеррористической операцией. Здесь должно быть понимание со стороны наших партнеров, каковыми являются сейчас Соединенные Штаты. И здесь не должно быть главного партнера и второстепенного партнера.

Я думаю, что Юрий Георгиевич Кобаладзе знает (и мне пришлось в свое время узнать), каким образом и кто поддерживал бандитский режим Дудаева, каким образом в последующем вскармливались и пересылались наемники на территорию Чечни для действий в 1999 году.

Лично для меня печально было видеть, как наши средства массовой информации постоянно прокручивали по всем каналам кадры с рушащимися зданиями в США. Да, это было очень эффектно с точки зрения воздействия на психику, но мы забыли, что два года тому назад у нас в Москве также рушились здания. Это тоже дело рук международных террористов или по крайней мере тех выкормышей, через которых международные террористы действовали против России.

Формы проявления международного терроризма разные. И цели разные. Есть международный терроризм, который направлен, скажем, в данном случае против Соединенных Штатов. Он направлен, так сказать, на нагнетание страха, паники в Соединенных Штатах. У нас международный терроризм делает то же самое плюс к этому ведет еще дело к расчленению нашего государства.

Мы сами и наши партнеры, если они хотят равноправного партнерства, должны это понимать. Это принципиально важное положение. Россия не может быть каким-то второстепенным партнером. Мы можем быть только равными партнерами, если мы хотим, если наши партнеры хотят, чтобы Россия принимала соответствующее действенное участие в борьбе с международным терроризмом.

К сожалению, Юрий Георгиевич, я не слышал, когда Е.М. Примаков говорил, про "позор спецслужб". Возможно, он прав. Но мне представляется, что это не позор спецслужб, а следствие того отношения, которое существует до сих пор со стороны руководителей государств, политического руководства к взаимодействию спецслужб.

Да, действительно, СВР с самого начала (мне это хорошо известно) прилагала усилия для того, чтобы организовать взаимодействие, в том числе по тем вопросам, о которых говорил Юрий Георгиевич Кобаладзе: борьба с терроризмом, борьба с наркобизнесом, борьба с распространением оружия массового поражения и так далее. Но что я имел со стороны наших партнеров? Что я получал? Я получал такую "туфту", что однажды не выдержал и в присутствии своего коллеги и посла одной из стран (не буду ее называть) эту "туфту" возвратил и сказал: "Господин посол, передайте своему руководству, что подобного рода информация мне не нужна. У меня нет времени заниматься этой макулатурой".

К сожалению, из-за отношения к нам, к России в целом, взаимодействие было не столь уж существенным, а потому и малоэффективным. Я глубоко в этом убежден. И я не могу не согласиться с целым рядом положений, которые высказал Сергей Вадимович Кортунов относительно того, что надо самоопределяться, какова же наша роль, каково наше место в этом взаимодействии.

Как мы сами себе это представляем? А как представляют себе это наши партнеры? Каково место России в современном мире? Нас, к сожалению, не воспринимают как равноправного партнера. Возможно, что мы сами даем повод к этому.

Теперь о том, как можно было бы организовать эффективное взаимодействие спецслужб. Несколько принципов.

Первое. Это должны быть взаимоотношения спецслужб равных партнеров.

Второе. Взаимодействие спецслужб различных стран должно быть организовано на основе общих решений их высшего руководства относительно целей и задач совместной борьбы с международным терроризмом. При этом должны быть четко и ясно сформулированы цели, задачи, направления деятельности, формы взаимодействия спецслужб, конкретизированы силы и средства спецслужб, которые используются в решении единых задач. Сами спецслужбы осуществляют взаимодействие в рамках решений высшего руководства страны, причем эти решения периодически могут корректироваться, равно как и формы взаимодействия.

Как мне представляется, основной формой взаимодействия, вероятно, может быть взаимодействие, связанное с обменом информацией. Что касается совместных агентурно-оперативных действий, то вряд ли они могут быть существенными, поскольку это настолько деликатная сфера деятельности, что ни одно государство, ни одна спецслужба допустить кого-то к подобного рода вещам, составляющим исключительную тайну, не могут.

Я приведу вам пример. Где-то в марте-апреле 1995 года, вероятно, с целью показать, что режим Дудаева — это действительно бандитский режим, одна из наших российских спецслужб опубликовала запись переговоров Дудаева, по-моему, с Удуговым. Был осуществлен перехват тех каналов связи, которыми пользовались Дудаев и его режим. Эффект был потрясающим. Потрясающе отрицательным. Во-первых, на наши средства массовой информации это никак не повлияло, поскольку они были настроены, будем так говорить, продудаевски. Но наша спецслужба потеряла на длительное время свой источник информации, поскольку с территории Соединенных Штатов Америки сразу же и через Германию, и через Турцию после дополнительной доработки бандитам были предоставлены средства, закрывающие доступ к этим каналам связи. И этой спецслужбе потребовалось длительное время

для того, чтобы восстановить этот источник получения очень важной информации.

Взаимодействие спецслужб, на мой взгляд, может быть организовано в том числе по информационным каналам. Только обмен информацией должен осуществляться централизованно. Нельзя допустить того, чтобы каждая спецслужба работала порознь, скажем, СВР работала с ЦРУ, ГРУ работало с РУМО, ФСБ с АНБ (Агентством национальной безопасности Соединенных Штатов) и так далее. Нет, это должно быть только централизованно. Лишь в крайнем случае может быть организовано такое прямое взаимодействие, и то в обстоятельствах, не терпящих временной задержки. Вне всякого сомнения, должно быть исключено какое-либо несанкционированное вмешательство в процесс взаимодействия специальных служб.

О результатах несанкционированных поездок некоторых наших политиков во время агрессии Соединенных Штатов Америки и их с ними против Югославии, я думаю, вы знаете. Ездили многие. И кроме вреда, они ничего не принесли. Даже известный "успокоитель" террористов, ныне крупный дипломат, с помощью своих, так сказать, дипломатических вояжей туда-сюда ничего не смог сделать.

Разумеется, должна быть обеспечена строжайшая тайна. И очень важный момент — взаимность и адекватность в обмене информацией.

Четвертое. Взаимодействие спецслужб может быть наиболее эффективным (даже если имеется многосторонняя, многонациональная антитеррористическая коалиция), только если оно организуется на двусторонней основе. Таких двусторонних каналов (или, так сказать, пар) в рамках коалиции может быть несколько, но эффективность такого взаимодействия может быть достигнута только если оно организуется на двусторонней основе.

На мой взгляд, очень важный момент (и он корреспондируется с тем, о чем говорили и Сергей Владимирович Кортунов, и Юрий Георгиевич Кобаладзе): в случае если

проявляется какое-то непартнерское отношение одной стороны в рамках взаимодействия специальных служб, руководством другой стороны должны быть приняты соответствующие меры с целью исключения этого, вплоть до прекращения какого-либо взаимодействия.

И поскольку здесь присутствует уважаемый мною представитель средств массовой информации (П. Фельгенгауэр), хотел бы особо подчеркнуть мое глубочайшее убеждение в том, что эффективное взаимодействие спецслужб предполагает фактически полное исключение доступа средств массовой информации к столь чувствительной области деятельности, каковой является разведывательная и контрразведывательная деятельность.

Разумеется, информация, получаемая специальными службами, может быть использована при проведении психологических операций, для обеспечения информационного противодействия, но это уже специфическая форма деятельности, которая далека от работы средств массовой информации. Мне также представляется, что взаимодействие специальных служб вряд ли должно находиться в поле зрения широкой общественности даже тех стран, чьи спецслужбы взаимодействуют, если мы хотим добиться каких-то положительных результатов.

Вот, пожалуй, основные моменты. И это далеко не полный перечень. Тут может быть много специального, но все это возможно лишь при том, что будут партнерские отношения, что мы не будем слепо следовать за политикой Соединенных Штатов Америки. Поэтому мне представляется правильным, что сегодня, несмотря на первоначальное название "круглого стола" Сергей Вадимович Кортунов расширил круг вопросов, которые мы обсуждаем. Дело не только в событиях 11 сентября 2001 года на территории Соединенных Штатов Америки. Действительно, международный терроризм, в этом я глубоко убежден, — это первейшая угроза безопасности человечества в наступившем XXI веке.

А.А. Коновалов. Начать я хотел бы с некоторых вопросов, которые для меня, как человека, который никогда не работал в спецслужбах и не имел к ним отношения, остались до сих пор открытыми. Я, надо сказать, согласен с определением Евгения Максимовича Примакова относительно того, что был очень крупный провал спецслужб. У израильтян осведомители сидят чуть ли не во всех палестинских организациях, а такие спецслужбы, как наша и американская, гораздо мощнее. Как мне сказали сами израильтяне из тех самых служб, операция, по их оценкам, готовилась 18 месяцев, а более вероятно — 24 месяца.

Ю.Г. Кобаладзе. Что же они молчали?

А.А. Коновалов. Это они посчитали после того, как все произошло. Если 24 месяца что-то готовится, то это не может не иметь внешних проявлений. Значит, не там слушали, не то слушали, не так анализировали, не так подходили. Не знаю. Я не специалист. Но есть целый ряд вещей, которые у меня, как у неспециалиста, простите, вызывают вопросы.

Итак, на операцию идут несколько групп, от синхронизации действий которых зависит ее успех. С интервалом в 15 минут самолеты должны подлететь к зданиям Торгового центра. За полтора или за два года нигде ничего не утекло, нигде ничего не оставлено, нигде не прокололись, нигде лишнего не сказали по телефону, никому не проболтались, никто ничего не заметил. И на парковке Бостонского аэропорта они устраивают драку за место с американцем. Их же могли просто взять за шиворот, на два часа задержать вылет, снять с рейса. Явно притягивают к себе внимание. И в машине забывают Коран, специальный калькулятор для расчета расхода топлива крупных самолетов, самоучитель вождения тяжелых самолетов на арабском языке. Два года нигде ничего не забывали, а в один миг все забыли и сделали еще кое-что.

У меня такое ощущение, что все-таки Бен Ладен — это больше "торговая марка", чем реальный руководитель операции, потому что спланировать такое, сидя в пещерах

Гиндукуша, на мой взгляд, довольно сложно. Идею родить можно, а разработать в деталях, перемещать людей с континента на континент — для этого нужна сеть и умы посильнее, чем у Бен Ладена. Нужна штабная культура, если хотите. Ну, это так, к слову. Это начало.

Теперь, что же изменилось в мире? Изменилось очень многое, на мой взгляд. Но первое, что мне хотелось бы отметить, исчез гарант в очень многих сферах, роль которого играли США, и играли довольно успешно. США гарантировали безопасность европейских союзников, собственную безопасность, военно-стратегическую стабильность в мире. США претендовали на роль мирового финансового гаранта своей валютно-финансовой системой. США претендовали на роль, так сказать, наиболее продвинутого государства, которое гарантирует общечеловеческий научно-технический прогресс. И вот все это рассыпалось, превратилось в дым. Не потому что США перестали быть самой могучей, самой богатой и самой продвинутой страной мира. Нет, они остались ею. Но выяснилось, что они не могут гарантировать не только безопасность от новых угроз европейским союзникам, а даже безопасность Манхэттену. От тех угроз, на отражение которых эта система не была рассчитана.

Второе, что выяснилось. Постиндустриальная цивилизация, в которой мы живем, имеет огромное количество встроенных механизмов, которые, будучи приведенными в действие, могут нанести ей как минимум огромный ущерб, а как максимум — просто ее уничтожить. Ведь что было использовано для теракта? Одни говорят — ножи для резки ковров, другие говорят — ножи для резки кожи. Это все ерунда. На самом деле ножей могло вообще не быть. И оружия. Можно три месяца потренироваться в лагере Бен Ладена и заскорюзлыми пальчиками сделать то же самое, что и ножами для резки ковров: убить пилотов и сесть на их место.

Практически были использованы элементы цивилизации — гражданские машины. Но только выбраны они

были умно. Выбраны они были в Бостоне, а летели они в Лос-Анджелес. То есть они были залиты керосином "под завязку". Значит, 200 тонн массы, 80 тонн авиационного керосина, разогнанные до скорости 800 километров в час. Вот вам и "пожалуйста".

Результат для Нью-Йорка: 60 млрд. долларов прямых потерь. Американская биржа по акциям "просела" на 1 триллион 328 млрд. долларов. Конечно, потом она немножко восстановилась. Но уязвимость финансовой системы была продемонстрирована — более чем.

Теперь еще одна, на мой взгляд, очень интересная вещь. Борьба с терроризмом и права человека. Американцы пошли (добровольно пошли, легко пошли — с испугу, правда, но легко пошли) на довольно существенное ограничение базовых прав и свобод. Не знаю, временное это явление или постоянное. Я уже не говорю о том, что Конгресс, оказывается, можно закрыть на два дня для дезинфекции. Матрос Железняк — не единственный способ разбирательства с государственными законодательными органами. Можно закрыть Конгресс на дезинфекцию и дезинфицировать его довольно долго. Можно упростить процедуру доступа к частным телефонным разговорам, к фактам частной жизни, ко всем каналам связи, к информации — то, что американцы никогда бы не согласились сделать в другое время.

Все это — на время борьбы с террором или к этому можно привыкнуть? Мы имеем дело с долгосрочной трансформацией либерально-демократических ценностей или же это все-таки явление временное? Это очень важный вопрос.

Теперь относительно того, как будут связаны борьба с терроризмом и наши традиционные долгосрочные усилия в области российско-американских отношений, в области контроля над вооружениями. Я бы сейчас не хотел развивать эту тему. У меня есть кое-какие идеи. Но вот что делать с такими традиционными вещами, как ПРО, которая уже "выплывает", и расширение НАТО, которое "выплывет" в 2002 году? Они уже имеют совершенно другой цвет, вкус,

запах, значение, вес. Но надо определить к этому какое-то отношение в новых условиях.

И, наконец, последнее. Как мне кажется, в какой-то мере, может быть, даже это произошло и помимо нашего желания. Во всяком случае, это не планировалось. В российско-американских отношениях при новой администрации прошли три стадии за короткий период.

Первая стадия. Нас вообще не видели в упор. Считалось, что нас нет, и нам так и говорили. Была знаменательная статья Грехэма, которому я отвечал, и в которой было написано: "Вы — держава второго рода, второго сорта. С вами будут разговаривать только в совокупности с группами других стран, по интересам. Ничего для двусторонних разговоров, ну, кроме стратегических ядерных сил, у нас с вами не осталось. Не о чем Америке говорить с Россией". Потом вдруг начались Любляна, Генуя (кстати, до этого нам говорили, что даже и в Генуе нам не о чем говорить на двусторонних встречах). И появились разговоры о том, что пойдут консультации по стратегической стабильности — новые, объединяющие оборонительные и наступательные вооружения. А теперь вдруг выяснилось, что Россия — держава во многом ключевая, уже действительно давно воюющая на том направлении, откуда идет сегодня наибольшая угроза, и угроза весьма долгосрочная. Мы оказались "в одной лодке". И это американцами осознано.

Повторяю, это не результат какого-то стратегического планирования, а так вот вышло. И выплывем мы или не выплывем — это будет зависеть от того, сумеем ли мы в одной лодке научиться грести в одну сторону или будем тянуть в разные. Тогда вопрос действительно может встать и в цивилизационной плоскости. Так, как его однажды сформулировал Бен Ладен. Он сказал примерно следующее: я развалил Советский Союз войной в Афганистане, а теперь я уничтожу Америку войной в Афганистане. Не будем переоценивать Бен Ладена, он, на мой взгляд, больше даже успешный предприниматель и коммерсант. Перед

приездом сюда, я услышал разговор, что кто-то написал целую статью, будто Бен Ладен продавал китайцам американские "Томагавки", которыми стреляли по Афганистану. Треть "Томагавков" не разрываются, а Бен Ладен успешно их реализовал. И только за право их использования, приглашая специалистов со всего мира для их изучения, он получил 10 млн. долларов, которые передал чеченским боевикам. Если это так, то он довольно остроумный мужчина, надо сказать.

Отныне мы действительно живем в условиях совершенно нового характера угроз. Это менялось, может быть, долго, но было осознано в одночасье — 11 сентября 2001 года. В условиях новых угроз, которые требуют совершенно новых подходов и прорывных политических решений, разговор о том, Азия Россия или Европа, как бы на время теряет актуальность. Волею судеб мы, Россия, оказались в одной лодке с Западом. Мы сейчас пытаемся этим активно политически пользоваться, и этим надо пользоваться. Конечно, важно ответить на вопрос: это долгосрочно или нет? Вдруг, вот сейчас они "отбomбятся" по Афганистану и все кончится? На мой взгляд, нет. Это на много лет вперед.

III.3. Султанов. Понятие "терроризм" очень сложно определяемо. Во многом это зависит от идеологических предпочтений. А я предлагаю следующую формулу: "Терроризм и спецслужбы — неразделимы". На самом деле, история показывает, что эффективно действующие террористические организации связаны со спецслужбами — либо создавались ими, либо курировались, либо помогали с той или с другой стороны. Потому что на самом деле и спецслужбы, и террористические организации действуют в рамках некоего единого "конспирологического пространства".

Самый яркий исторический пример — это взаимоотношения между радикальными организациями царской России и министерством внутренних дел России. Фактически в каждой такой организации самое мощное минис-

терство России имело своих людей. Оно их воспитывало, оно их выводило на самый верхний уровень. Достаточно вспомнить Малиновского, благодаря которому Сталин отправился на каторгу. А когда наступил момент "х", министерство внутренних дел всех прихлопнуло. Никаких террористических, радикальных, экстремистских организаций в стране не было. И они появились уже после того, как их хозяин — министерство внутренних дел — в силу определенных византийских причин развалилось. Более того, любопытный момент заключается в том, что министерство внутренних дел не предотвратило, даже зная о нем, покушение на Столыпина, кстати, бывшего хозяина министерства внутренних дел.

Это по поводу терроризма и спецслужб. Потому что, чтобы бороться с терроризмом, надо сначала узнать, что это такое. С моей точки зрения, один из элементов мирового порядка — это большее сращивание спецслужб и террористических или квазитеррористических организаций. Самый яркий пример — это Бен Ладен. Когда американцам выгодно было, они создавали ему образ, они его "доделали", они кооперировались с ним, они представляли его как героя национально-освободительной борьбы против советской агрессии. Когда не надо было, они, так сказать, "отложили" его. Затем, когда сейчас он стал нужен, они опять его вытащили.

Кстати, интересный момент здесь заключается именно в том, на что никто не обращает внимания. Недавно, в течение последних двух недель, начались очень сложные взаимоотношения между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами Америки. И в частности, в связи с ходом этой так называемой антитеррористической операции в Афганистане.

Вы знаете, что республиканская администрация США и нынешняя, будем так говорить, администрация саудитов, или клан принца Абдаллы, очень тесно связаны. Эта связь идет еще с середины 70-х годов, когда принц Абдалла был министром строительства и раздавал очень большие под-

ряды на строительство в Саудовской Аравии. За счет этих подрядов, в частности, выростала одна известная корпорация — корпорация "Бечитл", которая является одним из элементов республиканской элиты Соединенных Штатов в последнюю четверть века. Там, в "Бечитле", корни и Шульца, и Чейни, и в определенной степени Рамсфилда, и других людей.

Так вот, по моим данным, была некая договоренность между ними. Почему, собственно говоря, умеренные мусульманские государства поддержали Соединенные Штаты? Потому, что у этих режимов, в частности у Египта, у Иордании, у Саудовской Аравии, так же как у Соединенных Штатов, есть один стратегический враг. И этим врагом является фундаментализм, исламский радикализм, который выступает и против Соединенных Штатов, и против этих режимов, уже прочно интегрированных в американский мировой порядок.

Но разногласия начались, по моим данным, после того как американцы нарушили эту договоренность. Речь шла о молниеносной операции в Афганистане. А после промедления с высадкой наземных спецсил США саудиты стали просто давить на американцев: когда, мол, вы, ребята, вообще высадитесь и проведете какую-то операцию? Нужны же какие-то реальные действия. А иначе получается все это очень контрпродуктивно. С каждым днем авторитет, влияние образа Усамы бен Ладена как супергероя, который противостоит американцам, американским "Томагавкам", бомбам и так далее, все больше растет и на самом деле очень негативно воздействует на социальные структуры этих исламских стран. И как бы дает толчок фундаменталистским тенденциям.

И еще один момент в связи с мировым порядком. Дело в том, что альянс между умеренными арабскими странами, мусульманскими странами и нынешней администрацией США проявился в 2000 году. Именно благодаря Саудовской Аравии и двум нефтяным кризисам республиканская администрация выиграла на выборах. Изначально

же она проигрывала в гонке Клинтону. Буш проигрывал Клинтону. Я думаю, что его спасли те действия, которые предпринимались на нефтяном рынке со стороны принца Абдаллы. А вы знаете, что принц Абдалла фактически руководит Саудовской Аравией, ибо король Фахд тяжело болен. Благодаря этим совместным скоординированным действиям республиканская администрация и выиграла. Отсюда были соглашения по ряду вопросов. В частности, по поводу палестинцев. Республиканцы обещали разрешить палестинскую проблему. Отсюда и давление на Израиль.

Мы также должны учитывать, что 11 сентября исполнился бы 31 год Тимоти Макою — человеку, который взорвал бизнес-центр в Оклахома-сити. А 11 июня его казнили. Причем интересный был момент. Демократы как бы оттягивали все это, и решение о том, чтобы заменить ему смертную казнь на пожизненное заключение, передали республиканцам. А праворадикальные суды Соединенных Штатов в принципе ориентируются на республиканцев.

И еще один, "футурологический", аспект в этой же связи. Есть такая точка зрения, что мы в начале нового тысячелетия постепенно вползаем в принципиально новый энергетический период — период сверхдорогой нефти. И Соединенным Штатам для адаптации к этому новому периоду нужно как минимум 5—7 лет. Адаптации социальной, экономической и так далее. И, собственно говоря, одна из целей этой операции заключается в том, чтобы выиграть это время.

Теперь по поводу особенностей феномена так называемого исламского терроризма. Я повторяю, исламский терроризм — в значительной степени идеологическое понятие. Потому что даже если посмотреть, как к этому понятию относились Россия и Соединенные Штаты в 90-е годы, то мы заметим, что в зависимости от отношений между соответствующими странами использовались различные понятия, такие, как "исламский экстремизм", "исламский радикализм", "исламский терроризм", "исламский

фундаментализм". Все зависело от того, в какой стадии находятся отношения с той или иной страной.

Я буду оперировать понятием "исламский фундаментализм", потому что с точки зрения ислама терроризм в чистом виде, то есть использование неадекватных силовых средств против гражданского населения, запрещен и Кораном и Сунной. Итак, особенности исламского фундаментализма как одного из очень важных элементов нового мирового порядка.

Первый момент. Исламский фундаментализм распространен и распространяется практически во всех странах исламского ареала. В нем представлены практически все слои данного общества, начиная с элиты и кончая беднейшими слоями. Это кардинальное отличие, например, от радикальных экстремистских организаций Западной Европы, таких, как "Рота армии Фраксон", "Красные бригады", "Аксен Дитрек" и так далее. Потому что там в основном, на 90 процентов, были представлены средние слои общества. Соединенные Штаты, собственно говоря, сейчас способствуют распространению исламского фундаментализма. Это некая мощная социальная контртенденция в мусульманских регионах. По некоторым данным, практически во всех так называемых мусульманских странах на стороне исламских фундаменталистов — от 15 до 30—35 процентов населения.

Второй момент. Это уровень образованности. В исламско-фундаменталистском движении участвует огромное количество образованных людей. Наиболее яркий пример — это палестинские радикальные организации. Вы знаете, что палестинское общество, палестинцы сами по себе — это одно из наиболее высокообразованных обществ в мире. По количеству людей с высшим образованием палестинцы значительно опережают нынешнюю Россию. А на Ближнем Востоке по этому показателю они уступают только Израилю. И вот в этих радикальных организациях люди с высшим образованием доминируют.

Третий момент, который отличает исламское фундаменталистское движение, — это четко разработанная "кон-

цепция героя", шахида. Причем сознательно идет противопоставление шахида, героя-фундаменталиста, атеистическому технологизированному анонимному антигероическому западному обществу, в котором выветрилось значение героя, в котором нет необходимости в этих героях, нет личностного начала.

Четвертый момент. Это четко выраженный социальный аспект. Все исламские фундаменталистские движения и организации выступают за социальную справедливость, за социальное равенство, они выступают за то, чтобы не было расслоения общества.

Характерный пример в этом смысле — это Исламское движение Узбекистана (ИДУ). С точки зрения Каримова, а сейчас и с точки зрения США (хотя еще полгода назад Вашингтон занимал другую позицию), ИДУ — это чисто террористическая организация. Хотя с точки зрения исследователей, которые знают социальную структуру и социальные проблемы Узбекистана, ИДУ — это отражение фактора резкого обнищания узбекского общества. Режим, который сейчас создал Каримов в Узбекистане, даже трудно назвать. Он действительно "внеклассовый", потому что Каримов противопоставил себя всем классам в Узбекистане. Существует небольшой родственник клан Каримова, который контролирует хлопок, золото, газ и другие источники, другие "экономические грядки". А по оценкам независимых исследователей, приблизительно 92—94 процента населения Узбекистана находится за гранью нищеты. В Ферганской долине, на которую ориентируются активисты ИДУ и их организаций, есть семьи, которые вынуждены продавать в рабство (действительно в рабство) своих детей для того, чтобы прокормить свою многочисленную семью.

Следующий, пятый момент. Это специфика исламского фундаментализма. Это его цивилизационный характер. Обратите внимание: все сейчас говорят, что борьба с терроризмом — это не цивилизационное противопоставление и здесь нет какого-либо противопоставления цивилизаций. Это ложь. Исламский фундаментализм кардинально, резко

противопоставляет себя западному обществу. Ну а с учетом того что Россия интегрируется в это западное общество, в эту западную цивилизацию после провала советского проекта, и она становится в этом смысле врагом для исламского фундаментализма.

Способствует исламскому фундаментализму в отличие от других аспектов еще и то, что его идеологическая основа — ислам — в отличие от каких-то других светских идеологий, даже религий, носит тотальный характер. Принцип тафхида ключевой в исламе, он создает энергетическую основу политического ислама. В этом смысле с исламским фундаментализмом в религиозном аспекте может конкурировать только индуизм, и никакая другая религия или идеология. Это шестой момент.

Седьмой момент. Это концепция национально-освободительной борьбы. Для исламского фундаментализма национально-освободительная борьба, которая во многих случаях имеет конфессиональный характер (речь идет о Палестине, Кашмире, Алжире, Чечне, Афганистане и так далее), является лишь элементом этой тотальной войны с "неверными".

И, наконец, последний момент — геополитический. Очень многие лидеры исламского фундаментализма во многих странах заявляют, что "после ухода со сцены, — цитирую, — после ухода со сцены советского коммунизма только ислам противостоит западному миру лицемеров".

П.С. Золотарев. Я хотел бы поддержать мысль, которую высказал Федор Иванович Ладыгин, — что международный терроризм родился не 11 сентября.

А. Горелик. Я хотел бы коротко выделить два момента. И не в полемическом, а скорее в информативном плане.

Первый момент имеет отношение к международному праву. То, что случилось в сентябре, и то, что происходит сейчас, поставило во главу угла вопрос о том, адекватно ли сегодняшнее международное право тому вызову, который бросил международный терроризм.

Пришлось провести срочную инвентаризацию того, что есть и чего нет, определить лакуны в нынешнем международном праве, быстро выяснив, что 12 имеющихся конвенций, в общем-то, прикрывают почти все напряженные направления. В то же время государства никак не могут договориться о так называемой зонтичной международной конвенции по борьбе с терроризмом. Идея ее была высказана Индией несколько лет тому назад. Текст имеется, и, в общем-то, при наличии серьезной политической воли достичь договоренности достаточно просто. Этого можно ожидать при оптимистическом прогнозе в ближайшие месяцы.

Есть второй "зависший" текст — проект конвенции о ядерном терроризме. Идея принадлежит России. Она была выдвинута тоже несколько лет назад. И с оптимистической точки зрения тоже можно сделать осторожный прогноз, что сейчас достанет сил этот проект вытянуть. Но тема настолько сложная и, как вы понимаете, чувствительная, что здесь прогноз гораздо более осторожный.

Главная юридическая проблема сегодня такова, что нет определения, что же такое международный терроризм. Уже много лет многие бьются над этим, а консенсуса нет. Несколько недель назад состоялась довольно интенсивная политическая дискуссия в Генеральной Ассамблее ООН. Тема номер один сегодняшней Генеральной Ассамблеи — это международный терроризм. Какое-то продвижение к большему взаимопониманию есть. Но, похоже, государства опять будут "наступать на те же грабли", и маловероятно, что сумеют сейчас согласовать определение международного терроризма. Главная "западня" понятна. Целый ряд государств, прежде всего третьего мира, по-прежнему считает, что нужно сделать важное изъятие из формулировки (любой формулировки) международного терроризма, имея в виду, что борьба за национальное освобождение не является международным терроризмом. Это большая политическая тема, старая. Мне лично кажется, что недавнее решение Европейского союза в течение нескольких месяцев достичь

у себя консенсуса и выработать единую формулировку международного терроризма — это сегодня, наверное, более многообещающая дорожка. Можно ждать, что Евросоюз подаст пример.

К теме международного права имеет также прямое касательство резолюция 13/73, принятая Советом Безопасности несколько недель назад. Это, на мой взгляд, достаточно убедительный ответ тем, кто считает сегодня, что Совет Безопасности был отстранен, что он где-то там пассивно взирал на то, что происходит. Международные юристы считают, что это — "резолюция века". Она взяла в оборот несколько новых положений, затвердила их, и они уже являются частью международного права. Прежде всего, это тот тезис из резолюции 13/73, что любой акт международного терроризма является угрозой международному миру и безопасности. Повторяю, любой акт. Значит, любой акт международного терроризма подпадает под действие главы 7 Устава ООН. В этой главе, как вы знаете, идет речь о мерах по принуждению к миру, о насильственных действиях, о военных действиях, если хотите. Это первый момент.

Второй момент — это то, что согласно этой резолюции государства, поддерживающие международный терроризм, поддерживающие террористов, становятся на одну доску с "террористами-индивидуалами", скажем так. Опять глава 7 и опять возможность применять к этим государствам насильственные, военные, если хотите, действия.

Третий момент — это установление Советом Безопасности легального юридического обязательства для государств сотрудничать друг с другом в пресечении актов международного терроризма, включая обмен разведывательной информацией, разного рода сотрудничество по линии спецслужб. Тоже вещи по-своему беспрецедентные.

Итак, первый вопрос, о котором я говорил, — международное право. Второй вопрос, поскольку мы ведем речь о мире после 11 сентября 2001 года, — это механизмы,

многосторонние механизмы, для того чтобы вести борьбу с международным терроризмом.

Сегодняшняя коалиция, как вы понимаете, это сплошной *ad hoc*. В каждом конкретном случае это разовая коалиция, которая не влечет за собой, строго говоря, больших последствий для международного права и международной политики. За исключением того, что она создает важные прецеденты.

С точки зрения институциональности те две резолюции, которые принял Совет Безопасности, мне кажется, подтверждают его центральную роль в поддержании международной безопасности. По понятным причинам это важное и позитивное явление для России. В 1992 году, если вы помните, первый и единственный раз Совет Безопасности собирался на высшем уровне, и тогда было принято заявление, где впервые в документах Совета Безопасности столь ясно международный терроризм был поставлен на одну доску с другими крупными вызовами международной безопасности.

Так вот, Совет Безопасности и его роль, я бы сказал, скорее укрепились в последние недели. Хотя, конечно, не стоит обольщаться. Далеко не все (и прежде всего Соединенные Штаты) готовы, как вы понимаете, принимать серьезные, судьбоносные решения априори в Совете Безопасности. Это большая тема.

И второй момент, о котором я хотел бы вам сказать. Это далеко не всем, даже специалистам, сейчас известно, отслежено. Совет Безопасности по резолюции 13/73 создал специальный комитет для того, чтобы следить, проводить мониторинг того, как эта резолюция будет выполняться. Я принес 20 экземпляров довольно интересного документа (он, правда, на английском языке). Это пятничная пресс-конференция английского постпреда при ООН Гринстока, в которой он рассказывает (он председатель этого комитета, а Сергей Лавров — российский представитель и заместитель председателя), чем уже занимается этот комитет. Мое осторожное мнение, что из этого комитета может вырасти

какая-то ооновская структура, которая будет всерьез заниматься проблемами международного терроризма. Пока чем она занимается? Пока это орган советующий и орган мониторинга. Комитет должен следить за тем, как государства-члены будут выполнять свои обязательства по упомянутой резолюции. Он будет собирать доклады, будет давать свои рекомендации, что надо делать для выполнения этой резолюции, как писать эти доклады. Начинает создаваться своего рода структура, потому что ООН рекомендует государствам-членам на своем уровне иметь фокал-пойнт, то есть контрагента, который был бы визави комитета Совета Безопасности, занимающегося международным терроризмом. Уже ведется речь о том, что в секретариате ООН организуют такую группу. Пока это будет маленькая группа (вы знаете непредсказуемую судьбу бюрократических структур). В эту группу экспертов по борьбе с международным терроризмом войдут представители спецслужб, ученые и так далее, и тому подобное. Этот комитет пока является органом совещательным, но речь идет о том, что он в принципе может через полгода, как говорят, выйти на уровень других комитетов Совета Безопасности, которые проводят мониторинг выполнения санкций против того или иного государства. А эти комитеты уже имеют полномочия принимать обязывающие для государств-членов решения.

Так что призываю вас посмотреть на ту эволюцию, которую, возможно, будет претерпевать этот комитет. Может быть, речь идет о своего рода ядре, зародыше какой-то антитеррористической структуры в рамках Организации Объединенных Наций.

В.З. Дворкин. Я попытался перед заседанием нашего "круглого стола" как-то структурировать возможные угрозы только в одной области — в области ядерных угроз. И эта структуризация приводит к неутешительным выводам.

Прежде всего, что надо отнести к ядерному терроризму? По-видимому, к нему можно отнести воздействия на объекты, которые содержат ядерное оружие, заводы по

переработке ядерного топлива, рудники, производственные циклы, транспортные средства, на которых перевозятся и радиоактивные материалы в различной форме, и ядерные боеприпасы в том числе. И вот на всю эту совокупность объектов, безусловно, возможно воздействие террористов.

Для того чтобы понять смысл этого воздействия, надо прежде всего структурировать террористические группы и цели. Прежде всего, может быть, по целям этих террористических групп и по технологическим возможностям, по материальным возможностям.

Есть информация о том, что существует по крайней мере 180—200 террористических организаций. Эта цифра, может быть, неточна. Но о порядке можно говорить именно так. Цели у них, безусловно, разные. Но их можно сгруппировать. Одни преследуют цель максимального уничтожения "неверных" (если это мусульманские организации). Для других нужен пиар, причем эффектный, эффективный пиар. Одни используют смертников-камикадзе. Другие не хотят, наверное, умирать за свое дело. Говорят, что много информации по Бен Ладену и, в частности, о том, что он совершенно не собирается быть камикадзе. Цели другие. Цели у него во многом политические, экономические. Таких целей, может быть, пять-шесть групп. Отсюда и воздействие на различные объекты, которое приводит либо к массовому поражению и уничтожению людей, либо способно произвести такой сильный внешний эффект, как 11 сентября 2001 года.

В зависимости от целей и технологических возможностей террористы могут воздействовать на различные объекты. А таких объектов, которые содержат ядерные материалы, буквально сотни в каждой крупной стране. Угрозу представляют, конечно, такие материалы, которые содержатся в ядерных боеприпасах, например, которые присутствуют на протяжении всего технологического цикла — от изготовления до утилизации. Это плутоний, это уран... Эффект от воздействия на эти различные объекты имеет широчайший диапазон.

Например, разброс плутония от ядерного боезаряда может привести к долгосрочному заражению площади примерно в несколько квадратных километров. Я не говорю об активном ядерном взрыве. Это для террористов, будем считать, пока недостижимо. Но есть такие возможности радиоактивного заражения, что будет заражена площадь в несколько тысяч квадратных километров. Вот такой диапазон.

В этих условиях встает вопрос: что делать? Если имеются сотни объектов в каждой стране, с учетом транспортных средств, на которых возможности террористических актов определяются лишь стоимостью информации о перемещениях, что делать для того, чтобы предотвратить такие акты?

На первый взгляд кажется, что вся страна или, во всяком случае, ее половина должна превратиться в спецслужбу, а вторая половина должна постоянно "стучать". Наверное, это нереально.

А.А. Коновалов. Ну почему же?

С.В. Кортунов. Нельзя, но очень хотелось бы...

В.З. Дворкин. Я не хочу обращаться к нашему или немецкому опыту.

Причем основной вопрос заключается скорее не в том, что делать, а как делать.

Так вот, прежде всего нужно иметь полный перечень, в полном объеме, близкий к исчерпывающему, возможных сценариев воздействия террористов на ядерные объекты. Я сейчас не говорю о химическом или бактериологическом оружии. Таких возможных сценариев могут быть тысячи. Причем каждому сценарию следует придать определенную вероятность. То есть расставить приоритеты с точки зрения того, что могут сделать террористические организации в зависимости от целей. Если, допустим, можно разбить террористов на 5—6 групп по целям и на такое же количество групп по технологическим и материальным возможностям, то уже получается несколько десятков возможных вариантов. Плюс объекты. Вот откуда возникают

тысячи возможных сценариев. И после того как будут определены приоритеты с точки зрения террористов и с точки зрения угрозы по степени опасности, необходимо, исходя из собственных ресурсных возможностей, переходить к определению сфер того ограниченного количества мер, которые могут предприниматься в отношении этого огромного количества возможных сценариев.

Я не совсем согласен с глубокоуважаемым мною Евгением Максимовичем Примаковым, который говорил, что был позор и провал спецслужб, поскольку они не всемогущи и нападающие всегда имеют огромное преимущество с точки зрения места, времени, способов и масштабов своих действий. Но для того чтобы работа в направлении противодействия (даже в такой узкой области терроризма, как ядерный терроризм) была достаточно эффективной, нужно провести структурную обработку всех сценариев, о которых я говорил, и выбрать то, что представляет собой наибольшую опасность.

Остается решить вопрос, кто может взяться за такую работу, очень большую и длительную работу по определению приоритетов, по определению степени вероятности возникновения этих угроз и путей их предотвращения, кто будет финансировать эту работу. Мне представляется, что такая работа совершенно необходима. Это, безусловно, непосильно ни для какой отдельной страны. Здесь должна быть система единых международных стандартов для определения приоритетов угроз. То есть это работа, которую необходимо проводить всему международному сообществу.

С. Викулов. За последнее столетие произошли три важнейших события, из которых сделаны или надо делать выводы: 25 октября (7 ноября) 1917 года — Октябрьская революция в России; 6 и 8 августа 1945 года (через 28 лет) — атомные бомбардировки в Японии (Хиросима и Нагасаки); 11 сентября 2001 года (прошло два раза по 28 лет, то есть 56 лет) — террористические акты в США.

Что же общего между этими событиями и какие выводы делало или должно сделать общество?

Первое, что объединяет эти события, — все они трагичны.

Каковы последствия?

Первое. После Октябрьской революции мировой капитализм понял, что на фоне лозунга о мировой революции нужно менять социальную политику, лишить пролетариат материальной основы для социальных потрясений. Это поняли все, кроме большевиков, и это обернулось трагедией огромной страны.

Второе. После атомных бомбардировок подавляющему большинству, населяющему земной шар, стало ясно, что ни атомное, ни ядерное оружие применять нельзя, поскольку это означало бы глобальный катаклизм, гибель человечества. Лично мне 30 лет назад было ясно, что человечество если и погибнет, то не от ядерного оружия, а от бактерий или иной такого рода гадости. И опять не все это поняли. Ядерное оружие до сих пор есть в нескольких странах. Поскольку ядерное оружие стареет и меньше привлекает к себе внимание, опасность уничтожения не снижается, а, напротив, увеличивается. В нынешней ситуации (сближение с НАТО, уход с активных позиций бывшего министра обороны И.Д. Сергеева, увеличение опасности, исходящей от химического оружия на складах в России и на дне Балтики) созрели условия для радикального решения проблемы ликвидации ядерного оружия.

Третье. Терракты в США 11 сентября 2001 года стали последней каплей в чаше оценок не только военных угроз и опасностей, но и в целом существования человечества. И опять человечество стоит перед выбором: как действовать, где основные стратегические угрозы и опасности? Пока мир, а особенно США, ведет себя реактивно. Мы пока реагируем на активные действия террористов: повышаем уровень контроля в аэропортах, проверяем конверты на возможность их заражения сибирской язвой. Конечно, надо это делать, но сейчас нужна стратегия поведения, которая дала бы кардинальные решения. Нужны коренные

изменения экономической политики, как это было сделано после 1917 года.

Итак, главный вопрос сейчас: каковы стратегические опасности и угрозы для человечества? Назовем некоторые: наркотики, терроризм, оружие массового поражения (ядерное, химическое, биологическое и другое), экологические последствия деятельности человека.

В этих условиях необходима оценка и ранжирование угроз и опасностей на перспективу 30—50 лет, поскольку средства противодействия, в том числе оружие, создаются под задачи, которые нужно будет решать через 20—30 лет. Такие обсуждения проводятся периодически. Например, 2 декабря 1997 года под руководством С.В. Картунова обсуждалась проблема "Глобальные тенденции мирового развития в XXI веке". Оценка угроз нужно проводить независимым международным организациям, поскольку не только военные, но и политики "готовятся к прошлой войне". Пример — события в Афганистане (бомбежки, ракеты и прочее). Хотя и есть нечто новое: безлюдная дистанционная война, психологическое воздействие.

Для России главные угрозы находятся внутри ее. Это угроза экономического терроризма, связанная с затянувшейся военной реформой, в том числе с переходом на контрактную систему. Большую опасность в этом плане представляют наши низкооплачиваемые военнослужащие, к тому же десятками тысяч не имеющие жилья.

В.А. Рубанов. Я хотел бы в своем выступлении постараться ответить на те вопросы, которые поставил Сергей Вадимович Картунов.

Прежде всего я хотел бы поддержать прозвучавшую здесь точку зрения, что России нужно собственное самосознание, собственное самоопределение. Потому что в современном мире все не так однозначно. Все не так легко делится на добро и зло, на хорошее и плохое.

То, что происходит сегодня, хорошо описал в своих работах английский историк А. Тойнби. Он, в частности, отмечал, что происходят скорее не конфликты цивилизаций,

а конфликт Запада со всем миром. Это первая жесткая и нелицеприятная оценка, которую давал западный ученый.

В этой связи, как мне кажется, принципиально важно разобраться в терминологии, особенно употребляемой в политическом языке, и очень осторожно употреблять термины "цивилизированный мир" и "нецивилизированный мир". Существует фашистская теория цивилизационной лестницы — одни выше, другие ниже. И существует теория цивилизационного многообразия, которая исходит из того, что цивилизации — разные. Мне очень жаль, что наши ведущие политики фактически идут как бы в русле фашистских теорий и делят мир на "цивилизированный" и "нецивилизированный".

Второе, на что я хотел бы обратить внимание. Что бы там ни говорили, каким бы образом нас ни прельщали Западом, но уже с начала прошлого века происходит рефлексия западной философской мысли, связанная с кризисом западной цивилизации, кризисом ценностей, на которых построен западный мир. Это прежде всего кризис той системы научно-технической рациональности, которая фактически полностью подчинила эффективной работе экономического механизма и зарабатыванию прибыли базовые ценности человеческой жизни. И, по сути дела, те проблемы, которые сегодня есть в западном мире, в том числе и стремление уйти от реального мира в виртуальную реальность (при наличии материального богатства), являются следствием этого кризиса. Такой путь развития, кстати говоря, не воспринимается другими цивилизациями.

Здесь уже говорилось о фундаментализме. Фундаментализм ведь возник не как ответ на военную агрессию. Он возник как ответ на агрессию культурную с целью сохранения своих истоков, своих ценностей. Между прочим, такая рефлексия есть и в России. Она основана на возврате к православию и другим ценностям. Поэтому для меня, например, ясно, что мы не можем однозначно идентифицировать себя с Западом. На самом деле нас в большей

мере волнуют те проблемы, которые затрагивают страны с большей архаичностью, с большей верой в свои корни.

Я присутствовал на семинаре, который проводился две недели назад Институтом стратегических оценок, и мне очень понравилась одна вещь. Впервые западные политологи обратились к философии, чего никогда за ними не водилось. И впервые российские политики стали рассуждать языком цифр, прагматично. И, что характерно, возник вопрос (о чем здесь говорил Сергей Вадимович Кортунов): не торопимся ли мы? На этом семинаре российские выступающие говорили: "Ну вот, мы уже фактически все сделали для поддержки Северного альянса. Где же американцы, чего же вы опаздываете?" А они говорят: "Да нет, это не мы опаздываем, а вы торопитесь". Эта дискуссия, на мой взгляд, немного отражает ту идею, о которой говорил Сергей Вадимович Кортунов, — что мы как бы теряем свою "самость" и хорошо ли для нас это или плохо. Я считаю, что не очень хорошо.

Кстати говоря, в выступлениях западных политологов звучала мысль и появились такие примеры, что разрыв между 20 процентами бедных и 20 процентами богатых в XIX веке составлял 3 раза, а сегодня достиг цифры 86. То есть что бы мы ни делали, какие бы альянсы ни создавали, сколько бы ни "бомбили", если механизм самовоспроизводства причин терроризма не ликвидировать, то мы ликвидируем лишь внешнюю сторону этой болезни. Нам никуда не уйти от исследования глубинных причин, воспроизводящих терроризм, воспроизводящих эти конфликты. И мне кажется, и на уровне политиков, у которых свои проблемы, и на уровне научного сообщества об этом нужно более глубоко думать.

Теперь вопрос соотношения права и силы. Он, как мне кажется, тоже стоит на повестке дня. Дело в том, что последние операции, которые были проведены США по отношению к Ираку и Югославии, показали, что на самом деле международное право носит лишь декларативный характер и не является источником силы. Как мне кажется,

право в настоящее время санкционируется силой. Есть сила — будет право. Такому циничному отношению к праву позиция и поведение Соединенных Штатов очень сильно помогли. И вообще говоря, роль права, его моральный авторитет и моральный авторитет международных организаций, включая ООН, были подорваны известными событиями предшествующего периода, прежде всего действиями США в Югославии и Ираке.

Как же нам дальше с правом-то быть? Право должно расти из силы или все-таки из морали? Это вопрос, на который мы слышим лишь абстрактный ответ. Право есть право, а из чего оно растет — непонятно.

По поводу изменений в мире. Я бы согласился с точкой зрения П.С. Золотарева о том, что мир пока лишь как бы "очухался", но фактически не изменился. И если в настоящее время мы рассчитываем на какие-то там преференции с западной стороны, то это иллюзии. Я еще не знаю ни одного крупного экономического субъекта, тем более если на самом деле он командует миром, который бы жестко не отстаивал исключительно свои эгоистические интересы. Как только возникает первый экономический конфликт, любые договоренности или же "моральные отношения" тут же рушатся. Они просто встроены в жесткий механизм той экономической системы интересов, которая в настоящее время доминирует в мире. И иллюзорно было бы рассчитывать, что кто-то нас вспомнит за хорошие дела. Никто не вспомнит. Это очень жесткая система, которая не терпит места для морали. Или ты — или я. Третьего не дано. В конечном счете в процессе жесткой конкуренции кто-то один будет доминировать.

Теперь что касается роли и квалификации спецслужб. Дело в том, что версий терактов может быть очень много. Но профессионализм спецслужб не в том, что спутник собирает информацию и отбирает ключевые слова. Это делают не люди, а машины. Весь смысл деятельности спецслужб — это агентурная разведка, это проникновение,

это опора на местное население и так далее. Вот на чем проверяется квалификация спецслужб.

Как видим, с помощью машин США отгородились от мира. Они никого не видят, ничего не слышат, кроме как через перехваты разговоров. Эти 30 миллиардов, которые идут на разведсообщество, фактически направлены не на понимание человеческих душ и не на проникновение в организации, а на развитие бездушной техники. Скорее всего это есть некоторое отражение нравственной атмосферы этой страны, некоего ее политического курса. И это позор не столько спецслужб, сколько тех, кто этими спецслужбами пользуется.

Теперь об идее саморазрушения. Да, и Тойнби писал об этом. В западную цивилизацию встроены, по его мнению, два механизма саморазрушения — это механизм войны и механизм классовой ненависти. И никуда от этого не денешься. И тот, и другой механизм в теракте и в ответе на него и проявились. И уж если на то пошло (мы сейчас говорили о ядерном терроризме), ядерное оружие изобрели не варвары. Самое варварское оружие изобретено так называемым цивилизованным миром. Это и есть тот самый механизм саморазрушения, о котором писал Тойнби.

Об информационной безопасности. Об этом уже говорилось. В частности, Сергей Вадимович Кортунов говорил об очень эффективной и очень жесткой связи между терроризмом и пиаром. Сам терроризм — это некое широкое распространение определенной информации. Более того, он невозможен без средств массовой информации. Разговор о том, отлаживать ли механизм взаимодействия спецслужб и средств массовой информации, — это отдельный вопрос, и я здесь его комментировать не собираюсь. Но есть другие вещи, которые для России очень важны и мы должны их понимать. Дело в том, что в настоящее время миром правит тот, кто стоит у кормила информационных и виртуальных империй. Кто с помощью образов, символов осуществляет символическое насилие. Кто с помощью виртуального пространства, с помощью своих

образов фактически может извлекать интеллект и финансы из осваиваемых территорий, физически никогда на них не заходя. И эта угроза исходит не от арабских стран.

И я хотел бы подчеркнуть, что проблема таких виртуальных империй — это наше уязвимое место. В экономике, научно-технической политике мы ориентируемся все-таки на индустриальный путь развития. Мы очень мало и даже слабо за людей-то боремся. Ведь самый ценный для информационного века материал — это программисты-математики. А они из страны уезжают, мы их просто теряем. И в этом я вижу одну из главных угроз национальной безопасности, потому что нам нечем отвечать на этот вызов.

Но, с другой стороны, этот новый цивилизационный феномен, который связан с виртуальными империями и информационными процессами, тоже содержит в себе механизм саморазрушения. Это стеклянный, хрустальный дворец. Его очень легко разбить кирпичом. Поэтому когда мне приходится бывать на семинарах и когда говорят, допустим, о том, что в Америке отключили с помощью программного хакера жизнеобеспечение в госпитале и кто-то погиб, я говорю обычно, что нас это не страшит, потому что у нас умирают от нехватки аспирина. То есть самая большая угроза информационной безопасности, как ни парадоксально, у нас возникает из-за отставания, а в Соединенных Штатах она возникает из-за слишком большой зависимости от информационной инфраструктуры.

Тем не менее существуют и международные проблемы информационной безопасности. В свое время я в какой-то мере был одним из инициаторов их решения. Года три-четыре, если не пять, назад российской стороной в Организацию Объединенных Наций были внесены некие инициативы по международной информационной безопасности. Они сейчас там находятся "на точке замерзания". Сегодня эти наши инициативы необходимо реанимировать. Потому что на самом деле в виртуальном пространстве существуют очень серьезные угрозы. И, кстати говоря,

многие вещи там описываются в традиционной военной терминологии: информационные войны, информационное оружие, информационная агрессия и так далее. Хотел бы обратить ваше внимание и на то, что очень многое сегодня из того, что связано с терроризмом, сначала проявилось в информационной сфере.

В США на сегодняшний день интересны два процесса. Во-первых, там активизировалась хакерская деятельность, активизировалась деятельность спецслужб в этой сфере. Но одновременно то, что происходит сегодня с почтовой связью в Соединенных Штатах, привело к резкому возрастанию числа пользователей электронной почты, потому что люди боятся физически контактировать с обычными письмами. Эти процессы нам необходимо учитывать и иметь в виду.

Одно замечание по Чечне. Здесь звучал тезис о том, что Дудаева вскормили "зарубежные силы". К сожалению, не только зарубежные силы. Внутрироссийские силы, и, кстати говоря, очень влиятельные в российской политике, приложили к этому большую руку.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что отношения на основе баланса сил не очень продуктивны. Мир на сегодняшний день построен, по сути дела, на насилии. Чего не хватает в современном мире и в современной политике, так это морали, совести и нравственности. Поэтому Россия в этой ситуации должна бы не присоединяться к кому-то и не отсоединяться от кого-то. Завтра ситуация может поменяться. Откровенно говоря, тот карт-бланш, который мы даем США на убийство мирного населения, на расправу, которую они творят в Афганистане по своему разумению и исходя из своей идеологии, ничем не отличается от расправы вне суда и следствия. То есть мы приходим, по сути, к той самой "революционной целесообразности" и к оправданию насилия, не имеющего правовой основы.

В этой ситуации в мире имеется дефицит совести, который Россия способна покрыть. Ведь, по большому

счету, недавно мир был более сбалансирован не только потому, что был баланс американского и российского потенциалов, но и потому, что была некая альтернатива политике США. А сегодня, между прочим, обострение терроризма связано с тем, что у людей, которые не согласны с этой политикой, нет выхода, и это провоцирует терроризм. Поэтому у нас есть шанс стать неким "центром совести" и начать выстраивать мир без насилия. Мне кажется, это шанс, который Россия должна использовать.

Э. Кочетов. Что происходит в центральном ареале евразийской платформы? По сути дела, это зачистка Афганистана. Я бы назвал эту операцию вторым изданием такой зачистки Афганистана. Каковы причины этой зачистки? Дело в том, что техногенная модель западного образца выдвинула совершенно новые требования. Она уже не может мириться с издержками, когда деньги буквально выбрасываются на ветер. Эти вещи прекрасно видны на геэкономическом атласе мира. А в последние годы и десятилетия зародился такой феномен: обходить "неудобную" территорию. Обойти Чечню, если нужно провести газопровод. Обойти Монголию, если по каким-то причинам Китай с Монголией не дружит. Из России вести трассы в обход Монголии. И так далее. Россия заинтересована поставлять свои энергетические ресурсы в Китай, Индию и другие страны. Вдруг на пути встает анклав, который является источником нестабильности. А жизнь глобальна, она требует безукоризненного и постоянного функционирования мировых воспроизводственных конвейеров. Поэтому Россия спокойно смотрит на развивающиеся события, когда руками американцев идет зачистка этого анклава.

Второй момент. Почему многие арабские страны, например Арабские Эмираты, поддерживают в этой ситуации Афганистан? Да потому, что коммуникационные пути их энергетических трасс лежат на совершенно других направлениях. Их энергия и ресурсы поставляются больше морским путем, и поэтому им выгодно, чтобы на пути

судоходных трасс стоял Афганистан. Они и будут его поддерживать.

Следующий момент. Внутренние договоренности между основными игроками на этом поле. Я предвижу, что через 10 лет мы будем искать такие же протоколы, какими были протоколы Риббентропа — Молотова. Их, может быть, будут называть протоколами Буша — Путина. Почему? Да потому, что реализация этой геоэкономической стратегии не обойдется без внутренних договоренностей между основными игроками. Не исключено, что среди таких игроков и Китай, хотя он сейчас в стороне. Россия, Иран, Китай и Соединенные Штаты Америки — вот основные игроки на этом поле.

Более того, такую ситуацию до окончательного ее разрешения будет поддерживать весь техногенный, или так называемый цивилизованный, мир. Кто стоит за этими событиями? За ними стоят транснациональные структуры, в том числе и российские. Ведь наш российский военно-промышленный комплекс сейчас, по сути дела, оживает из-за того, что появляется огромный спрос на вооружения, и, безусловно, он будет расцветать. Идет милитаризация всего региона. Происходит подспудный переход на рельсы мобилизационной экономики.

Наконец, военные, вооруженные силы в этой ситуации имеют прекраснейшую возможность для отработки своих новейших наступательных вооружений. Значит, это тоже воспринимается всем "мировым цивилизованным сообществом" как плюс.

Основная причина — это создание комфортных условий для прорыва к мировому доходу "на плечах" транснациональных корпораций. И вот здесь-то российские специальные службы и должны сыграть свою роль. А именно — создать благоприятные условия для российских стратегических ударных финансово-промышленных группировок с тем, чтобы они могли на равных участвовать в происходящем геоэкономическом переделе мира. Я не даю

моральной оценки, плохо это или хорошо, — это особый разговор.

Н.И. Извеков. События 11 сентября 2001 года произошли, по сути дела, на фоне экономического спада, который начался в последние месяцы в Соединенных Штатах Америки. Причем спада достаточно серьезного, который начал наблюдаться после 10 лет относительного процветания, серьезного рывка Соединенных Штатов в экономической сфере. А если в Соединенных Штатах начинается спад, то, конечно, это сказывается и на всей мировой экономике. Когда-то была еще известная поговорка: "Если экономика Соединенных Штатов начинает чихать, то весь остальной мир охватывает грипп". В известной степени эта ситуация сохраняется и до настоящего времени. Особенность нынешнего спада в Соединенных Штатах заключается в том, что он проходит на фоне так называемой новой экономики, которая получила развитие в Соединенных Штатах за последнее десятилетие. Это не сфера материального производства, а сфера информационных и иных услуг. В первую очередь информационных услуг. Именно эта сфера получила название "новая экономика". И, естественно, сложилась такая ситуация, на которую указывали еще за некоторое время до этого некоторые серьезные американские экономисты.

Выступая здесь, во Внешнеполитической ассоциации, бывший советник Международного валютного фонда доктор Аугусто Лопес Кларес сказал, что в последние годы сложилась такая ситуация, что оборот финансовых ресурсов в мире (имея в виду весь мир) в отношении к реальному товарообороту, к физическому товарообороту соотносится как 100:1. Такая вот пропорция сложилась. И как раз очень серьезную долю в этом обороте составляли так называемые информационно-технологические услуги. А материальное производство из развитых стран, в первую очередь из Соединенных Штатов, а также частично из Западной Европы, сдвинулось в развивающиеся страны. В первую очередь это, конечно, страны Юго-Восточной Азии,

Китай, отчасти страны Латинской Америки. Причем, по оценке самих американских экономистов (а мне приходилось беседовать с некоторыми из них), материальное производство от ВВП, то есть от валового внутреннего продукта, Соединенных Штатов Америки в последний год составляло около 20 процентов.

И вот когда начался спад, то он в первую очередь коснулся именно сферы новой экономики. Удар пришелся по наиболее наукоемким и развитым отраслям и корпорациям. Конкретный пример — это корпорация "Майкрософт" Билла Гейтса. Она потеряла примерно треть своих активов от первоначальной стоимости за последний год.

В конце концов, этот процесс начал переходить и в сферу реальной экономики уже в нынешнем году. Поэтому увязывая то, что происходило в американской экономике, с тем, что случилось 11 сентября 2001 года, можно предположить (во всяком случае, высказать версию), что эти события могли служить интересам тех сил в Соединенных Штатах, которые заинтересованы во "встряске нации". Если мы возьмем американскую историю и посмотрим на некоторые ее эпизоды, то увидим, что в этой истории есть целый ряд аналогичных моментов, не раскрытых до настоящего времени. Это загадка Перл-Харбора, загадка убийства Кеннеди и так далее.

К тому, что произошло в Соединенных Штатах 11 сентября, безусловно, могут быть элементы причастности так называемого международного терроризма. Но эти события имеют скорее всего внутриамериканскую причину. Другой вопрос — кто мог быть конкретным исполнителем или, вернее, даже организатором этих событий? Но вот здесь упоминалось "дело Макуэя". Это не случайно, потому что действительно оно осталось нераскрытым, как и многие другие тайные моменты в американской истории. Почему американцы допустили нападение японцев на Перл-Харбор? Почему в гавани Перл-Харбор оказались в основном старые американские линейные корабли, постройки периода Первой мировой войны, а новейшие авианосцы, которые потом

сыграли решающую роль в сражениях на Тихом океане, не были выведены? Это был своеобразный элемент "встряски нации".

Развивая эту тему, хочу сказать, что, конечно, то, что сейчас происходит в Соединенных Штатах, те меры мобилизационного внутреннего порядка, которые сейчас принимает нынешняя республиканская администрация, указывают на то, что идет подготовка к введению мобилизационного периода экономики в жизнь американского общества. США берутся наводить порядок в сфере так называемых гражданских прав. Затягивается уздечка, и вся жизнь общества берется под более плотный контроль. Кстати говоря, то же самое происходило в американском обществе сразу после Второй мировой войны. А потом последовали раскручивание гонки вооружений и начало холодной войны. Боюсь, что в нынешних условиях, перед угрозой нового спада, определенным силам в Соединенных Штатах, видимо, нужна раскрутка новой угрозы для американской нации, чтобы мобилизовать ее ресурсы для перехода на новые модели хозяйственного развития. Конечно, больше внимания будет уделяться ВПК, будет вновь расширен госзаказ, а госзаказ в реальных американских условиях играл практически ту же роль, что в Советском Союзе играли установки Госплана. Только у них есть собственная специфика, приближенная к реальным американским условиям.

Г.М. Сергеев. В ходе нашей дискуссии мы затрагивали проблемы Афганистана и проблемы США. Но есть колоссальная, гораздо более важная для нас проблема, которую обозначил в своем выступлении Сергей Вадимович Кортунов. Это проблема России. Что мы есть сегодня, что мы будем завтра? Мне представляется, что новая реальность, новые выводы, новые угрозы предполагают еще один блок проблем для анализа. Это проблема анализа на уровне большой методологии. Здесь говорили о Ф. Фукуяме, который написал интересную работу "Конец истории", где он рассуждал о конце идеологии и доминировании США.

Но, наверное, многие знают, что после этих работ он немного отошел от такого подхода и пришел к новому видению проблемы XXI века. Это проблема доверия.

В конце 1990 года Европа приняла Хартию европейской безопасности, где впервые мир и безопасность сопоставили с двумя гуманитарными категориями — сотрудничество и доверие. И вот возникает еще один вопрос: а может быть, колоссальные жертвы в результате сентябрьских событий испытывают на прочность именно эти категории — доверие и сотрудничество?

В обсуждении мимоходом было озвучено понятие "сетевой противник". Действительно, мы впервые столкнулись с "сетевым противником" и с "сетевыми угрозами". Сегодня методология анализа событий — это так называемый сетевой подход. Это нечто другое, чем наши обычные методики, в которых работает диалектика в чистом виде. Это методики, которые ориентированы на новые качества гражданского общества. Опять же не случайно идет работа по созданию Гражданского форума, то есть объединению неправительственных организаций: выяснилось, что власти дальше трудножато существовать, когда отсутствует диалог с народом.

На фоне всех этих событий есть интересная рабочая гипотеза, что, возможно, новый подход к безопасности может быть сетевым. Сетевая методология позволяет несколько по-другому взглянуть на многие события. В моем понимании примером сетевого подхода является соединение возможностей спецслужб и ученых, которые работают в гражданских сферах. И без помощи общества, без помощи ученых-гуманитариев. И вот здесь мне хотелось бы предложить еще одну гипотезу.

Если разложить многие из озвученных тезисов, то излагаются они примерно по такой схеме: вот новая угроза — нужен новый ответ, есть новый вызов — нужен ответ. Эта схема обозначает определенную культуру реагирования: вызов — ответ, как у А. Тойнби. Но для современного общества этого, видимо, мало. И последние

события это показали. Нужна культура предотвращения. Единственный общий методологический навык, которым многие владеют, — это "управление рисками". Не столько минимизация и блокирование рисков, сколько управление ими. А возможно ли управление угрозами? Возможно ли управление опасностями? Возможно ли управление предотвращением вызовов? Если видеть их раньше, если моделировать их раньше? В данном случае я пока говорю об общенаучной методологии, не о деталях. Она уже просматривается в целом ряде работ. Может быть, то, о чем мы сегодня говорим, — это необходимость из разных кусочков мозаики сложить картинку. То ли это будет новая гуманитарная методология, то ли специальная — для работы спецслужб. Речь идет о самом главном дефицитном продукте — Большой Теории, Большой Методологии. Похоже, в этой методологии, как ни странно, причудливо переплелись и работают и эклектика, и диалектика, и метафизика. Все эти методики прерывны, они в чем-то локальны и очень четко покрывают определенную проблему, но в рамках линейной методики новые проблемы трудно решаются. А в рамках сетевой методологии, сетевого подхода можно найти соответствующие решения. Возникает интересная новая динамика. Возможно, наступило время корпоративной безопасности. И похоже, что "корпоративная безопасность" целиком ложится на сетевую методологию. То есть когда, используя сетевой подход, мы сможем управлять потенциальными вызовами, угрозами и опасностями. Теория управления рисками уже есть — и математическая, и техническая, и гуманитарная. Мы только что издали работу Воробьева об управлении социальными рисками. Она, надо сказать, вызвала большой интерес. Таким образом, мы пытаемся создать Большую Теорию, Большую Методологию, которая позволит найти оптимальный и достойный нас всех выход.

Причем в контексте двух высказанных гипотез складывается еще одна интересная линия. Мы говорим о конфликте цивилизаций, ссылаясь на Хантингтона. Но

ведь какая-то "упреждающая матрица" для такого рода событий в принципе уже предложена больше пяти лет назад. Речь идет о диалоге цивилизаций. Даже если это не методология, то интересное пространство для конструктивной работы. А предложил-то его арабский мир. Это же разработка Ирана, президента Ирана Хатами. А у нас на 15 тезисов Хантингтона о столкновении цивилизаций в принципе нет ни одного контртезиса, за исключением тезиса о диалоге цивилизаций. Мы об этом забыли даже в 2001 году — году диалога цивилизаций.

Поэтому здесь нужна хорошая "инвентаризация". Нужен тщательный анализ того, что у нас уже есть. Зачатки сетевого подхода — это новые методики, высокие гуманитарные технологии, которые позволяют объединить культуру мира, диалог цивилизаций, толерантность и новые способы обеспечения безопасности в XXI веке.

Е. Хотькова. Мне хотелось бы высказать несколько замечаний относительно тех проблем, которые затронул Сергей Вадимович Кортунов в своем очень содержательном выступлении. Мне кажется, важно разобраться в определениях, которыми мы сейчас пользуемся и которые в известной мере навязаны средствами массовой информации. Я имею в виду такие, как "борьба с терроризмом", "военная кампания против талибов", "акция возмездия". Следует разобраться в этих понятиях с точки зрения нашей стратегии и тактики, краткосрочных и долгосрочных задач. Мне кажется, это очень важно для определения участия России и в дипломатической сфере, и в военной, и во всех прочих.

Если говорить о борьбе с терроризмом, то надо иметь в виду, что Соединенные Штаты Америки назвали своими противниками Бен Ладена и талибов. Но, наверное, мы все согласимся с тем, что борьба с терроризмом не сводится только к цели их уничтожения. И мне кажется, что Путин использовал ситуацию 11 сентября для того, чтобы предложить новую повестку дня для наших партнеров на Западе. Я имею в виду не только Соединенные Штаты, но и НАТО, и Европейский союз. Возможно, это последняя

попытка переориентировать наш диалог на другую повестку дня, заняться действительно ответами на угрозы. По крайней мере поиском этих ответов и превращением НАТО из военного блока в политическую организацию нового типа. Именно об этом Путин говорил в Брюсселе, обращаясь и к руководству НАТО, и к руководству ЕС. Другой вопрос — как воспользуются наши партнеры этой возможностью.

Теперь непосредственно о военной операции в Афганистане. Здесь возникает новая проблема, которая, может быть, не всеми замечена. Я имею в виду последнюю встречу в Душанбе. Что это — наш бросок на Приштину или это новое издание "Черномырдин — Ахтисаари"? Как долго будет продолжаться военная операция в Афганистане? По-моему, является открытым вопросом и для американцев, и для нас и вопрос послевоенного урегулирования. Как оно будет осуществляться, какими силами и на кого здесь делается ставка?

И ясно, что в коалиции уже возникла ощутимая трещина. Россия, поддерживая Рабани как представителя законного правительства Афганистана, выступила за то, чтобы в новом правительстве не было талибов, а Соединенные Штаты говорят об участии "умеренного крыла" талибов. И, мне кажется, очень важно понять, не воспользуются ли Соединенные Штаты возможностью, что называется, перевести стрелку и представить "сатаной номер один" не Соединенные Штаты, а, возможно, Россию, канализировав устремления талибов на север.

Е.А. Федосов. Я бы хотел поговорить немного о технической стороне проблемы борьбы с терроризмом, о роли и месте высокоточного оружия и вообще о том, что такое современная война, которую пытаются вести Соединенные Штаты (в какой-то мере достаточный опыт имеется и у России, учитывая операции в Афганистане и Чечне), и о том, как влияют новейшие технологические достижения и возможности на итоги этой войны.

"Высокоточное оружие" — это, в общем-то, неудачный термин. Ведь любое оружие стремятся построить так, чтобы

оно было точным. Никто не строит оружия для того, чтобы оно было неточным. И вся эволюция развития любого вида оружия — это попытка увеличить точность любой ценой, так, чтобы доставка той поражающей энергии, которая заложена в боевую часть ракеты, снаряда и так далее, наиболее была бы приближена к цели, чтобы обеспечить именно поражение этой цели. Это задача, которую всегда решают инженеры, конструирующие, проектирующие и создающие тот или иной вид вооружения.

Но есть и вторая ипостась проблемы высокоточного оружия. Надо знать координаты цели. Вот это — самый сложный вопрос. Если есть непосредственный контакт с целью, то есть оружие может какими-то средствами образовать контакт с целью и организовать так называемый режим самонаведения, то тут решается задача более-менее высокоточного поражения. Но если этого контакта нет, то тогда нужно использовать так называемые внешние целеуказания. Тогда те координаты (в какой-то системе координат), которые будут заданы этому оружию, его движение по этим координатам, собственно, и будут определять точность. А координаты (или целеуказания) дает система разведки. Рассматривая ситуацию в Афганистане или Чечне, надо сказать, что практически очень трудно организовать систему разведки. Я имею в виду не оперативную разведку, когда мы внедряем соответствующего агента в те или иные структуры, а инструментальную разведку с помощью либо авиационных, либо космических, либо каких-то наземных средств. Вот это самый сложный вопрос, потому что тактика партизанской войны — это и есть "нецивилизованная борьба", это и есть бандитская тактика. Немцы, кстати, наших партизан во время Великой Отечественной войны также называли бандитами. Это тактика, вполне определенная тактика. Это один из методов вооруженной борьбы, когда сторона, не обладающая высокими технологическими возможностями, стремится все-таки сопротивляться. Конечно, она несет при этом большие потери. Но путем рассредоточения своих средств на мелкие

отряды, на мелкие группы она делает себя малоуязвимой и при этом совершает эффективные диверсионные действия в отношении определенных средств своего противника, нанося ему максимальный ущерб.

Разбиение на мелкие группы, которые быстро перемещаются, передвигаются, используют условия местности для маскировки, для сокрытия, растворяются среди мирного населения, — это и есть основное преимущество этой тактики. Любое партизанское движение базируется на среде, в которой оно живет. Ведь днем бандит, грубо говоря, пашет землю или он просто мирный житель. Это серьезно затрудняет инструментальные средства разведки. Инструментально очень трудно выявить такие цели. И тогда все высокоточное оружие становится неэффективным.

И вся борьба, которую сегодня организовали американцы в Афганистане, думаю, закончится с точки зрения эффективности тем же самым, чем закончил Советский Союз в Афганистане. В Афганистане очень трудно подавить какие-то конкретные цели. Там их просто даже и нет. Там нет никакой развитой промышленной инфраструктуры, нет развитой в технологическом и техническом отношении военной инфраструктуры. Я даже не понимаю, что они там бомбят и что поражают высокоточным оружием. Это больше пропагандистский эффект, который не даст, конечно, никакого результата в борьбе с терроризмом или с какими-то политическими группами, которые поддерживают Бен Ладена или его сподвижников.

Вот это главный и основной вывод, который надо сделать. В свое время нас не научил опыт Вьетнама, опыт Соединенных Штатов. А ведь Соединенные Штаты также не сумели решить политических проблем, потому что не смогли бороться с народным партизанским движением. Они не смогли контролировать "тропы Хошимина", по которым ночами переносилось оружие. Практически мы пожинали это в Афганистане, и в какой-то мере чувствуем в Чечне. Мы не научились с помощью оружия, с помощью инструментальных технологических методов воевать в таких

условиях. В условиях, когда противник представляет собой небольшие партизанские группы. И вот это, наверное, самый печальный вывод, какой можно сделать.

Мы как-то привыкли говорить о какой-то "цивилизованной войне". Что, мол, два высокотехнологичных государства где-то попадут в какой-то вооруженный конфликт. И все строится на том, чтобы повышать уровень этой военной технологии. В то время как жизнь показывает, что мы фактически сталкиваемся как раз не с врагом, обладающим высокими технологиями, а с противником, который не обладает этими технологиями, но обладает совершенно другой тактикой и другими методами вооруженной борьбы. А мы не умеем работать и бороться в этих условиях. Вот это главный момент, над которым надо бы всем задуматься.

Вероятно, надо формировать какие-то технические и технологические решения для того, чтобы действительно организовать очень детальную разведку, очень быструю оперативную обработку разведывательных данных. А для этого нужны быстрые и хорошие каналы связи, которые на современных информационных уровнях быстро передают информацию поражающим средствам. Так, чтобы был хоть какой-то эффект. Сегодня же между моментом обнаружения противника и моментом, когда наносится удар, проходят часы, а иногда и сутки. Понятно, что в современных условиях за часы любая боевая группа может переместиться на большие расстояния, и никакими современными поражающими средствами мы не добьемся нужной эффективности. Нужно мгновенное обнаружение и практически мгновенное поражение. Тогда будет эффект. А этого эффекта сегодня нет.

Н.Н. Демин. События 11 сентября 2001 года привели к тому, что Россия более плотно села в лодку западного союза. Но, к сожалению, в этой лодке не мы гребем, гребут американцы, а мы выступаем в качестве пассажиров и больше смотрим, так сказать, в рот тем, которые гребут.

Давайте посмотрим, как изменялись советско-американские, а затем российско-американские отношения. В 1990 году все кричали, и прежде всего руководство нашей страны, о партнерстве, о новых отношениях, о братстве, сотрудничестве и так далее. К чему это привело? По существу, от всех этих слов получили ноль. Сейчас идет примерно такая же кампания: дескать, мы — братья, и у нас одни и те же цели. А что есть на самом деле? Тенденция расширения блока НАТО на Восток сохраняется, и никто от этого не отказывается. Как Соединенные Штаты заявили в свое время о том, что наши закавказские республики являются зоной их интересов, так от этого они и не отказываются. Как были у нас с Соединенными Штатами негативные моменты в области торговли и экономических отношений, так они, по существу, и остались. То есть, кроме слов, пока, во всяком случае, мы ничего не имеем.

А перспектива в конце концов может быть еще хуже. Ведь я не думаю, что, если американцы осядут в Афганистане и в наших среднеазиатских республиках, они оттуда уйдут. То есть мы стоим перед тем, что можем потерять всех южных союзников. С другой стороны, такой плотный союз с Соединенными Штатами, мимо которых пройти, конечно, нельзя, приводит к тому, что у нас объективно ухудшаются отношения с нашими восточными союзниками и с нашими бывшими союзниками на Среднем Востоке. Вот та тенденция, которая сейчас наблюдается. И она все больше и больше показывает, что США под лозунгом борьбы с терроризмом продолжают линию на обретение главенствующего положения в мире. И это основное направление их политики.

Об этом говорит и их непрекращающееся стремление развернуть национальную систему противоракетной обороны. Зачем сейчас, в теперешних условиях, создавать систему противоракетной обороны? Ведь, по существу, у Соединенных Штатов нет и не будет противников, то есть стран, которые смогут в ближайшие 10—15 лет иметь баллистические ракеты, оснащенные ядерным оружием и

угрожающие их территории. А события 11 сентября показали, что можно нанести непоправимый ущерб другой стороне не только при помощи баллистических ракет, но обыкновенными гражданскими самолетами, не говоря уже о том, что можно, например, привести в порты Соединенных Штатов корабли с ядерным оружием и там их подорвать. Что в этом случае будет с Нью-Йорком и другими городами, которые все расположены по побережью Соединенных Штатов?

Поэтому, на мой взгляд, основная цель противоракетной обороны, о которой говорят Соединенные Штаты (и не зря они не называют параметры системы, которую хотят развернуть), является в конце концов угроза для России и Китая. На что мы, конечно, пойти не можем. И я считаю, что ни на какие соглашения, которые как-то корректировали бы Договор по ПРО, мы пойти не можем. Это был бы прямой ущерб для России.

С.В. Кортунов. Как Вы считаете, Николай Николаевич, нынешняя ситуация будет побуждать американцев форсировать развертывание национальной ПРО или, напротив, у них возрастет оппозиция этим планам?

Н.Н. Детинцов. Я думаю, что второй стороной развертывания в Соединенных Штатах работ по ПРО (о чем я не говорил) является стремление определенных военно-политических и военно-технических кругов США загрузить свою промышленность, которая потеряла заказы на межконтинентальные баллистические ракеты и прочие виды оружия массового уничтожения. Надо чем-то загрузить заводы. Развертывание системы ПРО — это заказ на многие годы, который будет оцениваться сотнями миллиардов долларов. Поэтому есть круги в Соединенных Штатах, которые заинтересованы в развертывании этих работ — даже если они и будут потом не очень востребованы.

И все же я думаю, что в конце концов, учитывая те дополнительные расходы, которые в эти дни Соединенные Штаты несут на военные действия и понесут потом на ликвидацию их последствий, Конгресс будет очень осто-

можно подходить к принятию решения о развертывании системы ПРО. Жизнь покажет. Сейчас трудно давать оценку этой перспективе. Но даже до 11 сентября в США уже раздавались голоса, что не надо торопиться с развертыванием этой системы.

Е.А. Федосов. Я бы также хотел ответить на Ваш вопрос, Сергей Вадимович.

По сути дела, за последние 10 лет в Соединенных Штатах произошла очень мощная структурная перестройка в области наукоемкого производства, в том числе, конечно, оборонных отраслей промышленности. Там нет таких понятий, как "оборонная отрасль" или "военно-промышленный комплекс". Это больше мы придумываем такие названия. На самом деле фирмы, которые производят оружие, одновременно производят очень много гражданской продукции и фактически борются за те секторы рынка наукоемкого продукта, которые им дают наибольшую прибыль. Если прибыль дает оружие, значит, оружием занимаются, если гражданские самолеты — гражданскими самолетами и так далее.

В этом секторе экономики произошли очень сложные и большие структурные изменения, а именно — интеграция. Если где-то в начале 1990 года там было около семи очень крупных фирм, которые занимались авиационно-космической сферой, то сегодня в Соединенных Штатах таких фактически две — это "Боинг" и "Локхид". Ну, еще есть "Рейтуон", который делает системы управления, военную электронику и всевозможные другие электронные системы для этих двух фирм. Так что, может быть, надо говорить о трех более или менее крупных фирмах. Причем все они построены по принципу вертикальной интеграции. То есть они не только объединились вокруг технологий, впитав в себя массу других фирм, которые существовали раньше, но одновременно втянули в себя разные технологии для того, чтобы конечный продукт выпускать в рамках одной фирмы. Они впитали в себя вопросы и электроники, и оптикоэлектроники, и вычислительной техники, и мате-

риаловедения и так далее, а не только продукцию в виде строительства самолетов, ракет, кораблей и подводных лодок. Это специфика вертикальной интеграции, когда практически два супергиганта монополизировали данную отрасль промышленности. Хотя они, по логике, нарушают антимонопольный закон Соединенных Штатов. Но правительство на это пошло. Более того, вся эта структурная перестройка прошла, конечно, с подачи правительства и при непосредственном участии администрации Клинтона.

Но тут встала проблема: а как "кормить" этих монстров? Они, конечно, объединились для того, чтобы дружно выйти на мировой рынок, чтобы не конкурировать между собой. Объединив капиталы, сконцентрировавшись, они, естественно, начинают диктовать на мировом рынке свои условия. Мы это видим по позиции "Боинга", который летает сейчас в Россию и пытается навязать нам свои самолеты. Но этого недостаточно. Прежде всего недостаточно для того, чтобы заложить средства в создание новых технологий. Эта монопольность уже не особенно диктует там борьбу за новые технологии, за какие-то новые критические решения, поскольку на рынке они уже как бы довлеют и всех подавляют своей мощью, а не только технологическим совершенством.

Как выходить из этого положения? Я считаю, что проблема национальной ПРО — это в какой-то мере миф, так же как были мифом в свое время, при Рейгане, "звездные войны". Но это миф, который дает американскому налогоплательщику некую психологическую убежденность в том, что его спасают, но ему надо для этого вложить определенные (колоссальные) средства в какие-то определенные технологические программы. Когда были "звездные войны", сформировалась идеология космического эшелона ПРО, "блестящих камешков" и прочее. А фактически дело свелось к проблеме сетей, связей и "распределенного управления", и это породило в конце концов технологию Интернета. Та самая "новая экономика", о которой здесь

говорилось, она ведь оттуда пошла. Технические решения шли оттуда.

То же самое и сегодня. Мы не остановим создание национальной ПРО в Соединенных Штатах, сколько бы мы об этом ни говорили и ни заявляли. Это правильно. Политически мы должны занимать жесткую позицию, потому что Договор по ПРО — это только один из элементов стройной системы контроля над вооружениями, которой мы совместно достигли и которая, в свою очередь, лежит в основе взаимного доверия. Но остановить это невозможно, потому что это равносильно тому, чтобы потребовать от американцев отказаться от вложений в новые технологические решения. Деньги они будут вкладывать якобы под маркой ПРО, а на самом деле неизвестно, что из этого получится.

Может быть, они и решат задачу ПРО. На сегодня она нерешаема. Сегодня все признают, что ПРО это в какой-то мере миф. Против какой-то одиночной баллистической цели или очень ограниченной группы ракет, несанкционированного запуска она, возможно, и будет эффективна. А при достаточно серьезном ракетно-ядерном ударе возникает эффект информационной деградации системы, когда система не способна справиться с таким налетом. Тут генерал Дворкин уже говорил о том, что такое нападающая сторона, что такое обороняющаяся сторона. Когда оборона и нападение строятся на одних технологиях, нападающая сторона всегда выигрывает борьбу.

Идет поиск новых технологий, новых решений, и эти технологии неизвестно куда выведут. Они могут дать мощный технологический рывок в развитии Соединенных Штатов в целом, а может быть, дадут технологические решения в военной области, которые действительно обеспечат им монопольное положение в мире.

В.З. Дворкин. Год назад на одной международной конференции выступал представитель разведывательного сообщества США и перечислял угрозы национальной безопасности США. Не те угрозы, которые были в известном

докладе ЦРУ или в докладе Рамсфельда. Там в качестве первой угрозы стояла Россия, затем Китай, дальше Северная Корея и все прочие. Когда в прошлом году я сказал американскому послу в Канаде: "Вот, смотрите, кто, по вашему представлению, вероятный противник". Он ответил: "Когда придет к власти Буш, этого представителя разведсообщества немедленно уволят с должности. Мы не враги. И нечего нам заниматься разными договорами".

Другая сторона вопроса заключается вот в чем. Она принципиальна. ПРО не остановить. Но какими темпами и в каких юридических рамках она будет развертываться — вот принципиальнейший вопрос. Американцы совсем недавно, перед встречей в Шанхае, сказали нам, что они еще не готовы говорить конкретно по этому вопросу, потому что у них еще нет ясной программы ПРО. Это, вообще говоря, не совсем так. Поскольку сейчас нам известны все компоненты ПРО и степень их технологической готовности. Мы знаем, что представляет собой по степени отработанности ГБИ. Это стратегическая ПРО, которая будет развернута сначала на Аляске, потом в Гранд Форксе. Мы знаем, в каком она состоянии. Мы знаем очень продвинутую систему Тхаад, которая хотя и называется нестратегической, но стратегический потенциал у нее огромный. Тем более что у этой системы информационные средства не ограничены ничем. Наименее продвинутым, по признанию США, у них является перехват на активном участке траектории. Есть там небольшой задел, но крайне слабый.

Линия на создание НПРО — это для республиканцев необходимость выполнять предвыборные обещания. Но не только предвыборные обещания. Это вообще республиканская линия. Однако не только республиканская. В прошлом году, до выборов, мне пришлось отвечать на вопросы сразу 12 сенаторов. Они собрались в офисе у Лугара в Вашингтоне, где я приводил все аргументы против спешки с развертыванием ПРО. Я показывал им прямо на цифрах, что мы больше согласны с докладом ЦРУ, который пред-

вещает какие-то угрозы к 2015 году, а не с докладом комиссии Рамсфелда, который эти угрозы предрекает к 2005 году. Они очень внимательно слушали. Тогда же я предложил им провести совместные работы и создать специальную группу по совместному анализу угроз. Это было мое личное предложение. И я получил большую нахлобучку от Квашнина за это дело, хотя выступал в личном качестве. Но дело не в этом. После этого собрания ко мне подкатил на коляске один сенатор, ветеран Вьетнама (я забыл, к сожалению, его фамилию), и сказал: "Генерал, Вы очень убедительно говорили. Но вдруг мы согласимся с Вами и не будем разворачивать НПРО, а потом получим что-нибудь вроде Перл-Харбора?" Этот "синдром Перл-Харбора" для него представлялся в несколько ином свете по сравнению с тем, о чем рассказывал Николай Николаевич Извеков.

Еще один серьезнейший момент. Мы сейчас ориентируемся на то, что мы в одной лодке и у нас общие интересы. Но вот что характерно. Я прочитал три американских доклада. Один доклад подготовлен общественной организацией, куда входят известные люди, вполне умеренные, типа Фреда Икле, Линдона Брукса, известного переговорщика, и еще полтора десятка других, вполне умеренных людей. Второй доклад составлен главкомом объединенного стратегического командования для сената. И, наконец, третий доклад — комитетом начальников штабов. Все три доклада — о перспективах развития стратегических сил США. И во всех трех докладах подчеркивается одна мысль. Она мне представляется исключительно важной не только для американцев, но и для нас с точки зрения нашей собственной стратегии. Там сказано, что военно-политическая обстановка в мире непредсказуема. И никто не может сказать, что будет через месяц, через год, через пять лет. Никто не ожидал таких катаклизмов и таких резких изменений, которые произошли за последние 10 лет. Россия и Китай могут быть партнерами, а могут быть и противниками. Особенно для США опасно, если

Россия и Китай объединятся. В этих условиях стратегические оборонительные и наступательные силы США не должны быть связаны никакими договорами — ни по СНВ ни по ПРО. Они должны быть готовы как к быстрому и глубокому сокращению, так и к быстрому восстановлению на новой технологической основе.

Я думаю, что о непредсказуемости обстановки сказано совершенно справедливо. В биполярном мире эта обстановка была вполне прогнозируема. Она была обусловлена жесткими и обязывающими договорами. А в новых условиях она действительно непредсказуема. И в этих условиях полагаться на то, что мы будем все время находиться в одной лодке, не приходится. Даже во времена холодной войны это было не просто. Мы помним очень хорошо два улыбающихся голых черепа около спутника — Хрущева и Эйзенхауэра, а потом происходит Карибский кризис, потом — самолет У-2, и все пошло вразнос. Это — те времена. Теперь тем более можно ожидать в перспективе чего угодно. И нам при выработке наших позиций надо, безусловно, ориентироваться на необходимость в меру наших экономических возможностей противодействовать любым резким изменениям военно-политической обстановки в стратегическом плане.

В.Р. Богданов. Давайте теперь вернемся к проблеме сближения России с Западом. То, что некое сближение с Западом произошло, это бесспорно. Но что за этим стоит для Запада? Для России? Это стратегия или тактика? Представители либеральной интеллигенции это воспринимают так: "Слава Богу! Россия пошла в Европу". Другие говорят: "Не дай Бог! Не надо нам с ними, у нас свой путь, Россия — сама по себе континент" и так далее. Но все-таки события последних месяцев — минувшей осени, зимы — общественным мнением воспринимались как резкое сближение с Западом. Что это, "брак по расчету" или "брак по любви"? Стратегия или тактика?

С.В. Кортунов. Я считаю, что антитеррористическая коалиция — не стратегический альянс, это исключительно

рабочий орган, орган ad hoc, который решает конкретную задачу. Что касается стратегического альянса, то до него еще далеко. Кроме того, здесь есть еще одно очень важное обстоятельство: если принимается решение о резком развороте внешней политики (а мнение экспертов именно таково), то этот разворот, с моей точки зрения, невозможно сделать без консультаций с парламентом, с основными политическими силами в стране и с национальной ответственностью. Это просто нельзя сделать решением одного человека, скажем, Президента. Поэтому, я думаю, что у нас впереди еще много обсуждений, насколько это стратегия или тактика и до какого уровня мы будем сближаться с США. На данном этапе это сближение ограничивается рамками антитеррористической коалиции.

П.С. Золотарев. Я бы начал с отдаленных категорий, больше философских. Сейчас модно рассуждать, в каком мире мы живем — однополярном или многополярном. Мне кажется, корни все-таки не здесь кроются. Сегодня мы находимся на этапе, когда четко сложилась однополюсная система с превалирующей ролью США, и они ее, естественно, желают закрепить. Это временное состояние. Ни однополюсного, ни многополюсного мира быть не может. Многополюсный мир, о котором мы говорили, — это еще более неустойчивое состояние, а если по-русски говорить — бардак. Единственное устойчивое состояние саморазвивающейся системы — двухполюсное. Каким оно сложится — мы можем только гадать. В любом случае нынешнее состояние — временное.

Хотим мы того или не хотим, но объективно мы принадлежим больше к западным ценностям. Вместе с тем Россия — одна из крупнейших мусульманских стран. США как единоличный лидер, который не желает считаться с мнением других, нуждается в противовесе. И таким противовесом может быть Россия. Только не на конфронтационной основе, а скорее как оппонент. Причем как оппонент Россия может выступать достаточно сильно прежде всего в союзе с Европой. Я здесь вижу линию на

сближение с Европой. Как здоровое противодействие, как оппонирующая США сила — это объективный процесс. Поэтому говорить о стратегической или тактической линии сближения с США преждевременно. Я даже такие слова не стал бы употреблять.

В случае с Афганистаном мы неожиданно получили даже какие-то преимущества. В первый раз США своими силами, своими солдатами защищали наши интересы. Но это временно. Еще полгода назад США говорили своим западным партнерам: не смотрите на Россию, с ней уже нечего считаться. Я думаю, что сейчас у них это мнение кардинально не изменилось. Просто они вынуждены были пойти на определенные шаги, вынуждены были считаться с Россией. Сам факт выхода из Договора по ПРО лишний раз иллюстрирует, что они не собираются с нами считаться. И иллюзий по поводу сближения с США нам питать не стоит. Конечно, наши отношения будут лишены конфронтации. Мы можем оппонировать США вместе со странами Западной Европы, которые позволят подталкивать США к оптимальным решениям.

Б.И. Макаренко. Я думаю, что на вопрос, стратегия это или тактика, можно ответить только тогда, когда мы проанализируем все предпосылки событий. Было ли сближение с США спонтанным, волюнтаристским решением? Осмелюсь дать предварительный ответ: это не стратегия и не тактика, а повод для того, чтобы продвинуться в том направлении, на котором долго продвинуться не удавалось. В сторону поворота к Западу нас толкали и объективные, и субъективные факторы нашей политики. Можно долго обсуждать, что такое стратегия Большой Реформы. Но были либеральные законопроекты, прошедшие через Государственную Думу, в основном в экономической сфере. Логика этих законопроектов, этой реформы требовала улучшения отношений с Западом, требовала разгрести какие-то завалы. Нужно было реструктурировать внешний долг, отменить дискриминационную поправку Джексона — Вэника, продвинуться на пути вступления России в ВТО.

Я не буду давать оценки, хорошо это или плохо. На мой взгляд, скорее хорошо, хотя с оговорками и вопросами. Но для того чтобы снять завалы и создать более благоприятные внешние условия для этой реформы, улучшение отношений с Западом было необходимо. События 11 сентября 2001 года Путин расценил как уникальный повод пойти на это сближение. Тогда открылось "окно возможностей". Путин этой возможностью воспользовался и продолжает пользоваться. Иногда видя результат, иногда видя, где он наталкивается на стену, на многие ограничители.

Я хотел бы поговорить о том, как все это воспринимается общественным мнением. Мы привыкли видеть в прессе, на "круглых столах" сопротивление определенных сегментов элиты этому курсу. Общество это воспринимает по-другому, если брать известные данные, опубликованные несколько дней назад. Внешнеполитический курс Путина одобряют 82 процента россиян. Все остальные направления его политики получают одобрение в гораздо меньшей степени.

Наш центр проводит собственные социологические исследования, так называемые фокус-группы. Сразу после 11 сентября в общественном мнении была эйфория. Сближение с Америкой приветствовали категорически. Не потому, что Америка вдруг понравилась. Как раз из прямо противоположных ощущений. До этого в российском обществе 10 лет существовал комплекс неполноценности — комплекс утраты империи и так далее. 11 сентября показало всему миру, и нашим людям в том числе, что Америка не неуязвима, что и ее могут ударить очень больно.

В.Р. Богданов. Это злорадством называется...

Б.И. Макаренко. Это вдруг перевернуло в людях картину мира. Событие действительно было сильнейшим по воздействию, поэтому сближение с Америкой приветствовалось, хотя и не без скепсиса. Понимая, что нам золотых гор от этого не будет, многие считали, что это — единственный стратегический путь, что у России нет другого выхода в складывающейся ситуации.

Совсем недавно мы провели еще одну серию исследований. Перемены есть. Эйфория прошла. К США опять стали относиться хуже, вплоть до того, что проскальзывали выражения, что не так уж много народа у них погибло. Зато восстановилась традиционная для российского общественного мнения геополитическая картина мира, которая в предельно упрощенном виде выглядит так: США — плохо, Европа — хорошо. А Европа — это Германия. С Германией России надо дружить. Примерно то же самое мы видели в общественном мнении все последние несколько лет.

Сейчас в обществе есть две тенденции, которые четко укладываются в социально-демографические характеристики. Старшее поколение вернулось к традиционной картине мира — биполярной. Они пытаются представить ее как многополярную, но на самом деле там прежние друзья, прежние враги. Молодое поколение считает путинский поворот в сторону Запада окончательным, бесповоротным, естественным для России. Среднее поколение колеблется. Общий сдвиг все-таки произошел. То, что на Запад надо идти, для всех уже бесспорно (за исключением старшего поколения). С этой точки зрения обществом приветствуется стратегический поворот.

Более того, если на протяжении первой половины года мы видели нарастание скептического отношения к Путину (по разным причинам), то сейчас вернулся пик популярности. Именно потому, что Президент не просто активен во внешней политике — он защищает национальные интересы России и чего-то добивается. Так что, когда мы увидели после этого цифру 82 процента одобрения внешнеполитической деятельности, то это одобрение активной позиции, одобрение конкретных действий, которые воспринимаются как защита интересов России. С этой точки зрения "окно возможностей" пока не закрылось для Путина и для внешней политики России.

С.В. Кортунов. Мне кажется, весь вопрос в том, что такое национальные интересы России. Национальные ин-

тересы могут быть краткосрочными (3—5 лет), среднесрочными (10—20 лет), долгосрочными (30—50 лет), наконец, есть и вечные национальные интересы, связанные с защитой и развитием народа (этноса), территории, на которой он живет (если хотите, жизненного пространства), и образа его жизни (национальной и культурной идентичности).

Вечные интересы существовали всегда — во времена и Древней Руси, и Московского царства, и Российской империи, и СССР. Но в Советском Союзе вопрос об этом не возникал, поскольку тогда наши интересы были связаны с реализацией масштабного исторического проекта, альтернативного западному либеральному проекту. По большому счету и у Российской империи имелся такой же масштабный, универсальный, идеократический исторический проект, оппозиционный западному.

Запрос на концепцию национальных интересов (концепцию национальной безопасности) сделал уже поздний СССР, когда партийная номенклатура от этого самостоятельного проекта отказалась. Тогда моментально и возник вопрос о национальной идентичности: кто мы, откуда мы, куда идем, и прочее.

К сожалению, на том этапе проблема решена не была — созданная М. Горбачевым и А. Яковлевым комиссия Ю. Рыжова по выработке концепции национальной безопасности бесславно провалилась. Тогда прорабы перестройки объявили целью "вхождение СССР в мировое цивилизационное сообщество". То есть, по существу, объявили о своей неспособности "тянуть" самостоятельный исторический проект и ввиду этого поставили новую задачу — войти в чужой, западный, либеральный проект. И никто — ни М. Горбачев, ни А. Яковлев, ни Э. Шеварднадзе — не озаботился вопросом о том, на каких, собственно, условиях это произойдет. В результате была осуществлена попытка войти в чужой проект за счет отказа от своей субъектности, самости.

Последствия не заставили себя долго ждать. Сначала распались СЭВ и Варшавский Договор, а затем и сам

СССР. И не мудрено. Кто сказал, что интегрироваться в мировое сообщество следует одновременно и в качестве единого международного субъекта? А почему нельзя интегрироваться частями и с разной скоростью?

Вот почему и в новой России (в той, что от нее осталась) вопрос о национальной идентичности стал вопросом выживания страны, ее территориальной, не говоря уже о культурной, целостности. 10 лет шел мучительный поиск такой идентичности. И, казалось бы, страна стала выходить на решение этого вопроса, что отражено в важнейших документах последних лет по национальной безопасности.

Теперь, после 11 сентября 2001 года, когда вновь заявлена задача интеграции в мировое сообщество, этот кардинальный вопрос вновь "повис". Но тогда следует приготовиться к тому, что на повестке дня вновь встанет проблема территориальной целостности России. Почему интегрироваться в мировое сообщество Чечня, например, не может через Турцию; Калининград — через Германию; Курилы — через Японию; Сибирь — через Китай, а Татарстан, скажем, — через Швейцарию?

Если мы устами Президента фактически заявляем, что у России нет своего исторического проекта, нет собственной субъектности, то как тогда можно возражать против того, что наши регионы будут говорить напрямую с США, то есть со страной, где эта субъектность есть и которая является цитаделью именно того проекта, куда Россия сама страстно хочет "интегрироваться"? Будь я на месте Шаймиева, Рахимова или Николаева, я бы сам немедленно поехал, но не в Москву, а в Вашингтон за инструкциями о том, как лучше интегрироваться в мировое сообщество. Это как раз ярчайший пример взаимосвязи внешней и внутренней политики. Конечно, вероятность распада России сейчас гораздо меньше, чем это было в случае СССР в 1991 году. Но зачем же наступать на те же грабли уже второй или третий раз? Ведь уже многократно доказано, что игра на чужом поле, в особенности если не очень

хорошо знаешь и это поле, и правила, к добру не приводит. Но, вероятно, грабли — это наш национальный вид спорта.

В.Р. Богданов. Давайте перейдем к вопросу о ядерных вооружениях и Договору по ПРО, выход из которого США многие в России восприняли как пощечину.

П.С. Золотарев. До настоящего времени все строилось на паритете или на доктрине взаимного уничтожения, на жесткой системе контроля за количеством вооружений и их состоянием. Выход Америки из Договора по ПРО ставит все прежние режимы контроля за ядерными вооружениями под вопрос. Аргументы о том, что мы не враги и не собираемся друг на друга нападать с применением ядерного оружия, всем понятны, но они в язык режима контроля никак не вписываются. Пока это противоречие не преодолено.

Теперь о пощечине. Действительно, объективно наши военные, дипломаты, эксперты все понимают. Но! Могла бы быть выбрана другая, менее обидная для России форма. В международной политике все-таки национальная гордость продолжает оставаться очень существенным фактором. То, что выход США из Договора по ПРО не был обусловлен, скажем, обязательством или хотя бы намерением заключить новый договор о сокращении наступательных вооружений, — вот это и есть пощечина. Сейчас ведутся предметные консультации по СНВ-3, но виртуального, пиаровского негативного эффекта это на сегодняшний день не гасит. Элита отнеслась к закрытию нашей базы в Лурдесе (Куба) как к односторонней уступке. Для общественного мнения это оказалось важным. Если даже Лурдес так негативно сыграл в общественном мнении, что же говорить о реакции на выход из Договора по ПРО? Можно предположить, что эта реакция будет весьма негативной, и ее придется и Путину, и российскому руководству постепенно микшировать.

В.Р. Богданов. По моим данным, Россия не очень умело провела переговоры с американцами по ПРО. Американцы были готовы пойти нам навстречу в экономических

вопросах в обмен на выход из Договора по ПРО. Вроде бы они были готовы даже списать наш долг. А наши предпочли экономике политику, очень на ней настаивали и получили соответствующий отпор, пощечину.

Как Вы расцениваете ход переговоров между Россией и Соединенными Штатами по ПРО?

Б.И. Макаренко. Было заявление Рамсфельда недели две назад, что Америка готова поделиться новыми технологиями. Это касалось ПРО.

В.Р. Богданов. Какую-то выгоду можно получить от этого? Или мы уже упустили эту возможность?

С.В. Кортунов. Мне кажется, что вопрос так не стоял и стоять не мог — получить какие-то экономические уступки в обмен на отказ от Договора по ПРО. Безопасность — это святое, и она не продается. Во всяком случае я так привык считать — в духе, скажем, МИДовской школы. Поэтому неумелость переговоров была в другом. В частности, она заключалась в несогласованных заявлениях нашего высшего руководства. В.В. Путин поехал в Вашингтон с четкой позицией, с директивой, что Договор по ПРО — это "краеугольный камень стратегической стабильности". Это формула, которая уже превратилась в заклинание. Но перед его поездкой, буквально за день до его приезда в Вашингтон, Сергей Иванов, Министр обороны Российской Федерации, делает заявление, что он, мол, признает, что Договор по ПРО — это в какой-то степени "реликт холодной войны". Естественно, что это сигнал для другой стороны, побуждающий ее как-то изменить свою позицию, действовать более решительно. Тем более что Договор по ПРО — это не реликт холодной войны, это, напротив, — шаг в сторону от холодной войны.

Теперь о стратегической стабильности. Я согласен с теми экспертами, которые считают, что после краха биполярного мира мир не стал однополярным. Мы сейчас переживаем "постбиполярный" мир, то есть формирование нового мира. Каким он будет, пока не совсем ясно. Ясно, что однополярным он тоже не станет, это лишь вопрос

времени. Но уже в условиях биполярного мира стратегическая стабильность приобрела совершенно новые измерения. Если раньше она фактически представляла собой способ управления взаимоотношениями двух держав в условиях холодной войны, то есть фактически имела лишь военное измерение, в первую очередь ядерное, то сейчас, особенно после 11 сентября 2001 года, всем стало ясно, что человечество испытывает совершенно новые вызовы и угрозы, которые, естественно, влияют и на стратегическую стабильность. Поэтому говорить о том, что Договор по ПРО — это краеугольный камень стратегической стабильности, сейчас, с моей точки зрения, не совсем корректно. И главная проблема здесь состоит в том, что Договор по ПРО, безусловно, отражает логику биполярного мира, логику холодной войны. Ведь он закрепляет ситуацию взаимного ядерного сдерживания. Ядерное сдерживание или ситуация взаимного ядерного уничтожения, конечно, не соответствуют партнерским отношениям. И это фундаментальное противоречие между декларированным партнерством и взаимным ядерным сдерживанием, которое закрепляет Договор по ПРО, и является основным вопросом. Поэтому, если мы переходим к зрелому партнерству — подлинному партнерству, тогда нужно говорить не о Договоре по ПРО, а о ситуации взаимного ядерного сдерживания, и менять прежде всего ее, то есть выйти за пределы сдерживания.

В.Р. Богданов. Вы только что сказали, что Вы не согласны с Сергеем Ивановым, который сказал про реликт холодной войны.

С.В. Кортунюв. Это не реликт холодной войны, поскольку интенция этого договора, его сторон — Советского Союза и США, заключалась ровно в противоположном: выйти из холодной войны, выйти из конфронтации. И Договор по ПРО, ограничив наиболее дестабилизирующую на тот период гонку вооружений в области противоракетных систем, в области оборонительных систем, тем самым установил режим относительно нормального и ста-

бильного соревнования двух сверхдержав в области гонки вооружений. Но провозглашенным нормам партнерства эта ситуация, конечно, не соответствует.

П.С. Золотарев. Я здесь поддержал бы Сергея Вадимовича Кортунова в той части, когда он говорит о противоречии, которое необходимо разрешать. Это противоречие между тем, что нет политических предпосылок для "ядерных аргументов", но в то же время мы вынуждены сохранять ядерные арсеналы в состоянии взаимного ядерного сдерживания, в состоянии готовности к взаимному уничтожению. И здесь не политический фактор диктует необходимость поддержания в таком состоянии стратегических сил, а уже те организационно-технические меры, которые были приняты при создании этой системы. Они таковы, что мы вынуждены в этом состоянии их поддерживать. Есть предложения с американской стороны по понижению готовности стратегических сил. Это прежде всего касается наземных компонентов. Но реализовать их напрямую просто невозможно, потому что и наземная компонента создавалась для того, чтобы применяться в кратчайший промежуток времени, и любые решения, связанные с понижением готовности, это выход за технологические заштатные режимы дежурства, а от них исходит еще большая угроза, чем от нахождения в состоянии взаимного ядерного сдерживания.

Выход тут есть. Должен быть разработан специальный комплекс мер доверия. Но это — предмет для взаимных консультаций, для поиска взаимных решений. Я считаю, что это действительно актуальный вопрос не в связи с тем, что есть опасность, что наши две стороны могут предпринять какие-то непродуманные шаги, а в условиях реальной угрозы международного терроризма. Он ведь будет проявляться в совершенно различных областях и с использованием различных технологий, методов и так далее. Могут и другие страны создать ситуацию, когда мы будем вынуждены действовать неоптимальным образом, и в конечном счете это может привести к обмену ядерными

ударами. Этого исключить нельзя. Могут быть какие-то провокационные пуски, могут быть внедрения в систему управления. Международный терроризм владеет богатым арсеналом.

В.Р. Богданов. Слушая Вас, я понимаю, что Россия движется в сторону западно-либеральной модели. Сколько бы мы ни говорили, куда бы мы ни двигались, но на протяжении долгого времени где-то в подкорке: вот он противник-то, где-то там, за океаном.

П.С. Золотарев. Мы заложники того оружия, которое создали, в том количестве, которое существует и которое должно быть на кого-то нацелено. Целей не хватает. США обязательно будут в составе наших целей, а мы — в составе целей США. Они недавно закончили у себя исследования, по которым выходит, что для уничтожения России как государства достаточно 51 заряда. А их же значительно больше. Значит, это все должно планироваться. Мы никуда из этого состояния сейчас не можем деться. Мы — заложники этого состояния и тех систем, которые мы создали. Надо работать в этом направлении, чтобы эту угрозу минимизировать.

С.В. Кортунов. Выход есть. Теоретически Франция тоже может уничтожить США ядерным оружием. Но в ядерных взаимоотношениях между США и Францией таких вопросов не возникает. В принципе перед тем как достигнуть идеальной цели — ликвидации ядерного оружия, можно было бы стремиться установить между Россией и США такие же отношения, как между Францией и США. Это был бы промежуточный этап на пути к полной ликвидации ядерного оружия.

Б.И. Макаренко. Можно говорить, что мы заложники того оружия, которое создали, можно говорить о "постбиполярном" мире. Если сейчас начать радикально от этого избавляться, то рухнет вся система международных отношений. Мы все трое, не сговариваясь, повторили разными словами одну и ту же мысль: есть противоречия между

прежней логикой взаимного нацеливания ракет и нынешним состоянием отношений вырастающего партнерства.

Казалось бы, давайте все это порушим, объявим себя партнерами и еще приблизим Россию к НАТО. Первый вопрос, который встает: а что делать с системой контроля за ядерным оружием? Что делать с Советом Безопасности ООН, в котором "право вето" принадлежит именно тем пяти державам, которые обладают ядерным оружием? Что делать с возможностью того, что "пороговые государства" создадут ядерное оружие и будут им владеть?

Действительно, инерция в международных отношениях зачастую еще бóльшая, чем во внутренней политике. Вспомним старую формулу: "Зачем нужна НАТО? Чтобы держать США внутри, Германию внизу, Россию подальше". Германию "внизу" НАТО удержать все труднее. Но, кажется, это их меньше всего беспокоит. США "внутри" удержать удастся по-прежнему, хотя у европейцев начинает возникать от этого головная боль. Это ясно проявилось после операции в Косово, когда европейцы поняли, что без американского военного потенциала, они бы такую операцию не провели. Именно после этого активизировались планы по созданию европейского оборонного потенциала. Но здесь Америку, во всяком случае, выпихивать из ситуации "США внутри" никто не собирается. А что делать с Россией? Вопрос очень сложный. Мы часто говорим, что Европа нам ближе и понятней, но с европейцами возникнет вполне конкретный вопрос. Даже крупные европейские страны, не говоря уж о мелких, не готовы принять Россию как равного партнера — стратегического и военного. И в силу исторической инерции, и в силу геополитических причин.

Мне вспоминается дискуссия семилетней давности в Европарламенте, когда наш парламентарий бросил европейцам реплику: "Чего вы боитесь? Россия — это не Советский Союз. Гораздо меньше. Россия в нынешнем составе по населению — это примерно как две Германии". На что, поживаясь, очень известный французский поли-

толог сказал: "Одной Германии для Европы много, а если еще две влезут, ой, что же будет!" Это менталитет европейцев, который кажется очень обыденным. На самом деле он вполне человеческий и работает даже при решении больших вопросов.

Так что у нас эпоха противоречий, эпоха перехода. Мир на сегодняшний день остается однополярным. Естественно, не абсолютно однополярным. Но второму полюсу быстро вырасти неоткуда. Скорее всего будет возникать несколько полюсов второго уровня. Не антагонистичных США, но в чем-то конкурирующим с ними — в экономике, в технологическом потенциале. Оттуда вырастут и военные полюса. Но рост этих полюсов пойдет не из-за того, что кто-то обзаведется огромным военным потенциалом. Военный потенциал может стать следствием конкуренции в экономической, в технологической сферах. Это могут быть и Китай, и Россия, и Европа, и Япония.

В.Р. Богданов. А геополитически Россия смотрит только в одну сторону? Вы сейчас упомянули Китай. В этом раскладе какой Вам видится роль китайского фактора? И по отношению к России, и по отношению к Западу, и по отношению к Соединенным Штатам.

П.С. Золотарев. Во-первых, Россия, конечно же, не может быть ориентирована только в одну сторону. Наша политика многовекторна, за исключением Севера, потому что там Северный полюс. Что касается Китая, для России — это, конечно, особый фактор. У нас есть озабоченность нашим дальневосточным регионом прежде всего в силу определенных экономических проблем, трудностей управления этим регионом и близости Китая, который потихонечку осуществляет там экспансию. И численность китайского населения там увеличивается. Для нас это проблема.

Что касается в целом роли Китая на международной арене, мне кажется, он никогда не будет претендовать на какую-то главенствующую роль. Это не в традициях Китая. Я имею в виду главенствующую роль в глобальном масштабе.

А в региональном — может быть. Но Вы задали вопрос все-таки в геополитическом смысле.

Тут опять упоминался однополярный мир. Я думаю, что у нас не исключена ситуация конфронтационного начала в установлении двухполярного мира. Как раз в том случае, если не сложатся здоровые отношения России и Европы. Как оппонирующей силы Соединенным Штатам. Тогда развитие ситуации может привести к двухполюсному миру, в котором как раз и будет противостояние Север — Юг.

Некоторые говорят о противостоянии Севера и мусульманского мира. Я бы не стал искать тут религиозную основу. В конечном счете здесь нужно вспомнить процессы глобализации, которые проявляются все больше, в частности резкую дифференциацию стран на очень сильных и богатых и на очень бедных. Очень бедные страны, конечно, могут стать под знамя экстремистских течений ислама. Такая дифференциация может привести к установлению двухполюсного мира именно с этими двумя субъектами. И это будет в большей степени конфронтационное начало двухполюсного мира. Это самое нежелательное развитие.

И как раз чтобы мы не пошли по этому пути, чтобы все-таки сложился двухполюсный мир не на конфронтационной основе и необходим союз России прежде всего с Европой. Но и с восточными странами тоже. И вместе с ними — противодействовать политике Соединенных Штатов. Я еще раз говорю: в качестве оппонирующей силы. Без этого у нас складывается совсем не радужная перспектива.

В.Р. Богданов. Борис Макаренко только что сказал, что нас Европа не очень ждет.

П.С. Золотарев. Там еще и Соединенные Штаты активно вмешиваются. Ведь они не дают нам решать конкретные вопросы, по которым европейские страны, страны Центральной и Восточной Европы, хотели бы сотрудничать с Россией. Но, наверное, такая ситуация до бесконечности продолжаться не может.

В.Р. Богданов. Нет ли в последних шагах Путина замысла идти на резкое сближение с Соединенными Штатами "через голову" Европы, чтобы хотя бы получить статус второй державы, контролирующей весь мир, включая Европу, Азию и так далее?

С.В. Кортунов. Лично мне кажется, что нет, потому что это было бы неправильно, хотя это не значит, что я не ошибаюсь. Но судя по тому, как реагировали европейцы на сближение между Россией и Соединенными Штатами, я думаю, что в Вашем вопросе есть рациональное зерно, потому что на определенном этапе немцы, например, были в ярости. И не случайно на поверхность вышел весь этот скандал с направлением немецкого экспедиционного корпуса в зону конфликта. Ведь Шредер провел это решение через Бундестаг, блефуя своей отставкой. Это очень сильно повлияло на внутреннюю политику Германии.

Если же рассуждать с точки зрения глобальной безопасности, то одно лишь сближение с Западом не даст эффекта создания прочной системы международной безопасности. Потому что когда нас приглашают в западную систему безопасности, надо все-таки иметь в виду, что это — евроатлантическая система безопасности. Россия же — это евразийская страна, и поэтому в идеале надо строить с участием России не евроатлантическую, а более широкую — евразийскую систему безопасности. А такую безопасность уже невозможно построить без других акторов в важнейших международных делах. Важнейшим в Азии, безусловно, является Китай. И не только Китай — естественно, и Индия. Поэтому вступление России в западную систему безопасности просто приведет к расширению этой системы безопасности. Оно превратит ее из евроатлантической в евразийскую.

Б.И. Макаренко. Разумеется, российская внешняя политика, российская система безопасности обязаны быть многовекторными, включать в себя и китайский вектор, и корейский, и индийский. Но это не значит, что мы можем строить иллюзии: построить ось с Пекином и Дели против

Запада или на основе конфронтации с Западом. Наоборот, одно из достоинств России, которое она может внести в западную систему безопасности, — это привилегированные, добрые, во многих аспектах более доверительные отношения с Пекином и старые связи с Дели. В таком случае я согласен с Сергеем Вадимовичем: система безопасности, которая строилась вначале как евроатлантическая, может постепенно приобретать евразийский, а затем и глобальный характер.

Что касается Европы и США, то надеюсь, что наши политики выросли из коротких штанишек. А "короткие штанишки" — это стремление "играть Европу" против США и "играть США" против Европы. Разумеется, противоречия есть, и во внешней политике их надо использовать. Но прочность евроатлантической системы испытывать таким способом не следует, это только разозлит и Европу, и Соединенные Штаты. При всех восторгах европейской прессы по поводу речи Путина в Бундестаге ложка дегтя все же была: одну его фразу они трактовали опять как стремление бросить "зерно раздора" между Европой и Соединенными Штатами.

Я думаю, что как раз сейчас, при стремлении России в Европу, нам легче понять друг друга с крупными странами, в первую очередь с Англией, Германией, Францией, чем с мелкими. Самая негативная реакция на радикальное сближение России и США была со стороны малых стран. Не будем брать людей типа Бжезинского, они в Америке есть и будут, наверное, еще очень долго. Вспомните, как настороженно к этому сближению отнесся Гавел, какая растерянность была в Варшаве. Потому что если это так, то зачем лидеры этих стран все последнее десятилетие вели свои страны в НАТО? Тогда НАТО теряет смысл в первую очередь для этих стран, а потенциально и для так называемой второй волны. Зачем Эстонии вступать в НАТО, если Россия тоже будет если не в НАТО, то где-то очень близко к ней?

Я не думаю, что у России есть на обозримые 10—20 лет перспектива вернуть себе статус второй сверхдержавы, сопоставимой с Соединенными Штатами. Я не думаю, что биполярный мир может вернуться в таком виде. Второго полюса, сопоставимого по потенциалу — технологическому, экономическому и военному — с Соединенными Штатами, еще очень долго не будет. Перспектива развития, на мой взгляд, — возникновение нескольких полюсов "второго уровня", ни один из которых не будет тянуть на роль полюса номер два, но система которых в конечном счете ограничит однополярность Соединенных Штатов.

В.Р. Богданов. Потенциал, о котором Вы говорите, — технологический, экономический, финансовый, — у Соединенных Штатов был также во много раз выше, чем у Советского Союза. Но Советский Союз тем не менее как бы держал место второй супердержавы. За счет чего?

Б.И. Макаренко. За счет доктрины ядерного сдерживания или гарантированного взаимного уничтожения. При прежней системе было очень легко построить такой сценарий: если противоречия приобретают слишком острый характер, то очень легко рассчитывалась эскалация, вплоть до ядерного конфликта и взаимного гарантированного уничтожения.

В.Р. Богданов. А за счет этого (хотя бы за счет этого) Россия не может вернуть себе статус второй супердержавы?

Б.И. Макаренко. А зачем?

В.Р. Богданов. А это другой вопрос.

Б.И. Макаренко. Я думаю, что это будет удаваться во все меньшей степени, потому что поддержание этого паритета в таком состоянии сломало хребет Советскому Союзу чисто экономически. Становилось все труднее и труднее это соревнование выдерживать чисто экономически и технологически. Тогда даже некоторые наши военные говорили: "Да, мы можем друг друга уничтожить. У американцев кувалда такая никелированная с эбонитовой ручкой, которая гасит удар, вся красивая, а у нас ржавая, тяжелая, но голову прошибить может". Я понимаю, что

эта метафора, может быть, не совсем удачная, но она и сейчас может иметь место. Но если у нас ядерный потенциал похож на ржавую кувалду, то и наша мирная экономика, и наша повседневная жизнь будут тоже выглядеть ржавой кувалдой на фоне современного технологического оборудования Запада. Такую цену Россия в XXI веке позволить себе уже не может. Можно, наверное, поддерживать ядерный потенциал в таком состоянии. Но зачем?

С.В. Картунов. Здесь еще один важный момент. В Советском Союзе был по существу мобилизационный тип экономики, который и позволял маневрировать ресурсами. В условиях рыночной экономики поддерживать паритет с американцами невозможно — во всяком случае в прежнем его понимании. Кстати говоря, в утвержденной Концепции национальной безопасности четко сказано, что мы не стремимся к паритету с Соединенными Штатами. Сейчас существует даже не паритет, а, я бы сказал, ядерная взаимозависимость. И она вполне обеспечивает нам наряду с другими факторами статус великой державы.

П.С. Золотарев. Я хотел бы отметить только один момент. Помимо ядерного потенциала у Советского Союза были еще идеология и знамя, под которым собирались исторические проекты. Сейчас этого знамени нет. Но это знамя может подняться и быть зеленым. Как объединяющее, но, естественно, без России.

В.Р. Богданов. Если позволите, я хотел бы теперь вернуться к началу нашего разговора, к тому, с чего начал Сергей Владимович Картунов, — к антитеррористической коалиции. Понятно, что такого рода коалиции, основанные на наличии общего врага, носят временный и тактический характер. Антигитлеровская коалиция между совершенно разными странами просуществовала до мая 1945 года, а потом началась холодная война. Не грозит ли это нам в случае с антитеррористической коалицией? Россия и Запад — это партнеры или союзники, то есть члены одного альянса? Но дружба или сотрудничество не может происходить без неких взаимных интересов. В чем Вы видите

эти интересы? А в чем противоречия, которые мешают созданию союза, будь то альянс или партнерство?

С.В. Кортунов. Надо сначала разобраться, что такое союз. Мне кажется, что союзниками могут быть лишь страны с гомогенным, или однородным, общественным устройством. Мы сейчас лишь идем в сторону той модели, которую исторически выстроил Запад. Когда у нас сложится зрелая демократия — не только представительского типа, но подкрепленная также и гражданским обществом (кстати говоря, это и есть основа демократии), — тогда, наверное, уже можно будет говорить о стратегическом альянсе, или союзе, с Западом и Соединенными Штатами. До этого я бы не рискнул прогнозировать долгосрочный характер антитеррористической коалиции, которая действительно основана исключительно на прагматических интересах.

П.С. Золотарев. По-моему, Рейган в свое время сказал: дайте нам общего врага, и все будет хорошо.

С.В. Кортунов. Этот враг должен быть достаточно мощным и "долгим".

П.С. Золотарев. Мы начали разговор о борьбе с международным терроризмом. Эта борьба со следствием тех причин, которые потихоньку начинают проявляться в такой форме. Но именно борьба со следствием, а никак не с причинами. Конкретно в Афганистане шла борьба с конкретной группировкой и с тем государством, которое поддерживало эту группировку. Если проанализировать причины, которые приводят к росту международного терроризма, то они связаны, с одной стороны, с тем наследством, которое оставили после себя наши спецслужбы. Это одна составляющая. Причем то наследство, которое осталось от спецслужб Запада, оказалось более живучим. Почему? Потому, что они опирались на фундаменталистские течения идеологии ислама. Они их поддерживали. И эта идеология осталась. А наша идеология пропала. Плюс структура была создана. Это первое, что послужило основой, но не самое главное, конечно, по важности. Следующий фактор — процесс глобализации, который как раз сказыв-

вается на том, что государства начинают делиться на очень богатые и очень бедные. А у бедных нет другого способа бороться за справедливость, кроме как использовать методы открытого военного протеста. Наконец, в период глобализации появились транснациональные корпорации. В некоторых ситуациях они также хотят опираться на военную силу, а военной силы у них нет. Методы же международного террора для них могут быть вполне приемлемы.

Все эти причины в комплексе будут и дальше подпитывать становление структур международного терроризма. И нацелены они скорее всего против Соединенных Штатов как единоличного лидера. От этого никуда не денешься. Я сомневаюсь, что в борьбе с этими причинами можно говорить о каком-то союзе, потому что американцы глубинные причины, как правило, не анализируют. Они действуют по следствию, по структурам, по Афганистану с помощью самолетов, авианосцев. Эти причины такими методами не устранишь. Они более глубинные и требуют более серьезных подходов. Нужно вспомнить про старые идеи, связанные с глобальным направлением, с реформой Организации Объединенных Наций. То есть стремиться к созданию таких же наднациональных, надгосударственных институтов, как и сами транснациональные корпорации.

Новый миропорядок должен родиться не только в результате развития региональных систем безопасности, сближения с Западом, с Азией, но и путем совершенствования тех структур, которые есть. Прежде всего — Организации Объединенных Наций и, может быть, создания новых структур. Однако решения должны приниматься не так, как в Организации Объединенных Наций — по принципу "кто владеет ядерным оружием, тот и решает". Там должны быть другие механизмы. Это дело отдаленного будущего, но в этом направлении мы неизбежно будем двигаться.

В.Р. Богданов. С этой точки зрения интересен, конечно, опыт Европейского союза. Страны приносят в жертву свой суверенитет для создания единой валюты. А

что такое национальная валюта? Это ведь некая составляющая суверенитета. Они готовы пожертвовать этим ради создания таких наднациональных структур, наднациональных институтов. Вы считаете, что это возможно не только в западноевропейском, но и в мировом масштабе?

С.В. Кортунов. В перспективе это просто необходимо. Тем более что действительно XXI век — это уже не век национальных суверенитетов, как они понимались в XX веке. Хотя мы видим, что количество государств увеличивается. По-моему, сейчас их уже около 250. И, наверное, эта тенденция будет продолжаться. Но вместе с тем идет и обратный процесс, а именно: процесс размывания национальных суверенитетов через создание крупных коалиций, союзов в различных областях.

В.Р. Богданов. То есть взаимные интересы будут лежать в этой плоскости?

Б.И. Макаренко. Здесь не только интересы. Я позволю себе сравнить нынешнее состояние процессов глобализации с эпохой 40—60-х годов, когда рушилась мировая система колониализма. Тоже была глобальная система мироустройства. Мир был поделен. Система рухнула тогда, когда стали работать два ценностных фактора. С одной стороны, подъем национального самосознания и национально-освободительного движения. Подъем, который был во многом обусловлен именно европейской цивилизаторской миссией. С другой стороны, когда западные либеральные проекты в своем развитии достигли такой степени, что насильственное удержание других территорий и других народов стало считаться недопустимым с ценностной точки зрения, неприличным.

Сейчас процессы глобализации уже заставляют Запад задуматься о том, что действительно причина здесь не в конкретных террористических акциях, а в том, что столь глубокий разрыв между богатыми и бедными не может не порождать такого экстремизма и такого терроризма, который несет угрозу всему глобальному миропорядку. Пока мы реагируем очень нервно на демонстрации антиглоба-

листов. Кстати, российская пресса, на мой взгляд, бьет их жестче, чем пресса западная. Потому что Запад прошел через движение хиппи, через антиракетное движение 80-х годов, через движение "зеленых". Он уже понимает, что у волосатых хулиганов, которые бьют витрины и переворачивают машины, тоже может быть здравый голос, и к нему следует прислушаться.

Это своего рода острая боль в организме, которая свидетельствует о том, что нужна терапия, а, может быть, в каких-то случаях и хирургия. 11 сентября прорвался вот такой аппендикс. Прорвался на Манхэттене, в его южной части. От этого до создания новой системы миропорядка еще очень далеко. Разумеется, антитеррористическая коалиция ситуативна. И в ней есть государства очень разнообразные, причем Россия далеко не самый инородный здесь элемент. Мы в конце концов — члены Совета Европы и хотя бы на бумаге присоединяемся к моральным стандартам и ценностям прав человека, которые Европой воспитывались веками. Многие исламские государства от либерализма и демократии отстают гораздо больше, чем Россия. Тем не менее в антитеррористической коалиции они участвуют.

Коалиция рано или поздно распадется. Сейчас в России есть какая-то эйфория по поводу сближения с Западом. Но в Узбекистане она на порядок сильнее. Узбекикам кажется, что сейчас американцы будут самолетами завозить мешки с долларами и забудут о том, что у них есть свои прагматические и достаточно меркантильные интересы. Все это, включая завоз мешков с долларами в Узбекистан, кончится тогда, когда кончится активная фаза антитеррористической операции.

Как она будет строиться дальше, как западный мир будет бороться с причинами терроризма, а не с его следствием, пока говорить трудно. Но обратите внимание, что даже в рамках этой антитеррористической коалиции европейцы иногда оказывают сдерживающее воздействие на Соединенные Штаты по формам, методам, целям, тактике. Не столько из альтруистических или моральных

соображений. Просто те же англичане гораздо больше биты Востоком. Они знают, какие границы переходить нельзя. Процесс принятия решений по борьбе с причинами только начался в этой антитеррористической коалиции. Операция в Афганистане еще даже не есть большое приближение к этой цели. Но я думаю, что процесс начался, и России в нем место все-таки ближе к Западу.

В.Р. Богданов. Американцы и отдали главенствующую роль англичанам, потому что понимают: они втягиваются в жуткий омут. Они понимают, что англичане данную ситуацию могут чувствовать немножко острее.

Но все-таки вы все говорили об антитеррористической коалиции. А других общих интересов у России с Западом нет? На чем могут строиться союз, партнерство, альянс?

С.В. Кортунов. Как раз основное поле партнерства — это экономические интересы. С одной стороны, здесь конкуренция, а с другой — отношения партнерства. Поэтому если мы уже заявили, что интегрируемся в либеральный проект, то главный вопрос — каковы будут темпы и формы этой интеграции. Можно интегрироваться на правах равноправного партнерства, а можно — на правах сырьевого придатка. Можно интегрироваться частями, что уже предлагали З. Бжезинский и другие американские деятели. Интегрироваться частично через Турцию, частично через Германию, частично через США. Тогда встает вопрос о единстве и территориальной целостности страны. Мы уже говорили, что угроза распада федерации сейчас небольшая, но все равно иметь в виду это надо. Когда Примаков пришел Министром иностранных дел на место Козырева, в качестве главного приоритета внешней политики он назвал недопущение распада федерации, укрепление территориальной целостности. Вот еще один пример взаимосвязи внешней и внутренней политики.

В.Р. Богданов. Есть ли некие общие военные или военно-политические интересы у нас с Западом, за счет которых был бы сохранен союз в дальнейшем, после того как антитеррористическая коалиция свою задачу выполнит?

С.В. Кортунов. Думаю, что нет. То есть мы все равно расстанемся. Если не врагами, то конкурентами, скажем так.

П.С. Золотарев. Дело в том, что межгосударственные конфликты ушли в прошлое. Сейчас в основном имеют место внутренние конфликты. Поэтому и государственные вооруженные силы отходят на второй план. Сейчас ни одна из европейских стран не старается создавать вооруженные силы, которые самостоятельно могут решать какие-то серьезные задачи в той же локальной войне. Только в составе коалиции. Они экономят на этом средства. Поэтому я думаю, что военной основы для союза здесь не просматривается. Другое время.

В.Р. Богданов. Какие еще интересы могут сближать или отдалять нас друг от друга?

Б.И. Макаренко. Если говорить идеалистически (забудем, что мы взрослые люди), и Европе, и нам нужно, чтобы на Балканах было спокойно. И Европе, и нам нужно, чтобы ближневосточный конфликт был урегулирован. И Европе, и нам неприятен тоталитарный характер режима Саддама Хусейна. Это одновременно почва и для сотрудничества, и для конкуренции. Иногда конкуренции острой. К тому же взгляды на то, как вывести Ирак из нынешнего состояния, у России и США очень разные. На мой взгляд, при конфронтационной модели надежд на преодоление этих разногласий и на приближение решений проблем было меньше, чем сейчас. Россия в конечном счете смирилась с навязанной ей ролью урегулирования и боснийской, и косовской проблем. Мы в конечном счете присоединились к западной коалиции — после долгих маневров, на особых условиях и так далее. Не дай Бог, возникнет следующий конфликт. Мы вновь станем полными военными союзниками НАТО. Наверное, все не так просто. Тем не менее надежд быть услышанными у нас сейчас становится больше, чем было в 90-е годы.

В.Р. Богданов. Два-три дня назад газета "Вашингтон пост" опубликовала статью, в которой делался вывод, что

в ближайшее время Россия как энергетическая страна выходит на первое место по нефти, перегоняя Саудовскую Аравию. За счет той нефти, которую мы сейчас продаем, и за счет того, что Ирак будет продавать около 7 млн. баррелей (с учетом того, что нефтяные российские компании имеют очень сильные позиции в Ираке на сегодняшний день). За счет этого Россия становится страной номер один. США сейчас собираются ввести в Ирак 100-тысячный корпус: 50 тысяч — с северной границы, 50 тысяч — с южной. Не идет ли здесь какая-то игра? Мы все говорим, что Ближний Восток — это борьба за источники нефти. У американцев свой интерес, у Европы, у нас — свой. Он увеличивается или уменьшается?

С.В. Кортюнов. Нефтяной фактор всегда является фоном всей мировой политики. Это всегда было, с тех времен, когда человечество начало использовать нефтяные ресурсы в целях энергетики. Теракты 11 сентября и теракты, которые были раньше, безусловно, связаны с желанием определенных транснациональных корпораций перераспределить мировой доход. В том числе и в нефтеносных районах мира. Поэтому, наверное, пока человечество будет использовать нефть, этот фактор всегда будет одним из главных.

Б.И. Макаренко. По поводу нефти я все-таки немного не соглашусь. Россия уступает Саудовской Аравии по разведанным запасам. Российская нефть гораздо дороже по себестоимости, немного хуже. Так что прогноз о доминировании России, наверное, преувеличен. У российских компаний есть лишь потенциал для того, чтобы захватить господствующие позиции в Ираке. Сегодня этого пока нет. Этот потенциал реализуется в том случае, если будут сняты международные санкции и появится экономическое обоснование для разработки новых месторождений.

В.Р. Богданов. Почему именно сейчас США начали эту кампанию?

Б.И. Макаренко. Я думаю, что это тактические игры.

И.С. Золотарев. Тактические игры есть. Есть и то, что администрация Буша-сына во многом состоит из людей Буша-отца, у которых комплекс от того, что папа не закончил "иракский проект".

В.Р. Богданов. Не надо забывать, что эта команда — техасская, со своими большими нефтяными интересами.

Б.И. Макаренко. На самом деле, когда американцы в 1990 году подняли шиитов на юге и курдов на севере на свержение режима Саддама Хусейна, это была стратегическая ошибка. Было ясно, что Саддам это все разметет достаточно легко. Его элитные сухопутные войска оказались нетронутыми в результате этой операции. Американцы попытались чужой кровью решить эту проблему. И не решились. А американцы таких пощечин национальной гордости не любят. Тем более если через 12 лет возвращаются к власти. Я очень надеюсь, что не только Россия, но и европейцы, в первую очередь англичане, удержат Америку от крупных авантур в Ираке. Но нефтяной фактор здесь тоже, безусловно, работает. Иракская нефть не сделает Россию богатой. Но, конечно, и конкретный нефтяной интерес у России в Ираке есть.

В.Р. Богданов. Военные есть военные: они, как и в любой профессии, хотят найти применение своей профессии. Это — не в упрек военным.

И.С. Золотарев. Вы правильно говорите. Но, к сожалению, проблемы-то сейчас все внутренние. В наших Вооруженных Силах. Как выживать дальше? Естественно, решение о выходе из Договора по ПРО порождает мысли о поддержании в той или иной степени паритета с США. Иначе военные не должны мыслить, раз осталось состояние взаимного ядерного сдерживания. Это для политиков — ядерное оружие может применяться или не может применяться. А военные должны относиться к нему, как к оружию, которое они должны применить в любых условиях, в любой обстановке. Поэтому и будут соответствующие предложения по составу группировки стратегических ядерных сил, по каким-то ответным мерам и так далее.

То же самое и с НАТО. Пока у них все-таки есть статья 5. Пока предъявляются конкретные требования к новым членам НАТО именно по решению задач обороны, естественно, и реакция со стороны военных будет соответствующей. Но это не реакция раздражения. Это определенные требования, определенные задачи по построению группировки, по способности этой группировки выполнять задачи.

В.Р. Богданов. На сегодняшний день ядерное оружие решает что-то?

П.С. Золотарев. Ядерное оружие есть разное. Есть стратегическое, есть тактическое. Стратегическое сейчас реально отошло на второй план. А что касается тактического ядерного оружия, то, учитывая слабость наших обычных вооруженных сил, в случае каких-то локальных конфликтов нельзя исключать применение тактического ядерного оружия. В особенности когда конфликт надо остановить, а иных сил нет.

С.В. Кортунюв. В ходе операции в Афганистане американцы рассматривали этот вопрос.

П.С. Золотарев. Роль тактического ядерного оружия сейчас возросла в большей степени, чем стратегического.

В.Р. Богданов. А высокоточное оружие?

П.С. Золотарев. Высокоточное оружие даже у американцев оказалось неэффективным.

С.В. Кортунюв. Ядерное оружие — это политическое оружие. Но для того чтобы быть политическим оружием, оно должно быть реальным. И военные должны к нему относиться, как к оружию.

В.Р. Богданов. Может быть, каждый из вас скажет то, что вы хотели бы сказать, но мы не спрашивали?

С.В. Кортунюв. По поводу вступления России в НАТО продолжу ту линию, о которой упомянул Борис Игоревич Макаренко. Естественно, что сейчас встает вопрос о вступлении России в НАТО, поскольку это следующий вопрос после решения стратегического вопроса о сближении с Западом. Это составная часть более крупного стратегичес-

кого вопроса. Как сказал в свое время У. Черчилль, если Россия вступит в НАТО, то отпадут все предпосылки для существования этой организации. Вступление России в НАТО делает эту организацию просто другой. Понимая это, многие европейцы, которые привыкли к определенной идентичности НАТО, этому сопротивляются. Американцы, я думаю, более гибко могли бы подойти к этому вопросу, поскольку для них, как для глобальной державы, важно обеспечить безопасность не только в Евроатлантике, но и в Евразии в целом.

В.Р. Богданов. А может быть, вообще есть некий неафишируемый сговор между Россией и США?

С.В. Кортунов. Очень хотелось бы на это надеяться. Но это маловероятно. С другой стороны, Европа — объективно сложный партнер для американцев. Во-первых, это экономический конкурент. Во-вторых, там надо со слишком многими договариваться, там слишком сложная демократическая процедура принятия решений. С Россией все проще. И субъект один, с которым надо говорить.

П.С. Золотарев. Какие побудительные мотивы у американцев, чтобы договариваться с Россией? Они могут вообще не договариваться. Они так и делали еще полгода назад.

С.В. Кортунов. Все-таки Россия сейчас пригодилась в Центральной Азии.

П.С. Золотарев. Ну, это на два-три месяца.

Б.И. Макаренко. А может пригодиться в той же Европе.

С.В. Кортунов. Вот когда Россия и Америка начнут согласовывать свою линию поведения в отношении Европы, тогда это будет стратегический альянс.

Б.И. Макаренко. Я хотел бы немного уклониться в другую сторону. Сближение с Западом — это уже реальность. Во всяком случае, реальность текущих месяцев. Вопрос: что Россия от этого получит? Что-то она уже получила. Климат на Западе в общем и целом по отношению к России изменился. Это не значит, что навсегда. Воз-

возможность для продолжения диалога и установления сотрудничества в самых разных сферах продолжает существовать. Мы, конечно, получим целый ряд конкретных дивидендов. Скорее не в военной и не в стратегической области, а в области экономической. Можно ожидать скорой отмены поправки Джексона — Вэника. Можно ожидать решения США о признании России страной с рыночной экономикой. Можно ждать ускорения или облегчения бюрократических препон по вступлению России в ВТО. Можно ждать, что в случае, если долговая проблема станет слишком серьезной для нас удавкой, Запад к этому отнесется более благосклонно и поможет нам избежать этой петли. Конкретные ожидаемые дивиденды показывают, что сближение нужно в первую очередь не Западу, а России. Если мы согласны в том, что чем дальше, тем больше стратегический потенциал страны будет определяться экономической и технологической составляющей, то в конечном счете именно через такие дивиденды Россия обретает надежду на подтверждение и долгосрочное закрепление за собой статуса великой державы.

Я не хочу выглядеть "розовым оптимистом", потому что мы видим проблемы в стратегической области. Наше углубляющееся экономическое сотрудничество с Западом будет порождать свои проблемы и новые витки конкуренции там, где их пока еще нет, просто потому что Запад не пустил нас в определенные сферы. Я думаю, что вектор этот задан правильно, и у России в этом движении больше возможностей, чем опасностей.

П.С. Золотарев. Я хотел бы все-таки подчеркнуть, что нам важнее сближаться с Европой. Ни в коем случае не в наших интересах пытаться сталкивать Европу с США. Этого не должно быть. Но вместе с Европой мы должны оппонировать США. Здесь поднимался вопрос, есть ли что-то такое, что может все-таки послужить нашему объединению. Такой фактор есть, но он еще до конца не раскрыт, хотя действует уже ощутимо. Я имею в виду обеспечение устойчивого развития, проблему выживания

человечества. То есть проблему взаимодействия с окружающей средой. Если на настоящий момент проанализировать, то осталось всего несколько регионов, способных самовосстанавливаться — район Амазонки, север Канады, глубинка России, Австралия. Остальные регионы мира уже не способны к самовосстановлению. Но это нераскрытая проблема. Пока это еще тенденция. Она когда-то проявится.

В.Р. Богданов. К сожалению, в человеческой природе отсутствует инстинкт самосохранения будущих поколений. Везде существует инстинкт самосохранения лишь живущего поколения.

С.В. Кортупов. Я думаю, мы можем констатировать, что такая тенденция уже набирает силу. В частности, есть документ, который будет приниматься в ближайшее время ООН. Это Хартия Земли. Этот документ представляет собой как бы свод новейших гуманитарных принципов, связанных именно с устойчивым развитием. То есть эта тенденция уже пробивается. Естественно, что это будет долгий процесс, поскольку для этого надо изменить менталитет таким образом, чтобы думать также и о правах Земли, думать о планете как о живом существе и о правах будущих поколений людей.

Но я хотел бы вернуться к обсуждению роли и места России в формирующемся новом миропорядке.

Ключевым регионом мира, определяющим глобальную безопасность, остается Евразия. Принципиально важное положение состоит в том, что Россия как евразийская страна не может быть каким-то второстепенным партнером, если от нее ждут действенного участия в борьбе с международным терроризмом на этом важнейшем пространстве.

Все это, однако, не означает, что новый мировой порядок отныне будет формироваться в парадигме двустороннего российско-американского взаимодействия. Во-первых, США и в дальнейшем будут стремиться к глобальному доминированию в качестве единоличного лидера. Во-вто-

рых, Россия сегодня слишком слаба в экономическом и военном отношении для того, чтобы выступать в качестве равного США центра силы, равного с ними партнера в построении новой системы международных отношений. В своей политике она вынуждена будет опираться и на Европу, и на Китай, и на исламский мир. Именно такая многовекторная политика может в случае искусной дипломатии сделать Россию весьма ценным, а возможно, и незаменимым партнером мирового сообщества.

Кроме того, несмотря на некоторую эйфорию по поводу улучшения российско-американских отношений, перспективу сближения России и США, в том числе и по причине их разного военно-политического веса, следует оценить на данном этапе как достаточно ограниченную. Пока стороны руководствуются тактическими и чисто прагматическими соображениями, преследуя каждая свои цели. Вряд ли из такого рода сотрудничества может вырасти стратегический союз или даже равноправное партнерство. Решение этой задачи предполагает серьезное встречное движение с обеих сторон, которого пока нет.

В этом плане, еще не раз подчеркну, не следует преувеличивать потенциал антитеррористической коалиции. Это всего лишь рабочий орган (действующий в режиме *ad hoc*), созданный для решения конкретной задачи по противодействию общему противнику. Он не является основой для глобального союза безопасности между Россией и Западом. Для этого пока недостаточно объективных предпосылок. По этой же причине вступление России в НАТО на данном этапе вряд ли возможно. Однако вполне возможно и необходимо тесное сотрудничество между Россией и НАТО в борьбе с международным терроризмом, которое могло бы стать основой их совместной деятельности в формате "двадцатки".

События 11 сентября 2001 года подтвердили, что международный терроризм — не простая уголовщина. Это политика, это продолжение политики и войны иными средствами. Международный терроризм — это порождение

современной несправедливой и диспропорциональной с точки зрения распределения мирового дохода цивилизации. Поэтому это всерьез и надолго.

Ясно, что наглый вызов нового варварства не должен остаться безнаказанным. Он требует решительного ответа, способного хотя бы предотвратить дальнейшее разрастание терроризма. Однако ясно и то, что нельзя при этом уповать лишь на военную силу. В борьбе с терроризмом военная мощь играет важную, но не исключительную роль. Она должна быть подкреплена другими совместными и весьма дорогостоящими мерами в социальной, экономической, политической, информационной и так далее областях. Эти меры еще предстоит совместно выработать. Что бы мы ни делали, какие бы альянсы ни создавали, сколько бы ни бомбили, если механизм самовоспроизводства причин терроризма не ликвидировать, мы ликвидируем лишь внешнюю сторону этой болезни. Нам никуда не уйти от анализа глубинных причин, воспроизводящих терроризм. Необходимо прежде всего менять сложившееся положение, при котором 20 процентов населения Земли, живущие в богатых странах, потребляют 80 процентов всех мировых ресурсов, а в бедные страны в обмен на эти ресурсы к тому же "закачиваются" грязные технологии и ввозятся опасные и вредные отходы.

Следовательно, основное противоречие наступившего XXI века — конфликт между "Севером" и "Югом", то есть между богатыми (и сильными) странами, поглощающими основную массу мировых ресурсов, и бедными (и слабыми). Международная безопасность зависит от разрешения этого противоречия, главную роль в котором играют богатые страны. А поскольку самой богатой страной "Севера" являются США, то вполне естественно, что острие международного терроризма адресовано прежде всего им. Поэтому международный терроризм носит в первую очередь антиамериканский характер. Теракты в США — это геополитический и геоэкономический ответ богатому "Северу" со стороны бедного "Юга", разрыв между которыми достиг

таких пропорций, что, по существу, дело идет уже к маргинализации не только отдельных государств, но и целых регионов мира, бомбить которые в качестве источника "мирового зла" бессмысленно и крайне опасно. Тем более что разбомбить идеологию невозможно.

Это значит, что процессы, которые обобщенно называют "глобализацией", скорее всего, несколько замедлятся. В свете происшедших событий они должны быть переосмыслены. Во всяком случае, эти процессы должны интегрировать интересы гораздо большего количества стран, чем раньше. Глобализация из идеи партикулярной, отражающей волю богатых стран, должна превратиться в подлинно глобальную и всеобщую, блага от которой могли бы получать все, а не только "избранные" страны и народы.

Ф.И. Ладыгин. Для активизации совместных усилий по борьбе с терроризмом имеются следующие пути: выработка и принятие единых критериев оценки терроризма и террористических проявлений; сближение антитеррористических законодательств; принятие единых методик осуществления контртеррористических операций, включая методику проведения переговоров с террористами; регулярное проведение конференций, семинаров, рабочих встреч специалистов, занимающихся проблемами борьбы с терроризмом; обмен методической литературой по отдельным аспектам антитеррористической деятельности; командирование профессорско-преподавательского состава и специалистов для обучения и подготовки коллег по проблемам терроризма в дружественных государствах; выработка единой технологии освещения проблем противодействия террористическим угрозам в средствах массовой информации и так далее.

Целесообразно было бы выработать устойчивые принципы проведения контртеррористических операций, тщательно регламентировать порядок освещения в средствах массовой информации ситуаций, связанных с актами терроризма, и так далее. Чем ближе будут правовые оценки

террористических проявлений со стороны разных стран, чем единообразнее подход к вопросам их предупреждения и пресечения, чем активнее и шире будет взаимодействие в этой области, тем меньше возможностей для маневра в реализации своих намерений останется в этом мире у террористов. В решении этой глобальной и многоаспектной проблемы должны принимать активное участие и политики, и социологи, и психологи, и, конечно же, правовые институты различных государств.

Современные методы вооруженной борьбы против терроризма оказались неадекватными. Требуется разработка принципиально новых методов, включая разведку, использование ударных и информационных средств. В борьбе с терроризмом неадекватным является и ядерное оружие — как в военном, так и в еще большей степени в политическом плане. Ядерные бомбардировки США не одобряют даже ближайшие союзники. Они лишь спровоцируют новый всплеск антиамериканизма во всем мире, подорвут процесс нераспространения и ограничения ОМУ. В этом плане вызывает озабоченность недавний пересмотр военной доктрины США, в которой, по существу, предусмотрена возможность комбинированного применения высокоточного обычного и ядерного оружия при самых различных вариантах развития международной обстановки, что значительно понижает ядерный порог и повышает непредсказуемость военных действий США.

Сотрудничеству спецслужб различных стран следует придать новый импульс, однако нужно иметь в виду, что их возможности — даже при максимально тесном взаимодействии — весьма ограничены. Спецслужбы лечат лишь симптомы и последствия болезни, а не ее причины, коренящиеся в серьезных и застарелых социальных, экономических и политических проблемах современного мира.

Взаимодействие спецслужб различных стран должно быть организовано на основе общих решений высшего руководства относительно целей и задач совместной борьбы с международным терроризмом. При этом должны быть

четко и ясно сформулированы цели, направления деятельности, формы взаимодействия спецслужб, конкретизированы силы и средства, которые используются в решении единых задач. Сами спецслужбы осуществляют свое взаимодействие в рамках решений высшего руководства, причем эти решения периодически могут корректироваться, равно как и формы взаимодействия.

Во главу угла работы спецслужб следует поставить задачу раннего предупреждения и профилактики терроризма. Даже блестяще проведенная спецподразделениями боевая операция по обезвреживанию террористов, например, захвативших заложников, является свидетельством упущенных возможностей оперативных подразделений по выявлению, локализации и свертыванию опасности совершения теракта на этапах его планирования.

Факторы, воспроизводящие терроризм, на предупреждение, выявление и пресечение которых нацелены органы безопасности, чаще всего возникают в тех сферах социально-политической и экономической жизни страны, непосредственно влиять на которые спецслужбы и правоохранительные органы не только не могут, но и не имеют права, так как в противном случае неизбежно выйдут за рамки своей компетенции, превысят полномочия и, следовательно, нарушат закон. Поэтому только специальным службам и правоохранительным органам решить проблему борьбы с терроризмом не под силу. Здесь нужна широкая межгосударственная политика, включающая в себя не только оперативные, специальные, военные меры, но и меры политические, идеологические, социальные, экономические, воспитательные, пропагандистские и прочие.

В.А. Рубанов. В деле противодействия международному терроризму резко возрастает значение информационных технологий и информационной войны. Отсюда — важность сотрудничества органов государственной власти со СМИ. Необходимо формирование единого информационного пространства планеты для полной ликвидации баз и пунктов

подготовки террористов. Государства, на территории которых такие базы находятся, должны персонально отвечать за это перед международным сообществом, желательно перед Советом Безопасности ООН. Спецслужбы ведущих стран мира должны принять решение о создании единого банка данных в этой области.

Международный терроризм практически неуязвим для современных методов ведения войны. Единоличные действия даже такой мощной страны, как США, не решат проблему. Необходим коллективный орган, способный оперативно и без ущерба для мирного гражданского населения уничтожать гнезда террористов по всей планете. Коллегиальный путь борьбы со злом терроризма — единственно возможный и эффективный.

Однако следует констатировать, что адекватных международных механизмов противодействия международному терроризму у мирового сообщества пока нет. Ни ООН, ни ОБСЕ, ни даже НАТО, во всяком случае, в нынешнем виде, не могут рассматриваться в качестве подходящих организаций, способных выполнить эту роль. Возможно, проще совершенствовать уже имеющиеся международные механизмы безопасности, нежели создавать новые. Однако опыт последних лет показывает, что существующие международные организации, включая НАТО, не способны в силу своей забюрократизированности и неповоротливости оперативно и эффективно реагировать на неожиданные вызовы в этой сфере. Поэтому скорее всего нужен принципиально новый мобильный интернациональный механизм, по своей структуре способный противодействовать разветвленной и многообразной деятельности террористов. В частности, выдвигается идея создания наднациональной системы, объединяющей антитеррористические силы, в состав которых могут входить управленческая, информационно-аналитическая, разведывательная, контрольно-финансовая, контрольно-пропагандистская и силовая структуры, в том числе хорошо экипированные контртеррористические части, подготовленные к переброске в беспокой-

ные регионы. Однако вся эта международная антитеррористическая система, конечно же, должна быть создана под эгидой СБ ООН.

В этом контексте следует подойти к созданию эффективного международного антитеррористического центра, возможно, по типу созданного Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном в Бишкеке или на новой основе. Ясно, что в этот центр в нынешних условиях должны входить Израиль, Великобритания и, конечно, США.

Эффективность антитеррористического центра будет зависеть от выработки четкого алгоритма его функционирования и перечня последовательных мер, направленных на постепенное и надежное наполнение выстраиваемой объединенной антитеррористической структуры конкретным содержанием. Попытки форсировать процесс создания антитеррористического центра путем формальной декларации его образования с наделением его широкими полномочиями способны привести к нежелательным последствиям в области налаживания действительно эффективного взаимодействия в области борьбы с терроризмом.

О том, что проблема создания единого антитеррористического центра требует взвешенного подхода, свидетельствует и разброс мнений обсуждавших эту проблему представителей различных государств по функциональному назначению этой структуры. Вероятно, самым разумным в этой ситуации было бы поэтапное объединение усилий в борьбе с терроризмом, когда шаг за шагом, начиная с обмена информацией, создания единых банков данных по отдельным аспектам антитеррористической деятельности, формирования совместных антитеррористических методик и тому подобных мер, участники взаимодействия продвигались к более сложным и ответственным формам сотрудничества, убеждаясь на базе успешно реализованных этапов процесса объединения в целесообразности осуществления дальнейших шагов.

События 11 сентября 2001 года заставляют задуматься о переоценке роли международного права в целом. Нужно решить вопрос о соотношении права и силы. Роль права, его моральный авторитет и моральный авторитет международных организаций, включая ООН, были подорваны известными событиями предшествующего периода, прежде всего действиями США в Югославии и в Ираке. Это многим внушило подозрение, что на самом деле международное право носит лишь декларативный характер и не является источником силы. Право в настоящее время санкционируется силой. Есть сила — будет право. Такое положение недопустимо. Развитым странам мира нужно продемонстрировать свое уважение к международному праву, а для этого начать меняться самим. Нужно понять, что международное сообщество XXI века — это не мир центров силы, а мир взаимоуважаемых народов и культур. В этом мире нужна новая геополитическая этика, новая геополитическая мораль, основанная на международном праве.

В современном мире уже недостаточно адекватно реагировать на кризисы и конфликты. Надо учиться ими совместно управлять. Это предполагает перенос акцента на разного рода превентивные мероприятия. В долгосрочном плане к ним относится воспитание людей и целых народов в духе культуры мира, диалога между народами и толерантности.

Наконец, необходима новая революция в ценностях, новый ренессанс идей Справедливости, Равенства и Братства людей, а также ревизия в духе гуманизма таких понятий, как "рынок", "свобода", "благополучие", "самовыражение", и других идей либерального толка. Предстоит тяжелая битва за "сердца и умы", в которой решающая роль будет принадлежать пропаганде ценностей, идеалов и идей. Это предполагает вовлечение миллионов людей в диалог, в рамках которого должно произойти взаимодействие и взаимообогащение всех культур и цивилизаций.

С.В. Кортунов. Таким образом, разгром мирового террористического центра, каким был талибский Афганистан, — конечно, необходимая, но лишь первая, начальная фаза общемировой антитеррористической борьбы. Представляется, что одновременно должна осуществиться и вторая фаза — фаза формирования союза со всеми конструктивными силами в "исламском мире", взаимодействия с ним в деле разрушения всей, прежде всего военной и финансовой, инфраструктуры мирового "исламского интернационала" (не имеющего отношения к исламу), предотвращения дальнейшей радикализации мусульман путем равноправного взаимодействия и сотрудничества с ними.

Развитые и богатые страны мира при наличии доброй политической воли способны создать такую структуру международных отношений, при которой каждая страна, каждый народ имели бы возможность для обеспечения достатка и достойного уровня жизни, собственного благополучия и самовыражения. Необходима четко разработанная программа по изменению нынешнего мироустройства, всей философии международных отношений. Россия может и должна сказать при формировании нового, более справедливого и гуманного мирового порядка свое веское слово.

Теперь давайте обсудим ситуацию, связанную с предстоящей военной операцией США против Ирака.

В.М. Соловьев. В последние дни все настойчивее мировому сообществу навязывается мысль о неизбежности американской атаки против Ирака. При этом как о чем-то разумеющемся говорится, что соответствующее одобрение со стороны Совета Безопасности ООН совсем обязательно.

Одним из главных доводов в пользу такого рода американской позиции является якобы скрытые от глаз усилия режима С. Хусейна в области ОМУ, а также поддержка режимом международного терроризма. Ни одно из названных обвинений не подкреплено сколько-нибудь убедительными доказательствами, однако, по логике аме-

риканской администрации, достаточно одного их упоминания для открытия антииракского фронта.

Можно многократно повторять, что военная агрессия против Ирака, не санкционированная СБ ООН, означает грубейшее нарушение основополагающих норм международного права, закрепленных в Уставе ООН, по сути, открытую агрессию против суверенного государства. Однако справедливо задаться вопросом: почему такого рода политика повторяется снова и снова? Достаточно упомянуть косовский конфликт 1999 года, ставший прецедентом использования силы для вмешательства во внутренние дела суверенного государства под недоказанными предлогами вопреки известным нормам международного права.

Справедливости ради следует отметить, что неспровоцированное нападение на Союзную Республику Югославию не решило ни одной проблемы межнациональных отношений. Напротив — только обострило их, привело к тяжелому экономическому и социальному положению в Югославии.

С.В. Кортунюв. Политика России в иракском кризисе складывается под влиянием целого ряда факторов, из которых важнейшими являются следующие.

Исторический потенциал двусторонних отношений между Россией и Ираком, большую часть которого составляет история советско-иракских отношений, складывавшихся в условиях биполярной конфронтации между СССР и США в 1945—1985 годах и вытекающей из нее ситуации на Ближнем Востоке.

Большой багаж военно-технического сотрудничества, при котором Ирак на протяжении многих десятков лет был одним из ключевых клиентов СССР, к тому же не расплатившихся по своим долгам (составляющим, по некоторым оценкам, до 7 млрд. долларов). В силу этого Ирак вряд ли может иметь боеспособную армию без серьезной помощи России.

Положение России как одного из крупнейших поставщиков мировых энергоресурсов, и в частности неф-

тяных. Этот фактор делает ее экономику крайне чувствительной по отношению к любым потенциальным и фактическим военным потрясениям в нефтеносных районах мира, способным вызвать резкие колебания мировых цен на эти ресурсы. Одним из таких районов, несомненно, является Ближний Восток.

Новый внешнеполитический курс России, начиная с 1991 года характеризующийся ориентацией на страны Запада, партнерскими отношениями с ними, что предполагает в ряде случаев необходимость жертвовать отношениями с традиционными клиентами СССР, в особенности с одиозными, с точки зрения Запада, режимами.

Чувствительность России по отношению к исламскому фактору, которая определяется сложным геополитическим положением России, ее соседством (или близостью) с крупнейшими мусульманскими странами, а также внутренним положением, характеризующимся наличием в стране около 20 миллионов мусульман и тем, что ислам занимает по распространенности второе место после православия среди религий и конфессий в России.

Вовлеченность России в крупную внутреннюю анти-террористическую операцию (а по существу карательную операцию против сепаратистов, действующих вкупе с международными террористами) в Чечне, в которой террористы к тому же действуют под исламскими лозунгами.

Положение России как одного из ключевых членов глобальной антитеррористической коалиции, возглавляемой США.

Положение России как одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и вытекающая из него ответственность по отношению к нормам Устава ООН и другим нормам международного права.

Положение России как великой державы (и по другим параметрам — величина территории, количество населения, сырьевых ресурсов, объектов промышленной, энергетической, транспортной, информационной и прочей инфраструктуры), предполагающее чувство международной гло-

бальной ответственности за состояние мирового порядка, участие в его формировании и соответствующую вовлеченность в международные дела, включая военные кризисы и конфликты.

Партнерские отношения с крупнейшей в экономическом и военном отношении державой мира — США, которые стали особенно тесными после трагических событий 11 сентября 2001 года и которые позволяют России активно участвовать в формировании нового мирового порядка. Такой возможности не было бы, если бы отношения между Россией и США не были столь дружественными.

Традиционно дружеские отношения и историко-культурные связи России с крупнейшими европейскими партнерами — Германией и Францией, которые не могут быть сброшены со счетов даже во имя хороших отношений с "единственной сверхдержавой". К этому следует добавить и единые цивилизационные ценности, разделяемые Россией и Западной Европой: Россия — часть европейской цивилизации.

Важность сохранения партнерских и взаимоуважительных отношений с другими "центрами силы", которые не останутся равнодушными к военному конфликту на Ближнем Востоке, в первую очередь с Китаем и Индией. Проамериканская позиция России, например, может привести к тому, что в Пекине и Дели ее сочтут ненадежным партнером, чего Россия допустить не может.

Сокрушительное поражение американской дипломатии в формировании антииракской коалиции. Она не смогла обеспечить не только единодушного одобрения военной акции всего мирового сообщества, но даже ближайших союзников США, по существу, спровоцировав кризис североатлантического альянса.

Важнейшим фактором, влияющим на формирование политики России в отношении иракского кризиса, является также ограниченность внутренних ресурсов и понимание этой ограниченности российским руководством.

Во-первых, это понимание, что Россия сегодня ослаблена в экономическом и политическом отношении в целом и, соответственно, располагает ограниченными возможностями влияния на мировые процессы, включая военные кризисы.

Во-вторых, понимание, что Россия должна избежать осложнений отношений с США как "единственной сверхдержавой", с которой она к тому же связана тысячами экономических нитей.

В-третьих, серьезным ограничительным фактором выступает мощное давление на российское Правительство нефтяных олигархических групп, заинтересованных в высоких ценах на нефтяные ресурсы и максимальном увеличении своих поставок прежде всего на Запад, включая США. Интересы этих групп далеко не всегда совпадают с национальными интересами.

В-четвертых, тот факт, что Россия становится демократической страной со всеми соответствующими атрибутами — свободой слова, СМИ, выборными процедурами и так далее. В частности, сейчас она уже вступила в предвыборный период, что не может не учитываться ни одним отечественным политиком и, следовательно, не накладывать соответствующих ограничений на его поведение.

В-пятых, настроения политической элиты России, которая сегодня расколота: одна ее часть, по существу, выступает за поддержку действий американской администрации и за линию на выторговывание экономических благ в обмен на уступки России по иракскому вопросу, что отражает интересы ряда представителей сверхкрупного сырьевого бизнеса (олигархов), а другая, более ответственная ее часть считает, что такая линия поведения противоречит национальным интересам России. К тому же большинство российского народа выступает против американской гегемонии и военной операции в Ираке.

В этих условиях не может быть и речи, например, об участии России в военной операции США против Ирака.

Вопрос лишь в том, соглашаться ли с Вашингтоном, который действует в одиночку, без одобрения СБ ООН, либо оказать ему политическую поддержку, признав, что С. Хусейн не выполнил резолюцию № 1441 и возможности для политико-дипломатического урегулирования вопроса исчерпаны. Это будет означать согласие с Вашингтоном и в том, что он представил убедительные доказательства виновности С. Хусейна, его отказа от добросовестного сотрудничества с инспекторами ООН и МАГАТЭ.

Официальная позиция России до сих пор была достаточно невнятной. С одной стороны, утверждается, что никто не имеет права действовать в одностороннем порядке без санкции Совета Безопасности ООН. С другой — на высшем уровне заявлялось, что если Ирак начнет создавать проблемы для работы инспекторов, то Россия может изменить позицию и договориться с США "о выработке более жестких решений". Двусмысленные и противоречивые заявления — плохой сигнал мировому сообществу. Они дают повод подозревать Россию в тайном сговоре с США, чего допускать нельзя. Позиция России должна быть четкой и ясной, основанной на правильно понимаемых национальных интересах, которые не тождественны интересам сырьевых олигархов.

С.К. Ознобищев. В соответствии с принятым всеми странами Уставом ООН только Совет Безопасности, и никакая страна в отдельности, включая США, может определять существование угрозы миру и решать вопрос о том, какие меры следует принять в связи с этим. Международное право, при абсолютно открытой перспективе своего совершенствования, — это наш общий капитал, которым надо лишь с умом распоряжаться применительно к тем или иным опасностям, грозящим человечеству. На сегодня нет кризиса права, а есть кризис реализации правовых норм и правовой нигилизм, который в последнее время все чаще исповедуется администрацией США.

Созданный Саддамом Хусейном в Ираке авторитарный режим, безусловно, не отвечает даже самым заниженным

критериям демократии. Политика Хусейна неоднократно ставила под угрозу безопасность и суверенитет государств в регионе. Это, однако, не может служить оправданием для таких действий против Ирака, которые, взломав десятилетиями наработанную систему норм и принципов межгосударственных отношений, отбросили бы мир на грань "новейшего средневековья" с его приверженностью к силовому решению большинства проблем.

Официальный Вашингтон называет причиной войны стремление разоружить авторитарный режим Саддама Хусейна, располагающий, по заявлениям государственных руководителей США, оружием массового поражения (ОМП). Но анализ данных, которыми располагает экспертное сообщество, позволяет сделать вполне определенный вывод: результаты деятельности инспекторов ООН на территории Ирака интересовали американскую администрацию исключительно в качестве повода к началу войны. Более того: машина войны была давно запущена и уже не могла быть остановлена. И начало военной операции определялось не моментом получения доказательств нарушений Ираком международного права, подтвержденных решениями мирового сообщества, а временем развертывания вооруженных сил США на Ближнем Востоке и периодом поддержания их боеготовности в отрыве от своих баз. Это было очевидно не только экспертам по военным и международным делам, но любому непредвзятому наблюдателю.

В.А. Рубанов. Политическая риторика и пропагандистские шоу, к которым прибегают США, не могут скрыть истинных причин американского вторжения в Ирак — стремления Соединенных Штатов единолично решать судьбы стран, народов и цивилизаций. Война в Ираке, затеваемая вопреки позиции большинства членов мирового сообщества и даже ряда традиционных союзников США по НАТО, — это манифестация Америкой своей мессианской роли, демонстрация нового мирового порядка в действии. Очевидны и экономические мотивы: США на-

мерены взять под свой прямой контроль крупнейшие запасы нефти. В американоцентричном мире Соединенные Штаты намерены единолично выполнять функции монопольного распорядителя и регулятора цен на мировые энергоресурсы. Есть основания полагать, что за военной авантюрой в Ираке в 2004—2005 годах последуют агрессивные акции против Саудовской Аравии и других нефтедобывающих стран, действия по ликвидации Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК). Существенную роль в позиции нынешней администрации США играет военно-промышленный комплекс, который способствовал приходу республиканцев к власти в 2000 году. Череда войн — лучший подарок правительства Дж. Буша-младшего гигантской военно-промышленной машине США.

Свои силовые действия Вашингтон оправдывает угрозой международного терроризма. На самом же деле под флагом борьбы с террористической угрозой США фактически ведут наступление на всю систему международных отношений и выстраданные человечеством основополагающие гуманистические ценности. Всеми миру предлагается не только смириться с тотальным и глобальным американским диктатом, но и существенно ограничить фундаментальные гражданские свободы.

С.К. Ознобищев. Возникает целый ряд вопросов. А там ли ищут истоки и причины терроризма? Правильно ли и на основе каких критериев выверены направление и масштаб ответных действий? Всегда ли соизмерима угроза с теми жертвами, на которые должно пойти человечество ради ее нейтрализации? Нет ли здесь подмены причин их следствиями и наоборот? Отдаем ли мы себе отчет в том, что нынешняя американская политика в конечном счете открывает дорогу авторитаризму в планетарном масштабе и знаменует начало "нового средневековья"?

В.А. Рубанов. Очевидно, что война в Ираке приведет к глобальным и необратимым негативным последствиям. Наиболее опасным из них станет обострение противостояния между христианским и исламским миром, его переход

из латентной в открытую форму. Это чревато перманентной чередой региональных конфликтов, радикализацией правящих режимов, перспективой развязывания новых войн с применением ОМП, снижением ядерного порога, что может поставить мир на грань третьей мировой войны. Христианско-исламский конфликт взаимно ослабит противостоящие силы, будет способствовать выходу на авансцену мировой политики милитаризованных авторитарных режимов, дестабилизации всей системы международных отношений.

Качественный всплеск террористической активности на территории самих США, а также их активных или пассивных союзников — наиболее ожидаемая ответная реакция мусульманского мира на американскую военную экспансию. Это не только не повысит, но существенно снизит безопасность людей в этих странах, приведет к самоизоляции государств — объектов террористической активности, закрытию границ и свертыванию глобальных интеграционных процессов.

Гуманистические ценности ненасильственного мира будут вытеснены мобилизационной идеологией перманентного противостояния террористической угрозе. Результатом односторонних действий США против Ирака станет разрушение национального суверенитета как фундаментального института международных отношений. Международное право превратится в квазиюридическое средство оправдания вмешательства новых властителей мира во внутренние дела неугодных им государств и народов. В государствах — сателлитах США резко вырастет политическая роль спецслужб, которые подвергнут ревизии принцип *habeas corpus* (неприкосновенность личности) и выйдут из-под гражданского контроля. Это может привести к концептуальному кризису демократических обществ с принесением личных свобод граждан в жертву соображениям безопасности в их тоталитарном и авторитарном понимании. В этих условиях перспектива краха свободного мира станет лишь вопросом

времени. А переход в эпоху "нового средневековья" превратится в реальную перспективу.

С.В. Кортюнов. Таким образом, "антитеррористическая операция" нынешней администрации США ведет к результатам, прямо противоположным официально декларируемым. Эту опасность все отчетливее осознают массы людей в большинстве стран, включая сами США и их ближайших союзников.

В этом контексте сегодняшняя позиция России представляется нам недостаточно артикулированной. Принципиально важно, чтобы эта позиция основывалась только на фактах и нормах международного права и не превращалась в предмет торга. Россия как держава, позиция которой во многом определяет решение центральных мировых проблем, не может позволить себе подменять объективные внешнеполитические интересы соображениями сиюминутной конъюнктуры. К сожалению, Россия оказалась в числе стран, давших основание своими противоречивыми заявлениями и двусмысленным поведением трактовать их позицию по Ираку как молчаливое согласие на американскую агрессию.

В.А. Рубанов. Новый миропорядок, к участию в формировании которого на правах младшего партнера подталкивают государственное руководство России влиятельные экономические силы и их политические пропагандисты, будет особенно болезненным для нашей страны. Судьба нефтезависимой российской экономики окажется в руках США и приведет к утрате Россией национального суверенитета.

Вполне предсказуемы и внутривнутриполитические последствия для России. Большинство российского народа выступает против американской гегемонии и военной операции в Ираке. Прямым содействием либо молчаливым согласием с действиями Вашингтона, своей неспособностью решительно отстаивать позицию, в основу которой положены реализм и международное право, российская федеральная власть подрывает свой авторитет в собственном

обществе и на мировой арене, что вкупе с неблагоприятными последствиями войны для экономики страны может обернуться дестабилизацией общественно-политической и социально-экономической обстановки. Ослабление же властной вертикали и эскалация христианско-исламского противостояния в стране, значительную часть населения которой составляют мусульмане, усилит центробежные тенденции с угрозой ее распада.

Линия на поддержку действий американской администрации, равно как и попытки размена российских уступок на экономические блага после оккупации Ирака, не отвечают нашим национальным интересам. Подобная позиция выражает лишь интересы отдельных представителей сверхкрупного сырьевого бизнеса и обслуживающих их политиков, которые действуют в рамках сценария обмена геополитических позиций России на легализацию их капиталов в западных банках.

Конечно, Россия сегодня ослаблена в военном и экономическом отношении, располагает ограниченными возможностями влияния на мировые процессы и должна избегать осложнения отношений с США как единственной мировой сверхдержавой. Но очевидно также, что авантюра нынешнего военно-политического руководства США наносит ущерб не только режиму Хусейна, но и мирному населению Ирака, а также интересам самого американского народа. Участие же России во "втором Мюнхене" не принесет нашей стране никаких дивидендов. Напротив, оно может привести к окончательной потере ее авторитета на мировой арене со всеми вытекающими из этого последствиями.

Опьянение США своей мощью и ставка на силу, происходящие на глазах оцепеневшего мира, страх и заискивание перед силой влиятельных членов мирового сообщества — это показатель опаснейшей деформации ценностного восприятия политическими лидерами современного мира, нарастающей угрозы существованию человечества. Увеличивающийся отрыв их позиций от принципов

международной этики, общественного мнения и жизненно важных интересов своих народов могут привести мир к глобальной катастрофе.

Это проблемы нынешнего миропорядка с переизбытком насилия при дефиците доброй воли и нравственности в международных делах. У России имеется исторический шанс занять нравственную позицию в иракском кризисе, встать на защиту международного права и гуманистических ценностей. Нам следует решительнее поддержать позицию ответственных европейских лидеров, с которыми мы традиционно ведем успешный партнерский диалог. Этот мужественный, но единственно правильный и естественный для нашей страны шаг даст мощный импульс активизации и консолидации здоровых сил мирового сообщества, которые с надеждой смотрят на Россию.

9. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ РОССИИ И РАСШИРЕНИЕ ЕС. ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Работа над этой проблемой продолжалась в Экспертном совете на протяжении всего 2002 года силами небольшой группы во главе с С.В. Картуновым. Она несколько раз обсуждалась на заседаниях Экспертного совета. В конце ноября 2002 года в Калининграде состоялась крупная международная конференция на эту тему с участием членов Экспертного совета. В начале 2003 года был издан одноименный аналитический доклад.

Ниже следуют выдержки из выступлений экспертов.

(Из стенограммы от 14 ноября 2002 года)

С.В. Картунов. Примерно полгода назад, с апреля, мы начали готовить крупную международную конференцию по Калининграду по просьбе в том числе и губернатора Калининграда, спикера областной Думы и ректора Калининградского университета. Они попросили нас поднять уровень уже планировавшейся конференции и привлечь членов Экспертного совета, а также по возможности и российских сенаторов, членов Совета Федерации, к этой конференции.

Наша задача заключалась не в том, чтобы провести какую-то конъюнктурную конференцию. Уже с апреля, как вы помните, начались поездки различных официальных лиц в Калининград. Но обсуждался, по существу, вопрос

технический (хотя он и был возведен в ранг политического) — вопрос, связанный с визами. И вот вся эта "тягомотина" продолжалась до 11 ноября. То есть, повторяю, обсуждался достаточно технический вопрос. Наша задача при подготовке конференции состояла в том, чтобы посмотреть стратегически на этот вопрос, а именно на роль и место Калининградской области в контексте расширения ЕС и интеграции России в европейское экономическое пространство и в контексте формирования единого экономического пространства. Это и была задача конференции.

В ходе подготовки мы поняли, что здесь есть три группы интересов: есть интересы Калининградской области, есть интересы федерального уровня (причем они очень часто, мягко говоря, не совпадают) и есть интересы Европейского союза, которые тоже не однородны, а представляют собой некий "суммирующий вектор" различных интересов различных стран, в том числе Германии, Литвы, Польши и других. Поэтому во главу угла был поставлен следующий методологический принцип при подготовке конференции: найти некое "золотое сечение" между региональными, федеральными и международными, в данном случае европейскими, интересами.

Мы поняли, что при подготовке конференции необходимо также одновременно готовить аналитический доклад, в котором были бы учтены многочисленные доклады, подготовленные Европейским союзом, нашими калининградскими коллегами и московскими экспертами, и который представлял бы своего рода синтез. На основе этого методологического принципа гармонизации федеральных, региональных и международных интересов и был подготовлен доклад. Мы неоднократно ездили в Калининград (я имею в виду узкую группу экспертов, которые являются членами нашего Экспертного совета). Мы собирались здесь, в Совете Федерации, с участием наших калининградских коллег примерно месяц назад при обсуждении очередной

версии доклада. И вот, собственно говоря, тот документ, который вам представлен, — "выжимка" из этого доклада.

Как вы можете понять из первого абзаца, мы не рассматривали в докладе всякого рода технические, в том числе визовые вопросы (хотя должная политическая оценка тому, что происходило в этом году, дана). Мы старались посмотреть в будущее. Получилось это или нет, судить вам. Но в принципе у нас была идея от имени нашей экспертной группы подготовить записку Президенту Российской Федерации для того, чтобы довести нашу точку зрения до высшего руководства страны.

Повторю, что за этой "выжимкой" стоят примерно 100 экспертов, если иметь в виду в том числе и Калининградский университет, и наше московское экспертное сообщество. Я думаю, что этот документ после определенной обкатки, после того, как он пройдет через вашу экспертизу, мог бы быть доведен до уровня записки Президенту.

А.А. Коробейников. "Выжимка" из доклада по Калининграду, которая претендует на то, чтобы потом лечь в основу записки Президенту, нуждается в доработке. Я правильно Вас понял, Сергей Вадимович, что Президенту следует написать записку после конференции, учтя еще и какие-то соображения, высказанные в Калининграде?

С.В. Кортупов. Я думаю, так будет правильнее. Тем более что наш аналитический доклад будет размещен в Интернете и переведен на английский язык. Он пройдет экспертизу не только наших соотечественников — участников конференции, но и международных экспертов.

А.А. Коробейников. Участие членов нашего Экспертного совета в конференции "Калининградская область и расширение ЕС. Начало европейской интеграции" чрезвычайно важно. Конечно, мы в известной мере замучили общественное мнение Европы своим сверхвниманием к проблемам Калининградской области. Но, вы знаете, есть смысл снова и снова работать с Калининградской областью. Сколько времени сегодня все уделяют решению сугубо технической задачи — визам. В то же время упускается,

по-моему, более важный вопрос: какой быть Калининградской области в социально-экономическом плане? И если этот "зуб" во рту Европы будет гнилым, то, конечно, мало радости от того, какого вида будут визы или другие документы, по которым можно будет передвигаться в Калининградскую область и обратно. Поэтому, думаю, комплексное рассмотрение нужд, проблем, задач Калининградской области и Москвой, и Европейским союзом было бы нелишним.

**(Из стенограммы международной конференции
"Калининградская область и расширение ЕС.
Начало европейской интеграции".
Калининград, 22—24 ноября 2002 года)**

А.А. Коробейников. Калининградцы, по-видимому, уже устали от повышенного внимания к себе. И все же я считаю, что надо не ослаблять меры воздействия на общественные круги стран Евросоюза, а также Литвы и Польши с тем, чтобы квалифицированно защищать интересы и обеспечить комплексное развитие эксклава. Тем более что Россия по-прежнему нуждается в ярком внутреннем примере эффективного реформирования всех сфер государственной и общественной жизни, и прежде всего на экономическом направлении. Калининградский регион (в силу своей необычной исторической и географической судьбы) и мог бы, на мой взгляд, быстрее других российских регионов стать таким впечатляющим примером.

Если кто-то из калининградцев считает, что им не хватает полномочий по принятию самостоятельных решений в качестве субъекта международных отношений, то это не главное. Главное — кто и чем способен влиять. То есть важнее всего по-прежнему экономическое и военное влияние. А его уровень во многом зависит от Москвы. Хотя и Москве пора уходить от лишних подозрений по поводу возможных проявлений сепаратизма в связи с

особым геополитическим статусом Калининграда и кое в чем развязывать калининградцам руки.

Конечно, емкость внутреннего калининградского рынка не дает оснований говорить о нем как о существенном факторе для экономики всей России. Но мощными рынками сбыта конкурентоспособной российской продукции порты Калининградской области могли бы стать. Каналом проникновения зарубежных изделий на емкий общероссийский рынок Калининград также мог бы стать. То есть решение калининградских проблем нельзя ограничивать визовыми рамками и интересами собственно Калининградской области. Это проблемы комплексные, проблемы всей России. Поэтому и общероссийское внимание к Калининграду не должно ограничиваться вниманием со стороны Северо-Запада Российской Федерации, а охватывать все субъекты России. Федеральному центру надо быстрее определиться, какие экономические функции должна выполнять Калининградская область в общероссийском разделении труда. Ведь сегодня из-за проводимой Литвой тарифной политики мощности калининградских портов загружены лишь на четверть. Что может сделать в этом направлении сам Калининград? Да ничего. Та же картина и с энергообеспечением области. Рычаги опять в Москве. И ими надо решительнее пользоваться. Твердость в отстаивании наших позиций должна быть более наглядной. Только на миг представим себе, как бы вели себя американцы, если бы такая проблема возникла у США.

Тот факт, например, что совпали по времени саммит по калининградским проблемам с участием Путина в Брюсселе и договоренность о прокладке Североевропейского газопровода из России в Германию, весьма симптоматичен: Европа должна повседневно чувствовать свою возрастающую энергозависимость от России. Часто говоря о России как сырьевом придатке Европы, нажимают на негативную сторону этого обстоятельства. А разве в том, что именно мы поставляем сырье, нет нашей абсолютной силы?! Если Москва не будет вести политику с твердых

позиций, а до сегодняшнего дня это иногда демонстрировалось, то мы вольно или невольно будем подталкивать калининградцев к самостоятельному решению своих проблем с помощью экономически более развитых соседей. Вряд ли найдется много сомневающихся в том, что этот путь для жителей Калининграда, 30 процентов которых живет за чертой бедности, может оказаться более предпочтительным.

России выгоднее рассматривать Калининградскую область не просто как один из 89 регионов Российской Федерации, а как мост, соединяющий нашу страну с Европой. Мост, по которому будут продвигаться самые крупные экономические и экологические российские проекты. Калининград может стать своеобразным Гонконгом в Европе, через который транснациональные корпорации смелее пойдут на рынки России. И в этой связи вполне возможно принятие особого соглашения или договора по проблемам Калининграда между ЕС и Россией. Область (при помощи центра) вполне может стать полигоном проведения экономических реформ по цивилизованным правилам. А она сегодня находится на 35-м месте среди субъектов России по такому, казалось бы, привлекательному показателю, как инвестиции. Надо создать все условия безопасной работы для зарубежных инвесторов. Причем не только из ФРГ или Литвы, но и из США, Японии и других стран, чтобы проблему германизации можно было снять. Компании со всех континентов планеты могли бы создавать здесь свои модельные предприятия для дальнейшего тиражирования их по всей России.

Известно, что до 80 процентов всего валового продукта в развитых странах создается мелким и средним бизнесом. В этой связи российские посольства в Балтийском регионе, да и во всей Европе, могли бы активнее привлекать такие структуры, как союзы предпринимателей, технологические центры, ТПП, банкиров, юристов для подготовки прежде всего в Калининграде слоя мелких и средних предпринимателей и для Калининграда, и для всего Северо-Запада

страны. Это еще одна задача (кроме визовой) для МИДа России. Калининград может стать базой постоянно действующих ярмарок, выставок многих российских регионов, штаб-квартирой экологического сотрудничества балтийских государств, иметь на своей территории филиалы российских коммерческих банков и международных благотворительных и других фондов. В этой связи предложение о создании в Калининграде специального международного аналитического центра ложится в общую стратегию сотрудничества "ЕС — Россия".

Чем меньше будет экономических забот у Калининградской области, тем меньше будет хлопот у Москвы и у ЕС. Расширить поддержку Калининградской области в рамках осуществления программ научно-технической помощи зарубежным странам дело необходимое, и, может быть, не только на основе плана "ЕС — Россия", но и совместного плана "ЕС — Калининград". Центр-консалтинг "Восток-Запад" — таким видится будущее Калининграда. Но для этого все возможные гарантии России должны ярким знаменем развеяться над Калининградским эксклавом.

В ЕС в отношении Калининградской области также должны четче просматриваться общие интересы, а не только интересы Литвы, Польши и других отдельных стран. Что сегодня получается? Если ЕС за 10 лет выделил на развитие Калининградской области 40 млн. евро, то Польша в год получает миллиард евро. Неплохо, если бы в комитете еврорегионов ЕС была создана специальная структура, которая занималась бы всем комплексом задач Калининградской области. В нашем Правительстве также должно быть персонально ответственное за Калининград лицо высокого ранга.

Тема демилитаризации Калининградской области у всех на слуху. Дело России, сколько иметь здесь военных. Но мы не должны быть глухи и к мировому общественному мнению. Соответствующим российским ведомствам надо как можно скорее внести предложения об использовании

в Калининграде, этом пока еще, как говорится, "пороховом погребе Европы", зарубежного опыта реализации конверсионных программ. Снижение численности военных в Калининградской области можно и нужно увязать теснее, чем на других территориях России, с более быстрой реализацией идеи создания профессиональной армии. Именно в связи с этим здесь может быть создан показательный центр переобучения офицеров на гражданские специальности, потребность в которых уже чувствуется по всей России. На первых порах этот центр мог бы финансироваться за счет Федеральной службы занятости, а также различных международных фондов, заинтересованных в демилитаризации Калининградской области.

Хочу еще и еще раз подчеркнуть: решение прежде всего социально-экономических проблем Калининградской области должно идти самыми быстрыми темпами. Сегодня все политические тяжеловесы включились в решение визовых проблем. Конечно, то, о чем договорился В.В. Путин с руководством ЕС в Брюсселе, важно и необходимо. Но не надо всем топтаться "след в след" за Президентом. Есть огромное поле для решения социально-экономических проблем, от которых в большей степени, чем от решения визовых проблем, будет зависеть социально-психологическое самочувствие населения Калининградской области, и особенно его молодой части. Первоочередное решение визовых вопросов создает дополнительные условия для расширения окна в Европу. И когда дома плохо, человек ищет, где лучше. Уже сегодня 80 процентов молодых граждан области не раз посещали европейские страны, и только 20 процентов побывали в других регионах России! Как ни воспитывай школярскими методами отечественный патриотизм, но если билет до Москвы для калининградцев почти в два раза дороже по сравнению с его стоимостью на территории России, то о патриотизме должно не меньше думать МПС России, чем сами калининградские педагоги. Да и тот факт, что в Калининград из Литвы и Польши приезжает вчетверо больше граждан этих стран, чем на-

оборот, свидетельствует о возможностях иностранного психологического воздействия на молодых калининградцев. Поэтому нам грозит отрыв области от России прежде всего на базе ее возможного превращения в отсталую, депрессивную территорию. Необходима стратегия ускоренного экономического развития "янтарного края", в том числе на основе долгосрочных (на 49 лет) концессий и залогового права, федеральную законодательную основу которых нужно создать как можно быстрее.

В общем, проблемы у калининградцев трудные. В работе с иностранными партнерами предстоит решить множество сложных задач. Но от противостояния с западным миром мы ушли и обязаны дойти до гармоничного сотрудничества. Путь к нему обозначен, и дорогу осилят идущие с обеих сторон. Желаю, чтобы мы успешно и в нужном темпе прошли свою часть пути во имя возрождения Калининграда и всей России.

А.П. Клемешев. Среди региональных приоритетов внешней политики России, указанных в Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой летом 2000 года, очень большое значение имеют отношения с Европейским союзом. На ЕС сейчас приходится 40 процентов внешнеторгового оборота России и основная часть прямых иностранных инвестиций. Особенно остро и позитивные, и негативные стороны взаимодействия Российской Федерации и ЕС проявляются в Калининградской области — российском эксклаве в зарубежной Европе, становящемся анклавом внутри Евросоюза и НАТО.

Одним из внешних факторов, вызывающих особую озабоченность не только областных, но и федеральных органов власти, является расширение на восток НАТО и ЕС. С предстоящим вступлением Польши и Литвы в ЕС роль Евросоюза во внешнеэкономических связях Российской Федерации еще более возрастет. Вместе с тем под вопросом оказываются нынешние условия приграничного сотрудничества, режим взаимных поездок граждан, условия транзита российских грузов через Литву. Неясно, удастся

ли в меняющихся условиях сохранить нынешние взаимовыгодные довольно тесные связи с соседними регионами Польши и Литвы. Однако с установлением общей границы с ЕС появляются и возможности непосредственного приграничного взаимодействия с Евросоюзом в целом. В таком случае во взаимодействии "Россия — ЕС" возрастет значение Калининградской области.

Можно с уверенностью утверждать, что по своему географическому положению и тому вниманию, которое проявляют к Калининградской области зарубежные политики, проводя многочисленные исследования и конференции, посвященные области, самый западный российский регион является узлом переплетения международных интересов, в особенности интересов стран бассейна Балтийского моря. По числу документов, принятых федеральными властями за последние 10 лет в отношении Калининградской области, ясно и то, что здесь сконцентрированы жизненно важные интересы России. Наличие региональных, федеральных и международных интересов может содействовать, а может и препятствовать ускоренному экономическому и социальному развитию области. Если Балтийский регион вновь окажется сферой противоборства, ни о каком ускоренном развитии области не может быть и речи. Если в новых условиях удастся решить проблемы сотрудничества и здесь будут активно развиваться экономические и культурные связи, то Калининградская область может стать важнейшим их центром, а расширение ЕС может оказаться для области положительным фактором развития.

ЕС имеет разработанную теорию интеграции соседних со странами Евросоюза стран и регионов — концепцию "прямого соседства". Эта теория в пространственном плане в виде "еврорегионов" апробирована на практике. Россия пока не имеет подобной стратегии. Необходимо ее разработать и апробировать исходя из имеющихся отечественных экономических и экономико-географических теорий и с учетом зарубежного опыта. Местом наиболее активного взаимодействия России и ЕС является Балтийский регион,

который во все большей мере становится не просто географическим понятием, а определенной экономической, социальной, культурной и даже политической общностью. Процессы интеграции в различных сферах здесь протекают особенно активно, поддерживаемые действиями как государств, так и местного самоуправления, предпринимательских кругов, общественных организаций. В Балтийском регионе уже осуществляется пространственное взаимодействие Российской Федерации и ЕС, которое необходимо будет расширять и углублять.

В настоящее время Калининград уже стал одним из важных центров международных контактов, объектом разработки многочисленных проектов и программ с участием российских и западных экспертов. Расширение ЕС на восток и предстоящее превращение области в анклав внутри Евросоюза обуславливает возникновение в регионе ряда экономических, социальных и политических проблем, способ решения которых будет отражать реальную степень развития международного сотрудничества России с ее западноевропейскими партнерами. Калининградский опыт, как позитивный, так и негативный, может оказаться весьма полезным для корректировки российской внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии.

И Россия, и ЕС, как следует из различных документов, считают Калининградскую область приоритетным, пилотным регионом сотрудничества. Однако для реализации этого тезиса необходима обоснованная концепция, вытекающая из нее стратегия и разработанная с учетом общероссийских и региональных интересов программа развития области. Ее разработку и реализацию может обеспечить широкий опыт решения проблем углубления интеграционных процессов в системе отношений "Россия — Евросоюз".

С.В. Кортюнов. В минувшем году проблема Калининградской области стала одной из первоочередных в комплексе отношений между Россией и объединяющейся Европой. И в предстоящие месяцы ее актуальность, вероятно,

будет нарастать. Ведь 11 ноября 2002 года в ходе встречи на высшем уровне между Россией и Евросоюзом никакого прорыва не произошло. Главные проблемы остались в тени. Речь, разумеется, идет не только и не столько о необходимости окончательного решения находящегося на слуху транзитного вопроса. Нет сомнений, что компромиссы здесь будут найдены в ближайшее время. Главное же — прийти к единому пониманию роли и места Калининградской области в процессе интеграции России в общеевропейское пространство, что заявлено в качестве важнейшей совместной цели.

В условиях публично декларированного партнерства между Россией и Евросоюзом урегулирование политических, правовых и экономических проблем Калининградской области, возникающих в связи с расширением ЕС, имеет особое значение. Это урегулирование приобретает функцию безошибочного и ясного индикатора готовности обеих сторон — и России, и ЕС — перевести совместные политические заявления о партнерстве в плоскость реальных, практических шагов. При этом решение возникших острых международно-правовых вопросов (включая технические, например, визовый) является не самоцелью, а лишь предпосылкой к формированию условий для ускоренного экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества России и ЕС в XXI веке. По мнению Президента В.В. Путина, комплексное решение проблемы жизнеобеспечения Калининградской области необходимо найти до фактического расширения ЕС. Он подчеркнул, что достижение взаимоприемлемого компромисса по проблеме Калининградской области станет "проверкой качества нашего стратегического партнерства с ЕС".

Урегулирование проблем Калининградской области в связи с расширением ЕС не может носить односторонний характер, быть исключительно "российским" или "европейским". Оно может иметь лишь международное измерение, что предполагает гармонизацию трех групп интересов: общефедеральных, региональных и общеевропейских. Это,

в свою очередь, предполагает, что развитие Калининградской области, ее региональные интересы должны быть органически встроены как в российскую федеральную экономическую стратегию развития, так и в стратегию ЕС. Причем обе эти стратегии должны быть внятно изложены и состыкованы между собой.

Основными базовыми компонентами российского подхода к решению проблем Калининградской области являются следующие.

Россия позитивно относится к расширению ЕС, которое создает дополнительные возможности для взаимовыгодного сотрудничества.

Россия провозгласила в качестве главного приоритета своего развития движение в Европу, формирование Большой Европы с ее участием, интеграцию страны в евроатлантическое экономическое пространство.

При решении возникающих вопросов должна быть полностью исключена опасность ослабления роли и значения Калининградской области как неотъемлемой части Российской Федерации, обеспечено сохранение области в российском культурном пространстве.

В то же время должна быть предотвращена и угроза хозяйственной и политической изоляции Калининградской области.

Область должна стать российским пилотным регионом сотрудничества с ЕС, соединительным звеном в интеграционном сближении России и объединяющейся Европы. В этой связи Россия рассматривает Калининградскую область как особый район и создает для него особые экономические условия.

Россия не претендует на особые для себя условия интеграции, но свои национальные интересы намерена отстаивать твердо.

Главными элементами стратегии ЕС, насколько можно судить по его докладам и исследованиям, а также по публичным заявлениям его политического руководства, являются следующие.

Расширение ЕС носит характер объективного процесса, который не ограничен ни во времени, ни в пространстве. Это подразумевает, что и Россия со всеми ее "азиатскими" частями рано или поздно станет частью евроатлантического политического, правового и экономического пространства.

ЕС не намерен чинить России искусственные препятствия для интеграции в свои структуры, но и особых условий для нее создавать не будет.

ЕС рассматривает Калининградскую область как неотъемлемую часть Российской Федерации.

Вопрос о суверенизации Калининградской области закрыт раз и навсегда.

В определении политики по отношению к Калининградской области как субъекту Российской Федерации ЕС не намерен отходить от общих правил и процедур, установленных для государств, не входящих в его зону.

При необходимости эти общие представления о политике России и ЕС могут быть дополнены. Однако даже вышесказанного достаточно для вывода о том, что в стратегических подходах России и ЕС больше совпадающих, чем взаимоисключающих позиций. Это касается и политических, и правовых, и экономических аспектов взаимодействия России и расширяющегося Евросоюза.

Вместе с тем расширение ЕС на восток обуславливает ряд новых внешних проблем развития Калининградской области. Среди них — транспортная, энергетическая, таможенная. С предстоящим вступлением Польши и Литвы в ЕС под вопросом оказываются нынешние условия приграничного сотрудничества, режим взаимных поездок граждан, условия транзита российских грузов, нынешние взаимовыгодные довольно тесные связи между Калининградской областью и соседними регионами. Для решения этих новых проблем необходимы радикальные и нетривиальные меры, которые, однако, полностью отражали бы интересы Российской Федерации. В этой связи магистральным направлением является развитие области как региона сотрудничества Российской Федерации и ЕС при одновременном

упрочении внутренней базы регионального развития и повышении роли области в экономике страны, особенно в обслуживании ее внешнеэкономических связей.

Существуют две противоположные точки зрения в вопросе о том, кто должен проявить инициативу в урегулировании политических проблем между Россией и ЕС. Одна из них, российская, состоит в том, что решать эти проблемы должен ЕС, коль скоро он их и создает в процессе своего расширения. Другая точка зрения, принадлежащая некоторым представителям политического руководства ЕС, состоит в том, что, напротив, ЕС следует продолжать расширяться, не обращая внимания на Россию и ее Калининградскую область. Оба эти подхода отражают стереотипы старого мышления и ни к чему хорошему, кроме "холодной конфронтации", привести не могут. Главное же в том, что если игнорировать интересы другой стороны, то возникшие проблемы никогда решены не будут. Такое решение возможно только при встречном движении в направлении учета интересов партнера. Во главу угла поэтому должна быть поставлена стратегия сочетания региональных, общероссийских и международных интересов. Только при таком подходе заработает концепция развития Калининградской области в качестве пилотного региона сотрудничества России и ЕС, в котором отработывались бы новейшие экономические и внешнеэкономические идеи и технологии сотрудничества и взаимодействия в рамках процесса интегрирующейся Европы.

Для начала, разумеется, следует эти интересы четко сформулировать, что до сих пор не сделано. Как это видно из хода реализации программ развития области, федеральный центр еще не определил, какие функции должна выполнять область в общероссийском разделении труда, насколько она может обеспечивать внешнеэкономические связи страны, какие меры следует принять для ее развития. При этом у Москвы нет ни геополитического понимания роли Калининградской области, ни долгосрочной экономической стратегии, ни четких военных интересов. Общих

интересов у ЕС также не просматривается — есть интересы Германии, Польши, Литвы. Интересы Калининградской области не могут быть сформулированы в полной мере, поскольку в области нет единой и сплоченной элиты. Поэтому на сегодняшний день можно говорить об общероссийских, региональных и международных интересах самого общего характера.

Например, очевидно, что общероссийские интересы в регионе не могут быть сведены лишь к военно-стратегическому измерению. На такой основе сейчас трудно построить экономическое процветание области, окруженной зарубежными соседями. К числу коренных и не подвергаемых сомнению государственных интересов относится сохранение области в составе Российской Федерации, в том числе в общероссийском экономическом пространстве. Любые идеи ее обособления, в том числе экономического, контрпродуктивны. Это является аксиомой, условием любых обсуждений перспектив регионального развития.

Региональные интересы в общем виде заключаются прежде всего в повышении уровня жизни населения. А это может быть достигнуто только за счет ускоренного социально-экономического развития области. Имеющиеся для этого предпосылки пока остаются потенциальными. Для их использования региональных ресурсов недостаточно. Необходимо привлечение общероссийских и зарубежных инвестиций, технологий, потоков товаров и услуг. По подсчетам Института экономики РАН, чтобы Калининградской области удалось хотя бы приблизиться по уровню экономики к уровню стран ЕС, необходимо вложить в нее до 2010 года 36 млрд. долларов. Диспропорции в экономическом развитии Калининградской области и Польши и Литвы начали стремительно нарастать с 2000 года, когда странам — кандидатам на вступление в ЕС был обеспечен доступ к новым специальным программам Евросоюза СА-ПАРД и ИСПА (помимо программы ФАРЕ). Если суммировать всю помощь по трем программам, то ежегодно

с момента вступления в ЕС в Польшу будет поступать до 950 млн. евро, а в Литву — до 135 миллионов. Углубляющаяся в результате асимметрия в развитии области и соседних с ней стран может привести к падению инвестиционной привлекательности региона и другим негативным последствиям. По этой причине, по мнению руководства Калининградской области, к ней должны быть применены особые меры финансовой и технической помощи, которые реально помогли бы облегчить последствия ее пребывания в положении анклава и уменьшить растущий социально-экономический разрыв по отношению к ближайшим соседям. Кроме того, России следовало бы добиваться распространения на область вышеупомянутых программ Евросоюза.

Международные интересы (точнее, интересы стран ЕС) имеют два основных аспекта. С одной стороны, это недопущение возникновения внутри ЕС очага экономической, социальной, экологической и, в конечном счете, политической напряженности. С другой — использование области как связующего звена в экономических связях с Россией (гораздо меньшее значение имеет региональный рынок вследствие его незначительной емкости). Модель взаимодействия между Россией и Евросоюзом в представлении его членов вовсе не предусматривает быструю и полную интеграцию Российской Федерации в ЕС, а предполагает формирование особой системы между ними, внутреннего единства которой не следует переоценивать.

Реальная угроза — это не отрыв Калининградской области от России, а ее превращение в депрессивную территорию. Такое развитие событий и даже возможное отставание в темпах развития от соседних регионов крайне нежелательны как для области, так и для России в целом. Для ЕС возникновение в центре процветающей Европы кризисного региона, вносящего нежелательную нестабильность, — также не лучший вариант развития событий. Поэтому необходима стратегия ускоренного экономического развития. Для этого необходимо решить в первую очередь

проблемы, относящиеся к базовой инфраструктуре региона: транспорт, телекоммуникации, энергетика. Необходимо также определить приоритеты экономического развития области в новых условиях. Сейчас требуется подготовить проекты конкретных документов международного, федерального и регионального уровней, необходимых для реализации такой стратегии.

В.М. Соловьев. Одной из главных благоприятных предпосылок для дальнейшего развития политических связей между Россией и ЕС является то, что и ЕС в целом, и все входящие в него страны на официальном уровне не имеют территориальных претензий к России. Калининградская область безоговорочно признается неотъемлемой частью Российской Федерации. Такой же позиции по отношению к Калининграду придерживаются и соседи области — будущие члены ЕС Польша и Литва.

Характерно, что радикальные варианты решения, нацеленные на отрыв Калининградской области от России, предлагаются в основном российскими политиками. Одним из них является вариант ассоциации области с ЕС, создания общего рынка, когда ликвидируются барьеры не только во взаимной торговле, но и для перемещения рабочей силы и капитала, разрешается использование евро на территории Калининградской области и так далее. Такого рода модель не может быть реализована без пересмотра нынешнего политико-правового статуса Калининградской области, что, в свою очередь, привело бы к ее обособлению от основной части Российской Федерации. Политическая неприемлемость такого варианта для России признается ЕС.

Другой, еще более радикальный вариант предлагает ряд "либерально" настроенных экспертов — "продать область Германии, пойти на сближение с ней". Здесь остается только спросить, будет ли продажа осуществляться вместе с калининградцами, и если да, то во сколько евро оценивается один житель области?

Предложения, выдвигаемые некоторыми близкими к правозащитным кругами Европы и США, состоят в том, чтобы решить судьбу исключительно 1 миллиона калининградцев, не обращая внимания на проблему интеграции Калининградской области в ЕС в целом. Такое решение вопроса немедленно превратит область в резервацию с гуманитарной точки зрения и в депрессивную территорию — с экономической. Поэтому при всей гуманитарной видимости этот вариант будет иметь прямо противоположные результаты.

Одной из неофициальных концепций Германии, наиболее известных и комплексных, является создание "Ганзейского региона "Балтика" с включением в него трех прибалтийских государств и "еврорегиона Кенигсберг". Главная цель концепции — создание в ближайшие годы таких политических, экономических и юридических условий, которые позволят поставить вопрос о приеме в члены ЕС не только Литвы, Латвии и Эстонии, но и "еврорегиона Кенигсберг". При этом участие России никоим образом не упоминается. Видимо, предполагается, что с помощью экономического развития под эгидой ФРГ удастся создать такие политические условия, в которых "еврорегион Кенигсберг" будет иметь достаточную в юридическом плане автономию от России, чтобы самостоятельно решить вопрос о вступлении в ЕС. Причем свой автономный статус регион должен развить по согласованию с Правительством Российской Федерации. Внутриполитическое и экономическое развитие должно происходить параллельно с балтийскими государствами. Регион являлся бы своего рода мостом между немцами и русскими. Не исключается возможность продолжения поселения в регионе "русских немцев", но в целом он должен развиваться как русский "еврорегион Кенигсберг". В результате могло бы быть создано совершенно новое образование — мультикультурное европейское общество с использованием правовых норм режима особой экономической зоны. Территория России при этом стала бы лишь рынком сбыта произве-

денной в "Ганзейском регионе "Балтика" продукции и поставщиком сырья из северных регионов. Для подслащения пилюли ФРГ может предложить России определенную материальную компенсацию. Предполагается, что прибалтийские государства и Польша полностью разделяют основную направленность данной концепции не только из стремления выдвинуть Россию из региона, но и в надежде добиться от России уступок по собственным территориальным требованиям.

Хотя эта концепция, повторим, и не является официальной, недооценивать влияние кругов, которые ее выдвигают и поддерживают в ФРГ, нельзя. Однако единственным способом противостоять таким планам является активная работа федерального центра в Калининградской области, а также России с ЕС, по созданию условий для ее динамичного развития в качестве субъекта Российской Федерации.

С.К. Ознобищев. Некоторые литовские политики идут еще дальше немецких. На прошедшей недавно в Вильнюсе международной конференции, организованной при содействии сейма Литвы, под характерным названием "Нерешенные проблемы Кенигсбергского края" Калининград называли даже не Кенигсбергом, а Караялчюсом, а всю территорию этого российского региона — не иначе, как Малой Литвой. На форуме американскими литовцами была роздана изданная в США "Энциклопедия Малой Литвы", в которой Калининградская область обозначена как "Караялчюсский край Литвы, оккупированный Россией", как "этническая земля балтов, на которой литовцы имеют интересы исторического наследия". В Вильнюсе была предложена и конкретная схема "деколонизации" Калининграда, то есть отторжения области от России.

По мнению представителя латвийской организации "Единство Балтии" Георгса Багатиса, президенты балтийских стран должны выступить с совместным заявлением, признающим факт оккупации Россией Кенигсбергского края, и вынести его на рассмотрение ООН. Затем нужно

переселить литовцев, проживающих в России, на территорию области и в конце концов признать, что решения Потсдамской конференции закрепляли право нашей страны лишь на временное управление Калининградской областью.

Г.М. Федоров. Носителем калининградского сепаратизма является сравнительно немногочисленная Балтийская республиканская партия (БРП) во главе с ее председателем С. Пасько. Исходной политической позицией БРП является констатация неспособности областных властей и федерального центра "предложить адекватные и кардинальные решения проблемы развития этого эксклавного российского региона в меняющихся геополитических условиях".

Для начала С. Пасько предлагает создать в регионе "Балтийскую республику", которая находилась бы в составе России на правах ее ассоциированного члена, и одновременно интегрироваться в Евросоюз как субъект международного права. При этом каждый калининградец после 2003 года имел бы двойное гражданство — российское и Евросоюза. С. Пасько предлагает заключить новый договор о разграничении предметов ведения между федеральным центром и Калининградской областью.

В БРП считают, что их время придет в 2003—2004 годах, когда Литва и Польша станут членами ЕС и уровень жизни в Калининградской области резко упадет. Тогда, по мнению С. Пасько, можно провести референдум о суверенитете Калининградской области. (Согласно российской Конституции федеральное устройство и территория Российской Федерации находятся в ведении Российской Федерации, а вовсе не субъекта Российской Федерации, а "статус субъекта Российской Федерации может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Российской Федерации". Так что если и может иметь вес в этом вопросе референдум, то только общероссийский). На вопрос о том, что он будет делать, если ему не позволят провести референдум, С. Пасько ответил: "Я обращусь в Конституционный Суд Российской Федерации. Если не добьюсь справедливости, буду искать ее в

международном суде в Страсбурге. Если меня не услышат, возьмусь за оружие".

И по оценкам федерального центра, и по оценкам самих калининградцев, "калининградский сепаратизм" — это миф. Для него нет ни психологических, ни социальных, ни экономических предпосылок. Тем не менее среди молодежи (до 28 лет) сепаратистские настроения весьма распространены. По итогам недавнего анонимного опроса общественного мнения, за отделение от России высказывается почти 60 процентов жителей области моложе 28 лет. Во многом — это недоработка федерального центра. По данным губернатора Калининградской области В. Егорова, в западном направлении калининградцы передвигаются в шесть раз интенсивнее, чем в восточном. Более 90 процентов молодых людей успели неоднократно посетить Польшу, Литву и Германию, но Россию — ни разу. Дело дошло до того, что 5 марта представители администрации Калининградской области на совещании с премьер-министром Российской Федерации М. Касьяновым требовали от него создать госпрограмму ознакомления калининградской молодежи с Россией (!). Как считают депутаты Калининградской областной Думы, всплеск антифедеральных настроений в Калининграде может быть вызван политикой федерального центра, направленной на отмену экономической исключительности региона.

А.А. Коробейников. В условиях, когда радикальные решения, по существу, нереалистичны, единственно возможной моделью политического решения проблем Калининградской области в свете расширения ЕС является участие области в тех интеграционных процессах, которые получают развитие в ходе взаимодействия между Россией и ЕС. Это, конечно, лишь первый этап на пути превращения Калининградской области в регион сотрудничества между Россией и ЕС. Однако именно эта модель открывает перспективу последующих этапов. При этом Калининградская область не становится субъектом международного права. Деятельность областных органов в международных

отношениях координируется федеральным центром. Область готовит предложения во внешнеэкономической сфере, но окончательные решения принимает федеральный центр.

Признав, что Калининградская область является одновременно субъектом Российской Федерации и объектом хозяйственной деятельности ЕС, в идеале следует вести дело к превращению области в масштабный транснациональный экономический проект. В этих целях для начала необходимо заключить специальное соглашение (договор) между Россией и ЕС о развитии Калининградской области как объекта международного сотрудничества. К сожалению, пока страны ЕС не согласились с российскими предложениями о заключении такого договора, считая, что достаточным является развитие отношений в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 года (СПС). В 2002 году Россия предложила вместо одного соглашения подписать пакет документов по Калининграду по каждой группе возникающих проблем отдельно. Однако до сих пор ни один документ из предложенного пакета не подписан. Создается впечатление, что ЕС вообще не намерен заключать какие бы то ни было соглашения по Калининградской области. В результате возникают проблемы, которых можно было бы избежать, если бы они начали обсуждаться и решаться раньше.

Дополнительные предпосылки для развития сотрудничества между Россией и ЕС возникли в последнее время после терактов в США 11 сентября 2001 года и присоединения России к возглавляемой США антитеррористической коалиции. Наши отношения с Западом в целом существенно улучшились. Создан новый совет "Россия — НАТО" в форме "двадцатки", Россия признана полноправным членом "большой восьмерки", находится на пороге вступления в ВТО и так далее. Тем не менее в отношениях между Россией и ее западными партнерами сохраняется много неопределенного, что, как представляется, и породило противоречия между Россией и ЕС по вопросам транзита граждан через территорию присоединяющейся к

Шенгенским соглашениям Литвы. В результате визовый вопрос, будучи сам по себе техническим, приобрел политическое значение.

В конце концов хотя это и стоит значительных средств, Россия могла бы позволить себе пойти на компенсацию ежегодного пролета полутора миллионов своих граждан (это ежегодное число всех поездок между Калининградской областью и остальной Россией) в Калининград и обратно самолетом. На это потребовалось бы примерно 2 млрд. рублей. Но планы введения визового режима даже для транзитных пассажиров Литвой (как и ранее Латвией) справедливо были восприняты Москвой как недружественный в отношении России политический акт. Отмечу, что здесь российской дипломатией был допущен непростительный промах: реагировать следовало уже на соответствующее решение Латвии, вместо того чтобы пускать поезд "Калининград — Санкт-Петербург" обходным путем, через Белоруссию.

Не менее важно и другое: до того, как позиция ЕС в отношении калининградского транзита, а потому и в отношении России в целом, окончательно не определится, трудно определить окончательно и те федеральные меры, которые должны гарантировать жизнеобеспечение Калининградской области. Трудно говорить и о стратегии "региона сотрудничества" или "пилотного региона", предполагающей усиление кооперации и расширение взаимовыгодных связей, в то время как новые партнеры устанавливают барьеры на границах.

Основная причина сложившегося политического конфликта вокруг Калининградской области, на мой взгляд, заключается в том, что обе стороны (Россию и ЕС) беспокоят разные проблемы, связанные с будущим области в условиях расширения Евросоюза на восток. Российскую Федерацию беспокоит существование российского региона, ставшего анклавом внутри чужого политического, правового и экономического пространства, функционирующего по своим "правилам игры". Возникают закономерные опасения,

что это приведет к ослаблению связей области с основной частью России и ее более или менее быстрому "дрейфу на Запад". Именно поэтому в принятых федеральных документах по Калининградской области основной акцент делается на то, что необходимо "обеспечить необходимые внешние условия ее (Калининградской области) жизнедеятельности и развития ее как неотъемлемой части Российской Федерации..." Что касается Европейского союза, то он, похоже, также решает по отношению к Калининградской области сугубо локальные задачи. Речь идет прежде всего о минимизации так называемых "мягких рисков" безопасности (подлинных или мнимых) расширяющегося ЕС: организованная преступность, нелегальная иммиграция, наркомания, болезни (СПИД и другие), загрязнение окружающей среды. При этом нельзя не отметить, что масштабы реально существующих проблем раздуваются на Западе непомерно и бездоказательно.

Средством решения проблемы жизнеобеспечения Калининградской области Москва считает превращение области в активного участника трансграничного и регионального сотрудничества, в российский регион сотрудничества с Европейским союзом в XXI веке. И надо признать, что в этом направлении Россия сделала немало шагов. До минимума сведено российское военное присутствие в регионе. Открыто большое число пограничных переходов. И, возможно, главное — уже более десяти лет в Калининградской области действует режим сначала свободной, а затем особой (по сути, той же свободной) экономической зоны. Для поступающих в область из-за рубежа товаров отменены таможенные сборы. Осуществляются многочисленные международные проекты, и не только в экономической, но и в социально-культурной сфере.

С.В. Кортунов. Позиция России выглядит вполне логичной, хотя и не лишенной недостатков. Главных недостатков, как представляется, два.

Во-первых, проблема жизнеобеспечения Калининградской области и возможного ослабления связи с Россией

иногда ставится в таком ключе, как если бы мы подозревали ЕС и соседей области в сознательных действиях в таком направлении. Возможно, что такие скрытые планы действительно существуют. Но тогда российским спецслужбам не мешало бы добыть их и ознакомить с ними мировое сообщество. Это, кстати, имело бы колоссальный пропагандистский эффект и значительно усилило позиции нашей страны на переговорах с ЕС.

Вообще вряд ли целесообразно во главу угла ставить вопрос жизнеобеспечения Калининградской области. Это логика изоляционизма. Путь решения проблемы жизнеобеспечения — это скорейшая интеграция России в целом и Калининградской области в частности в ЕС. На самом деле главная опасность заключается в том, что связь области с Россией может ослабнуть независимо от намерений ЕС, просто как побочный результат процесса расширения, осуществляемого без учета жизненных интересов России. И на это надо четко указать нашим партнерам: "Мы не подозреваем вас в злых намерениях, но ваши действия могут привести к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. Вы заявляете, что не хотите распада России, — докажите это конкретными действиями".

Во-вторых, к сожалению, на федеральном уровне до сих пор не наполнена конкретным содержанием идея региона сотрудничества, которая выглядит пока как пропагандистский лозунг. Наработки калининградских ученых и политиков, сделанные в этом направлении, похоже, слабо известны в Москве. Российская Федерация пока четко не сформулировала свою активную западную политику. И, соответственно, не определила в ней место Калининградской области. В связи с этим представляется необходимым разработать с учетом уже сделанного концепцию развития Калининградской области как региона сотрудничества России и ЕС и положить эту концепцию в основу будущего соглашения Российской Федерации и ЕС по Калининградской области.

Однако и ЕС должен взять свою долю ответственности за развитие Калининградской области. Причем эта ответственность не должна сводиться только к выделению денежных средств, значительная (если не бóльшая) часть которых затем возвращается в Европу через зарплаты зарубежных экспертов и консультантов, но должна включать в себя и участие в разработке и осуществлении крупных совместных проектов. Сегодня же Евросоюз фактически "не замечает" российских предложений о превращении Калининградской области в регион сотрудничества и не высказывает никаких своих предложений на этот счет. Те предложения по Калининграду, которые уже сделаны ЕС, представляют собой фактически набор достаточно второстепенных вопросов. Они не базируются на солидном концептуальном фундаменте. Политические проблемы предлагаются решать техническими методами. В политических позициях ЕС часто не сходятся концы с концами — возьмем хотя бы попытку совместить внутреннюю безопасность ЕС ("граница на замке") с трансграничным сотрудничеством, созданием еврорегионов и так далее.

Чтобы решить проблемы, существующие между ЕС и Россией (в том числе и по Калининграду), Европе надо все-таки раз и навсегда определиться, кем она считает Россию — партнером или источником потенциальной угрозы; дополняющей частью европейского хозяйственного комплекса или возможным опасным конкурентом; частью европейской цивилизации или ее обузой. При этом важны не слова (их хватает и сейчас) — нужны конкретные действия. Если ЕС считает Россию другом и партнером, то зачем отгораживаться от нее всевозможными барьерами, впуская к себе без визы, к примеру, израильских арабов, которые (при всем к ним уважении) вызывают больше вопросов как источник потенциальной террористической опасности, чем россияне? Зачем раздувать миф о русской мафии и потом самим в этот миф верить? Зачем искать в России только плохое и затем с чувством плохо скрываемого превосходства, граничащего с расизмом, расписы-

вать это в средствах массовой информации? Список этих вопросов можно продолжить.

Россия же должна еще раз максимально конкретно изложить свое видение обеспечения будущего области в виде конкретного обязывающего документа и предложить западным партнерам высказаться по каждому из его пунктов. Согласие ЕС на его подписание явится знаком того, что ЕС действительно считает Россию равноправным партнером и нацелен на развитие серьезного сотрудничества с ней. Отказ от него под предлогом, что, мол, есть СПС, должен стать основанием для пересмотра всей российской внешней политики по отношению к сотрудничеству с Евросоюзом.

Г.М. Федоров. Внимание к Калининградской области в рамках отношений Российская Федерация — ЕС стало усиливаться с 1999 года. На встрече руководства ЕС в июне 1999 года в Кельне была принята общая стратегия ЕС по отношению к России. В октябре 1999 года в Хельсинки В.В. Путин обнародовал аналогичную российскую стратегию по отношению к ЕС. В обоих документах Калининградской области уделено место как приоритетному региону сотрудничества. 7 декабря 2001 года Правительство Российской Федерации приняло новую Федеральную целевую программу социально-экономического развития Калининградской области на 2002—2010 годы. Обсуждены предложения по содержанию договора между Российской Федерацией и ЕС о развитии Калининградской области как региона сотрудничества. В Госдуме рассматривается новая редакция закона об особой экономической зоне (ОЭЗ). 16 июня 2001 года началась реализация программы ТАСИС по содействию торговле и инвестициям в Калининградской области. В апреле 2002 года в Брюсселе премьер-министр Российской Федерации М.М. Касьянов представил меморандум российского Правительства о жизнеобеспечении Калининградской области.

Несмотря на обилие принятых и обсуждаемых документов, на сегодняшний день можно говорить лишь о наличии первичной международно-правовой основы для

взаимодействия России и ЕС, которую составляет Соглашение о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС, вступившее в силу в декабре 1997 года. Именно поэтому российская сторона и ставит вопрос о необходимости заключения специального соглашения (договора) между Российской Федерацией и ЕС по проблемам развития Калининградской области, которое создало бы нормальные условия для социально-экономического развития Калининградской области, постепенно становящейся российским анклавом внутри ЕС; способствовало бы сближению РФ и ЕС через апробацию на территории области новых схем и механизмов сотрудничества, развитию рыночных отношений и трансляции положительного опыта на остальную территорию России; содействовало бы интеграции России в европейское экономическое пространство. В соглашении должны быть четко сформулированы обязательства Российской Федерации, ЕС и совместные обязательства сторон. По мнению калининградских экспертов, оно могло бы включать ряд договоренностей:

обеспечение беспрепятственной перевозки грузов, в том числе и военного назначения, и пассажиров между областью и остальной территорией России по воде, воздуху и суше в обоих направлениях при свободе транзита по территориям сопредельных с ней стран ЕС;

упрощенный порядок выдачи виз для граждан стран Шенгенской зоны (при аналогичном режиме посещения этих стран российскими гражданами, проживающими в Калининградской области), посещающих область, а также разрешений на работу;

объединение квот вылова и зон морского промысла сопредельных с областью стран, вступающих в ЕС, с соответствующими квотами и зонами ЕС без ущерба для рыбного хозяйства области;

предоставление возможности доступа Калининградской области в программы ЕС и "Северного измерения", направленные на цели регионального развития, трансграничного сотрудничества, охраны окружающей среды, здра-

воохранения и на осуществление культурных, образовательных и научных обменов.

В правовом балансе интересов Калининградская область — федеральный центр важное значение имеет закон об особой экономической зоне в Калининградской области, принятый в 1996 году (до этого с 1991 года в области действовало принятое Правительством Российской Федерации "Положение о свободной экономической зоне "Янтарь"). Смысл создания особой экономической зоны состоял в формировании компенсационного механизма в виде режима свободной таможенной зоны для стимулирования развития экспортных и импортозамещающих производств.

Оценки эффективности функционирования особой экономической зоны в Калининграде и в Москве различны. По мнению калининградских экспертов, введенный в регионе режим ОЭЗ был нестабилен, часто входил в противоречие с федеральными законами. Более того, федеральный центр периодически отменял те или иные положения статуса ОЭЗ. И хотя предусмотренные им льготы большей частью восстанавливались, отсутствие стабильности отрицательно сказывалось и на предпринимательской деятельности, и на инвестиционной активности в регионе. Из-за этого, в частности, не произошло ожидавшегося крупного притока иностранных инвестиций.

По мнению экспертов Правительства Российской Федерации, режим ОЭЗ не оправдал себя прежде всего по вине местных властей. По оценкам Министерства экономического развития и торговли, рост экономики Калининградской области с 1995 года был ниже общероссийского. Между тем, как подчеркивал Министр экономического развития и торговли Г. Греф, на основной территории Российской Федерации нет никаких льгот и не действует федеральный закон об особой экономической зоне. Тем не менее Г. Греф назвал Калининградскую область одним из трех приоритетных регионов, который наряду с Северным Кавказом и Приморьем будет финансироваться федеральным центром. Приоритетными отраслями Г. Греф назвал

энергетику, транспорт, рыбную промышленность и судостроение.

Закон об ОЭЗ сейчас является единственным юридически закрепленным механизмом, позволяющим учесть внешние условия экономического развития региона в контексте интенсивной интеграции окружающих область иностранных государств в Евросоюз и подготовки России к вступлению в ВТО. Механизм ОЭЗ способствовал быстрой и значительной структурной трансформации региональной экономики. В результате в области в общих чертах сформировалась экономика, ориентированная на открытость, основой функционирования которой стала внешнеэкономическая деятельность. В условиях отмены таможенных пошлин увеличился ввоз в область комплектующих изделий и технологического оборудования, что позволило организовать ряд импортозамещающих и экспортно-ориентированных производств. Так, в области сформировались новые отрасли — автомобильная и мебельная, продукция которых конкурентоспособна как на внутреннем, так и на внешнем рынках, нефтедобыча, сборочные производства бытовых приборов и электроники. Образовался значительный сектор малого предпринимательства, существенно возросла роль сферы услуг.

Неверно встречающееся утверждение, что закон об ОЭЗ противоречит правилам ВТО, поскольку они, мол, вообще отменяют таможенные барьеры, а не только снижают их. Вместе с тем в Калининградской области имеются небезосновательные опасения в отношении того, что вступление России в ВТО, которое повлечет за собой снижение импортных таможенных тарифов для ввозимых в Россию товаров, уменьшит или даже сведет на нет преимущества режима особой экономической зоны, благодаря которому функционирует значительная часть экономики региона, прежде всего ориентированной на импортозамещающие отрасли промышленности. В этой связи администрация Калининградской области и областная Дума подготовили проект нового закона об ОЭЗ (находится на рассмотрении

Госдумы), который учитывает изменения экономической ситуации, связанные с расширением ЕС и вступлением России в ВТО. Соответствующие дополнения и изменения предложены в Налоговый и Таможенный кодексы и другие законодательные акты Российской Федерации.

А.П. Клемешев. Есть точка зрения, что функционирование ОЭЗ привело к созданию "серой экономики", которая не хочет инвестиций и не ждет их. Отчасти это правда (сегодня область находится на 35-м месте среди субъектов Российской Федерации по инвестициям). Сами жители области заявляют, что нельзя поручать Калининградскую область калининградцам. Все программы должны носить федеральный или международный характер. Нужно внешнее управление, как при банкротстве. Основная трудность состоит в том, что консервировать сложившуюся ситуацию нельзя. Однако если более закрытый вариант невозможен, открытый вариант развития потребует легализации доходов населения и бизнеса. Поскольку теневая экономика составляет 60—70 процентов от общего объема экономики области, люди не хотят перемен, боясь потерять теневые доходы.

По мнению калининградских экспертов, проблема легализации доходов населения может быть решена путем введения социальных платежей и регрессивной ставки единого социального налога. Смысл регрессивных ставок — в сокращении размера социального налога пропорционально увеличению размера зарплаты. Кроме того, введение индивидуальных накопительных пенсионных схем будет вынуждать работников самих беспокоиться о том, чтобы зарплата получалась не в конверте, а проходила легально, поскольку от этого зависят их отчисления в будущий пенсионный фонд. Наконец, снижение подоходного налога позволяет легализовать зарплату без ущерба для кармана работника. Здесь нет никаких специальных схем борьбы, а есть создание благоприятного налогового климата и внедрение таких механизмов, которые побуждают работника

договариваться с работодателем о легальных вариантах получения доходов.

Г.М. Федоров. Несколько слов о позиции ЕС. В общем плане она отражена в послании Европейской комиссии "ЕС и Калининградская область", подготовленном в начале 2002 года Европарламентом. В этом документе сделан вывод, что Калининградская область не в состоянии адаптироваться к возникающему экономическому пространству ЕС собственными силами. Сравнительных преимуществ перед соседями у нее не имеется. Только в том случае, если область получит содействие извне для модернизации своей промышленности и развития своей инфраструктуры, она сможет получить выгоду от динамичного развития своих соседей — членов ЕС. Поскольку необходимые инвестиции в достаточном объеме не могут быть вложены ни самой Калининградской областью, ни федеральным центром, помощь призван прежде всего именно ЕС — в правильно понятых собственных интересах.

В этой связи Европарламент призывает Еврокомиссию: оказать поддержку Калининградской области при адаптации норм и стандартов ее экспортной продукции к нормам и стандартам ЕС, в особенности в отношении промышленного производства, соответствия экологическим требованиям, защиты потребителей;

проанализировать возможность достижения взаимопонимания с Москвой по будущему характеру особой экономической зоны, в том числе в плане соответствия нормам ВТО; при этом следовало бы рассмотреть вопрос о том, конвергентен ли и в какой степени характер ОЭЗ российской концепции "зоны экспортно-ориентированного производства".

В ЕС считают, что федеральная целевая программа — это программа не Калининградской области, а программа обеспечения интересов федерального центра на территории Калининградской области. Надо изменить ее характер: превратить в программу стратегии партнерства ЕС и Российской Федерации на территории Калининградской об-

ласти. Поэтому должны быть совместное управление федеральной целевой программой и согласованная стратегия. Трудно возражать против такого подхода.

С.В. Кортунов. Интеграционные процессы в Европе невозможны без формирования единого правового пространства на континенте. (Это прекрасно понимали, между прочим, еще архитекторы "общеевропейского дома".) При этом формирование такого пространства, по идее, должно опережать формирование всех других общих пространств — политического, экономического, военно-технологического и прочих.

Серьезное испытание для Калининградской области — введение на территории ее соседей стандартов, норм и правил регулирования экономической и социальной жизни, установленных ЕС. Например, требований к безопасной эксплуатации авиационных, железнодорожных и автомобильных транспортных средств, а также европейских экологических стандартов. Исходя из этого необходимо незамедлительно принять совместное решение о формировании международной группы юристов, которая занялась бы гармонизацией европейских и российских правовых норм.

С.К. Ознобищев. Самой неотложной правовой проблемой, международно-правовое решение которой следует найти до фактического и даже формального расширения ЕС, то есть до 1 июля 2003 года, является визовая. Когда в ЕС де-юре войдут Польша и Литва, то на их территорию будут распространяться правила Шенгенской зоны, а Калининградская область превратится из эксклава в анклав.

Ясно, что исходную жесткую позицию ЕС (подчиняйтесь, мол, общим Шенгенским правилам) Россия принять не могла. Это означало бы размывание ее суверенитета на территории субъекта Российской Федерации, а также ущемление прав российских граждан, живущих как в Калининградской области, так и в так называемой Большой России.

Однако и первоначальные предложения России (сделать всю страну частью Шенгенской зоны) не имели шансов на успех. Опасения и фобии европейцев вполне

понятны: они боятся, что Калининградская область превратится в "черную дыру" Российской Федерации, через которую в Европу хлынет поток мигрантов, а возможно, и криминальный элемент.

Предложенный ЕС летом 2002 года компромиссный вариант — выдача длительных многократных виз жителям Калининградской области — Правительство Российской Федерации отвергло. Мотивировка была простой: такое решение не давало ответа на вопрос о том, как в Калининградскую область будут ездить другие граждане России.

Однако и само российское Правительство порой предлагало заведомо ущербные вещи типа транспортировки граждан Российской Федерации в Калининградскую область и обратно в plombированных вагонах и по особым авто-трассам. Все это — логика холодной войны, никак не соответствующая духу партнерства. Будучи же реализованными, подобные предложения ни к чему, кроме очередного национального унижения России, привести не могли. До этого Москва требовала проложить коридор через территорию Польши.

С. Гинсбург. Согласно достигнутым на саммите Российской Федерации и ЕС договоренностям (Совместное заявление Российской Федерации и ЕС о транзите между Калининградской областью и остальной территорией Российской Федерации) с 1 июля 2003 года для железнодорожного транзита между Калининградской областью и другими частями России по территории Литвы в обязательном порядке надо будет получать "упрощенный проездной документ на железной дороге (УПД-ЖД)" на основании данных внутреннего, российского паспорта. При этом сведения о гражданах Российской Федерации, намеревающихся совершить поездку в (из) Калининградскую область, российские власти будут заблаговременно предоставлять литовской стороне. Литовские власти сохранят имеющееся у них и сегодня суверенное право высказывать возражения против проезда по литовской территории отдельных лиц. На основе информации литовских компе-

тентных органов российские власти не будут продавать билеты лицам, в отношении которых со стороны Литвы имеются возражения. С 1 января 2005 года для поездок из Калининграда в остальную часть страны потребуются загранпаспорта. При этом, разумеется, сохраняется возможность безвизового посещения Калининградской области самолетом или паромом.

Для частных многократных транзитных поездок российских граждан в (из) Калининградскую область всеми видами наземного транспорта вводится упрощенный транзитный документ (УТД), который будет выдаваться в консульских учреждениях Литвы по значительно менее обременительной процедуре, чем получение обычной визы, требуемой в настоящее время для поездок на автотранспорте. На втором этапе стороны намереваются ввести в эксплуатацию скоростные безостановочные безвизовые поезда через территорию Литвы.

Несмотря на достигнутые принципиальные договоренности, конкретные механизмы их реализации еще предстоит выработать. Нерешенными остались и вопросы транзита грузов.

Таким образом, в Брюсселе были определены только рамки решений по калининградскому транзиту. Претворение их в жизнь будет зависеть от того, как скоро и успешно мы, все заинтересованные стороны, заполним эти рамки конкретными деталями. Особое значение имеет соглашение о реадмиссии, которое должно быть заключено между Литвой и Россией до 1 июля 2003 года.

Достигнутые в Брюсселе договоренности — результат безусловно положительный. Главное, чего удалось добиться, — это снижение уровня политической неопределенности вокруг калининградского вопроса. Однако и серьезного прорыва в этом вопросе все-таки не произошло. Это, по нашим оценкам, не стратегический успех, а "отложенный компромисс".

С.К. Ознобищев. Конечно, при наличии политической воли имеющиеся в этой области правовые проблемы,

которые являются техническими, будут решены до 1 июля 2003 года. И в этом вопросе добрую волю и готовность к реальному партнерству должен проявить именно ЕС. На транзитном вопросе декларированное партнерство между Россией и ЕС может в ближайшее время серьезно споткнуться. А может быть, именно здесь и будет проявлена добрая воля и готовность Европы принять Россию в свое формирующееся правовое пространство.

С. Козлов. В вопросах экономического сотрудничества подходы России и ЕС совпадают в двух главных позициях: нельзя допустить экономической изоляции Калининградской области; потенциал области создает многообещающие возможности для сотрудничества между Россией и ЕС. В дополнение к этому Россия рассматривает Калининградскую область как свою особую экономическую зону, в условиях которой упрощены многие общероссийские правовые (таможенные, налоговые, регистрационные и прочие) процедуры, что объективно сделает область более привлекательной для иностранных и отечественных инвесторов. Здесь могут апробироваться новейшие экономические идеи и технологии или хорошо забытые старые (типа иностранных концессий). В частности, именно в Калининградской области могут быть, например, отработаны правила ВТО, в которую через некоторое время вступит Россия.

Конечно, емкость внутреннего калининградского рынка не дает оснований говорить о нем как о существенном факторе для экономики всей России. Но мощными рынками сбыта конкурентоспособной российской продукции порты Калининградской области стать могли бы. Калининград мог бы стать более активным каналом проникновения зарубежных изделий на емкий общероссийский рынок. Как сказал Е. Примаков, "Россия намерена развивать Калининградскую область как транзитный узел и место для сборочных предприятий, работающих на импортозамещение в России".

Сотрудничество России и ЕС в Калининградской области начинается не на пустом месте. Механизм сначала

свободной, а затем особой экономической зоны, по сути, уже превратил область в экспериментальную площадку международного сотрудничества, где отрабатываются новые интеграционные механизмы. Такую же роль играет развитие различных пространственных форм приграничного сотрудничества. За последние 8—10 лет в области началась реализация целого ряда достаточно значимых совместных проектов. Они затрагивают такие сферы, как охрана окружающей среды, энергосбережение, образование (включая переподготовку военнослужащих), здравоохранение (в том числе борьбу со СПИДом и наркологию), транспорт, социальные вопросы.

Международные исследовательские проекты, касающиеся Калининградской области, особое внимание обращают на транспорт, телекоммуникации и энергетику. Речь идет о развитии в области производственной инфраструктуры, необходимой для привлечения инвестиций. Их развитие является основой привлечения инвестиций, а следовательно, и формирования отраслей специализации регионального хозяйства. Основными спонсорами этих проектов выступают ЕС (прежде всего программа ТАСИС), Дания (экологические проекты) и Швеция (программа СИДА). В последние годы расширилось приграничное сотрудничество с Польшей и Литвой, область стала участвовать в проектах межрегиональной балтийской кооперации. В области создано около 1800 совместных и иностранных предприятий (из них около 500 — российско-литовские). Калининград участвует в 18 проектах ЕС. Россия и ЕС ведут разработку концепции "общего европейского экономического пространства". Активно идет энергодиалог, создаются предпосылки к диалогу в области транспорта.

Впечатляющие примеры успешного взаимодействия в сфере телекоммуникаций и инженерных технологий — создание независимой общеевропейской глобальной навигационной системы на базе программ "Галилео" (ЕС) и "Глонасс" (Российская Федерация), а также системы кос-

мического мониторинга поверхности Европы. Между Россией и ЕС подписан меморандум о создании "европейского информационного сообщества".

Ю. Зверев. В ходе майского 2002 года саммита "Российская Федерация — ЕС" В.В. Путин приветствовал заявления руководства ЕС о начале процедур по признанию рыночного статуса экономики России. Решение о признании рыночного статуса российской экономики имеет для нее огромное прикладное значение, выражающееся в конкретных цифрах. Это цена примерно 14 антидемпинговых процедур, осуществляемых сейчас в Европе в отношении российских товаров. В целом их цена для экономики России достигает 250 млн. долларов в год. Всего же в мире против российской продукции ведется около сотни антидемпинговых расследований. Потери измеряются кругленькой цифрой в 1,5 млрд. долларов.

Однако достигнутый уровень кооперации, конечно, не исчерпывает того огромного потенциала для международного сотрудничества, который представляет Калининградская область. К тому же большинство начатых проектов застряли на стадии ТЭО, то есть на предынвестиционной фазе. Действующие в области иностранные и совместные предприятия работают в основном на российский рынок, поскольку встречных шагов со стороны ЕС в направлении облегчения доступа калининградских товаров на европейский не последовало.

Главное разногласие между Россией и ЕС, которое, впрочем, проявляется и во всех других регионах Российской Федерации, можно выразить так: "Деньги или советы". Структуры ЕС предпочитают направлять в Россию своих советников и консультантов, на содержание которых и уходит львиная доля выделяемых траншей. Сказывается отсутствие единого координационного органа по продвижению международных проектов. Эту функцию в последнее время пытается взять на себя недавно созданное Институтом "Восток-Запад" Агентство регионального развития. Однако

пока оно является скорее виртуальной структурой с не вполне ясными полномочиями.

Весьма расплывчатый характер имеют и другие региональные инициативы типа создания российско-инострannого (ФРГ) технополиса, так называемых еврорегионов — "Неман" (с участием Польши, Белоруссии и Литвы), "Сауле", "Балтика", "Северное измерение ЕС" и прочих. Интересы России и ЕС в этих и тому подобных проектах четко не просматриваются, а главное — не связаны единым замыслом. В целях исправления такого положения Калининградская область совместно с федеральным центром начала разработку стратегии развития области как региона сотрудничества между Российской Федерацией и ЕС на период до 2010 года (проект Калининградской области направлен в Правительство Российской Федерации 21 июня 2002 года).

Л.Н. Вдовиченко. Хотя Россия в целом позитивно относится к расширению ЕС, она не может игнорировать тот факт, что несет в результате этого процесса крупные экономические издержки. Так, после вступления в ЕС Австрии, Финляндии и Швеции в 1995 году ежегодный урон внешней торговли России составляет 350 млн. долларов. Это явилось прямым следствием налагаемых ЕС ограничений в этой области.

В связи с этим Правительство Российской Федерации представило в 1999 году Еврокомиссии список своих опасений, связанных с расширением ЕС. Они относятся к введению единого внешнего тарифа (на практике более жесткого, чем национальные); переориентации торговли новых стран — членов ЕС на внутренний рынок ЕС; расширению объема преференций в торговле на новые страны — члены ЕС, что может ударить по конкурентным позициям российских экспортеров; распространению единой аграрной политики на новые страны — члены ЕС, что закроет их для отечественного сельскохозяйственного экспорта; переходу новых стран — членов ЕС на технические стандарты ЕС, что станет жестким барьером на

пути ввоза в них машиностроительной продукции; распространению на эти страны антитрестовского и антидемпингового законодательства, что приведет к существенным убыткам для России; сокращению объемов военно-технического сотрудничества между Россией и этими странами; оттоку из России в страны Центральной и Восточной Европы иностранных инвестиций; обострению проблем жизнеобеспечения Калининградской области. В настоящий момент все эти вопросы рассматриваются в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС. Однако эти переговоры идут непросто. Возможно, для поиска компромиссов следует поднять их уровень.

А.П. Клемешев. Главными ресурсами развития Калининградской области являются квалифицированные кадры, развитая система подготовки, переподготовки и повышения их квалификации, развитая рыночная инфраструктура и рыночно ориентированный менталитет населения; налаженные связи с зарубежными партнерами; доступ на обширный российский рынок. Все это создает реальные предпосылки для реализации стратегии сотрудничества между Российской Федерацией и ЕС и превращения области в "пилотный регион" такого сотрудничества.

Ядро стратегии должен составить обновленный закон об ОЭЗ, предусматривающий федеральную и региональную ответственность, четкое распределение полномочий Калининградской области и федерального центра. Стратегия развития области уже сочетает сейчас и будет сочетать в еще большей мере в будущем четыре главных компонента.

Во-первых, будет обеспечено наиболее полное использование регионального природно-ресурсного и экономического потенциала в общероссийских и региональных интересах.

Во-вторых, область выступит в качестве региона сотрудничества Российской Федерации и ЕС, СНГ и других стран мира, других российских регионов.

В-третьих, область станет контактной территорией России в Европе. На ее территории будут отрабатываться механизмы интеграции и взаимодействия России и Евросоюза в XXI веке.

В-четвертых, сохранится функция обеспечения российских военно-стратегических интересов, поскольку Калининградская область является местом базирования Балтийского флота России.

Эти направления развиваются одновременно и дополняют друг друга, позволяя региону в сложных условиях переходного периода превратиться в устойчиво развивающуюся территорию в центре Европы.

С.В. Кортунов. Калининград призван стать контактным деловым центром — местом встреч предпринимателей Запада и Востока, обеспечивая на своей территории безвизовые или упрощенные визовые условия для проведения переговоров, семинаров, конференций, функционирование представительств западных фирм и торговых домов различных регионов России. В перспективе Калининградская область должна превратиться в финансовый, телекоммуникационный, консалтинговый центр по обслуживанию обширного спектра связей Восток — Запад для многих средних и малых городов, удаленных районов России, ориентированных на модель развития малого и среднего бизнеса. Это направление, которое обозначилось только в последнее время, является наиболее важным по возможному потенциалу. Оно способно преодолеть пространственный отрыв области от России, поскольку речь идет о технологиях, не требующих перемещения материальных объектов. Консалтинг не требует вещественных затрат и дает высочайшую прибыль. Интернет не знает границ. Финансовые потоки не связаны с перевозкой грузов. Именно это направление контактной территории Восток — Запад наиболее перспективно для экономики региона, наряду с развитием других отраслей сферы услуг.

Однако это приоритетное направление не может быть реализовано без немедленного устранения ряда отрица-

тельных характеристик области. Для этого мало обеспечить упрощенный визовый режим въезда. Необходимо построить несколько современных постоянно действующих конференц-центров и обеспечить им известность в стране и за рубежом, развить инфраструктуру отдыха и развлечений, создать развитую банковскую сеть, привлечь в регион деятельных и квалифицированных специалистов.

Область идеально подходит для создания демонстрационной площадки, сосредоточивающей на своей территории реальные действующие современные предприятия с новыми технологиями, оборудованием, организацией производства товаров широкого потребления и услуг. В этом плане большую поддержку могли бы оказать страны Балтийского региона, прежде всего Германия, Дания, Швеция, Польша, создавая на территории области предприятия-эталонны для ознакомления с ними широких кругов предпринимателей из самых разных регионов России.

П.С. Золотарев. Одна из проблем области состоит в том, что на государственном уровне не налажена работа по продвижению ее положительного образа в Европе. Более того, в ряде отечественных и зарубежных средств массовой информации искусственно создается негативный имидж региона. Имеющиеся достижения дискредитируются, а трудности возводятся в абсолюты. Вместо конструктивного обсуждения реальных предложений о путях решения действительно сложных экономических, социальных, демографических, экологических проблем провоцируется дополнительная социальная напряженность, создается образ конфликтного региона, не имеющего никаких перспектив развития. В отношении Калининградской области вновь получили хождение разного рода мифы и домыслы, и в прошлом распространяемые в различных целях, в том числе политических. Речь идет о следующем.

Первое. Россия якобы всерьез планирует в случае вероятного осложнения ее отношений с Западом и, в частности, второй волны расширения НАТО, разместить в регионе ядерное оружие.

Второе. В России рассматривается возможный сценарий обмена Калининградской области на немецкие долги, в частности в контексте последних договоренностей между В. Путиным и Г. Шредером о привлечении в счет этих долгов немецких инвестиций к акционированию крупных промышленных предприятий на территории области.

Третье. Калининградская область представляет собой зону повышенной криминальной опасности в России, что исключает возможность каких бы то ни было иностранных инвестиций в этот регион.

Четвертое. Правительство России пришло к выводу, что объявление области свободной экономической зоной не оправдало себя, превратило ее в один из каналов преступного импорта, и потому статус области должен быть пересмотрен.

Все это не имеет ничего общего с действительностью.

Полным абсурдом представляется возможность размещения ядерного оружия на территории области. Такое решение находилось бы в полном противоречии с обязательствами России по двустороннему договору с США о ракетах средней и меньшей дальности, а также с односторонним сокращением тактического ядерного оружия в Европе. Помимо всего прочего, Россия в настоящий момент не располагает техническими возможностями для возобновления производства ядерных ракет средней, меньшей или малой дальности.

Сообщения западных СМИ, в частности британской газеты "Дейли телеграф" (февраль 2001 года), относительно обмена Калининградской области на немецкие долги были в категоричной форме опровергнуты губернатором области В. Егоровым, а также официальными лицами как России (представитель МИД России в Калининградской области А. Кузнецов), так и Германии (пресс-атташе германского посольства в Москве). В частности, с немецкой стороны подчеркивалось, что подобные домыслы являются полным бредом и что Германия навсегда отказалась от каких бы то ни было претензий на Калининградскую область. Такого

рода оценки подтверждаются весьма авторитетными представителями делового сообщества ФРГ (например, уполномоченным бургомистра Берлина по экономическим контактам с Восточной Европой господином Э. Пиротом).

Что касается представления о том, что Калининградская область является зоной повышенной криминогенной опасности, то оно также ошибочно: по официальной российской статистике уровень преступности в области не превышает среднего по стране.

Наконец, в настоящий момент по поручению Президента России В. Путина Правительство Российской Федерации приступило не к пересмотру экономического статуса области, а к его уточнению, особенно в связи с предстоящим расширением Евросоюза. Основанием для домыслов о пересмотре экономического статуса области явилось скорее всего распоряжение Государственного таможенного комитета Российской Федерации (март 2001 года), согласно которому предприятия Калининградской области, адресующие свои товары и услуги остальной части России, должны платить НДС и акцизы. Это распоряжение, однако, было в апреле 2001 года приостановлено, а затем и отменено решением Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

На высшем государственном уровне статус Калининградской области как свободной экономической зоны не подвергается сомнению. Так, в начале февраля 2001 года руководитель Счетной палаты Российской Федерации С. Степашин подтвердил, что область, по его представлению, могла бы стать аналогом свободных экономических зон Китая, где сохраняется суверенитет КНР с особыми экономическими льготами для соседних стран, или британского Гибралтара, где сохраняется крупнейшая военноморская база Великобритании и главный штаб ее ВМС в

Средиземном море (те же функции выполняет и Калининград в отношении Балтийского военно-морского флота).

Ф.И. Ладыгин. Информационная война, которая велась в отношении Калининградской области постоянно и в настоящий момент лишь приобрела особый масштаб, связана в первую очередь со столкновением различного рода интересов в Балтийском регионе. В частности, нельзя исключать попыток определенных сил в США сделать область проблемой российско-германских отношений. Долгосрочные планы и приоритеты других промышленно развитых стран кристаллизуются сейчас в связи с предстоящим расширением ЕС. Не последнюю роль здесь играет и столкновение — прямое или косвенное — экономических интересов американских и европейских (в первую очередь немецких) транснациональных корпораций.

В создавшейся ситуации, как представляется, России следует форсировать уточнение экономического статуса области, что должно быть подкреплено соответствующим законодательством и серьезными правительственными гарантиями, разработанными по международным стандартам. В этом случае Калининградская область получит шанс стать своего рода "воротами" для иностранных инвестиций в российскую экономику в целом. Одновременно должна быть разработана и реализована специальная информационно-пропагандистская компания по продвижению позитивного образа области в Европе и в мире в целом.

С.В. Кортунов. После решения в принципе в ходе состоявшегося саммита между Россией и Евросоюзом вопроса о транзите через территорию Литвы и Польши еще более остро встал вопрос о нашей стратегической линии в отношении развития Калининградской области и ее месте

в сотрудничестве с ЕС. От политических заявлений о партнерстве пора перейти к реальным практическим шагам.

Специфика российской федеральной политики по отношению к Калининградской области должна заключаться в поддержке функции сотрудничества и содержать следующие важнейшие компоненты.

Во-первых, гарантии исполнения Федеральной целевой программы развития Калининградской области на период до 2010 года.

Во-вторых, гарантии стабильности статуса особой экономической зоны в Калининградской области. Речь идет о принятии новой редакции федерального закона об ОЭЗ в Калининградской области, отражающей европейскую и мировую тенденцию развития, направленную на обеспечение большей свободы перемещения товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов, и согласовании с его положениями других законодательных актов (особенно Таможенного и Налогового кодексов). Этот новый документ не должен ухудшать условия хозяйственной деятельности в регионе по сравнению с действующим законом. В нем должны быть учтены условия ожидаемого вступления России в ВТО таким образом, чтобы имели шанс развиваться созданные в области импортозамещающие производства; целесообразно предусмотреть стимулирование инвесторов, вкладывающих средства в реализацию федеральной целевой программы и других крупных инвестиционных проектов. В целях обеспечения гарантий инвесторам следует проработать вопрос о реализации современной версии иностранных концессий, а также добиваться освобождения товаров, произведенных в Калининградской области, при их ввозе на территорию ЕС от всех видов таможенных платежей и тарифных ограничений.

Предстоит обеспечить постоянное совершенствование и обновление федеральной целевой программы развития области с учетом проблем, возникающих в связи с движением ЕС на восток и вступлением России в ВТО, возможного негативного влияния этих процессов на Калининградскую область и Россию в целом при отсутствии должной гармонизации процессов экономического развития региона с интеграционными процессами в Евросоюзе. Целесообразно предусмотреть федеральное финансирование связанных с этим дополнительных затрат предприятий и организаций области.

В-третьих, следует изучить и реализовать предложения по формированию инвестиционно-финансовой корпорации, гарантийного фонда или иных структур, предположительно международных, обеспечивающих финансирование федеральной целевой программы и иных инвестиционных проектов, реализуемых в регионе. Создание соответствующей структуры необходимо на нынешнем этапе формирования регионального рынка для стимулирования этого процесса и привлечения инвестиций. В учреждении корпорации (фонда) целесообразно участие федеральных и региональных органов государственной власти, муниципалитетов, крупных отечественных и зарубежных инвестиционных банков, возможно, представителей Еврокомиссии и других.

В-четвертых, для привлечения внимания отечественных и зарубежных предпринимателей к региону в Калининграде важно было бы провести в течение 2003 года крупномасштабную международную выставку "Калининградская область — регион сотрудничества России и ЕС в XXI веке". В эти мероприятия должны быть вовлечены как уже имеющиеся совместные предприятия области, так

и потенциальные российские и западноевропейские инвесторы.

В-пятых, целесообразно предусмотреть федеральное руководство реализацией программы. Поскольку федеральная целевая программа отражает федеральные интересы, ее заказчиком фактически является Правительство, которое и должно нести ответственность и руководить исполнением программы. Необходимо создать координирующие органы по вопросам Калининградской области — и со стороны федерального центра (например, Совет по Калининградской области при Президенте Российской Федерации), и со стороны ЕС.

Одним из ключевых элементов стратегического решения проблемы Калининградской области могло бы стать строительство крупного многопрофильного выставочно-делового комплекса Калининградской области ("Евро-ЭКСПО") в период с 2005 по 2010 год.

Создание в центре Европы такого комплекса, как представляется, отвечало бы трем главным группам имеющих в области интересов: всероссийским, областным и общеевропейским.

С точки зрения Российской Федерации, организация подобной выставки позволила бы сделать область своего рода "витриной" российских регионов в Европе, привлечь в страну крупные зарубежные инвестиции, сделать весь регион в самом деле "пилотным" в экономическом сотрудничестве с ЕС, соединительным звеном в интеграционном сближении России и расширяющегося Евросоюза. В политическом плане эта мера могла бы "компенсировать" наше поражение по вопросу об ЭКСПО-2010, стать крупной имиджевой программой для России. Она полностью отвечала бы духу и букве всех основополагающих документов

федерального уровня в отношении Калининграда, принятых Россией, включая закон об особой экономической зоне и Федеральную целевую программу развития Калининградской области на период до 2010 года, а также соглашениям, заключенным между Россией и ЕС. Само начало реализации подобной программы раз и навсегда положило бы конец каким бы то ни было разговорам о региональном сепаратизме.

Проведение "Евро-ЭКСПО" способствовало бы удовлетворению и основного интереса области — ускоренному социально-экономическому развитию региона, строительству и модернизации базовой инфраструктуры, (транспорт, телекоммуникации, энергетика), привлечению отечественных инвесторов, технологий, потоков товаров и услуг, сближению уровня жизни жителей области и соседних с ней стран, решению социальных вопросов области: открытию новых рабочих мест, трудоустройству увольняемых в запас военнослужащих, строительству жилья и объектов социального назначения. По сути дела, речь идет о строительстве нового современного города-спутника с сохранением нынешнего Калининграда как исторического центра. Проведение первой российско-европейской выставки в 2005 году и строительство Экспоцентра, в котором примут участие многие страны Евросоюза, будет содействовать нахождению взаимоприемлемых решений по транзитным и другим вопросам Калининградской области в условиях расширения ЕС и НАТО.

Выставка была бы выгодна и странам Евросоюза, так как позволила бы использовать Калининградскую область как связующее звено в экономических связях с Россией, предотвратить возникновение в центре процветающей Европы очага экономической, социальной, экологической и

в конечном счете политической напряженности. "Евро-ЭКСПО" позволила бы наполнить практическим содержанием продекларированную на политическом уровне концепцию стратегического партнерства между Россией и ЕС. Предварительная проработка показала заинтересованность деловых кругов Европы в продвижении этой программы.

Строительство подобного Экспоцентра потребует привлечения инвестиций ориентировочно в размере 300 млн. долларов. Дополнительные средства необходимо будет вложить в модернизацию транспортной инфраструктуры, системы коммуникаций, энергетики, сектора обслуживания (гостиницы, рестораны, здравоохранение, банковская система, страхование и так далее).

Выставка, проводимая ежегодно, могла бы быть совмещена со столь же крупномасштабным инвестиционным конгрессом. В этих целях в Калининградской области при поддержке регионального руководства должен постоянно функционировать соответствующий исполнительный орган с необходимыми полномочиями федерального центра. Строительство Экспоцентра должно приобрести статус президентской программы, для чего должны быть сделаны соответствующие заявления и приняты необходимые документы.

Весь проект должен осуществляться под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

В.К. Каитоп. Я расскажу о культурных задачах Калининградской области.

Еще немецкий философ Гердер заметил, что для народов Северной Европы Балтийское море по своему культуросозидающему значению сыграло роль Средиземного. Благодаря янтарю прусское побережье стало известно грекам и римлянам, и какая бы народность ни жила на

этих берегах, — писал философ, — она занималась художественным ремеслом и торговлей. Народы тасовались, славян вытеснили германцы, потом на Балтике утвердилась Российская империя, Кенигсберг был то немецким, то русским (Кант какое-то время был подданным императрицы Елизаветы), то снова немецким, и опять русским, но открытость миру определяла поведение жителей Балтики. Эта постоянная взаимопереплетенность народов балтийского побережья и есть та реальность, из которой надо исходить, строя культурную политику региона.

Сегодня говорят, что социально-культурные аспекты развития Калининградской области специфичны в силу переселенческого характера населения области, ее пространственной изолированности от основной части страны и соседства со странами, относящимися к западной цивилизации. Здесь существуют сложные проблемы, но имеются и возможности получения нового опыта решения не только настоящих, но и будущих проблем с учетом налаживания в регионе взаимовыгодного международного сотрудничества. Опасаются также, что усилится противоборство цивилизаций на новой восточной границе ЕС, что Калининградская область, окруженная странами Евросоюза, станет эпицентром возможных столкновений. Есть и другое общее ощущение — что во все большей мере будет преобладать взаимопроникновение цивилизаций, и Калининградская область превратится в регион сотрудничества России и ЕС как пример для других приграничных регионов с обеих сторон. Ответ на эти вопросы крайне важен для определения будущего Европы.

Каковы же на самом деле перспективы и задачи, которые необходимо ставить и решать?

Осознать себя как часть культурного Балтийского региона, не как случайных и временных насельников, а как органическую и долговременную константу этой части Северной Европы — такова задача Калининградской области. Немало европейских стран еще не вошли в ЕС, но от этого они не перестали быть представителями европейской культуры. И именно в сфере культуры Калининградская область должна показать и проявить, открыть в себе, в своей земле, в своем географическом положении свою европейскую сущность. Речь должна идти о восстановлении культурного европеизма, об органичной, если так можно сказать, европеизации калининградцев, которые уже потому, что являются частью России, тем более северной России, есть по сути своей жители Европы. При такой установке не может возникнуть даже мысли о возможном сущностном конфликте российского и западного варианта европейской цивилизации. Мелкие конфликты и противоречия, конечно же, неизбежны, но разрешение их всегда приводит к плодотворным результатам.

Можно предложить несколько моделей, или кругов проблем, связанных между собой и, в сущности, равнозначных по важности. Однако у калининградцев есть своя специфика — немецкое прошлое, сохранившееся даже в инфраструктуре ряда городов, поэтому предлагаемый путь европеизации должен опираться на бургерский опыт Европы.

Первое. Начнем с рекреационной модели, которая требует построения сети гостиниц, доступных не только чиновничеству, крупным бизнесменам или новым русским, но и широкому слою российских обывателей, а также обывателей иных прибалтийских стран — Литвы, Польши, Германии и так далее. Это должны быть уютные, маленькие,

может быть, семейные гостиницы, сравнительно дешевые. Их адреса и данные о них должны быть в Интернет-сети. В результате возникнут новые рабочие места в сфере обслуживания, что поможет решению социальных проблем региона.

Гостиницы требуют развития рядом с собой структур отдыха — дансингов, дискотек, кафе, фитнес-центров, клубов по интересам — на разные вкусы, начиная с молодежной субкультуры и кончая безусловной ориентацией на среднюю семейную образованную прослойку россиян и жителей прибалтийских стран, приезжающих сюда на отдых. Также должны возникнуть в большом количестве разнообразные услуги для отдыхающих на море.

Такого рода инфраструктура требует европейского состояния дорог — первого показателя цивилизованности, а также строгого соблюдения правил уличного движения.

Калининградская область обладает сохранившейся местами парковой структурой. Развитие садово-парковой зоны является необходимым моментом рекреационной модели.

Все это требует развития мелкого и среднего бизнеса, ориентации на него, что, кстати, позволит использовать и легализовать значительную часть теневого капитала, который составляет до 90 процентов дохода. Не менее важным обстоятельством будет вовлечение в этот бизнес большого количества молодежи, возрастет занятость этой наиболее трудной части народонаселения. Существенна область янтарного художественного промысла, что, разумеется, связано с проблемой отдыха и отдыхающих из разных стран.

Второе. Далее очевидной представляется консалтинговая модель. Она требует построения бизнес-центров, где

протекала бы деловая жизнь области. Причем центры эти должны быть рассчитаны как на крупных партнеров, так и на контакт с мелкими фирмами. Что очень важно, надо усиливать контакты не только с зарубежными партнерами, но прежде всего с пограничными российскими районами, входящими в балтийский ареал, чтобы иметь цельную и мощную структуру российской балтийской зоны. Здесь нужны контакты не только с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, но и с Карелией, Новгородом Великим и так далее.

Третье. Разумеется, в этом должна помочь образовательная модель, тем более что имеется мощная база Калининградского университета, Альбертины, с давними традициями, которые возрождаются. Развивая, с одной стороны, историко-культурную память, связывающую данное "месторазвитие", то есть Калининградскую область, с его прошлым, что не может не обогащать духовную жизнь Калининграда, с другой стороны, университет обладает мощными современными компьютерными технологиями, обеспечивающими прямой и быстрый контакт с окружающим миром. Очевидно, необходимо ставить вопрос о языковом образовании, ибо владение одним иностранным плюс русским (билингвизм), а то и большим количеством иностранных языков, неминуемо станет жизненной, даже житейской потребностью и реальностью жителей Калининградской области.

Университет поможет созданию и поддержанию элитарной культуры, которая помимо культуры массовой является необходимой компонентой современного развивающегося общества. Элитная, "высоколобая" культура поддерживает и сохраняет уровень современных технологий и художественной жизни. Университет может стать первой

площадкой для приглашенных деятелей культуры — писателей, философов, художников, наиболее интересных бардов.

Четвертое. Чрезвычайно важной является религиозная модель. Калининград, имеющий на сравнительно небольшой территории по меньшей мере три христианских конфессии (а вовне и рядом — католические Литву и Польшу, протестантскую Германию и т. п.), предрасположен к проведению осознанной и активной экуменической политики. Перенимая опыт реформ Петра I, необходимо помнить его завет, что для торгового и поликультурного города также нужна укорененная в жизни и сознании жителей идея толерантности, без которой все попытки сделать область модельной зоной европеизации обречены на провал.

Пятое. Очевидно, что в условиях такой европеизации село все больше и больше должно перенимать из города современные технологии, выходя на прямую связь с маленькими гостиницами, кафе и ресторанами, возвращаясь к довоенному уровню сельского хозяйства. Эту модель можно обозначить как своеобразное слияние города и деревни, когда-то провозглашенное коммунистической пропагандой, но не осуществленное при советской власти. Вместе с тем это движение города и села навстречу друг другу, выработка общей инфраструктуры есть естественный и закономерный процесс европейской жизни.

Шестое. Для развития международных контактов в области культуры необходимы фестивали искусств — не только массовые зрелища, но и мероприятия, связанные с приглашением представителей элитарной культуры. Сюда, очевидно, подключаются и спортивные фестивали, такие зрелищные мероприятия, как, скажем, парусная регата,

которая ранее проводилась в Таллинне. Эту инициативу надо перехватить.

Очевидно, однако, что решение всех этих социально-культурных задач зависит не только от местных усилий, но и от финансирования области центром. Как представляется, жалеть деньги в данной ситуации было бы политически и экономически неразумно. Выгода от расцвета Калининградской области скажется на развитии всех федеративных новаций, ибо будет реальный пример самостоятельной европеизации региона и интеграции его в общеевропейскую структуру.

А.П. Клемешев. И политика России, и политика ЕС — это политика партнерства и сотрудничества. Калининградская область в силу своего географического положения должна стать регионом сотрудничества России и Европейского союза, где интеграционные процессы, взаимовыгодное сотрудничество в сферах экономики, культуры, экологии будут развиваться особенно активно.

Региональная стратегия должна заключаться в развитии Калининградской области как региона сотрудничества Российской Федерации и ЕС. Реализация этой стратегии, разработанной в регионе, должна быть поддержана на федеральном уровне, а также путем заключения специального соглашения между Россией и ЕС.

При формулировании целей федеральной политики с учетом эксклавного положения области в большей мере, чем это касается других российских регионов, должна учитываться внешняя политика России. Специфика российской федеральной политики по отношению к Калининградской области должна заключаться в поддержке функции сотрудничества.

Главная ближайшая задача заключается в том, чтобы обеспечить скорейшее принятие изменений и дополнений в закон об ОЭЗ, отражающих европейскую и мировую тенденцию развития, направленную на обеспечение большей свободы перемещения товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов. Предстоит обеспечить постоянное совершенствование и обновление федеральной целевой программы развития области с учетом проблем, возникающих в связи с движением ЕС на восток и вступлением России в ВТО. Необходимо разработать систему защиты интересов региона с учетом возможного негативного влияния этих процессов на Калининградскую область и Россию в целом из-за несовпадения их темпов при отсутствии должной гармонизации процессов экономического развития региона с интеграционными процессами в Евросоюзе. Целесообразно предусмотреть федеральное финансирование связанных с этим дополнительных затрат предприятий и организаций области.

На международном уровне необходимо повысить уровень переговоров между Россией и ЕС в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, активно привлекать калининградских экспертов к обсуждению вопросов регионального развития.

Должно быть заключено соглашение между Российской Федерацией и ЕС о жизнеобеспечении Калининградской области. В соглашении должны предусматриваться взаимные обязательства сторон по обеспечению свободы передвижения между областью и основной частью страны, отработке интеграционных механизмов, участию в совместных проектах, сотрудничеству в сферах культуры, образования, экологии и так далее. Инициатива заключения такого соглашения должна принадлежать России.

В целях гармонизации федеральных, региональных и международных интересов в Калининградской области целесообразно создание специального международного аналитического центра со штаб-квартирой в Калининграде. Целесообразно создать международную группу квалифицированных юристов, которая занималась бы состыковкой европейских и российских правовых норм в целях формирования в Европе единого правового пространства. Построить несколько постоянно действующих международных конференц-центров в Калининграде, усилить роль Агентства регионального развития и его взаимодействие с областными органами власти. Добиваться распространения на Калининградскую область международных программ ФАРЕ, САПАРД, ИСПА и других.

Для оперативного решения возникающих вопросов экономического и культурного сотрудничества сформировать представительство Калининградской области Российской Федерации в ЕС (в Брюсселе) и представительство ЕС в Российской Федерации (в Калининграде).

**Об итогах
работы Экспертного совета Комитета Совета Федера-
ции
по международным делам в 2002 году**

I. О направлениях деятельности Экспертного совета.

Свои заседания Экспертный совет начал проводить в марте 2002 года. Проведено шесть заседаний совета. В повестке дня нашли место актуальные вопросы, связанные с последствиями для России кардинальных перемен в мире. Следует отметить, что в изменившихся условиях основное внимание в дискуссиях и документах члены совета уделили поиску и нахождению оптимальных, по их мнению, возможностей для страны занять ту или иную позицию в ответ на внешние вызовы.

Круг интересов и тематика дискуссий варьировали достаточно широко — от проблем в российско-американских отношениях, шансов России в случае ратификации Киотского протокола, так называемого калининградского вопроса, до поиска идентичности для современной России.

Одним из основных являлся вопрос о разработке проекта федерального закона о совершенствовании действующего порядка координации принятия и реализации государством решений в сфере внешней политики и международных отношений.

II. Об основных материалах Экспертного совета.

В качестве одного из конкретных примеров вклада Экспертного совета в работу Совета Федерации на внешнеполитическом направлении стоит упомянуть подготовку проекта записки Президенту Российской Федерации, а также инициативного информационно-аналитического материала для членов Совета Федерации по проблемам российско-американских отношений. Эти документы были распространены в апреле 2002 года — в канун двусторонней встречи в верхах в Москве.

Обсуждение тематики, связанной с ратификацией Киотского протокола, заняло значительное место в работе совета, явилось одним из примеров внимания к экономическим последствиям для страны ее международной экологической политики. При этом особое внимание было уделено всем "за" и "против" в контексте национальных интересов России, содержащимся в положениях документа. Соответствующая информация по этому вопросу была направлена в мае 2002 года Председателю Совета Федерации.

Экспертный совет большое внимание уделил постановке и поиску позитивных для России решений по таким проблемным вопросам как использование в интересах большинства россиян огромного земельного ресурса страны (в апреле совместно с Фондом имени Конрада Аденауэра проведена Международная конференция по совершенствованию земельного кадастра в Российской Федерации); "Ислам в контексте диалога цивилизаций" (международный семинар — декабрь); "Историко-правовые аспекты российской идентичности" ("круглый стол" — декабрь); "Российская модель экономического и экологического глобализма" — аналитический доклад (в том числе на английском и французском языках), который получил широкий общественный резонанс внутри страны и за рубежом.

В ноябре Экспертным советом подготовлен материал по проблеме противодействия международному терроризму.

В декабре рабочая группа Экспертного совета издала аналитический доклад о "Механизме координации принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации". В нем предлагается концепция соответствующего законопроекта. Доклад разослан в адрес всех заинтересованных ведомств, в январе 2003 года намечено его обсуждение на заседании Экспертного совета.

Также в декабре состоялся выпуск материала по проблемам Калининградской области в связи с расширением ЕС и процессом общеевропейской интеграции. Упомянутый документ явился итогом работы международной конференции, прошедшей с участием членов Экспертного совета в Калининграде. В документе содержится комплекс предложений, которые направлены на преодоление неблагоприятных условий, осложняющих положение и развитие этого российского региона.

Подготовлен авторский материал члена Экспертного совета академика РАЕН В.С. Голубева по использованию в рамках "Программы развития ООН" индексов социоприродного развития государств.

На декабрьском заседании Экспертного совета — заключительном заседании 2002 года — обсужден проект плана его работы в 2003 году.

**СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**РОССИЯ В НОВОМ ВЕКЕ:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Материалы представлены
Аналитическим управлением
Аппарата Совета Федерации

Оригинал-макет и диапозитивы подготовлены
Издательским отделом Управления делами
Аппарата Совета Федерации

Формат 84x108/32. Усл.печ.л. 41,16. Тираж 500 экз. Заказ № 123
Отпечатано в типографии "АС Плюс"
103031, Москва, ул. Петровка, 17